DБ
400
С30

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

РАСПЛАТА

И, проходя, увидѣлъ человѣка слѣпого отъ рожденія.

Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрѣшилъ, онъ или родители его, что родился слѣпымъ?

Іоанна IX, 1—2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Т-ва М. О. Вольфъ
Спб., В. О., 16 лин., 5-7, с. д.
1907

ГПИБ России
10077739

ГПИБ России
ПОЛУЧЕНО
1801
1/5 1922

Отъ автора.

«Расплата», еще въ то время, какъ она печаталась въ видѣ ряда фельетоновъ въ газетѣ «Русь» (въ настоящей своей редакціи она значительно мною пополнена противъ первоначальной)—вызвала въ печати нѣсколько статей и замѣтокъ, авторы которыхъ обыкновенно называли ее «воспоминаніями».

Не могу воздержаться, чтобы не протестовать противъ такой характеристики моего труда. «Расплата» не есть «воспоминанія», а переданный въ литературной обработкѣ «дневникъ» очевидца, и въ этомъ вся ея цѣнность, какъ историческа о материала. Я велъ этотъ дневникъ съ 17 января 1904 г. до 6 декабря 1906 г. (и даже дальше) изо дня въ день, а въ дни особо знаменательные—изъ часу въ часъ. Все, о чемъ я разсказываю, основано на записяхъ, сдѣланныхъ *тогда-же*: — часы и минуты записаны въ самый моментъ совершавшагося событія; настроеніе, господствовавшее въ данный моментъ, непосредственно вслѣдъ затѣмъ и отмѣчено; даже разговоры, отдѣльныя замѣчанія—и тѣ заносились въ дневникъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ (конечно, въ сжатой, отрывистой формѣ).

Мнѣ приходится особенно настаивать на томъ, что въ «Расплатѣ» нѣтъ ничего, разсказаннаго «на память» (конечно, есть примѣчанія, есть поясненія, но всегда съ оговоркой, что тѣ или иныя свѣдѣнія получены позже), особенно настаивать на ея характерѣ «дневника» потому, что изъ личнаго опыта я могъ убѣдиться (и неоднократно) какъ обманчивы «воспоминанія». Въ бою—тѣмъ болѣе. Неразъ, перечитывая собственныя свои

замѣтки, я, если можно такъ выразиться, самъ себя уличалъ, обнаруживалъ, что совершенно опредѣленное представленіе о подробностяхъ того или иного момента, очевидно, создавшееся подъ вліяніемъ (подъ внушеніемъ) разсказовъ, слышанныхъ впослѣдствіи, оказывалось въ противорѣчіи съ записью, сдѣланной en flagrant délit, но стоило лишь прочесть эту короткую, въ нѣсколько словъ, замѣтку, чтобы въ памяти вновь ярко возстала дѣйствительная картина происшедшаго.

Позволю себѣ привести здѣсь примѣръ того, какъ основательно можно забыть подробность, не только не оставленную, въ свое время, безъ вниманія, но даже отмѣченную, тогда же и собственноручно, въ записной книжкѣ.

Японцы въ оффиціальномъ описаніи боя при Цусимѣ (14 мая 1905 г.) упоминаютъ, что въ 4 ч. 40 м. пополудни (по нашимъ часамъ въ 4 ч. 20 м., т. к. они считали время по меридіану Кіото, а на эскадрѣ — по меридіану полуденнаго мѣста передъ боемъ) отрядъ ихъ дестройеровъ подъ командой кап. 2 ранга Судзуки атаковалъ вышедшій изъ строя, объятый пожаромъ «Суворовъ», при чемъ одна изъ выпущенныхъ имъ минъ попала въ кормовую часть броненосца съ лѣвой стороны, и онъ накренился градусовъ на 10. Никто изъ лицъ, снятыхъ съ «Суворова» на «Буйный», не помнили о такомъ взрывѣ и прямо отрицали самую возможность его, утверждая, что подобный фактъ не могъ бы пройти незамѣченнымъ ими, несмотря даже на тотъ адскій разстрѣлъ, которому въ то время подвергался «Суворовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленными свидѣтельскими показаніями офицеровъ и команды «Буйнаго» было установлено, что когда миноносецъ подходилъ къ «Суворову», то послѣдній «имѣлъ кренъ на-лѣвую, приблизительно, градусовъ 10, если не болѣе». Снятые съ «Суворова» офицеры и нижніе чины подтверждали эти показанія, такъ какъ всѣ хорошо помнили, что безчувственнаго адмирала удалось сбросить на миноно-

сецъ по спинамъ людей, цѣплявшихся за обухи и кронштейны, расположенные по ватеръ-линіи праваго борта, которая въ то время была высоко надъ водой. — Когда-же появился этотъ кренъ? Правы ли японцы, приписывая его происхожденіе взрыву мины, возможность котораго отрицаютъ люди, бывшіе на самомъ броненосцѣ, или онъ явился слѣдствіемъ течи по стыкамъ броневыхъ плитъ и по швамъ обшивки лѣваго борта, подставленнаго подъ градъ японскихъ фугасныхъ снарядовъ?.. Никто изъ очевидцевъ не могъ «вспомнить», установить, хотя бы приблизительно, моментъ появленія крена. Слѣдуетъ замѣтить, что насъ опрашивали черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ боя. Я самъ долго думалъ, пытался возстановить послѣдовательность событій въ своей памяти... и чистосердечно отвѣтилъ — «Не помню» — а вернувшись къ себѣ и пересматривая листки моихъ лаконическихъ записей во время самаго боя, прочелъ:—«*3 ч. 25 м. пополудни. Сильный кренъ на-лъвую; въ верхней батареѣ большой пожаръ*». Сразу же все вспомнилось. Не будь этой записи, удостовѣрявшей, что кренъ былъ уже въ 3 ч. 25 м., т. е. за часъ до момента минной атаки, удачѣ которой японцы приписываютъ его появленіе,—я, можетъ быть, присоединился бы къ мнѣнію тѣхъ, которые полагали, будто въ горячкѣ боя можно было не замѣтить миннаго взрыва.

Не буду хвастать моей памятью (хотя многіе находятъ, что Богъ не обидѣлъ меня этимъ свойствомъ), но и для любого человѣка казалось бы страннымъ такъ основательно забыть фактъ, не только имъ замѣченный, но и записанный тогда же.

Вотъ почему я подчеркиваю то обстоятельство, что «Расплата»—не воспоминанія, а дневникъ.

Не скрою: неразъ, подъ впечатлѣніемъ свѣдѣній, полученныхъ позже, у меня являлось искушеніе выпустить то или иное мѣсто, не приводить оцѣнки того или иного событія, которую давали ему *мы, тамъ и тогда*, — но я воздер-

живался. Я говорилъ себѣ: — Это было. Мы такъ думали, такъ понимали. Пусть заблуждались, но это заблужденіе ложилось въ основу настроенія массъ и, несомнѣнно, сказывалось въ дальнѣйшемъ развитіи ихъ дѣятельности.—Развѣ я взялся писать исторію войны?—Нѣтъ.—Цѣль моего труда—дать читателямъ правдивое описаніе того, что пережилъ одинъ изъ ея участниковъ, заботливо, тогда же, на мѣстѣ, заносившій въ свой дневникъ все, доступное его наблюденію.

До сихъ поръ ни одинъ изъ соплавателей, ни одинъ изъ боевыхъ товарищей не обратился ко мнѣ съ пожеланіемъ внести какія-либо поправки въ мое изложеніе. Были возраженія, но они исходили отъ лицъ, пишущихъ исторію по порученію начальства и на основаніи оффиціальныхъ реляцій въ тиши своихъ кабинетовъ. Съ ними я спорить не буду.

Вл. Семеновъ.

К44 4/114

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОРТЪ-АРТУРЪ

I.

Отъѣздъ изъ Петербурга. — Въ сибирскомъ экспрессѣ. — Первыя вѣсти о войнѣ. — Прибытіе въ Портъ-Артуръ.

— Ну, вотъ. Добились своего. Теперь ужъ нечего разговаривать. Дай Богъ, въ добрый часъ!..—говорилъ адмиралъ, прощаясь со мною, и уже въ дверяхъ скороговоркой добавилъ:—Послушайте совѣта: не суйтесь, зря. Судьба вездѣ найдетъ. Если само начальство вызываетъ охотниковъ,—значитъ надо, а безъ этого—свое дѣло хорошенько дѣлайте, и довольно. Выскакивать нечего. Погибнуть нетрудно и не страшно, но погибать, зря—глупо!

Проведя почти всю службу (за исключеніемъ двухъ лѣтъ въ академіи) въ плаваніяхъ на Дальнемъ Востокѣ, я осенью 1901 г. получилъ предложеніе занять мѣсто адъютанта штаба кронштадскаго порта, соединенное съ должностью адъютанта главнаго командира по его званію военнаго губернатора. Не смотря на нелюбовь къ береговымъ штабамъ и канцеляріямъ, нелюбовь, взрощенную долгой службой исключительно въ строю, т. е. на водѣ, я согласился, и даже охотно, такъ какъ въ то время главнымъ командиромъ въ Кронштадтѣ былъ вице-адмиралъ С. О. Макаровъ.

Не берусь давать здѣсь характеристики покойнаго адмирала, такъ трагически погибшаго въ тотъ именно моментъ, когда, наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ борьбы съ людьми, упорно тормозившими всѣ его начинанія, злорадно „совавшими палки въ колеса“,—онъ получилъ возможность безъ помѣхи, неся отвѣтственность только передъ Государемъ Императоромъ, отдать на пользу родинѣ свои способности, умъ и неутомимую энергію. Его дѣла—достояніе исторіи.

Я лично не обманулся въ моихъ ожиданіяхъ. Служить съ адмираломъ было нелегко; приходилось частенько не доѣдать

и не досыпать, но въ общемъ жилось хорошо. Отличительной чертой его характера (которой я восхищался) являлась вражда ко всякой рутинѣ и, положительно, ненависть къ излюбленному канцелярскому пріему—„гнать зайца дальше“—т. е. во избѣжаніе отвѣтственности за рѣшеніе вопроса сдѣлать на бумагѣ (хотя бы наисрочной) соотвѣтственную надпись и послать куда-нибудь въ другое мѣсто „на заключеніе“ или „для справки“.

Единственные случаи, когда на моихъ глазахъ адмиралъ терялъ самообладаніе и лично, или по телефону, отдавалъ портовымъ чинамъ приказанія въ рѣзкой формѣ, дѣлалъ выговоры, грозилъ отвѣтственностью за бездѣйствіе и проч.—это бывало именно тогда, когда обнаруживалось съ чьей-нибудь стороны стремленіе „гнать зайца дальше“, или утопить какое-нибудь требованіе въ массѣ справокъ.

Нечего и говорить, что я, какъ „прирожденный строевой“, глубоко сочувствовалъ такому настроенію *моего* начальства и готовъ былъ служить ему по мѣрѣ силъ. Словомъ—какъ я уже говорилъ—*жилось* хорошо.

Но вотъ, осенью 1903 года, въ воздухѣ запахло войной, и, не смотря на весь интересъ тогдашней моей службы, я заволновался и сталъ проситься туда, гдѣ родная мнѣ эскадра готовилась къ бою.

Адмиралъ съ перваго раза принялъ меня „въ штыки“, но я тоже ощетинился и настаивалъ на своемъ. Адмиралъ требовалъ убѣждать, говорилъ, что если война разразится, то это будетъ упорная и тяжелая война, и за время ея „всѣ мы тамъ будемъ“, а потому торопиться нечего: здѣсь тоже дѣла будетъ по горло, и въ такой моментъ адъютантъ уходить не имѣетъ права. Я не сдавался и возражалъ, что если во время войны окажусь на береговомъ мѣстѣ, то любой офицеръ съ успѣхомъ замѣнитъ меня, такъ какъ я вмѣсто дѣла буду только метаться по начальству и проситься на эскадру.

За такими спорами раза два-три чуть не дошло до серьезной размолвки. Наконецъ адмиралъ сдался, и 1 января 1904 г. послѣдовалъ приказъ о моемъ назначеніи старшимъ офицеромъ на крейсеръ „Бояринъ“. Еще двѣ недѣли ушло на окончаніе срочныхъ дѣлъ, сдачу должности, и прощанье, съ котораго я началъ эту главу, происходило уже 14 января.

Въ Петербургѣ, являясь передъ отъѣздомъ по начальству, я былъ конечно у адмирала Р. и послѣ обмѣна официальныхъ

фразъ не удержался спросить: что онъ думаетъ? будетъ-ли война?

— Не всегда военныя дѣйствія начинаются съ пушечныхъ выстрѣловъ!—рѣзко отвѣтилъ адмиралъ, глядя куда-то въ сторону.—По моему война уже началась. Только слѣпые этого не видятъ!..

Я не счелъ возможнымъ спрашивать объясненія этой фразы,—меня поразилъ сумрачный, чтобы не сказать сердитый, видъ адмирала, когда онъ ее выговорилъ. Видимо, мой вопросъ затронулъ больное мѣсто, и въ раздраженіи онъ сказалъ больше, чѣмъ хотѣлъ или чѣмъ считалъ себя въ правѣ сказать...

— Ну, а все-таки, къ первымъ выстрѣламъ поспѣю?

Но адмиралъ уже овладѣлъ собой и, не отвѣчая на вопросъ, дружески желалъ счастливаго пути.

Пришлось откланяться.

На тотъ же вопросъ добрые знакомые изъ министерства иностранныхъ дѣлъ отвѣчали: „Не безпокойтесь—поспѣете:—*до апрѣля затянемъ*“...

Я выѣхалъ изъ Петербурга съ курьерскимъ поѣздомъ вечеромъ 16 января.

Кое-кто собрался проводить. Желали счастливаго плаванія. Слово „война“ никѣмъ не произносилось, но оно чувствовалось въ общемъ тонѣ послѣднихъ привѣтствій, создавало какое-то особенное приподнятое настроеніе... Какіе это были веселые, бодрые проводы, и какъ не похоже на нихъ было мое возвращеніе...

Но не будемъ забѣгать впередъ.

До Урала, и даже дальше, экспрессъ былъ биткомъ набитъ пассажирами и общее настроеніе держалось самое заурядное; вѣрнѣе,—никакого особеннаго настроенія въ публикѣ не обнаруживалось; но по мѣрѣ движенія на востокъ, по мѣрѣ того, какъ мѣстные обыватели, занятые исключительно своими дѣлами, высаживались въ промежуточныхъ городахъ, опредѣлялась понемногу кучка людей, ѣхавшихъ „туда“. Ихъ можно было подраздѣлить на двѣ категоріи: офицеры и вообще служащіе самыхъ разнообразныхъ чиновъ, родовъ оружія и спеціальностей и (какъ говорятъ матросы) „вольные люди“, самыхъ неопредѣленныхъ спеціальностей и народностей. Эти послѣдніе являлись наиболѣе характерными вѣстниками войны, какъ вороны, слѣдующіе за экспедиціоннымъ отрядомъ, какъ

акулы, сопровождающія корабль, на которомъ скоро будетъ покойникъ.

И та, и другая категоріи вскорѣ же сплотились, и между лицами, ихъ составлявшими, завязались знакомства. Къ сожаленію, „нашихъ“ было немного, такъ какъ большая часть изъ нихъ ѣхала въ Западную Сибирь. Послѣдними насъ покинули въ Иркутскѣ генералъ и капитанъ генеральнаго штаба, отправлявшіеся куда-то на монгольскую границу, а послѣ Иркутска единственнымъ моимъ компаніономъ оказался полковникъ Л., ѣхавшій въ П.-Артуръ командовать вновь формируемымъ стрѣлковымъ полкомъ.

Отчетливо, какъ сейчасъ, помню переѣздъ черезъ Байкалъ по льду. Не воспользовавшись правомъ пассажира экспресса занять мѣсто въ неуклюжихъ желѣзно-дорожныхъ пошевняхъ, взявъ лихую тройку (идя на войну—чего жъ считать деньги!) я, около полдня, отвалилъ со станціи Байкалъ на станцію Танхой—43 версты по льду озера-моря. Былъ чудный, солнечный день съ морозомъ 10—12° R, при полномъ штилѣ. Тройка съ мѣста взяла маршъ-маршемъ, и только верстъ черезъ пять-шесть перешла на крупную рысь. Ямщикъ обернулся ко мнѣ:

— Слышь, баринъ! Въ полпути—постоялый. Поднесешь стаканчикъ—уважу!

— Будь благонадеженъ: не обижу!

Ямщикъ слегка привсталъ, свистнулъ, и—коренникъ зарубилъ такую дробь, пристяжныя свились въ такія кольца, что только морозная пыль клубомъ встала за нами!.. Вотъ гдѣ, на Байкалѣ, еще сохранилась русская тройка, воспѣтая Гоголемъ!..

Въ чистомъ, морозномъ воздухѣ горы противуположнаго берега выступали такъ отчетливо, что привычный „морской“ глазъ совершенно терялъ свою, долгой практикой пріобрѣтенную, способность оцѣнивать разстоянія. Казалось онѣ совсѣмъ близко; казалось, видишь самыя мелкія складки гребня и въ нихъ налеты снѣга,—а на дѣлѣ это были глубокія ущелья, подъ снѣгами которыхъ можно было бы похоронить цѣлые города...

Со станціи, Байкалъ нѣсколько раньше меня, на такой же „вольной“ тройкѣ отвалилъ, не скажу молодой, но моложавый генералъ. Должно быть у него не было особаго уговора съ ямщикомъ, потому что верстѣ на 15-й мы его обогнали, какъ разъ въ то время, когда онъ, забравъ по цѣлому снѣгу,

объѣзжалъ какую-то воинскую команду, переходившую Байкалъ пѣшкомъ. Въ наушникахъ, съ ружьями, у кого на правое, у кого на лѣвое плечо, солдаты, а съ ними и офицеры, шагали по плотному, подмерзшему насту такъ бодро, такъ весело...—Мнѣ вдругъ вспомнилось тургенеское „Довольно“,—журавли, летящіе въ небѣ и ведущіе гордую перекличку со своимъ вожакомъ:—„Долетимъ?—Мы, долетимъ“!

И въ этой, казалось бы, нестройной толпѣ, не соблюдавшей равненія ни „въ рядахъ“, ни „въ затылокъ“, въ ихъ широкомъ, свободномъ шагѣ, въ окрикахъ и взрывахъ смѣха, внезапно вспыхивавшихъ и прокатывавшихся по колоннѣ,—мнѣ почуялась та же гордая сила, та же увѣренность въ себѣ, что и въ тургеневскихъ журавляхъ.

— Долетимъ?—Мы,—долетимъ!..

Не я одинъ это чувствовалъ. Генералъ, ѣхавшій впереди, вдругъ скинулъ шубу, въ которую былъ закутанъ, распахнулъ свое пальто на красной подкладкѣ и, ставъ въ саняхъ, какъ-то особенно задорно и радостно крикнулъ: „Здорово, молодцы! Богъ въ помочь!“

— Рады стараться! Здравія желаемъ! Покорнѣйше благодаримъ!—загудѣло по колоннѣ.

Генералъ махалъ фуражкой, кричалъ еще что-то, чего нельзя было разобрать, и мимо насъ мелькали молодыя, разрумянившіяся на морозѣ, радостно улыбавшіяся лица. Солдаты и офицеры тоже что-то кричали, махали фуражками, поднимали кверху ружья...

— Долетимъ?—Мы,—долетимъ!

Съ какою силой, полное надежды и вѣры въ будущее, билось сердце! Какъ бодро, какъ весело было на душѣ!..

Да, правъ былъ адмиралъ Р,—думалось мнѣ,—это уже война!

На той сторонѣ Байкала, въ Танхоѣ, насъ ожидалъ экспрессъ Восточно-Китайской дороги.

Въ вагонѣ перваго класса оказалось только два-три инженера, ѣхавшихъ по линіи, полковникъ Л. и я. Завязалось знакомство. Говорили, разумѣется, исключительно о положеніи дѣлъ въ Манчжуріи и Кореѣ. Мнѣнія рѣзко раздѣлялись. Одни утверждали, что война неизбѣжна, что „не зря же японцы 10 лѣтъ создавали свою военную силу“, выворачивая карманы населенія, должны же они воспользоваться благопріятнымъ моментомъ! Другіе возражали, что „не зря же японцы 10 лѣтъ создавали свою военную силу“, не для того же, чтобы все

сразу поставить на карту и, въ случаѣ неудачи, снова и навсегда заглохнуть! Словомъ—изъ общаго признанія одного и того же факта выводы получались діаметрально-противуположные.

Особенно горячій споръ завязался у меня съ полковникомъ за обѣдомъ 27-го января.

— Не посмѣютъ! Понимаете:—никогда не посмѣютъ! Вѣдь это—ва-банкъ! Хуже! Вѣрный проигрышъ!—горячился онъ.—Допустимъ, въ началѣ—успѣхъ... Но дальше? Вѣдь не сдадимъ же мы отъ перваго щелчка? Я даже хотѣлъ бы ихъ первой удачи! Право! Подумайте только о впечатлѣніи этой ихъ удачи!—Вся Россія встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, и не положимъ оружія, доколѣ... Ну, какъ это тамъ говорится высокимъ стилемъ?

— Дай Богъ, кабы щелчокъ, а не разгромъ...

— Даже и разгромъ! но, вѣдь, временный! а тамъ, мы соберемся съ силами, и сбросимъ ихъ въ море. Вы только, съ вашимъ флотомъ, не позволяйте имъ домой уѣхать!.. Да, что! Никогда этого не случится, никогда они ни рѣшатся, и никакой войны не будетъ!..

— А я говорю: они 10 лѣтъ готовились къ войнѣ; они готовы, а мы нѣтъ; война начнется не сегодня—завтра. Вы говорите: ва-банкъ? Согласенъ. Отчего и не поставить, если есть шансы на выигрышъ?

— Конечнаго шанса нѣтъ! Не пойдутъ!

— Вотъ увидите!

— Хотите пари? Войны не будетъ! Ставлю дюжину Мумма...

— Это былъ-бы грабежъ. Скажемъ такъ: Вы выиграли, если войны не будетъ до половины апрѣля.

— Зачѣмъ же? Я говорю:—ея не будетъ вовсе!

— Тѣмъ легче согласиться на мое предложеніе. Къ тому же—вы вина почти не пьете, и я всегда буду въ выигрышѣ.

Посмѣялись и ударили по рукамъ. Разнималъ путеецъ, тоже ѣхавшій въ Портъ-Артуръ и просившій не забыть его приглашеніемъ на розыгрышъ.

Мой случайный спутникъ, полковникъ Л., былъ преинтересный типъ. Казалось, все его существо держится нервами. Высокій, ширококостый, до нельзя худощавый, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, онъ въ отношеніи физической выносливости всецѣло зависѣлъ отъ настроенія: то безпечно разгуливалъ на 10 градусномъ морозѣ въ одной тужуркѣ, то вдругъ

увѣрялъ, что ему надуло отъ окна, не смотря на двойныя рамы съ резиновой прокладкой, требовалъ изъ поѣздной аптеки фенацетину и поглащалъ его въ неимовѣрномъ количествѣ, то жевалъ „изъ любопытства“ ужасающія (совершенно не съѣдобныя) бурятскія лепешки, то увѣрялъ, что кухня экспресса слишкомъ тяжела для его слабаго желудка.

Въ этотъ вечеръ онъ, кажется, рѣшилъ покорить меня, во что-бы то ни стало, и продолжалъ свои атаки до тѣхъ поръ, пока я не началъ въ его присутствіи раздѣваться и укладываться спать.

— Всѣ военные агенты европейскихъ державъ единогласно доносятъ, что Японія можетъ выставить въ поле не свыше 325 тысячъ!—повторялъ онъ, словно читая лекцію.—Но вѣдь и дома надо что-нибудь оставить?

— Да, какъ вы вѣрите такимъ цифрамъ? Вѣдь въ Японіи народу больше, чѣмъ во Франціи! Отчего же такая разница въ численномъ составѣ арміи?

— Не та организація! Нѣтъ подготовленнаго контингента!..

— Десять лѣтъ подготовляютъ! Мальчишекъ въ школахъ учатъ военному дѣлу! Любой школьникъ знаетъ больше, чѣмъ нашъ солдатъ по второму году службы!

— Вооруженіе, аммуниція—все разсчитано на 325 тысячъ!

— Привезутъ! Купятъ!

— Вздоръ!..

Я потушилъ электричество и завернулся въ одѣяло.

— Это не доказательство...—ворчалъ полковникъ, тоже уходя къ себѣ *).

Около полночи мы пришли на станцію Манчжурія. Я крѣпко спалъ, когда Л. ворвался въ мое купэ и крикнулъ:

— Вы выиграли!

Сначала я не понялъ.

— Что? Что такое?

— Мобилизація всего намѣстничества и Забайкальскаго округа!..

— Мобилизація—еще не война!

Полковникъ только свистнулъ.

— Ужъ это—„ахъ, оставьте!“—у насъ приказа о мобили-

*) Согласно санитарному отчету объ японской арміи, въ которомъ число больныхъ, раненыхъ, убитыхъ и умершихъ приведено не только въ абсолютныхъ цифрахъ, но и въ процентахъ,—видно, что японская армія достигала полутора милліона.

зацiи боялись... вотъ какъ купчихи Островскаго боятся „жупела“ и „металла“. Боялись, чтобы этимъ словомъ не вызвать войны! Если объявлена мобилизацiя—значитъ война началась! значитъ—„они“ открыли военныя дѣйствiя!..

— Дай Богъ, въ добрый часъ!—перекрестился я.

— То-то... далъ бы Богъ!..—мрачно отвѣтилъ онъ.—Вѣдь я то знаю: на бумагѣ и то во всемъ краѣ 90 тысячъ войска, а на дѣлѣ—хорошо коли наберется тысячъ 50 штыковъ и сабель...

Сна какъ не бывало. Весь поѣздъ поднялся на ноги. Всѣ собрались въ вагонѣ-столовой. По правиламъ, столовая закрывается въ 11 ч. вечера, но тутъ она была освѣщена; чай подавался безъ отказа; поѣздная прислуга толпилась въ дверяхъ; всѣ ждали слѣдующей станцiи, ждали, что изъ пассажировъ (военныхъ и путейцевъ) кто-нибудь узнаетъ что-нибудь болѣе опредѣленное.

Въ томительномъ ожиданiи миновали два полустанка. Станцiя. Говорятъ: была внезапная атака на Портъ-Артуръ, но ничего положительнаго... Въ 4-мъ часу утра на какой-то станцiи сѣла дама, жена служащаго на дорогѣ. Сообщила что Артуръ едвали не взятъ уже, что она ѣдетъ въ Харбинъ вынуть вкладъ изъ банка, забрать, что можно, цѣнное изъ харбинской квартиры и спасаться въ Россiю. По ея словамъ, японцы нѣсколько дней тому назадъ начали выѣзжать изъ городовъ Манчжурiи, но ничего не продавали и почти не ликвидировали дѣлъ, а поручали имущество надзору сосѣдей и говорили: черезъ недѣлю, въ крайности дней черезъ 10, опять будемъ здѣсь съ нашими войсками.

Заявленiя дамы вызвали протесты и недовольство. Публика не желала вѣрить ея мрачнымъ предсказанiямъ и начала расходиться.

— Проклятая ворона...—ворчалъ полковникъ,—стоитъ ее слушать! Пойдемте спать!.. Впрочемъ погодите, я брому спрошу въ аптекѣ...

Слѣдующiй день принесъ мало новаго. Однако изъ сбивчивыхъ слуховъ и свѣдѣнiй выяснялось мало-по-малу, что японцы первыми открыли военныя дѣйствiя противъ П.-Артура. На чьей сторонѣ оказался успѣхъ—разобрать было невозможно.

Выскочивъ на платформу въ Харбинѣ (большая остановка, помнится, около получаса), я неожиданно столкнулся со ста-

рымъ знакомымъ по Дальнему Востоку, нашимъ (эскадреннымъ) поставщикомъ М. А. Г.

— Откуда и куда?

— Изъ Артура, а куда—не знаю! Помогаю, какъ могу, провожаю женъ, дѣтей... Все бросили, бѣгутъ... совсѣмъ сумашедшія...

Дѣйствительно, на путяхъ станціи стояло два огромныхъ, видимо, на-спѣхъ составленныхъ поѣзда изъ вагоновъ всѣхъ трехъ классовъ и даже четвертаго (для китайцевъ черно-рабочихъ), идущихъ на сѣверъ. Они были биткомъ набиты: сидѣли, лежали не только на диванахъ, на скамейкахъ, но и между ними, даже въ проходахъ... Преобладали женщины и дѣти. Тутъ же были нагромождены какіе то узлы и просто кучи вещей, въ которыхъ перепутывались и предметы роскоши, и предметы самой грубой, насущной необходимости... Видимо хватали что попало подъ руку... У многихъ не было ничего теплаго... Толпа китайцевъ вела у вагоновъ бойкій торгъ мѣховыми (часто подержаными) куртками, грошевыми чайниками, какими то подозрительными съѣстными припасами... Платили деньгами, кольцами, браслетами, брошками... Какая то вакханалія грабежа, умѣло пользующагося еще неостывшей паникой... Мѣстное начальство, само захваченное врасплохъ, было по-горло завалено своимъ дѣломъ. Водворять порядокъ пытались какіе-то добровольцы—офицеры и чиновники, да тѣ пассажиры и пассажирки, которыя не совсѣмъ еще потеряли головы, или уже опомнились... То тутъ, то тамъ раздавались истеричныя рыданія, отчаянный призывъ врача къ больному ребенку, мольба о помощи...

— Знакомое дѣло! какъ при боксерахъ!—заявилъ вдругъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, рослый путеецъ, обращаясь къ намъ, пассажирамъ экспреса.—Ну, господа, выворачивайте чемоданы! A la guerre comme à la guerre! Придетъ нужда,—сами возьмемъ, не спрашивая, гдѣ придется!

И, право странно, какую силу убѣжденія имѣетъ вовремя брошенное слово: чемоданы были дѣйствительно вывернуты. Башлыки, фуфайки, мѣховыя шапки, валенки, даже бѣлье—все въ нѣсколько минутъ перешло изъ экспресса въ поѣзда бѣглецовъ... И какъ неловко, и даже жутко, а вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо и тепло было на сердцѣ, слушая эти отрывочныя, полныя смущенія, но зато и глубокаго чувства слова благодарности...

Г. не выворачивалъ чемодановъ (у него у самого ихъ не было), но за то выворачивалъ карманы, а когда содержимое ихъ изсякло, принялся писать чеки, которые ходили въ Манджуріи не хуже золота...

Передъ отходомъ экспресса я обратился къ нему съ вопросомъ:—Куда вы теперь?

— Съ ними же, дальше...

Но тутъ мы на него напали и стали доказывать, что ѣхать на сѣверъ ему нѣтъ разсчета, что теперь то и настало время, когда въ П.-Артурѣ дѣла дѣлать, когда его присутствіе тамъ необходимо. Особенно насѣдалъ полковникъ Л. Думаю однако, всѣ мы нѣсколько лукавили и нестолько заботились о выгодахъ Г., сколько хотѣли сохранить для себя очевидца событій, о которыхъ, въ пылу благотворительной горячки, не успѣли распросить его толкомъ.

Однако-же Г., по началу, былъ не умолимъ.

— Нѣтъ, господа, война—ваше дѣло, а я штатскій и смирный человѣкъ и совсѣмъ не хочу, чтобы меня зря убили. Поѣзжайте себѣ воевать, а я поѣду туда гдѣ безопаснѣе...

Доводъ былъ убѣдительный, но его разбилъ начальникъ поѣзда (прапорщикъ запаса артиллеріи).

— Повѣрте, уважаемый М. А.,—заявилъ онъ,—что пока намѣстникъ въ П.-Артурѣ,—это мѣсто самое благонадежное. Если только запахнетъ жаренымъ, онъ тамъ не останется. Тогда и вы съ нимъ уѣзжайте, а бросать свое дѣло, да еще въ такое время—прямой убытокъ!

Это разсужденіе покорило Г., который и безъ того уже, въ нашемъ обществѣ, нѣсколько отошелъ отъ того состоянія паники, въ которомъ поддерживало его пребываніе въ поѣздахъ бѣглецовъ.

Экспрессъ покатилъ на югъ, а мы сидѣли съ нимъ за чаемъ въ вагонѣ-столовой и жадно слушали новости. Узнать пришлось не Богъ вѣсть какъ много. Безъ объявленія войны, японскіе миноносцы вечеромъ 26 января атаковали нашу эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ безъ сѣтей и со всѣми огнями. Выходило такъ, что сравнительно дешево отдѣлались. Могло бы быть много хуже.

— Но, понимаете, когда я утромъ увидѣлъ подъ маякомъ на мели „Ретвизанъ“, „Цесаревичъ“, „Паллада“... Русская эскадра! Наша эскадра! Господи!..—

Онъ схватился за голову... И, слушая его, глядя ему въ

глаза, я вѣрилъ его ужасу, его горю... Онъ былъ по природѣ чужой, но онъ такъ сжился съ ней, съ этой эскадрой, что тутъ не было мѣста коммерческому разсчету... и полушуточное названіе „стараго пріятеля“ невольно смѣнялось въ душѣ другимъ—„старый другъ“...

— Но каковы поврежденія?

— Не знаю точно... „Ретвизанъ“—въ носовой части, „Цесаревичъ“—корма, чуть ли не винты... И для нихъ дока нѣтъ! Понимаете дока нѣтъ!.. „Паллада“—пустяки—дыра большая, но въ докѣ починятъ... Ай-ай-ай! Какъ можно? Какъ можно? Говорятъ: приказано—экономія... Ну, пусть экономія, но зачѣмъ отвѣчать—„такъ точно, все обстоитъ благополучно“... Теперь, навѣрно, будутъ строить! И денегъ не пожалѣютъ!.. Поздно!.. Ахъ!.. Наша эскадра!..

— Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Нечего горевать заднимъ числомъ,—угрюмо промолвилъ старый путеецъ.—Какъ-нибудь надо выкручиваться. Что-нибудь дѣлать будемъ...

— Умирать будемъ! — звенящимъ, нервнымъ голосомъ крикнулъ съ сосѣдняго стола молодой артиллерійскій подпоручикъ...

— Эта наша спеціальность... Жаль только, если безъ толку...—мрачно отозвался тутъ же сидѣвшій пожилой капитанъ...

— Но дальше? дальше?

— Что-жъ дальше?—27-го пришли, пострѣляли 40 минутъ и ушли. Какъ было дѣло, право, не знаю. Нарочно стрѣляли по городу, или перелеты,—не спрашивалъ... Просто—бѣжали всѣ, кто могъ... Говорили, если бы крѣпость была готова къ бою, имъ бы здорово попало, но только у насъ...

Разсказчикъ вдругъ замолчалъ, боязливо оглянувшись, и ни за что не хотѣлъ докончивать начатой фразы.

— Пріѣдете въ Артуръ—сами узнаете. У васъ вѣдь тамъ знакомые...—скороговоркой шепнулъ онъ мнѣ на ухо.

Гнетущее впечатлѣніе общей паники, по своей внезапности ошеломившее насъ въ Харбинѣ, постепенно проходило по мѣрѣ движенія экспресса на югъ. На станціяхъ наблюдалось необычное оживленіе, скажу даже суета, но суета дѣловая, безъ признаковъ растерянности.

Настроеніе, господствовавшее на линіи, какими-то неуловимыми путями сообщалось и населенію поѣзда. Полковникъ словно помолодѣлъ на 20 лѣтъ, забылъ про свои недуги и

явно пренебрегалъ не только погодой, но даже и фенацетиномъ. Начальникъ поѣзда яростно доказывалъ всѣмъ и каждому (хотя никто съ нимъ не спорилъ), что никакое начальство не имѣетъ права не пустить его въ строй, въ одну изъ батарей отдѣльнаго в.-сибирскаго дивизіона, гдѣ онъ былъ вольноопредѣляющимся, что для комендантства надъ воинскими поѣздами найдется довольно народу, но онъ, прапорщикъ запаса, долженъ быть на своемъ мѣстѣ...

— Наши, навѣрно, пойдутъ въ первую голову!—восклицалъ онъ.—Наши не выдадутъ!—и онъ, видимо, даже жалѣлъ насъ, незнакомыхъ съ „его“ батареей.

— Первый блинъ комомъ—велика важность!—басилъ путеецъ.—Скажемъ такъ: насыпали! А дальше? Вѣдь за нами—Россія!—и, пародируя манифестъ отечественной войны, онъ возглашалъ:—Отступимъ за Байкалъ! Одѣнемся въ звѣриныя шкуры! Будемъ питаться монгольскими лепешками, но не положимъ оружія, доколѣ ни одного вооруженнаго непріятеля не останется не только въ предѣлахъ нашей территоріи, но даже и на материкѣ Азіи!

30 января, послѣ пополудня, миновали Дашичао. Короткая остановка. Суматоха на станціи. Какіе-то артиллеристы забѣгаютъ въ вагонъ-столовую, наскоро глотаютъ, что попало подъ руку, и съ полнымъ ртомъ бросаютъ отрывочныя фразы:

— Везли на Ляоянъ, оттуда—къ Ялу. Извѣстіе—появились у Инкоу. Высадка. Повернули на вѣтку. Охранники не стали ждать поѣзда. Ушли грунтовой—у нихъ конная батарея. Двѣ сотни—тоже. Съ нами—рота стрѣлковъ.

И никто не спрашивалъ, что въ силахъ сдѣлать эти двѣ батареи, двѣ сотни и одна рота, если японцы дѣйствительно высаживаются въ Инкоу... Ясно было, что сдѣлаютъ все, что могутъ. И этого было довольно...

Ночь. Гай-Чжоу. Тревога. Здѣсь желѣзнодорожный путь проходитъ отъ берега моря всего въ 5 миляхъ. Съ берега сообщаютъ, что въ морѣ видно много огней. Съ одного изъ ближнихъ постовъ донесли о появленіи какихъ-то бандъ. Туда выступила полусотня—охрана станціи. Слышали перестрѣлку. Хунхузы или японцы? Удобное мѣсто испортить путь. Телеграфировали по линіи. Съ часу на часъ ждутъ прибытія 9-го полка...

— Насъ все-таки больше 20 человѣкъ, и всѣ вооруженные!—вмѣшивается въ разговоръ, сынъ начальника станціи,

юноша, лѣтъ 14, съ винчестеромъ въ рукахъ.—Въ блокгаузѣ отсидимся, выдержимъ часъ, другой, а тамъ—подойдутъ стрѣлки!...

Какой задоръ! Какая увѣренность! Какое бодрое, хорошее впечатлѣніе оставляли въ душѣ всѣ эти встрѣчи, всѣ эти мимолетные разговоры...

На утро Квантунъ встѣтилъ насъ жестокой снѣжной пургой.

На станціи Нангалинъ Г. насъ покинулъ, надѣясь какимъ, нибудь случайнымъ поѣздомъ скорѣе-добраться до Портъ-Артура, мы же, пассажиры экспресса, связанные багажемъ, должны были проѣхаться въ Дальній и уже оттуда прослѣдовать къ мѣсту назначенія. Это оказалось не такъ просто. Въ виду внезапно наступившей войны росписаніе было отмѣнено. Удовлетворялись въ первую очередь насущныя потребности крѣпости и гарнизона. Въ Дальній мы прибыли строго по расписанію, но здѣсь вмѣсто 15 минутъ оставались болѣе 4 часовъ. Извозчиковъ не было. Жестокая пурга исключала всякую возможность передвигаться пѣшкомъ, да къ тому же съ минуты на минуту ждали разрѣшенія идти въ Портъ-Артуръ. Нашъ спутникъ, рослый и бравый путеецъ, тотчасъ по прибытіи куда-то изчезъ—очевидно къ сослуживцамъ за новостями. Полковникъ Л. и я сидѣли въ пустомъ вагонѣ, обмѣниваясь отрывочными замѣчаніями, главной, и даже единственной, темой которыхъ была досадная задержка,

Въ бѣлой сѣткѣ пурги станція казалась вымершей. Не было и слѣда того оживленія, той бодрой, здоровой суеты, какую мы видѣли на сѣверѣ. Лица служащихъ, пробѣгавшихъ мимо, выражали только растерянность, озабоченность, даже, словно, испугъ и ожиданіе близкой катастрофы. Мы пробовали кого-нибудь остановить, распросить... Они отдѣлывались какими-то неопредѣленными фразами и бѣжали дальше.

— Захотятъ, дагадаются,—заберутъ голыми руками... хоть сейчасъ...—бросилъ на ходу какой-то штатскій въ драгунской фуражкѣ.

Полковникъ совсѣмъ разболѣлся: ѣлъ фенацетинъ, принималъ бромъ и не только бранился, но даже ропталъ на Провинѣдіе.

Къ 12-мъ часу дня сквозь плачь вьюги до насъ долетѣли глухіе удары рѣдкихъ пушечныхъ выстрѣловъ.

— Что такое?—поймалъ я проходившаго мимо начальника поѣзда.

— Вы развѣ не знаете?—смущенно остановился онъ.— Хоронятъ погибшихъ на „Енисеѣ“...

— Ничего не знаемъ!—заволновались мы оба.

— „Енисей“ погибъ на минномъ загражденіи, которое самъ же ставилъ... „Бояринъ“—то же...

Я такъ и вскинулся.

— Какой „Бояринъ“? Что съ нимъ? Я самъ ѣду на „Бояринъ“ старшимъ офицеромъ! Говорите толкомъ!

— Говорите, чортъ васъ возьми!—захрипѣлъ полковникъ,— вѣдь мы тутъ, какъ въ одиночномъ заключеніи!

— Господа! Ради Бога! Я не могу, не приказано...—и начальникъ поѣзда убѣжалъ.

Еще больше часа томительнаго ожиданія... Наконецъ раздались звонки, свистки,—поѣздъ тронулся. Передъ самымъ отходомъ въ вагонъ вскочилъ нашъ спутникъ-путеецъ. Злобно швырнувъ въ какое-то купэ свою шубу, занесенную снѣгомъ, онъ вошелъ къ намъ, заперъ дверь и тяжело опустился на диванъ...

— Сдали!..

— Что сдали? Кого сдали?

— Не „что“ и не „кого“, а сами сдали!.. Понимаете?— сами сдали!—промолвилъ онъ, отчеканивая каждый слогъ.— Я это помню. Намъ, въ 900-мъ, тоже приходилось туго. Тоже—врасплохъ. Гдѣ не сдавали—выкручивались. Сдали—значитъ сразу признали себя побѣжденными... И будутъ побиты! И по дѣломъ!—вдругъ выкликнулъ онъ.—Казнись! Къ разсчету стройся! „Цесаревичъ“, „Ретвизанъ“, Паллада“—подбиты минной атакой; „Аскольдъ“, „Новикъ“—здорово потерпѣли въ артиллерійскомъ бою; „Варягъ“, „Кореецъ“—говорятъ уничтожены въ Чемульпо; транспорты съ боевыми припасами захвачены въ морѣ; „Енисей“, „Бояринъ“—погибли собственными средствами, а „Громобой“, „Россія“, „Рюрикъ“, „Богатырь“— во Владивостокѣ, за 1000 миль!... Крѣпость готовятъ къ бою послѣ начала войны! 27-го стрѣляли только три батареи: форты были по зимнему; гарнизонъ жилъ въ казармахъ, въ городѣ; компрессоры орудій Электрическаго утеса наполняли жидкостью въ 10 ч. утра, когда равѣздчики уже сигналили о приближеніи непріятельской эскадры!.. Не посмѣютъ!—вотъ вамъ!..

Онъ отрывисто бросалъ свои недоговоренныя фразы, полныя желчи, пересыпанныя крупной бранью (которую я не привожу здѣсь).—Это былъ крикъ безсильнаго гнѣва... Мы, случайные

представители генеральнаго штаба и флота, слушали его, жадно ловя каждое слово, не обращая вниманія на брань.— Мы сознавали, что она посылается куда-то и кому-то черезъ наши головы, и, если-бы не чувство дисциплины, взрощенное долгой службой, мы всей душой присоединились бы къ этому протесту сильнаго, энергичнаго человѣка, выкрикивавшаго свои обвиненія... Но странно: по мѣрѣ того, какъ со словъ нашего собесѣдника ярче и ярче развертывалась передъ нами картина нашей безпомощности (какъ оказалось впослѣдствіи, его свѣдѣнія, хотя и отрывочныя, были вѣрными)— какое-то удивительное спокойствіе смѣняло мучительную тревогу долгихъ часовъ неизвѣстности и томительнаго ожиданія...

Я взглянулъ на полковника. Онъ сидѣлъ, весь вытянувшись, откинувшись на спинку дивана, засунувъ руки въ карманы тужурки, и, казалось, что... если бы кто-нибудь, въ этотъ моментъ, предложилъ ему фенацетина, то это могло бы кончиться очень дурно...

— Измѣна!.. Я вѣрю, я не смѣю не вѣрить, что безсознательная, но все-же, измѣна...—закончилъ путеецъ, тяжело переводя духъ...

— Пусть такъ! не передѣлаешъ!—воскликнулъ полковникъ,—но все это — только начало. За нами Россія!—А пока,—мы, ея авангардъ, мы, маленькія люди,—мы будемъ дѣлать свое дѣло!...

И въ голосѣ этого человѣка, всего часъ тому назадъ такого больного и слабаго, мнѣ послышалась та же звенящая нота, которой звучалъ голосъ молодого подпоручика, на вопросъ „что-жъ дѣлать будемъ?“ крикнувшаго „умирать будемъ!...

И я снова новѣрилъ!..

Въ Нангалинѣ опять застряли на нѣсколько часовъ. Вагонъ столовую, почему-то, оставили въ Дальнемъ. Пришлось питаться въ станціонномъ буфетѣ. Небольшая комната, носившая громкое названіе „буфетъ и зало I и II класса“, была биткомъ набита публикой, обитателями Квантуна, стремившимися частью въ Артуръ, частью въ глубь Манджуріи. Здѣсь не слышно было разговоровъ ни о нашихъ неудачахъ, ни о шансахъ будущаго... Глухіе удары минныхъ взрывовъ, обезсиливавшихъ флотъ, печальные звуки орудійнаго салюта, провожавшіе въ могилу безвременно и безполезно погибшихъ борцовъ,—не достигали сюда. Снаружи—плакала и злилась вьюга, наметывая сугробы надъ свѣжими могилами, а здѣсь—въ душ-

ной комнатѣ, въ облакахъ пыли и табачнаго дыма, хлопали пробки, слышались рѣчи о подрядахъ, поставкахъ, объ имуществахъ пріобрѣтенныхъ „за грошъ, по нынѣшнимъ временамъ“, швырялись бумажки и золото, чтобы „мнѣ первому подали..“

Мы наскоро съѣли что-то и поспѣшили вернуться въ поѣздъ.

Въ Артуръ прибыли только около 11 ч. вечера. Полковника встрѣтилъ и увезъ кто-то изъ офицеровъ его формирующагося полка; путейца—встрѣтили товарищи, а я оказался совсѣмъ на мели. Бывшіе спутники обѣщали прислать перваго встрѣчнаго извощика. На этомъ пришлось успокоиться.

Непріятные полчаса провелъ я, сидя въ углу станціонной залы со своими чемоданами. Какая-то компанія запасныхъ нижнихъ чиновъ, призываемыхъ на дѣйствительную службу, но еще неявившихся, устроила здѣсь что-то въ родѣ „отвальной“.

Керосиновыя лампы тускло свѣтили въ облакахъ табачнаго дыма и кухоннаго чада. На полу, покрытомъ грязью и талымъ снѣгомъ, занесеннымъ съ улицы, стояли лужи пролитаго вина и пива, валялись разбитые бутылки и стаканы, какіе то объѣдки...

Обрывки нескладныхъ пѣсенъ, пьяная похвальба, выкрикиванія отдѣльныхъ фразъ съ претензіей на высоту и полноту чувствъ, поцѣлуи, ругань... Общество было самое разнообразное—мелкіе собственники, прикащики, извощики...—рубахи-косоворотки и воротнички „монополь“, армяки, картузы, пальто съ барашковымъ воротникомъ, шляпы и даже шапки изъ дешеваго китайскаго соболя, окладистыя бороды и гладко „подъ англичанина“ выбритыя лица... Словно въ тяжоломъ кошмарѣ, противъ воли, я смотрѣлъ, слушалъ, старался что-то понять, пытался уловить настроеніе этихъ будущихъ защитнико П.-Артура...

Какъ знать?—Можетъ быть, это вовсе не пьяный угаръ, а богатырскій разгулъ?—Раззудись плечо, размахнись рука!...—Такъ что ли?..—не знаю... Во всякомъ случаѣ, китаецъ, прибѣжавшій сказать, что извозчикъ пріѣхалъ, былъ встрѣченъ мною, какъ избавитель.

Одиссея моихъ ночныхъ скитаній въ поискахъ за пристанищемъ мало интересна.

Къ утру пурга улеглась; вѣтеръ стихъ и солнце взошло

при безоблачномъ небѣ. Къ 10 ч., когда я отправился являться по начальству, улицы превратились въ непроходимую топь. Пользуясь случаемъ, немногочисленные извощики (большинство ихъ было изъ запасныхъ и теперь прекратило свою дѣятельность) грабили совершенно открыто, среди бѣла-дня, беря по 5 рублей за 5 минутъ ѣзды. Говорятъ, что первое время, пока для обузданія ихъ аппетитовъ не были приняты рѣшительныя мѣры, они зарабатывали, благодаря невылазной грязи, по 100 и даже болѣе рублей въ день. Но это-только такъ, къ слову. Тогда, въ охватившей всѣхъ горячкѣ, на такія мелочи не обращали вниманія.

Ныряя по выбоинамъ, пересѣкая лужи, похожія на пруды, жмурясь и прикрываясь, какъ можно, отъ брызгъ жидкой грязи, снопами вздымавшихся изъ подъ ногъ лошадей и колесъ экипажей,—я жадно всматривался, пытался уловить и запечатлѣть въ своей памяти общую картину, общее настроеніе города... Поминутно попадались обозы отмѣченные красными флажками; тяжело громыхали зарядные ящики артиллеріи; рысили легкія одноколки стрѣлковъ; тащились неуклюжія туземныя телѣги, запряженныя лошадьми, мулами, ослами; высоко подобравъ полы шинелей шагали при нихъ конвойные солдаты; ревѣли ослы, до-надрыва кричали и ссорились между собою китайскіе и корейскіе погонщики; беззастѣнчиво пользовались всѣмъ богатствомъ русскаго языка ѣздовые; съ озабоченнымъ видомъ, привставъ на стременахъ, сновали казаки-ординарцы; съ музыкой проходили какія-то войсковыя части; въ порту—грохотали лебедки спѣшно разгружающихся пароходовъ; гудѣли свистки и сирены; пыхтѣли буксиры, перетаскивавшіе баржи; четко рисуясь въ небѣ, поворачивались, наклонялись и подымались, словно щупальцы какихъ-то чудовищъ, стрѣлы гигантскихъ крановъ; слышался лязгъ желѣза, слова команды, шипѣнье пара; откуда-то долетали обрывки „Дубинушки“ и размѣренные выкрикиванія китайцевъ, что-то тащущихъ или подымающихъ... А надо всѣмъ—ярко-голубое небо, ослѣпительное солнце и гомонъ разноязычной толпы.

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній...“ И тѣмъ не менѣе чувствовалось, что въ этой суетѣ, въ этомъ лихорадочномъ оживленіи не было ни растерянности, ни бозтолочи. Чувствовалось, что каждый дѣлаетъ свое дѣло и увѣренъ, что выполнить его, какъ должно. Огромная машина, которую называютъ военной организаціей и которую въ

мирное время лишь по частямъ повѣряютъ и „проворачиваютъ въ холостую,“—работала въ настоящую, полнымъ ходомъ.

Тяжелыя впечатлѣнія вчерашняго дня—станція Дальняго, буфеты Нангалина и Портъ-Артура, желчныя рѣчи путейца—все сгладилось, потонуло въ чувствѣ солидарности съ этой массой людей, еще такъ недавно почти чуждыхъ другъ другу, а теперь—жившихъ одной жизнью, одной мыслью...

II.

П.-Артурскія впечатлѣнія. — Слава Богу — на миноносцѣ! — Первый выходъ. — «Беречь и не рисковать!» — Тяжкая обида.

Первое мѣсто, куда я направился, былъ, конечно, морской штабъ намѣстника. Тамъ я надѣялся не только узнать что-нибудь достовѣрное о судьбѣ „Боярина“, тѣсно связанной съ моей собственной, но и вообще нѣсколько оріентироваться, разобраться въ слухахъ и сплетняхъ. Въ прихожей и въ смежной съ ней комнатѣ стояли огромные ящики, въ которые писаря укладывали синія папки „дѣлъ“ и разныя канцелярскія принадлежности. Работой руководилъ чиновникъ.

— Что это? укладываетесь? куда?

— Нѣтъ... такъ, на всякій случай... впрочемъ, извините!— и онъ, отвернувшись отъ меня, съ явно-дѣланнымъ раздраженіемъ, набросился на какого-то писаря, оказавшагося въ чемъ-то виноватымъ.

Начальникъ штаба к.-а. Витгефтъ, мой бывшій командиръ, съ которымъ я сдѣлалъ трехлѣтнее плаваніе, встрѣтилъ, какъ родного. Обнялъ, расцѣловалъ, но сейчасъ же, словно предупреждая всякіе вопросы, торопливо сообщилъ, что, „по-слухамъ“, еще есть надежда на спасеніе „Боярина“, что мнѣ надо, какъ можно скорѣе, явиться начальнику эскадры, что тамъ мнѣ все скажутъ, укажутъ и т. д., а самъ въ то же время схватился за какія-то бумаги, началъ ихъ перелистывать, перекладывать съ мѣста на мѣсто, какъ бы давая понять, что страшно занятъ и разговаривать ему некогда.

Выйдя изъ его кабинета, я попытался обратиться къ офицерамъ, служащимъ въ штабѣ, изъ которыхъ большинство были старыми сплавателями и сослуживцами по эскадрѣ Ти-

хаго Океана, нѣкоторые даже товарищами по выпуску, но всѣ они, въ моментъ моего прихода, видимо ничего недѣлавшіе, теперь сидѣли за столами, копались въ бумагахъ, имѣли видъ чрезвычайно озабоченный и отдѣлывались какими-то туманными фразами. Однакоже это отнюдь не было слѣдствіемъ „штабной“ важности, забвенія старой дружбы. Наоборотъ,— какъ только я сказалъ, что у меня въ городѣ нѣтъ пристанища, на меня посыпался цѣлый рядъ самыхъ радушныхъ предложеній гостепріимства, и люди, только что отговаривавшіеся неотложными дѣлами, всецѣло занялись посылкой вѣстовыхъ для сбора моего имущества, разсѣяннаго по Артуру.

На „Петропавловскѣ“, гдѣ держалъ свой флагъ начальникъ эскадры, настроеніе было еще болѣе подавленное.

— „Точно покойникъ въ домѣ“,—невольно мелькнуло у меня въ головѣ...

Флагъ-офицеры и другіе чины штаба и судового состава радостно пожимали руки, наперерывъ разспрашивали о кронштадтскихъ и петербургскихъ знакомыхъ, чрезмѣрно интересовались дорогой, но рѣшительно уклонялись отъ всякаго разговора о положеніи настоящаго момента. Флагъ-капитанъ былъ, повидимому, занятъ еще больше, чѣмъ адмиралъ Витгефтъ. Онъ просто и безъ замедленія провелъ меня къ начальнику эскадры.

За три года, что я его не видѣлъ, адмиралъ мало измѣнился. Все та же фигура стараго морского волка; даже сѣдины немного прибавилось, но только добродушно-проницательный взглядъ сѣрыхъ глазъ сдѣлался какимъ-то сосредоточенно-усталымъ, словно обращеннымъ куда-то внутрь. Казалось, что, произнося ласковыя слова привѣтствія, отдавая приказанія, онъ дѣлаетъ это чисто механически, по привычкѣ, что мысли его заняты чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, что, разговаривая со мною, онъ слушаетъ не меня, а какой-то тайный голосъ, подымающійся со дна души, и съ нимъ ведетъ свою бесѣду.

—...Да, да... говорятъ—есть надежда. Командиръ, 70 человѣкъ команды отправились сегодня... искать... Можетъ быть... Тогда, завтра—вы съ остальными...

Я попытался попросить разрѣшенія отправиться теперь-же на чемъ-нибудь...—на миноносцѣ, на портовомъ баркасѣ.

Адмиралъ сначала, какъ будто, согласился.

— Да, да... конечно...

Потомъ вдругъ, словно что вспомнивъ, усталымъ голосомъ промолвилъ:

— Впрочемъ, нѣтъ... все равно... врядъ-ли...—и, круто повернувшись, даже не простясь, тяжелой походкой направился изъ пріемной въ свой кабинетъ...

Выйдя на набережную, я зашелъ въ домъ (или, какъ говорили, „дворецъ“) намѣстника, расписался здѣсь въ книгѣ являющихся и направился домой, т. е. къ пріютившему меня товарищу. Слѣдовало бы еще явиться младшимъ флагманамъ эскадры, но я рѣшилъ отложить это на-завтра,—не все ли равно?.. Мнѣ было такъ тяжело... Такъ хотѣлось быть одному...

Хозяинъ еще не вернулся со службы. Сбросивъ мундиръ, я сѣлъ у окна и сталъ глядѣть... Прямо передо мной возвышался массивъ Золотой горы, увѣнчанной брустверами батарей, надъ которыми высоко въ небѣ гордо вился по вѣтру нашъ русскій флагъ... „Гдѣ однажды поднятъ русскій флагъ, такъ онъ уже никогда не спускается“,—пришла на память знаменитая резолюція Николая I на донесеніе о занятіи Уссурійскаго края. Еще вчера, еще сегодня утромъ, я вѣрилъ въ ея непреложность... Ну, а теперь?.. Я не смѣлъ дать себѣ никакого отвѣта... Можетъ быть, даже хуже,—я не хотѣлъ слушать того отвѣта, который шепталъ мнѣ какой-то тайный голосъ... Налѣво, въ восточномъ углу бассейна, въ докѣ, видѣнъ былъ „Новикъ“, а изъ-за сѣрыхъ крышъ мастерскихъ и складовъ поднимался цѣлый лѣсъ стройныхъ, тонкихъ мачтъ миноносцевъ, скученныхъ здѣсь бортъ-о-бортъ; въ легкой мглѣ, пронизанной лучами вечерняго солнца, темнѣли громады „Петропавловска“ и „Севастополя“; правѣе, въ проходѣ на внѣшній рейдъ, черезъ зданія миннаго городка, видны были мачты и трубы стоящаго на мели „Ретвизана“; еще правѣе, за батареями, постройками и эллингомъ Тигроваго Хвоста, обрисовывались силуэты прочихъ судовъ эскадры, тѣсно набитыхъ въ небольшое пространство Западнаго бассейна, которое „успѣли“ углубить... Небо было все такое же безоблачное; солнце—такое же яркое; шумъ и движеніе на улицахъ и въ порту, кажется, еще возрасли... Но это смѣющееся, голубое небо не радовало, а мучило, какъ насмѣшка; яркое солнце не золотило, не скрашивало своими лучами уличной грязи и лохмотьевъ китайскихъ кули, а только досадно слѣпило глаза; шумъ и движенія, казались безтолковой суетой... Почему?..

Старая, въ дѣтствѣ читанная, сказка Андерсона вспомнилась вдругъ. Въ театрѣ фея Фантазія нашептываетъ зрителю: „Посмотри, какъ хороша эта ночь! Какъ, озаренные луной, они живутъ всей полнотой сердца!“—а въ другое ухо долговязый чортъ Анализъ твердитъ свое: „Вовсе не ночь и не луна, а просто размалеванная кулиса, за которой стоитъ пьяный ламповщикъ! А эта вдохновенная пѣвица только-что ссорилась съ антрепренеромъ изъ-за прибавки жалованья“...

Я кажется задремалъ...

Вечеромъ пошелъ въ Морское собраніе. Строевыхъ офицеровъ, какъ нашихъ, такъ и сухопутныхъ, почти не было. Изрѣдка забѣгали штабные или портовые. Преобладали чиновники и штатскіе обыватели. Сплетни и слухи, однѣ другихъ невѣроятнѣе, такъ и висѣли въ воздухѣ. Одно только признавалось всѣми, и никто противъ этого не спорилъ: если бы японцы пустили въ первую атаку не 4, а 40 миноносцевъ и въ то же время высадили хотя бы дивизію, то и крѣпость и остатки эскадры были бы въ ихъ рукахъ въ ту же ночь...

Курьезно, что разговоры на эту, казалось бы, наиболѣе животрепещую тему носили какой-то „академическій“ характеръ сужденій о матеріяхъ важныхъ, но въ будничной жизни несущественныхъ.

Существеннымъ, наиболѣе важнымъ вопросомъ, являлось:—„Какъ-то Намѣстникъ вывернется изъ этого положенія?“—Что онъ вывернется (и притомъ безъ урона), никто не сомнѣвался.—Но какъ?—Просто талантливо отыграется, или за чей-нибудь счетъ, т. е. кого-нибудь выставитъ „козломъ отпущенія“?

— Не сдобровать Старку!.. Хорошій человѣкъ,—а не сдобровать! Прямо скажу—жаль... А ничего не подѣлаетъ!—хриплымъ басомъ заявлялъ грузный (и уже изрядно нагрузившійся) портовый чинъ.

— Напрасно такъ полагаете!—отозвался съ сосѣдняго стола нѣкій „титулярный“.—Не такъ-то просто скушать! Документикъ у него есть въ карманѣ такого сорта, что „самъ“ на мировую пойдетъ! И не только на мировую—ублажать будетъ, къ наградѣ представитъ! Это все намъ, въ штабѣ, точно извѣстно...

— А ты молчалъ бы лучше!—рѣзко оборвалъ его сосѣдъ-собутыльникъ.—Документъ-то у Старка, а не у тебя!

Смотри, дойдетъ до... куда слѣдуетъ,—отъ тебя только мокро останется...

„Титулярный“ вдругъ присмирѣлъ.

На другой день, 2 февраля, еще до подъема флага, я былъ уже на „Петропавловскѣ“. Печальныя вѣсти: „Бояринъ“ погибъ. Приходилось искать мѣста, куда бы пристроиться. По моему служебному возрасту это было не такъ-то просто. Помогли старые друзья по эскадрѣ. Мѣсто нашлось чисто случайно. Опасно заболѣлъ и подалъ рапортъ о списаніи командиръ миноносца „Рѣшительный“, лейтенантъ. К. Для назначенія меня на эту вакансію требовалась канцелярская процедура, которая обычнымъ порядкомъ заняла бы дня три, но тутъ ее обдѣлали въ нѣсколько часовъ: по докладѣ начальнику эскадры его штабъ долженъ былъ запросить штабъ Намѣстника не встрѣчается ли препятствій къ моему назначенію; штабъ намѣстника, по докладѣ его высокопревосходительству, долженъ былъ отвѣтить, и въ случаѣ благопріятнаго отвѣта, доложеннаго начальнику эскадры, этотъ послѣдній могъ отдать приказъ о временномъ моемъ назначеніи, которое получало формальную санкцію послѣ утвержденія его приказомъ самого Намѣстника.

Дѣло оборудовали блестяще. Я самъ служилъ за разсыльнаго и носилъ бумаги изъ одного учрежденія въ другое.

— Ну, братецъ, теперь дѣло въ шляпѣ!—говорилъ старый товарищъ, у котораго я поселился,—вечеромъ выйдетъ приказъ по эскадрѣ, а о приказѣ Намѣстника не заботься,—онъ въ эти мелкія перемѣщенія не входитъ. Это предоставлено Вильгельму Карловичу *), а онъ отвѣтилъ—„препятствій нѣтъ“. Поднесемъ „самому“ корректуру подтвердительнаго приказа—помѣтка зеленымъ карандашомъ—и кончено!

— Спасибо, дорогой! Сердечное спасибо! За обѣдомъ ставлю Муммъ, а теперь пойду повидать К. Можетъ быть, сдача, денежныя суммы...

— Такъ я позову къ обѣду кого-нибудь изъ нашихъ?—кричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

— Зови! Зови! Спрыснемъ!..

Я нашелъ К. въ запасныхъ комнатахъ морского собранія,

---

*) Контръ-адмиралъ Витгефтъ—начальникъ морского штаба Намѣстника.

лежащаго въ постели, въ сильномъ жару *). Одно, что онъ твердо помнилъ, это отсутствіе на его рукахъ какихъ-либо денежныхъ суммъ.

— Только-что начали кампанію, а потому денегъ никакихъ. Снабженіе, припасы... тамъ должно быть... въ книгахъ... Вы найдете...—онъ, видимо усиливался вспомнить, привести въ порядокъ мысли, лихорадочно тѣснившіяся въ головѣ, но его жена, бывшая тутъ-же, исполняя роль сестры милосердія, такъ краснорѣчиво взглянула на меня, что я заторопился покончить дѣловые разговоры, пожелать добраго здоровья и уйти.

Дома—чертогъ сіялъ. Хозяинъ, выражаясь эскадреннымъ жаргономъ, „лоснулъ отъ важности“ и устроилъ обѣдъ gala.

— Идетъ „Рѣшительный“! Мѣсто „Рѣшительному“!

— Господа! безъ каламбуровъ! „рѣшительно“ прошу къ закускѣ!—провозглашалъ хозяинъ.—Институтки вы что ли? Лобызаться, когда на столѣ свѣжая икра и водка!

Вышла формальная пирушка.

— Надо откровенно сознаться, по совѣсти, миноносецъ твой не очень важное кушанье!—басилъ одинъ изъ гостей.—Наше, россійское, неудачное подраженіе типу „Сокола“! Ну, а все-таки: хоть щей горшокъ, да самъ большой! Ха-ха-ха!

Подъ шумъ общаго разговора я разсказалъ хозяину дома результаты моего визита къ К.

— Ну, и слава Богу! Главное деньги, а съ отчетностями по матерьяламъ кто станетъ разбираться? Да, и куда его? Японцамъ въ руки?—вино, видимо, нѣсколько развязало ему языкъ, и онъ вдругъ заговорилъ торопливымъ шопотомъ, наклонившись къ моему уху.—Главное: принимай скорѣе! Завтраже! Подавай рапортъ, что принялъ на законномъ основаніи и вступилъ въ командованіе! Проскочило—пользуйся! Смѣнять ужъ труднѣе! Ну?.. Понялъ?

Послѣ полубезсонныхъ предыдущихъ ночей я спалъ, какъ убитый, когда почувствовалъ, что кто-то толкаетъ меня въ плечо, и услышалъ настойчиво повторяемое: Ваше высокородіе! А! Ваше высокоблагородіе!

---

*) Лейтенантъ К. былъ эвакуированъ, но доѣхалъ только до Харбина, гдѣ скончался.

— Что такое?..

— Такъ что васъ требуютъ къ телефону изъ штаба и очень экстренно!

Сѣрый разсвѣтъ ненастнаго дня глядѣлъ въ окна. Видимо, было еще очень рано.

— Экстренно! весьма экстренно!—повторялъ вѣстовой...

Я вынырнулъ изъ-подъ теплаго одѣяла и, ежась отъ холода, подбѣжалъ къ телефону.

— Алло! Слушаю! Откуда говорятъ?..

— Вчера вечеромъ вышелъ приказъ о вашемъ назначеніи...

— Знаю! Знаю!..

— Можете ли вы сейчасъ вступить въ командованіе? Въ 7 ч. миноносецъ долженъ выйти на рейдъ... Пары разводятъ...

(Я посмотрѣлъ на часы—6 ч. 35 мин.!)

— ...Тамъ поступите въ распоряженіе младшаго флагмана. Флагъ—на „Амурѣ“. Получите инструкціи. Какъ доложить начальнику штаба? Можете ли?..

(Незнакомый миноносецъ... Чортъ его знаетъ, какой... Сѣли—поѣхали... Какой вздоръ! Конечно не могу...—мелькало въ головѣ... но вдругъ вспомнился вчерашній разговоръ—„принимай скорѣй, проскочило—пользуйся“—и вмѣсто энергичнаго отказа я крикнулъ въ телефонъ):

— Конечно могу! Доложите адмиралу—ѣду сію же минуту! Дайте къ пристани дежурный катеръ!

При помощи хозяина дома, тоже сорвавшагося съ постели на звонки телефона, наскоро побросали въ первый попавшійся чемоданъ все, что находили крайне необходимымъ, и черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ на адмиральской пристани въ сопровожденіи вѣстового, тащившаго вещи, а еще минутъ черезъ пять высаживался на „Рѣшительный“.

Меня встрѣтили:—лейтенантъ (минеръ), два мичмана и механикъ. Было не до церемоній. Познакомились и я, прямо, не спускаясь внизъ, прошелъ на мостикъ.

Было 7 ч. утра.

Золотая Гора на своей мачтѣ уже держала сигналъ: „Рѣшительный“, ходъ впередъ!“

— Господи, благослови!—подумалъ я и скомандовалъ:—Отдать носовые швартовы!

Миноносецъ оказался на рѣдкость послушнымъ суденышкомъ. Несмотря на полное съ нимъ незнакомство, я благополучно развернулся въ кашѣ судовъ, заполонявшихъ Восточ-

ный бассейнъ, вышелъ въ проходъ, обогнулъ „Ретвизанъ“, окруженный всякими „портовыми средствами“ и, сопровождаемый миноносцемъ „Стерегущій“, слѣдовавшимъ за мной, оказался на внѣшнемъ рейдѣ, гдѣ ждали насъ „Амуръ“, подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ, „Гилякъ“, и „Гайдамакъ“.

Единственная полученная мною инструкція съ „Амура“ былъ сигналъ: „Слѣдовать за мной. Держаться на правой раковинѣ“.

Пошли въ направленіи къ Таліенвану.

Погода была подозрительная. Пасмурно. Тянулъ слабый восточный вѣтеръ. Въ воздухѣ кружились рѣдкія снѣжинки... Я пригласилъ на мостикъ лейтенанта и спросилъ его: есть ли таблицы девіаціи компасовъ?—Онъ отозвался полнымъ незнаніемъ, такъ какъ назначенъ на миноносецъ только вчера... Спросилъ старшаго изъ мичмановъ, который оказался старожиломъ—на миноносцѣ ужъ двѣ недѣли,—онъ сообщилъ, что въ эту кампанію никто къ компасамъ не прикасался и магниты стоятъ по-прошлогоднему.

— То-то я смотрю, что вмѣсто курса, даннаго адмираломъ, нашъ главный компасъ показываетъ не то цѣну дровъ, не то число жителей!—пошутилъ я; но въ душѣ было не до шутокъ... Скройся за снѣгомъ берега, и я, не зная поправки своихъ компасовъ, оказался бы привязаннымъ къ „Амуру“, какъ слѣпой къ поводырю.

Часу въ десятомъ подошли къ о-вамъ Сан-шанъ-тау, у входа въ заливъ Таліенванъ.

„Амуръ“ сдѣлалъ сигналъ:—„Миноносцамъ осмотрѣть бухты Кэръ и Дипъ“—и вмѣстѣ съ прочими судами отряда („Гилякъ“ и „Гайдамакъ“) далъ малый ходъ, мы же, наоборотъ, увеличили скорость. Я былъ старшимъ, и „Стерегущій“ слѣдовалъ за мной.

Какъ сейчасъ помню этотъ мой „первый выходъ“.

Какъ, поразительно ясно охватывая, воспринимая всѣ мелочи окружающей обстановки, работаетъ мысль въ такіе моменты! Какія неожиданныя рѣшенія принимаются вдругъ, внезапно, какъ бы являясь извнѣ, а на самомъ дѣлѣ (по позднѣйшей критикѣ ихъ) строго соотвѣтствуя условіямъ данной минуты.

Бухты Кэръ и Дипъ (къ востоку отъ Таліенвана) были мнѣ хорошо знакомы по прежнимъ плаваніямъ. Не было нужды ни въ компасѣ, ни въ картѣ,—только бы видѣть примѣтные мысы и камни. Въ этихъ бухтахъ могъ быть непріятель. Прика-

зано—осмотрѣть. Но если кого увидимъ?... Запрещенія нѣтъ! значитъ ясно—акаковать.

— Больше ходъ! Боевая тревога!—крикнулъ я, оборачиваясь назадъ съ мостика.

Команда побѣжала по своимъ мѣстамъ.

— Такъ въ случаѣ... Вы думаете атаковать?—услышалъ я рядомъ голосъ минера...

— Конечно!...—и по огоньку, блеснувшему въ его глазахъ, увидѣлъ ясно, что мой отвѣтъ пришелся ему по душѣ,—Да, приготовьте рулевыя закладки: если миноносцы, свалка,—минами по поверхности...

—На какой бортъ?

— На какой выйдетъ! Поставьте одинъ аппаратъ на правый, другой—на лѣвый, а ужъ тамъ—не зѣвайте!

— Есть!

Къ мостику подбѣжалъ механикъ.

— Будьте готовы на самый полный!—крикнулъ я, предупреждая его вопросъ.

— Атака?

— А кто знаетъ?

Мы шли узловъ 16. Сзади, въ кильватеръ „Рѣшительному“, мчался „Стерегущій“, взбрасывая носомъ пѣнистый бурунъ.

Ближе и ближе бурая, чуть посыпанная снѣгомъ, громада утесистаго мыса, скрывавшаго отъ насъ бухту... Если кто есть—ворвемся неожиданно!.. А вдругъ съ той стороны тоже караулятъ?.. Сердце билось такъ шибко, было такъ жутко и такъ хорошо...

Никого!..

Оба миноносца, описавъ по бухтѣ дугу, выскочили въ море и тѣмъ же порядкомъ осмотрѣли слѣдующую.

Опять—никого!.. Весь нашъ задоръ пропалъ даромъ...

Какъ только, сигналомъ, я донесъ, что обѣ бухты свободны отъ непріятеля, „Амуръ“, приказавъ „Гиляку“ и „Гайдамаку“ ждать его на прежнемъ мѣстѣ, самъ пошелъ ставить мины. Мы, т. е. „Рѣшительный“ и „Стерегущій“, получили приказаніе слѣдовать за нимъ нѣсколько въ сторонѣ и сзади, чтобы разстрѣливать (топить) неудачно поставленныя и всплывшія мины, которыя могли бы указать непріятелю мѣсто загражденія.

Это конвоированіе миннаго транспорта, шедшаго со скоростью 5—6 узловъ, было только скучно...

Возвратившись къ мѣсту, гдѣ насъ должны были ожидать „Гилякъ“ и „Гайдамакъ“, мы ихъ не нашли. Бродили взадъ и впередъ искали... наконецъ, ввиду скораго наступленія сумерокъ, пошли въ Дальній безъ нихъ. Здѣсь оказался „Всадникъ“. На-утро, справившись по телефону, узнали, что, не найдя насъ среди мятели, оба наши конвоира (по собственной иниціативѣ, или по приказанію начальства—не знаю) возвратились въ Портъ-Артуръ. Признаюсь, такое простое рѣшеніе задачи не слишкомъ мнѣ понравилось. Послѣ гибели „Енисея“ у насъ оставался только одинъ минный транспортъ—„Амуръ“, который стоило поберечь. Потому-то и придали ему въ охрану канонерку, минный крейсеръ и два миноносца. Теперь имѣлись на лицо только два послѣдніе. Между тѣмъ главную силу охраны представлялъ „Гилякъ“ со своими 120-m|m пушками.

„Амуръ“ сталъ въ глубинѣ гавани, а „Рѣшительный“ и „Стерегущій“—въ сѣверныхъ и южныхъ воротахъ охранными судами.

Стоянка была отвратительная. Приливо-отливное теченіе, направлявшееся либо въ ворота, либо изъ воротъ гавани, упорно держало миноносецъ, поперекъ крупной зыби, шедшей съ юга. Мотало до такой степени, что, несмотря на всю привычку, на все практикой пріобрѣтенное искусство „заклиниваться“ въ койкѣ,—спать было невозможно. Пожалуй, что охранная служба отъ этого только выигрывала, но зато мы—жестоко терпѣли.

Печальный опытъ „Боярина“, видимо, не прошелъ даромъ, Минированіе Таліенванскаго залива рѣшено было закончить по строго опредѣленному плану, и съ утра слѣдующаго дня портовые паровые барказы занялись подготовительной работой—постановкой вѣхъ, мѣста которыхъ точно обозначались на картѣ, и между которыми должны были расположиться линіи загражденія.

5 февраля произошелъ инцидентъ самъ по себѣ незначительный, но причинившій мнѣ немалое огорченіе.

Я стоялъ бортъ-о-бортъ съ „Амуромъ“ и принималъ уголь. Погрузка еще не была закончена, когда меня потребовали къ адмиралу.

— Можете ли вы немедленнно дать ходъ?

— Такъ точно!

— Рабочіе барказы почему-то возвращаются. Имъ было

приказано возвращаться, если увидятъ что-нибудь подозрительное... Ступайте, узнайте, посмотрите. Если ничего нѣтъ,— прикажите имъ продолжать работу.

— Есть!

Черезъ нѣсколько секундъ „Рѣшительный“ уже мчался изъ гавани на встрѣчу медленно двигавшемуся рабочему отряду.

Поравнялись. Застопорили машины.

— Въ чемъ дѣло?

— Въ морѣ, какъ будто, японскій миноносецъ!

— Сколько?

— Одинъ!

— Большой?

— Не разобрать! Далеко!

Всего вѣроятнѣе—какое-нибудь недоразумѣніе: либо свой. либо—померещилось. Погода ясная—ни тумана, ни снѣга. Что же дѣлать тутъ, при подобныхъ условіяхъ, среди бѣлаго дня, одинокому миноносцу? А если забрелъ, то—ему же хуже! Я ни минуты не колебался.

— Возвращайтесь на работу! Я его прогоню!

Пока неуклюжіе барказы съ гребными шлюпками на буксирѣ разворачивались своимъ черепашьимъ ходомъ, „Рѣшительный“, лихо разсѣкая невысокую, но крутую, встрѣчную волну, весь въ пѣнѣ и брызгахъ, мчался къ проливу между островами Санъ-шанъ-тау.

Опять—боевая тревога; опять—съ возбужденными, радостными лицами разбѣжались по своимъ мѣстамъ офицеры и команда...

Выскочили въ море. Горизонтъ совершенно чистъ. Видимость миль на 10. Кругомъ—ничего, кромѣ одной китайской шампунки, четыреугольный парусъ которой, стоявшій вкось, дѣйствительно можно было издали принять за трубу...

— Не везетъ намъ, ваше высокоблагородіе! Второй разъ!— не удержался отъ фамильярнаго замѣчанія старшій рулевой.

— А можетъ быть и есть?... за уголъ спрятался?...— нерѣшительно, словно про себя, промолвилъ мичманъ, стоявшій на ручкахъ машиннаго телеграфа.

Самъ я не вѣрилъ въ подобную возможность, но эти два замѣчанія показались мнѣ голосомъ народа, т. е. всего экипажа, и я подумалъ, что было бы крупной ошибкой не под-

держать этого настроенія бодраго, молодого задора, этого порыва перевѣдаться съ врагомъ...

— Ну что-жъ?—Поищемъ. Можетъ и подвезетъ! Отъ насъ не спрячешься! Самый полный ходъ! Смотри въ оба молодцы!

Загремѣли звонки машиннаго телеграфа...

Пробѣжали къ одному мысу, къ другому, заглянули,—никого. Никакого признака непріятеля.

— На чистоту-то не смѣютъ!—Что говорить!—Третій день мотаемся—хоть-бы кто!—слышались самоувѣренные голоса среди команды...

— Нѣтъ намъ удачи!—печально вздыхалъ мичманъ...

Пошли обратно, въ гавань Дальняго, для доклада адмиралу, но попути встрѣтили „Всадникъ“.

— Остаться въ морѣ, на подходѣ къ рейду и охранять рабочую партію!—сигналили съ него.

Вернулись и цѣлый день мотались на зыби.

Къ вечеру, возвратившись на свое охранное мѣсто, я поѣхалъ на „Амуръ“ съ рапортомъ. Адмиралъ встрѣтилъ меня весьма сурово и, выслушавъ докладъ, заявилъ:

— Вамъ было приказано только узнать, посмотрѣть и донести, а не пускаться въ авантюры!

— Но, ваше превосходительство, на основаніи того, что я узналъ, я считалъ себя въ правѣ дѣйствовать...

— Вы не имѣли права рисковать своимъ миноносцемъ! Вы обязаны беречь ввѣренное вамъ судно!..

Возвращаясь съ „Амура“, я былъ совсѣмъ... разстроенъ.

— Какъ?—думалось мнѣ,—не рисковать?.. Но вѣдь вся война—это сплошной рискъ и людьми, и судами! Развѣ любая атака миноносца, даже въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не есть, съ точки зрѣнія благоразумной осторожности, самый отчаянный рискъ?.. Беречь свое судно!.. Но вѣдь если его беретутъ въ мирное время, то единственно для боя! Если беречь суда отъ встрѣчи съ непріятелемъ, то лучше всего было бы спрятать ихъ въ неприступныя гавани, но тогда, на кой чортъ самый флотъ?!.

„Не рисковать“—вотъ формула, которой съ одинаковымъ успѣхомъ держались: Алексѣевъ—на морѣ, а Куропаткинъ—на сушѣ.

Сколько разъ вспоминалъ я эту формулу въ теченіи войны, вспоминалъ со злобой... съ проклятіемъ... Вѣдь рискнуть, все таки пришлось, но только уже послѣ цѣлаго ряда неудачъ, без-

плодно растративъ не мало силъ, не использовавъ перваго подъема духа... Въ результатѣ—Мукденъ и Цусима...

Тогда, въ то время, я, конечно, не зналъ и не могъ знать, чѣмъ дѣло кончится, но правдивый самъ предъ собою, въ своемъ дневникѣ не могъ не отмѣтить, что въ душѣ всецѣло присоединяюсь къ тому глухому ропоту, который слышался кругомъ и который я, подолгу службы старался утишить...

Полагаю, понятно, что вернувшись, домой на миноносецъ, я ни словомъ не обмолвился о моей бесѣдѣ съ адмираломъ. Я считалъ, что то настроеніе задора, предпріимчивости жажды сцѣпиться, подраться, которое какимъ-то невѣдомымъ путемъ создалось, и овладѣло офицерами и командой,—необходимое, первое условіе успѣха дѣятельности такого судна, какъ миноносецъ. Я считалъ преступленіемъ расхолаживать ихъ, внушать, что мы не должны „рисковать“ (чѣмъ?—встрѣчей съ непріятелемъ?) и „беречь ввѣренное намъ судно“ (отъ чего?—отъ непріятельскихъ снарядовъ?).

---

7 февраля наша работа была закончена, и мы возвратились въ Портъ-Артуръ. За все время японцевъ такъ и не видѣли. зато отъ постоянно мѣнявшейся погоды пришлось немало вытерпѣть. Иные дни, даже при вѣтрѣ, температура держалась 2—3° выше нуля, иногда же, при штилѣ, морозъ доходилъ до 7°, и за нѣсколько часовъ поверхность гавани покрывалась льдомъ, впрочемъ, такимъ тонкимъ, что миноносецъ рѣзалъ его безъ затрудненія и безъ опасности для корпуса.

За эти же дни обнаружилось весьма непріятное свойство нашихъ минъ заграждения. Испытывались онѣ на тихихъ учебныхъ рейдахъ, въ родѣ Транзунда (въ Балтійскомъ морѣ) и Тендровской косы (въ Черномъ морѣ), гдѣ были признаны вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію. Но здѣсь, въ бухтахъ, куда заходила зыбь съ открытаго (настоящаго) моря, гдѣ дѣйствовали приливо-отливныя теченія, изъ-за ничтожной конструктивной ошибки, онѣ оказались опасными не только для враговъ, но и для друзей. Минрепъ, т. е. веревка, свитая изъ стальной проволоки, которая соединяетъ мину съ якоремъ и держитъ ее на мѣстѣ, проходитъ черезъ отверстіе, вырѣзанное въ особомъ щитѣ, называемомъ парашютомъ. Отверстіе въ парашютѣ выдавливалось общепринятымъ для этой цѣли станкомъ, и никому въ голову не приходило обратить

вниманіе на то, что края его острые. Между тѣмъ, на зыби и перемѣнныхъ теченіяхъ, минрепъ при малѣйшей „слабинѣ“, дававшей ему возможность движенія, терся объ эти острые края, перетирался, и мина, вполнѣ готовая при малѣйшемъ ударѣ къ взрыву, пускалась въ плаваніе по волѣ волнъ.

Былъ случай, когда такая мина подплыла къ стоявшей у самаго берега моря фанзѣ *) рыбака-китайца, удариласъ о прибрежные камни, и—отъ фанзы со всѣми въ ней находившимися ничего не осталось... Другая при тихой погодѣ подплыла къ пологому берегу и здѣсь обсохла во время отлива Ее нашелъ обходъ какого-то стрѣлковаго полка, рѣшилъ предоставить по начальству и поволокъ... Конечно—взрывъ... Изъ 12 человѣкъ обхода чудомъ уцѣлѣлъ только одинъ, который и могъ разсказать, какъ было дѣло... Разумѣется, никто, ни мы, ни японцы, не были обезпечены отъ возможности наткнуться на подобную мину, плавающую въ открытомъ морѣ.

Уходя изъ Таліенвана, мы видѣли двѣ такихъ. Было дано приказаніе ихъ уничтожить.

Въ Портъ Артурѣ меня ожидалъ тяжкій ударъ...

Только что успѣлъ я ошвартовиться у набережной, гдѣ находились угольные склады, и начать погрузку, какъ офицеръ, прибывшій на дежурномъ катерѣ, сообщилъ мнѣ, что уже состоявшимся приказомъ Намѣстника онъ назначенъ командовать „Рѣшительнымъ“, а я перевожусь старшимъ офицеромъ на „Ангару“...

— Миноносецъ пришелъ на отдыхъ?—спрашивалъ „новый командиръ“, не выходя съ катера...

— Какой тутъ отдыхъ! Приказано погрузиться углемъ, перейти къ мастерскимъ, за ночь выполнить необходимыя работы (кое-что есть въ машинѣ) и къ 8 ч. утра быть подъ парами въ готовности идти на рейдъ!.. Вступайте въ командованіе!..

„Новый“ сразу перемѣнилъ тонъ, поспѣшно выскочилъ на палубу, началъ пожимать мнѣ руки...

— Какъ же такъ! Совсѣмъ неожиданно! Я вовсе не готовъ!.. Ужъ вы не откажите въ дружеской услугѣ: по окончаніи погрузки переведите миноносецъ къ мастерскимъ. Войдите въ мое положеніе—первый разъ на суднѣ, въ сумер-

---

*) Фанза—китайская хижина.

кахъ, а можетъ быть и ночью, мѣнять мѣсто въ такой кашѣ..—просительно заговорилъ онъ...

Надо сознаться, это выходило довольно безцеремонно, но я такъ былъ ошеломленъ внезапностью, что машинально отвѣтилъ:

— Хорошо, хорошо... поѣзжайте по вашимъ дѣламъ: я все устрою...

Катеръ поспѣшно убѣжалъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда, установивъ „Рѣшительный“ у элинга, въ ряду другихъ миноносцевъ, я собрался его покинуть. Сборы были недолгіе—одинъ чемоданчикъ,—прочія вещи еще оставались на берегу, на квартирѣ товарища, откуда я такъ внезапно былъ вытребованъ. За позднимъ временемъ, рѣшилъ провести ночь у него же, а къ мѣсту новаго служенія явиться завтра.

Къ каютъ-компаніи офицеры собрались проводить „по обычаю“. Чокнулись, выпили, но пожеланія были какія-то смутныя, сбивчивыя, словно на поминкахъ... Мнѣ показалось, что за этотъ короткій срокъ—всего 5 дней—мы успѣли сжиться, и разставаніе вышло тяжелымъ. Надо было скорѣй кончать.

— Ну, господа!—обратился я къ нимъ.— Какъ бывшій командиръ, хотя и кратковременный, благодарю васъ за службу. Все было отлично. Съ судьбой спорить не приходится. Всякому свое. Я буду гнить на транспортѣ, а вамъ желаю, чтобъ на первомъ же шеколадѣ съ картинками, который выпустятъ за время войны,—была фотографія „Рѣшительнаго“!

— Спасибо! Спасибо! За нами дѣло не станетъ!—Вамъ дай Богъ!—Что вы говорите!—Вамъ ли сидѣть на транспортѣ!—зашумѣли всѣ вдругъ.

Я поспѣшилъ выйти наверхъ. Тамъ, особенно послѣ яркаго освѣщенія каютъ-компаніи, была тьма кромѣшная (по военному положенію—снаружи не должно быть видно никакого огня), только вѣстовой, чуть пріоткрытымъ, боевымъ фонаремъ указывалъ дорогу къ трапу.

— А команда?—схватилъ меня за руку лейтенантъ въ то время, какъ я собирался садиться въ вельботъ...

Оглянувшись, уже нѣсколько освоившись съ темнотой, я различилъ ряды человѣческихъ фигуръ, чернѣвшихъ вдоль борта.

— Зачѣмъ же это? Какой тутъ парадъ! Не по уставу: ночь—спать должны!..

— Я не приказывалъ; сами вышли—хотятъ проститься...

Я ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, вдоль по фронту.

— Спасибо за службу, молодцы! Дай Богъ вамъ и вашему миноносцу скорой встрѣчи съ непріятелемъ и славнаго боя! Прощайте!

— Рады стараться! Покорнѣйше благодаримъ! Счастливо оставаться!..—загудѣло во тьмѣ нестройно, но такъ сердечно, что... я былъ радъ мраку ночи...

Традиціонный поцѣлуй боцману, послѣднее рукопожатіе офицерамъ, нѣсколько взмаховъ веселъ и... все кончено, все осталось далеко позади...

— Что случилось? Въ чемъ дѣло? — набросился я на пріютившаго меня (штабнаго) товарища, — что-жъ ты мнѣ сказки разсказывалъ, что все налажено, все устроено...

— Но, пойми...

— Нѣтъ! ты—пойми! Я бросилъ свое мѣсто ради войны! Кронштадскіе транспорты не хуже артурскихъ, да вѣдь я не пошелъ бы на нихъ! Всю службу провелъ на боевыхъ судахъ, а пришла война—попалъ на транспортъ? Что-жъ это такое? Не нашлось у васъ, что ли, цензовиковъ для „Ангары“? Непочатый уголъ, я думаю!..

— Погоди, погоди! Отругался—и будетъ. Все было сдѣлано такъ, какъ я говорилъ. И корректуру приказа поднесли на утвержденіе, какъ всегда, для проформы... Вдругъ—собственоручно, зеленымъ карандашомъ, вычеркнулъ, говоритъ: есть старше. Вильгельмъ Карловичъ пробовалъ за тебя заступиться... Куда-жъ, говоритъ, его? Вѣдь былъ назначенъ старшимъ офицеромъ...—А онъ,—на„Ангару“!—и самъ помѣтку сдѣлалъ... „Онъ“ все помнитъ...

Я плохо спалъ эту ночь, вѣрнѣе,—вовсе не спалъ.

Старшинство было, очевидно, пустымъ предлогомъ. Изъ числа командировъ миноносцевъ можно было насчитать нѣсколькихъ много моложе меня... Но тогда—что-же? Неужели теперь, въ такое время, на такомъ посту, помнить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ какой-то лейтенантъ не захотѣлъ быть придворнымъ лѣтописцемъ... Помнить, что этотъ маленькій чинъ осмѣлился сказать „его“ адъютанту, что никогда еще не продавалъ ни своего пера, ни своей шпаги!..—Но вѣдь, если даже унижаться до такихъ мелкихъ личныхъ сче-

товъ, такъ и то это—счеты мирнаго времени!.. Передъ грозой войны о нихъ забыть нужно! Такъ честь, такъ долгъ, такъ совѣсть велитъ!..

Не можетъ быть! — думалъ я, ворочаясь на постели и тщетно пытаясь уснуть!—Вѣдь у насъ война! Настоящая война, а не китайская бутафорія... На войнѣ охотниковъ-добровольцевъ пускаютъ въ первую голову...

Съ невольной горечью вспомнился разсказъ про одного изъ нашихъ извѣстныхъ адмираловъ, какъ онъ, будучи еще старшимъ офицеромъ, на замѣчаніе командира, отличавшагося самовластіемъ (чтобы не сказать самодурствомъ).—У меня такъ служить нельзя!—отвѣтилъ:—Я не у васъ служу, а съ вами служу Государю Императору! Меня нанять къ себѣ на службу—у васъ денегъ не хватитъ!

Какой ужасной ересью было бы признано такое исповѣданіе вѣры въ Портъ-Артурѣ временъ намѣстничества!..

Чуть забрезжилъ свѣтъ, я уже былъ на ногахъ и, едва дождавшись положеннаго срока (начала присутствія), поспѣшилъ въ штабъ.

В. К. Витгефтъ принялъ меня немедленно, но еще болѣе, чѣмъ въ первое свиданіе, казался озабоченнымъ и смущеннымъ.

— Напрасно вы такъ огорчаетесь насчетъ „Ангары“,— пробовалъ утѣшить онъ,—это вовсе не транспортъ. Она ужъ зачислена въ крейсерскій отрядъ. Ей, можетъ быть, предстоятъ весьма важныя операціи... Пароходъ недавно принятъ отъ Добровольнаго флота; команда сборная... На васъ разсчитываютъ, что вы тамъ все устроите... Это дѣло старшаго офицера... и очень отвѣтственное и серьезное дѣло...

— Но если это назначеніе такое почетное, то несомнѣнно на него найдутся кандидаты и старше, и достойнѣе меня. Я отнюдь его не домогаюсь. Я былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на „Бояринъ“. „Бояринъ“—погибъ. Смѣшно было-бы проситься на другой корабль тоже старшимъ офицеромъ я и не думаю объ этомъ, но я прошу какого-нибудь мѣста на боевомъ кораблѣ! Для этого я сюда ѣхалъ. Вы меня знаете—я штурманъ перваго разряда, много плавалъ, и здѣшнія мѣста знакомы мнѣ въ совершенствѣ...—Назначьте меня штурманомъ! Если нельзя—хоть вахтеннымъ начальникомъ! Я всѣмъ буду доволенъ!..

Адмиралъ, всегда бывшій плохимъ дипломатомъ, не выдер-

жалъ роли и, перегнувшись ко мнѣ черезъ столъ, безпомощно развелъ руками.

— Ну что я могу? Неужели вы думаете, что я бы... Но, когда... понимаете *собственноручно! Зеленымъ карандашомъ!..*

Не, стоитъ говорить о томъ, что я думалъ и чувствовалъ, выходя изъ штаба...

На порогѣ меня задержалъ одинъ изъ старыхъ пріятелей.

— Макаровъ назначенъ въ Тихій океанъ съ званіемъ командующаго флотомъ,—скороговоркой на ухо шепнулъ онъ.

— Что?.. А вы?..

— Уѣзжаемъ... Доволенъ? Теперь не засидишься на „Ангарѣ“! Только не болтай, пока—секретъ...

Я отъ души пожалъ ему руку и съ облегченнымъ сердцемъ отправился къ новому мѣсту службы.

III.

«Эскадра» подъ высокой рукой адмирала Алексѣева. — Личныя наблюденія. — Разсказы участниковъ и очевидцевъ про 26 и 27 Января. — Жизнь порта и портовые обычаи. — Первая попытка японцевъ «закупорить» П.-Артуръ. — Начало разоруженія судовъ. — Въ ожиданіи пріѣзда С. О. Макарова.

На „Ангарѣ“ мнѣ впервые пришлось встрѣтиться съ очевидцами катастрофы 26 января и непосредственными участниками боя 27 января, притомъ встрѣтиться къ каютъ-компаніи, въ качествѣ сослуживца, а не чужого человѣка.

Позволю себѣ здѣсь маленькое отступленіе. Принимаясь за настоящую работу, я вовсе не собирался писать исторіи минувшей войны на морѣ: Такой трудъ будетъ возможно осуществить во всей его полнотѣ лишь тогда, когда для изслѣдователя откроются нынѣ закрытые архивы, когда „секретныя“, „весьма секретныя“ и „конфиденціальныя“ донесенія, предписанія и отношенія сдѣлаются общимъ достояніемъ. Въ настоящій моментъ мы волей-неволей вынуждены довольствоваться офиціальными реляціями (въ которыхъ многое опущено, многое подчеркнуто,—сообразно условіямъ военнаго времени) и частными источниками.

Въ числѣ послѣднихъ, лично для меня, является, вполнѣ естественно, самымъ достовѣрнымъ мой дневникъ, который я велъ безпрерывно съ отъѣзда изъ Петербурга, 16 января

1904 г., и до возвращенія туда-же, 6 декабря 1905 г. Въ него занесены всѣ факты, которыхъ я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ, равно какъ и разсказы очевидцевъ, переданные подъ первымъ, свѣжимъ, впечатлѣніемъ только что совершившагося событія. Не одни только факты, но и отношеніе къ нимъ окружающихъ заботливо отмѣчались мною. Теперь я хочу на основаніи этихъ моихъ замѣтокъ попытаться разсказать читателю не исторію войны, но исторію людей, принимавшихъ въ ней участіе. Я хочу, насколько сумѣю, съ фотографической точностью возсоздать тѣ настроенія, которыя владѣли нами, разсказать безъ утайки о тѣхъ надеждахъ и сомнѣніяхъ, которыя насъ волновали, о тѣхъ разочарованіяхъ, о тѣхъ ударахъ, которые довелось пережить...

Впечатлѣніе, вынесенное мною за первые дни моего пребыванія въ Портъ-Артурѣ, было весьма странное... Казалось, только что совершившіяся грозныя событія не слишкомъ занимали общественное мнѣніе: чувствовалось, что всѣ живутъ подъ гнетомъ страха, но не за судьбу эскадры или крѣпости, а за свою собственную, и притомъ не въ смыслѣ покушенія на жизнь и достояніе со стороны врага, а въ смыслѣ... благорасположенія начальства.

Какъ-то еще обернется дѣло? Кто окажется виноватымъ? Не влетѣть бы въ грязную исторію?—Эти вопросы видимо мучили всѣхъ и высокихъ, и малыхъ чиновъ.

Надо замѣтить, что населеніе П.-Артура составляли почти исключительно, либо служащіе, либо люди, находившіеся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ казной, благосостояніе которыхъ всецѣло зависѣло отъ настроенія начальства. Вотъ почему, на мои вопросы о подробностяхъ, а главное о причинахъ разыгравшейся катастрофы, я ни отъ кого не могъ добиться обстоятельнаго отвѣта. Всѣ, либо отмалчивались, либо отговаривались незнаніемъ, либо внезапно вспоминали неотложное дѣло, не позволяющее продолжать бесѣду. Вѣдь излагая факты, надо же было освѣтить ихъ съ той или иной точки зрѣнія... а это было „крайне опасно“!.. Видимо, изъ опыта прежнихъ лѣтъ всякій зналъ, что смѣлый отзывъ, самостоятельное сужденіе—немедленно, неисповѣдимыми путями, достигнутъ туда, куда слѣдуетъ—и неосторожный (часто недоумѣвая—въ чемъ дѣло) вдругъ почувствуетъ на себѣ карающую руку... Это не было проявленіемъ суровой дисциплины, какъ утверждали нѣкоторые: вѣдь дисциплина—это

есть сознательное подчиненіе закону всѣхъ, отъ самаго старшаго до самаго младшаго „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“, а здѣсь былъ только страхъ, страхъ передъ всесильнымъ, безотвѣтственнымъ начальствомъ...

Зато какъ развязались языки, когда извѣстіе о назначеніи адмирала Макарова (сколько ни старались сохранить его въ секретѣ) разнеслось по городу!.. И здѣсь ярче всего сказалась цѣна этой дисциплины „токмо за страхъ“. Ужъ я то никоимъ образомъ не могъ бы быть причисленъ къ поклонникамъ Намѣстника, но и меня не разъ коробило „ослиное копыто“, поглядывавшее въ смѣлыхъ рѣчахъ вчерашнихъ „всепреданнѣйшихъ“...

Эскадра Тихаго океана, на которой я провелъ почти всю мою службу, не являлась для меня понятіемъ отвлеченнымъ или просто сборищемъ судовъ,—нѣтъ, это было живое, дорогое, близкое, проникнутое единымъ духомъ, существо, съ которымъ я сроднился, которое горячо полюбилъ. Отправляясь на Востокъ, мнѣ всегда казалось, что я ѣду „домой“. Я былъ участникомъ жизни этой эскадры, когда, если можно такъ выразиться, она была еще въ дѣтскомъ возрастѣ, а за послѣднее плаваніе, продолжавшееся пять лѣтъ, былъ свидѣтелемъ расцвѣта ея силъ во времена командованія Дубасова и Гильтебрандта... Мнѣ не привелось наблюдать ея постепеннаго упадка,—я видѣлъ только ея гибель.

— Но неужели же за три года моего отсутствія,—спрашивалъ я себя,—могла совершиться такая перемѣна?—Могла погибнуть, разложиться на составные элементы такая стройная, могучая организація?..

Живя въ Кронштадтѣ, я конечно зналъ объ учрежденіи въ Тихомъ океанѣ вооруженнаго резерва, о сокращеніи кредитовъ на плаваніе, вслѣдствіе чего корабли, даже избѣгнувшіе резерва, плавали не больше 20 дней въ году, а остальное время изображали собою плавучія казармы; зналъ также о постоянныхъ переводахъ и перемѣщеніяхъ офицеровъ, но вѣра въ „эскадру“ оставалась во мнѣ непоколебимой.

Это все временное,—думалось мнѣ.—Внѣшнія причины создали нѣкоторое разстройство, и стоитъ имъ изчезнуть, чтобы порядокъ возстановился. Подойдетъ война, и „гастролеры“ отхлынутъ; офицеры поспѣшатъ вернуться на „свои“ корабли, и эскадра заживетъ полной жизнью.

Я такъ хорошо помнилъ, такъ сроднился съ этимъ куль-

томъ „своего“ корабля, господствовавшимъ на эскадрѣ. Я зналъ лейтенанта, пробывшаго уже три года въ чинѣ, но за отсутствіемъ естественнаго, домашняго, движенія все еще остававшагося вахтеннымъ офицеромъ (по сухопутному—субалтернъ-офицеръ) и упорно отказывавшагося отъ назначенія вахтеннымъ начальникомъ потому, что такое повышеніе неизбѣжно обусловливало переводъ съ „нашего „Нахимова“ на „какой-то „Корниловъ“; зналъ другого лейтенанта, бывшаго офицеромъ уже 15 лѣтъ, который, состоя старшимъ артиллеристомъ на броненосцѣ внутренняго плаванія и узнавъ, что „его „Донской“, недавно вернувшійся изъ Тихаго океана, внезапно опять отправляется туда,—бросился просить по начальству и былъ счастливъ, добившись назначенія на „свой“ крейсеръ на должность вахтеннаго начальника (на содержаніе вдвое меньшее)... Я могъ бы привести еще много подобныхъ примѣровъ, но думаю, что и этихъ достаточно. Я помнилъ запальчивую молодежь, всегда готовую, съ оружіемъ въ рукахъ, потребовать удовлетворенія за непочтительный отзывъ о „своемъ“ кораблѣ, и разыгрывавшіяся на той же почвѣ драки подгулявшихъ на берегу матросовъ, рѣшавшихъ вопросы чести „своего“ корабля болѣе простымъ и грубымъ способомъ...

Да не подумаетъ читатель, что это было своего рода бретерство.

Совсѣмъ нѣтъ.

Такое настроеніе наиболѣе впечатлительныхъ элементовъ вполнѣ естественно вытекало изъ убѣжденія, что если каждый отдаетъ всю свою заботу, всю энергію на службу „своему“ кораблю, то онъ этотъ корабль, не можетъ не быть самымъ лучшимъ! Вѣдь за каждымъ маневромъ, за каждой работой, на каждомъ общемъ ученьѣ сотни ревнивыхъ глазъ слѣдили за своими сосѣдями, и, сохрани Богъ, если дружный хоръ этихъ строгихъ и опытныхъ критиковъ уличалъ кого-нибудь въ томъ, что они „показываютъ Петрушку“... На почвѣ этого соревнованія кораблей выросъ „культъ эскадры“, въ которой каждый корабль стремился быть лучшимъ ея украшеніемъ. Боже мой, какъ ревниво слѣдили (по приказамъ, отчетамъ и корреспонденціямъ) за тѣмъ, что дѣлается въ другихъ моряхъ! Какъ стремились къ первенству въ боевомъ отношеніи, передъ всякими другими эскадрами и отрядами!..

Помню, какъ, проплававъ три года старшимъ штурманомъ

на „Донскомъ“, я получилъ предложеніе адмирала Дубасова вступить въ его штабъ старшимъ флагъ-офицеромъ. Вышло это совсѣмъ неожиданно и такъ меня поразило, что я попросилъ сутки на размышленіе и, вернувшись „домой“, сталъ совѣтоваться съ командиромъ, старшимъ офицеромъ и старожилами каютъ-компаніи: „какъ быть? можно ли бросить крейсеръ? не будетъ ли это измѣной?“—Судили, рядили и пришли къ заключенію, что отказываться нельзя, что это не переводъ на другой корабль, хотя бы и съ повышеніемъ (что было бы некорректно по отношенію къ „своему“ кораблю), но переходъ на службу всей „нашей“ эскадрѣ, въ которой „Донской“, хотя и самый лучшій, но все же только одинъ изъ многихъ...

Все это я помнилъ. И вотъ почему не колебалась моя вѣра въ „эскадру“. Я вѣрилъ, что живъ духъ ея. Я не зналъ, что за эти три года, проведенные мною въ Кронштадтѣ, тамъ, далеко, подъ Золотой горой Портъ-Артура, дѣлалось (можетъ быть безсознательно) все возможное къ тому, чтобы угасить этотъ духъ... что тамъ командиръ, который дѣйствительно берегъ и любилъ свой корабль, который не скрывалъ никакой, хотя бы самой ничтожной, неисправности, докладывалъ о ней, просилъ разрѣшенія ее исправить, такъ какъ съ теченіемъ времени эта мелочь могла перейти въ крупное поврежденіе,—такой командиръ считался „неудобнымъ“ и „безпокойнымъ“... Намѣстнику надо было только одно: чтобы за время его владычества не было другихъ донесеній, кромѣ—„все обстоитъ благополучно“—на основаніи которыхъ самъ онъ имѣлъ бы право всеподданнѣйше доносить, что „ввѣренный ему флотъ неизмѣнно пребываетъ въ полной боевой готовности и смѣло отразитъ всякое покушеніе со стороны дерзкаго врага“.

Кто не умѣлъ, или (что еще хуже) не хотѣлъ проникнуться этимъ принципомъ, осмѣливался думать, что служитъ не намѣстнику Его Величества, а самому Государю Императору, что намѣстнику онъ—только подчиненный, и лишь Государю—вѣрноподданный, что предъ лицомъ Верховнаго Вождя и командующій флотомъ, и матросъ 2 статьи—одинаково слуги Престола и Отечества, ревность и преданность которыхъ одинаково цѣнятся, внѣ зависимости отъ ихъ іерархическаго положенія,—тѣ не въ чести были...

Надо отдать полную справедливость: адмиралъ Алексѣевъ, облеченный почти самодержавной властью, сумѣлъ достигнуть

своей цѣли—близь него были исключительно, если не „всеподданнѣйшіе“, то, по крайней мѣрѣ, — „всепреданнѣйшіе...“ О plebs'ѣ, конечно, и думать не стоило—ему нужны только ежовыя рукавицы,—а что касается тѣхъ, которые были не близко и недалеко, т. е. въ массѣ офицерства—въ средѣ ихъ, путемъ постоянныхъ переводовъ съ корабля на корабль, систематически вытравливался всякій духъ сплоченности, единенія, внѣдрялась идея, что при благосклонности начальства, „числясь“ на портовомъ пароходѣ, можно идти по службѣ много шибче, чѣмъ ревностно исполняя свои обязанности на боевомъ кораблѣ.

Теперь—ни въ порту, ни въ клубѣ, ни даже на эскадрѣ—нигдѣ не приходилось слышать разговоровъ на старую, дорогую тему—„А вотъ, у насъ, на кораблѣ...“ или „У насъ, на эскадрѣ...“

Всѣ интересы сосредоточивались на успѣшномъ прохожденіи службы. Говорили о томъ, „кому подвезло“, соображали на счетъ открывающихся вакансій, гдѣ больше содержанія, какое мѣсто больше „на виду“ у начальства... Правда, иногда раздавалось—„У насъ въ Артурѣ...“—Но какъ обидно было слышать такія слова въ разговорѣ морскихъ офицеровъ, для которыхъ, по образному опредѣленію адмирала Макарова, должно было бы считаться основой служебной этики: „Въ морѣ—значитъ дома...“ Превращеніе кораблей въ плавучія казармы видимо удалось выполнить съ блестящимъ успѣхомъ...

Я былъ пораженъ... Мнѣ было такъ обидно видѣть этотъ разгромъ личнаго состава „нашей“ эскадры... Лишь кое-гдѣ, на нѣкоторыхъ судахъ, какъ-будто сохранились еще отблески старыхъ традицій...

Но я надѣялся и, кажется, не ошибся, что стоитъ только стряхнуть внѣшній гнетъ, и яркимъ пламенемъ вырвется на свободу „духъ эскадры“, въ теченіе трехъ лѣтъ старательно прикрывавшійся золой и пепломъ... Признаки были... „Верхи“ еще хранили величавое, почти могильное, безмолвіе; канцеляріи работали заведеннымъ порядкомъ, словно ничего особеннаго не случилось, а по-низу, словно поземный пожаръ по сухому застоявшемуся бору, уже неслась радостная вѣсть: „Макаровъ выѣхалъ изъ Петербурга“

Но возвращаюсь къ моему разсказу.

Разумѣется, больше всего меня интересовала достовѣрность ходившихъ по городу слуховъ о недавнихъ событіяхъ, тѣхъ слуховъ, которые еще въ Харбинѣ сообщали намъ артурскіе бѣглецы и которые они несомнѣнно развезли по всей Россіи...

— Правда ли,—спрашивалъ я,—что эскадра проявила безпечность прямо... непонятную? Что она стояла на внѣшнемъ рейдѣ со всѣми огнями, безъ паровъ, безъ сѣтей, безъ охранныхъ и сторожевыхъ судовъ? Что въ самый моментъ атаки не только многіе офицеры и командиры, но даже самъ адмиралъ находились на берегу, празднуя день ангела М. И. Старкъ?

— Прежде всего, признайте, что личный составъ „Ангары"—(бесѣда происходила на „Ангарѣ" съ однимъ изъ новыхъ сослуживцевъ)—по существу дѣла, самый безпристрастный свидѣтель всего происшедшаго. Въ эскадрѣ мы состоимъ безъ году недѣля, не связаны съ ней никакими традиціями, никакой привычкой долгой совмѣстной службы, даже наоборотъ—можемъ считать себя обиженными, такъ какъ попали вмѣсто боевого судна на вооруженный пароходъ... Такъ вотъ, я вамъ отвѣчу категорически: первая часть вашего вопроса—горькая истина, но съ оговоркой, что не эскадра виновата въ проявленной безпечности, которую вы мягко назвали непонятной, а я прямо назову—преступной! Что касается второй части—то это сплетня, пущенная съ явной цѣлью взвалить всю отвѣтственность за происшедшее на адмирала Старка. Не знаю, можетъ быть въ тотъ моментъ такъ нужно было... Вѣдь, послѣ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія по городу, по крѣпости—уже пронеслось роковое слово „измѣна"... А если бы оно вырвалось крикомъ?..—Подумать страшно!..

Нашъ старикъ выдержалъ тяжелую марку, но оказался на высотѣ—не поддался искушенію всенародно оправдаться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, такъ какъ, Богъ вѣсть, чѣмъ бы могло это кончиться... Не обнародовалъ своего знаменитаго „документа", который былъ у него въ карманѣ... Онъ только напомнилъ о немъ, кому слѣдуетъ,—и тотчасъ-же всѣ достовѣрные лжесвидѣтели и безъ лести преданные клеветники заткнули фонтанъ своего краснорѣчія. Очевидно—приказали молчать...—Тутъ, батенька, древнимъ римляниномъ пахнетъ!—Pereat mea gloria, vivat patria! Впрочемъ въ латыни я слабъ... Однако же, судите сами: скажи онъ тогда—„Мнѣ не позволяли стоять по боевому. Вотъ доказатель-

ства!"—Можетъ быть, на другой день отъ дворца намѣстника не осталось бы камня на камнѣ...

— Значитъ—неправда?

Мой собесѣдникъ досадливо передернулъ плечами и рѣзко, отчеканивая каждое слово, продолжалъ:

— Съ того момента, какъ эскадра стала по диспозиціи на внѣшнемъ рейдѣ, приказано было, разъ навсегда, чтобы къ заходу солнца, къ 5 ч. дня, весь личный составъ былъ на своихъ судахъ, и сообщеніе съ берегомъ прекращалось вплоть до разсвѣта. Это было единственное распоряженіе, въ смыслѣ мѣръ предосторожности, которое начальникъ эскадры могъ отдать своей властью, не спрашивая разрѣшенія намѣстника. И это приказаніе въ точности выполнялось. Особенно 26 января! Еще бы!..—Вѣдь всѣ мы видѣли, какъ пришелъ пароходъ съ японскимъ консуломъ изъ Чифу, чтобы забрать и увезти изъ Артура японскихъ подданныхъ. Мы видѣли, какъ онъ стоялъ на якорѣ, чуть что не посреди эскадры, какъ онъ торопился уйти засвѣтло. Кому же не было ясно, что это—война! Или вы думаете, что мы этого не понимали?!.. Да развѣ, если бы вся эскадра не была на-чеку, подхватили бы такъ быстро, по всѣмъ судамъ, боевую тревогу? развѣ могли бы мы такъ дешево отдѣлаться?!.

Ко времени этого разговора изъ Чифу уже были получены (изъ частныхъ, но достовѣрныхъ источниковъ) свѣдѣнія, что на пароходѣ, приходившемъ въ П.-Артуръ 26 января, кромѣ консула находился еще и неоффиціальный японскій морской агентъ, проживавшій въ Чифу уже много лѣтъ. Говорили даже, что въ П.-Артурѣ онъ съѣзжалъ на берегъ подъ видомъ консульскаго слуги. Пароходъ, имѣвшій за время стоянки полную возможность совершенно точно нанести на карту диспозицію нашей эскадры, выйдя въ море, встрѣтилъ на условленномъ рандеву японскую эскадру и передалъ на нее мнимаго лакея, конечно, со всѣми, собранными имъ, послѣдними извѣстіями.

Большую услугу оказало японцамъ также „ученье отраженія минной атаки", назначенное въ ночь на 27 января, для чего въ море были высланы четыре нашихъ миноносца.

Хотя это несвоевременное ученье (неизвѣстно по чьей иниціативѣ) было отмѣнено, и миноносцамъ было приказано идти на ночь въ Дальній, но послѣднее распоряженіе на эскадрѣ извѣстно не было, и когда въ 11-мъ часу вечера показались

съ моря миноносцы, идущіе со всѣми огнями, ихъ, весьма естественно, приняли за своихъ. Утверждаютъ даже, хотя фактъ этотъ неудостовѣренъ, что одинъ изъ миноносцевъ совершенно правильно показывалъ позывные сигналы „Стерегущаго“—одного изъ нашихъ отсутствовавшихъ... Только глухіе удары минныхъ взрывовъ и звуки боевой тревоги на поврежденныхъ судахъ разсѣяли сомнѣнія...

— Но пары? сѣти? огни? сторожевыя и охранныя суда?— спрашивалъ я...

— Ахъ, что вы говорите! Точно не знаете!.. Развѣ это могъ приказать начальникъ эскадры? Надо было разрѣшеніе намѣстника!..

— Отчего-жъ не просили? не настаивали?..

— Не просили!.. Сколько разъ просили! и не на словахъ только—адмиралъ рапортъ подалъ!.. А на рапортѣ, зеленымъ карандашомъ резолюція—„Преждевременно“... Теперь объясняютъ разно: одни говорятъ, будто боялись, что наши воинственныя приготовленія могутъ быть приняты за вызовъ и ускорить наступленіе разрыва, а другіе—будто на 27-е предполагалось торжественное объявленіе, состоявшагося отозванія посланниковъ, молебствіе, парадъ, призывъ стать грудью и т. д... Только вотъ—японцы поторопились на одинъ день...

— Ну, а впечатлѣніе, которое произвела атака? Настроеніе на эскадрѣ?..

— Что-жъ... впечатлѣніе?—Впечатлѣніе конечно, тяжелое, но паники не было. Фактъ налицо—всѣ остальныя атаки удачно отбили... Потери, поврежденія—не сразу выяснились. „Ретвизанъ“ только сѣлъ носомъ, „Паллада“—кормой. Ночь, темно,—даже замѣтить трудно. Вотъ, когда „Цесаревичъ“, повалившись на бокъ, кренъ 18°, шелъ въ гавань,—жутко было... Думали, вотъ-вотъ перевернется... А настроеніе?.. Да, что!—внезапно воодушевляясь, заговорилъ онъ:—когда, послѣ первой, внезапной атаки, японцы скрылись, пальба стихла, но угаръ еще не прошелъ,—нашъ добродушный толстякъ З. повернулся къ Золотой Горѣ и со слезами, но и съ такой злобой въ голосѣ закричалъ, грозя кулаками:—Дождались?.. непогрѣшимые, всепресвѣтлѣйшіе!.. и т. д. (приводить въ печати неудобно). Вотъ, это и было настроеніе... думаю — общее...

— Ну, а 27-го?..

— Тоже какая-то дрянь вышла... Понятно, что сейчасъ

же послѣ атаки, даже не ожидая сигнала, всѣ начали разводить пары. Подбитыя суда немедленно пошли въ гавань, да впотемкахъ, плохо слушаясь руля изъ-за пробоинъ, никто не попалъ, куда хотѣлъ. Всѣ трое, рядышкомъ, выкатили на отмель Тигроваго Хвоста подъ самымъ маякомъ... На другой день „Цесаревичъ“ и „Палладу“ сняли, отвели внутро, а „Ретвизанъ“ такъ и сидитъ до сихъ поръ: у него пробоина въ носу, и черезъ нее, по системѣ вентиляціонныхъ трубъ, одобренной техническимъ комитетомъ, вода медленно, но вѣрно, сплющивая какіе-то спеціально изобрѣтенные шаровые клапаны, распространяется по всему броненосцу. Изолировать пробоину невозможно. Надо ее, хоть временно, задѣлать, а безъ этого—слава Богу, что сидитъ на мели!..

Ну, такъ вотъ: стоимъ подъ парами. Передъ разсвѣтомъ, когда закончились атаки миноносцевъ, послали крейсера на развѣдку. Первымъ возвращается „Бояринъ“, держитъ сигналъ: „Видѣлъ приближающагося непріятеля“.—Немного погодя, полнымъ ходомъ, уже въ перестрѣлкѣ съ насѣдающими крейсерами японцевъ, идетъ „Аскольдъ“ и сигналистъ: „Непріятель наступаетъ въ большихъ силахъ“. А мы—стоимъ на якорѣ въ трехъ колоннахъ, и наша „Ангара“ совсѣмъ на отлетѣ, самымъ восточнымъ кораблемъ южной линіи... Наконецъ—безъ всякихъ сигналовъ, своими глазами видимъ—появляется на горизонтѣ весь японскій флотъ... А мы—все стоимъ... Видите ли: съ утра начальникъ эскадры былъ вызванъ къ намѣстнику для полученія инструкцій и еще не возвратился... Это мы ужъ послѣ узнали, а тогда... понимаете—такъ и подмываетъ! такъ и дергаетъ!..

— Какъ же? не доложили? не послали сказать?..

— Не доложили! не послали сказать! Ха-ха-ха!..—желчно разсмѣялся мой собесѣдникъ.—Да вы забыли, что ли? Вѣдь Золотая гора первой принимаетъ всѣ сигналы, и горизонтъ у нея много больше, чѣмъ у судовъ, стоящихъ на рейдѣ! А съ Золотой горы—телефонъ прямо во дворецъ къ намѣстнику!.. Должно быть, все совѣщались,—находили, что еще „преждевременно“!.. Впрочемъ—какъ знать, чего не знаешь?.. Словомъ, флагъ-капитанъ, видя, что непріятель вотъ-вотъ откроетъ огонь, сдѣлалъ сигналъ.—„Сняться съ якоря, быть въ строѣ кильватера“—самъ, не дождавшись возвращенія адмирала, который догналъ „Петропавловскъ“ на катерѣ и высадился на него уже на ходу... Боя настоящаго не было.

Правильнѣе сказать—перестрѣлка. Хорошо стрѣляютъ. Первые ихъ два снаряда такъ и легли, оба у самаго борта „Петропавловска“... Нарвались на Электрическій утесъ. Его 10-ти-дюймовую батарею успѣли изготовить. Съ возвышеннаго-тс берега, да съ крѣпостнымъ дальномѣромъ!.. Кажется, имъ здорово влетѣло!—40 минутъ пострѣляли и заторопились домой! У насъ—азартъ, подъемъ духа! Сигналъ: „Преслѣдовать непріятеля!“—„Аскольдъ“, „Новикъ“—наши скороходы—ужъ бросились впередъ, въ первую голову... Вдругъ—на Золотой горѣ поднимаютъ „фертъ“ *)... Вернулись... Потомъ всѣ, въ порядкѣ постепенности, вошли въ гавань... И вотъ—стоимъ...

Я слушалъ и хотѣлъ бы не вѣрить...

„Ангара“ тоже принимала участіе въ бою. Конечно, въ виду большой дистанціи, врядъ ли она нанесла непріятелю какой-нибудь уронъ своими 120-мм. пушками, хотя сама порядочно потерпѣла. Были убитые и раненые; былъ критическій моментъ, когда оказался перебитымъ рулевой приводъ, и нѣкоторое время пришлось управляться машинами; большая часть шлюпокъ лѣваго борта превратилась въ рѣшето; трубы, вентиляторы пострѣли мелкими пробоинами... но все отъ осколковъ снарядовъ, рвавшихся о воду, близъ борта. Единственный (зато 12-дюймовый) снарядъ, попавшій въ пароходъ, на счастье не разорвался: пробивъ бортъ, палубу, нѣсколько переборокъ, онъ залетѣлъ въ каюту перваго класса, разрушилъ койку и мирно опочилъ въ ея пружинномъ матрасѣ... Похоже на анекдотъ,—но правда.

Я, лично, не слишкомъ вѣрилъ въ обѣщанную крейсерскую службу „Ангары“. Вѣдь *настоящіе* крейсера, на моихъ глазахъ, стояли безъ всякаго дѣла...

„Беречь суда! Отнюдь не рисковать“—этотъ лозунгъ, съ которымъ я недавно познакомился, врядъ ли былъ принятъ младшимъ флагманомъ самостоятельно. Вѣроятно, онъ былъ данъ „свыше“... Конечно эти пессимистическія размышленія я хранилъ про себя и не только ихъ не высказывалъ, но

---

*) «Фертъ», т. е. флагъ, соотвѣтствующій буквѣ Ф., означаетъ—«Предыдущій сигналъ отмѣняется».

еще, всѣми мѣрами, пытался подбодрить личный составъ и привлечь его къ дружной работѣ по подготовкѣ „Ангары“ къ ея будущей дѣятельности. А работы было не мало.

„Ангара“ (бывшая „Москва“)—одинъ изъ лучшихъ пароходовъ Добровольнаго флота—была принята подъ военный флагъ передъ самой войной. На нее поставили артиллерію (шесть 120-m/m и восемь 75-m/m пушекъ), грузовые трюмы засыпали углемъ, назначили сборную команду съ разныхъ судовъ, перемѣнили названіе, и—вспомогательный крейсеръ былъ готовъ.

Организація судовой жизни, всѣ эти, непонятныя непосвященнымъ „росписанія“, въ которыхъ на всякій случай и во всякой обстановкѣ каждому человѣку указаны его мѣсто и обязанности сообразно его званію и спеціальности,—находились въ зачаточномъ состояніи. Сверхъ того необходимо было озаботиться, съ тѣми средствами, какія были подъ руками, блиндировать (прикрыть хотя бы отъ осколковъ) наиболѣе жизненныя и нѣжныя части, какъ-то—приборы для управленія рулемъ и машинами, пожарныя трубы и т. п.

Главное же—надо было до крайнихъ предѣловъ уменьшить количество дерева и вообще горючихъ матеріаловъ. „Ангара“, т. е. „Москва“, съ ея роскошной отдѣлкой пассажирскаго парохода, представляла собою настоящій плавучій костеръ. Счастье было, что 27 января 12-дюймовый снарядъ, угодившій въ каюту 1 класса, не разорвался,—тутъ было бы гдѣ разгуляться пожару!..

Въ моихъ хлопотахъ я встрѣтилъ неожиданное, хотя чисто формальное, препятствіе со стороны командира: надо было спросить разрѣшенія намѣстника. Оказывается, за нѣсколько дней до начала военныхъ дѣйствій онъ посѣтилъ „Ангару“ и намѣтилъ ее, какъ яхту-крейсеръ, предназначенную для него и его штаба въ случаѣ необходимости прослѣдовать куда-нибудь моремъ. Принимая во вниманіе, что въ военное время штабъ намѣстника достигалъ числа 93 человѣкъ (адмираловъ, генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ), дѣйствительно, „Ангара“ являлась для этой цѣли кораблемъ, наиболѣе подходящимъ... Первоначально предполагалось даже совершенно закрыть всѣ помѣщенія I класса и держать ихъ въ полной неприкосновенности для будущаго высокаго назначенія, а командира и офицеровъ поселить въ скромныхъ каютахъ судоваго состава.

Впослѣдствіи, когда выяснилось, что эти каюты необходимы для помѣщенія въ нихъ кондукторовъ, устройства канцеляріи и малыхъ складовъ тѣхъ артиллерійскихъ, минныхъ и шкиперскихъ матеріаловъ, которые нужно всегда имѣть подъ руками,— послѣдовало разрѣшеніе командиру и офицерамъ пользоваться нѣкоторыми помѣщеніями 1 класса, но съ наказомъ: ничего не испортить.

— Что жъ это? — ворчали иные, — или думаютъ, что мы никогда не ѣздили на пароходахъ въ 1 классѣ? Боятся, что перебьемъ зеркала и мебель переломаемъ?..

Когда передо мною открыли запертые салоны promenade deck'a и cabines do luxe, я прямо ахнулъ: они были биткомъ набиты креслами, стульями, легкими диванами, столами, столиками... Тутъ же возвышались груды ковровъ, занавѣсокъ...

— Какъ можно? Вѣдь это—готовый костеръ.

— Приказано было,—пояснилъ сопровождающій меня ревизоръ,—для сохранности, на случай поѣздки намѣстника и его штаба...

На меня вдругъ пахнуло чѣмъ-то далекимъ, полузабытымъ... Почему-то вспомнилась гимназія, учебникъ исторіи Иловайскаго и захваченныя на полѣ марафонской битвы цѣпи, которыя Ксеркъ, царь персидскій, предусмотрительно заготовилъ для грековъ, имѣющихъ быть плѣненными...

Что касается другихъ работъ, въ которыхъ требовалось содѣйствіе порта, то... каждый любитель строго заведеннаго порядка несомнѣнно пришелъ бы въ восторгъ отъ стойкости портовыхъ учрежденій Артура!.. Гроза войны какъ будто вовсе ихъ не коснулась. Какъ и прежде, отъ момента подачи рапорта командиромъ судна, просившимъ о чемъ-нибудь неотложномъ, насущно необходимомъ, и до момента дачи соотвѣтственнаго „наряда“ утерялось дней 8—10 на выполненіе „портовыхъ формальностей“... Господствовало такое настроеніе, словно не Россія воевала съ Японіей, а подрались между собой какія-то южно-американскія республики...

Не скрою, былъ одинъ способъ обойти канцелярскую волокиту, способъ, практиковавшійся одинаково успѣшно и въ мирное время и не имѣвшій къ войнѣ никакого отношенія,— просьба „по старому знакомству“. Мнѣ, какъ старожилу эскадры, участнику занятія Артура и лицу, прикосновенному къ учрежденію нарождавшагося порта, довелось въ этомъ отношеніи

оказать нѣсколько мелкихъ услугъ „Ангарѣ“ по просьбамъ механика, артиллериста и ревизора...

Помню, однажды, вставъ вмѣстѣ съ командой въ 5 ч. утра, набѣгавшись по пароходу до ломоты въ колѣняхъ, я позавтракалъ и только что собирался лечь, заснуть на время отдыха (до 2 часовъ дня), когда ко мнѣ въ каюту постучался механикъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Простите, что безпокою, но вы сами все торопите задѣлкой пробоинъ въ непроницаемыхъ переборкахъ... До зарѣзу нужно! Ужъ три дня, какъ поданъ рапортъ,—и никакого толку! Вѣдь N. N.—вамъ старый знакомый?—Это въ его власти. Не откажите—съѣздите, замолвите словечко! Не для себя прошу!..

Разочарованный въ мечтахъ объ отдыхѣ, посылая все и всѣхъ къ черту (механикъ отнюдь не принималъ на свой счетъ и не обижался), собрался и поѣхалъ.

Съ двухъ-трехъ словъ дѣло наладилось. Пока вѣстовые и разсыльные бѣгали съ какими-то срочными записками, я, усталый, недовольный присѣлъ къ письменному столу пріятеля, закурилъ папиросу и не удержался, чтобъ не поворчать.

— Неужто у васъ нѣтъ какого-нибудь особаго, военнаго, положенія? Такъ и тяните вашу проклятую канитель!..

— Государь мой, не богохульствуйте!—старый пріятель поднялъ руку, какъ для присяги.—Небо и земля прейдутъ, а отчетность не прейдетъ!

— Полноте балаганить! Хлопнетъ 12-дюймовый снарядъ въ вашу отчетность—и нѣтъ ея; хлопнетъ въ складъ—и нѣтъ склада!

— Исполать имъ! Чего лучше такого оправдательнаго документа, какъ дыра отъ 12-дюймоваго! А пока такового не имѣется, пожалуйте требуемый закономъ!

— Однако же вы сейчасъ распорядились и безъ документа...

— Это совсѣмъ другое дѣло! Это—уваженіе хорошему человѣку! Вы мнѣ сказали: что, какъ, почему. Я вамъ вѣрю и вижу, что документъ обезпеченъ, все равно, что въ карманѣ... А безъ этого... ни-ни!

— Такъ что, будь я не я, не дали бы?

— Пока требованіе не прошло бы всѣ подлежащія инстанціи, ни въ какомъ разѣ!

— Да если нужно! Понимаете: по условіямъ военнаго времени нужно!—горячился я...

— Порядокъ требованій сверхъ штата ясно опредѣленъ...

— Вы меня просто травите!..

— Совсѣмъ нѣтъ, и не злитесь,—печенкѣ вредно!—смѣялся пріятель.—Да, что!—вдругъ вскочилъ онъ.—Вотъ вамъ примѣръ! Старка чуть подъ судъ не отдали! Чуть не утопили! А выплылъ! Почему? Изъ-за бумажки! Знаете: онъ рапортъ подавалъ о необходимости мѣръ предосторожности?.. Такъ вотъ разсказываютъ, что какъ разъ 26 января заходитъ онъ въ штабъ и спрашиваетъ:—„А что мой рапортъ?“—Ему показываютъ. На рапортѣ резолюція: „Преждевременно“. Онъ его взялъ... и—въ карманъ. Ему такъ и сякъ, говорятъ: „Слѣдовало бы пришить къ дѣлу“... А онъ:—„Чего же,—говоритъ,—если отказано“... и ушелъ. Тогда-то на это и вниманія особеннаго не обратили, а какъ пришла бѣда, да повели дѣло къ тому, что онъ, дескать, во всемъ виноватъ,—такъ онъ только похлопалъ себя по карману... „Хотите,—молъ,—покажу бумажку кому слѣдуетъ?..“ То-то и есть!.. Нѣтъ, голубчикъ! Бумажка—святое дѣло! На словахъ только въ любви объясняются! Есть бумажка—чистъ какъ голубь. Нѣтъ ея—пропалъ какъ шведъ подъ Полтавой!...

— Какой цинизмъ!.. А долгъ службы? Долгъ передъ родиной?.. Послушать васъ... прямо—тошно!..

— Эхъ вы!.. Знаете сказочку?—Жилъ-былъ маленькій мальчикъ, жилъ долго, выросъ, состарѣлся, а все еще вѣрилъ, что папа и мама своихъ дѣтей либо подъ капустными листьями находятъ, либо ихъ аисты приносятъ въ нарядныхъ корзиночкахъ... Ну, до свиданья! Когда что нужно будетъ по моей части—приходите прямо ко мнѣ.

---

9 февраля закончено было исправленіе „Новика“. Его вывели изъ дока и вмѣсто него ввели „Палладу“. По поводу релультатовъ взрыва на этой послѣдней доктора разсказывали весьма любопытныя вещи. Люди, находившіеся въ помѣщеніяхъ, куда проникли газы отъ взрыва мины, оказались отравленными. Отравленіе обнаружилось лишь на второй день, причемъ пострадавшіе обратились къ медицинской помощи, жалуясь якобы на простуду: „Грудь заложило! Насморкъ—не прочихнешь!..“—На дѣлѣ же гнойное воспаленіе носоглоточнаго пространства и бронховъ. Какъ говорилъ для наглядности одинъ изъ мо-

лодыхъ докторовъ: „Что-то похожее на сапъ...“ Изъ девяти человѣкъ четверо умерли и очень тяжело. Ясно, что въ минѣ былъ не пироксилинъ, а что-то новое—мелинитъ, лиддитъ, шимоза—кто ихъ знаетъ...

— Запомните, господа: послѣ разрыва снаряда или взрыва мины вблизи васъ старайтесь не дышать, задерживайте дыханіе, пока не пронесетъ газовъ!—поучалъ насъ совсѣмъ юный эскулапъ „Ангары“...

„Ретвизанъ“ и „Цесаревичъ“ не влѣзали въ существующій докъ (новый докъ былъ еще въ зачаточномъ состояніи), а потому ихъ надѣялись починить при посредствѣ кессоновъ. Можетъ быть, читатели не знаютъ, что такое представляетъ собою подобный кессонъ? Попытаюсь вкратцѣ дать его описаніе.

Строится (гдѣ нибудь на берегу), огромный ящикъ, у котораго двѣ стороны изъ шести остаются открытыми, а именно: открыты верхъ и та сторона, которая будетъ прилегать къ поврежденной части корабля, при чемъ линіи срѣзовъ боковыхъ стѣнокъ и днища должны въ точности соотвѣтствовать обводамъ корпуса близъ пробоины. Когда подобное сооруженіе, затопивъ его предварительно съемными грузами, подведутъ и приладятъ къ борту корабля вплотную, то, при выкачиваніи воды изъ затопленныхъ отдѣленій, внѣшнее давленіе такъ его прижметъ къ борту, что не оторвешь никакими силами. Получается какъ бы второй, извнѣ надстроенный, бортъ корабля. Между нимъ и настоящимъ, пробитымъ, бортомъ оказывается осушенное отъ воды пространство и свободный выходъ наверхъ, такъ какъ внѣшнія и боковыя стѣнки кессона строятся съ разсчетомъ, чтобы верхній край ихъ былъ на нѣсколько футъ выше уровня воды. Дальнѣйшія работы производятся такъ же, какъ въ докѣ, хотя конечно не съ такими удобствами.

Постройка кессона для „Ретвизана“, получившаго пробоину въ носовой части, гдѣ бортъ почти „прямостѣнный“, не представляла особыхъ затрудненій, зато относительно „Цесаревича“ многіе, даже спеціалисты, сильно сомнѣвались. Мало того, что самый обводъ борта въ кормѣ чрезвычайно сложенъ, оказывалось необходимымъ пропустить сквозь кессонъ валъ гребного винта. Это былъ камень преткновенія: малѣшая ошибка, какой-нибудь дюймъ въ обводѣ кессона или нѣсколько дюймовъ вправо или влѣво при его установкѣ—могли повлечь за собою погнутіе гребного вала, а тогда... прощай, броненосецъ!..

Большія надежды возлагались на ѣхавшаго въ Артуръ

вмѣстѣ съ Макаровымъ, карабельнаго инженера К. и сопровождавшихъ его мастеровыхъ Балтійскаго завода. Въ общемъ, какъ я уже говорилъ выше, во всякомъ затруднительномъ случаѣ всѣ утѣшались одной и той же спасительной мыслью:— „вотъ пріѣдетъ Макаровъ!..“

Того же 9-го февраля „Аскольдъ“ и „Баянъ“ ходили въ море, но скоро вернулись. Какое порученіе было на нихъ возложено—осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Непріятеля они не видѣли. 10-го февраля „Амуръ“ ходилъ ставить минное заграждение въ бухтахъ западнаго берега Квантуна. Вернулся благополучно. Погода великолѣпная—штиль, ясно, сухо, грѣетъ яркое солнце.

Въ ночь на 11-е февраля, набѣгавшись за день, я спалъ сномъ праведника, когда въ 2 ч. 40 мин. пополуночи былъ разбуженъ глухими ударами пушечныхъ выстрѣловъ. Выбѣжалъ наверхъ. Отъ насъ—съ возвышеннаго мостика „Ангары“—черезъ низменную косу Тигроваго хвоста былъ хорошо видѣнъ „Ретвизанъ“, стоявшій на мели у сѣвернаго склона Маячной горы. Онъ свѣтилъ боевыми фонарями и стрѣлялъ, но только изъ орудій среднихъ и крупнымъ калибровъ. Пальба велась съ перерывами, какъ-то неувѣренно. Видно было, какъ крѣпостные прожекторы своими лучами словно что-то искали въ морѣ. На окрестныхъ батареяхъ, обращенныхъ къ намъ тыломъ, двигались взадъ и впередъ свѣтящіяся точки—должно быть бѣгали люди съ фонарями, готовились къ бою, но батареи молчали. Съ моря отвѣтныхъ выстрѣловъ не было. Мы—офицерскій составъ „Ангары“, собравшійся на ея мостикѣ—никакъ не могли понять, въ чемъ дѣло: если приближалась японская эскадра, несомнѣнно открыли бы огонь и батареи берегового фронта; если шла минная атака—не молчала бы мелкая скорострѣльная артиллерія „Ретвизана...“

Морозная ночь была поразительно тиха. Въ промежуткахъ между выстрѣлами воцарялось какое-то жуткое безмолвіе. Чувствовалось, что всѣ, и въ городѣ и на эскадрѣ, затаивъ дыханіе, жадно ловятъ каждый звукъ, который могъ бы дать ключъ къ разгадкѣ завязывавшейся трагедіи.

— ...Немедленно! Башня!—Немедленно!—доносился вдругъ съ „Ретвизана“ рѣзкій, каждое слово отчеканивающій голосъ...

— ...Спишь у третьяго номера? Не своди съ прицѣла! Фазанъ иркутскій!... и т. д. (въ печати повторять неудобно)—

прорѣзалъ внезапно наступившую тишину сочный басъ съ вершины первой горы Тигроваго полуострова...

Нервы у всѣхъ были такъ натянуты; вниманіе такъ напряжено, что эти отрывочныя фразы, долетавшія до насъ въ краткіе моменты затишья, казались такими забавными... Нервный смѣхъ пробѣгалъ и по мостику, гдѣ собрались офицеры, и вдоль борта, усѣяннаго незримой во тьмѣ толпой команды...

— А Щ. и въ бою не забылъ своего „немедленно!“—Богатый лексиконъ у нашего сосѣда!—Какого?—Что на Тигровомъ!—Ловко загнулъ!—Вѣрно, сибирякъ!— У нихъ этакъ-то на почтовомъ трактѣ!—тутъ и тамъ слышались сдержанныя восклицанія...

Пальба то стихала, то разгоралась съ новой силой...

Такъ прошло больше часу...

Вдругъ, съ внѣшней стороны Золотой Горы блеснула зеленовато-золотистая молнія...—всѣ сразу догадались—10-дюймовка Электрическаго утеса!.. Заговорили 6-дюймовки Канэ на батареѣ „сосѣда“, а затѣмъ подхватила и вся линія берегового фронта... „Ретвизанъ“, опоясанный безпрерывно мелькающими огнями выстрѣловъ, казался какимъ-то вулканомъ... А оттуда—никакого отвѣта....

Было начало пятаго часа утра.

— Что такое?..

Среди гула канонады явственно послышался сухой трескъ ружейныхъ залповъ, и рокотъ пулеметовъ.

— Высадка? Атака открытой силой?..

Кто могъ отвѣтить на эти вопросы?..

Вотъ изъ Восточнаго бассейна донеслись звуки горна, игравшаго „боевую тревогу“, немедленно подхваченную на всѣхъ судахъ эскадры...

Кому не приходилось самому, въ боевой обстановкѣ, слышать, какъ, одновременно на десяткахъ кораблей, горнисты, подъ аккомпинементъ глухого рокота барабановъ, играютъ тревогу, тотъ врядъ-ли пойметъ меня, а передать разумной человѣческой рѣчью это впечатлѣніе—невозможно!.. Недаромъ горнъ сохранился у насъ еще со временъ Петра Великаго...

Есть что то особенно кровожадное, что то звѣрское, затемняющее разсудокъ въ этихъ пронзительныхъ, ухо рѣжущихъ звукахъ и особенно тогда, когда эти звуки не согласованы между собою, когда, на каждомъ кораблѣ играютъ, не

слушая сосѣдей... Получается какой то хаосъ, какая то чудовищная дисгармонія,—самая подходящая музыка для того момента, когда человѣкъ долженъ забыть, что онъ человѣкъ, разбудить въ себѣ дремлющаго звѣря и, какъ на праздникъ, броситься на смерть въ опьяненіи жаждой истребленія всего, что подвернется подъ руку...

— На всякій случай приготовьте десантъ...—приказалъ командиръ.

— Десантъ наверхъ!—скомандовалъ я...

Но, видимо, въ этотъ моментъ вся масса людей, населявшая „Ангару“, жила одной жизнью, и приказаніе являлось только разрѣшеніемъ...

Едва успѣли боцмана и унтеръ-офицеры повторить мою команду, какъ на палубѣ, торопливо оправляя на себѣ амуницію, уже строились ряды десантной полуроты; шлюпочныя тали были разнесены и „взяты на руку“, а гребцы на шлюпкахъ, схватившись за стопора, ждали только знака отдать ихъ и сбросить шлюпки на-воду...

Внезапно изъ-за Маячной горы поднялись густые клубы дыма, озаренные багровымъ отблескомъ. Возможно, что былъ и взрывъ, но среди гула канонады никто его не слышалъ... Зарево увеличивалось съ минуты на минуту...

— Очевидно пожаръ!... Но что тамъ можетъ горѣть?— Голый берегъ...

Общее недоумѣніе еще увеличилось, когда вскорѣ же послѣ начала пожара артиллерійскій огонь сталъ ослабѣвать, а къ 4 ч. 40 м. утра вовсе прекратился.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, по всей эскадрѣ замелькали семафорные флажки. Всѣ торопились узнать, что такое разыгралось минувшей ночью.

Получаемыя извѣстія были до такой степени неожиданны, что скептики даже не вѣрили имъ.

Оказывается, въ 3-мъ часу ночи лучи прожекторовъ открыли 4—5 пароходовъ, шедшихъ съ моря, явно въ Портъ-Артуръ. Пароходы шли такъ смѣло, такъ увѣренно, что по началу ихъ приняли за ожидаемые транспорты съ углемъ и другими запасами. Первымъ усумнился и, на всякій случай, открылъ огонь „Ретвизанъ“. Ему показалось страннымъ, что пароходы образуютъ, какъ бы, линію фронта, словно собираются всѣ одновременно подойти къ узкому входу въ Портъ-Артуръ. Коммерческимъ судамъ было бы естественнѣе идти

въ кильватерѣ, т. е. гуськомъ, другъ за другомъ, такъ какъ въ П.-Артуръ, особенно ночью, возможно было входить только по-одиночкѣ. Подозрѣнія еще усилились, когда, несмотря на пальбу „Ретвизана“, загадочные корабли не только не стали на якорь, не начали подавать тревожныхъ свистковъ, но упорно продолжали идти впередъ. Наконецъ, когда выскочили скрывавшіеся за ними миноносцы и бросились на „Ретвизанъ“— всякія сомнѣнія исчезли. Тутъ то и началась та бѣшенная пальба по всей линіи, которой мы были свидѣтелями. Какъ сообщали, одинъ изъ пароходовъ затонулъ еще на подходѣ къ рейду, другой попалъ на камни у горы Бѣлаго Волка, а третій, подбитый, не выдержалъ огня и ушелъ обратно, въ море. Наиболѣе удачно дѣйствовали два, шедшіе прямо на „Ретвизанъ“. Одинъ изъ нихъ только немного уклонился вправо и затонулъ подъ Золотой Горой, другой же забралъ лѣвѣе и выскочилъ на берегъ у южнаго склона Маячной Горы, не дойдя до „Ретвизана“ какихъ-нибудь 100 саженъ. Здѣсь онъ загорѣлся, и его то пожаръ и былъ намъ виденъ.

Въ каютъ-компаніи „Ангары“ шли оживленные споры. Несмотря на безсонную ночь, никому и въ голову не приходило пойти отдохнуть. Мнѣнія были самыя разнообразныя.

— Я такъ думаю, что своихъ раскатали! У насъ это не впервой! Оттого и батареи такъ долго не открывали огня. Въ эту ночь, навѣрно кого-нибудь поджидали,—заявилъ одинъ изъ пессимистовъ.

— Отчего-же они не стали на якорь при первыхъ выстрѣлахъ?

— Не очень-то станешь на глубинѣ 35 саженъ! Надѣялись, что у насъ наконецъ, увидятъ ошибку...

— А миноносцы?...

— Только новое объясненіе, почему они такъ упорно шли впередъ,—за ними гнались японскіе миноносцы... Что-жъ вы думаете? Брандеры, что-ли, были высланы? Ну-ка зажгите современный броненосецъ! Японцы, поди, не глупѣе насъ...

— Назначеніе пароходовъ, какъ брандеровъ, могло быть второстепеннымъ. Главное—очевидно, заградить выходъ изъ гавани!

— Безумная затѣя!...

— Однако американцы пытались-же заградить этимъ способомъ выходъ изъ Сантъ-Яго?

— Пытались—и неудачно!..

Споръ прекратился за полученіемъ вполнѣ опредѣленнаго извѣстія, что пароходы несомнѣнно японскіе. Захватить въ плѣнъ никого не удалось, такъ какъ въ послѣдній моментъ малочисленный экипажъ покидалъ свои суда и на шлюпкахъ, пользуясь темнотой ночи, уходилъ въ море, гдѣ ихъ ждали миноносцы. Мертвый штиль, отсутствіе даже зыби, какъ нельзя лучше, благопріятствовали осуществленію такого плана.

Изъ-за маячной горы все еще подымались густые клубы дыма, а временами, не смотря на дневной свѣтъ, видно было и пламя. Съ разрѣшенія командира я взялъ паровой катеръ и поѣхалъ взглянуть.

Затѣя японцевъ вовсе не показалась мнѣ такой безумной, какой ее признавали нѣкоторые изъ сослуживцевъ на „Ангарѣ“. Брандеръ, выскочившій на берегъ подъ Маячной горой, не дойдя до „Ретвизана“ какихъ-нибудь 100 саженъ, былъ пароходомъ, на глазъ, тысячи въ 4 тоннъ. Если бы эта масса врѣзалась въ искалѣченный, полузатонувшій броненосецъ, то врядъ-ли еще оставалась бы надежда на его спасеніе! Если бы даже таранный ударъ не произвелъ непосредственно надлежащаго эффекта, то во всякомъ случаѣ одно сосѣдство, бортъ-о-бортъ, этого гигантскаго костра представляло огромную опасность даже и для современнаго броненосца съ его угольными ямами, запасами всякихъ горючихъ матерьяловъ, а главное—съ его артиллерійскими и минными погребами...

Брандеръ, какъ разсказывали, не достигъ своей цѣли, единственно, благодаря счастливой случайности. Обращенный на него ураганъ огня и желѣза не затронулъ ни одной изъ жизненныхъ частей. Онъ шелъ неуклонно, параллельно берегу Тигроваго полуострова, держа курсъ на середину броненосца, осыпавшаго его снарядами, но, почти у цѣли, какой-то шальной снарядъ или осколки его перебили цѣпочки, поддерживавшія на мѣстѣ лѣвый якорь... Именно: не сорвали якорь съ мѣста, не сбили, его, а только „отдали“... Якорь „забралъ“; брандеръ бросился носомъ влѣво и—выскочилъ на берегъ... Уголь, наполнявшій его трюмы, былъ смоченъ керосиномъ, такъ-что въ борьбѣ съ огнемъ вода оказывалась безполезной. Приходилось засыпать его землей. Тутъ и тамъ въ толщѣ угля были заложены небольшія мины, частые взрывы которыхъ сильно препятствовали успѣшному ходу тушенія пожара. Не обошлось безъ жертвъ. Въ общемъ работали, какъ на вулканѣ, потому что подъ слоемъ угля могла

скрываться и какая-нибудь грандіозная мина, только ждавшая своей очереди...

Далеко на горизонтѣ смутно виднѣлись силуэты трехъ миноносцевъ.

Лихо вышелъ изъ гавани и промчался мимо меня „Новикъ“, очевидно посланный прогнать этихъ соглядатаевъ. Я не могъ прослѣдить за его дѣйствіями, такъ какъ былъ отпущенъ на самый короткій срокъ и спѣшилъ возвратиться на „Ангару“.

Въ 8 ч. 30 м. утра изъ ю.-в. части горизонта появился отрядъ легкихъ японскихъ крейсеровъ—„Читозе“, „Касаги“, „Такасаго“ и „Іосино“.

Съ самаго начала войны эти четыре крейсера, несшіе обязанности передового, развѣдочнаго отряда японской эскадры, были окрещены въ Артурѣ прозвищемъ „собачекъ“. Всякому было извѣстно, что если „собачки“ пришли, понюхали и ушли прочь—значитъ, ожидай скораго появленія главныхъ силъ.

Въ тотъ день это правило еще не было установлено, а потому противъ „собачекъ“, въ поддержку „Новику“, были высланы въ море „Баянъ“ и „Аскольдъ“.

Однако вскорѣ-же ихъ вернули всѣхъ троихъ, такъ какъ слѣдомъ за „собачками“ появился японскій флотъ почти въ полномъ составѣ...

Съ того мѣста, гдѣ стояла „Ангара“ (съ ея верхняго мостика), въ просвѣтъ между Маячной и Золотой горами открывался свободный видъ на ю.-в. часть горизонта, ту, именно, откуда обычно появлялись японцы.

Странное, совсѣмъ новое, жуткое чувство испытывалъ я, вглядываясь въ силуэты знакомыхъ броненосцевъ, яснѣе и яснѣе вырисовывавшіеся въ голубоватой дымкѣ дали...

— Враги!.. Почему?.. Давно ли были друзьями?..—мелькало въ мозгу, и впервые почти безсознательно я чувствовалъ себя передъ той колеблющейся завѣсой, которая скрываетъ отъ нашего умственнаго взора роковую тайну—смыслъ войны.

— Вотъ „Асахи“... Командиръ—Номото. Старый пріятель. Если бы сейчасъ онъ былъ здѣсь, лицомъ къ лицу со мной, развѣ онъ бы не крикнулъ мнѣ со своей знакомой широкой улыбкой:—„Здравствуй, дорогой!“.. Нѣтъ! тамъ, далеко, на горизонтѣ онъ готовитъ свою артиллерію, жадно ждетъ мо-

мента, когда флагманъ позволитъ открыть огонь, когда его 12-дюймовки бросятъ смерть и страданіе въ ряды его недавнихъ друзей... Почему?.. Какая нелѣпость!..

Рѣзкіе звуки боевой тревоги мигомъ стряхнули очарованіе, навѣянное странными грезами... Словно на зло кому-то, словно заглушая чей-то голосъ, со дна души поднималось страстное желаніе, почти мольба, чтобы „они“ подошли поближе, чтобы и намъ, съ нашими 120 m/m пушками, довелось принять участіе въ предстоящемъ бою...

Бой не состоялся. Японцы только прошлись въ виду П.-Артура и скрылись на западѣ.

Въ предположеніи, что они ушли на ночь въ Печилійскій заливъ, вечеромъ отрядъ миноносцевъ *) былъ посланъ слѣдомъ за ними.

Въ ночь, какъ только зашла луна (около 1 ч.), и вплоть до 4 час. утра японскіе миноносцы произвели цѣлый рядъ атакъ на „Ретвизанъ“, но безрезультатно. Съ разсвѣтомъ 13 февраля вернулись и наши, тоже безрезультатно, если не считать гибели „Внушительнаго“. Имъ не посчастливилось. Они встрѣтились съ непріятелемъ уже при дневномъ свѣтѣ, когда приходилось думать не объ атакѣ, а о томъ, какъ бы самимъ унести ноги. Вѣдь лозунгъ „не рисковать, беречь суда“ все еще былъ въ силѣ. „Внушительный“ почему-то замѣшкался и, отрѣзанный японскими крейсерами отъ Портъ-Артура, бросился въ Голубиную бухту, ища спасенія. Оказалось, однако же, что батареи берегового фронта не могли прикрыть его здѣсь своимъ огнемъ отъ огня японцевъ, которые, не спѣша, разстрѣливали его, какъ на ученьѣ. Въ результатѣ— командиръ затопилъ свой горящій миноносецъ, а самъ съ экипажемъ благополучно добрался до берега и пѣшкомъ прибылъ въ П.-Артуръ.

Того же 13 февраля, около 10 ч. утра опять появилась въ виду П.-Артура японская эскадра. Опять были высланы въ море „Баянъ“, „Аскольдъ“ и „Новикъ“. Держась въ раіонѣ дѣйствія береговыхъ укрѣпленій, они завязали перестрѣлку,

---

*) Миноносцы, находившіеся въ П.-Артурѣ, были раздѣлены на два отряда: I—состоялъ изъ болѣе крупныхъ, надежныхъ, французской и нѣмецкой постройки, а II—изъ миноносцевъ, построенныхъ собственными средствами по типу «Сокола». Въ смыслѣ активной дѣятельности разсчитывали исключительно на I отрядъ, второй же предназначался главнымъ образомъ для охранной и сторожевой службы.

въ которой приняли участіе Электрическій утесъ и одна изъ батарей Тигроваго полуострова. Вскорѣ, по неравенству силъ, ихъ вернули въ гавань. У насъ потерь не было. Около часу дня японцы скрылись.

Вечеромъ, въ виду особой предпріимчивости, проявлявшейся непріятелемъ, съ судовъ, обреченныхъ на бездѣйствіе (въ томъ числѣ конечно съ „Ангары"), свезли десантъ—всего около 500 человѣкъ—на подмогу гарнизону. Надо замѣтить, что въ то время всѣ полевыя войска—стрѣлки и артиллерія—находились въ Цзинь-Чжоу, на Нангалинѣ, въ Дальнемъ и на другихъ промежуточныхъ позиціяхъ. Предписано было впредь свозить такой десантъ ежедневно.

За ночь было нѣсколько тревогъ. Около 11 час. вечера открыли огонь береговыя батареи, поддержанныя „Ретвизаномъ". Съ моря отвѣчали. Слышался свистъ снарядовъ. Отчетливо видѣли, какъ одинъ разорвался на южномъ склонѣ Золотой горы. Затѣмъ около $3^1/_2$ час. утра стрѣлялъ Электрическій утесъ, а въ $4^1/_2$ час.—мортирная батарея Золотой горы. Въ чемъ было дѣло? Кто именно подходилъ?—достовѣрно узнать не удалось.

Былъ ли въ эти дни Намѣстникъ въ П.-Артурѣ, или уже отбылъ въ Мукденъ,—не знаю. Въ моемъ дневникѣ ничего объ этомъ не записано, а такъ какъ ни въ какихъ бояхъ или стычкахъ онъ непосредственнаго участія никогда не принималъ, то на эскадрѣ, кромѣ начальствующихъ лицъ, никто не интересовался вопросомъ,—гдѣ онъ и что дѣлаетъ?

Въ теченіи полутора недѣль японцевъ не было видно. Куда они дѣлись? далеко ли ушли? скоро ли вернутся?.. Можетъ быть, кой-кому и приходили въ голову такіе вопросы, но къ разрѣшенію ихъ никакихъ мѣръ не принималось... Эскадра словно замерла въ бассейнахъ Портъ-Артура...

— Послали бы насъ на развѣдки!..—мечтала молодежь въ каютъ-компаніи „Ангары",—вѣдь кромѣ этого дѣла ни на кой чортъ негодна наша посудина!..

Смѣлыя мечты получили неожиданное разрѣшеніе. Приказано было... разоружаться.

„Въ виду рѣшающаго значенія, которое при отраженіи японскихъ брандеровъ, всецѣло принадлежало скорострѣльной артиллеріи броненосца „Ретвизанъ", чѣмъ обнаружился крупный пробѣлъ въ организаціи обороны внѣшняго рейда и входа въ гавань, и принимая во вниманіе, что, съ одной стороны,

броненосецъ при первой возможности будетъ снятъ съ мели и введенъ въ бассейнъ, а съ другой—что крѣпость не обладаетъ средствами для усиленія защиты входа, каковое признано необходимымъ, постановлено на обращенныхъ къ морю склонахъ Золотой и Маячной горъ построить двѣ батареи, вооруживъ ихъ 120-мм. орудіями съ крейсера „Ангара“, причемъ орудія расположить возможно ниже, т. е. ближе къ уровню моря, дабы въ полной мѣрѣ использовать преимущества настильности и тѣмъ восполнить недостатокъ высоко расположенныхъ орудій батарей берегового фронта, обладающихъ значительнымъ мертвымъ угломъ, а потому и т. д.“...

Приблизительно такъ гласило офиціальное постановленіе.

Съ тяжелымъ сердцемъ принялись мы за работу...

Батареи строились нашей же командой, подъ руководствомъ нашихъ же офицеровъ, которымъ только давали указанія военные инженеры. Изготовленіе деревянныхъ и металлическихъ частей временныхъ установокъ орудій происходило частью въ порту, частью на мѣстѣ, средствами порта.

Въ общемъ приходилось довольно трудно. Почти половина команды все время была либо на работахъ по постройкѣ батарей, либо въ десантѣ. Десантъ свозился не только на-ночь, но иногда оставался на берегу и по суткамъ. Производились облавы и массовые обыски окрестныхъ китайскихъ деревень. На основаніи многихъ данныхъ, главнымъ образомъ въ виду той увѣренности, съ которой японцы обходили наши минныя загражденія, являлось убѣжденіе, что каждый нашъ шагъ въ точности извѣстенъ непріятелю. Помимо самихъ китайцевъ, одинаково ненавидѣвшихъ всѣхъ пришельцевъ и готовыхъ за деньги служить и нашимъ, и вашимъ, въ первые же дни войны въ средѣ мѣстнаго населенія было обнаружено немало переодѣтыхъ японцевъ. Установилось даже, какъ правило, при арестѣ подозрительнаго субъекта раньше всего дернуть его за косу, которая часто оказывалась привязной. Но даже подлинность косы не всегда служила доказательствомъ національности. Выяснилось, что японцы давно готовились къ войнѣ. Ихъ агенты издавна посылались въ южный Китай (напримѣръ въ Кантонъ). Тамъ они отращивали себѣ косу, выучивались говорить по-китайски, пріобрѣтали все обличье кантонца и затѣмъ пріѣзжали на Квантунъ, якобы искать счастья на заработкахъ. Въ такихъ случаяхъ пасовалъ самый опытный и преданный (т. е. хорошо закупленный) сыщикъ-

китаецъ. Надо было имѣть особо музыкальный, тонкій слухъ, чтобы въ сѣверо-китайскомъ говорѣ уловить разницу въ акцентѣ настоящаго кантонца и японца, много лѣтъ прожившаго тамъ же. Главной уликой служили находимые въ большомъ числѣ ручные сигнальные фонари съ угловымъ освѣщеніемъ (система въ родѣ французской—„La ratière“). Очевидно, въ обиходѣ мирнаго поселянина или портового рабочаго они были совершенно излишними. Шпіонъ-сигнальщикъ съ такимъ фонаремъ былъ почти неуловимъ. Забившись между каменьями какого-нибудь мыса, онъ, повернувъ щель фонаря по извѣстному направленію (конечно въ море) передавалъ по телеграфной азбукѣ какія угодно извѣстія незримому во тьмѣ развѣдчику, и патрули, обходившіе берегъ, могли его обнаружить лишь случайно, наткнувшись на него, да и то врасплохъ. Вѣдь стоило ему совсѣмъ закрыть свой фонарь, забиться поплотнѣе между каменьями или въ расщелину скалы и самый бдительный дозоръ, идущій ночью по незнакомому, усѣянному препятствіями, берегу, могъ пройти вплотную, ничего не подозрѣвая.

О томъ, что дѣлалось въ это время на сухопутномъ фронтѣ, у насъ на эскадрѣ, не имѣлось подробныхъ свѣдѣній. Говорили, что спѣшно вооружаются, достраиваются и даже вновь строятся укрѣпленія, намѣченныя по плану обороны, изъ которыхъ къ началу военныхъ дѣйствій часть оказалась невооруженными, другія—незаконченными постройкой, а къ сооруженію иныхъ и вовсе еще не приступали. Все это было довольно смутное.

Погода стояла перемѣнная. Февраль въ П.-Артурѣ похожъ на нашъ апрѣль. При ясномъ небѣ, штилѣ или маловѣтріи южное солнце такъ припекало, что на верхней палубѣ ходили, разстегнувъ тужурки; но стоило задуть доброму нордъ-осту—и картина рѣзко мѣнялась: появлялись полушубки и валенки. Такъ, 14 февраля налетѣла гроза съ градомъ и послѣ нея—морозъ 5 град.; а 20 февраля послѣ южнаго вѣтра при+3 град. Реомюра и дождя—вдругъ замела настоящая пурга, навалившая на палубѣ сугробы снѣга.

На эскадрѣ, замершей въ своей неподвижности, господствовало настроеніе какого-то томительнаго ожиданія... Путейцевъ, пользовавшихся услугами ж.-д. телеграфа, безпрерывно осаждали вопросами: —Гдѣ Макаровъ?—Когда пріѣдетъ Макаровъ?..——18 февраля прибылъ въ Мукденъ. Остановился на нѣсколько дней для совѣщаній съ намѣстникомъ.—

Это извѣстіе вызвало цѣлую бурю.

— Нашелъ время разговаривать! Еще чего добраго канцелярщину разведутъ! Начнутъ рѣшать вопросы, сноситься съ Петербургомъ... Пиши—пропало!—сердились нетерпѣливые.

— Этого не заговоришь! Этотъ не засидится!—возражали болѣе уравновѣшенные.

На „Ангарѣ“ мичмана (долженъ отдать справедливость, и до того весьма исполнительные) вдругъ начали прямо надрываться въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Посылаемые съ командой въ десантъ или на постройку батарей, они по суткамъ не спали, питались, чѣмъ попало, и возвращались бодрые, веселые, готовые снова, хотя бы безъ отдыха, взяться за новую работу. Истинный смыслъ этого рвенія вскорѣ же обнаружился, когда они, улучивъ удобный моментъ, чтобы остаться съ глазу на глазъ, по одиночкѣ приходили ко мнѣ въ каюту и, послѣ нѣсколькихъ сбивчивыхъ, запутанныхъ фразъ вступленія, высказывали свои мечты уйти съ разоруженнаго транспорта на боевой корабль. Каждый такой разговоръ неизмѣнно заканчивался словами:—Адмиралъ васъ хорошо знаетъ; весь штабъ—знакомый... Переводъ мичмана—пустяки... Если я не гожусь—другое дѣло, но если... Вы сами можете судить... обидно!.. война, и вдругъ—на транспортѣ!.. Неужели на боевомъ кораблѣ не найдется мѣста?..

Милая задорная молодежь! Какъ глубоко, какъ сердечно я имъ сочувствовалъ въ ихъ обидѣ!..

IV.

Прибытіе С. О. Макарова. — Подъемъ духа, — Первая бомбардировка съ моря. — Обученіе эскадры выполненію простѣйшихъ перестроеній.—На боевомъ кораблѣ.—Печальные итоги стоянки. въ резервѣ.—Макаровскія директивы.

24 февраля въ 8 ч. утра командующій флотомъ Тихаго океана, вице-адмиралъ Макаровъ, прибылъ въ Портъ-Артуръ и до принятія дѣлъ эскадры отъ в.-ад. Старка, находившагося на „Петропавловскѣ“, поднялъ свой флагъ на „Аскольдѣ“.

Взглядывая на этотъ флагъ, многіе изъ команды снимали фуражки и крестились. Царило какое-то приподнятое, праздничное настроеніе.

Кессонъ для „Ретвизана“ былъ законченъ постройкой уже

нѣсколько дней тому назадъ, но при подводкѣ его на мѣстс оказалось, что онъ плохо разсчитанъ, невполнѣ закрываетъ пробоину или вѣрнѣе—ея отвѣтвленія, и несмотря на работу мощныхъ тюрбинъ землесосовъ, вода въ броненосцѣ не убываетъ. Приходилось при посредствѣ водолазовъ разыскать эти щели и, хотя временно, прикрыть ихъ надежными пластырями. Какъ разъ въ день пріѣзда вновь-назначеннаго командующаго удалось выполнить эту работу. Броненосецъ всплылъ и на буксирѣ портовыхъ пароходовъ былъ введенъ въ Западный бассейнъ, гдѣ его поставили на бочки подъ носомъ „Ангары“, къ сѣверу отъ нея.

— Хорошая примѣта!—говорили въ каютъ-компаніи...

— Ишь, ты! Пріѣхалъ—сейчасъ и распорядился! Не шутки шутитъ! Онъ, братъ, сдѣлаетъ!—толковали на бакѣ...

Первое время адмиралъ, конечно, съ утра до ночи былъ занятъ пріемомъ дѣлъ, ознакомленіемъ съ мѣстными условіями и обстановкой, совѣщаніями съ начальствующими лицами и т. п... Все-же, выбирая относительно свободныя минуты, онъ заѣзжалъ то на тотъ, то на другой корабль. До нашей „Ангары“, очевидно, очередь могла дойти еще не скоро.

Посѣщенія эти были въ высшей степени кратки и всѣ по одному шаблону. Адмиралъ выходилъ на палубу, принималъ рапортъ командира, знакомился съ офицерами, здоровался съ командой. Потомъ—осмотръ помѣщеній и опять обходъ фронта. Два слова одному, два слова другому. Иного узнаетъ, вспомнитъ прежнюю совмѣстную службу или плаваніе, иного спроситъ, что онъ дѣлалъ въ послѣднемъ бою, или вдругъ заведетъ разговоръ съ какимъ-нибудь комендоромъ, спрашиваетъ его, сколько выстрѣловъ и за какое время онъ сдѣлалъ, какъ бралъ непріятеля на прицѣлъ, вызоветъ на отвѣты, на возраженія, даже, словно, заспоритъ... Потомъ—„До свиданья, молодцы! Дай Богъ, въ добрый часъ!“—и—уѣхалъ... Какъ будто ничего особеннаго—все, какъ всегда; а между тѣмъ каждое его слово, каждый жестъ немедленно же становились извѣстными на всей эскадрѣ. Казалось бы, что адмиралъ еще ничѣмъ не проявилъ своей дѣятельности, ничѣмъ не „показалъ“ себя, но, путемъ какого-то необъяснимаго психическаго воздѣйствія на массы, его популярность, вѣра въ него, убѣжденіе, что это „настоящій“,—росли не по днямъ, а по часамъ. Создавались цѣлыя легенды о его планахъ и намѣреніяхъ. Нѣтъ нужды, что эти легенды въ большинствѣ случаевъ являлись апокрифическими,—

важно было то, что имъ, если и невполнѣ вѣрили, то страстно хотѣли вѣрить... Въ средѣ личнаго остава эскадры, нашедшей наконецъ истиннаго вождя проснулся ея старый „духъ“...

И мнѣ казалось, что мои мечты не обманули меня, что никакой гнетъ послѣднихъ лѣтъ не въ силахъ былъ погасить этотъ духъ... Насталъ часъ—и, разбросавъ слой пепла и шлаковъ, онъ вырвался на свободу яркимъ пламенемъ, могучій и страшный...

Въ эти дни спутникъ по экспрессу, бравый путеецъ, не посмѣлъ бы сказать, что „сдали“!..

— А какъ же теперь съ орудіями? Назадъ будемъ ставить?— обратился ко мнѣ боцманъ тѣмъ совершенно особымъ, почтительно-фамильярнымъ тономъ, какимъ говорятъ боцмана со старшимъ офицеромъ, конфиденціально освѣдомляясь о намѣреніяхъ начальства.

— Какія орудія?

— Наши, которыя, значитъ, на батареяхъ...

— Съ чего ты взялъ?

— Я такъ полагалъ, ваше высокоблагородіе, что ежели насъ вышлютъ къ мысу...

— Къ какому мысу?

— Къ Доброй Надеждѣ, контрабанду ловить... такъ намъ безъ артиллеріи неспособно будетъ...

— Да, кто тебѣ это разсказывалъ?

— Всѣ говорятъ, ваше высокоблагородіе... сказываютъ, адмиралъ... Потому, какой ни есть крейсеръ, а надо использовать...

Можетъ это было и неразумно, и неосуществимо, но, право, хорошо...

Изъ Владивостока получено было извѣстіе, что съ 12 по 18 февраля весь отрядъ крейсеровъ ходилъ въ море, но безрезультатно. Все время пришлось бороться съ жестокимъ штормомъ и пургой. Однако, захватили какой-то небольшой японскій пароходъ.

Къ вечеру, 25 февраля мы „заслышали“ японцевъ, т.-е. наши пріемные аппараты безпроволочнаго телеграфа стали получать непонятныя депеши.

Въ сумеркахъ съ „Ангары“ видѣли, какъ оба отряда миноносцевъ—вся наша минная сила—вышли въ море.

— Эге! Кажется „Борода“-то не склоненъ „беречь и не рисковать!“—„Дѣдушка“ не изъ такихъ!—толковали у насъ.

„Борода“ и „Дѣдушка“—это были любовныя прозвища, данныя Макарову въ первые же дни его пребыванія въ Портъ-Артурѣ.

Около 7 ч. утра, 26 февраля, возвратился 1-й отрядъ нашихъ миноносцевъ. Найти японскую эскадру ему не удалось, но на разсвѣтѣ, уже въ виду Портъ-Артура, онъ встрѣтился съ отрядомъ японскихъ миноносцевъ. Произошла горячая схватка на самой близкой дистанціи. Стрѣляли даже минами, пуская ихъ по поверхности. „Властный“ утверждалъ, что именно отъ такой его мины затонулъ одинъ японскій миноносецъ. На самомъ „Властномъ“ была подбита машина и отрядъ вернулся въ Артуръ. Потери: раненъ начальникъ отряда, одинъ механикъ обваренъ паромъ, а изъ команды одинъ убитъ и нѣсколько ранено. Долженъ пояснить, что всякія новости, благодаря переговорамъ ручнымъ семафоромъ, немедленно же дѣлались извѣстными на всей эскадрѣ.

Двумъ миноносцамъ II отряда—„Рѣшительному“ и „Стерегущему“—не посчастливилось. Также не найдя японской эскадры, они при возвращеніи были отрѣзаны отъ П.-Артура непріятелемъ втрое сильнѣйшимъ. Здѣсь дѣло вышло еще жарче,—настоящая свалка, такъ какъ надо было прорываться. Едва не дошло до абордажа. Разсказывали даже, что одному японцу удалось перескочить на палубу „Стерегущаго“, гдѣ онъ ударомъ сабли успѣлъ свалить кого-то изъ офицеровъ, но и самъ конечно былъ немедленно убитъ. „Рѣшительный“ прорвался, на „Стерегущемъ“ же, какъ оказалось, вѣроятно отъ непріятельскаго снаряда или осколка, взорвалась мина въ одномъ изъ кормовыхъ аппаратовъ. Корма потерпѣла страшное разрушеніе. Японцы, бросивъ преслѣдованіе „Рѣшительнаго“, всею силою обрушились на „Стерегущаго“. Нѣкоторое время они его разстрѣливали, а затѣмъ взяли на буксиръ и повели на югъ, но онъ затонулъ *).

„Стерегущій“ погибъ, но зато въ бою съ первымъ отрядомъ погибъ японскій миноносецъ. Не было побѣды, но не было и пораженія. Конечно можно было жалѣть, даже досадовать, что наши миноносцы плохи (добрая половина не уча-

---

*) Впослѣдствіи изъ японскихъ источниковъ мы узнали, что, когда на полуразрушенномъ «Стерегущемъ» были перебиты всѣ офицеры и почти вскомандa, оставшіеся въ живыхъ сами затопили миноносецъ, открывъ кингстоны.

ствовала въ экспедиціи, стоя въ Восточномъ бассейнѣ, занятая исправленіемъ повседневно случавшихся мелкихъ поврежденій), что они недостаточно подготовлены къ ихъ спеціальной службѣ, что по ночамъ, въ морѣ, они растеряютъ другъ друга, не умѣютъ найти непріятеля и т. д..—но все же это было первое лихое дѣло, и вѣсти о немъ отнюдь не произвели на эскадру какого-либо угнетающаго впечатлѣнія. Скорѣе, наоборотъ, подбодрили ее. Въ этомъ отношеніи огромную роль сыграло обстоятельство, само по себѣ незначительное, но для П.-Артура столь необычайное, что въ первый моментъ ему даже не вѣрили.

Какъ только сигнальная станція Золотой горы донесла, что въ морѣ идетъ бой между нашими и японскими миноносцами, для прикрытія ихъ вышли изъ гавани „Аскольдъ“ и „Новикъ“. „Новикъ“—впереди.

Неужели адмиралъ самъ, лично, отправился въ эту „авантюру“?—вопросъ, живо всѣхъ интересовавшій и вполнѣ естественный.

Офицеры, собравшіеся на мостикѣ, усиленно протирали стекла биноклей, напрягали зрѣніе... На „Аскольдѣ“ не было флага командующаго...

— Ну, понятно! Нельзя-жъ такъ рисковать... На легкомъ крейсерѣ... Мало-ли что...—говорили нѣкоторые...

— На „Новикѣ“! Флагъ—на „Новикѣ“!—вдругъ, словно захлебываясь отъ азарта, закричалъ сигнальщикъ.

Все кругомъ разомъ всколыхнулось. Команда, бросивъ завтракъ, кинулась къ бортамъ. Офицеры вырывали другъ у друга бинокли изъ рукъ... Сомнѣнія не было! На мачтѣ „Новика“, этого игрушечнаго крейсера, смѣло мчавшагося на выручку одинокому миноносцу, развѣвался флагъ командующаго флотомъ!..

Смутный говоръ пробѣгалъ по рядамъ команды... Офицеры переглядывались съ какимъ-то нето радостнымъ, нето недоумѣвающимъ видомъ...

— Не утерпѣлъ!.. Не дождался „Аскольда“—пересѣлъ на „Новикъ!..“ Чортъ возьми!.. Это ужъ черезчуръ!..

Но это было не „черезчуръ“, а именно то, что требовалось. Это были похороны стараго лозунга „не рисковать“ и замѣна его чѣмъ-то совсѣмъ новымъ...

Схватка миноносцевъ происходила миляхъ въ 10 къ югу отъ Портъ-Артура. „Новикъ“ и „Аскольдъ“, какъ ни спѣ-

шили, не могли подойти во время. „Стерегущій“ уже былъ затопленъ, а, бросившись преслѣдовать японскіе миноносцы, они встрѣтились со всей непріятельской эскадрой, шедшей къ Портъ-Артуру. Пришлось уходить. По счастью скорость обоихъ этихъ крейсеровъ не только числилась по справочной книжкѣ, но существовала и въ дѣйствительности. Ни броненосцы, ни броненосные крейсера японцевъ не могли за ними угнаться, и лишь четыре „собачки“ пытались нѣкоторое время, болѣе или менѣе успѣшно, преслѣдовать отступающихъ.

Съ тревогой въ сердцѣ прислушивались мы къ глухимъ раскатамъ выстрѣловъ, доносившимся съ моря...

„Новикъ“ и „Аскольдъ“ возвратились благополучно.

Но какое это было возвращеніе! Десятки тысячъ людей, усѣявшихъ борта судовъ, высыпавшихъ на бруствера батарей, толпившихся на набережныхъ, жадно слѣдили за каждымъ движеніемъ маленькаго крейсера, который, бойко разворачиваясь въ узкостяхъ, входилъ въ гавань. Не къ нему, не къ этому хорошо знакомому, лихому суденышку было приковано общее вниманіе. Нѣтъ!—Просто, каждому хотѣлось своими глазами увидѣть на верхушкѣ его мачты Андреевскій флагъ съ гюйсомъ въ крыжѣ.

Это было больше, чѣмъ какая-нибудь побѣда, случайная удача въ бою,—это было завоеваніе. Отнынѣ адмиралъ могъ смѣло говорить: „моя“ эскадра! Отнынѣ всѣ эти люди принадлежали ему и душой, и тѣломъ...

Несомнѣнно, что эпизодъ, только что разсказанный мною, произвелъ огромное впечатлѣніе на массы и, если не создалъ, то во всякомъ случаѣ много способствовалъ созданію того великолѣпнаго спокойствія, почти бравады, съ которыми эскадра встрѣтила разыгравшуюся въ тотъ же день бомбардировку.

А положеніе было не изъ веселыхъ!

Японская эскадра, передъ которой вынуждены были отступить „Новикъ“ и „Аскольдъ“, казалось, по-началу, прошла мимо, направляясь на западъ, и скоро скрылась за горой Ляо-ти-шана. Противъ входа, внѣ дальности крѣпостныхъ орудій остался только одинъ крейсеръ, державшійся почти на мѣстѣ. Но вотъ въ началѣ 10 часа утра, между судами, стоявшими въ Западномъ бассейнѣ, внезапно поднялся гигантскій водяной столбъ, и рѣзкій звукъ, непохожій ни на выстрѣлъ, ни на взрывъ мины, заставилъ всѣхъ бросить повседневныя работы и тревожно оглянуться. Еще и еще... Скоро выяс-

нилось, что это черезъ Ляо-ти-шанъ ведутъ перекидной огонь японскіе броненосцы, крейсирующіе отъ насъ въ дистанціи 8—9 миль. Ни одно изъ крѣпостныхъ орудій не могло воспрепятствовать имъ мирно предаваться этому занятію. Очевидно, до войны самая идея о возможности такой стрѣльбы признавалась недопустимой какъ въ морскомъ, такъ и въ военномъ вѣдомствѣ. Иначе на берегу несомнѣнно были бы построены соотвѣтственныя батареи, а на эскадрѣ существовала бы соотвѣтственная организація. Адмиралъ Макаровъ во время самой бомбардировки приказалъ немедленно-же приступить къ ея разработкѣ, но конечно это сложное дѣло—разбивка всего окружающаго пространства на квадраты, выборъ вспомогательныхъ точекъ прицѣливанія, устройство наблюдательныхъ станцій и созданіе системы условной сигнализаціи—не могло быть выполнено въ нѣсколько часовъ. Для этого потребовалось нѣсколько дней... и невольно напрашивался досадный вопросъ: что же думали до войны?—Замѣчательно, какъ повторяется исторія. Въ турецкую кампанію къ ружьямъ нашей пѣхоты приспособляли, собственными средствами изготовленные, деревянные прицѣлы для стрѣльбы на дальнія дистанціи; прошло 25 лѣтъ, и вотъ—мы вынуждены, тоже своими средствами, наносить дѣленія на прицѣлы нашихъ пушекъ для стрѣльбы на дистанціи, признававшіяся чрезмѣрными... Къ тому же на иныхъ судахъ организація такой стрѣльбы оказалась вовсе невозможной, потому что самые орудійные станки не были разсчитаны на „чрезмѣрные“ углы возвышенія!..

У японцевъ, повидимому, не только станки и прицѣлы удовлетворяли всѣмъ требованіямъ, но и личный составъ былъ хорошо обученъ. Снаряды ложились очень недурно, а вѣдь одного такого, упавшаго сверху (они падали подъ огромнымъ угломъ къ горизонту), достаточно было, чтобы вывести изъ строя любой броненосецъ. Въ концѣ осады 11-дюймовыя мортиры японцевъ доказали это съ очевидностью.

Итакъ, непріятельскіе броненосцы безпрепятственно маневрировали къ югу отъ Ляо-ти-шана и, приходя въ опредѣленную точку, не торопясь, какъ на ученьѣ, разряжали по намъ свои 12-дюймовыя пушки, а находившіяся подъ разстрѣломъ крѣпость и эскадра—безмолвствовали...

Казалось бы у послѣдней было еще одно средство избавиться отъ такой тяжелой и обидной роли—выйти въ море—но... владѣя 7 лѣтъ Портъ-Артуромъ, мы къ началу войны

не только не успѣли закончить широко-проектированнаго углубленія его внутреннихъ рейдовъ, но даже и самый выходъ въ море былъ доступенъ большимъ судамъ только въ полную воду. Во время отлива боевыя суда эскадры были заперты въ гавани самымъ непобѣдимымъ врагомъ—мелководьемъ... 26-го февраля малая вода въ Портъ-Артурѣ приходилась около 9 ч. утра, и вотъ почему именно этотъ моментъ японцы избрали началомъ своего перваго опыта бомбардировки съ моря.

Случалось ли вамъ, въ тяжеломъ снѣ, чувствовать, какъ на васъ надвинулось, надъ вами нависло что-то страшное, роковое и въ то же время легко отвратимое, если бы вы были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ?.. сила, которой вы могли бы съ успѣхомъ противупоставить свою силу, если-бы это было въ вашей власти?.. Но вы ничего не можете; всѣ ваши чувства какъ-будто парализованы, только мысль работаетъ, но и ее вы стараетесь заглушить, потому что вся она сосредоточилась на одномъ неразрѣшимомъ вопросѣ: пронесетъ или не пронесетъ?..

Приблизительно такія ощущенія переживали мы 26 февраля, стоя подъ разстрѣломъ.

Я намѣренно употребилъ это слово „разстрѣлъ“, какъ наиболѣе ярко характеризующее наше тогдашнее положеніе. Это не была бомбардировка. Бомбардировка—тотъ же бой. Правда, осаждаемый, обыкновенно находится въ болѣе тяжкихъ условіяхъ, нежели осаждающій, и несетъ большія потери, но все-таки не лишенъ возможности защищаться. Для самочувствія участниковъ боя важны не конечные его результаты, а сознаніе возможности отвѣтить ударомъ на ударъ... Здѣсь же, съ одной стороны—была просто учебная стрѣльба, вполнѣ безопасная, даже обставленнаявсѣмъ возможнымъ комфортомъ, а съ другой—люди, изображавшіе собою живыя мишени...

Это было первое мое боевое крещеніе, но я не стану утруждать читателей передачей того, что я думалъ, чувствовалъ... Въ нашей лутертурѣ послѣ войны оказалось столько охотниковъ анализировать и печатно повѣдать публикѣ свои ощущенія подъ огнемъ, что мои, пожалуй, будутъ совсѣмъ лишними. Ограничусь описаніемъ событій и наблюденій надъ окружающими, которыя я заботливо заносилъ въ свою записную книжку.

Не берусь судить и догадываться, какъ отнесся бы личный

составъ эскадры къ „разстрѣлу“ 26 марта недѣли двѣ тому назадъ, думаю однако, что подъемъ духа, вызванный прибытіемъ Макарова и въ особенности недавній, описанный мною, эпизодъ переноса „флага“ на „Новикъ“ имѣли огромное значеніе.

Конечно нетолько на „Ангарѣ“, но и на любомъ броненосцѣ не было такого уголка, гдѣ можно было бы считать себя въ безопасности отъ 12-дюймоваго снаряда, свалившагося чуть ли не съ неба, но даже и обыкновенный бортъ или непроницаемая переборка служили уже достаточной защитой отъ мелкихъ осколковъ тѣхъ снарядовъ, которые рвались по близости. Выводъ отсюда довольно ясный—слѣдовало бы прекратить всякія работы и занятія и всѣмъ спрятаться внизъ. Однако ни на одномъ кораблѣ такъ не поступили. Я говорю разумѣется о тѣхъ корабляхъ, за которыми могъ наблюдать, но въ Западномъ бассейнѣ мы стояли на бочкахъ такъ тѣсно, что между линіями промежутки были меньше 100 саженъ, а между кораблями той же линіи—отъ 20 до 30 саженъ, и наблюдать приходилось весьма многихъ; притомъ же паника такъ заразительна, что если бы и внѣ нашей видимости кто-нибудь поддался ей—это моментально передалось бы массамъ. Ничего подобнаго не было. На судахъ и въ порту жизнь шла своимъ обычнымъ порядкомъ. Казалось, что, признавъ невозможность сопротивляться, всѣ молчаливо рѣшили дѣлать видъ, что не замѣчаютъ падающихъ снарядовъ, не обращаютъ на нихъ вниманія. Трубы мастерскихъ порта выбрасывали къ небу клубы дыма и пара, портовые барказы перетаскивали баржи и плавучіе краны, сновали взадъ и впередъ паровые катера, то въ одиночку, то съ гребными шлюпками на буксирѣ.

Какъ разъ въ этотъ день должна была быть закончена установка нашихъ 120 mm. пушекъ на батареяхъ подъ Золотой горой и подъ маякомъ. Команда съ утра отправилась на работу и не прекратила ея, не смотря на то, что мѣста строющихся батарей были, какъ говорится, совсѣмъ на-юру. Въ $10^1/_2$ ч. утра, какъ обычно, паровой катеръ повезъ рабочимъ партіямъ обѣдъ, исполнилъ порученіе и вернулся, но когда присталъ къ трапу, то одного изъ прислуги вывели подъ руки.

— Что такое?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, еще какъ туда шли, „опа“ близко вдарила,—докладывалъ старшина,—и значитъ

задѣло Харченку, но только въ мякоть. Пощупали: кость цѣльная, ногой дѣйствуетъ. Самъ сказывалъ: „дляча ворочаться, только щи командѣ доставите холодныя, и ругаться будутъ“... а мы его въ лучшемъ видѣ перевязали...

По счастью рана оказалась несерьезной.

Передъ командным обѣдомъ (или нашимъ завтракомъ), около 11 ч. утра, непріятельскіе снаряды стали ложиться особенно удачно. Я стоялъ на верхнемъ мостикѣ „Ангары“, когда одинъ изъ нихъ ударилъ въ „Ретвизанъ“ (между его кормой и нашимъ носомъ было не больше 20 саженъ). Снарядъ только задѣлъ его лѣвый бортъ, близъ трапа, разорвался, разнесъ двѣ шлюпки, стоявшія у борта, одну изъ нихъ зажегъ и осыпалъ осколками тутъ же находившійся портовый буксирный и водоотливной пароходъ „Силачъ“.

— Счастливо отдѣлались,—подумалъ я,—сажени 2 — 3 правѣе и угодило бы прямо въ кормовой бомбовый погребъ...

Однако на броненосцѣ что то усиленно забѣгали. Вотъ онъ отдалъ носовые швартовы, съ помощью „Силача“ развернулся вправо и выбросился на отмель носомъ, который замѣтно для глаза садился все глубже... Впослѣдствіи выяснилось, что взрывомъ снаряда повредило кессонъ, подведенный подъ пробоину. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ новый снарядъ ударилъ его въ правый бортъ (теперь обращенный къ югу), близъ ватерлиніи, подъ кормовой башней. Броня выдержала, и когда разсѣялся столбъ дыма и водяныхъ брызгъ, мы увидѣли на мѣстѣ удара только бурое пятно. Пробоины не было.

— Не везетъ „Ретвизану“!—промолвилъ стоявшій рядомъ со мной вахтенный начальникъ...

— Такъ что кушать подано!—доложилъ внезапно появившійся старшій вѣстовой.

Я спустился въ каютъ-компанію.

Завтракъ прошелъ очень оживленно, оживленнѣе даже, чѣмъ обыкновенно. Шутили, пересмѣивались... Откровенно говоря, я не предполагалъ, что за нашимъ столомъ можетъ вестись подобная бесѣда, вся пересыпанная блестками истиннаго юмора. Давно ужъ не приходилось сидѣть въ такомъ миломъ обществѣ, принимать участіе въ такомъ интересномъ разговорѣ... Между прочимъ острили по поводу того, что мы въ чужомъ пиру похмѣлье терпимъ, что если бы японцы знали,

гдѣ стоитъ разоруженная „Ангара“, то навѣрно не стали бы стрѣлять въ нее...

— Зря снаряды тратятъ! Все равно, что въ пустое мѣсто!..

— Говорите pro domo sua,—надменно заявилъ старшій артиллеристъ,—я себя отнюдь не считаю за пустое мѣсто, и если бы японцамъ удалось меня ухлопать, то это конечно стоитъ 12-дюймоваго снаряда, и даже не одного!

Къ концу завтрака организовалось своеобразное petit jeu d'esprit. Въ наружныхъ дверяхъ поставили вѣстового (каютъ-компанія помѣщалась въ столовой перваго класса, на верхней палубѣ), и тотчасъ послѣ взрыва снаряда желающіе высказывали свое мнѣніе, куда онъ попалъ: въ воду, на берегъ, вправо, влѣво, спереди, сзади и далеко ли? Руководствовались характеромъ и интенсивностью звука. Всякая попытка выглянуть въ окно останавливалась энергичнымъ возгласомъ: „не передергивать!“

Докладъ безпристрастнаго свидѣтеля—вѣстового—разрѣшалъ пари.

„Взирая на безпечную веселость сихъ героевъ, изъ угрозы смерти создавшихъ себѣ невинную забаву, можно ли было не воскликнуть въ сердечномъ умиленіи: такова сила любви къ родинѣ!“—такъ сказалъ бы Карамзинъ, а я записалъ въ свой дневникъ: „какова сила человѣческаго самолюбія (или тщеславія?), во-время взвинченнаго подходящимъ словомъ или поступкомъ! Не будь здѣсь Макарова, и эти же люди, прикрываясь свыше даннымъ лозунгомъ „беречь и не рисковать“, были бы способны прятаться за траверзами, построенными изъ мѣшковъ съ углемъ... А теперь они бравировали другъ передъ другомъ, ревниво оглядывались на сосѣдей—не подмѣтитъ ли кто-нибудь хоть мимолетной тѣни безпокойства на ихъ лицѣ, дружески подсмѣивались надъ молодыми матросами, кланявшимися передъ шуршащими въ воздухѣ осколками... И этимъ „низкопоклонникамъ“ было стыдно. Они оправдывались тѣмъ, что „невзначай“, „не подумалъ“, „само вышло“...

Безпредѣльна сила могучей воли, умѣющей подчинить себѣ волю другихъ! Да!.. но только въ томъ случаѣ, когда эта единая воля сама всецѣло отдалась служенію идеѣ, объединяющей массы, покорныя ей „не токмо за страхъ, но за совѣсть...“

Завтракъ приходилъ къ концу. Мы пили кофе. Я невольно и отъ души смѣялся надъ негодованіемъ старшаго механика, который, нѣсколько туговатый на правое ухо, всѣ звуки естественно относилъ къ лѣвой сторонѣ и все время проигрывалъ, чѣмъ возбуждалъ неудержимую веселость мичмановъ, остривших, что если бомбардировки будутъ хоть по два раза въ недѣлю, то вино къ столу будетъ подаваться „механически“.

Неожиданный ударъ, такой рѣзкій, что запрыгала по столу и зазвенѣла посуда...

Я схватилъ фуражку и выбѣжалъ на палубу... По счастью, обошлось благополучно. Снарядъ упалъ и разорвался саженяхъ въ 10 отъ нашего лѣваго борта, противъ передняго мостика. Осколками сдѣлало нѣсколько дыръ въ шлюпкахъ, вентиляторахъ, кое-что перебило на мостикѣ, но никого не задѣло. Огонь повидимому снова былъ направленъ на нашу линію. Слѣдующій снарядъ легъ почти вплотную къ намъ, но не разорвался. Только поднятый имъ водяной столбъ цѣликомъ обрушился на палубу, угостивъ холоднымъ душемъ группу собравшихся здѣсь матросовъ.

Взрывы хохота и веселыхъ окриковъ...

— Получилъ японскую баню?—Водой не то, что осколкомъ!—Плевать на твой осколокъ—новую рубаху испортило!—Хо-хо-хо! за рубаху опасается! Лобъ-отъ всякій осколокъ выдержитъ! — Не всякій осколокъ въ лобъ!—гудѣла команда...

— Расходись! Честью говорю: расходись!—сердился боцманъ,—сказано: лишнимъ наверху не быть! Укройся!

— Лается тоже! а самъ съ „господами“ на мостикѣ маячитъ! Куды отъ „нея“ укроешься? На-чистоту лучше?—„Борода“-то, чего, утресь, сдѣлалъ? Вѣрно, что!—пропадай моя голова, зато примѣръ покажу!—Такъ-то!—А онъ—укройся!—ворчали въ расходившихся кучкахъ...

Вотъ разорвался снарядъ впереди и влѣво отъ насъ, подъ самой кормой „Діаны“. Тамъ забѣгали люди, заработали пожарныя помпы... Другой „крякнулъ“ у борта „Казани“, стоявшей позади насъ.

— Чуть-чуть не попалъ! Хорошо что „чуть-чуть“ не считается,—сострилъ кто-то.

Однако съ „Казани“ семафоромъ просили прислать врача (ихъ собственный былъ боленъ), значитъ были раненые...

Одинъ „чемоданъ“ *) угодилъ въ бруссверъ мортирной батареи Золотой горы...

Около часу пополудни, когда приливъ былъ въ половинѣ и эскадра могла бы начать свой выходъ въ море, японцы удалились. Благодаря Бога, серьезныхъ поврежденій на судахъ не было. Потеряли убитыми и ранеными на эскадрѣ около 30 человѣкъ.

Могло бы быть много хуже... Суда эскадры и порта, военные и коммерческіе транспорты были такъ тѣсно скучены въ бассейнахъ, что свободная поверхность воды врядъ-ли и въ два раза превосходила площадь, занятую палубами колей, находившихся подъ разстрѣломъ.

27 февраля, чуть забрезжилъ свѣтъ, около 4 ч. утра, всѣ боевыя суда эскадры начали выходить на внѣшній рейдъ. Это было распоряженіе Макарова, и здѣсь еще разъ наглядно обнаружилось, что можетъ сдѣлать начальникъ, которому вѣрятъ и который самъ въ себя вѣритъ... До сихъ поръ, согласно правиламъ и циркулярамъ, выработаннымъ въ Кронштадтѣ и получившимъ высокую санкцію изъ подъ шпица адмиралтейства, отвѣтственность за благополучный выводъ корабля изъ гавани лежала всецѣло на завѣдующемъ портовыми средствами. Мудрое правило мирнаго времени, устранявшее всякія недоразумѣнія между командиромъ корабля, всегда склоннымъ „подвинтить“ собственными машинами, и начальникомъ буксировъ, вовсе не ожидающимъ такого „подвинчиванія“. Благодаря такому свято соблюдавшемуся правилу и малочисленности портовыхъ средствъ Артура оказывалось, что эскадру въ полномъ ея составѣ никакъ нельзя вывести на внѣшній рейдъ за время одной полной воды, но только въ два пріема, т. е. на одинъ выводъ потративъ почти сутки. Макаровъ все и сразу повернулъ по своему, давъ совершенно новую директиву: портовыя суда „помогаютъ“ кораблю развернуться съ мѣста, „помогаютъ“ ему разворачиваться въ узкостяхъ, „стараются всѣми силами“ оказать ему содѣйствіе въ затруднительныхъ случаяхъ, не страшась никакой отвѣтственности за свои аваріи, разъ только они успѣшно выпол-

*) «Чемоданами» называли въ Артурѣ длинные японскіе снаряды. Въ самомъ дѣлѣ: снарядъ футъ въ діаметрѣ и больше 4 футъ длины, въ которомъ находится 106 фунтовъ мелинита или шимозы,—развѣ это не „чемоданъ“ съ взрывчатымъ веществомъ? У насъ такихъ не было.

нили возложенную на нихъ задачу; съ другой стороны, командиръ корабля „долженъ“ забыть о всякихъ формальныхъ отпискахъ по поводу отвѣтственности и помнить только, что въ наискорѣйшій срокъ „долженъ“ вывести свой корабль въ море, пользуясь всѣми средствами, какія ему предоставлены. Кто при всемъ добромъ желаніи не сумѣлъ выполнить своихъ обязанностей—виновенъ только въ неумѣньѣ, въ неопытности, но кто подъ формальнымъ предлогомъ, прикрываясь буквой закона, уклонился отъ ихъ выполненія, тотъ—преступникъ.

Адмиралъ развивалъ эту идею не только въ собраніи флагмановъ и капитановъ, но и передъ портовыми чинами до вольнонаемныхъ шкиперовъ буксирныхъ барказовъ включительно.

Въ результатѣ 27 февраля вся эскадра вышла на внѣшній рейдъ, за время утренней полной воды въ промежутокъ $2^1/_2$ часовъ, а вернулась, т. е. вошла въ гавань, съ 5 до 7 ч. вечера (вечерняя полная вода). Мы смотрѣли и глазамъ не вѣрили.

— Да это не портовые барказы, а тигры!—восхищалась молодежь на „Ангарѣ“,—кидаются, хватаютъ, тащутъ, бросаютъ, торопятся къ слѣдующему!..

Дѣйствительно можно было полюбоваться.

Непріятель скрылся безслѣдно. Эскадра, выйдя въ море, занималась только эволюціями. Адмиралъ Макаровъ тотчасъ по прибытіи въ П.-Артуръ объявилъ приказами диспозиціи походнаго и боевого строя. Въ тѣхъ же приказахъ были даны общія руководящія правила для дѣйствія артиллеріей и маневрированія отдѣльныхъ судовъ въ тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ боя. До сихъ поръ этого не было. За отсутствіемъ непріятеля, производились, какъ бы въ мирное время, маневры. Результатъ получился довольно неожиданный и далеко неутѣшительный. Два броненосца имѣли столкновеніе. „Севастополю“, какъ говорятъ, изрядно попало въ корму, но объ этомъ не приказано было распространяться.*)

---

*) «Севастополь» былъ протараненъ «Пересвѣтомъ». По счастью, настоящей пробоины не получилось, а только щель въ разошедшихся листахъ обшивки, да еще была погнута одна изъ лопастей праваго гребного винта, которую пришлось мѣнять при посредствѣ кессона-колокола.

Однако, и „Пересвѣту“ столкновеніе не прошло даромъ—онъ свернулъ себѣ на сторону (правда, слегка) таранъ и получилъ течь въ носовой части. Починили.

„Севастополь“ не остался въ долгу и ткнулъ „Полтаву“, тоже наградивъ ее щелью...

— Вотъ они — результаты вооруженнаго резерва! — злобно ворчали нѣкоторые.—Воевать собрались, а въ строю ходить не умѣютъ! Вывели въ море плавучія казармы!..

— Макаровъ научитъ!

— Далъ бы Богъ сроку!..

Вмѣстѣ съ адмираломъ пріѣхали не только корабельные инженеры и мастеровые Балтійскаго завода, но также и друіе спеціалисты, какъ напримѣръ полковникъ М. и съ нимъ цѣлая партія рабочихъ съ орудійнаго Обуховскаго. Все сразу зашевелилось. Энергично двинулась постройка кессона для „Цесаревича“, до того бывшая подъ сомнѣніемъ; старый кессонъ „Ретвизана“ признали негоднымъ и строили новый; въ артиллерійскихъ складахъ, гдѣ въ полномъ пренебреженіи валялись орудія и части ихъ установокъ, забранныя еще въ 1900-мъ году изъ тянь-тзинскаго арсенала, начали разбираться, и кое-что, пропавшее безслѣдно, сдѣлавъ вновь въ мастерскихъ порта, предоставили на сухопутную оборону до 40 орудій; на батареѣ Электрическаго утеса учинили со станками что-то такое, благодаря чему возможный уголъ обстрѣла орудій увеличился на 5°... Не мало поработали также вольные техники и водолазы ревельской спасательной компаніи... Адмиралъ, какъ ни быстро собрался въ путь-дорогу, ничего не забылъ, обо всемъ вспомнилъ...

День 1 марта былъ для меня днемъ радости. Я былъ приглашенъ къ завтраку, на „Петропавловскъ“, послѣ котораго адмиралъ увелъ меня въ свой кабинетъ и, со свойственной ему краткостью и прямолинейностью, изложилъ суть дѣла.

— Уѣзжая изъ Петербурга, я имѣлъ свѣдѣнія, что вы командуете миноносцемъ, а зная вашъ нравъ, былъ увѣренъ, что этого назначенія вы не промѣняете ни на какое другое. Набирая штабъ, на васъ не разсчитывалъ. Оказалось иначе; но теперь всѣ подходящія для васъ мѣста у меня заняты. Штатнаго мѣста нѣтъ. Хотите причислиться? Все-таки лучше транспорта, а я буду очень радъ.

Извинившись за откровенность, я отвѣтилъ не менѣе категорично, что въ такое время „быть причисленнымъ“ къ штабу безъ опредѣленныхъ занятій я не хотѣлъ бы, что за высокими мѣстами не гонюсь, а просилъ бы только о назначеніи на боевой корабль, все равно въ какомъ званіи.

— Заранѣе зналъ отвѣтъ! Неисправимъ, хоть брось!— засмѣялся адмиралъ, махнувъ рукой.—Ну, такъ вотъ: свобод-

наго миноносца сейчасъ ни одного нѣтъ, но кое-что тутъ надо освѣжить; открываются вакансіи; ступайте къ Михалъ Палычу*); онъ что-то придумалъ... А жаль!.. Такъ рѣшительно не хотите быть „по особымъ порученіямъ“?... Ваше дѣло...

Я пробовалъ было смягчить мой отказъ выраженіями благодарности за участіе въ моей горькой „транспортной“ долѣ, упомянувъ о долголѣтней службѣ въ строю, о привычкѣ къ ней, которая является главной причиной...

— Вздоръ, вздоръ!—перебилъ адмиралъ.—Пожалуйста безъ дипломатіи! Мы съ вами достаточно знаемъ другъ друга. Я васъ понимаю и на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы также. Дай Богъ, въ добрый часъ!—закончилъ онъ своей любимой поговоркой.

— Ну, ну! Знаю, знаю! И очень радъ!—съ первыхъ же словъ привѣтствовалъ меня начальникъ штаба.—Я ужъ на васъ прицѣлился:—старшимъ офицеромъ на „Діану“! Не особенно важно? Корабль дѣйствительно изъ числа „трехъ богинь“ отечественнаго изобрѣтенія... Да что же дѣлать?—другого нѣтъ! А поработать придется! Вотъ какъ поработать!..

Все значеніе этой фразы я постигъ, только уже пробывъ на „Діанѣ“ нѣсколько дней. За эти дни въ моемъ дневникѣ не записано ни одной строчки. Работы оказалось столько, что едва хватало времени на сонъ и на ѣду. Крейсеръ, начавшій кампанію 17 января, до того 11 мѣсяцевъ простоялъ въ резервѣ! Если-бы даже при уходѣ его изъ Кронштата на Дальній Востокъ (осенью 1902 года) команда была сформирована строго по правиламъ, такъ и то въ составѣ ея должно было бы находиться два призыва, т. е. около $^1/_3$ людей, не видавшихъ моря. На дѣлѣ же этихъ мужиковъ, одѣтыхъ въ матросскія рубахи, оказалось почти $50^0/_0$, а морская практика доброй половины остальныхъ исчерпывалась единственнымъ походомъ изъ Артура во Владивостокъ и обратно... Нравы и обычаи установились не только не морскіе, но даже и не сухопутно-казарменные, а просто... деревенскіе. При выполненіи какой-нибудь работы, хотя и не общей, но требовавшей значительнаго числа людей, вмѣсто опредѣленнаго приказанія или команды—такое-то отдѣленіе туда-то!—унтеръ-офицеры про-

*) К-адм. М. П. Моласъ былъ начальникомъ штаба С. О. Макарова и вмѣстѣ съ нимъ погибъ на „Петропавловскѣ“.

сили „земляковъ“ подсобить, и даже старшій боцманъ, вмѣсто начальническаго окрика приглашалъ „ребятъ“ навалиться „всѣмъ міромъ“, чтобы скорѣе „отмахнуть—и шабашъ!..“ Я отнюдь не преувеличиваю и передаю только факты. По сравненію съ этой прочно сплотившейся и сформировавшейся деревней сборная команда „Ангары“, составленная изъ людей (конечно не самыхъ лучшихъ), назначенныхъ съ разныхъ судовъ эскадры (но судовъ, все же плававшихъ), показалась мнѣ образцовымъ войскомъ. Не мало трудовъ и заботъ пришлось положить на искорененіе этихъ патріархальныхъ нравовъ и введеніе хотя бы нѣкотораго воинскаго уклада жизни. Грязь, особенно въ мѣстахъ, недоступныхъ бѣглому „смотровому“ обзору,—была невозможная. Естественный результатъ 11 мѣсячной стоянки въ резервѣ, когда крейсеръ былъ офиціально превращенъ въ казарму, но на дѣлѣ конечно не могъ превратиться въ казарму благоустроенную. На кораблѣ люди живутъ такъ скученно, въ такой, строго говоря, ненормальной обстановкѣ, что поддержаніе порядка, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, выполненіе насущнѣйшихъ требованій гигіены—возможны лишь при полномъ, правильномъ и безпрерывномъ функціонированіи всѣхъ элементовъ этого гигантскаго организма. Корабль, превращенный въ плавучую казарму,—это абсурдъ. Хуже—это растлѣніе. Стоя въ резервѣ (я не говорю про короткій срокъ—мѣсяцъ или два—для починки или исправленія), корабль во всемъ своемъ цѣломъ, весь, со всѣмъ своимъ личнымъ и матерьяльнымъ составомъ постепенно, медленно, но вѣрно, приходитъ въ упадокъ, утрачиваетъ свое значеніе боевой единицы. Самые энергичные, самые сильные духомъ люди не всегда выдерживаютъ полярную зимовку, эту долгую безотрадную ночь, хотя и стараются заполнить ея какимъ-нибудь дѣломъ. Однообразіе родитъ скуку, а скука—уныніе... 11 мѣсяцевъ резерва! Это почти то же, что 11 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія въ общей камерѣ... Говоря про нравы и обычаи, установившіеся на крейсерѣ, я назвалъ ихъ „деревенскими“, но это несовсѣмъ точно; такіе нравы и обычаи должны вырабатываться въ общихъ тюрьмахъ, конечно при наличіи мягкаго и благожелательнаго начальства...

Ломка традицій, уже успѣвшихъ пустить крѣпкіе корни, новые порядки, предъявленіе требованій, отъ которыхъ успѣли отвыкнуть,—не могло не вызвать глухого недовольства, даже нѣкотораго пассивнаго сопротивленія. По счастью, я встрѣ-

тилъ самую энергичную поддержку со стороны командира (принявшаго крейсеръ за 2—3 дня до моего назначенія) и горячее сочувствіе со стороны большинства офицеровъ. Послѣднее было особенное важно.

Взысканіями, вообще насильственными мѣрами можно было бы заставить людей работать, даже механически выучить ихъ чему-нибудь, но вѣдь этого недостаточно. Въ этихъ скучающихъ, облѣнившихся людяхъ надо было пробудить сознаніе разумности, цѣлесообразности той работы, которая отъ нихъ требовалась, чтобы они не считали, ее за прихоть всевластнаго начальства, ссылающагося на какіе-то, невѣдомые имъ законы... И въ этомъ отношеніи пріѣздъ Макарова имѣлъ рѣшающее значеніе. Они уже встрепенулись; въ нихъ пробудился тотъ духъ, который ведетъ на подвигъ, вѣра въ своего вождя, готовность идти на смерть по его слову или указанію... Оставалось только внушить имъ, что главная цѣль—не смерть, а побѣда; что надо не только умѣть умирать, но и умѣть сражаться, учиться этому искусству, а на своимъ корабъ все, до самой ничтожной мелочи любовно содержать въ полномъ порядкѣ и боевой готовности. Скука и унынie смѣнились въ массахъ стихійнымъ порывомъ къ бою,—надо было этотъ стихійный порывъ сдѣлать сознательнымъ.

Понемногу, не безъ труда, не безъ заминки, дѣло налаживалось, и главная заслуга въ этомъ конечно принадлежала тѣмъ моимъ сослуживцамъ, которые такъ горячо и охотно взялись за разрушеніе глухой стѣны между бакомъ и ютомъ, которые „пошли въ народъ“, не упуская ни одного случая разъяснить и подчеркнуть общность задачъ, связывающихъ всѣхъ насъ—отъ командующаго флотомъ до новобранца. Въ самомъ дѣлѣ нигдѣ, ни въ какой спеціальности военной службы эта тѣсная связь не является такой наглядной, такой очевидной, какъ во флотѣ; и здѣсь казалось бы, не стоило никакого труда внѣдрить ее въ сознаніе массъ. Равенство передъ лицомъ смерти—это почти братство. Если въ сухопутной дѣйствующей арміи фактически существуетъ дѣленіе по цѣнности жизни на „пушечное мясо“ и „высшихъ руководителей“, то во флотѣ оно невозможно. На боевой эскадрѣ чѣмъ выше служебное положеніе, тѣмъ больше личный рискъ жизнью. Между командующимъ арміей и командующимъ флотомъ въ этомъ отношеніи цѣлая пропасть.

Первый только руководитъ боемъ, пользуясь почти полной

личной безопасностью, второй-же самъ ведетъ свою эскаду въ бой, находясь на флагманскомъ кораблѣ, на которомъ сосредоточена вся сила непріятельскаго огня, онъ—въ самомъ его центрѣ и первый несетъ свою голову подъ удары. Матросъ не можетъ сказать—„меня послали“, но только—„меня повели“... Послать на смерть или повести на смерть—это совсѣмъ разныя понятія...

Вотъ почему выходъ и бой Макарова на „Новикѣ“ произвели такое огромное впечатлѣніе. А какую силу представляетъ собою сознаніе этого равенства и братства передъ лицомъ смерти, если имъ проникнутъ весь личный составъ эскадры?.

Вѣдь тогда каждая команда принимается, какъ цѣнное указаніе болѣе опытнаго, старшаго товарища; каждая работа является не принудительной, а радостно выполняемой на пользу общему дѣлу... Мнѣ такъ хотѣлось создать на крейсерѣ подобное настроеніе!.. И по счастью у меня нашлось немало единомышленниковъ. У насъ не было ни лекцій, ни сообщеній, а просто офицеры, про которыхъ я говорю, все свое время отдавали командѣ, находившейся въ ихъ подчиненіи, не столько учили, сколько знакомились съ людьми, которыхъ поведутъ въ бой. Строго говоря, это не были даже бесѣды, а чаще всего нѣсколько, какъ бы случайно, находу, брошенныхъ словъ въ разъясненіе того или иного распоряженія, или замѣчаніе, вставленное въ разговоръ нижнихъ чиновъ между собою... Но какъ это дѣйствовало!.. И, какъ результатъ, съ какимъ чувствомъ удовлетворенія я исполнялъ просьбу какого-нибудь „хозяина бомбового погреба“, который докладывалъ, что у него сыро, что ему нужно людей—обтереть пояски снарядовъ: „кабы не оборжавѣли, орудію въ бою не испортить бы!“.. Или другое: люди, привыкшіе считать чистоту причудой, начальства, жившіе цѣлый годъ, только „заметая соръ“, вдругъ такъ легко поняли ея смыслъ, ея необходимость, когда имъ попросту объяснили, что раненый падаетъ на палубу, что, пока подберутъ и унесутъ, грязь можетъ попасть въ рану, и выйдетъ, что изъ-за пустой царапины—рѣжь руку или ногу а то такъ и этимъ не спасешь отъ смерти.

Лично я всякую бесѣду всегда старался свести къ одному и тому же заключенію: „Готовься къ бою, потому что въ бою: не убьешь—тебя убьютъ!“ Эта простая философія оказывалась наиболѣе убѣдительной...

Среди судовъ эскадры „Діана“ не была исключеніемъ. Правда не каждый корабль до войны простоялъ 11 мѣсяцевъ въ резервѣ, но многіе были къ этому близки. Прибытіе популярнаго адмирала, его личный примѣръ могли вызвать подъемъ духа; старанія офицеровъ, оживленная, одухотворенная дѣятельность всякаго рода начальства могли способствовать обученію команды въ кратчайшій срокъ тому, чему ее не доучили въ мирное время; но ничто никакія усилія не могли наверстать безвозвратно упущенной практики плаванія... Мужиковъ, одѣтыхъ въ матросскія рубахи, господъ, носящихъ форму морскихъ офицеровъ, возможно было превратить въ героевъ, но сдѣлать ихъ опытными моряками, сборище плавучихъ казармъ превратить въ боевую эскадру,—для этого требовались долгіе годы... Печальный опытъ 27 февраля какъ нельзя лучше подтверждалъ эту истину... Адмиралъ, принявшій командованіе флотомъ для того, чтобы вести его въ бой, оказался вынужденнымъ предварительно обучать его выполненію простѣйшихъ маневровъ... И во время этихъ „простѣйшихъ“ маневровъ, совершавшихся, какъ въ мирное время, внѣ видимости непріятеля, происходили столкновенія... Винить ли въ томъ командировъ, впервые вышедшихъ (на своемъ кораблѣ) въ море?..

Но... снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Дѣлать нечего—приходилось передъ самымъ боемъ учиться, какъ маневрировать въ бою...

Офицеры „Діаны“, разсказывавшіе мнѣ объ эволюціяхъ 27 февраля, не могли не вспомнить съ глубокой горечью и первaго своего выхода, когда вся эскадра, начавъ кампанію 17 января, черезъ нѣсколько дней послѣ того предприняла плаваніе къ Шантунгу и обратно... Это плаваніе иначе не называли, какъ „походомъ аргонавтовъ“...

Относительно обученія личнаго состава каждаго корабля въ отдѣльности тому, что онъ долженъ дѣлать въ бою, положеніе было не столь безотрадно. Въ этомъ случаѣ, при условіи дружной работы всѣхъ,—отъ командира до молодого матроса,—еще можно было кое-что наверстать.

На первомъ же собраніи флагмановъ и капитановъ адмиралъ высказалъ именно эту идею. Онъ говорилъ, что успѣхъ возможенъ, если каждый задастся цѣлью работать не въ силу только приказаній начальства, но изъ сознанія, что, какъ бы ни была незначительна его роль, добросовѣстное ея выполненіе

можетъ, въ иныхъ случаяхъ, имѣть рѣшающее значеніе. Вѣдь если комендору *) внушить, что одинъ удачный выстрѣлъ его орудія, разрушившій боевую рубку непріятельскаго броненосца, можетъ рѣшить участь боя,—то вѣдь эта мысль наполнитъ все его существованіе! Онъ даже ночью, даже во снѣ, будетъ думать о томъ, какъ возьметъ на прицѣлъ непріятеля!—А въ этомъ вся суть дѣла. Умѣть желать—это почти достигнуть желаемого...

— Теперь ужъ поздно вести систематическія ученія и занятія по росписанію,—говорилъ адмиралъ.—Каждый командиръ, каждый спеціальный офицеръ, каждый завѣдующій отдѣльной, хотя бы и самой маленькой частью на кораблѣ, долженъ ревниво, какъ передъ Богомъ, какъ на страшномъ судѣ, выискивать свои недочеты и всѣ силы отдавать на ихъ пополненіе. Въ этомъ дѣлѣ и начальство, и подчиненные—первые его помощники. Пусть не боятся ошибокъ и увлеченій. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Отъ работы, даже направленной по ложному пути, отъ такой даже, которую пришлось бросить,—остается опытъ. Отъ бездѣлья, хотя бы оно было вызвано самыми справедливыми сомнѣніями въ цѣлесообразности дѣла ничего не остается. Помните, что мы не знаемъ, какъ считать свое свободное время, данное намъ на подготовку къ рѣшительному моменту,—мѣсяцами, днями или минутами. Размышлять некогда. Выворачивайте смѣло весь свой запасъ знаній, опытности, предпріимчивости. Старайтесь сдѣлать все, что можете. Невозможное останется невозможнымъ, но все возможное должно быть сдѣлано. Главное, чтобы всѣ, понимаете ли „всѣ“—прониклись сознаніемъ всей огромности возложенной на насъ задачи, сознали всю тяжесть отвѣтственности, которую самый маленькій чинъ несетъ передъ родиной!.. Дай Богъ, въ добрый часъ!..

И работа закипѣла.

Никогда, даже въ лучшіе дни эскадры Тихаго океана, не приходилось мнѣ наблюдать такого увлеченія, такого подъема духа.

Суда, тѣсно набитые въ узкой полосѣ западнаго бассейна, которую „успѣли“ углубить до войны, широко использовали ту его часть, которая осталась мелководной и, при отливѣ, даже обсыхала. По ней были разбросаны десятки небольшихъ щитовъ разныхъ цвѣтовъ и формъ, по которымъ съ утра до

*) Комендоръ—наводчикъ и хозяинъ орудія.

ночи производилась „вспомогательная стрѣльба“ *), дающая комендору возможность провѣрять самого себя въ дѣлѣ наводки, своевременности выстрѣла, въ умѣньи быстро переносить пушку съ одной цѣли на другую, быстро пристрѣляться. Послѣднее обстоятельство придавало этимъ ученьямъ особенное оживленіе.

— Всѣ по красному!—распоряжался изъ боевой рубки артиллерійскій офицеръ.—Кормовому плутонгу—по черному! Батарея—по рыжему!.. Сосредоточить огонь на кругломъ!.. и т. д.

Казалось бы—пустяки, игра, въ отраженіе минной атаки... Но какое соревнованіе вызывала эта игра!.. Прислушиваясь къ горячимъ спорамъ, одинаково возникавшимъ и въ каютъ-компаніи, и на бакѣ о томъ, кто сегодня лучше стрѣлялъ, я вспоминалъ, невольно, полузабытое соперничество между кораблями, между мачтами на томъ же кораблѣ... Оно воскресало въ этихъ пререканіяхъ комендоровъ отдѣльныхъ пушекъ, въ язвительныхъ замѣчаніяхъ, которыми обмѣнивались командиры плутонговъ, въ заявленіяхъ старшаго артиллериста, обвинявшаго сосѣдній корабль въ томъ, что онъ „показываетъ Петрушку“... Мнѣ было такъ хорошо, такъ весело, въ центрѣ этого оживленія. Я чувствовалъ себя опять на „эскадрѣ“...

V.

Артурская эскадра подъ командой С. О. Макарова. — Роковой день 31 марта. — «Голова пропала!»

5 марта начали подводку кессона подъ „Цесаревичъ“. Съ „Ретвизана“ старый, неудачный и къ тому же пробитый, кессонъ сняли и спѣшно строили новый, а пока онъ стоялъ поперекъ бассейна, кормой ошвартовившись на бочку, носомъ выбросившись на мель. Разсказывали, что, несмотря на подведенные пластыри, укрѣпляемые водолазами, и безпрерывную работу землесосовъ, съ трудомъ удается удерживать въ немъ воду на постоянномъ уровнѣ, что онъ медленно, но вѣрно, погружается въ жидкій, вязкій илъ, составляющій грунтъ

*) Вспомогательная стрѣльба—это повѣрка глаза наводчика. Въ большую пушку вставляютъ спеціально приспособленную меньшую, а въ эту—особый приборъ съ отрѣзкомъ ружейнаго ствола, и ужъ изъ него стрѣляютъ обыкновеннымъ ружейнымъ патрономъ. Комендоръ (наводчикъ) наводитъ пушку, а въ искусствѣ своей наводки и вообще стрѣльбы имѣетъ контроль, слѣдя за попаданіемъ выпущенной имъ пули.

Западнаго бассейна. И тѣмъ не менѣе никто не отчаявался въ возможности исправленія броненосца.

— Макаровъ туда чуть не каждый день ѣздитъ! А командиръ?—не ѣстъ, не спитъ, авралитъ круглыя сутки!— такія заявленія были достаточной гарантіей, что все кончится благополучно.

Особенныя надежды, какъ я уже говорилъ, возлагались на Балтійскую рабочую партію, совершенно независимую отъ порта, являвшуюся какъ бы отдѣленіемъ своего завода, поставленнаго на чисто-коммерческую ногу, чуждаго казенной рутины и канцелярщины *).

7 марта „заслышали“ японцевъ. Съ вечера миноносцы ходили въ море, но ничего не видѣли.

---

*) Какъ показала дѣйствительность, надежды наши не были напрасными.

Рабочая партія (или отрядъ, какъ его иногда называли) Балтійскаго завода состояла всего изъ одного инженера К., одного подмастера, одного чертежника, 189 мастеровыхъ и 2 конторщиковъ. За время осады изъ партіи: убито—4, умеръ отъ цынги—1, ранено—11.

Ничтожная кучка по сравненію съ личнымъ составомъ казеннаго порта, а между тѣмъ вотъ краткій перечень работъ, выполненныхъ ею:

Задѣлка (при посредствѣ кессоновъ) минныхъ пробоинъ «Ретвизана», «Цесаревича», «Побѣды» и «Севастополя» (послѣдняго дважды).

Задѣлка (въ докѣ) минной пробоины «Баяна» и добрая половина работы по задѣлкѣ такой-же пробоины «Паллады».

Задѣлка (на плаву, при кренѣ) таранной пробоины «Амура».

Перемѣна (на плаву, при посредствѣ кессона-колокола) поврежденныхъ лопастей гребныхъ винтовъ «Севастополя».

Послѣ боя 28 іюля — приведеніе въ порядокъ «Пересвѣта», «Севастополя» и «Ретвизана».

Задѣлка сотенъ пробоинъ отъ снарядовъ разныхъ калибровъ, на разныхъ судахъ, за время бомбардировокъ съ берега.

Исправленіе миноносцевъ: «Рѣшительный», «Разящій», «Лейтенантъ Бураковъ», «Безшумный», «Сторожевой» и многихъ другихъ.

Активное содѣйствіе порта выражалось лишь въ доставленіи грубой, валовой рабочей силы, которую въ осажденной крѣпости можно было бы получить и помимо него (распоряженіемъ строевого начальства), важнѣе былъ тотъ фактъ, что портъ «не смѣлъ мѣшать» талантливому руководителю партіи. Это вынужденное, пассивное содѣйствіе было, пожалуй, плодотворнѣе активнаго.

Отмѣчу еще, что балтійцы привезли съ собою 5 вагоновъ матерьяловъ, приспособленій и инструментовъ, въ числѣ которыхъ были пневматическіе, электропневматическіе и проч., каковыхъ въ Портъ-Артурѣ, базѣ нашей боевой эскадры, не имѣлось...

Надо ли добавлять, что и люди были на-подборъ, а не по канцелярскому списку.

Въ тихую и ясную, хотя безлунную, ночь съ 8 на 9 марта крѣпостные прожекторы, неразъ что-то „нащупывали“ во тьмѣ. Въ первомъ часу ночи и около 4 час. утра батареи открывали огонь, но неслишкомъ оживленный. Съ моря имъ не отвѣчали.

Въ 5 ч. 45 м. утра былъ общій сигналъ—„Развести пары во всѣхъ котлахъ“.

Около 7 час. утра, какъ только позволила прибыль воды, эскадра начала выходить изъ бассейновъ. Легкіе, т. е. относительно мелкосидящіе крейсера,—впереди. Первымъ, конечно, „Новикъ“ и съ нимъ миноносцы (эти—внѣ всякой очереди, „по способности“), затѣмъ остальные, начиная съ ближайшихъ къ выходу. Въ 8 ч. 25 м., когда вышли мы (Діана), на внѣшнемъ рейдѣ уже крейсировали „Аскольдъ“ и „Баянъ“.

Прямо на югъ, очень далеко, миляхъ въ 10—12, чуть обрисовывались надъ горизонтомъ трубы и мачты японцевъ. Можно было, однако же, разобрать, что это броненосцы и броненосные крейсера, двумя отрядами приближавшіеся къ Портъ-Артуру. На юго-востокъ, много ближе, виднѣлись „собачки“. Впереди и около нихъ суетились отряды миноносцевъ.

Въ 8 ч. 45 м. броненосцы, приблизившись миль на 8, повернули на западъ.

— Пошли за Ляо-ти-шанъ „бросать издалека тяжелые предметы“ *),—смѣялись на „Діанѣ“.—Не нарваться бы! Кое-что ужъ имъ приготовлено!..

Погода стояла великолѣпная. Ясное небо; температура $+2^1/_2{}^0$ R.; ни волны, ни зыби; чуть тянулъ слабый вѣтерокъ отъ S W.

Къ 9 ч. утра вся непріятельская эскадра скрылась за горой Ляо-ти-шана. Противъ входа остался только одинъ броненосный крейсеръ, очевидно, для наблюденія за паденіемъ снарядовъ.

Въ 9 ч. 35 м. броненосцы, какъ и прошлый разъ, начали свои рейсы къ югу отъ Ляо-ти-шана, въ опредѣленномъ пунктѣ разряжая 12-дюймовки по Артуру. Надо думать, они немало удивились, убѣдившись, что этому занятію уже нельзя преда-

*) Послѣ бомбардировки 26 февраля по эскадрѣ распространился и пользовался большимъ успѣхомъ экспромтъ, сказанный однимъ изъ офицеровъ:

Не скучноль-ль это?—
Сидѣть и ждать,
Когда въ тебя начнутъ бросать,
Издалека, тяжелые предметы...

ваться безнаказанно. Имъ отвѣчали. Стрѣляли изъ бассейновъ „Ретвизанъ“, „Пересвѣтъ“ и „Побѣда“. Наши имѣли даже нѣкоторое преимущество, потому что японцы стрѣляли на ходу, по площади, а у насъ броненосцы стояли на строго опредѣленномъ мѣстѣ и вели перекидную стрѣльбу, какъ сухопутная батарея, руководствуясь безпрерывными указаніями съ наблюдательныхъ пунктовъ.

Около того же времени броненосные крейсера непріятеля демонстративно прошлись въ виду насъ, словно, вызывая на бой, но мы, конечно, этого вызова не приняли.

Въ 10 час. вышелъ на рейдъ „Петропавловскъ“ подъ флагомъ командующаго флотомъ. Замѣтивъ, что эскадра покидаетъ бомбардируемые бассейны, японцы сосредоточили огонь на проходѣ. Снаряды ложились очень хорошо. Въ 10 ч. 20 м. лихо, полнымъ ходомъ, вышла „Полтава“. Два раза, у самаго ея борта, вздымались столбы брызгъ, дыма и осколковъ, но, по счастью, не задѣло.

Въ 10 ч.40 м. съ Золотой Горы донеслись раскаты „ура!“— Семафоромъ сообщали, что, кажется, кому-то изъ японцевъ попало *). Это имъ, повидимому, не понравилось, и они, прекративъ бомбардировку, вышли изъ-за Ляо-ти-шана, благоразумно маневрируя внѣ обстрѣла крѣпостныхъ орудій.

Около 11 ч. броненосные крейсера непріятеля, явно задирая, подошли къ намъ на дистанцію 57 кабельтововъ **). Ихъ было пять, а съ нашей стороны—2 броненосца, 1 броненосный крейсеръ и 2 легкихъ, не считая „Новика“ и миноносцевъ. Адмиралъ повернулъ на нихъ, собираясь (или дѣлая видъ, что собирается) отрѣзать ихъ отъ главныхъ силъ.

Въ 11 ч. 3 м. заговорили башни „Петропавловска“.

Крейсера, даже не пробуя отстрѣливаться, полнымъ ходомъ пошли на югъ, къ своимъ броненосцамъ, но тѣ вовсе не спѣшили къ нимъ на помощь, явно не желая входить въ сферу огня береговыхъ батарей.

Кстати на подмогу вышли „Севастополь“ „Пересвѣтъ“ и „Побѣда“. (Два послѣдніе были самые глубоко-сидящіе и могли выходить только близъ момента полной воды).

Бомбардировка прекратилась; непріятель рѣшительно не

---

*) Какъ выяснилось впослѣдствіи, броненосецъ «Фудзи» получилъ 12-дюйм. снарядъ въ носовую башню.

**) Кабельтовъ—100 морскихъ, шести-футовыхъ, сажень.

желалъ подходить къ крѣпости, а потому въ 11 ч. 20 м. съ „Петропавловска“ былъ сдѣланъ сигналъ: „Стопъ машина. Команда имѣетъ время обѣдать“.

— Наскочили съ ковшемъ на брагу!—Съ „Бородой“ не очень-то разгуляешься!—Не то, что раньше!—слышались бодрыя, веселыя восклицанія среди матросовъ, подходившихъ къ чаркѣ...

Вечерняя полная вода приходилась уже въ темнотѣ, а потому, ввиду явнаго отступленія непріятеля, адмиралъ торопился теперь же ввести эскадру въ гавань. Около 12 ч. 30 м. приказано было войти „Пересвѣту“ и „Побѣдѣ“. Въ то же время, чтобы прикрыть этотъ маневръ, въ которомъ, за дальностью, японцы не могли быть увѣрены, остальныя суда смѣло пошли прямо на нихъ; они же, вѣроятно, полагая, что мы рѣшились принять неравный поединокъ, стали уходить на югъ, какъ бы заманивая насъ въ открытое море. Съ полчаса продолжалось это преслѣдованіе, а затѣмъ мы повернули обратно. Первыми, пока еще не спала вода, вошли „Севастополь“, „Петропавловскъ“ и „Полтава“, а затѣмъ—крейсера. Въ 3 ч. дня мы уже стояли на своемъ мѣстѣ, въ западномъ бассейнѣ.

Это былъ своего рода tour de force: за время одной полной воды эскадра не только почти вся вышла въ море, но сдѣлавъ кое-что, успѣла и войти снова въ гавань. Давно ли на одинъ выходъ ея требовалось двѣ полныхъ воды, т. е. почти сутки!..

Среди личнаго состава господствовало такое настроеніе, словно одержали побѣду. Да и въ самомъ дѣлѣ: не была ли это побѣда смѣлаго духа, если не надъ японцами, то надъ собственной растерянностью и нерѣшительностью?..

Въ ночь на 11 марта временами „слышали“ телеграфъ японцевъ. Предполагалось съ разсвѣтомъ послать крейсера на развѣдку. У насъ уже радовались и мечтали, не посчастливиться ли сцѣпиться съ какой-нибудь „собачкой“, но въ 4 ч. утра нашелъ туманъ, какъ молоко. На кабельтовъ разстоянія ничего не было видно. Приходилось отложить всякую надежду на какія бы то ни было активныя дѣйствія. Къ полудню нѣсколько разъяснѣло, а потомъ опять все заволокло. Зато 12 марта выдался настоящій весенній день. Въ тѣни +11°R.

Въ порту и на эскадрѣ шла кипучая дѣятельность. „Цесаревичу“ наконецъ приладили кессонъ и собирались переводить его въ Восточный бассейнъ, ближе къ мастерскимъ. На „Ретвизанѣ“ благодаря энергичной работѣ опытныхъ водолазовъ

удалось временно, пластырями, задѣлать и самую пробоину, и ея отвѣтвленія. Вода была откачана, и онъ всплылъ.

13 марта съ утренней полной водой, почти съ разсвѣтомъ, адмиралъ вывелъ всю эскадру въ море съ цѣлью... (печальная необходимость!) учить ее маневрированію... Пошли на югъ, нѣсколько склоняясь къ западу и продѣлывая (довольно плохо) различныя эволюціи. Порой досадно было смотрѣть.

— Аргонавты!..—ворчалъ старшій штурманъ...

Въ половинѣ девятаго увидѣли какія-то суда, шедшія намъ на пересѣчку курсомъ на сѣверо-западъ, и вскорѣ опознали въ нихъ 3 коммерческіе парохода; нѣсколько отставши, шелъ четвертый. По сигналу командующаго, „Аскольдъ“ ихъ остановилъ и осмотрѣлъ. Оказалось—почти порожніе англичане, шедшіе за грузомъ въ Ньючвангъ. Ничего подозрительнаго. Отпустили съ миромъ.

Въ 10 ч. 20 м. утра—посчастливилось. Эскадра въ это время проходила мимо ближайшихъ къ Артуру и самыхъ крупныхъ острововъ группы Мяо-тао—сѣверный и южный Гванчинъ-тау. „Новика“ послали заглянуть въ проливъ—все ли тамъ благополучно.

И тутъ-то, притаившись за угломъ, оказался небольшой пароходъ безъ флага, съ джонкой на буксирѣ, который, завидѣвъ нашихъ, бросился на-утекъ. Но отъ „Новика“ и сопровождавшихъ его миноносцевъ удрать было не такъ-то просто. Загремѣли выстрѣлы. Сначала предупредительные—подъ корму и подъ носъ—а потомъ и въ настоящую. Подбитый бѣглецъ вынужденъ былъ остановиться. Часть посажировъ (или экипажа) пыталась, пересѣвъ на джонку, спастись на берегъ. Всѣ были захвачены—12 японцевъ и 9 китайцевъ. Пароходъ „Хайенъ-мару“ менѣе 1000 тоннъ водоизмѣщенія, оказался японскимъ, зафрахтованнымъ для нуждъ корреспондента газеты „Асахи“, а теперь, якобы, развозившимъ по островамъ купцовъ и промышленниковъ по лѣсному и рыбному дѣлу. Очевидно, дѣла эти были только предлогомъ. Убогія рощицы Квантуна всѣ давно уже были секвестрованы для нуждъ обороны, а въ морѣ чаще ловили мины, чѣмъ рыбу. Пароходъ былъ подбитъ, самъ двигаться не могъ. Пробовали его буксировать, но неудачно, и въ результатѣ—затопили.

Всѣ эти подробности мы узнали, конечно, по возвращеніи въ Артуръ. Въ тотъ моментъ, мы видѣли только, какъ „Новикъ“ и миноносцы, чинно, умѣреннымъ, ходомъ, вошедшіе

въ проливъ между островами, вдругъ бросились куда-то, сломя голову, и раньше, чѣмъ мы, за дальностью разстоянія, могли разобрать толкомъ, кого они преслѣдуютъ, надъ преслѣдуемымъ поднялись уже облака дыма и пара... Онъ остановился, а вокругъ него суетилась наша компанія.

— „Новикъ"-то! Ловко! Учуялъ! Вынюхалъ! Ищейка! Настоящій лягашъ!—сыпались кругомъ одобрительныя восклицанія...

Вскорѣ послѣ этого инцидента мы повернули обратно и около 2 час. пополудни вошли въ гавань.

За время нашего „практическаго" плаванія, „Амуръ" ходилъ ставить мины, куда то по направленію къ Таліенвану, кажется, въ бухту Меланхэ.

Въ ночь съ 13 на 14 марта японцы повторили свою попытку—запереть входъ въ Портъ-Артуръ. Началось въ 2 часа 20 мин. пополуночи. Та же картина, что и прошлый разъ, съ тою лишь разницей, что теперь никто не сомнѣвался въ истинныхъ намѣреніяхъ приближающихся пароходовъ, и сразу же огонь открылся по всей линіи.

Правда „Ретвизана" уже не было на старомъ мѣстѣ, но зато въ проходѣ стояли „Бобръ" и „Гилякъ", а изъ-подъ Золотой горы стрѣляла батарея 120 *m/m* пушекъ, снятыхъ съ „Ангары".

Два заградителя выбросились на берегъ подъ этой самой батареей. По пути на эту пару произвелъ лихую атаку сторожевой миноносецъ „Сильный", который, не обращая вниманія на сыпавшіеся градомъ наши же снаряды, почти въ упоръ выпустилъ свои мины. Хорошо, но несчастливо, т.е. не причинивъ пароходамъ такихъ поврежденій, чтобы они немедленно затонули. У одного изъ нихъ напримѣръ былъ снесенъ взрывомъ почти весь форъ-штевень, а носовая переборка какъ-то уцѣлѣла, и онъ продолжалъ идти впередъ.

Другая пара заградителей шла нѣсколько лѣвѣе. Одинъ затонулъ, не доходя маяка, а второй выскочилъ на берегъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно стоялъ на мели „Ретвизанъ".

Разсказывали, что было еще нѣсколько, что часть погибла на минахъ, часть была утоплена артиллерійскимъ огнемъ, а остальные не выдержали и ушли въ море. Но къ такимъ извѣстіямъ надо было относиться съ осторожностью.

Въ ночныхъ дѣлахъ удивительно какъ много топятъ не-

пріятельскнхъ судовъ! И эта слабость — общая. Вовсе не хвастаютъ, а глубоко убѣждены, готовы идти хоть подъ присягу...

Съ разсвѣтомъ появилась на горизонтѣ японская эскадра, а въ 6 ч. 30 м. утра „собачки“ набрались такой самоувѣренности, что подошли довольно близко. Стоило однако береговымъ батареямъ хорошенько огрызнуться, чтобы они немедленно удалились на приличную дистанцію.

Въ это время эскадра выходила на рейдъ. Японцы могли на дѣлѣ убѣдиться, что вторая ихъ попытка оказалась такой-же неудачной, какъ первая.

Около 8 час. утра въ боевомъ порядкѣ („Петропавловскъ“—головнымъ) мы уже крейсировали по дугѣ отъ горы Бѣлаго Волка къ Крестовой горѣ, какъ бы приглашая непріятеля подойти поближе, но это видимо не входило въ его разсчеты. Броненосцы и броненосные крейсера, сопровождаемые „собачками“ и миноносцами, помаячивъ на горизонтѣ до $9^1/_2$ ч. утра, скрылись на юго-востокъ. Не пробовали ни вступить въ бой, ни начать бомбардировку. Въ ожиданіи ихъ возвращенія стали на якорь, а послѣ 2 ч. дня мирно вошли въ бассейны.

Въ предупрежденія новыхъ попытокъ заградить входъ, на внѣшнемъ рейдѣ было устроено два ряда боновъ. Такіе боны или по крайней мѣрѣ матерьялы для нихъ, конечно, должны были бы заготовляться еще въ мирное время. Теперь, ввиду невозможности быстро подвезти все необходимое, пришлось пользоваться тѣмъ, что оказалось подъ руками, сдѣлась хоть что нибудь, утѣшаясь слабой надеждой, что въ будущемъ, съ улучшеніемъ обстановки на театрѣ военнымъ дѣйствій, удастся придать сооруженію должную солидность. Испытанія, производившіяся подъ непосредственнымъ руководствомъ самого адмирала, дали не слишкомъ блестящіе результаты. Небольшіе пароходы (1,000—1,500 тоннъ) съ прямымъ, т. е. перпендикулярнымъ къ поверхности воды, форъ-штевнемъ—задерживались бонами; со скошеннымъ, наклоннымъ впередъ, форъштевнемъ,—перелѣзали черезъ нихъ, хотя и съ трудомъ; когда же пустили „Ангару“ (11,000 тоннъ и форъ-штевень скошенный), то она, словно не замѣтивъ боновъ, которые подмяла подъ себя, съ застопоренными машинами, силой одной инерціи дошла до самаго входа... Выяснилось, что, не пожалѣй японцы 2—3 пароходовъ въ родѣ нея, и они могутъ запереть

эскадру. Приходилось изыскивать другія, болѣе радикальныя средства.

Наибольшую опасность представляли заградители, удачно—случайно или намѣренно — шедшіе курсомъ который прямо, безъ всякихъ поворотовъ, велъ ихъ въ гавань. Даже подбитые, лишенные возможности управляться и работать машиной, они все же могли достигнуть цѣли, какъ это показалъ примѣръ „Ангары". Опасность была серьезная, а потому, по указанію адмирала, поперекъ этого критическаго курса, къ западу отъ центральной линіи (входной створъ), подъ берегомъ Тигроваго полуострова были затоплены пароходы В.-К. ж. д. „Хайларъ" и „Харбинъ", а къ востоку отъ нея, уступомъ, ближе ко входу—„Шилка". Такимъ образомъ на подходѣ по створу надо было сначала держать правѣе, потомъ свернуть влѣво, опять взять вправо и только послѣ этого ложиться на обычный входной курсъ. Маневръ—ночью, въ лучахъ прожекторовъ, подъ огнемъ батарей и охранныхъ судовъ—по меньшей мѣрѣ весьма затруднительный. Кромѣ того изъ-подъ Золотой горы выступалъ вновь образовавшійся рифъ—затонувшіе брандеры.

Оборона входа при посредствѣ крейсеровъ и канонерокъ была усилена до наивозможнаго предѣла. Брандеръ, затонувшій на отмели Маячной, горы, почти на томъ мѣстѣ, куда 26 января выбросился „Ретвизанъ", былъ утилизированъ, какъ подводный (а частью и надводный) брустверъ, за которымъ, вплотную къ нему ошвартовившись, расположился „Гилякъ". Вмѣстѣ съ новыми прибрежными батареями (изъ пушекъ „Ангары") находившимися отъ него вправо и влѣво, получалась первая линія обороны; дальше, на бочкахъ, по правую и по лѣвую сторону пролива стояли канонерки,—это вторая линія; наконецъ въ глубинѣ, имѣя подъ своимъ огнемъ весь проходъ, „Аскольдъ" и „Баянъ"—третья линія.

Для безопасности этихъ охранныхъ судовъ спѣшно сооружался „сѣтевой бонъ", т.е. бонъ съ подвязанными къ нему желѣзными, сѣтями, который, будучи заведенъ поперекъ узкаго и мелководнаго входа, представлялъ собою какъ бы занавѣсъ (отъ поверхности воды и почти до дна), непроницаемый для минъ, выпущенныхъ съ внѣшняго рейда.

Получались извѣстія, что, потерпѣвъ неудачу съ брандерами стараго образца, японцы собираются зажечь самое море, а именно: въ разгаръ приливного теченія подвести ко входу, зажечь и взорвать пароходы, налитые керосиномъ, бен-

зиномъ и т. п. снадобьями, горящими на поверхности воды. Опять таки были произведены опыты, и оказалось, что въ случаѣ такой затѣи эскадрѣ грозитъ немалая опастность, особенно если во время прилива будетъ дуть хотя слабый южный вѣтеръ. Немедленно же явились изобрѣтатели, предложившіе проекты несгораемыхъ боновъ, преграждающихъ теченіе такой огненной рѣки (надо было задержать только поверхностный слой). Проекты разсматривались безъ замедленія и къ осуществленію тѣхъ, которые признавались наилучшими, приступали тотчасъ же. Адмиралъ твердо держался своего правила: „Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Лучше десять разъ начать сызнова, признавъ свою ошибку, чѣмъ за все это время ничего не дѣлать и сидѣть, сложа руки, въ раздумьѣ: какъ бы сдѣлать превосходнѣе? Le mieux c'est l'ennemie du bien!“

Между прочимъ была принята и такая мѣра: суда, стоявшія въ проходѣ для его охраны, всѣ были повернуты кормой въ море, держась съ кормы надежными цѣпными швартовами за бочки на мертвыхъ якоряхъ. Въ случаѣ появленія огненной рѣки онѣ должны были давать машинамъ самый полный ходъ впередъ, вслѣдствіе чего несомнѣнно получилось бы могучее поверхностное теченіе въ обратномъ направленіи. Было ли бы оно въ состояніи побороть силу приливного теченія по поверхности или нѣтъ?—It was the question... Это можно было бы рѣшить только на дѣлѣ, но, по мнѣнію адмирала, нельзя было пренебрегать никакой мелочью, никакимъ самымъ слабымъ шансомъ, разъ являлась надежда, что онъ можетъ послужить намъ на пользу.

Приступили къ исправленію броненосцевъ. Инженеры обѣщали къ половинѣ мая „Цесаревича“, а къ іюню „Ретвизана“ отдѣлать заново. Даже пробитый негодный кессонъ „Ретвизана“ утилизировали, починили, подрѣзали, подправили и приспособили къ „Севастополю“, чтобы исправить поврежденія, полученныя имъ 27 февраля при столкновеніи...

Почти ежедневно миноносцы на ночь высылались въ море нестолько для розысковъ непріятеля, который словно въ воду канулъ, какъ для практики, для обученія ихъ тому, чему давно слѣдовало бы ихъ выучить, готовясь къ войнѣ...

Важно было то, что никто не сидѣлъ сложа руки.

Хорошее было время!..

Новый командующій обо всемъ успѣвалъ вспомнить, обо

всемъ подумать. Такъ, между прочимъ были отмѣнены всѣ церемоніи. Не только при проѣздѣ начальства мимо корабля, но даже и при посѣщеніяхъ, работы не прекращались.

— Я не для парада пріѣхалъ, а посмотрѣть на дѣло въ полномъ ходу. Вотъ, Богъ дастъ, кончится война, тогда начнется настоящая служба, согласно артикулу, а теперь не до того!..—полушутя, полусерьезно говорилъ адмиралъ.

Форма одежды была также упрощена до крайнихъ предѣловъ. Универсальнымъ костюмомъ признавалась тужурка. Правда, приказано было всегда быть, на всякій случай, при оружіи, но выборъ его внѣ строя предоставлялся собственному усмотрѣнію въ зависимости отъ обстоятельствъ—сабля, кортикъ, даже винтовка, а лучше всего—хорошій револьверъ, и не въ кобурѣ на поясѣ, а просто въ карманѣ.

---

21 марта разыгрался трагикомическій эпизодъ. Среди бѣла дня, при великолѣпной погодѣ, появился на горизонтѣ коммерческій пароходъ (безъ флага), смѣло шедшій прямо въ Артуръ. Всѣ только радовались. Казалось очевиднымъ, что онъ везетъ намъ какіе то припасы. Пароходъ, подойдя къ границѣ раіона дѣйствія крѣпостныхъ орудій, остановился, поглядѣлъ, но затѣмъ, вмѣсто того чтобы, какъ полагалось, подать условные сигналы, вступить въ переговоры съ Золотой горой, круто повернулъ и пошелъ въ море... поднявъ японскій флагъ!

Раньше, чѣмъ дежурный крейсеръ успѣлъ выйти изъ гавани и броситься за нимъ въ погоню,—отъ него на горизонтѣ остался только легкій дымокъ...

Эскадра была такъ настроена, что этотъ случай „великолѣпнаго нахальства“, оставшагося безнаказнымъ, возбудилъ только общее веселье и далъ поводъ къ цѣлому граду добродушныхъ остротъ по адресу „Бороды“. Должно быть также почтительно-фамильярно пересмѣивались между собою солдаты старой гвардіи Наполеона, когда ему случалось не попасть ногой въ стремя.

— Говорятъ, „Дѣдушка“ прямо озвѣрѣлъ!—Дѣйствительно—промазалъ!—Это-ли не обида?—Все предвидѣлъ, вездѣ задалъ ходу, всѣхъ расшевелилъ, и вдругъ—подъ самымъ носомъ!..—И на старуху бываетъ проруха!..—зубоскалила толпа,

всегда счастливая, если ей удастся подмѣтить промахъ ея идола...

Приказано было впредь дежурному крейсеру съ разсвѣта и до наступленія темноты оставаться на внѣшнемъ рейдѣ въ полной готовности дать ходъ. Однако, даже и для крейсеровъ выходъ изъ бассейновъ былъ связанъ съ высотой воды (все тотъ-же проливъ, который „не успѣли“ углубить до войны). Броненосцы могли выходить только въ полную воду, зато въ малую воду, не могли выходить даже и крейсера... Если эта малая вода приходилась какъ разъ на разсвѣтѣ, или при наступленіи темноты, то... приказаніе оказывалось невыполнимымъ. Конечно, самое простое рѣшеніе вопроса было—держать дежурный крейсеръ на внѣшнемъ рейдѣ и день, и ночь, производя смѣну въ зависимости отъ высоты воды, но, съ другой стороны, это значило бы еженощно подставлять одинъ изъ своихъ крейсеровъ подъ атаки непріятельскихъ миноносцевъ. А крейсеровъ было не такъ много... Адмиралъ разрѣшилъ эту дилемму весьма удачно. Въ промежуткѣ между „Шилкой“ и затонувшими японскими брандерами, которые, какъ я уже говорилъ, образовали собою рифъ, выступающій изъ-подъ Золотой горы, онъ затопилъ еще пароходъ „Эдуардъ Барри“. Получилось нѣчто въ родѣ мола, за которымъ на мертвыхъ якоряхъ были поставлены бочки.

Къ этимъ бочкамъ, съ носу и съ кормы, швартовился дежурный крейсеръ. Здѣсь, въ значительной степени огражденный отъ минъ подводнымъ брустверомъ, онъ стоялъ, не ворочаясь, внѣ зависимости отъ вѣтра и перемѣннаго приливо-отливнаго теченія, бортомъ въ море и носомъ къ единственному выходу изъ-за новаго мола, всегда готовый, смотря по обстоятельствамъ, либо встрѣтить наступающаго врага всей силой огня своей артиллеріи, либо, отдавъ швартовы, преслѣдовать его при отступленіи. Это было отлично придумано... Казалось бы такъ просто, такъ естественно, а вѣдь вотъ никому до сихъ поръ не пришло въ голову!..

---

24 марта съ Золотой горы донесли о появленіи на горизонтѣ „собачекъ“. Въ дежурствѣ на внѣшнемъ рейдѣ держался „Баянъ“. Всѣмъ остальнымъ крейсерамъ приказано было развести пары, но выходъ не состоялся. „Собачки“ только показались и сейчасъ же ушли. Погода портилась. 25

марта почти круглыя сутки шелъ дождь, а 26 надвинулся густой туманъ. Непріятеля не было ни видно, ни „слышно“.

27 марта въ дежурствѣ была „Діана“. Весь день пробродили близъ Артура, высматривали, слушали...—ничего! *)

28 марта погода окончательно исправилась, и на 29 былъ назначенъ выходъ въ море всей эскадры для крейсерства и... обученія маневрированію.

Выходъ начался въ 6 ч. 30 м. утра, а къ $8^1/_2$ ч. всѣ уже были на рейдѣ—5 броненосцевъ, 4 крейсера и миноносцы. Въ походномъ порядкѣ, производя эволюціи, пошли въ сторону Таліенвана. Чуть тянулъ восточный вѣтерокъ. Небо—ясно. Горизонтъ—чистъ; и, благодаря прозрачности воздуха, видимость огромная. Крейсера шли дозоромъ. Напрасно, однако, съ наблюдательныхъ постовъ, устроенныхъ подъ самымъ клотикомъ мачтъ (тоже по недавнему распоряженію адмирала) наблюдали окрестность самые опытные, отличающіеся „морскимъ глазомъ“, сигнальщики; напрасно минеры, не отрывая уха отъ телефонной трубки, слушали, не начнетъ-ли потрескивать безпроволочный телеграфъ,—море было совершенно пустынно. Очевидно, заслышавъ про выходы эскадры, никто не находилъ особаго интереса прокладывать свой курсъ по близости отъ П.-Артура.

Дойдя до Таліенвана, описавъ затѣмъ кругъ къ югу, въ 4 часу возвратились домой.

30 марта снова было наше дежурство. День прошелъ безъ всякихъ приключеній, а къ ночи—обновили мѣсто—установились на бочкахъ за моломъ изъ затопленныхъ судовъ.

Около 10 ч. вечера прибылъ на крейсеръ адмиралъ Макаровъ со своимъ штабомъ.

Если не считать мимолетнаго, даже малодостовѣрнаго, появленія „собачекъ“ 24 марта,—прошло уже двѣ недѣли, какъ непріятель не проявлялъ никакихъ признаковъ дѣятельности.

Это не могло не казаться подозрительнымъ, и въ ночь съ 30 на 31 марта всѣ исправные миноносцы были высланы отрядомъ въ дальнюю экспедицію—осмотрѣть группу острововъ Эллiотъ, находившуюся отъ Артура въ разстояніи 60—70 миль, которую японцы, всего вѣроятнѣе, могли избрать своей

*) Дежурство все еще было только дневное и бродячее, т. к. серьезная работа по укладкѣ мертвыхъ якорей и постановкѣ бочекъ, къ которымъ долженъ былъ швартовиться дежурный крейсеръ, еще не была закончена.

временной базой. Согласно теоретическому разсчету, для выполненія задачи ночного, темнаго времени было вполнѣ достаточно, но, на всякій случай, если бы пришлось запоздать и возвращаться уже при свѣтѣ дня, миноносцамъ было обѣщано, что для прикрытія ихъ съ разсвѣтомъ выйдетъ въ море имъ навстрѣчу „Аскольдъ“. Послѣдній былъ избранъ адмираломъ во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній: пять трубъ (единственныя на всемъ Востокѣ) лучше всякаго сигнала давали возможность опознать его хотя бы въ сумеркахъ и даже ночью. Погода разненастилась. Не то—мелкій дождь, не то—изморось.

Только что адмиралъ успѣлъ обойти батареи, бросивъ тутъ и тамъ нѣсколько ласковыхъ, пустыхъ, но въ боевой обстановкѣ такъ много значущихъ, фразъ командѣ, застывшей на своихъ постахъ,—какъ „что-то увидѣли“... Трудно сказать, что именно, но несомнѣнно въ лучахъ прожектора Крестовой горы обрисовывались силуэты какихъ-то судовъ... Направленіе было отъ насъ на S O 60°, а приближенное разстояніе (принимая во вниманіе, что наши прожекторы до нихъ „не хватали“, и соображаясь съ разстояніемъ до Крестовой горы и направленіемъ ея луча) около двухъ миль...

Особенно мѣшала разобрать, въ чемъ дѣло, сѣтка мелкаго дождя, ярко освѣщенная прожекторами... Казалось, что подозрительные силуэты нето стоятъ неподвижно, нето бродятъ взадъ и впередъ по тому же мѣсту... Было 10 ч. 20 м. вечера.

— Прикажете открыть огонь?—спросилъ командиръ...

— Эхъ!.. кабы знать!—досадливо махнулъ рукой адмиралъ...—Вѣрнѣе всего—наши же!.. Не умѣютъ ходить по ночамъ!.. Отбились, растерялись... и теперь толкутся около Артура! И своихъ найти не могутъ, и вернуться не рѣшаются, чтобы за японцевъ не приняли!.. Чистое горе!..—но тотчасъ же, поборовъ свою досаду, онъ добавилъ спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ:—Прикажите точно записать румбъ и разстояніе. На всякій случай, если не наши, надо будетъ завтра же, съ утра, протралить это мѣсто. Не набросали бы какой дряни...

Видѣніе только мелькнуло и быстро скрылось за сѣткой дождя.

Въ 10 час. 50 мин. вечера къ югу отъ насъ, приблизительно у горы Бѣлаго волка, раздалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ не то съ берега, не то съ пары миноносцевъ, охранявшихъ южный бонъ.

Остальная часть ночи прошла спокойно. Ничего не видѣли, да врядъ-ли и могли бы что-нибудь видѣть изъ-за ненастья.

Въ 4 час. 15 м. утра., чуть забрезжилъ свѣтъ, адмиралъ со штабомъ уѣхалъ на „Петропавловскъ“. Въ то же время съ востока показался цѣлый рядъ дымковъ,—это возвращались наши миноносцы послѣ удачно выполненной, но безуспѣшной, экспедиціи, никого не найдя на рейдахъ острововъ Элліотъ. Возвращались, но къ сожалѣнію не въ полномъ составѣ. Опасенія адмирала оказались вполнѣ справедливыми—часть „отбилась и растерялась“... Неожиданно въ направленіи на юго-востокъ въ дымкѣ ненастнаго утра (было уже 5 ч. 25 м. утра) замелькали огоньки; донеслись оттуда раскаты выстрѣловъ... Опознать сражающихся за дальностью не было возможности... Однако ясно было, что дерутся какія-то мелкія суда, вѣроятно, миноносцы... Конечно, мы („Діана“) скорѣе всѣхъ могли бы поспѣть на выручку, но оказывается адмиралъ, обѣщавшій выслать крейсеръ, непохожій ни на одинъ изъ японскихъ, не хотѣлъ посылать „Діаны“, такъ какъ ее могли бы легко принять за „Ивате“... „Аскольдъ“ почему-то не могъ выйти немедленно, а потому выслали „Баяна“, (четырехтрубный), подобнаго которому у японцевъ тоже не было. На всѣ эти перемѣны и распоряженія ушло не мало драгоцѣннаго времени. Когда „Баянъ“ прошелъ въ море, мы, думая, что про насъ просто забыли, не ожидая сигнала, начали отдавать швартовы, чтобы идти за нимъ, но, конечно, сильно опоздали. Онъ былъ уже далеко впереди, когда мы только еще выходили на свободную воду.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, нашъ миноносецъ „Страшный“ ночью, отбившись отъ своихъ, въ розыскахъ за ними встрѣтилъ отрядъ японскихъ миноносцевъ и примкнулъ къ нимъ. Японцы тоже не заподозрили въ немъ непріятеля, и они совмѣстно бродили въ окрестностяхъ Артура вплоть до разсвѣта. Тутъ недоразумѣніе обнаружилось, и завязался отчаянный бой одного противъ шести. Бой грудь съ грудью, почти въ рукопашную...

Какъ ни спѣшилъ „Баянъ“ на выручку „одного изъ малыхъ сихъ“,—онъ могъ только разогнать враговъ, кружившихся около мѣста, гдѣ уже затонулъ „Страшный“. Японскіе миноносцы бѣжали на югъ. Поддерживаемые спасательными поясами, цѣпляясь за всплывшіе деревянные обломки, остатки геройскаго экипажа радостно привѣтствовали „свой“ крейсеръ... Но на смѣну бѣжавшимъ миноносцамъ съ юга полнымъ ходомъ, приближались „собачки“...

Правда (скажутъ скептики), броненосный крейсеръ—противъ четырехъ легкихъ... Однако (скажу я) четыре—противъ одного...

„Баянъ“, или его командиръ (корабль и капитанъ—одно) ни мгновенія не колебался. Прикрывъ, какъ стѣной, своимъ высокимъ бортомъ плавающіе обломки, за которые хватались утопающіе, онъ спустилъ шлюпки для ихъ спасенія, а самъ, стоя на мѣстѣ, принялъ бой... Мы, въ то время, глядя изъ-подъ Золотой горы, не понимали, въ чемъ дѣло... Видимъ—остановился... Захолонуло на сердцѣ...—Должно быть, подбита машина!..—Поспѣемъ ли?..—Боже мой!.. Какъ доставалось въ эти минуты петербургскому порту, строившему „Діану“!.. Вѣдь вмѣсто 20 узловъ, по штату положенныхъ, мы давали едва 17!.. Подвернись въ этотъ моментъ самому молодому мичману самый большой технической генералъ—какихъ бы горькихъ истинъ онъ ни наслушался!.. Мимо насъ, обгоняя, какъ стоячаго, промчался „Новикъ“, выскочившій изъ гавани... Слѣдомъ за нимъ шелъ „Аскольдъ“...

— Ишь, черти! Видно, что за границей строились! Не то, что наша... богиня!..

Но „Баянъ“ уже возвращался. „Собачки“ его не преслѣдовали. Онѣ видимо вовсе не желали приближаться къ береговымъ батареямъ на дистанцію ихъ выстрѣла. Было 7 час. 10 мин. утра. Миноносцы (шедшіе съ Эллиота) благополучно вошли въ гавань. Въ 7 час. 15 мин. оттуда вышелъ „Петропавловскъ“. За нимъ—„Полтава“. „Баянъ“ семафоромъ, сигналами и безпроволочнымъ телеграфомъ докладывалъ командующему о томъ, чему былъ свидѣтелемъ. Онъ не былъ увѣренъ, что въ горячкѣ неравнаго боя успѣлъ подобрать всѣхъ; можетъ быть и еще кто-нибудь держится на обломкахъ... Немедленно же послѣдовало приказаніе: „Быть въ строѣ кильватера. „Баяну“ быть головнымъ и вести эскадру къ мѣсту. Всѣмъ—смотрѣть за плавающими обломками“.

Во время перестроенія, пока мы, застопоривъ машины, ждали очереди, чтобы занять свое мѣсто въ строѣ, мимо насъ, по правому борту, совсѣмъ близко прошелъ „Петропавловскъ“.

— Смирна-а!—пронеслось по крейсеру.

Адмиралъ вышелъ на лѣвое, обращенное къ намъ, крыло верхняго мостика. Онъ былъ въ пальто съ барашковымъ воротникомъ; русая борода развѣвалась по вѣтру.

— Здорово, молодцы!—рѣзко отчеканивая каждый слогъ, раздался его мощный голосъ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—какъ-то особенно дружно, громко и радостно отвѣтили съ „Діаны".

— Дай Богъ! въ добрый часъ!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше...—но вдругъ уставомъ опредѣленный стройный отвѣтъ спутался, оборвался и перешелъ въ могучее „ура"!..

Адмиралъ, уже ушедшій было съ крыла мостика и скрывшійся за рубкой, опять вернулся къ поручню, снялъ фуражку и, широко улыбаясь, махалъ ею.

— Ура!—гремѣло среди команды, громоздившейся на плечи другъ друга, чтобы увидѣть „Дѣда"...—Ура!—кричали офицеры, забывъ всякую корректность, толкаясь среди матросовъ и тоже размахивая фуражками.

Это было послѣдній разъ, что мы видѣли нашего адмирала...

Въ моей книжкѣ записано: 8 ч. утра. Идемъ курсомъ SO. Кильватеръ—„Баянъ", „Петропавловскъ", „Полтава", „Аскольдъ", „Діана", „Новикъ".

Навстрѣчу изъ мглы опять появились „собачки", но уже предводимыя двумя броненосными крейсерами. Шли смѣло, хотя и видѣли, что нашъ отрядъ сильнѣе. Завязалась перестрѣлка съ дальней дистанціи. Въ 8 ч. 10 м. японцы круто повернули и стали уходить на югъ. Наименьшее разстояніе 50 кабельтововъ. У насъ потерь не было. Нѣкоторое время кружились близъ мѣста гибели „Страшнаго", высматривая, не увидимъ-ли чего-нибудь, но безплодно. Мы были отъ Артура приблизительно въ 15 миляхъ. Привычный глазъ могъ различить, что остальная эскадра выходитъ на внѣшній рейдъ. Въ 8 ч.40 м. обрисовались во мглѣ силуэты японскихъ броненосцевъ. Соединившись съ броненосными крейсерами и сопровождаемые „собачками", они держали курсъ прямо на насъ. Теперь превосходство силъ было уже на ихъ сторонѣ и притомъ почти вдвое.

Слѣдуя за адмираломъ, повернули къ Артуру и начали уходить. Японцы за нами. Видимо нагоняютъ. „Новикъ" и миноносцы, пользуясь своимъ ходомъ, вышли нѣсколько впередъ и влѣво. „Діана" осталась концевымъ кораблемъ строя. Признаюсь откровенно—положеніе было довольно жуткое. Идемъ полнымъ ходомъ, а дистанція все уменьшается... Въ 9 ч. утра разстояніе до головного японца (кажется „Миказа") всего 38 кабельтововъ. Наши кормовыя шестидюймовки были наве-

дены... Ждали съ „Петропавловска“ приказанія: „открыть огонь...“—Но сигнала не было. Японцы тоже, словно по уговору, не стрѣляли... Въ 9 ч. 15 м. вошли въ раіонъ дѣйствія крѣпостныхъ орудій (6—7 миль), а въ 9 ч. 20 м. непріятель, такъ и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, прекратилъ погоню и склонилъ курсъ къ западу... Разстояніе начало увеличиваться...

— Почему они не стрѣляли?—недоумѣвали у насъ.— „Діана“, „Аскольдъ“—концевые—на 38 кабельтововъ,—прямо соблазнъ швырнуть нѣсколько „чемодановъ“.

Около 9 ч. 30 м. мы присоединились къ нашей эскадрѣ, вышедшей тѣмъ временемъ изъ гавани въ полномъ составѣ (конечно кромѣ поврежденныхъ кораблей). Японцы медленно скрывались за горой Ляо-ти-шана, какъ будто намѣреваясь начать изъ-за него обычную бомбардировку. Адмиралъ Макаровъ съ своей стороны, видимо, предполагалъ предпринять обычное крейсерство по дугѣ отъ Бѣлаго волка къ Крестовой горѣ и обратно.

Гибель „Страшнаго“, вызванный ею спѣшный выходъ отдѣльныхъ судовъ, появленіе главныхъ силъ непріятеля, сборъ эскадры,—все это какъ-то заслонило событія минувшей ночи, казавшіяся такими мелкими. Ни самъ адмиралъ, ни кто-либо изъ оружающихъ его не вспомнили о подозрительныхъ силуэтахъ, смутно видѣнныхъ сквозь сѣтку дождя, озаренную лучами прожекторовъ... А вѣдь эти силуэты появились именно въ вершинахъ восьмерки, которую мы описывали при нашемъ крейсерствѣ—восточнѣе Крестовой горы и южнѣе горы Бѣлаго волка... Потралить, поискать „не набросали ли какой дряни“,—объ этомъ словно забыли...

— Комендорамъ остаться при орудіяхъ! Остальнымъ—вольно! Изъ своихъ плутонговъ не уходить!—скомандовалъ я *).

— Пошла старая исторія! Сейчасъ начнутъ „бросать издалека тяжелые предметы“... Пойти покурить?—полувопросительно промолвилъ старшій артиллеристъ, обращаясь ко мнѣ.

— Конечно!—отвѣтилъ я.—Ясно, что ничего путнаго не выйдетъ. На сегодня—инцидентъ исчерпанъ. Пора приниматься за утреннюю приборку. Съ этимъ авраломъ и палубы еще не скатили...

---

*) Во флотѣ «командуетъ» старшій офицеръ, получая на то приказаніе отъ командира, командиръ же поставленъ всѣмъ укладомъ службы такъ, что ему подобаетъ распоряжаться лично только въ самыхъ критическихъ случаяхъ.

Мы оба спустились съ верхняго мостика. Артиллеристъ—на полубакъ, къ фитилю, гдѣ разрѣшается курить, а я—на палубу. Здѣсь, стоя у правой шестидюймовки носового плутонга, я отдавалъ обычныя распоряженія старшему боцману, когда глухой, раскатистый ударъ заставилъ вздрогнуть не только меня, но и весь крейсеръ. Словно гдѣ-то близко хватили изъ двѣнадцатидюймовки. Я съ недоумѣніемъ оглянулся... Ударъ повторился еще грознѣе... Что такое?...—„Петропавловскъ!“ „Петропавловскъ!...“—какъ-то жалобно и безпомощно раздались кругомъ разрозненныя, испуганныя восклицанія, заставившія меня сразу броситься къ борту въ предчувствіи чего то ужаснаго...—Я увидѣлъ гигантское облако бураго дыма (пироксилинъ, минный погребъ—мелькнуло въ мозгу) и въ немъ какъ-то нелѣпо, наклонно, повисшую въ воздухѣ, не то летящую, не то падающую фокъ-мачту... Влѣво отъ этого облака видна была задняя часть броненосца, совсѣмъ такая же, какъ и всегда, словно тамъ, на носу, ничего не случилось... Третій ударъ... Клубы бѣлаго пара, заслонившіе бурый дымъ...—Котлы!..—Корма броненосца вдругъ стала подниматься такъ рѣзко и круто, точно онъ тонулъ не носомъ, а переломившись посединѣ... На мгновеніе въ воздухѣ мелькнули еще работавшіе винты... Былъ-ли новые взрывъ?—не знаю... но мнѣ казалось, что эта, единственно видимая за тучей дыма и пара, кормовая часть „Петропавловска“ вдругъ словно раскрылась, и какой-то ураганъ пламени хлынулъ изъ нея, какъ изъ кратера вулкана... Мнѣ казалось, что даже нѣсколько мгновеній спустя послѣ того, какъ скрылись подъ водой остатки броненосца, море еще выбрасывало это пламя...

Никогда послѣ сигнала—„Слушайте всѣ!“—не наступало на крейсерѣ такого глубокаго безмолвія, какъ передъ этимъ зрѣлищемъ...

Однако, привычка—вторая натура. Какъ старый штурманъ, привыкшій точно записывать моменты, я, только что увидѣвъ взрывъ, совершенно машинально вынулъ часы и отмѣтилъ въ книжкѣ: „9 ч. 43 м. взрывъ „Петропавловска“—а затѣмъ—„9 ч. 44½ м.—все кончено“...

Не является-ли такого рода, почти безсознательная, дѣятельность спасеніемъ для нашихъ нервовъ, для нашего разсудка въ моменты жестокихъ ударовъ, жестокихъ потрясеній?... Въ данную минуту, набрасывая эти строки, вновь переживая все пережитое, я думаю, что, „записавъ“ часы и минуты ка-

тастрофы, я какъ бы подвелъ ихъ подъ общій уровень событій войны, отмѣченныхъ въ той же книжкѣ, и работая карандашомъ, успѣлъ освоиться съ самимъ фактомъ, воспринять его... Не будь этого, какъ бы я къ нему отнесся?... Я говорю, конечно, о скрытыхъ душевныхъ движеніяхъ... Наружно, какъ я, такъ и всѣ прочіе офицеры „Діаны“ сохраняли полное спокойствіе... Мнѣ кажется, судя по той выдержкѣ, которая была проявлена, каждый инстинктивно чувствовалъ, что одно неосторожное слово, одинъ невѣрный жестъ—могли вызвать панику... Это былъ одинъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, когда отъ ничтожнаго внѣшняго толчка команда можетъ быть съ одинаковой вѣроятностью и охвачена жаждой подвига, и предаться позорной трусости... Повидимому, младшій флагманъ, контръ-адиралъ кн. Ухтомскій, вѣрно оцѣнилъ положеніе. Въ то время, какъ миноносцы и минные крейсера бросились къ мѣсту гибели „Петропавловска“ въ надеждѣ спасти, кого можно,—онъ, словно ничего особеннаго не случилось, сдѣлалъ сигналъ:—„Быть въ строѣ кильватера. Слѣдовать за мной“—и, выйдя головнымъ на своемъ „Пересвѣтѣ“, повелъ эскадру такъ же, какъ бывало ее водилъ Макаровъ.

Командующій флотомъ погибъ, въ командованіе вступилъ слѣдующій по старшинству! Le roi est mort, vive le roi! Это было хорошо сдѣлано и сразу почувствовалось...

Какъ извѣстно, изъ всего экипажа „Петропавловска“ спаслись только 7 офицеровъ (въ томъ числѣ великій князь Кириллъ Владиміровичъ) и 73 матроса.

Въ полномъ порядкѣ, слѣдуя за своимъ адмираломъ, эскадра совершила обычный рейсъ подъ гору Бѣлаго Волка и начала послѣдовательный поворотъ на обратный курсъ подъ Крестовую гору.

Суровая тишина царила на крейсерѣ, и въ этой тишинѣ чуялась не подавленность, не растерянность, а вскипающій, могучій гнѣвъ, всепоглощающая злоба къ врагу за его удачу, холодная рѣшимость бороться до послѣдняго. Безъ команды, безъ сигнала всѣ были на своихъ мѣстахъ, готовые къ бою.

Въ 10 ч. 15 м. утра „Пересвѣтъ“ уже повернулъ на обратный курсъ, когда снова раздался глухой ударъ миннаго взрыва, и шедшая за нимъ „Побѣда“ начала медленно крениться... „Пересвѣтъ“ застопорилъ машины и бросился влѣво... Строй спутался... Эскадра сбилась въ кучу... Внезапно, со всѣхъ сторонъ, загремѣли выстрѣлы... Среди безпорядочно

столпившихся судовъ то тутъ, то тамъ вздымались столбы брызгъ отъ падающихъ снарядовъ... Снаряды свистѣли надъ головой... Осколки шуршали въ воздухѣ и звякали о бортъ... Нашъ крейсеръ тоже открылъ какой-то бѣшеный огонь...

Я стоялъ на верхнемъ мостикѣ со старшимъ артиллеристомъ.

Ошеломленные неожиданностью, мы переглянулись, словно не вѣря себѣ, словно пытаясь взаимно провѣрить свои впечатлѣнія...

— Что такое?—спросилъ онъ...

— Что? Паника!..—отвѣтилъ я...

Больше разговоровъ не было. Мы оба бросились внизъ. На нижнемъ мостикѣ, при входѣ въ броневую рубку я увидѣлъ командира...

— Почему стрѣляютъ?

— Кто приказалъ?

— Остановите! Они съ ума сошли!..

Кругомъ творилось что-то невообразимое... Крики: „Конецъ пришелъ!—Подводныя лодки!—Всѣмъ пропадать!—Стрѣляй!—Спасайся!..“ покрывали гулъ канонады... Обезумѣвшіе люди вытаскивали койки изъ помѣщеній, отнимали другъ у друга спасательные пояса... Готовились бросаться за бортъ...

— Дробь! Играй дробь!—не своимъ голосомъ ревѣлъ артиллеристъ, выволакивая за шиворотъ на крыло мостика штабъ-горниста, забившагося куда-то въ уголъ...

Невѣрный, дрожащій звукъ горна пронесся надъ крейсеромъ...

— Какъ играешь? Глотку перехватило?—кричалъ я.— Еще! Труби безъ конца! Пока не услышатъ!..

Звуки горна становились увѣреннѣе, но на нихъ не обращали вниманія...

Что-то громыхнуло между трубами... Впослѣдствіи оказалось—свои же угостили насъ снарядомъ, по счастью разбившимъ только подъемныя тали барказа и не причинившимъ никакого серьезнаго поврежденія...

Я побѣжалъ по батареямъ.

— Господа офицеры! Не позволяйте стрѣлять! Гоните отъ пушекъ!..

Но слова не дѣйствовали на комендоровъ, вцѣпившихся въ свои орудія и посылавшихъ снарядъ за снарядомъ, безъ прицѣла, куда-то, какому-то невидимому врагу... Пришлось

употреблять силу... И право странно, какъ грубымъ, физическимъ воздѣйствіемъ можно образумить людей, потерявшихъ голову передъ страхомъ смерти...

Порядокъ былъ скоро возстановленъ. Пальба прекратилась. Опомнившаяся команда съ виноватымъ, смущеннымъ видомъ торопливо укладывала по мѣстамъ разбросанныя койки и спасательные пояса, прибиралась у орудій... Нѣкоторые робко и неувѣренно пробовали заговаривать съ офицерами, пытались оправдаться, объясняли, что „затменіе“ нашло... что кто-то „какъ крикнулъ, а за нимъ и всѣ“...

— Въ кого ты стрѣлялъ? Въ кого? Кто тебѣ приказывалъ?—яростно насѣдалъ артиллерійскій кондукторъ на комендора, котораго онъ только что силой оторвалъ отъ орудія.

— Я—что-жъ?.. Видитъ Богъ!.. кабы знать... обезпамятѣлъ—одно слово...

— Вѣдь ты безъ малаго по „Аскольду“ жарилъ! Хорошо, коли пронесло... а то—не дай Богъ!..

— Не корите, Иванъ Трофимычъ,—самъ знаю... что ужъ!..

Безъ ложной скромности, считаю себя въ правѣ отмѣтить тотъ фактъ, что „Діана“ была однимъ изъ первыхъ кораблей, на которыхъ прекратилась эта безпорядочная, паническая стрѣльба по водѣ и по воздуху. На многихъ другихъ она продолжалась еще нѣсколько минутъ...

Изъ числа судовъ эскадры одни стояли на мѣстѣ, другія безпорядочно двигались въ разныхъ направленіяхъ, куда-то ворочали, въ тѣснотѣ ежеминутно угрожая другъ другу столкновеніемъ...

Почему японцы не воспользовались этимъ моментомъ? Почему не атаковали насъ?.. Лишь немногіе могли бы отвѣчать имъ, тогда какъ они, сосредоточивъ свой огонь на центрѣ той нестройной кучи, которую представляла собою эскадра, били бы почти навѣрняка... Хорошо, что не догадались, или не рѣшились,—это былъ бы полный разгромъ!..

„Пересвѣтъ“ поднялъ сигналъ: „Войти въ гавань, начиная съ броненосцевъ“.

Было 10 ч. 25 м. утра.

Первой конечно вошла поврежденная „Побѣда“, подъ своими машинами, только накренившись на 5—6 градусовъ. Ей посчастливилось. Взрывъ мины пришелся подъ большой угольной ямой, къ тому же полной угля, на толщѣ котораго и разразилась вся его сила.

Если бы такъ же посчастливилось „Петропавловску“!..

Вскорѣ послѣ полудня мы уже стояли на своемъ мѣстѣ, въ западномъ бассейнѣ.

Несчастный день... Изъ семи броненосцевъ, которыми мы располагали передъ началомъ войны, у насъ оставалось только три—„Пересвѣтъ“, „Севастополь“ и „Полтава“... Но не въ этомъ ослабленіи нашихъ силъ было горе... Пока эскадра входила въ гавань, пока еще не получалось офиціальнаго подтвержденія,—всѣ, всѣ отъ старшаго до младшаго, такъ жадно вглядывались въ каждый поднимавшійся сигналъ... У каждаго въ душѣ еще теплилась слабая надежда, мечта, которую онъ не рѣшался даже высказать громко...

— А, вдругъ, спасенъ?...

И каждый трепетно ждалъ,—не разовьется ли на мачтѣ одного изъ броненосцевъ тотъ флагъ, кототый такъ недавно, такъ горячо мы привѣтствовали на мачтѣ „Новика“—флагъ командующаго флотомъ!.. Нѣтъ...

Ужасный день!..

Никогда, ни до того, ни послѣ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ войны, не приходилось переживать такого чувства подавленности, такого гнета неотразимаго сознанія непоправимости разразившагося удара...

Это было общее настроеніе...

— Что вы ходите, какъ въ воду опущенный! — обратился я къ старшему боцману. — Ваше дѣло—подбодрить команду, поддержать духъ! А на васъ—лица нѣтъ! Стыдно! На войнѣ нельзя безъ потерь! Погибъ броненосецъ, ослаблена эксадра,—пришлютъ подкрѣпленіе! Новую эскадру пришлютъ! Нельзя носъ вѣшать! Нельзя рукъ опускать!..

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе... Безъ потерь нельзя... Оно конечно... броненосецъ—что-жъ?—какъ-то смущенно и неувѣренно, пряча глаза, заговорилъ боцманъ и вдругъ, словно рѣшившись махнуть рукой на всякій этикетъ, рѣзко перемѣнилъ тонъ.—Не то, ваше высокоблагородіе! Что броненосецъ?—Хоть бы два! да еще пару крейсеровъ на придачу! Не то!—Голова пропала!.. Вотъ что!.. почему оно, я какъ всѣ прочіе...—голосъ его задрожалъ и оборвался...

Да. Этой мыслью были проникнуты массы. Она овладѣла ими. Она одинаково крѣпко засѣла и подъ офицерской и подъ матросской фуражкой. Только здѣсь, на бакѣ, эти простые люди не умѣли и не находили нужнымъ прятать ее подъ

маской спокойствія и самоувѣренности, о чемъ такъ заботилось населеніе каютъ-компаніи...

VI.

Послѣ гибели С. О. Макарова. — Флагъ Намѣстника на «Севастополѣ».—Третья попытка японцевъ запереть эскадру.—Бѣгство адм. Алексѣева изъ П.-Артура.—«Великая хартія отреченія».

Существуетъ преданіе, что въ Александріи „ревностный проповѣдникъ Евангелія бросился съ топоромъ на статую Сераписа и началъ рубить ее, и громъ не грянулъ, и земля не разступилась, чтобы поглотить нечестивца, и великое уныніе распространилось среди язычниковъ“... Именно уныніе... Впослѣдствіе многіе изъ нихъ крестились, но не потому, чтобы вдругъ перестали вѣрить въ старыхъ боговъ (это не дѣлается сразу), а въ силу горькаго сознанія, что старые боги ихъ покинули, отъ нихъ отвратились...

Я вспомнилъ объ этомъ сказаніи потому, что имъ ярче всего характеризуется то состояніе подавленности, которое овладѣло личнымъ составомъ эскадры послѣ гибели С. О. Макарова.

— „Если Богъ попустилъ такую бѣду, значитъ—отступился...“

Необходимо было принять энергичныя мѣры, чтобы хоть отчасти стряхнуть это угнетеніе. Первобытныя, цѣльныя натуры, какими въ огромномъ большинствѣ являлись наши матросы, такъ же легко воспринимаютъ слова ободренія, какъ и поддаются отчаянію. Это облегчало задачу. Не знаю, какъ поступали на другихъ судахъ, но у насъ, на „Діанѣ“, никогда еще не было такого широкаго общенія между офицерами и командой. Въ батарейной и въ жилой палубахъ на видныхъ мѣстахъ были развѣшаны наскоро составленные и (на машинкѣ) отпечатанные списки боевыхъ судовъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ съ указаніемъ ихъ водоизмѣщенія, брони и артиллеріи. Около „прокламацій“ (какъ ихъ шутя называли) толпился народъ. Толковали, спорили и (право неглупо) прикидывали въ умѣ и на пальцахъ, намѣчали составъ эскадры, какую можно-бы послать въ Тихій океанъ. Офицеры, появляясь то тутъ, то тамъ, давали необходимыя объясненія.

Однако же наиболѣе живой интересъ возбуждали не споры

о составѣ тѣхъ подкрѣпленій, которыя могутъ быть намъ высланы, а разрѣшеніе вопроса: кто прибудетъ на замѣну погибшаго Макарова. Переходя отъ одной группы къ другой, прислушиваясь къ разговорамъ, часто вмѣшиваясь въ нихъ, подавая реплики, я былъ пораженъ той освѣдомленностью, которую проявляла эта сѣрая масса по отношенію къ своимъ вождямъ,—ея знакомству съ личными качествами высшаго командnаго состава... Кандидаты на постъ командующаго флотомъ, намѣчавшіеся на бакѣ,—это были тѣ же, о которыхъ мечтали въ каютъ-компаніи, за которыхъ и я безъ колебанія подалъ бы свой голосъ. Чаще всего слышались имена Дубасова, Чухнина и Рожественскаго. Отдѣльныя замѣчанія по поводу возможности назначенія того или другого только подчеркивали правильность оцѣнки положенія.

— Зиновея*) не пустятъ. Чиномъ молодъ. Старики обидятся... — Дубасова — хорошо-бы! — Кабы не старъ... — Чего старъ! не человѣкъ—кремень!—Авралъ, поди, идетъ въ Питерѣ—и хочется, и колется!—Ежели бы Григорья**)—въ самый разъ! — Это, что говорить!.. — Дубасовъ-то, не гляди, что старъ!—Да я нешто перечу? а все лучше бы помоложе... — Конечно Дубасова!—Зиновея!—Григорія!..

Временами страсти разгорались, и сторонники того или иного адмирала уже готовы были вступить въ рукопашную, но энергичный окрикъ боцмана или боцманмата:—Чего .хайло разинулъ! Думаешь, въ Петербургѣ услышать!?—предотвращалъ безпорядокъ.

Съ величайшимъ интересомъ прислушивался я ко всѣмъ этимъ толкамъ. Всего два мѣсяца войны, изъ которыхъ первый жалкое прозябаніе, и лишь второй—настоящій, боевой,—подъ командой популярнаго адмирала,—а какъ развилось, какъ выросло сознаніе этихъ людей! Они ли это, которые еще такъ недавно жили по пословицѣ—„День да ночь—сутки прочь“ — и всякую попытку расшевелить ихъ принимали, какъ досадливую причуду начальства, которое „мудритъ отъ скуки“...

— Послушать ихъ,—подошелъ ко мнѣ однажды старшій минеръ,—такъ послѣ гибели Макарова весь флотъ на трехъ китахъ стоитъ — Дубасовъ, Чухнинъ и Рожественскій...

---

*) Зиновій Петровичъ Рожественскій.
**) Григорій Павловичъ Чухнинъ.

— А вы какъ думаете?
— Пожалуй, что и правы...

Утромъ 2 апрѣля прибылъ въ П.-Артуръ Намѣстникъ и поднялъ свой флагъ на „Севастополѣ“, стоявшемъ въ Восточномъ бассейнѣ, у сѣверной стѣнки, противъ дома командира порта. Обстоятельство это прошло почти незамѣченнымъ.

— Это только для видимости! Этотъ въ бой не пойдетъ!— увѣренно заявляла молодежь, несдержанная на языкъ.

Съ того момента, какъ нѣсколько улеглось первое ошеломляющее впечатлѣніе катастрофы, погубившей „нашего“ адмирала со всѣмъ почти его штабомъ, эскадра жила фанастическими слухами о назначеніи новаго командующаго. Откуда они брались, эти слухи? Вѣрнѣе всего просто создавались нетерпѣливымъ воображеніемъ... И опять-таки упорно назывались все тѣ же три имени — Дубасовъ, Чухнинъ, Рожественскій...

Того же 2 апрѣля съ разсвѣтомъ появились на горизонтѣ японцы. Мы... не вышли въ море. Около 9 ч. утра началась бомбардировка. Какъ сообщили съ Ляотишана, ее вели только— „Кассуга“ и „Ниссинъ“—два вновь пріобрѣтенные крейсера, только что вступившіе въ составъ японскаго флота и впервые появившіеся подъ Артуромъ, очевидно, съ цѣлью испытать свою артиллерію (10-дюймовки). Южнѣе ихъ, не принимая въ бомбардировкѣ активнаго участія, держались броненосцы, а нѣсколько ближе, къ востоку, почти противъ Артура, бродили „собачки“ и два броненосныхъ крейсера. Отъ насъ отвѣчали „Пересвѣтъ“ и „Полтава“. Японцы на этотъ разъ стрѣляли неважно—по большой части недолеты, ложившіеся въ южной части Западнаго бассейна. Наши потери ограничились двумя ранеными на Тигровомъ Хвосту.

Въ 12 ч. 30 м. дня японцы поспѣшно удалились. Съ Ляотишана доносили, будто они ушли потому, что одинъ изъ новыхъ крейсеровъ („Кассуга“ или „Ниссинъ“) наткнулся на мину, послѣ чего со всѣхъ судовъ началась безпорядочная стрѣльба „по водѣ“. Вѣроятно, какъ и у насъ 31 марта, заподозрили присутствіе подводной лодки. Дня черезъ два китайцы-лазутчики донесли, что въ бухтѣ Кэръ (къ востоку отъ Таліенвана) погибъ на нашихъ минахъ крейсеръ III класса „Міяко“.

Правда, ни то, ни другое извѣстіе не получили подтвержденія въ офиціальныхъ донесеніяхъ съ театра военныхъ дѣйствій, публиковавшихся японцами, но дѣло въ томъ, что нашъ непріятель, въ противуположность намъ, простодушно объявлявшимъ всему свѣту о ходѣ работъ по исправленію поврежденныхъ судовъ, заботливо скрывалъ и умѣлъ скрывать свои потери *), а потому я склоненъ вѣрить этимъ разсказамъ, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи японцы признали гибель „Міяко“, только отнеся ее на мѣсяцъ позже, а также и поврежденіе „Кассуги“, которое объяснялось столкновеніемъ въ туманѣ съ „Іосино“, который якобы при этомъ былъ потопленъ; у насъ же честь его потопленія приписывалъ себѣ миноносецъ „Сильный“, бывшій въ парѣ со „Страшнымъ“ въ роковой день 31 марта.

Конечно эти спорные факты сами по себѣ не представляютъ большого значенія: не все ли равно, отчего затонулъ „Іосино“? при какихъ обстоятельствахъ была повреждена „Кассуга“? какого числа и какого мѣсяца погибъ „Міяко“? Если я и упоминаю о нихъ, то единственно съ цѣлью отмѣтить рѣзкую разницу въ успѣшномъ храненіи военной тайны съ нашей стороны и со стороны японцевъ. У насъ эта тайна являлась чисто формальнымъ, канцелярскимъ дѣломъ, у японцевъ же—дѣломъ совѣсти, священнымъ долгомъ передъ родиной. Нельзя не признать, что культъ канцелярской тайны всегда имѣлъ у насъ самое широкое распространеніе. Всякое приказаніе начальства, хотя бы на іоту выходящее за предѣлы шаблона, принятаго для текущаго момента, уже составляло секретъ. Надписи „секретно“, „весьма секретно“, „конфиденціально“ и т. п.—такъ и пестрѣли на заголовкахъ рапортовъ, отношеній и въ особенности предписаній. Въ результатѣ всѣ эти страшныя слова совершенно утратили свое первоначальное значеніе и могли бы съ успѣхомъ быть замѣнимы словами—„важно“ или „интересно“... Къ тому же при множествѣ секретныхъ бумагъ оказывалось физически невозможнымъ писать ихъ лично или при посредствѣ самыхъ близкихъ, довѣренныхъ лицъ. Являлись посредники въ видѣ мелкихъ канцелярскихъ

*) Броненосецъ «Ясима» наткнулся на мину 2 мая, а 4 мая погибъ по пути въ Японію, но не только въ Европѣ, даже въ самой Японіи смутные слухи о его гибели появились только въ октябрѣ, достовѣрно же стало о ней извѣстно лишь послѣ Цусимы.

чиновниковъ, даже писарей, всегда склонныхъ сообщить пріятелю новость (конечно тоже по секрету). Между тѣмъ среди вороховъ чисто канцелярскихъ тайнъ попадались и настоящія!—Да гдѣ же тутъ разобраться!—„Секреты“ всегда были извѣстны всѣмъ кромѣ тѣхъ, кто, казалось бы, имѣлъ наибольшее право быть въ нихъ освѣдомленнымъ, на чью скромность и сдержанность можно было бы положиться.

Бывало командиръ или старшій офицеръ (не кто-нибудь) спроситъ знакомаго, даже пріятеля, изъ штаба:

— Неизвѣстно, когда выходить собираемся?

— Не знаю! Право не знаю!

А на суднѣ вѣстовой въ тотъ-же день докладываетъ, что ему надо ѣхать къ прачкѣ.

— Зачѣмъ?

— Такъ что бѣлье забрать, потому—уходимъ!

— Куда уходимъ? Что ты врешь?

— Никакъ нѣтъ! Адмиральскій вѣстовой сказывалъ, приказано завтра къ вечеру, чтобы все было дома...

Помню, однажды, еще за нѣсколько лѣтъ до войны, начальникъ эскадры былъ серьезно озабоченъ, какъ бы разослать командирамъ предписаніе, которое онъ желалъ дѣйствительно сохранить въ секретѣ.

— У насъ это дѣло отвратительно поставлено!—сердился онъ,—всѣ знаютъ, и вѣдь именно тѣ, которымъ не слѣдовало-бы знать!

— А вы, ваше превосходительство, прикажите вовсе не ставить наверху „секретно“,—никто и читать не станетъ...—посовѣтовалъ кто-то изъ присутствующихъ.

И удалось. Никто не поинтересовался.

Прошу извинить за это невольное отступленіе и возвращаюсь къ моему разсказу.

Въ первыхъ же числахъ апрѣля получено было оффиціальное извѣстіе, что командующимъ флотомъ Тихаго океана назначенъ вице-адмиралъ Скрыдловъ. Это назначеніе эскадра встрѣтила, правда, безъ энтузіазма, но, въ общемъ, отнеслась къ нему довольно сочувственно. Подводя итоги различнымъ замѣчаніямъ и сужденіямъ, можно было сказать, что настроеніе держалось выжидательное. Правда, онъ не былъ въ числѣ намѣчавшихся кандидатовъ, но... „посмотримъ“!..

— Макаровъ, если-бы не задержался въ Мукденѣ для переговоровъ съ Намѣстникомъ, былъ бы здѣсь на 15-й день

послѣ назначенія...—исчисляли нѣкоторые,—значитъ, и этого можно ждать между 17-мъ и 20-мъ...

Однако, по мѣрѣ полученія телеграммъ о торжественныхъ встрѣчахъ и проводахъ, о молебствіяхъ и напутствіяхъ, о поднесенныхъ образахъ и хоругвяхъ, разсчеты спутывались; лица все больше и больше хмурились...

Къ тому же, такъ какъ японцы словно сквозь землю провалились и не показывались въ теченіе почти трехъ недѣль, эскадра замерла въ бассейнахъ. Даже дежурство крейсеровъ на внѣшнемъ рейдѣ, установленное Макаровымъ, было отмѣнено.

Вообще, все макаровское пошло на смарку, и возстановились порядки, властно господствовавшіе до... войны. Казалось, что флагъ, развѣвавшійся на гротъ-мачтѣ „Севастополя", обладалъ какимъ-то особеннымъ свойствомъ парализовать всякую инициативу, задерживать на губахъ всякую фразу, кромѣ достолюбезныхъ—„слушаю" и „какъ прикажете".

„Всепреданнѣйшіе" подняли головы и заговорили.

— Да-съ! вотъ оно!—заявляли они (тѣ самые, что еще такъ недавно, вмѣстѣ съ другими, восторженно привѣтствовали флагъ командующаго флотомъ, поднятый на „Новикѣ").—Вотъ они, результаты безумной смѣлости! Надо различать храбрость и браваду! Часто-съ, истинное мужество заключается въ томъ, чтобы мудро уклониться отъ опасности, а не лѣзть на нее, зря, въ поискахъ за дешевой популярностью!—Бросить надо эти авантюры!—Въ дѣлахъ государственной важности нуженъ и государственный умъ, широкій взглядъ!.. Намѣстникъ еще отвѣтитъ передъ Россіей за то, что малодушно уступилъ первенство какому-то „Дѣду"!... Онъ не смѣлъ этого!—Видите, что вышло?—Теперь ему же придется чинить прорѣхи!.. На него—вся надежда! Дай Богъ, удалось бы!—Недаромъ, самъ Куропаткинъ провозглашалъ тостъ:—„За здѣшнихъ мѣстъ генія—Алексѣева Евгенія!"

Говорили громко, видимо, старяясь, что-бы всѣ ихъ слышали и, при случаѣ... доложили.

Какая гадость!..

Правило „беречь и не рисковать" воцарилось снова. Къ нему, подъ гипнозомъ флага, поднятаго на „Севастополѣ", естественно присоединялось и другое: „ничего безъ указанія, или безъ испрошеннаго одобренія..."

Такой простой, всѣмъ понятный и пользовавшійся такимъ

широкимъ успѣхомъ, принципъ, провозглашенный Макаровымъ—„Вѣрю, что каждый приложитъ всѣ силы къ приведенію своей части въ боевую готовность!“—принципъ, дававшій такую широкую свободу дѣйствій не только командирамъ и офицерамъ, но даже и младшимъ начальникамъ изъ нижнихъ чиновъ, принципъ, на первый планъ выдвигавшій личную инициативу, одухотворившій службу, сведенную къ отбыванію „номеровъ ученій“,—этотъ принципъ былъ осужденъ безповоротно.

Первый же разъ какъ мы (т. е. „Діана“) собрались произвести ученье по боевой тревогѣ съ вспомогательной стрѣльбой, ставшей обычнымъ дѣломъ, новое теченіе проявилось достаточно ясно.

На производство всякаго крупнаго ученья или работы корабль (согласно уставу) обязанъ испрашивать разрѣшенія адмирала. Такъ, конечно, и поступали, но при Макаровѣ эта просьба о разрѣшеніи de facto превратилась въ простое увѣдомленіе. Едва только на кораблѣ взвивался всѣмъ примелькавшійся сигналъ—„Прошу позволенія произвести ученье номеръ...“ какъ на „Петропавловскѣ“ уже поднимали всегда готовый флагъ Д, означающій—„Согласенъ“.

Теперь обстоятельства перемѣнились. На сигналъ „Діаны“ „Севастополь“ довольно долго держалъ „отвѣтъ до половины“ *) и наконецъ поднялъ—„Нельзя. Не согласенъ“.—Затѣмъ оттуда по семафору справились: „Не ошиблись ли вы при наборѣ предыдущаго сигнала? дѣйствительно ли вы собирались стрѣлять?..“ На утвердительный отвѣтъ съ нашей стороны послѣдовало приглашеніе командира въ штабъ по дѣламъ службы.

По возвращеніи онъ былъ не особенно разговорчивъ. Сказалъ только, что пока требуется точно выполнять росписаніе занятій, объявленное циркуляромъ штаба, а что касается вспомогательной стрѣльбы, то вопросъ этотъ признанъ заслуживающимъ вниманія, будетъ разработанъ такъ, чтобы всѣ суда могли принимать въ ней участіе, по возможности равномѣрно, и проч. и проч.

---

*) Отвѣтный флагъ, поднятый до мѣста, обозначаетъ: «Ясно вижу. Понялъ вашъ сигналъ». Поднятый до половины высоты мачты онъ говоритъ: «Плохо вижу. Не могу разобрать значенія. Можетъ быть вы ошиблись».

Въ ожиданіи, когда японцы соизволятъ придти на видъ П.-Артура, при посредствѣ паровыхъ катеровъ и барказовъ тралили внѣшній рейдъ, разыскивая мины, ими набросанныя, и, дѣйствуя тѣмъ же оружіемъ, ставили свои въ тѣхъ мѣстахъ, куда сами ходить не собирались; но все это какъ-то вяло, неувѣренно, нерѣшительно...

Что-же?—могутъ спросить читатели,—неужели въ Артурѣ не было энергичныхъ людей, которые взяли бы дѣло въ свои руки, повели его должнымъ образомъ?..—Конечно, были и впослѣдствіи достаточно показали себя, но только всѣ они въ то время находились подъ гипнозомъ, о которомъ я уже говорилъ. Вѣдь предложить дѣлать что-нибудь совсѣмъ по-новому, значило—осудить старое, а это старое было освящено самимъ Намѣстникомъ, сурово каравшимъ за всякую тѣнь сомнѣнія въ его непогрѣшимости. Это не Макаровъ, который прямо требовалъ, чтобы всякій открыто высказывалъ свое мнѣніе, который считалъ, что лучше самое горячее объясненіе, чѣмъ затаенное несогласіе, неизмѣнно ведущее къ пассивному повиновенію или пассивному сопротивленію, между которыми провести границу почти невозможно. Макаровъ могъ спорить, даже сердиться, но за всякую идею, кому бы она ни принадлежала, хватался обѣими руками, если была хоть надежда на успѣшное ея примѣненіе. Другое дѣло, когда основой всему служилъ миѳъ о Минервѣ, выходящей во всеоружіи изъ головы Юпитера. Что можетъ голосъ простого смертнаго передъ громами Капитолія?.. Прометей былъ не чета намъ, а какъ съ нимъ поступили?.. Такъ думали многіе, и можно-ли строго судить ихъ за эти мысли—плодъ горькаго опыта?.. Смѣшно было бы ждать, что въ Дальне-восточной сатрапіи раздастся голосъ свободнаго воина и гражданина, правдивый, честный голосъ!.. Тамъ было совершенно естественно услышать приказаніе:—Высѣчь Желтое море за то, что, при отливѣ, берега его дурно пахнутъ и „самого“ Намѣстника заставляютъ удаляться съ балкона его дворца.—Тамъ, въ этой атмосферѣ, не могъ появиться Ѳемистоклъ, который сказалъ бы:—„Бей, но выслушай!“—Тамъ господствовали люди, credo которыхъ было:—обо всемъ промолчу, со всѣмъ соглашусь,—только бы не били, а приласкали!..

8 апрѣля ознаменовалось печальнымъ происшествіемъ. При постановкѣ съ портовыхъ барказовъ миннаго загражденія близъ Ляо-ти-шана, вслѣдствіе преждевременнаго взрыва мины,

погибъ лейтенантъ Пелль и 19 нижнихъ чиновъ. Я зналъ его еще по китайской кампаніи, когда онъ, участвуя въ походѣ адмирала Сеймура, былъ раненъ въ обѣ ноги, много дней оставался почти безъ медицинской помощи, перетаскиваемый на носилкахъ, неразъ рисковалъ попасть въ руки боксеровъ, не дававшихъ пощады,—все-таки поправился, снова пошелъ на войну, и погибъ, такъ нелѣпо, отъ несовершенства оружія, котораго былъ спеціалистомъ (онъ имѣлъ званіе минера I разряда).

Около того же времени я, совершенно неожиданно, былъ назначенъ членомъ въ комиссію для допроса японцевъ, захваченныхъ 13 марта на пароходѣ „Хайенъ-мару“, и для разбора оказавшихся при нихъ документовъ. Назначеніе въ такую комиссію старшаго офицера боевого корабля являлось нѣсколько страннымъ. Для свѣдѣнія моихъ сухопутныхъ читателей, считаю долгомъ пояснить, что на кораблѣ командиръ—это какъ бы верховная власть, выступающая лично только въ наиболѣе критическіе моменты жизни, а старшій офицеръ—это какъ бы дѣйствующій именемъ командира, съ его вѣдома и одобренія, премьеръ-министръ, на которомъ и лежитъ непосредственно вся тяжесть внутренняго управленія. Можно сказать, что, внѣ исключительныхъ случаевъ, командиръ—маятникъ, регулирующій ходъ часовъ, а старшій офицеръ—пружина, силой которой работаетъ механизмъ. Отсутствіе старшаго офицера, хотя бы на нѣсколько часовъ, уже вноситъ нѣкоторую заминку во внутреннюю жизнь корабля. Вотъ почему (и нѣтъ средствъ избѣжать этого) старшій офицеръ почти безвыходно сидитъ на кораблѣ, и въ каютъ-компаніи его рѣдкія отлучки составляютъ событіе, своего рода эру. Часто приходится слышать замѣчанія, въ родѣ:

— Скажете тоже! Это было еще до послѣдняго съѣзда старшаго на берегъ!..

Я лично не только ничего не имѣлъ противъ участія въ комиссіи, но, по совѣсти говоря, былъ даже доволенъ. На законномъ основаніи нѣсколько разъ съѣздить куда-то, повидать свѣжихъ людей—казалось прямо заманчивымъ. Зато командиръ принялъ дѣло къ сердцу.

— Ужъ лучше бы меня назначили!—заявилъ онъ и поспѣшилъ въ штабъ.

Въ штабѣ ему объяснили, что назначеніе вызвано имѣвшимися въ штабѣ свѣдѣніями о моемъ знакомствѣ съ японскимъ язы-

комъ и японско-китайской грамотой. Пришлось покориться. По началу я отнесся къ этимъ мотивамъ нѣсколько скептически. Правда, на эскадрѣ знали, что нѣкогда, на пари, я въ годичный срокъ выучился японскому языку и японско-китайской грамотѣ настолько, что свободно читалъ и переводилъ à livre ouvert японскія газеты, но это было 6 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ многое было, за отсутствіемъ практики, перезабыто, и я отнюдь не считалъ себя въ правѣ выступать въ роли переводчика, да еще въ такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ. Однако на первомъ же засѣданіи пришлось, волей-неволей, отбросить всякую скромность и пытаться, по мѣрѣ силъ, примѣнить свои познанія.

Оказывается, что во всемъ огромномъ штабѣ намѣстника не было ни одного человѣка, основательно знакомаго съ японскимъ языкомъ и японской письменностью. Переводчикомъ служилъ „подвернувшійся“ прапорщикъ запаса, студентъ института восточныхъ языковъ во Владивостокѣ. Право, трудно было сказать, кто изъ насъ являлся болѣе свѣдущимъ. По счастью оказалось, что мой случайный коллега отличался рѣдкимъ качествомъ—отсутствіемъ профессіональной заносчивости. Мы работали дружно, въ полномъ согласіи, оба отъ души смѣялись, когда попадали впросакъ, и выкарабкивались изъ него соединенными усиліями.

Воображаю, однако-же, какъ такое слѣдствіе было-бы обставлено у японцевъ, у которыхъ на каждомъ кораблѣ, въ каждомъ полку, батальонѣ, даже ротѣ, были люди прекрасно говорившіе и писавшіе по-русски. Если бы мы, наша комиссія, оказались въ положеніи тѣхъ, кого мы допрашивали, какой градъ перекрестныхъ вопросовъ пришлось бы намъ вынести, конечно, на нашемъ родномъ языкѣ!..

Комиссія собиралась на берегу, въ парадныхъ (обычно запертыхъ) залахъ морского собранія. Однажды, по окончаніи засѣданія, въ ожиданіи катера, который долженъ былъ отвезти меня на крейсеръ и почему то запоздалъ, я зашелъ на „Севастополь“ повидать его старшаго офицера, моего стараго соплавателя и пріятеля, нынѣ покойнаго Б.

Какъ водится, послѣ долгой разлуки, облобызались и засыпали другъ друга вопросами. Бесѣда ежеминутно прерывалась сигналомъ горна—„караулъ наверхъ!“—по которому Б. срывался съ мѣста и бѣжалъ встрѣчать или провожать прибывающаго или отъѣзжающаго адмирала, или генерала.

— Однако! Сколько ихъ у васъ ѣздитъ!—не удержался я.

— И не говори!—съ отчаяніемъ отмахнулся Б.—Вѣришь ли: какой я старшій офицеръ? всѣ мои обязанности исполняетъ первый лейтенантъ, а я только мотаюсь,—встрѣчаю, провожаю—провожаю, встрѣчаю.

— А это у васъ что же?—указалъ я на плотниковъ, которые по бортамъ обширной каютъ-компаніи броненосца изъ досокъ и брусьевъ строили какія то меблированныя комнаты, навѣшивали двери, вставляли окна; маляры оклеивали стѣны обоями; обойщики прибивали занавѣски, разставляли мебель...

— Это все для штаба намѣстника! Вѣдь я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу узнать, сколько ихъ всего? Когда кончится это великое переселеніе?..

— Ну, а если придется выходить въ море, въ бой?.. Вѣдь вотъ у насъ, по приказу, всякое дерево, кромѣ насущно-необходимаго, всякая мебель, украшенія—все свезено въ портъ... чтобы пожаръ не могъ разгуляться. Переборки каютъ желѣзныя, а двери деревянныя,—такъ даже двери сняли, замѣнили парусиновыми занавѣсками... А у васъ тутъ квартиры строятъ и все изъ самыхъ горючихъ матеріаловъ... Какъ же вы пойдете?..

— Да ты остришь, что ли?—вдругъ заволновался, словно даже обидѣлся Б.—Куда намъ идти съ этими порядками? Куда?.. Развѣ—къ чорту!..

Я не могъ съ нимъ не согласиться. Дѣйствительно, вся окружающая обстановка, всѣ распоряженія намѣстника, а главное настроеніе, воцарившееся среди начальствующихъ лицъ немедленно послѣ подъема на „Севастополѣ“ флага адмирала Алексѣева, и рѣчи его „всепреданнѣйшихъ“—все явно показывало, что лозунгъ „беречь и не рисковать“ вновь получилъ прежнюю силу, что „макаровскія авантюры“ безповоротно осуждены и больше не повторятся...

Въ ночь на 17 апрѣля приходили на внѣшній рейдъ японскіе миноносцы. Вѣроятно, съ цѣлью набросать минъ. Обнаруженные прожекторами и встрѣченные огнемъ батарей, поспѣшно скрылись, но конечно дѣло свое сдѣлали.

Въ 1 ч. ночи 20 апрѣля меня разбудили глухіе удары отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ.

— Гдѣ и по какому случаю?—думалъ я, стараясь привычнымъ уже ухомъ разобрать, кто началъ—правый или лѣвый флангъ?.. Досадно было бы изъ-за пустого любопытства въ

сырую, холодную, темную ночь покидать теплую койку и лѣзть на мостикъ.—Все равно мы съ нашего мѣста въ Западномъ бассейнѣ не можемъ принять участія ни въ какомъ дѣлѣ...

Внезапно раскаты одиночныхъ выстрѣловъ перешли въ безпрерывный гулъ. Даже сквозь плотно задернутую занавѣску иллюминатора пробивались отблески то ярко-багровыхъ, то зеленовато-золотистыхъ негаснущихъ молній... Видимо, стрѣляли всѣ, кто могъ!.. Сна—какъ не бывало...

Съ мостика „Діана“ мы немного увидѣли. Въ просвѣты между Золотой, Маячной и Тигровой горами, словно сквозь промежутки между кулисами, мы, какъ статисты, ожидающіе своего выхода, могли только догадываться о содержаніи драмы, разыгрывавшейся на главной сценѣ...

Это была третья, наиболѣе отчаянная, попытка японцевъ запереть П.-Артуръ.

Несомнѣнно, что черезъ своихъ шпіоновъ они знали не только о неудачѣ предыдущей попытки, но и о всѣхъ мѣрахъ, принятыхъ нами къ предотвращенію новой. Они знали, что теперь уже нельзя, попросту, взять прямой курсъ ко входу, но надо идти по искусственно созданному фарватеру. И вотъ—подъ бѣшенымъ огнемъ батарей и сторожевыхъ судовъ—ихъ миноносцы подошли къ поворотнымъ пунктамъ и стали маячными судами, указывая дорогу заградителямъ...

Очевидцы говорили, что это было похоже на сказку!.. Одинъ миноносецъ взорвался на нашихъ минахъ, одинъ былъ утопленъ артиллеріей, вѣроятно, многіе пострадали,—но свое дѣло сдѣлали!..

Когда событія минувшей войны уже не будутъ имѣть значенія ближайшаго по времени, драгоцѣннаго опыта, добытаго кровью, когда раскроются архивы,—мы, конечно, узнаемъ все, во всѣхъ подробностяхъ, но въ данный моментъ въ своемъ разсказѣ я вынужденъ руководствоваться лишь моимъ дневникомъ да сообщеніями другихъ очевидцевъ, не болѣе его достовѣрными...

Всѣхъ брандеровъ-заградителей было 12. Четверо, подбитые, или просто невыдержавшіе огня, повернули обратно въ море, 8—дошли.

Всѣ затонули, вдали отъ входа, но все же два успѣли, извилистымъ фарватеромъ, проникнуть за „Хайларъ“.

По счастью, они не легли поперекъ дороги, но это была не ихъ вина, равно какъ и не наша заслуга, а просто судьба.

Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что уже второй разъ блестяще оправдала себя система отраженія атаки брандеровъ, детально разработанная при Макаровѣ и объявленная его приказами. Береговыя батареи, сторожевыя и охранныя суда и шлюпки—дѣйствовали, какъ по нотамъ.

Намѣстнику, прибывшему на „Отважный", оставалось только наблюдать за тѣмъ, какъ разыгрывается пьеса по партитурѣ геніальнаго композитора—нашего дорогого „Дѣда".

Поклонники талантовъ адм. Алексѣева, историки, пытающіеся еще болѣе расцвѣтить его, и безъ того цвѣтистыя, реляціи,—любятъ говорить о томъ, какъ онъ лично руководилъ отраженіемъ этой атаки брандеровъ-заградителей, „съ которыхъ сыпался градъ изъ поставленныхъ на нихъ пулеметовъ" („Русская Старина" Апрѣль 1907 г. стр. 71). Въ интересахъ возстановленія истины не могу не указать, что, не смотря на „градъ", потерь съ нашей стороны не было, а кромѣ того несомнѣнно, что если и былъ „градъ", то онъ сыпался на ближайшихъ противниковъ—сторожевыя и охранныя суда и шлюпки, а также на батареи скорострѣльныхъ морскихъ орудій, недавно воздвигнутыя и вынесенныя возможно впередъ и ближе къ уровню моря.

„Отважный" стоялъ въ самомъ проходѣ, во второй линіи обороны, между Золотой горой и воротами въ Восточный бассейнъ. На него этотъ „градъ" никоимъ образомъ не могъ быть направленъ и драгоцѣнная жизнь намѣстника не подвергалась никакой опасности. Впереди „Отважнаго" были: два внѣшнихъ бона, преграда изъ затопленныхъ судовъ, первая линія обороны—„Гилякъ" и прибрежныя батареи—и, наконецъ, солидный бонъ, снабженный стальными сѣтями, опускающимися почти до дна, запирающій самый проходъ.

Врядъ ли даже съ „Отважнаго", стоявшаго въ трубѣ, а не въ горлѣ прохода, возможно было наблюдать за ходомъ дѣла и давать какія либо указанія. Это было бы возможно лишь съ „Гиляка", находившагося на аванъ-сценѣ, но туда... Намѣстникъ не счелъ необходимымъ прослѣдовать.

Такъ или иначе, благодаря Бога, выходъ въ море остался свободенъ, и вновь затонувшіе японскіе брандеры только усилили подводный брустверъ, созданный Макаровымъ изъ затопленныхъ пароходовъ, дѣлая новую попытку загражденія почти безнадежной.

11 февраля и 14 марта, при штилевой погодѣ, уцѣлѣвшій

экипажъ брандеровъ-заградителей, пользуясь смятеніемъ (стоило ли заботиться о поимкѣ 30—40 чел.?), уходилъ на мелкихъ шлюпкахъ въ открытое море, гдѣ съ разсвѣтомъ его подбирали развѣдчики и миноносцы непріятельской эскадры. Нашими трофеями были только трупы, которые предавались землѣ съ воинскими почестями, согласно уставу. (Между прочимъ это обстоятельство вызвало въ Японіи теченіе намъ сочувственное— многіе увидѣли изъ этого факта, что мы ужъ не такіе варвары, какъ про насъ разсказываютъ).

20 апрѣля дѣло обстояло иначе. Дулъ SO, балла 3—4; по внѣшнему рейду гуляла невысокая, но крутая волна, а съ моря шла зыбь. Самая посадка на мелкія, въ большинствѣ подбитыя, шлюпки представляла уже не мало затрудненій, а выгребать на нихъ противъ волны и вѣтра оказывалось совершенно невозможнымъ.

Тѣ, у кого шлюпки уцѣлѣли и гдѣ ихъ успѣли спустить на воду, вынуждены были выброситься на берегъ и сдаться въ плѣнъ, прочіе же плавали, держась за обломки, цѣпляясь за мачты и трубы, торчавшія надъ поверхностью моря, и отчаянно взывали о помощи... Надо ли говорить, что, какъ только кончился бой, наши паровые катера, только что бросавшіе въ непріятеля свои метательныя мины, бросились спасать погибающихъ, ежеминутно рискуя сами разбиться въ бурунахъ, ходившихъ надъ затонувшими пароходами...

При этомъ нельзя пройти молчаніемъ одной весьма любопытной подробности. Холодная ванна повидимому отрезвляюще подѣйствовала на тѣхъ, кого подбирали катера, но тѣ, что высаживались на берегъ, полуодѣтые, безоружные, съ криками „банзай!“ бросались на нашихъ, спѣшившихъ къ нимъ на помощь. Конечно въ такой обстановкѣ ни солдаты, ни матросы и не думали пускать въ дѣло оружія, а отбросивъ винтовки, со смѣхомъ и шутками принимали „очумѣлыхъ“ накулачки... Нѣкоторыхъ пришлось даже связать, такъ какъ они были совсѣмъ невмѣняемы... Недаромъ мы, осматривая изъ любопытства ранѣе затонувшіе брандеры, удивлялись многочисленнымъ откупореннымъ и полуопорожненнымъ бутылкамъ коньяку, которыя на нихъ находили. Тѣмъ болѣе странно, что вообще Японія—страна трезвости: національный напитокъ—„сакэ“—крѣпостью не превосходитъ обыкновеннаго пива, а употребляютъ его крошечными чашечками... Ясно, что даже японскіе нервы не могли выдержать той поистинѣ адской

обстановки, въ которой находились брандеры, приближаясь къ цѣли, и опьяненіе патріотизмомъ, жаждой подвига—надо было поддерживать болѣе реальнымъ опьяненіемъ...—алкоголемъ.

Какимъ-то путемъ это открытіе съ невѣроятной быстротой разнеслось повсюду и рѣзко способствовало подъему духа въ нашей командѣ, среди которой огромное большинство считаетъ, что передъ боемъ, какъ передъ причастіемъ, грѣхъ пить водку, и часто отказывается отъ казенной чарки, если обѣдать приходится въ виду непріятеля.

— Это не штука! Съ пьяныхъ-то глазъ на рожонъ лѣзть!— ораторствовалъ на бакѣ боцманъ Ткачевъ.—Нѣтъ! Ты мнѣ вотъ, какъ свѣча передъ Истиннымъ, докажи, какъ ты себя понимаешь! Какова есть твоя присяга!..

И слушая эти рѣчи, откровенно скажу, мы—офицеры—ободрялись. Въ насъ опять зарождалась надежда...—А что, въ самомъ дѣлѣ, если всѣ „какъ свѣча передъ Истиннымъ?..“ Неужели же ничего не удастся?..

Съ разсвѣтомъ 20 апрѣля появилась на горизонтѣ японская эскадра. Ждали бомбардировки. Былъ сигналъ—„приготовиться принять бой на якорѣ“—т. е. на перекидной огонь отвѣчать тѣмъ же. Однако ничего не состоялось.

Пришли первыя, смутныя, но недобрыя вѣсти о сраженіи при Ялу. Говорили, что потери около 2.000 и до 22 орудій. Не хотѣлось вѣрить... Значитъ, японцы тамъ высадились? Какъ же мы прозѣвали? Наши орудія въ ихъ рукахъ? Когда-жъ это было? А памятникъ „Славы“, сооруженный изъ турецкихъ пушекъ? Свалить его, что-ли?..

22 апрѣля японская эскадра опять весь день держалась въ виду Артура.

Въ 11 ч. 30 м. утра на „Севастополѣ“ флагъ командующаго флотомъ былъ замѣненъ контръ-адмиральскимъ флагомъ. Въ командованіе эскадрой вступилъ В. К. Витгефтъ. Намѣстникъ уѣхалъ въ Мукденъ. Правда, уже нѣсколько дней на станціи Новаго Города стоялъ въ полной готовности особый поѣздъ, но къ этому какъ-то привыкли, считали, что это только „на всякій случай“. Отъѣздъ произошелъ такъ внезапно, что изъ начальствующихъ лицъ многіе узнали о немъ, какъ уже о совершившемся фактѣ. О какихъ-либо проводахъ и помину не было. Разсказывали даже, что кое-кто изъ состоящихъ при намѣстникѣ, случайно бывшихъ это утро въ отлучкѣ изъ

дому, не попали на спеціальный поѣздъ и были отправлены послѣ...

Не скажу, чтобы это явное бѣгство произвело на эскадру сильное впечатлѣніе. Нѣкоторые были даже довольны. Всѣ однако видѣли въ немъ тревожный симптомъ. Отъ громкихъ сужденій по этому вопросу воздерживались, такъ какъ всякіе разговоры въ каютъ-компаніи, черезъ вѣстовыхъ, немедленно передавались въ команду, а мы переживали такой моментъ, когда слѣдовало съ особой заботой относиться къ ея настроенію.

Дополнительныя извѣстія съ сѣвера о Тюренченѣ—геройскія атаки 11 стрѣлковаго полка, огромныя процентныя потери—нѣсколько смягчили горечь перваго впечатлѣнія. Было пораженіе, но не было сраму.

Историки, о которыхъ я имѣлъ уже случай упомянуть, говорятъ, что „22 Апрѣля намѣстникъ, по высочайшему повелѣнію, выѣхалъ изъ П.-Артура со своимъ штабомъ въ Мукденъ, передавъ командованіе эскадрой старшему—к.-а. Витгефту...“ но затѣмъ—„Военныя событія шли быстро. 23 Апрѣля уже опредѣлилось мѣсто высадки японцевъ къ с.-з. отъ о-вовъ Элліотъ, въ Бицзыво, тамъ, гдѣ въ 1894 г., во время войны съ Китаемъ, японцы высадили мортирный паркъ...“ а потому, еще съ дороги, добѣжавъ только до Вафаньгоу, 23 Апрѣля, намѣстникъ уже телеграфировалъ Витгефту „о своевременности и особо важномъ значеніи, въ интересахъ обороны крѣпости, минныхъ атакъ непріятельскихъ транспортовъ, сосредоточенныхъ въ сферѣ дѣйствія нашихъ миноносцевъ“ *).

Подумать страшно, сколько несчастья принесло Россіи то обстоятельство, что блестящая мысль—воспрепятствовать высадкѣ японцевъ—осѣнила намѣстника лишь въ Вафаньгоу, внѣ предѣловъ досягаемости японскихъ орудій, въ обязательства лично руководить рискованнымъ предпріятіемъ!.. Мы, находившіеся въ П.-Артурѣ, хорошо знали, что конечно „военныя событія шли быстро“, но все же не настолько, чтобы намѣреніе японцевъ высадиться въ Бицзыво опредѣлилось лишь *послѣ* отъѣзда намѣстника изъ П.-Артура „по высочайшему повелѣнію“. Мы хорошо знали (телеграфная тайна, хотя и обезпечена присягой, но не всегда непроницаема), что Высочайшее повелѣніе было *испрошено*, что уже съ 15 Апрѣля японцы явно готовились къ высадкѣ въ Бицзыво, базируясь на группы

*) «Русская Старина», Апрѣль—Май 1907 г.

о-вовъ Элліотъ и Блондъ; что они строили боны въ узкихъ проливахъ, а широкіе заграждали минами и все—со стороны П.-Артура; что къ 21 Апрѣля эти охранительныя работы подошли къ Бицзыво на дистанцію 7 миль, явно указывая пункты предполагаемой высадки; что, именно въ виду такого положенія вещей, намѣстникъ всеподданнѣйше *запрашивалъ*, что ему дѣлать: оставаться ли въ П.-Артурѣ, который ежечасно могъ быть отрѣзанъ, или уѣхать въ Мукденъ; что именно это время и было наиболѣе благопріятно для воспрепятствованія широкому развитію операцій японцевъ, но время это не было использовано; что бѣгство намѣстника, который раньше, чѣмъ быть намѣстникомъ, былъ адмираломъ, и мѣсто котораго было во главѣ его флота,—послѣдовало не по Высочайшему „повелѣнію“, но съ Высочайшаго „соизволенія“, имъ-же испрошеннаго... А это—разница!..

23 Апрѣля японцы высадились. Желѣзная дорога была испорчена. Съ нашей стороны имъ не было оказано никакого сопротивленія.

Въ ближайшіе за тѣмъ дни выяснилось, что это былъ только летучій отрядъ. Желѣзнодорожное сообщеніе возстановилось, и даже благополучно пришли съ сѣвера два большіе поѣзда съ боевыми припасами. Можно сказать—удачно проскочили!

Японская эскадра ежедневно появлялась въ виду Артура. По свѣдѣніямъ отъ китайцевъ, передъ Бицзыво держалось до 70 судовъ. Японцы повидимому колебались приступить къ рѣшительной высадкѣ. Они не были увѣрены, запертъ-ли П.-Артуръ послѣдними брандерами, а вѣдь если нѣтъ, то наше бездѣйствіе могло быть объясняемо выжиданіемъ, выборомъ удобнаго момента, чтобы броситься на нихъ въ самый разгаръ десантной операціи.

Эскадра глухо волновалась. Возбужденіе росло. Въ самомъ дѣлѣ: у насъ было три исправныхъ броненосца *), одинъ броненосный и три легкихъ крейсера 1 ранга, одинъ крейсеръ 2 ранга, четыре канонерки и болѣе 20 миноносцевъ. Казалось бы, съ такими силами можно предпринять что-нибудь противъ высадки, происходящей отъ насъ въ разстояніи 60 миль! Въ каютъ-компаніяхъ горячо обсуждался такой планъ. Пользуясь

*) Поврежденія «Севастополя» не мѣшали ему (при Макаровѣ) выходить въ море 5 и 28 Марта.

весенней погодой (часто набѣгали легкіе туманы), выйти изъ Артура, по возможности незамѣтно, разгромить транспортный флотъ и возвратиться обратно, конечно съ боемъ, такъ какъ японцы несомнѣнно постараются не пустить насъ назадъ. Это былъ-бы даже не бой, а прорывъ въ свой собственный, хотя и блокируемый портъ. Разумѣется, мы сильно-бы потерпѣли, но поврежденія въ артиллерійскомъ бою всегда легче минныхъ пробоинъ: при починкѣ ихъ обыкновенно можно обойтись и безъ дока, и безъ кессона, а значитъ—къ тому времени, какъ будутъ исправлены „Цесаревичъ“, „Ретвизанъ“ и „Побѣда“,—мы опять окажемся въ полномъ составѣ. Наконецъ, если бы даже бой вышелъ рѣшительнымъ и несчастнымъ для насъ, если бы наши главныя силы были почти уничтожены,—попало бы и японцамъ! Имъ пришлось бы уйти надолго и основательно чиниться, а тогда въ какомъ положеніи оказалась бы высаженная армія, которую мы (по числу транспортовъ) опредѣляли примѣрно въ 30 тысячъ?.. Безъ запасовъ, безъ обоза, она вынуждена была бы отступить къ Ялу на соединеніе съ дѣйствовавшими тамъ войсками...

Для успокоенія горячихъ умовъ изъ высшихъ круговъ былъ пущенъ слухъ, что наше бездѣйствіе входитъ въ планы генерала Куропаткина. Будто бы онъ самъ просилъ намѣстника не мѣшать японцамъ высаживаться къ востоку отъ П.-Артура, опасаясь высадки въ Ньючвангѣ. Въ побѣдѣ на сушѣ конечно не было сомнѣнія. Приводилось даже изреченіе какого-то великаго полководца, сказавшаго, что онъ знаетъ 12 способовъ высадки десантной арміи и ни одного способа обратной посадки ея на суда въ случаѣ неудачи, а потому рекомендовалось не рисковать судами и всячески беречь эскадру именно для этого момента, когда придется „не пускать японцевъ домой“... Знакомый лозунгъ „беречь и не рисковать“ внушалъ нѣкоторыя сомнѣнія въ достовѣрности этого слуха, но другихъ объясненій не было.

Всѣ знали, что наканунѣ своего отъѣзда намѣстникъ имѣлъ совѣщаніе съ главными изъ начальствующихъ лицъ. Какія рѣшенія были приняты на этомъ совѣтѣ—хранилось въ тайнѣ. Кое-что, однако же, обнаружилось само собою довольно быстро. Заговорили, что вновь строющіяся батареи сухопутнаго фронта будутъ вооружены морскими орудіями, а вскорѣ вышелъ и соотвѣтствующій приказъ. Огорченныхъ утѣшали тѣмъ, что орудія будутъ сняты только съ поврежденныхъ броненосцевъ

и притомъ временно, пока они чинятся и вынуждены бездѣйствовать. Что-то плохо вѣрилось!..

24 или 25 Апрѣля (въ точности не могу сказать--не записано) подъ предсѣдательствомъ Стесселя состоялось (на „Севастополѣ“) совѣщаніе всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, морскихъ и сухопутныхъ.

Командиръ, вернувшись на крейсеръ, ничего не разсказывалъ, (оттого и въ моемъ дневникѣ не отмѣчены въ точности день и часъ этого злополучнаго совѣщанія). Однако уже утромъ 26 Апрѣля всѣмъ и все стало извѣстно, такъ какъ протоколъ засѣданія, на подпись участвовавшимъ, возилъ обыкновенный разсыльный. Роковая бумага не была даже вложена въ конвертъ, и ознакомиться съ ея содержаніемъ могъ всякій, до судовыхъ писарей и вѣстовыхъ включительно. На „Діану“ ее привезли рано утромъ 26 Апрѣля. Командиръ еще спалъ; папку подали мнѣ, и, развернувъ ее, я имѣлъ несчастіе прочесть то, что на артурской эскадрѣ называли „Великой хартіей отреченія флота“... Вотъ подлинныя строки, которыя я занесъ въ мой дневникъ по поводу этого событія.

„26 Апрѣля. Случайно прочелъ знаменитый протоколъ совѣщанія—актъ самоупраздненія флота. Стыдно! Слава Богу, все же нашлось двое, которые не подписали этой гадости!“

Протоколъ начинался заявленіемъ, что въ настоящемъ положеніи эскадра не въ состояніи имѣть какого-либо успѣха въ активныхъ дѣйствіяхъ, а потому, до лучшихъ временъ всѣ ея средства должны быть предоставлены на усиленіе обороны крѣпости...

Настроеніе на судахъ было самое подавленное, не многимъ лучше, чѣмъ въ день гибели Макарова... Рушились послѣднія надежды...

Несмотря на всю неловкость вопроса, я не вытерпѣлъ и обратился къ командиру за разъясненіями:—„Какъ могли? Какъ согласились?..“—Повидимому, онъ не былъ въ особенно разговорчивомъ настроеніи, но охотно и даже торопливо пояснилъ, что предыдущее засѣданіе было простой формальностью, что все было рѣшено самимъ намѣстникомъ въ совѣтѣ, наканунѣ его отъѣзда, что имъ, собственно, пришлось только составить протоколъ, оформить... что инструкціи, оставленныя намѣстникомъ, достаточно ясно предначертываютъ программу дальнѣйшихъ дѣйствій, что авантюры à la Makaroff надо забыть, что истинно-государственный умъ, и т. д. и т. д. .

— Но почему же тогда не написано прямо, что это *приказаніе* намѣстника? Къ чему эта комедія совѣта? Вѣдь этотъ протоколъ, подъ которымъ нѣтъ самой главной подписи—его подписи, въ которомъ даже не упоминается его имени,—это вашъ обвинительный актъ!

Капитанъ возражалъ крайне смутно, ссылаясь на то, что нечего разговаривать, когда приказываютъ, что все равно изъ протеста ничего бы не вышло...

Иные не допускаютъ мысли, чтобы рѣшеніе совѣта могло быть предрѣшено намѣстникомъ, а я утверждаю, что въ той атмосферѣ, которая была имъ создана, члены различныхъ совѣщаній только и думали о томъ, какъ бы угадать мысли его превосходительства. Кто умѣлъ ихъ угадывать—преуспѣвалъ; кто плохо угадывалъ, но старался—къ тому отношеніе было снисходительное; но кто смѣлъ „свое сужденіе имѣть“—надъ тѣмъ можно было поставить крестъ. Въ первые дни войны, послѣ того, какъ крѣпость и эскадра были захвачены врасплохъ, всѣ начальствующія лица П.-Артура жили подъ гнетомъ неизвѣстности и страха, но не за судьбу крѣпости или эскадры, а за свою собственную, всецѣло зависѣвшую отъ того, какъ „онъ“ взглянетъ на происшествіе, какъ повернетъ дѣло... Главнымъ секретомъ того энтузіазма, съ которымъ былъ встрѣченъ Макаровъ, являлась увѣренность, что съ момента его прибытія ближайшему начальству уже не придется ломать голову надъ вопросомъ:—А каковъ по этому поводу взглядъ намѣстника?

Да! Подготовка пораженія эскадры Тихаго океана началась съ Декабря 1899 года, т. е. съ момента прибытія въ Портъ-Артуръ адм. Алексѣева, успѣшно превратившаго ея корабли въ плавучія казармы, а изъ личнаго состава ея, не менѣе успѣшно, вытравившаго всякій живой духъ, всякій намекъ на личную иниціативу. Широко пользуясь всей полнотой безконтрольной власти, бывшей въ его рукахъ, онъ сумѣлъ людямъ и храбрымъ и разумнымъ, какими они показали себя въ бояхъ съ непріятелемъ, внушить сознаніе полной безполезности всякой попытки повліять на принятое имъ рѣшеніе, мало того—внушить, что малѣйшее несогласіе съ его взглядами есть уже преступленіе.

Этотъ гипнозъ, создававшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, этотъ гнетъ, подъ которымъ жила эскадра во времена намѣстничества, былъ такъ силенъ, такъ вошелъ въ плоть и

въ кровь, что даже послѣ... бѣгства адм. Алексѣева, даже въ осажденномъ, отрѣзанномъ отъ міра, П.-Артурѣ—онъ долго еще чувствовался...

VII.

Сила рѣшеній „великой хартіи".—Неиспользованная удача 2 Мая.—Разоруженіе судовъ.—Бой при Кинь-Чжоу.—Дословно изъ дневника.—Водобоязнь!—В. К. Витгефтъ.—Междоусобная брань.—Оживленіе надеждъ на выходъ въ море.—Загадочный случай 2 Іюня.

Надо ли пояснять, что японцы, которые, благодаря своей идеально организованной системѣ шпіонства, получали наисекретнѣйшіе наши приказы едва ли не раньше, чѣмъ наши корабли и отдѣльныя части, конечно въ тотъ же день были освѣдомлены о содержаніи „великой хартіи", такъ откровенно развозившейся по городу и порту, и съ этого момента, не опасаясь помѣхи, словно на маневрахъ, дѣятельно занялись высадкой своей арміи, выгрузкой артиллеріи, обоза, запасовъ и т. п. Они стали положительно безпечны и даже задорны. Съ 20 по 27, пока ихъ транспортный флотъ прятался за наскоро сооруженными бонами и за линіями охранныхъ судовъ, не рѣшаясь приступить къ широкому развитію операціи изъ опасенія атаки съ нашей стороны,—боевая эскадра все свѣтлое время дня блокировала Портъ-Артуръ, держась на горизонтѣ, готовая отразить всякую нашу попытку, но отнюдь не приближаясь къ орудіямъ батарей и броненосцевъ на дистанцію ихъ выстрѣла.

Съ 27 Апрѣля они подходили совсѣмъ близко, точно зная о приказаніи „не стрѣлять, чтобы не вызвать бомбардировки"—верхъ осторожности и бережливости...

Старшій офицеръ на кораблѣ—это есть... старшій изъ офицеровъ корабля. Между его положеніемъ и положеніемъ командира цѣлая пропасть, хотя онъ и состоитъ ближайшимъ помощникомъ послѣдняго. Вотъ почему, перечитывая страницы моего дневника, я вижу въ нихъ не только замѣтки о моихъ личныхъ взглядахъ и впечатлѣніяхъ, но и отголосокъ того настроенія, которое охватывало весь не-командующій составъ эскадры... Если я записывалъ (позволю себѣ цитировать дословно, безъ всякой литературной обработки) — „Нельзя не признаться—флотъ для Россіи—роскошь. Зачѣмъ флотъ, когда

нѣтъ моряковъ. Возможно, многіе рады гибели Макарова. Не будетъ безумныхъ авантюръ. Беречь и беречь суда. Убережете-ли? и зачѣмъ? Корабль, спрятавшійся въ гавани, хуже, чѣмъ погибшій въ бою. Тотъ погибъ, навѣрно, недаромъ. Что нибудь сдѣлалъ"...—то, смѣю думать, эти отрывочныя мысли были не только мои, но многихъ, и многихъ...

Среди общей апатіи и бездѣйствія (если не считать постройки сухопутныхъ батарей) уже нѣсколько дней командиръ „Амура", должно быть задѣтый за живое развязностью японцевъ, выбиралъ удобный моментъ, чтобы выйти въ море и набросать минъ на мѣстѣ обычныхъ, безнаказанныхъ прогулокъ непріятеля.

1 Мая случай представился,—нашелъ легкій туманъ, и японцы скрылись изъ вида. „Амуръ" выбѣжалъ на рейдъ, исчезъ во мглѣ... Прошло немного болѣе двухъ часовъ, и онъ благополучно вернулся. Возвращаясь, принималъ весьма явственно японскія телеграммы, но никого не видѣлъ. Была надежда, что, значитъ, и его не видѣли. Особенно важнымъ являлось то обстоятельство, что отъ насъ, съ берега, совершенно нельзя было опредѣлить, куда онъ ходилъ.

Я уже говорилъ о той изумительной освѣдомленности, которую проявляли японцы, съ увѣренностью ходившіе между поставленными нами загражденіями, никогда на нихъ не натыкаясь. Очевидно, среди китайскаго населенія Квантуна у нихъ имѣлись не только простые шпіоны, но и опытные штурмана, наносившіе на карту каждое движеніе нашихъ судовъ. Впрочемъ... могъ быть и другой путь—добыть копію секретнаго предписанія. Пожалуй, это было проще...

2 Мая мы сидѣли за завтракомъ въ каютъ-компаніи, когда съ вахты доложили, что появилась японская эскадра. Никто не шевельнулся,—такъ и полагалось, согласно послѣднимъ принятымъ рѣшеніямъ... Вдругъ наверху послышалась бѣготня, восклицанія и затѣмъ какой-то стихійный ревъ, проникшій до самыхъ трюмовъ, откуда, какъ слышно было по топоту ногъ о желѣзные трапы, все мчалось на палубу...

— Японецъ! На минѣ!—выкрикнулъ вмѣсто доклада унтеръ-офицеръ, присланный съ вахты...

Что творилось наверху!.. Люди лѣзли на ванты, на мачты, стараясь подняться какъ можно выше, надѣясь въ просвѣты между Золотой, Маячной и Тигровой горой увидѣть что-нибудь своими глазами... Старшій артиллеристъ, забывъ ревма-

тизмъ, бѣжалъ на марсъ, мичмана громоздились подъ самые клотики...

Внезапно на Золотой горѣ, на окрестныхъ возвышенныхъ батареяхъ съ новой силой вспыхнуло „ура“!..

— Второй! Второй!... Потонулъ!—ревѣли засѣвшіе подъ клотиками мачтъ...

Имъ даже не сразу повѣрили... Но вотъ повсюду замелькали семафорные флажки, на мачтѣ Золотой горы взвился сигналъ: „Японскій броненосецъ затонулъ“... Сомнѣнія не было...

— На рейдъ! На рейдъ! Раскатать остальныхъ!—кричали и бѣсновались кругомъ...

Какъ я вѣрилъ тогда, такъ вѣрю и теперь:—ихъ бы „раскатали!..“ Но какъ было выйти на рейдъ, не имѣя паровъ?.. Блестящій, единственный за всю кампанію, моментъ — былъ упущенъ...

По поводу этой, фотографически-точно записанной, сценки, казенные историки заявляли, что легко было неразумной толпѣ на „Діанѣ“ кричать—„Раскатать остальныхъ!“—но на дѣлѣ выполнить это было невозможно.

Посмотримъ.

По японскимъ свѣдѣніямъ въ тотъ день, въ виду П.-Артура, въ разстояніи 10 миль проходили въ строѣ кильватера броненосцы — „Хацусе“, „Ясима“ и „Сикисима“ — и легкіе крейсера—„Кассаги“ и „Тацута“.—„Хацусе“ пошелъ ко дну черезъ 50 сек. послѣ того, какъ наткнулся на мину; „Ясима“, также наткнувшійся на мину, съ трудомъ держался на водѣ (не дошелъ до Японіи, затонулъ по дорогѣ); оставались одинъ броненосецъ и два легкихъ крейсера, хлопотавшихъ около подбитаго, почти погибающаго, „Ясима“.

Мы имѣли въ то время: вполнѣ исправные „Пересвѣтъ“ и „Полтаву“, а также „Севастополь“, хотя и поврежденный во время учебныхъ эволюцій—27 Февраля (трещина корпуса, погнута одна изъ лопастей правого винта), но правоспособнаго къ выходу въ море, что было имъ доказано 5 и 28 Марта; затѣмъ крейсера—броненосный „Баянъ“, легкіе „Аскольдъ“, „Паллада“, „Діана“ и „Новикъ“, четыре канонерки и два отряда миноносцевъ.

Рѣшительно утверждаю, что если бы эти силы были въ полной готовности и въ 11 ч. утра 2 Мая вышли бы на внѣшній рейдъ, то остальныхъ „раскатали бы!..“

Видимо, однако, высшее начальство въ П.-Артурѣ такъ извѣрилось въ возможность какой-либо удачи, или... до такой степени проникнуто было, свыше внушенной, идеей, что мы отнынѣ изъ гавани ни ногой, вплоть до проблематическаго прибытія подкрѣпленій изъ Россіи, что не только вся эскадра не была готова къ выходу, но даже и въ самый моментъ катастрофы не было отдано приказанія разводить пары, а между тѣмъ—изъ броненосцевъ „Пересвѣтъ“, а крейсера въ полномъ составѣ,—имѣли водотрубные котлы и могли быть готовы къ бою черезъ $^1/_2$ часа.

Только въ концѣ перваго часа пополудни высланы были въ море миноносцы съ цѣлью безпокоить, а если возможно, то и атаковать непріятеля, и крейсеромъ былъ сдѣланъ сигналъ „разводить пары“... Было уже поздно. На прикрытіе поврежденнаго броненосца подошли броненосные крейсера; наши миноносцы были ими легко отогнаны, а къ тому моменту, когда мы могли бы выйти въ море, отъ японцевъ на горизонтѣ даже и дымковъ не осталось...

Этотъ промахъ подѣйствовалъ на эскадру хуже всѣхъ потерь.

— Ничего и никогда не сумѣемъ! Куда намъ!—желчно твердили горячія головы...

— Не судьба!—говорили болѣе уравновѣшенные...

И всѣ какъ-то сразу рѣшили, что больше ждать нечего, что остается только признать справедливость написаннаго въ „великой хартіи отреченія“... Такого упадка духа я никогда еще не наблюдалъ. Правда, потомъ настроеніе опять окрѣпло, но это уже было на почвѣ рѣшимости драться во всякомъ случаѣ и во всякой обстановкѣ, какъ придется, словно „на зло“ кому-то...

Какъ разъ въ этотъ день десантная армія японцевъ окончательно отрѣзала П.-Артуръ... Что было бы съ ней, если бы мы, не говорю—уничтожили, но хотя-бы разбили и прогнали спутавшуюся, растерявшуюся эскадру, истребили транспортный флотъ, сожгли и разрушили, подъ прикрытіемъ нашихъ орудій, запасы, выгруженные въ Бицзыво?..

Вспомнить обидно...

3 Мая—слухи о незначительныхъ столкновеніяхъ къ сѣверу отъ Кинь-Чжоу. Наши только задерживали и отступали на свою „неприступную“ позицію на перешейкѣ.

4 Мая—по сигналу два раза разводили пары и два раза ихъ

прекращали. Въ результатѣ—выходилъ въ море только „Новикъ“ съ миноносцами. Скоро вернулись. Что дѣлали—осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Повидимому успѣхъ 2 мая вызвалъ особенный интересъ къ минамъ загражденія. Таліенванскій заливъ былъ сплошь минированъ еще въ началѣ войны, а 5 мая посылали „Амуръ“ ставить мины также и на дорогѣ изъ Таліенвана въ Артуръ противъ бухточки такъ называемаго „курорта“ города Дальняго. Въ прикрытіе ходили „Новикъ“ съ миноносцами, а когда появились „собачки“, то вышелъ въ подкрѣпленіе „Аскольдъ“. Была незначительная перестрѣлка. Предпріятіе, очевидно, въ будущемъ успѣха имѣть не могло, такъ какъ японцы видѣли, въ чемъ дѣло.

Въ началѣ мая мы принялись особенно усердно тралить рейдъ, очищая его отъ минъ, набросанныхъ японцами, а японцы съ своей стороны прилагали всѣ усилія, чтобы набросать вдвое больше противъ того, что мы выловимъ.

Такъ, въ ночь на 7 мая, пришло три небольшихъ парохода и занялись своимъ дѣломъ. Крѣпостные прожекторы ихъ освѣтили; батареи и лодки, стоящія въ проходѣ, обстрѣливали ихъ около получаса; хвалились, что одинъ взорвался, а въ результатѣ—утромъ катера, вышедшіе для траленія, подобрали около 40 деревянныхъ стелажей*), плававшихъ на поверхности. Очевидно, по числу сброшенныхъ минъ. Но этихъ послѣднихъ выловили всего пять. Неутѣшительно!..

Въ виду такой развязности непріятеля, рѣшено было одну изъ лодокъ въ проходѣ замѣнить крейсеромъ. (Ставить дежурный крейсеръ на рейдъ, какъ было при Макаровѣ, все еще не рѣшались—вѣдь это было отмѣнено самимъ намѣстникомъ!) Первая очередь досталась намъ, и вечеромъ 8 мая мы уже стояли въ проходѣ, на бочкахъ, подъ берегомъ Тигроваго Хвоста.

Очевидно, японцы изъ нашего бездѣйствія при катастрофѣ 2 мая и въ послѣдующіе дни вынесли убѣжденіе о полной нашей благонадежности и безвредности и почти недѣлю вовсе не показывались на горизонтѣ.

Тѣмъ временемъ сила рѣшеній, изложенныхъ въ „великой хартіи“, понемногу распространялась и на суда, вовсе непо-

*) Нѣчто въ родѣ салазокъ, на которыхъ японцы сбрасывали мины съ борта.

врежденныя, вполнѣ готовыя къ бою. Съ „Діаны“ сняли и увезли на позицію при Кинь-Чжоу одинъ прожекторъ, а съ нимъ вмѣстѣ—1 мичмана, 2 минеровъ, 2 минныхъ машинистовъ и 2 кочегаровъ.

11 мая каютъ-компанія „Діаны“ была близка къ открытому возмущенію. „Господа офицеры“ бранились самыми нехорошими словами...

— Не позволимъ! Не допустимъ! Силой помѣшаемъ!— кричала расходившаяся молодежь...

Дѣло заключалочь въ томъ, что, какъ и слѣдовало ожидать, завѣреніе о „временномъ“ лишь снятіи орудій съ чинившихся броненосцевъ оказалось не болѣе, какъ позолотой пилюли. Орудія были сняты „окончательно“, такъ какъ проектъ обороны крѣпости существовалъ только на бумагѣ... Инженеры обѣщали закончить исправленіе „Ретвизана“ къ 20 мая,—и вотъ прошелъ слухъ, что для пополненія его средней и мелкой артиллеріи, снятой на форта, собираются разоружить „Діану“ или „Палладу...“

Съ 8 мая у насъ былъ новый командиръ. Старый получилъ повышеніе—былъ назначенъ командовать „Цесаревичемъ“, который заканчивалъ исправленія немного позже „Ретвизана“. Я счелъ своей обязанностью доложить „новому“ о настроеніи личнаго состава, причемъ не скрылъ, что въ душѣ ему сочувствую, хотя конечно готовъ исполнить всякое приказаніе начальства. Велико было мое удовольствіе, когда капитанъ ничѣмъ не выразилъ своего удивленія по поводу моего доклада и, равнодушно пощипывая свою бородку, остриженную à la pointe, заявилъ почти добродушно:—„Чего они, тамъ, шумятъ? Хотѣлъ бы я посмотрѣть, кто это разоружитъ „Діану“? Кажется, еще нѣтъ такого человѣка...“—И это было сказано съ такимъ убѣжденіемъ, что, вернувшись въ каютъ-компанію, я категорически заявилъ:—„Господа! все это—вздоръ! Никакого разоруженія не будетъ!“

Всѣ повѣрили. Спокойствіе возстановилось.

12 мая японцы начали свое наступленіе на позицію у Кинь-Чжоу—ключъ Квантунскаго полуострова. Съ утра отъ насъ требовали все больше и больше людей для перевозки на станцію желѣзной дороги орудій и боевыхъ припасовъ. Изъ общаго (сокращеннаго) числа команды (456 человѣкъ) у меня было въ расходѣ—283. Они вернулись только послѣ полуночи. Къ вечеру, 12 мая, въ 9-мъ часу разыгралась гроза. Сначала

далеко. Ее приняли за отголоски канонады. Къ полночи она надвинулась на насъ, сопровождаемая неистовымъ, чисто тропическимъ, ливнемъ...

Утромъ 13 мая узнали, что гроза надѣлала немало бѣдъ на сухопутномъ фронтѣ: большинство заложенныхъ фугасовъ либо взорвались, либо были приведены въ негодность. Впослѣдствіи ихъ начали снабжать громоотводами-предохранителями, но тогда это обстоятельство явилось полной неожиданностью. Къ разсвѣту приказано было сигналомъ „Полтавѣ“, „Пересвѣту“ всѣмъ крейсерамъ, „Амуру“ и миноносцамъ развести пары. Вѣроятно насъ хотѣли послать на поддержку полевыхъ войскъ, защищавшихъ перешеекъ. Такъ мы поняли это распоряженіе... Еще съ вечера (12 мая) собирались отправить въ Таліенванъ всѣ канонерки, но... пошелъ только одинъ „Бобръ“. Остальныя, очевидно опираясь на принципы „великой хартіи“, благодушно производили какія-то работы въ котлахъ и машинахъ и вовсе не были готовы къ походу. Командировъ смѣнили, но эта запоздалая и, по существу, несправедливая строгость все же не помогла дѣлу...

Утромъ 13 мая „Бобръ“, счастливо миновавъ минныя загражденія, появился въ сѣверо-восточной части Таліенванскаго залива и началъ оттуда громить японцевъ, насѣдавшихъ на нашъ правый флангъ. Тѣ отступили съ огромными потерями. У насъ, въ Артурѣ, на мачтѣ Золотой горы въ 11 часовъ утра былъ поднятъ сигналъ: „Флотъ извѣщается, что атака непріятеля отбита. „Бобръ“ дѣйствовалъ блистательно“.

Многимъ однако же казалось страннымъ, что „Бобръ“ въ тотъ же день, засвѣтло, вернулся въ Артуръ, покинувъ (несомнѣнно по распоряженію свыше) позицію, на которой принесъ такую пользу... Его встрѣтили криками „ура“, — но въ сердце закрадывалось невольное сомнѣніе... Почему его вернули? Почему, наоборотъ, не послали въ помощь ему „Гремящій“, „Отважный“, „Гилякъ“, уже собравшіе свои машины и готовые къ походу? Почему отставили экспедицію крейсеровъ и миноносцевъ, стоявшихъ подъ парами?.. По свѣдѣніямъ, проникавшимъ на эскадру, знали, что бой былъ жаркій, что наши полевыя войска дрались блестяще... Съ другой стороны очевидцы отдавали японцамъ должное, — не умаляли доблести врага...

— Знаете ли... одинъ разъ мнѣ стало такъ жутко!.. прямо — страшно! — разсказывалъ впослѣдствіи офицеръ, украшенный георгіевскимъ крестомъ за подвиги храбрости,

совершенные на глазахъ у сотенъ свидѣтелей.—Не людская толпа, а сама стихія!.. Стоялъ я съ нашей батареей позади лѣваго фланга, въ предупрежденіе обхода по мелководью. Идетъ бой. Мы не можемъ принять участія, а по насъ откуда-то такъ и жарятъ. Потери... И даже изрядныя. Положеніе самое гнусное. Однако, ничего, терпимъ и только накаливаемся, свирѣпость въ себѣ разводимъ—„Погоди, молъ, дай срокъ! Въ свой чередъ и мы тебѣ насыпемъ!..“—Настроеніе прекрасное!.. Ну-съ, наконецъ, дорвались! Пришелъ нашъ чередъ! Обходятъ по мелководью... Сколько ихъ было съ самого начала?—не могу сказать, потому что навѣрно и съ фронта много уже счистили. Подъ наши пушки вышло, на взглядъ, около батальона. Однако со знаменемъ—должно быть, что раньше полкъ былъ... Повернули къ берегу, прямо на насъ. Тяжело идутъ; по грудь въ водѣ; дно вязкое, илистое... Открыли огонь... Почти навѣрняка. Кто съ ногъ свалился—утонулъ. Ужъ не встанетъ!.. Меньше и меньше ихъ становится... а все идутъ!.. И знамя это такъ и мотается—видно, изъ рукъ въ руки переходитъ... А все идутъ!.. „Шрапнель!“ — кричу — „Чаще, чаще!“—самъ не знаю, что командую... Самъ у орудій работаю (убыль до того большая была). Раненые наши, тяжелые, черезъ силу ползутъ, снаряды тащутъ... Кони подбитые и тѣ, кажется, съ земли приподнимаются... Что было!.. И только когда вмѣстѣ съ послѣднимъ человѣкомъ рухнуло въ воду знамя...—Ну!..—тутъ я понялъ, какъ всѣмъ намъ страшно было при мысли: „вдругъ дойдутъ?..“ Все кончилось... Впереди чистая вода... Сразу-же вызвались охотники (и много!) пойти добыть это знамя...—думали—всплыть должно... Да нѣтъ!—видно послѣдній знаменщикъ не выпустилъ его изъ рукъ, такъ и легъ съ нимъ вмѣстѣ на донный илъ!..—Не нашли!.. А тутъ вскорѣ-же подошли ихъ канонерки и начали нашъ лѣвый флангъ раздѣлывать... Чистая работа! Можно сказать, прямо срыли всѣ наши „усиленныя профили“...

Въ результатѣ, какъ извѣстно, генералъ Фокъ приказалъ за ночь очистить позицію... Отступленіе было совершенно неподготовленно, такъ какъ на перешейкѣ собирались держаться недѣли двѣ, мѣсяцъ, даже болѣе!.. Слѣдствіемъ явилась полная неурядица. Войска, только что геройски отражавшія атаки превосходныхъ силъ противника, отходили назадъ въ безпорядкѣ, словно послѣ пораженія.

„Отступаемъ — значитъ, гонятъ! Гонятъ — значитъ, не-

пріятель за плечами!“—такая естественная психологія!.. И вотъ—стрѣльба по собственному обозу и... даже хуже—два полка, высылающіе цѣпи другъ противъ друга, едва не вступившіе въ бой...

Въ ту же ночь, словно спохватившись, послали первый отрядъ миноносцевъ въ Society Bay (къ западу отъ перешейка Кинь-Чжоу), чтобы атаковать японскія канонерки, помогавшія своимъ огнемъ во флангъ нашей позиціи наступленію праваго крыла японской арміи.

Экспедиція закончилась крайне неудачно. Канонерокъ конечно не нашли (явно, что на ночь онѣ ушли въ море), а разыскивая ихъ среди острововъ, миноносецъ „Внушительный“ вылетѣлъ на камни, и его пришлось взорвать, чтобы онъ не достался въ руки непріятеля...

Это были дни лихорадки, томительной неизвѣстности, самыхъ разнорѣчивыхъ слуховъ—то о побѣдѣ, то о пораженіи...

Я обѣщалъ моимъ читателямъ, что буду стараться съ фотографической точностью передавать тѣ впечатлѣнія, тѣ настроенія, которыя мы переживали за эти роковые дни, но это такъ трудно!.. Дѣла было по горло... И какого тяжелаго, обиднаго дѣла:—снимать пушки съ судовъ и ставить ихъ на батареи сухопутнаго фронта... Именно за эти дни въ моемъ дневникѣ записаны (часто въ нѣсколько пріемовъ за сутки) только отдѣльныя, отрывочныя фразы, между строкъ которыхъ читается столько горькихъ воспоминаній, ропота, почти... проклятій!..

Нѣтъ!—я не берусь ихъ комментировать!.. Вотъ онѣ:

„16 мая.—Досадно. Писать противно. Отреклись.—Спасти, уберечь эскадру, усиливая безнадежную крѣпость цѣною разоруженія судовъ... Вздоръ! Не то! Въ кусты тянетъ. Съ кораблемъ гибнетъ 100 проц., а на берегу этого не бываетъ. Вотъ гдѣ собака зарыта!—Куропаткинъ „смететъ“ въ море!—Славны бубны за горами!—Тюренченъ, Кинь-Чжоу...—Идти драться, а не отсиживаться!—Бой невозможенъ. Силы неравны... Такъ-ли?.. А если и такъ—прорывъ съ боемъ во Владивостокъ!—Говорятъ: бѣгство, бросить своихъ! Ловко сказано! Прямо—герои!—Да, не надуешь!—Кутузовъ, тотъ рѣшилъ: отдадимъ Москву—спасемъ армію, спасемъ Россію! А тутъ—

пожертвуемъ эскадрой, съѣдемъ на берегъ, попробуемъ спасти Артуръ!.. Съ виду — самоотверженіе, а на дѣлѣ — все-таки есть шансъ уцѣлѣть! На землѣ не тонутъ!..—У насъ снимаютъ двѣ 6 дюймовыхъ и четыре 75 - миллиметровыхъ... Дрянь! Еще не то будетъ!..“

„11 ч. 35 м. вечера (лунная ночь). Отрядъ японскихъ миноносцевъ идетъ по внѣшнему рейду съ востока на западъ Вѣрно пришли бросать мины. 11 ч. 52 м. „Гилякъ“ и другія суда въ проходѣ открыли огонь. Далеко: 40—50 кабельтововъ. Стрѣляли и батареи. 12 ч. 8 м. ночи. Японцы благополучно ушли. Конечно, свое дѣло сдѣлали. „Въ тихую, лунную ночь...“ Какъ на смѣхъ!... Даже не попробовали послать прогнать... Водобоязнь!..“

„20 мая.—Готовилась экспедиція крейсеровъ и миноносцевъ. Туманъ помѣшалъ. Пошли въ Печилійскій заливъ только миноносцы... Не разберешь!.. Туманъ—нельзя идти—ничего не увидишь; ясно—нельзя идти—тебя увидятъ раньше времени... Да, что тутъ!..—Такъ нервы раздергались, что во всемъ видишь примѣты... Около 11 час. вечера разразилась настоящая тропическая гроза. Странное явленіе: въ общемъ тучи довольно высоко, а какое-то одинокое, низкое облако, совсѣмъ бѣлое, словно самосвѣтящееся, нашло на вершину Золотой горы, окутало ее (какъ срѣзало половину) и стоитъ на общемъ темномъ фонѣ блѣднымъ пятномъ, а при вспышкахъ молній дѣлается багровымъ... Къ добру-ли?...—Какъ глупо!..“

„21 мая. —Миноносцы благополучно возвратились въ 8 ч. утра. Ничего не сдѣлали, ничего не видѣли. Хоть всѣ цѣлы,— и на томъ спасибо! Къ тому же—добрая примѣта—все же на что-то „рискнули...“

Тяжелое было время и въ смыслѣ чисто физическаго труда. Особенно доставалось крейсерамъ. Стоя въ проходѣ, каждую ночь караулили и перестрѣливались съ японцами, приходившими забрасывать внѣшній рейдъ минами, причемъ команда спала, не раздѣваясь,—половинное число прислуги у своихъ орудій, прочіе гдѣ-нибудь по близости. Кромѣ того день и ночь работали надъ постройкой батарей, такъ что изъ четырехъ отдѣленій *)—одно было на работахъ, одно стояло вахту, одно, только что смѣнившись съ вахты, собиралось идти на работу,

*) Весь личный составъ корабля дѣлится на двѣ вахты, а каждая вахта—на два отдѣленія.

и одно, придя съ работъ, отдыхало, чтобы вступить на вахту. Прибавьте сюда же погрузку угля, нарядъ шлюпокъ для траленія рейда. Выдавались дни, когда люди почти валились съ ногъ отъ усталости, засыпали на ходу.

Главная наша бѣда, по мѣткому матросскому выраженію, заключалась въ томъ, что „голова пропала!..“

В. К. Витгефтъ, принявшій командованіе эскадрой, оказался на этомъ посту совершенно случайно, единственно вслѣдствіе... поспѣшнаго отъѣзда адмирала Алексѣева и неприбытія адмирала Скрыдлова. Личная его храбрость, многократно на дѣлѣ имъ проявленная, стояла внѣ всякихъ сомнѣній. Въ прошломъ—его сопровождала репутація безукоризненно честнаго человѣка и ученаге работника... Но вся почти его служба прошла на берегу. Морякомъ онъ не былъ и открыто въ этомъ признавался. Вступивъ въ командованіе эскадрой, на первомъ же собраніи флагмановъ и капитановъ онъ такъ и заявилъ: „...жду отъ васъ, господа, не только содѣйствія, но и совѣта. *Я—не флотоводецъ...*“

Это было сказано честно и прямо, но, по моему, лучше было бы не дѣлать такого заявленія...

На войнѣ единоначаліе—первое условіе успѣха. Безъ полководца можетъ погибнуть армія. Безъ флотоводца не можетъ существовать флотъ. Военные законы, основанные на урокахъ исторіи, не даромъ такъ подчеркиваютъ значеніе этой единой власти, единой воли. Даже мнѣніе военнаго совѣта, собираемаго въ критическіе моменты, имѣетъ лишь совѣщательное значеніе для единаго, высшаго начальника. Этотъ послѣдній можетъ (по закону) присоединиться къ мнѣнію не только меньшинства, но даже къ мнѣнію единичнаго лица, признавъ его наилучшимъ,—и такое рѣшеніе уже не подлежитъ спору, признается окончательнымъ. Дальше идетъ уже исполненіе приказанія.

На знаменитомъ совѣтѣ въ Филяхъ большинство ужасалось при мысли отдать Первопрестольную безъ боя, но Кутузовъ, который не отрекался передъ собраніемъ отъ своего званія полководца (что дѣлалось въ его душѣ? былъ ли онъ такъ увѣренъ въ непреложной истинности своего рѣшенія? — кто знаетъ...) сказалъ:—Отдадимъ Москву! Спасемъ армію, спасемъ Россію!..—И всѣ повиновались...

В. К. Витгефтъ, своимъ заявленіемъ, самъ, добровольно, сложилъ съ себя полномочія диктатора и передалъ ихъ боль-

шинству... Но большинство?..—Мнѣ кажется, въ каждомъ совѣтѣ есть только одинъ самый мужественный и энергичный, затѣмъ (такъ какъ эти качества, по справедливости, считаются особымъ даромъ, выдѣляютъ людей изъ толпы)—найдутся еще нѣсколько человѣкъ близкихъ къ нему; всѣ остальные уже ниже, а среди нихъ — конечно, и представители другой крайности, т. е. малодушія. Потому-то и говорится (въ статьѣ о военномъ совѣтѣ), что начальникъ присоединяется къ наиболѣе мужественному рѣшенію, внѣ зависимости отъ числа голосовъ, за него поданныхъ.

У насъ—было иначе...

Однако же, вспоминая и оцѣнивая минувшія событія, уже отошедшія въ область исторіи, я не могу не признать, что въ данный моментъ не занесъ бы въ свой дневникъ тѣхъ рѣзкихъ, горькихъ словъ, которыя цитировалъ выше. Было смягчающее обстоятельство. Былъ факторъ, оказывавшій роковое давленіе на собраніе флагмановъ и капитановъ... Генералы двѣнадцатаго года не рѣшались покинуть Москву, на произволъ непріятеля, страшась упрека всей Россіи. Правда, Артуръ не былъ Москвой, но наши флагманы также не рѣшались покинуть его въ критическую минуту, страшась упрека со стороны своихъ сухопутныхъ товарищей... А этотъ упрекъ уже висѣлъ въ воздухѣ!.. По судамъ эскадры разсылались анонимныя произведенія... Приведу одно изъ нихъ—пародія на извѣстную тему „Дѣдушка Мазай и зайцы“. Въ этой пародіи весьма прозрачно и образно поясняло взаимоотношеніе арміи и флота. Къ сожалѣнію подъ рукой у меня нѣтъ полнаго текста—онъ погибъ въ бою, и я могу только на память пересказать его содержаніе:

Какой-то барскій дворъ стерегли сѣрыя собаки, а во дворѣ жили бѣлые зайчики. Пришла бѣда,—появились волки. Собаки стали готовиться къ оборонѣ, а зайцы говорили: „Да вы не безпокойтесь! у насъ такой способъ есть, что мы ихъ близко не подпустимъ!“—Однако, когда отъ собакъ уже начала клочьями шерсть летѣть, то зайцы обезпокоились и въ одинъ прекрасный день подъ предводительствомъ „самаго стараго и самаго трусливаго“ зайца пустились на утекъ въ страны сѣверныя (понимай Владивостокъ), а позади нихъ только смрадъ (понимай—дымъ) остался, отъ котораго собаки прочихаться не могли. Долго-ли, коротко-ли грызлись собаки на смерть, но подошелъ къ нимъ на выручку дѣдушка Мазай (понимай—

Куропаткинъ), разогналъ вражью свору, а потомъ началъ и зайцамъ допросъ чинить.—Какъ-же,—говоритъ,—вы, такіе-сякіе, вѣрныхъ друзей бросили и на-утекъ пошли?—А они ему:—Прости, дѣдушка! мы шкурки свои берегли! Вѣдь шкурки то у насъ цѣнныя, не то, что собачья шерсть...

На это имъ дѣдушка Мазай такъ отвѣтилъ:—На что теперь ваши шкурки, коли вы ихъ опоганили!—и началъ ихъ учить палкою...

Пасквиль этотъ, *отпечатанный на пишущей машинкѣ*, былъ разосланъ по почтѣ всѣмъ адмираламъ, командирамъ и старшимъ офицерамъ судовъ и въ судовыя каютъ-компаніи, т. е. появился сразу въ весьма значительномъ количествѣ экземпляровъ.

Очевидно, кто-то былъ крайне заинтересованъ наивозможно широкимъ его распространеніемъ.

Отношенія между моряками и сухопутными никогда не были (въ П.-Артурѣ) особенно дружественными, а съ началомъ войны и вовсе испортились.

Безпристрастно (и теперь уже относительно спокойно) оглядываясь на прошлое, нельзя не отмѣтить, что, несомнѣнно, чья-то воля, въ личныхъ выгодахъ, упорно внушала сухопутнымъ мысль, что въ промахахъ флота виноваты не высшіе начальники, а негодный матерьялъ (команда и офицеры), бывшій въ ихъ распоряженіи! съ другой стороны—то-же внушалось морякамъ по отношенію къ сухопутнымъ.

Сухопутные съ пѣной у рта кричали, что эскадра проспала появленіе непріятеля.—Моряки утверждали, что крѣпость проспала войну, что 27 января поддержать эскадру въ бою могли только двѣ наскоро изготовленныя батареи, что остальныя были безъ гарнизона и съ пушками „по-зимнему“!

Чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ... Несомнѣнно, кому то выгодно было поддерживать эту смуту.

Иначе, какъ объяснить такую явную несообразность:

Въ каютъ-компаніяхъ судовъ, съ которыхъ снимали орудія для усиленія сухопутной обороны, разыгрывались сцены, почти бунта, включительно до угрозъ—развести пары и уйти въ море, отстрѣливаясь отъ крѣпости, если она попробуетъ задержать,—а въ то же время, на фортахъ той же крѣпости—взрывъ негодованія противъ моряковъ, которые не хотятъ драться сами, отдаютъ свои пушки на берегъ, и даже... предложенія—огнемъ крѣпостной артиллеріи заставить эскадру выйти въ море и вступить въ бой...

Что это было, какъ не чудовищное недоразумѣніе, кѣмъ-то и какъ-то весьма умѣло посѣянное между двумя главными элементами защитниковъ русскаго дѣла, русской чести на Дальнемъ Востокѣ?

Позже недоразумѣніе разсѣялось. Инстинктомъ массы поняли, что онѣ не враги другъ другу...

Но къ лучшему ли было это пробудившееся смутное сознаніе? Въ японцахъ-ли онѣ увидѣли своего общаго врага?— Нѣтъ!—въ „начальствѣ“...

Однако-жъ, не буду забѣгать впередъ, придержусь хронологическаго порядка въ изложеніи не только событій, но и настроеній, отмѣченныхъ въ моемъ дневникѣ.

Винить-ли покойнаго В. К. въ томъ, что онъ не родился Кутузовымъ? что онъ тогда же не присоединился къ тѣмъ двумъ голосамъ, которые на совѣтѣ, не страшась упрека въ измѣнѣ сухопутнымъ товарищамъ, требовали выхода въ море и смертнаго боя?... Исторія разсудитъ...

Однако же, надо отдать полную справедливость, В. К. Витгефтъ былъ строго послѣдователенъ въ своемъ рѣшеніи и, присоединяясь на совѣтѣ высшихъ начальниковъ къ мнѣнію большинства, всегда готовъ былъ прислушаться и къ голосу другого большинства—всего личнаго состава эскадры. Это большинство (молодое, можетъ быть, неопытное, неразумное, но задорное) возмущалось навязанной ему ролью и почти открыто роптало...

Не берусь утверждать,—въ силу вновь полученныхъ приказаній, или же подъ давленіемъ эскадреннаго общественнаго мнѣнія,—но во всякомъ случаѣ вскорѣ же по судамъ распространилась вѣсть о томъ, что прежнее рѣшеніе отмѣнено, что собираемся выдти въ море, какъ только закончатся исправленія броненосцевъ. Вѣсть эта была встрѣчена съ энтузіазмомъ.

Отъ насъ насъ (съ „Діаны“), кромѣ одного прожектора и тѣхъ пушекъ, о которыхъ я уже упоминалъ, были сняты еще всѣ 37-миллиметровыя и пулеметы. На другихъ судахъ было то-же, и даже больше, такъ какъ вообще снята была вся мелкая артиллерія, а къ ней причислялись и 47-миллиметровыя, которыхъ у насъ не имѣлось вовсе. На радостяхъ объ этомъ не думали.

— Богъ съ ними! Пусть владѣютъ на счастье! Авось, управимся и съ тѣмъ, что есть!—говорили въ каютъ-компаніи.

Энергично взялись за траленіе внѣшняго рейда, прокладывая чистую дорогу въ море среди минъ, набросанныхъ непріятелемъ. Нашлись предпріимчивые люди, изобрѣтатели. Для траленія приспособили не только портовые паровые баркасы, но и паровыя шаланды землечерпательнаго каравана, служившія ранѣе для вывоза въ море грунта, поднятаго землечерпалками. Эти неуклюжія, тихоходныя, но зато сильныя и мелкосидящія посудины великолѣпно выполняли свое назначеніе, даже при волнѣ и зыби вѣрно держась на курсѣ и таща за собою стосаженные тралы. Этому же дѣлу обучались и миноносцы, которые должны были составить тралящій караванъ и обезопасить путь эскадры внѣ раіона дѣйствія береговыхъ батарей, когда шаланды придется отпустить въ Артуръ.

Съ своей стороны японцы, видимо, обратили вниманіе на нашу усиленную дѣятельность и чуть ли не каждую ночь приходили, взамѣнъ выловленныхъ нами, набрасывать новыя мины. Только зайдетъ луна, или набѣгутъ тучи,—они ужъ „тутъ, какъ тутъ“, и—пошла пальба съ батарей и сторожевыхъ судовъ! Жаль, что не держали на рейдѣ дежурнаго крейсера,—это была хорошая острастка. Видно, несмотря на изолированность Портъ-Артура, все еще не хватало духу возстановить мѣру, принятую Макаровымъ и отмѣненную Алексѣевымъ. Хотя этотъ послѣдній и находился въ то время довольно далеко, поступить противно его рѣшенію казалось „крайне опаснымъ“. Война—войной, а какъ бы ,,онъ‘‘ потомъ не припомнилъ такого вольнодумства!

Однако начали высылать въ дежурство пару миноносцевъ. Все-таки что-нибудь!

Въ ночь съ 24 на 25 мая прожекторы обнаружили на рейдѣ три небольшихъ парохода, несомнѣнно минные заградители.

Одного утопили. Честь потопленія оспаривали между собою—батарея Крестовой горы и сторожевые миноносцы.

Съ 27 мая, послѣ долгаго перерыва, опять начали появляться въ виду Артура японскія боевыя суда.

29 мая, пользуясь туманомъ, съ утра выслали въ море миноносцы: 6—въ раіонъ Голубиной бухты и 3—въ сторону бухты Тахэ (къ востоку); 2—дежурили на рейдѣ. Всѣ благополучно возвратились утромъ слѣдующаго дня, но ничего не видѣли и ничего не сдѣлали.

Исправленіе поврежденныхъ броненосцевъ быстро подвигалось къ концу, но съ другой стороны, партія, противившаяся нашему выходу въ море, проявляла усиленную дѣятельность. Такъ 31 мая разнесся упорный слухъ, что съ берега отказываются возвратить „Побѣдѣ“, хотя бы половину снятыхъ съ нея 6-дюймовокъ, что предположено для ея вооруженія пожертвовать однимъ изъ крейсеровъ, вѣроятнѣе всего „Діаной“ или „Палладой“... Надо-ли говорить о впечатлѣніи, которое это извѣстіе произвело у насъ? Разоружаться чуть-ли не наканунѣ боя! — По счастью, дѣло какъ-то уладилось.

Къ этому времени наши полевыя войска отступили уже до Зеленыхъ горъ. Дальній былъ въ рукахъ непріятеля, который (по свѣдѣніямъ, получавшимся черезъ китайцевъ) дѣятельно занялся очисткой Таліенванскаго залива отъ поставленныхъ нами минныхъ загражденій, исправленіемъ дока, мастерскихъ, набережныхъ и проч. Я забылъ упомянуть, что, вслѣдствіе общей увѣренности въ неприступности позиціи на перешейкѣ, въ Дальнемъ до самаго момента взятія этой позиціи не было принято никакихъ мѣръ къ перевозу въ Портъ-Артуръ богатаго имущества коммерческаго порта и желѣзнодорожнаго депо. Могучія динамо-машины, станки мастерскихъ, запасы матерьяловъ—все это являлось прямо драгоцѣнностью для осажденной крѣпости и запертой въ ней эскадры. Даже послѣ 14 мая съ недѣлю чего то ждали. Кажется предполагалось укрѣпиться на высотахъ Нангалина и здѣсь надолго задержать непріятеля. Только, когда эта идея была окончательно оставлена, и войска начали отходить къ Зеленымъ горамъ,—въ Дальнемъ получилось распоряженіе спасать, что можно, а что нельзя—уничтожить... Кое-что удалось вывезти, остальное жгли, взрывали, топили, портили, да и то ввиду спѣшки не могли испортить основательно, такъ что японцы безъ большого труда, вскорѣ же возстановили правильную дѣятельность порта *).

1 іюня непріятель, ведя энергичную атаку на Зеленыя горы съ фронта, выслалъ берегомъ подъ прикрытіемъ огня 13 своихъ миноносцевъ, обходную колонну (близъ бухты Сикау).

*) Сообщали, что крейсеръ «Чійода», наткнувшійся на мину въ іюлѣ мѣсяцѣ, исправлялъ свои поврежденія въ докѣ Дальняго при посредствѣ его же мастерскихъ.

Изъ Артура вышелъ „Новикъ“ съ отрядомъ нашихъ миноносцевъ—роли перемѣнились, и японцы отступили.

2 іюня японцы появились на горизонтѣ уже не одиночными судами, а отрядомъ: 2 броненосныхъ крейсера, 2 легкихъ и 12 миноносцевъ. Ждали прихода всей эскадры.

— Неудивительно!—ворчали нѣкоторые,—японцы—не дѣти! Принимаютъ свои мѣры... Еще бы! когда мы на весь свѣтъ публикуемъ о ходѣ работъ на броненосцахъ, о томъ, что мы вовсе не заперты, что мы вотъ-вотъ ихъ раскатаемъ... А сами сидимъ и носу высунуть не рѣшаемся... Дождемся всей компаніи!..

Вечеромъ 2 іюня произошелъ загадочный случай, такъ и оставшійся неразъясненнымъ. (Японцы умѣютъ молчать о своихъ промахахъ).

Послѣ жаркаго дня (въ тѣни+20° R.) я вмѣстѣ со старшимъ артиллеристомъ стоялъ ня верхнемъ переднемъ мостикѣ „Діаны“, наслаждаясь прохладой и въ то же время зорко вглядываясь во тьму ночи, прорѣзанную медленно двигающимися вправо и влѣво лучами крѣпостныхъ прожекторовъ („Діана“ была сторожевымъ судномъ въ проходѣ). На мостикахъ, на палубѣ, на трапахъ, у самой поверхности воды (ночью пòнизу, ближе къ водѣ, часто виднѣе, чѣмъ сверху) расположились сигнальщики и особо выбранные изъ среды команды „глазастые“, какъ ихъ называли матросы. При облачномъ небѣ—ни звѣздъ, ни луны —тишина полная. Даже зыби нѣтъ, не слышно ея шороха среди камней и на прибрежныхъ отмеляхъ.

Вдругъ—(Померещилось или нѣтъ?)—далеко къ югу какъ будто что-то блеснуло...—(Нѣтъ! не померещилось!) — вотъ донесся глухой раскатъ отдаленнаго взрыва... вотъ, въ томъ же направленіи, зажглись прожекторы и ихъ бѣловатые лучи, протянувшись во тьму, словно щупальцы сказочнаго звѣря безпокойно зашевелились, ища чего-то... вотъ, подъ ними замелькали характерные зеленовато-золотистые огоньки, и до насъ долетѣлъ прерывистый рокотъ частой орудійной стрѣльбы.

Такъ продолжалось минутъ 10—15, затѣмъ снова наступили мракъ и тишина.

Я взглянулъ на часы—было 10 ч. 50 м. вечера.

Разумѣется, съ перваго же момента все населеніе „Діаны“ было на своихъ мѣстахъ, какъ по тревогѣ, и, затаивъ дыха-

ніе, слѣдило за картиной неожиданно разыгравшагося ночного боя.

— Это не могутъ быть наши?—спросилъ артиллеристъ.

— Нѣтъ!—категорически отвѣтилъ я.

Мы стояли сторожевымъ крейсеромъ, и безъ нашего вѣдома никто не могъ выйти въ море. Несомнѣнно, что нашихъ тамъ не было.

— Ну, значитъ—своя своихъ...

Разстояніе было на глазъ миль 10, т. е. какъ разъ любимое мѣсто прогулки японцевъ.—Но что случилось?—На этотъ вопросъ могло быть два одинаково вѣроятныхъ отвѣта: или кто-нибудь изъ японцевъ наткнулся на нашу мину, послѣ чего произошла безпорядочная стрѣльба по водѣ, или японскій миноносецъ по ошибкѣ атаковалъ свой же корабль. И то, и другое было бы намъ только пріятно.

На слѣдующій день, 3 іюня, японцевъ вовсе не было видно. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, „Амуръ“ ходилъ ставить мины по западную сторону Квантуна. Возвращаясь, задѣлъ за что-то и пропоролъ себѣ бокъ. Поврежденіе не серьезное, даже пріятное, какъ утверждали нѣкоторые, потому что „Амуръ“, якобы, получилъ пробоину, идя чистымъ мѣстомъ на ровной десятисаженной глубинѣ! Не выросъ же тамъ подводный камень? А если нѣтъ,—значитъ кто-нибудь лежитъ, затонувши, и конечно никто другой, какъ японецъ... *).

4 іюня вернулся въ Артуръ миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ“, котораго посылали въ Инкоу. Едва не попалъ въ лапы японскимъ крейсерамъ. Уцѣлѣлъ благодаря ненастной погодѣ, а главное благодаря своему ходу.

Какая горькая иронія! Лучшимъ, т. е. самымъ исправнымъ и быстроходнымъ нашимъ миноносцемъ, оказывался „Лейтенантъ Бураковъ“, забранный нами у китайцевъ при взятіи Таку и построенный по ихъ заказу въ Германіи болѣе десяти лѣтъ тому назадъ!.. Изъ всей нашей минной флотиліи онъ былъ единственный, годный для такого порученія, какъ прорывъ блокады...

Тѣмъ временемъ наши полевыя войска, задерживаясь на промежуточныхъ позиціяхъ, медленно отступали къ Артуру.

---

*) Впослѣдствіи оказалось, что слухи эти распространялись для успокоенія умовъ. На самомъ дѣлѣ «Амуръ» пропоролъ себѣ бокъ о нами-же затопленную «Пилку», при входѣ на рейдъ, по своей винѣ.

5 іюня „Отважный“, „Гремящій“, „Новикъ“ и 4 миноносца ходили въ море къ бухтѣ Меланхэ, чтобы своимъ огнемъ воспрепятствовать наступленію лѣваго фланга непріятеля.

VIII.

«Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?» и «Хвалилась синица море зажечь»... — Выходъ эскадры 10 Іюля.—«Богъ пронесъ!»—Неожиданное отступленіе.—Начало конца.—Возстановленіе дежурства крейсеровъ на внѣшнемъ рейдѣ.—Поддержка сухопутныхъ войскъ съ моря.

6 іюня послѣ полудня портъ и бассейны закипѣли лихорадочной дѣятельностью. Боевыя суда разворачивались носомъ къ выходу; буксиры расчищали дорогу, разводя по угламъ транспорты; тутъ грузили уголь, тамъ какіе то матеріалы или запасы; плавучіе краны снимали временно поставленныя бочки; портовыя суда убирали боны второй и третьей линіи... Оффиціально, предстоящій выходъ эскадры хранился въ секретѣ, но смыслъ всей этой суеты былъ до очевидности ясенъ всякому, даже не моряку... Я не могъ не досадовать, скажу болѣе,—не могъ не злиться! Мнѣ такъ и хотѣлось крикнуть: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?“—Вѣдь 7 іюня полная вода наступала во 2-мъ часу дня, и весь авралъ можно было бы съ успѣхомъ закончить, начавъ его съ разсвѣтомъ... Неужели „они“ не знали того, что было извѣстно каждому на эскадрѣ, въ порту, въ городѣ, въ крѣпости?.. Не знали, что о каждомъ нашемъ движеніи, о каждомъ нашемъ шагѣ японцы получаютъ самыя точныя свѣдѣнія и притомъ безъ промедленія?... Неужели они не знали, что при нашемъ, чисто канцелярскомъ, отношеніи къ военной тайнѣ—японцы всегда были ознакомлены съ планами и намѣреніями нашего высшаго начальства лучше, чѣмъ наши же офицеры, которые могли о нихъ только догадываться?..

Между тѣмъ со времени „ночного боя по недоразумѣнію“, т. е. со 2 іюня японцы совершенно исчезли съ горизонта.

Нашъ тралящій караванъ безъ всякой помѣхи прокладывалъ намъ чистую дорогу на SSO и даже обставлялъ ее буйками. Прожекторы, какъ ни старались, не могли по ночамъ обнаружить ничего подозрительнаго. На очищенныхъ пространствахъ, при провѣрочномъ траленіи, новыхъ минъ не

находили. Набѣги заградителей на внѣшній рейдъ словно бы временно прекратились. Казалось, можно было надѣяться, что, выйдя внезапно, мы захватимъ непріятеля врасплохъ,— можетъ быть главныя силы его были подъ Владивостокомъ, или, увѣрясь въ нашемъ бездѣйствіи, пополняли запасы, чинились, даже просто отдыхали въ портахъ Японіи, а суда, оставленныя для блокады, ушли въ какую-нибудь бухту (временную базу) для погрузки угля?.. Кто знаетъ?..

Во всякомъ случаѣ эти демонстративные сборы за сутки до выхода представлялись мнѣ совершенно неумѣстными... Но дальше дѣло разыгралось еще хуже.

7 іюня, съ 5 ч. утра, по сигналу начали разводить пары „Севастополь“ и „Полтава“, имѣвшіе цилиндрическіе котлы (старой системы). Въ $7^1/_2$ ч. утра, тоже сигналомъ, приказано было начать разводку паровъ всѣмъ остальнымъ. Затѣмъ опять сигналъ: „Приготовиться къ походу къ 12 ч. дня“.

Вскорѣ послѣ 8 ч. утра полученъ былъ гектографированный приказъ, въ которомъ адмиралъ, сообщая радостную вѣсть объ окончательномъ исправленіи поврежденныхъ броненосцевъ и приведеніи всей эскадры въ боевую готовность, призывая на помощь Господа Бога и силы небесныя, объявлялъ о предстоящемъ выходѣ въ море и началѣ активныхъ дѣйствій *). Около того же времени вышелъ въ свѣтъ номеръ мѣстной газеты „Новый Край“, въ которомъ этотъ приказъ уже былъ отпечатанъ въ качествѣ сенсаціонной новинки. (Очевидно, по дружбѣ, редактору сообщили его копію еще съ вечера).

Въ 10 ч. утра совершенно неожиданно флагмана и капитаны были приглашены на „Цесаревичъ“, а въ 10 ч. 20 м. оттуда же былъ сдѣланъ сигналъ: „Прекратить пары“...

— Что такое? Что случилось?—недоумѣвающе, почти растерянно, спрашивали меня офицеры...

— Я-то почемъ знаю! Подождите командира: вернется— разскажетъ...

Между судами сновали паровые катера, отбирая только что выпущенный приказъ, который велѣно было „не числить“. Одновременно цѣлая армія разсыльныхъ металась по городу и порту, конфискуя злополучный номеръ „Новаго Края“...

---

*) Неправда ли, какъ это было похоже на торжественный приказъ генерала Куропаткина о переходѣ въ наступленіе?

— Напрасно стараются,—иронизировалъ минеръ, злобно поджимая губы.—Японцы навѣрное раньше насъ прочли! еще въ корректурѣ!..

— Хвалилась синица море зажечь...—грустно молвилъ ревизоръ, всегда отличавшійся своими безотрадными взглядами на наше положеніе.

Настроеніе было самое отвратительное.

Вернулся командиръ. Оказывается, въ послѣдній моментъ передумали, спохватились, что день выбранъ неудачно, такъ какъ полная вода послѣ полдня, и эскадра, пока-что, выйдетъ въ море, на-ночь глядя, прямо подъ минныя атаки. Рѣшили обождать дня два-три, когда ночная полная вода придется на разсвѣтѣ, тогда, благословясь, и тронуться спозаранку...

— Даже и такъ! Но раньше-то, что же думали? Зачѣмъ было въ колокола звонить?—не удержался я.—Внезапность выхода, какой это былъ бы огромный шансъ въ нашу пользу!...

— Знаете: заднимъ умомъ!..—пробовалъ пошутить командиръ.

Но шутка не вышла.

„Мы точно ждемъ отъ японцевъ увѣдомленія, что наше намѣреніе имъ извѣстно. Точно дразнимъ“, — писалъ я въ своемъ дневникѣ.—„Въ 9 ч. вечера (8 іюня) привезли циркуляръ: быть готовыми къ $2^1/_2$ ч. утра 9 іюня, а въ полночь сигналъ: „Походъ отлагается“...

„9 іюня въ 2 ч. ночи на рейдѣ были японскіе миноносцы. Можно поздравить — дождались!.. Стрѣляли всѣ, кому не лѣнь, да что толку?.. Теперь опять будутъ искать минныя банки...“

„Около 2 ч. дня съ Ляо-ти-шана донесли, что въ морѣ виденъ отрядъ крейсеровъ и миноносцевъ. Совсѣмъ плохо.— Прошли тралами намѣченную дорогу въ море — чисто... Странно...“

„Для охраны рейда отъ новыхъ покушеній выслали на ночь „Всадникъ“, „Гайдамакъ“ и 8 миноносцевъ. Но почему не поставить дежурнаго крейсера? Почему?..—Около 10 час. вечера слышали пальбу на рейдѣ. Оказывается, опять приходили японцы, но наши миноносцы вступили съ ними въ бой и прогнали. Потери и поврежденія незначительны: только у „Боевого“ изрядная пробоина. Выходъ окончательно назначенъ на завтра, съ разсвѣтомъ. Дай Богъ, въ добрый часъ! какъ говорилъ Макаровъ“...

10 іюня, въ 4 ч. утра, чуть посвѣтлѣло, начали выходить. Приказано было, въ ожиданіи пока вся эскадра не соберется на внѣшнемъ рейдѣ, и не выстроится тралящій караванъ, долженствовавшій идти впереди нея,—становиться на якорь по диспозиціи, а именно: пройдя линію затопленныхъ судовъ, боновъ и гальваническихъ минъ, круто сворачивать влѣво (къ востоку) и располагаться въ двухъ колоннахъ, по порядку номеровъ строя, вплотную къ району крѣпостного миннаго загражденія. На это мѣсто, такъ близко, подъ самыя пушки береговыхъ батарей, японскіе заградители никогда еще не забирались; по крайней мѣрѣ здѣсь до сихъ поръ не находили набросанныхъ ими минъ. Первой вышла „Діана“, какъ стоявшая въ самомъ горлѣ пролива. Одновременно съ ней „Новикъ“. Затѣмъ слѣдовали крейсера и броненосцы, начиная съ ближайшихъ къ выходу.

Придя на свое мѣсто (крайнее къ востоку), отдали якорь и, такъ какъ сборъ всей эскадры долженъ былъ занять не менѣе 2—3 часовъ, дали командѣ завтракать, пить чай, вообще, отдохнуть и проводить время по своему усмотрѣнію, набираясь силъ на предстоящій трудовой день. Далеко на горизонтѣ, въ направленіи SS0 то появлялись, то исчезали непріятельскіе миноносцы.

Мы, т. е. офицеры, тоже собирались спуститься въ каютъ-компанію, когда съ мостика раздался тревожный окликъ: „Мина за кормой“!

Дѣйствительно, менѣе чѣмъ въ 100 саженяхъ позади „Діаны“ чернѣла такъ хорошо знакомая опоясанная цѣпочками крышка японской мины загражденія... Вызвали стрѣлковъ для ея разстрѣла *).

— Хорошо, что мы не взяли нѣсколько лѣвѣе, когда подходили къ мѣсту!—говорилъ командиръ, привычнымъ жестомъ пощипывая бородку.—Были бы съ праздникомъ!..

— Спасибо, что всплыла,—въ тонъ ему отвѣтилъ я,—а то и при съемкѣ, разворачиваясь, можно бы напороться!..

„Цесаревичъ“, выходившій въ это время изъ гавани, вдругъ круто бросился въ сторону и застопорилъ машины...

---

*) Ружейная пуля или снарядъ мелкой пушки вслѣдствіе незначительности своей массы не даютъ минѣ такого толчка, чтобы она взорвалась, а просто дѣлаютъ пробоину въ ея корпусѣ. Черезъ пробоину вливается вода, и мина тонетъ, т. е. ложится на дно, гдѣ она безвредна.

— У „Цесаревича“ всплывшая мина подъ носомъ!—крикнулъ сигнальщикъ...

Съ „Пересвѣта“, уже ставшаго на якорь, донесся сухой прерывистый трескъ ружейной стрѣльбы. Очевидно и онъ занимался тѣмъ же, чѣмъ мы...

Суда продолжали выходить на рейдъ, но съ величайшей осторожностью, строго слѣдуя по пути, уже пройденному другими, и, по возможности, тотчасъ же становились на якорь. Взять нѣсколько саженъ вправо или влѣво—и можно было наткнуться на мину, еще не всплывшую, а вѣрно стоящую на заданной глубинѣ... О соблюденіи диспозиціи, конечно, не могло быть и рѣчи!..

Къ 9 ч. утра „всплывшихъ“ насчитывали до 5...

— Наше счастье, что они ихъ плохо ставили!—посмѣивался командиръ.—Все всплываютъ!

— Пять всплыло, а сколько еще стоитъ?..—замѣтилъ минеръ...

Съ „Цесаревича“ сдѣлали сигналъ: „Спустить паровые катера, обслѣдовать промежутки между судами“.

Изъ гавани вышелъ тралящій караванъ и началъ совершать рейсы мористѣе эскадры. Тамъ не нашлось ничего. Зато между судами уловъ оказался богатымъ: къ полдню взорвалось на тралахъ, всплыло и было утоплено разстрѣломъ 10—11 минъ...

Одна была взорвана у насъ подъ кормой такъ близко (саженъ 10—15), что при паденіи поднятаго взрывомъ водяного столба всѣ находившіеся на ютѣ приняли холодный душъ...

А въ сторону моря—было чисто...

Эскадра словно нарочно расположилась на минной банкѣ...

— Какъ это мы прошли по всей линіи, ни одной не задѣвши?..—недоумѣвали офицеры...

— Богъ пронесъ!..—говорили въ командѣ...

Многіе снимали фуражки и крестились...

Въ каютъ-компаніи за завтракомъ не слышалось шутокъ по поводу неудачи японской затѣи: не было ни говора, ни оживленія... Всѣ какъ-то хмурились, словно не рѣшались откровенно высказаться... Я думаю, всѣми владѣла одна и та же мысль. Очевидно, мины набросаны либо вчера, либо сегодня ночью, такъ какъ раньше здѣсь было чисто; вполнѣ возможно, что наши прозѣвали, но почему именно здѣсь? на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была стать эскадра? Неужели наша

наисекретнѣйшая диспозиція была извѣстна японцамъ?.. Не хотѣлось вѣрить... Однако—фактъ налицо...

— Дрянь дѣло!..—неожиданно заявилъ мой сосѣдъ по столу, старшій артиллеристъ, но вдругъ замолчалъ...

И никто не спросилъ: „почему дрянь?“—всѣ тоже молчали...

Полдень. Тралящій караванъ все бродитъ и бродитъ, обслѣдывая дорогу къ морю. Далеко на горизонтѣ маячатъ японскіе миноносцы. Время идетъ...

— Очевидно ждемъ полной воды, чтобы войти въ гавань! Не идти же въ море „на ночь глядя!“—слышатся саркастическія замѣчанія...

На крейсерѣ и офицеры, и команда ночью почти не спали, а съ 3 ч. утра—всѣ на ногахъ; однако никого не тянетъ воспользоваться отдыхомъ, заснуть... Всѣ бродятъ, озлобленные, недовольные... „Конечно — назадъ! — Опять на мѣсяцъ запремся!“—раздается глухой ропотъ въ случайно собирающихся кучкахъ...

Вдругъ, въ 1 ч. дня сигналъ: „Записать порядокъ судовъ, идущихъ въ море“...

Словно солнце проглянуло. Всѣ ожили; всѣ подбодрились. Молодежь пришла въ такой азартъ, что даже потребовала шампанскаго, и одинъ изъ самыхъ юныхъ представителей каютъ-компаніи, съ бокаломъ въ рукѣ, декламировалъ: „Что-жъ мы?— На зимнія квартиры? — Не смѣютъ, что-ли, командиры чужіе изорвать мундиры о русскіе штыки?..“

Въ 1 ч. 40 м. дня начали служить молебенъ, но дослушать его не пришлось, такъ какъ въ 1 ч. 50 м. по сигналу начали сниматься съ якоря, и—„Діана“ раньше всѣхъ. До выхода въ открытое море, внѣ предѣловъ набросанныхъ японцами минныхъ банокъ, былъ указанъ такой порядокъ строя: тралящій караванъ, пара за парой; затѣмъ—три пары миноносцевъ второго отряда, тоже съ тралами; „Діана“, за ней „Аскольдъ“, потомъ броненосцы и въ замкѣ—„Баянъ“ и „Паллада“; „Новику“ и первому отряду миноносцевъ, идущему въ составѣ эскадры, предоставлялось „держаться по способности“. Двигались медленно, узловъ 6, изъ-за траловъ, которые при бо́льшей скорости всплывали.

Настроеніе личнаго состава было великолѣпное.

— Наконецъ-то рѣшились! — Хоть пропадемъ, такъ недаромъ!—Только бы дорваться! — Держись, теперь!—слышалось то тутъ, то тамъ.

— Мы во всякомъ случаѣ лопнемъ!—торжественно заявлялъ минеръ и, въ отвѣтъ на недоумѣніе окружающихъ, пояснялъ видимо довольный своимъ mot:—„Діана“ идетъ головнымъ кораблемъ: она—ведетъ флотъ къ бою, и ей же—первая мина, которую пропуститъ тралящій караванъ. Ergo! отъ мины, или отъ важности, но мы лопнемъ!

Кругомъ смѣялись...

Въ 2 ч. 35 мин. японскіе миноносцы, набравшись смѣлости, начали обстрѣливать нашъ тралящій караванъ. На защиту его бросились „Новикъ“ и первый отрядъ миноносцевъ, а также открыла огонь „Діана“, изъ 6-дюймовокъ, черезъ головы своихъ. Перестрѣлка продолжалась около 15 минутъ, а затѣмъ японцы, видя безнадежность предпріятія, поспѣшно бѣжали на SO.

Въ самый разгаръ схватки нашъ судовой священникъ, іеромонахъ Гавріилъ, несмотря на боевую тревогу, закончившій служеніе молебна и обходившій крейсеръ съ крестомъ и святой водой, вышелъ на верхнюю палубу...

Какое глубокое, неизгладимое впечатлѣніе производила эта мѣрно и неторопливо движущаяся фигура, въ зеленой съ золотомъ ризѣ, стройное пѣніе—„Спаси, Господи, люди Твоя...“—подъ аккомпаниментъ выстрѣловъ... взмахи кропила надъ судорожно-вздрагивающими, откатывающимися и накатывающимися пушками, извергающими огонь и смерть... сотни обнаженныхъ головъ, склоняющихся, чтобы принять благословеніе, можетъ быть, послѣднее... комендоры, на мгновеніе отрывающіеся отъ прицѣла, чтобы приложиться къ кресту...

— Молодецъ-батя!—невольно вырвалось у командира...

Мѣняя курсы то вправо, то влѣво, сообразно изгибамъ пути, проложеннаго среди минъ тралящимъ караваномъ (и обозначеннаго буями), мы шли въ общемъ на SO.

Въ 3 ч. дня, на смѣну бѣжавшимъ миноносцамъ, появились далеко впереди три „собачки“, затѣмъ одинъ изъ старыхъ крейсеровъ (кажется „Мацусима“) и наконецъ два броненосныхъ крейсера. Никакихъ попытокъ воспрепятствовать нашему торжественному шествію они не предпринимали, только поглядывали издали, чѣмъ вызвали не мало насмѣшекъ со стороны нашихъ остряковъ, утверждавшихъ, что они непростительно зѣваютъ, что тутъ бы имъ и наброситься, пока мы „кота хоронимъ“...

Въ 4 ч. 30 мин. дня, считая себя на чистой водѣ, эскадра остановилась. Тралящій караванъ началъ убирать свои тралы

(длинная исторія), а затѣмъ пошелъ обратно въ П.-Артуръ, конвоируемый вторымъ отрядомъ миноносцевъ. Эскадра, держась на мѣстѣ, прикрывала ихъ отступленіе, а въ 5 ч. начала перестраиваться въ боевой порядокъ: одна кильватерная колонна, впереди которой—броненосцы (головной „Цесаревичъ"), а сзади—крейсера (головной „Аскольдъ").

Взяли курсъ SO 20°, иначе говоря—къ Шантунгу.

Въ 6 ч. 40 м. вечера впереди и влѣво отъ курса, примѣрно на SO, увидѣли главныя силы японскаго флота, шедшія намъ напересѣчку. Онѣ были почти въ полномъ составѣ: 4 броненосца, въ одномъ отрядѣ съ которыми шли „Кассуга" и „Ниссинъ", 4 броненосныхъ крейсера, „Чинъ-Іенъ", предводительствующій тремя старыми крейсерами, „собачки", другой отрядъ легкихъ крейсеровъ и миноносцы. Этихъ послѣднихъ въ ближайшихъ отрядахъ мы могли насчитать 18, но за ними виднѣлись еще довольно многочисленные дымки...

— Всѣ тутъ!—Даже „Чинъ-Іенъ" вытащили!—Еще бы!—Съ нашими секретными сборами!—За четыре дня хоть изъ-подъ Владивостока могли вызвать!—Будетъ игра!—перекидывались офицеры отрывочными замѣчаніями.

Но, повторю опять, настроеніе было прекрасное: бодро и весело ждали рѣшительнаго боя.

— Ночью, братецъ мой, дыхнуть не дадутъ! Живи при своей орудіи, какъ знаешь! Запасай провіантъ съ вечера!—шутили матросы, укладывая за пазуху сухари и разнося по орудіямъ чайники съ чаемъ...

— Чтобы содовая и сельтерская были во всѣхъ плутонгахъ! Хлѣбъ и закуски—тоже!—хлопоталъ содержатель каютъ-компаніи...

Въ 7 ч. вечера пробили боевую тревогу.

Эскадры сближались...

Неожиданно „Цесаревичъ" круто повернулъ влѣво, почти на обратный курсъ... За нимъ—вся колонна... Главныя силы японцевъ не погнались за нами, но продолжали идти прежнимъ курсомъ. (Можетъ быть они не вѣрили? подозрѣвали какую-нибудь ловушку?).

Въ 7 ч. 50 м. вечера въ наступающихъ сумеркахъ мы потеряли ихъ изъ виду. Они ушли куда-то на западъ.

Мы сначала тоже не вѣрили, но чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе становилась истина: эскадра возвращалась въ Портъ-Артуръ, бѣжала, едва завидѣвъ непріятеля...

— Что такое?—Что случилось?—Да какъ же такъ?..—слышались растерянные, недоумѣвающіе голоса...

Однако гадать было некогда. Приходилось дѣйствовать. Главныя силы непріятеля скрылись на западѣ, но зато его миноносцы (теперь мы насчитывали ихъ до 30) разсыпались по горизонту, внѣ дальности нашихъ выстрѣловъ, и спѣшили справа и слѣва обойти насъ, выйти на курсъ, конечно для атаки...

Въ моментъ поворота эскадра находилась въ 23 миляхъ отъ Портъ-Артура. Быстро темнѣло. Большая часть миноносцевъ обходила насъ съ востока, т.-е. справа, а меньшая — слѣва. Не помню какъ (у меня не записано)—сигналомъ, телеграфомъ или какъ-нибудь иначе отдано было приказаніе, но только крейсера („Аскольдъ“, „Баянъ“, „Паллада“ и „Діана“), увеличивъ скорость, вышли вправо отъ броненосцевъ, а „Новикъ“ и миноносцы—влѣво отъ нихъ. Наше назначеніе было очевидно: принять на себя минную атаку и уберечь отъ нея главныя силы. Погода благопріятствовала—ясная, тихая ночь и луна въ первой четверти. Не очень свѣтло, но все же кое-что видно.

Вскорѣ же, какъ погасла заря, начались атаки. Трудно анализировать и записывать свои впечатлѣнія въ такой обстановкѣ, особенно когда переживаешь ее впервые (потомъ привыкаешь). Въ моемъ дневникѣ кратко отмѣчено: „Полчаса бѣшеной канонады. Молодцы японцы. Лѣзли, очертя голову. Вѣрно—попало. Ушли. У насъ всѣ цѣлы. 9 ч. 35 м. вечера—стали на якорь“.

Главная опасность этого плаванія была не со стороны непріятельскихъ миноносцевъ—отъ нихъ все же можно было отбиваться—но вѣдь мы возвращались не только безъ траловъ впереди, но даже не той дорогой, которой шли днемъ, и каждое мгновеніе могли наткнуться на минную банку!..

„Богъ пронесъ“ и на этотъ разъ... Только „Севастополь“ „ткнулся“, да и то счастливо справился съ пробоиной и могъ продолжать плаваніе совмѣстно съ другими.

Стали на якорь на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура безъ сигнала, безъ диспозиціи, какъ то по вдохновенію, но очень удачно.

Суда эскадры оказались расположившимися въ двѣ линіи, полумѣсяцемъ, одинъ конецъ котораго приходился между Золотой и Крестовой горами, — другой подъ горой Бѣлаго волка.

Тотчасъ поставили сѣти и приготовились къ отраженію минныхъ атакъ на якорѣ. Онѣ не замедлили.

Странно, что японцы ни разу не попробовали произвести массовой атаки, но нападали отрядами въ 4—5 миноносцевъ. Та же ошибка, что и 26 января.

Между тѣмъ мощные крѣпостные прожекторы, расположенные на флангахъ нашей линіи, образовывали своими лучами такую свѣтовую преграду, сквозь которую никто не могъ прорваться незамѣченнымъ, и каждый отрядъ, пытавшійся это выполнить, еще съ дальней дистанціи (5—6 миль) попадалъ подъ сосредоточенный огонь всей эскадры. Конечно теорія, по которой отраженіе минной атаки всецѣло возлагалось на среднюю и мелкую артиллерію, была забыта, и башенныя орудія броненосцевъ расточали свои драгоцѣнные сегментные снаряды наравнѣ съ 6-дюймовками... Какова была сила этого огня? Что творилось вътой зонѣ, по которой двигалисьяпонскіе миноносцы?— врядъ ли могутъ разсказать даже тѣ, которые на нихъ были... Люди, находившіеся на берегу, въ полной личной безопасности наблюдавшіе это зрѣлище, не могли найти достаточно сильныхъ словъ, достаточно яркихъ образовъ, чтобы передать свое впечатлѣніе...

— Ну, какъ я вамъ объясню?—почти сердился почтенный капитанъ крѣпостной артиллеріи, съ которымъ я встрѣтился черезъ 2—3 дня.—Просто,—видно всю эскадру, такъ она освѣщается вспышками собственныхъ выстрѣловъ, а тамъ, гдѣ миноносцы, тамъ—отъ разрывовъ снарядовъ свѣтлѣе, чѣмъ отъ прожекторовъ...

Очевидно такой обстановки не выдерживали даже и японскіе нервы. Въ этомъ аду секунды казались минутами, утрачивалось всякое представленіе о времени и пространствѣ... По опредѣленію дальномѣровъ береговыхъ батарей ни одинъ миноносецъ не подошелъ къ эскадрѣ ближе 3 миль (съ такой дистанціи мины оказывались недѣйствительными), а вѣдь несомнѣнно они были увѣрены, что стрѣляютъ почти вплотную на вѣрный минный выстрѣлъ, на разстояніе нѣсколькихъ кабельтововъ... *).

Особенно энергично повелись атаки послѣ того, какъ въ 2 ч. 10 м. ночи зашла луна. Въ моемъ дневникѣ отмѣчено:

---

*) На слѣдующій день 5—6 минъ Шварцкопфа было подобрано на рейдѣ. А сколько ихъ затонуло или было унесено въ море теченіемъ?

„2 ч. 30 м.—какая то вакханалія огня!—3 ч. 10 м.—отбиты, ушли“.

Послѣдняя попытка имѣла мѣсто въ 3 ч. 30 м. утра, а затѣмъ разсвѣтъ положилъ конецъ тревожной ночи.

Какія потери понесли японцы? — кто знаетъ?.. Они умѣли хранить свои секреты...

Любопытное наблюденіе (тоже подлинная выписка изъ дневника): „Во время минныхъ атакъ, когда дѣйствовали однимъ бортомъ, у орудій другого борта прислуга спала и храпѣла“. Что это было?—усталость, или привычка?..

Въ горячкѣ боевой обстановки некогда было много раздумывать надъ совершавшимися событіями: приходилось дѣйствовать съ полнымъ напряженіемъ всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ... Разсвѣтъ, исчезновеніе непріятеля—дали досугъ, дали возможность оцѣнить положеніе...

Если не у всѣхъ, то у многихъ сохранилась еще въ сердцѣ смутная надежда, что „это“ не окончательно, что мы только на ночь укрылись подъ защиту крѣпостныхъ прожекторовъ...

— Не безъ ума было сдѣлано! — толковали оптимисты.— Благодаря свѣтовой преградѣ всѣ атаки отбили благополучно. Не говоря о потеряхъ въ минной флотиліи, которыя конечно есть,—ихъ миноносцы уголь сожгли, мины разстрѣляли. Теперь должны все это пополнить. Значитъ, одну или даже двѣ ночи въ морѣ намъ обезпечено относительное спокойствіе.

— Хорошо, коли такой разсчетъ былъ, — возражали скептики,—а если просто... удрали?

Но ихъ не слушали, на нихъ даже набрасывались съ упреками... Такъ страстно хотѣлось всѣмъ вѣрить, что разорвана наконецъ „великая хартія отреченія“, что мы „ищемъ“ рѣшительнаго боя...

Въ 5 ч. утра 11 іюня сигналъ „Цесаревича“ — „Войти въ гавань“—разрушилъ послѣднія иллюзіи...

Словно тѣнь смерти легла на крейсеръ... Офицеры, которые еще такъ недавно, нѣсколько минутъ тому назадъ, несмотря на 30 часовъ, проведенныхъ безъ сна и отдыха, выглядѣли оживленными, почти веселыми, шутками и дружескимъ словомъ подбадривали команду,—вдругъ устали... Лица какъ-то сразу осунулись и потемнѣли...

На сторожевомъ мѣстѣ, въ проходѣ, на смѣну „Діанѣ“ приказано было стать „Палладѣ“, мы-же вошли въ Западный бассейнъ и ошвартовились на бочкахъ. Маневръ былъ выпол-

ненъ хорошо, но какъ-то автоматически, по привычкѣ, безъ огонька, безъ стремленія блеснуть передъ сосѣдями „морскимъ шикомъ...“

Пришли и—стали... Не все-ли равно какъ?..

Авралъ кончился въ 11-мъ часу утра. За завтракомъ ѣли мало, говорили еще меньше и затѣмъ поспѣшно разошлись по каютамъ.

— Хоть-бы заснуть!—думалъ я, бросаясь на койку...

Но сна не было... Отъ переутомленія или отъ чего другого?..

Несвязныя мысли... Нѣтъ! не мысли, а какіе-то обрывки мыслей тѣснились въ головѣ... Отдѣльныя слова, фразы, смутные образы...—Удрали!.. Отступили безъ боя!.. Утромъ—Богъ пронесъ; вечеромъ—Богъ пронесъ; ночью—Богъ уберегъ... А сами-то что-же?..

Мнѣ казалось, что въ этотъ день безповоротно рѣшилась судьба Артурской эскадры...

На берегу японцы продолжали свое наступленіе.

13 іюня они продвинулись уже до Лунвантана. Атаку поддерживалъ отрядъ миноносцевъ, обстрѣливавшій наши позиціи съ моря фланговымъ огнемъ. Чтобы прогнать его и самимъ взять во флангъ сухопутныя войска непріятеля, отъ насъ выслали „Новикъ“, „Отважный“, „Бобръ“ и миноносцы. Японскіе миноносцы первоначально ретировались, но вскорѣ же на поддержку имъ появились три легкіе крейсера. Въ отвѣтъ съ нашей стороны выпустили „Палладу“ и „Діану“. Непріятель не пожелалъ вступить въ бой и поспѣшно удалился.

Къ вечеру возвратились въ гавань.

Ночью была оживленная стрѣльба по японскимъ миноносцамъ, прибѣгавшимъ на рейдъ съ очевидной цѣлью набросать минъ, чтобы помѣшать выходу судовъ эскадры для поддержки сухопутныхъ войскъ.

14 іюня повторилось то же, что наканунѣ. Съ разсвѣтомъ „Гилякъ“, „Отважный“, „Гремящій“ и миноносцы вышли въ море обстрѣливать позиціи непріятеля, укрѣпившагося на высотахъ къ востоку отъ Лунвантана. Въ качествѣ прикрытія, на случай появленія японскихъ крейсеровъ, послали „Діану“ съ приказаніемъ держаться на внѣшнемъ рейдѣ въ полной готовности подать помощь канонеркамъ. На рейдѣ нашли 15

плавающихъ деревянныхъ салазокъ, на которыхъ японскіе миноносцы сбрасываютъ мины загражденія.

Это были результаты ихъ ночного посѣщенія. Тралящій караванъ не выходилъ. Тралили своими средствами,—паровыми катерами съ „Діаны“,—но удалось выловить только двѣ мины.

Съ утра на горизонтѣ появлялись какіе-то силуэты, а въ 9 ч. можно было различить „Акаси“, „Сума“, „Акицусю“ и флотилію миноносцевъ—штукъ 10. Послѣ 11 час. пошелъ проливной дождь. Горизонтъ сузился до 1—2 миль. Поставили сѣти и приготовились къ отраженію минной атаки, какъ ночью или въ туманѣ. Въ 3 ч. дня получено было приказаніе: въ гавань не входить, ночевать на рейдѣ, какъ при Макаровѣ, на мѣстѣ, устроенномъ для дежурнаго крейсера подъ прикрытіемъ затопленныхъ судовъ.—Наконецъ то рѣшились! $2^1/_2$ мѣсяца пустовала эта позиція, обезпечивавшая отъ слишкомъ дерзкихъ покушеній хотя бы часть рейда, непосредственно прилегающую ко входу!..

Къ вечеру дождь пересталъ, но небо было покрыто густыми тучами, и съ заходомъ солнца наступила непроглядная тьма. Японцы, конечно, видѣли, что крейсеръ не вошелъ въ гавань, и не замедлили попытать счастья.

Въ 9 час. вечера два японскихъ миноносца, поставивъ на мачтахъ характерные, четыреугольные паруса китайскихъ джонокъ и тѣмъ обманувъ бдительность крѣпостныхъ прожекторовъ, успѣшно подобрались къ намъ, идя вдоль берега, со стороны Ляотишана. Какъ только мы освѣтили ихъ собственными прожекторами *), обманъ обнаружился. Встрѣченные огнемъ „Діаны“, миноносцы сбросили свои фальшивые паруса и ринулись въ атаку. Какой это былъ поразительно красивый моментъ, когда они, ярко освѣщенные лучами прожекторовъ, разворачивались бортомъ, чтобы выпустить мины! Особенно одинъ, приблизившійся на дистанцію меньше 15 кабельтововъ... Я совершенно отчетливо видѣлъ, какъ два нашихъ шестидюймовыхъ снаряда попали въ него: одинъ—позади трубъ, другой—у ватеръ-линіи подъ мостикомъ. Послѣдній, видимо, нанесъ серьезныя поврежденія,—миноносецъ, на-глазъ замѣтно, получилъ дифферентъ на носъ и замедлилъ ходъ...

---

*) Въ лучѣ собственнаго прожектора, съ корабля, можно обнаружить миноносецъ, въ зависимости отъ погоды, только съ разстоянія отъ $1^1/_2$ до 2 миль.

— Ловко! Ишь, какъ запахалъ носомъ!—не удержался отъ радостнаго восклицанія стоявшій рядомъ со мной сигнальщикъ.

Нѣкоторые утверждали, что на другомъ миноносцѣ во время его отступленія удачный снарядъ произвелъ взрывъ собственныхъ минъ, и онъ затонулъ. То же говорили и наблюдатели съ Золотой Горы.

Въ самый разгаръ схватки изъ двухъ нашихъ шестидюймовокъ, которыя могли дѣйствовать по непріятелю,—одна внезапно прекратила огонь.—Что такое?—Оказывается (писать обидно)—при вкладываніи заряда разсыпалась плохо связанная пачка пластинокъ бездымнаго пороха; пластинки вывалились безпорядкѣ изъ гильзы въ зарядную камору и нагромоздились передъ дномъ снаряда, вслѣдствіе чего гильза не доходила до мѣста и замокъ не запирался. Очистить камору съ казенной части рукой, палкой или крючкомъ—не удавалось. Пришлось разряжать пушку съ дула, выталкивая разрядникомъ самый снарядъ, плотно сѣвшій въ нарѣзы!..

— Ну, и скорострѣльныя пушки!—не утерпѣлъ я, чтобы не уязвить ни въ чемъ неповиннаго старшаго артиллериста.

Онъ только пожалъ плечами:

— Система снаряженія патроновъ, герметическая крышка гильзы, которая снимается только передъ самимъ заряжаніемъ —все это не я выдумалъ. Разработано и утверждено техническимъ комитетомъ. Можетъ быть въ бою каждый патронъ, раньше чѣмъ посылать въ пушку, вскрывать, осматривать и ощупывать?—Конечно, такъ и придется напередъ дѣлать, но только это не въ пользу скорострѣльности!..

Для сторожевой службы крейсеровъ установленъ былъ такой порядокъ: трое сутокъ—на рейдѣ, трое сутокъ—въ проходѣ и трое сутокъ — въ бассейнѣ на отдыхѣ. Конечно, слово „отдыхъ“ надо было понимать условно, только какъ преимущественное передъ сотоварищами право на отдыхъ. Если предпринималось какое-нибудь дѣйствіе всѣмъ крейсерскимъ отрядомъ совмѣстно,—отдыхавшій шелъ наравнѣ съ другими.

Погода испортилась. Частые дожди и туманы. Вѣтра отъ SO, не особенно свѣжіе, но всегда съ крупной зыбью, сильно мѣшавшей работѣ тралящаго каравана.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней японцы не показывались и

только 20 іюня въ послѣднюю ночь дежурства „Паллады“ (смѣнившей насъ 17 іюня) произвели на нее минную атаку, а въ ночь на 21 іюня атаковали, одинаково безуспѣшно „Баянъ“, занявшій ея мѣсто.

20 іюня, утромъ, благополучно вернулся миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ“, котораго посылали въ Инкоу съ донесеніями. Несомнѣнно, что обратнымъ рейсомъ онъ привелъ какія то приказанія отъ главнокомандующаго, такъ какъ находился въ отсутствіи четверо сутокъ, а при его скорости пробѣгъ въ одинъ конецъ могъ быть выполненъ въ теченіе одной ночи.

Не могу не остановиться на одной подробности, связанной съ этимъ эпизодомъ, подробности, можетъ быть и маловажной, но весьма характерной.

Миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ“ уже второй разъ удачно прорывалъ блокаду, второй разъ давалъ осажденной крѣпости возможность непосредственныхъ сношеній съ главными силами арміи.

Въ статутѣ ордена св. Георгія весьма опредѣленно сказано, что имъ награждается тотъ, кто, прорвавшись сквозь линіи непріятеля, доставитъ главнокомандующему важныя свѣдѣнія. Врядъ-ли свѣдѣнія, которыя доставлялъ „Лейтенантъ Бураковъ“, были неважными; врядъ-ли онъ занимался перевозкой дружеской корреспонденціи, не имѣющей большого значенія... Такимъ образомъ дважды былъ выполненъ имъ подвигъ, указанный статутомъ. И однако командиръ его получилъ изъ рукъ адмирала Витгефта только Владиміра 4 ст. съ мечами, да и то съ поясненіемъ значительности этой награды, которую надо еще оправдать дальнѣйшей службой... А между тѣмъ, по приказамъ, всѣ мы хорошо знали о томъ дождѣ боевыхъ отличій, который сыпался на лицъ, непосредственное участіе которыхъ въ дѣлахъ противъ непріятеля было болѣе чѣмъ сомнительно...

20, 21 и 22 іюня, ежедневно, съ утра „Новикъ“, канонерки и миноносцы, съ тралами впереди, ходили обстрѣливать берегъ между бухтами Лунвантанъ и Сикау. На случай, еслибы имъ вздумали помѣшать японскіе крейсера, весь нашъ крейсерскій отрядъ держался подъ парами въ полной готовности немедленно идти на выручку. Однако же услуги наши ни разу не потребовались. Почему-то непріятельскій флотъ даже не пробовалъ отогнать нашъ слабый отрядъ, причинявшій серьезныя затрудненія его сухопутнымъ войскамъ и много

способствовавшій ихъ, хотя и кратковременному, отступленію.

Вечеромъ 22 іюня, при возвращеніи „Новика“, канонерокъ и миноносцевъ, съ береговыхъ батарей имъ кричали „ура!“, играли встрѣчу.

Три дня ненастья, исключавшаго всякую возможность какихъ-либо активныхъ дѣйствій, а затѣмъ мы опять зашевелились. 25 іюня—новый походъ канонерокъ и миноносцевъ противъ лѣваго фланга японцевъ. Дежурнымъ стоялъ „Аскольдъ“, но кромѣ того на всякій случай выслали на рейдъ еще и „Діану“.

На горизонтѣ въ разстояніи около 10 миль смутно вырисовывались силуэты трехъ судовъ, — кажется, „Мацусима“, „Ицукусима“ и „Хасидате“—ничего не предпринимавшихъ для того, чтобы помѣшать „работѣ“ нашихъ. Только отрядъ миноносцевъ около 3 час. дня сблизился съ ними и завязалъ артиллерійскую перестрѣлку, да и тотъ, встрѣченный огнемъ канонерокъ, поспѣшилъ удалиться. Тѣмъ временемъ пароходъ „Богатырь“, приспособленный подъ минный транспортъ („Амуръ“, стоя въ докѣ, еще чинилъ свою пробоину), ставилъ загражденія въ бухтѣ Тахэ.

Съ крейсера на его работу посматривали косо...

— Если забрасываютъ минами Тахэ, значитъ, подготовляютъ отступленіе съ Лунвантанскихъ высотъ, а значитъ—и съ Зеленыхъ горъ, и съ Волчьихъ горъ... Дрянь дѣло—осада вплотную! — сумрачно переговаривались между собой офицеры.

26 іюня—большой выходъ: „Новикъ“, миноносцы, всѣ крейсера 1-го ранга и даже „Полтава“. Въ 9 ч. 20 м. утра, выстроившись торжественной процессіей, съ тралящимъ караваномъ впереди, тронулись въ путь къ Лунвантану. На горизонтѣ, такъ далеко, что опознать трудно, виднѣлись какія-то большія суда, а ближе—отряды миноносцевъ. Послѣдніе пытались было напасть на тралящій караванъ, но подъ огнемъ крейсеровъ быстро, въ разсыпную, бросились на-утекъ. Подойдя къ назначенному мѣсту, „Полтава“ стала на якорь въ восточной части бухты Тахэ; крейсера продвинулись за Лунвантанъ, но не пошли дальше, такъ какъ здѣсь по ночамъ съ одинаковымъ усердіемъ ставили мины и наши, и японцы, а миноносцы выскочили впередъ, почти до Сикау. Около 2 ч. дня начали обстрѣливать фланговымъ огнемъ японскія сухопутныя

позиціи. Стрѣльба корректировалась съ берега, откуда намъ семафоромъ сообщали, какъ ложатся наши снаряды.

Непріятель забезпокоился. Его суда, раньше чуть видныя на горизонтѣ, приблизились на дистанцію 55 кабельтововъ и завязали съ нами перестрѣлку. Это оказались—„Мацусима", „Ицукусима", „Хасидате" и отрядъ канонерокъ и миноносцевъ. Подойти ближе видимо не рѣшались. Казалось, что которому-то изъ крейсеровъ „Баянъ" удачно закатилъ въ корму своимъ 8-дюймовымъ снарядомъ; были и другія попаданія... По крайней мѣрѣ очень скоро они ретировались на дистанцію 7—8 миль. „Богатырь" опять орудовалъ въ бухтѣ Тахэ, забрасывая ее минами...

Невольно являлось подозрѣніе, что весь „большой выходъ" предпринятъ съ единственной цѣлью—прикрыть эту операцію...

Плохой признакъ! Но были и другіе, еще хуже...—Изъ арсеналовъ крѣпости приняли винтовки на всю команду *) и всѣхъ, до писарей и кочегаровъ включительно, обучали ружейнымъ пріемамъ, стрѣльбѣ и штыковому бою. Согласно существовавшимъ положеніямъ, размѣръ судового десанта опредѣлялся условіемъ, чтобы при свозѣ его на берегъ корабль могъ идти полнымъ ходомъ и дѣйствовать всей артиллеріей одного борта, т.-е.—машинная команда и спеціалисты всѣхъ родовъ на своихъ мѣстахъ, а изъ числа простыхъ матросовъ на лицо половина. Для артурской эскадры, явно готовившейся совмѣстно съ гарнизономъ крѣпости къ долговременной тѣсной осадѣ были объявлены новыя правила.—По сигналу—„свезти десантъ"—свозилась на берегъ вся строевая команда и половинное число офицеровъ, а по сигналу—„свезти резервъ"—съѣзжали и всѣ прочіе. На кораблѣ оставались только старшіе спеціалисты—офицеры и нижніе чины — числомъ около 40, задачей которыхъ было по мѣрѣ возможности дѣйствовать судовой артиллеріей, а въ критическій моментъ уничтожить корабль, чтобы онъ не достался въ руки побѣдоноснаго непріятеля... Печальныя перспективы!..

---

*) По штату, на корабляхъ вооружены винтовками только матросы и строевые квартирмейстеры; спеціалисты—комендоры, гальванеры, минеры, рулевые, сигнальщики—снабжены револьверами, а машинисты и кочегары вовсе не имѣютъ оружія.

IX.

Служба въ охранѣ.—Зловѣщіе признаки деморализаціи.—Іюльскіе бои за Лунвантанъ и Зеленыя горы. — Тяжкая утрата для нашего крейсера.—Начало тѣсной осады.—Сюрпризъ со снарядами.—Флотъ на сухопутномъ фронтѣ...

26 іюня какъ разъ наступала наша очередь дежурства, а потому послѣ „большого выхода“ мы („Діана“) остались на рейдѣ.

Господствовала типичная погода жаркаго и дождливаго сезона субъ-тропическаго пояса: облачное небо; не такъ знойно, какъ душно; воздухъ насыщенъ парами; прожекторы даютъ мутный, молочно-бѣлый лучъ, который не столько освѣщаетъ отдаленные предметы, сколько слѣпитъ глаза и мѣшаетъ видѣть; наши—60s/m—съ трудомъ брали на 12 кабельтововъ, и даже крѣпостныя—90s/m—не хватали дальше $2^1/_2$ миль.

Дежурство выдалось крайне безпокойное. Видимо разсерженные нашими выходами, японцы, пользуясь благопріятной погодой, каждую ночь появлялись на рейдѣ, забрасывая его минами и производя атаки на крейсеръ.

27 іюня они только приглядывались и ближе 30 кабельтововъ не подходили. Соединеннымъ огнемъ крейсера „Гиляка“ и береговыхъ батарей ихъ безъ труда отгоняли. Зато слѣдующей ночью два миноносца произвели лихую атаку и, несмотря на то, что были открыты съ разстоянія около трехъ миль, выпустили свои мины съ дистанціи 15 кабельтововъ.

Утромъ близъ крейсера выловили двѣ незатонувшія мины Уайтхеда, очевидно изъ числа предназначавшихся для насъ *). Съ нашей стороны видны были хорошія попаданія снарядовъ. Уйти миноносцамъ удалось, но несомнѣнно не безъ потерь и поврежденій.

Въ ночь на 29-е атака была повторена, но также безрезультатно, а намъ кажется посчастливилось: видно было, какъ одинъ изъ миноносцевъ, находясь отъ насъ въ разстояніи 22 кабельтововъ, вдругъ остановился и началъ медленно (ясно, что машинами) разворачиваться на обратный курсъ; море около него такъ и кипѣло отъ падающихъ и рвущихся сна-

*) Самодвижущаяся мина Уайтхеда имѣетъ автоматическое приспособленіе, при посредствѣ котораго, не попавъ въ цѣль, тонетъ, чтобы не достаться въ руки непріятеля.

рядовъ... Затѣмъ мы увидѣли огромное облако густого, чернаго дыма, какъ при взрывѣ меленитовыхъ минъ, послѣ чего—какъ ни искали прожекторы—найти миноносца не могли. Возможно, что погибъ. Остальные ушли.

Говорю—„возможно“—не рѣшаюсь высказаться категорически потому, что, какъ выяснилъ опытъ войны, въ ночныхъ бояхъ очень часто „мерещится“ то, что хотѣлось бы видѣть, и притомъ „мерещится“ не единичному человѣку, а сразу многимъ. Что это?—массовый самогипнозъ, массовая галлюцинація?—пусть рѣшаютъ спеціалисты, но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Примѣры подобнаго рода засвидѣтельствованы не только съ нашей стороны, но и со стороны нашего противника. Такъ въ „Chefoo Press“, номера которой часто доставлялись въ П.-Артуръ китайцами, прорывавшими блокаду на своихъ шампункахъ, мы въ теченіе іюня и іюля читали о троекратной гибели „Діаны“ вслѣдствіе удачныхъ минныхъ атакъ. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ картина нашего потопленія была описана весьма подробно. Не могу допустить, чтобы командиры японскихъ миноносцевъ посылали своему начальству завѣдомо ложныя донесенія, тѣмъ болѣе, что черезъ своихъ шпіоновъ это начальство могло легко ихъ провѣрить, если не на другой же день, то во всякомъ случаѣ дня черезъ три. Несомнѣнно, не только командиры, но и многіе изъ числа экипажа миноносцевъ искренно вѣрили, что трижды были свидѣтелями гибели „Діаны“.

Однако же я отвлекся отъ изложенія хода событій.

29 іюня наше мѣсто на внѣшнемъ рейдѣ заняла „Паллада“, а мы перешли на сторожевой постъ въ проходѣ.

День 30 іюня ознаменовался первой попыткой японцевъ помѣшать работамъ нашего тралящаго каравана. Около 1 ч. пополудни, когда караванъ былъ миляхъ въ четырехъ отъ берега, его атаковали артиллерійскимъ огнемъ пять непріятельскихъ миноносцевъ. Беззащитные пароходы, конечно, вынуждены были, бросивъ тралы, отступить подъ прикрытіе орудій береговыхъ батарей и сторожевыхъ судовъ. Нѣсколькихъ выстрѣловъ съ „Паллады“ и „Бобра“ было достаточно, чтобы охладить пылъ миноносцевъ и заставить ихъ удалиться на приличную дистанцію.

Въ ночь на 1 іюля японцы произвели минную атаку на „Палладу“, но опять безуспѣшно. Повидимому, это была послѣдняя ихъ попытка утопить дежурный крейсеръ, и съ этого

времени, убѣдившись въ безплодности и убыточности такихъ предпріятій, они появлялись по ночамъ на внѣшнемъ рейдѣ съ единственной цѣлью—забрасывать его минами.

Съ своей стороны, кой-чему научившись на горькомъ опытѣ, мы переняли ихъ пріемы, устроили на своихъ миноносцахъ необходимыя приспособленія и по ночамъ посылали ихъ ставить минныя банки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ днемъ обычно появлялись суда, державшія блокаду П.-Артура. Такой выпадъ конечно не остался незамѣченнымъ нашимъ энергичнымъ и наблюдательнымъ противникомъ, и онъ тотчасъ-же занялся систематическимъ траленіемъ того пространства, гдѣ мы набрасывали свои мины, и который находился внѣ сферы огня береговыхъ батарей и сторожевыхъ судовъ.

Въ предотвращеніе возможности такихъ случаевъ, какой имѣлъ мѣсто 29 іюня, для защиты тралящаго каравана отъ безнаказанныхъ нападеній мы, съ своей стороны, начали высылать его подъ охраной 2—3 канонерокъ и отряда миноносцевъ. Японцы сдѣлали то же по отношенію къ своимъ. Въ результатѣ—въ теченіе всего іюля можно было ежедневно наблюдать съ берега довольно странное, даже забавное, зрѣлище: нашъ тралящій караванъ, разыскивающій мины, набросанныя японцами; въ кильватеръ ему, на пространствѣ, уже пройденномъ тралами—наши канонерки; нѣсколько мористѣе этой процессіи—наши миноносцы; дальше, на разстояніи 15—20 кабельтововъ отъ нихъ и на предѣлахъ дальности огня батарей и сторожевыхъ судовъ—японскіе миноносцы; еще дальше—японскій тралящій караванъ, разыскивающій мины, набросанныя нами, и при немъ—японскія канонерки и легкіе крейсера, его охраняющіе. Иногда миноносцы, видимо, соскучившись, сближались, дразнили другъ друга, завязывали на дальней (для ихъ условій боя) дистанціи перестрѣлку, которая однако же никогда не переходила въ серьезную схватку; потомъ—опять расходились... Иногда японцы „нарывались“. Думая, что на рейдѣ стоитъ „Аскольдъ“, „Паллада“ или „Діана“, безпечно разгуливали на дистанціи отъ 55 до 60 кабельтововъ, и вдругъ оказавшійся въ дежурствѣ „Баянъ“ начиналъ подбрасывать имъ сегментные снаряды изъ своихъ 8-дюймовокъ.—Переполохъ и поспѣшное отступленіе. На сторожевыхъ судахъ—смѣхъ, шутки... Все-таки маленькое разнообразіе!

Очередь дежурства сразу же нарушилась. 2 іюля насъ, на нашемъ мѣстѣ въ проходѣ, должна была бы смѣнить „Пал-

лада", но у нея оказались какія то неотложныя работы, и она вошла въ Западный бассейнъ, а мы остались попрежнему на сторожевомъ посту. 5 іюля—опять почему то смѣна не состоялась, а 9—вышли въ дежурство на внѣшній рейдъ, на которомъ находились не трое, а четверо сутокъ.

За эти дни (особенно съ 6 по 12 іюля)—почти безпрерывно дожди, туманы, грозы; только изрѣдка и ненадолго сносная погода.

8 іюля наши миноносцы, въ числѣ 14, ходили въ ночную экспедицію. Куда и зачѣмъ—осталось намъ неизвѣстнымъ.

9 іюля, въ 10 ч. 45 м. вечера, показалась въ лучахъ прожекторовъ китайская джонка, шедшая съ моря, прямо и смѣло, ко входу на внутренній рейдъ. Открыли огонь. Джонка нѣкоторое время упорно держала старый курсъ, а затѣмъ кинулась въ сторону и выбросилась на каменистый рифъ, идущій отъ Золотой горы (Lutin rock). Около 2 ч. ночи появлялись недолго какіе-то миноносцы, быстро удалившіеся, какъ только по нимъ начали стрѣлять съ батарей.

10 іюля прибылъ на „Діану" начальникъ крейсерскаго отряда. Накричалъ, нашумѣлъ, разнесъ насъ въ пухъ. Оказывается, мы разстрѣляли джонку, везшую почту изъ Чифу!.. Совершенно ясно, что разъ такая джонка ожидалась, начальство обязано было снабдить ее условнымъ, опознательнымъ сигналомъ и предупредить о томъ дежурный крейсеръ, безъ чего этотъ послѣдній не только не имѣлъ права позволить ей безпрепятственно войти въ гавань, но даже и подойти на дистанцію миннаго выстрѣла. А если-бы это оказалась японская штука? Если-бы на джонкѣ были минные аппараты? Если-бы, наконецъ, сама она представляла собою мину-брандеръ съ сотней пудовъ меленита или шимозы?.. Конечно, каждый изъ офицеровъ имѣлъ полное право, слушая начальство, думать про себя—„Юпитеръ, ты сердишься,—значитъ ты не правъ",—и громовой разносъ, конечно, не слѣдовало принимать близко къ сердцу. Я могъ бы даже вовсе опустить этотъ эпизодъ, какъ не представляющій для читателей особаго интереса. Но тутъ было другое: меня поразило то... не спокойствіе, а пренебрежительное равнодушіе, которымъ былъ встрѣченъ незаслуженный выговоръ... словно скользнуло, не задѣвъ никого...

За завтракомъ одинъ изъ мичмановъ сдѣлалъ было замѣчаніе о несправедливости, о „сваливаніи съ больной головы

на здоровую..." но тотчасъ же былъ остановленъ рѣзкимъ замѣчаніемъ сосѣда:—„Брось! не стоитъ говорить! чего еще ждать!"—и замолчалъ. Кругомъ всѣ тоже молчали, и я... вдругъ понялъ, что въ хлопотахъ и заботахъ распорядка внутренней судовой жизни, вся тяжесть котораго лежитъ на старшемъ офицерѣ, проглядѣлъ что-то страшно важное. Внезапно всплыли въ памяти разные случаи, которымъ до того, въ служебной суетѣ, я не придавалъ особаго значенія. Вспомнилось, какъ однажды въ каютъ-компаніи, съ цѣлью поднять настроеніе, я сталъ говорить о слухахъ, ходившихъ на эскадрѣ, относительно нашего новаго выхода въ море, для рѣшительнаго боя. По этимъ слухамъ, источникомъ которыхъ называли штабъ командующаго эскадрой, выходило, что 11 іюня мы вернулись въ гавань единственно вслѣдствіе пробоины, полученной „Севастополемъ", что какъ только его починятъ—будетъ бой, а починка идетъ успѣшно, и т. д... Мнѣ не возражали и только подъ конецъ одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей произнесъ тихо, словно про себя:—„Что и говорить!.. Сами то вы этому вѣрите?.."—Вспомнился нечаянно подслушанный, при неожиданномъ входѣ въ каютъ-компанію, отрывокъ разговора—„...что его спрашивать! Конечно, по „долгу службы и присяги" начнетъ выгораживать начальство! Самъ..." Съ моимъ появленіемъ разговоръ рѣзко оборвался, но теперь я понялъ, что рѣчь шла обо мнѣ. Вспомнилось и многое другое—все мелочи, но характерныя...

Да! Несомнѣнно!.. Со мной избѣгали говорить о совершающихся событіяхъ, заранѣе не довѣряя искренности моихъ отзывовъ. И это у насъ! на „Діанѣ"! въ нашей тѣсно-сплотившейся каютъ-компаніи! Дружба, зародившаяся и окрѣпшая въ боевой обстановкѣ, не устояла передъ ярлыкомъ съ надписью „начальство", подъ которымъ, до извѣстной степени, числился и я...

Попытаться заговорить съ ними вполнѣ откровенно? Забывъ обязанность—всѣми мѣрами способствовать поддержанію престижа высшихъ властей—высказать все, что у самого камнемъ лежало на сердцѣ? Въ поискахъ за популярностью, пуститься въ безполезную, только раздражающую, критику распоряженій, измѣнить которыя, все равно, невозможно?..Думаю, что такимъ пріемомъ я не достигъ бы цѣли (ярлыкъ сидѣлъ слишкомъ крѣпко)—но утратилъ бы то, чѣмъ больше всего дорожилъ,—ихъ уваженіе... А „это" еще могло пригодиться въ бою.

Передо мной была картина полной деморализаціи. Отъ дисциплины осталась только внѣшность—чинопочитаніе, но внутренній смыслъ ея—довѣріе, изъ котораго проистекаютъ и преданность, и самоотверженіе, и самопожертвованіе, въ которомъ залогъ единства и силы духа, т. е. залогъ успѣха—окончательно утратился. И если таково было настроеніе въ средѣ офицеровъ, то, несомнѣнно, хотя-бы отчасти, оно проникало и въ массы... Что-жъ это сулило въ будущемъ?

Исторія дала свой отвѣтъ.

Въ послѣдніе дни осады на позиціяхъ числилось около 9,000 человѣкъ, годныхъ къ бою, а по сдачѣ крѣпости японцы зарегистрировали, въ качествѣ плѣнныхъ, кромѣ больныхъ и раненыхъ, 23,000 воинскихъ чиновъ всѣхъ наименованій, вполнѣ здоровыхъ.

Я не былъ пророкомъ и, конечно, въ то время не могъ предвидѣть того, что случится, но подъ гнетомъ тяжелыхъ думъ, вдругъ такъ ярко вспомнился одинъ разговоръ за первые дни войны.

Говорили о внезапномъ нападеніи японцевъ.

— Измѣна! Измѣна!—упорно твердилъ мой собесѣдникъ.

— Полноте!—пытался я его урезонить.—Что-жъ вы думаете? Подкупили, что ли?

— Ахъ, не все ли равно!—горячо возражалъ онъ.—Подкупъ, личный разсчетъ, злоба, самомнѣніе, даже просто глупость...

Можетъ быть, я ошибался, но мнѣ казалось, что эта мысль, хотя бы и не въ такой рѣзкой формѣ, распространялась все шире и шире... Она чудилась мнѣ въ этой странной замкнутости, въ этой молчаливости и сдержанности на глазахъ у „начальства“...

11 іюля около 3 ч. ночи (стоя въ дежурствѣ) услышали оживленную пальбу по направленію къ востоку, какъ будто въ Тахэ, гдѣ ночевали сторожевыми судами миноносцы „Боевой“, „Грозовой“ и „Лейтенантъ Бураковъ“. Сами ничего не видѣли изъ-за погоды—не то туманъ, не то изморось. Съ разсвѣтомъ обстоятельства дѣла выяснились. Обстоятельства довольно печальныя. Японскія миноноски, вѣрнѣе даже, минные катера, пользуясь благопріятными условіями погоды, незамѣченные патрулями сухопутныхъ войскъ, удачно пробрались въ Тахэ по самому мелководью и атаковали наши миноносцы изъ-подъ берега, откуда, казалось бы, никакъ нельзя ждать нападенія...

„Грозовой“ — уцѣлѣлъ; „Боевой“ — получилъ огромную пробоину—разворочена вся передняя кочегарка, но главное „Бураковъ“, нашъ единственный скороходъ, былъ почти разорванъ на двѣ части и затонулъ... Съ его гибелью мы лишились единственнаго, сколько-нибудь вѣрнаго средства сношеній съ главнокомандующимъ черезъ Ньючвангъ.

Утромъ, 11 іюля, подъ охраной „Новика“, канонерокъ и миноносцевъ, отправились въ Тахэ всѣ портовыя спасательныя средства. Около 8 ч. провели мимо насъ на буксирѣ кормой впередъ „Боевого“, обмотаннаго пластырями. На спасеніе „Буракова“ надежды не было. Только-что вся процессія зашла въ гавань, надвинулся туманъ, какъ молоко.

12 іюля насъ, наконецъ, смѣнили съ дежурства. Войдя въ Западный бассейнъ, обрадовались, словно въ рай попали. Флотскіе, стоявшіе въ дежурствѣ на двѣ вахты, мечтали отоспаться и отдохнуть; механики, усиленно отсыпавшіеся на рейдѣ въ ожиданіи приказа дать ходъ, собирались „навалиться“ и поработать, прибраться у котловъ, кое-что пересмотрѣть и перебрать въ нашихъ многострадальныхъ машинахъ... Не тутъ-то было! Утромъ 13 іюля сигналъ: — „Ретвизану“, крейсерамъ, миноносцамъ, развести пары“...

Механики, уже приступившіе было къ „разложенію машинъ на составные элементы“, заметались (какъ говорятъ на флотѣ „запороли горячку“), но, надо имъ отдать справедливость, оказались на высотѣ положенія: мы опоздали выходомъ, противъ нормы, не болѣе получаса. Въ 1 ч. 30 м. пополудни, придя на внѣшній рейдъ, застали здѣсь „Аскольдъ“, „Баянъ“ и „Палладу“, стоявшіе на якорѣ съ откинутыми сѣтями. Погода — перемежающійся дождь, временами суживавшій горизонтъ до 1—2 миль—давала мало надежды на то, что экспедиція состоится. Вѣроятно, руководствуясь этимъ соображеніемъ, начальникъ отряда, раньше, чѣмъ мы успѣли занять свое мѣсто по диспозиціи, сдѣлалъ намъ сигналъ „возвратиться въ гавань“. Вернулись. Уходя, видѣли, какъ остальные убирали сѣти. Только что ошвартовились къ бочкамъ, на своемъ старомъ мѣстѣ, въ Западномъ бассейнѣ,—какъ вдругъ разъяснило, и крейсера, уже снявшіеся съ якоря для того, чтобы входить въ гавань, по сигналу съ Золотой горы, пошли къ Лунвантану обстрѣливать непріятельскія позиціи.

Намъ это показалось обидно.—Точно нами пренебрегли, не захотѣли взять съ собою!..—Командиръ поѣхалъ къ адмиралу

объясняться. Вернулся успокоенный, заявилъ, что самый нашъ выходъ былъ недоразумѣніемъ, что намъ дается трое сутокъ полнаго отдыха для приведенія въ порядокъ котловъ и механизмовъ. Въ самомъ дѣлѣ — по роковому стеченію обстоятельствъ, „Діана“ за весь минувшій мѣсяцъ не имѣла ни одного спокойнаго дня: то на рейдѣ, то въ проходѣ, а чуть въ гавань—общая для всего крейсерскаго отряда экспедиція. Всѣ мы были такъ уставши, что это распоряженіе приняли, какъ милость, нисколько не завидуя тѣмъ лаврамъ, которые могли пожать наши сотоварищи.

А время было серьезное.

13 іюля японцы повели энергичное наступленіе по всей линіи сухопутнаго фронта, причемъ на обоихъ флангахъ ихъ поддерживали съ моря канонерки и легкіе крейсера. Подъ первымъ натискомъ наши отступили. Говорили, что нѣкоторыя позиціи очистили по недоразумѣнію, почти безъ боя. Когда появились „Аскольдъ“, „Баянъ“ и „Паллада“, разогнавшіе мелочь, насѣдавшую на нашъ правый флангъ, обстоятельства круто измѣнились, да и счастье, какъ будто, повернулось къ намъ: въ перестрѣлкѣ на дальней дистанціи „Баяну“ удалось закатить 8-дюймовый снарядъ въ „Ицукусиму“; одна изъ лодокъ, видимо подбитая, поспѣшно ретировалась; крейсеръ „Чійода“ наткнулся на мину, и хотя не затонулъ, но въ самомъ плачевномъ положеніи былъ отведенъ на буксирѣ въ Таліенванъ (чиниться въ докѣ г. Дальняго).

Крейсера возвратились въ Портъ-Артуръ около $7^1/_2$ час. веч. Полуофиціально сообщалось, что всѣ первоначально очищенныя нами позиціи вновь перешли въ наши руки.

Въ теченіе всей ночи со стороны сухопутнаго фронта доносился смутный гулъ канонады. Къ разсвѣту онъ усилился. Дождь прекратился; туманъ разсѣялся, и около 6 час. утра, 14 іюля, въ помощь сухопутнымъ войскамъ вышли въ море канонерки, крейсера и „Ретвизанъ“. Японцы возобновили наступленіе съ новыми силами. Наши, ободренные вчерашней удачей, не сдавали. Около 11 час. утра, своимъ мощнымъ ревомъ покрывая всѣ звуки боя, заговорили 12-дюймовки „Ретвизана“. Съ какой любовью ихъ слушали! Какими добрыми, сердечными пожеланіями сопровождался каждый ихъ выстрѣлъ!..

На нашемъ правомъ флангѣ, поддерживаемомъ съ моря, дѣла шли недурно. Зато съ лѣваго — вѣсти получались не-

важныя. Противъ Инченцзы, гдѣ у насъ было 24 полевыхъ орудія, японцы выставили 80, да еще съ моря помогали канонерки. Со всей эскадры были свезены санитарные отряды съ носилками и прочей принадлежностью. Послѣ полудня пальба начала стихать. Около 3-хъ ч. наши суда вернулись на внѣшній рейдъ, а къ вечеру вошли въ гавань. Въ 7 час. вошелъ нашъ сосѣдъ по стоянкѣ въ Западномъ бассейнѣ—„Баянъ“. Опытный глазъ сразу же могъ замѣтить, что на немъ, судя по дифференту на носъ, что-то неладно. Дѣйствительно, какъ выяснилось позже, почти при самомъ входѣ на внутренній рейдъ, онъ наткнулся на какую-то шальную мину. Переборки выдержали. Оказалось затопленнымъ только отдѣленіе носовой кочегарки. Однако же, нашъ единственный броненосный крейсеръ былъ выведенъ изъ строя...

— Вотъ и еще причина, почему нельзя выйти въ море: подождать, пока починятъ „Баянъ“.

Я обернулся, съ трудомъ себя сдерживая:

— Вы точно злорадствуете! Точно смѣетесь нашимъ неудачамъ!..

Но сѣрые глаза, улыбавшіеся полу-почтительно, полу-насмѣшливо, не опустились и даже не дрогнули:

— Отнюдь, нѣтъ. Я только пытаюсь заранѣе выяснить мотивы ожидаемыхъ распоряженій начальства...

14 іюля „Діана“ понесла тяжкую утрату въ лицѣ своего трюмнаго механика Коростелева.

Неутомимый работникъ, выдающійся механикъ, обладавшій не только серьезной научной подготовкой, но и богатыми практическими свѣдѣніями, бывшій на заводѣ во время постройки крейсера и (какъ говорили, смѣясь, въ каютъ-компаніи) знавшій на немъ „въ-лицо“ каждую заклепку—онъ былъ больше чѣмъ правой рукой и командира, и старшаго офицера. Рослый, на взглядъ крѣпкій, онъ, по выраженію докторовъ, обладалъ отъ природы какимъ-то „легкимъ дефектомъ“ сердца и чрезмѣрно-нервной организаціей, для которой почти полгода войны не могли пройти даромъ.

Послѣднее время, чаще и чаще, съ нимъ случались припадки удушья.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—спрашивалъ я нашего молодого симпатичнаго эскулапа.

— Въ родѣ сердечной жабы...—неохотно отвѣчалъ онъ.

— Такъ помогите ему! Вѣдь вы его только отхаживаете

послѣ припадка, а вы — лечи́те! Развѣ нѣтъ средствъ? Нѣтъ опредѣленнаго леченія?

— Уѣхать ему отсюда, отдохнуть и опять приняться за свое мирное дѣло—сто лѣтъ проживетъ... Какой онъ воинъ?!— Гадину ядовитую, случайно, какъ-нибудь, завезутъ на крейсеръ съ провизіей, или, тамъ, съ углемъ,—такъ и ту, если поймаетъ, не убьетъ, а посадитъ въ коробку и свезетъ на берегъ... Когда „Петропавловскъ“ погибъ, сколько я съ нимъ намучился! Не понимаетъ онъ этого, не переноситъ!..

— Такъ прикажите ему! Отправьте его въ Россію!

— Легко сказать! Заикнитесь только! Ужъ я пробовалъ... Хуже будетъ — по мнительности своей рѣшитъ, что навѣкъ опозоренъ и застрѣлится... Ну, да погодите! Когда-нибудь проберетъ и васъ... толстокожіе!..—съ неожиданнымъ озлобленіемъ закончилъ докторъ.

Въ рѣдкіе дни пребыванія „на отдыхѣ“ въ Западномъ Бассейнѣ всѣ только и думали о томъ, какъ бы взять ванну, да хорошенько отоспаться, и жизнь въ офицерскихъ помѣщеніяхъ замирала необычно рано.

13 іюля, часовъ около 10 вечера, я ужъ собирался укладываться въ койку, когда изъ моей каюты услышалъ какіе-то стоны и чей-то тревожный сдавленный голосъ. Наскоро одѣлся и вышелъ. Въ полутемной каютъ-компаніи, безпомощно уронивъ голову на вытянутыя по столу руки, и тяжело раскачиваясь вправо и влѣво, сидѣлъ Коростелевъ. Около него суетился совсѣмъ растерянный, поблѣднѣвшій вѣстовой, несвязно твердившій—„Вашбродь! вашбродь! зачѣмъ такъ-то?.. чего вамъ?..“

— Зови доктора! не обалдѣвай! — зашипѣлъ я на него, бросаясь на помощь къ любимому соплавателю.

— Чего доктора, — попа бы!.. Гляньте — они ужъ прибираются...

— Не разсуждай, чортъ! Бѣги, куда приказываютъ!..

Вѣстовой исчезъ. Дѣйствительно, теперь Коростелевъ перемѣнилъ позу и, откинувшись на спинку кресла, весь вытянувшись въ полу-лежачемъ, полу-сидячемъ положеніи, судорожно оправлялъ на себѣ китель... Разстегнуть ему воротъ, опрокинуть на голову графинъ воды, поднести къ самому лицу работающій полнымъ ходомъ вентиляторъ—все это были пріемы извѣстные, не требовавшіе времени на соображенія и догадки.— Онъ пересталъ стонать. Въ расширенныхъ, почти округлившихся глазахъ, какъ будто, блеснуло сознаніе...

— Ну, ну! дорогой мой! подбодритесь! сейчасъ придетъ докторъ, дастъ вамъ какой-нибудь дряни и сразу поставитъ на ноги!..

— Ахъ!.. нѣтъ, нѣтъ!.. не то!..—бросалъ онъ отрывистыя слова, скрюченными пальцами то цѣпляясь за горло, то хватая меня за руки,—вы... скажите имъ, чтобъ они... не навинчивали!.. это не та гайка!.. рѣзьба не та!.. не подходитъ!.. они... задушатъ меня!.. не надо!..

Прибѣжалъ докторъ, слѣдомъ за нимъ фельдшеръ, санитары, вѣстовые... Больного увели, вѣрнѣе, унесли въ каюту.

Наутро докторъ заявилъ, что судовая обстановка такъ угнетающе дѣйствуетъ на паціента (а въ этомъ вся суть), что, если его не свезти на берегъ немедленно, то здѣсь—онъ даже за часъ времени не ручается.

— Паровой катеръ къ правому трапу!—приказалъ я унтеръ-офицеру, прибѣжавшему съ вахты на мой звонокъ, а самъ пошелъ къ командиру съ докладомъ о нашей бѣдѣ.

Въ каютъ-компаніи пили утренній чай, но когда, проходя мимо, я бросилъ имъ — „Господа, помогите Коростелеву собраться въ госпиталь“—всѣ, сразу сообразивъ, въ чемъ дѣло, повскакали съ мѣстъ и заторопились.

— Неужели такъ плохо? — ахнулъ командиръ, — скорѣй отправляйте! Бумажонки напишемъ послѣ... Какой человѣкъ! Какой работникъ! Золотыя руки, золотая голова... Если бы уберечь!..

Я доложилъ, что, не сомнѣваясь въ разрѣшеніи съ его стороны, уже отдалъ его именемъ всѣ необходимыя распоряженія.

— Ну, конечно, конечно! И хорошо сдѣлали! Тутъ, можетъ быть, минута дорога!..

Не мало пришлось мнѣ видѣть тяжело-раненыхъ, умирающихъ, но эта затяжная агонія особенно врѣзалась въ память...

Нашъ молодой докторъ (единственный, хотя по штату на крейсерѣ полагалось двое) всю ночь провозился съ больнымъ. Теперь онъ былъ въ сознаніи, но это сознаніе часто прерывалось какимъ-то страннымъ бредомъ на-яву. Онъ разговаривалъ съ окружающими, называлъ ихъ по именамъ, и въ то же время, въ свой разговоръ, вставлялъ фразы, вовсе несообразныя, — выражаясь каютъ-компанейскимъ жаргономъ „несъ какую-то дрянь“.

— Такъ, такъ... вы всѣ такіе милые!.. Говорите —необходимо?.. на травку?.. въ зелень?..—Хорошо, хорошо... Отдохнуть надо! Хорошо на травкѣ!.. Привыкъ къ каютѣ, привыкъ, что и гробомъ будетъ... (Глухіе удары орудійной пальбы донеслись со стороны Лунвантана...)—Слышите? —Заколачиваютъ! Крышку заколачиваютъ!. Не хочу! Не хочу! Помогите!..—Это вы?—Ну, какъ я радъ... мнѣ, Богъ вѣсть что, померещилось...

Ужасно было, что этотъ приговоренный казался порою совсѣмъ бодрымъ. Онъ самъ (хотя не безъ помощи окружающихъ) одѣлся, вышелъ на верхнюю палубу, спустился по трапу въ катеръ. Мы всѣ его провожали. Высыпали наверхъ трюмные, машинисты и кочегары — непосредственные подчиненные Коростелева.

— Прощайте! прощайте!—говорилъ онъ, отчаяннымъ усиліемъ воли сдерживая мѹку удушья.

— До свиданья, голубчикъ!—До свиданья, ваше благородіе!—поправляли его со всѣхъ сторонъ съ особенной настойчивостью.—Скорѣе ворочайтесь!—Богъ дастъ, на травкѣ-то!—Отойдете! — Поработаемъ вмѣстяхъ! — Безъ васъ, какъ безъ рукъ!

Онъ перемогался, кланялся на всѣ стороны и улыбался такъ ласково и такъ... безнадежно, словно, просто, не хотѣлъ спорить съ друзьями, разставаясь съ ними на-вѣки... Вдругъ заволновался, запротестовалъ. — Его хотѣли, вполнѣ естественно, устроить, обложивъ подушками, на широкомъ, кормовомъ, самомъ удобномъ сидѣньи катера.—Тянется на переднее, даже сердится...

— Вѣдь тамъ лучше!

— Нѣтъ, нѣтъ... Пойдемъ — спиной къ „Діанѣ“... самъ строилъ... каждый болтъ— свой... послѣдній разъ... хочу видѣть... до конца... проститься...

И всѣ... какъ то вдругъ почувствовали, что ни къ чему ихъ дѣланно-бодрый тонъ, что не мы его, а онъ насъ подбодряетъ... Все смолкло. Обнажились всѣ головы... Катеръ далъ ходъ и побѣжалъ къ сѣверному берегу Западнаго бассейна. Вотъ—разъ, другой—мелькнулъ надъ нимъ бѣлый платокъ... Замахали фуражками; кто-то крикнулъ „ура“, но его поддержали слабо, — слишкомъ далеко, все равно, не услышитъ...

— Ну? что? — набросились всѣ на доктора, когда онъ. сдавъ больного въ госпиталь, вернулся на крейсеръ.

— Неважно, совсѣмъ плохо... врядъ-ли...

Кругомъ возмутились.

— Тогда зачѣмъ же настаивали на отправкѣ? Пусть бы умеръ здѣсь, у себя, среди своихъ!—Мертваго тѣла боитесь?—Эскулапы казенные!—Номеръ исходящій!..

Докторъ тоже встравился.

— Поймите вы, живоглоты, что это по вашему подбитый корабль самимъ добить нужно, пустить ко дну со всѣми потрохами, чтобы не достался непріятелю, а по нашей присягѣ, если хоть на волосокъ надежды есть, надо спасать! — Самъ „на травку“ просился! Каюта — гробъ! Стрѣляютъ — гвозди вколачиваютъ!.. Убрался изъ этой геройской обстановки—можетъ быть и выживетъ! Бывали случаи...

Коростелевъ скончался въ госпиталѣ въ 1 ч. 30 м. пополуночи 15 іюля, такъ тихо и мирно, что даже дежурившая при немъ сестра милосердія не сразу это замѣтила.

На слѣдующій день состоялись торжественныя похороны.

„Вотъ, — думалось мнѣ, — одна изъ безкровныхъ жертвъ войны... А сколько ихъ, намъ невѣдомыхъ?..“

Въ ночь на 15 іюля наши полевыя войска отступили по всей линіи.

Утромъ, вѣроятно, опасаясь немедленнаго штурма, со всѣхъ судовъ эскадры потребовали на берегъ десантъ, но послѣ полудня его вернули обратно.

Несмотря на мѣры, принимавшіяся начальствомъ для недопущенія въ среду гарнизона вѣстей изъ дѣйствующей арміи, онѣ все же проникали и въ городъ, и въ крѣпость, и на эскадру — черезъ китайцевъ. Мы знали довольно подробно о неудачѣ при Вафаньгоу, а 2 іюля говорили уже объ арріергардномъ дѣлѣ близъ Гай-Чжоу. Дальше—очередь была за Дашичао, т.-е. очищеніе Ньючванга.

Надежды на выручку съ суши отходили въ область мечтаній. Усиленно распространялись слухи о томъ, что въ Кронштадтѣ готовится вторая эскадра, которая со дня на день можетъ выйти въ море, но этому плохо вѣрили. Скептики утверждали, что готовой „эскадры“ у насъ нѣтъ, что собрать, наскоро достроить или отремонтировать нѣкоторое число кораблей, пожалуй, возможно довольно быстро, но для созданія изъ этого сборища „эскадры“—потребуется долгое время. Если же вмѣсто хорошо обученной, тѣсно сплоченной и организованной силы,

по какимъ-либо соображеніямъ, вышлютъ на-спѣхъ нестройную „армаду“, то врядъ ли она дойдетъ до Портъ-Артура.

— За два-три мѣсяца, пока собираются, кой-чему подучатся дома, а затѣмъ—въ дорогѣ! — пытались возражать немногочисленные оптимисты.

— Такъ, такъ!—отвѣчали имъ.—На охоту ѣхать—собакъ кормить. Старое правило! Нѣтъ!—Вотъ японцы 8 лѣтъ кряду натаскивали свою эскадру, не жалѣя кредитовъ на плаваніе!—Результаты сказались!.. Помните изреченіе Макарова, изъ его книги?—„Никогда нельзя надѣяться хорошо сдѣлать на войнѣ то, чего не учились дѣлать въ мирное время“.

Въ общемъ мнѣ казалось (можетъ быть я ошибаюсь), что на почвѣ того недовѣрія къ начальству, о которомъ я уже говорилъ, большинство держалось мнѣнія, что слухи о скоромъ приходѣ второй эскадры имѣли главною цѣлью оправдать наше собственное бездѣйствіе, внушить, что мы „бережемъ“ корабли только до радостной встрѣчи съ ожидаемыми подкрѣпленіями. Этого не высказывали вполнѣ открыто, но это чувствовалось между словъ.

— Какъ только начнется бомбардировка съ суши—конецъ нашей эскадрѣ! А вторая—никакъ не успѣетъ подойти раньше этого момента. Нечего закрывать глаза передъ опасностью! Артуръ обреченъ.—Надо либо спасти эскадру, перейдя во Владивостокъ, либо погубить ее въ бою, нанеся возможный вредъ непріятелю. Но оставлять ее здѣсь, подъ разстрѣломъ—преступно...

Такъ думали многіе.

16 іюля или въ ночь на 17-е (не могу сказать точно—мы жили тогда отрывочными слухами) наши войска очистили и Зеленыя горы, и Дагушанъ, и Волчьи горы. Послѣднія—почти безъ боя, но, какъ разсказывали, съ потерями изъ-за какой-то путаницы, происшедшей при отступленіи, когда наши попали подъ фланговый огонь японцевъ.

17 іюля можно было считать началомъ тѣсной осады крѣпости. Съ утра и до 2 ч. дня „Ретвизанъ“, „Пересвѣтъ“ и „Побѣда“ обстрѣливали перекиднымъ огнемъ долину рѣки Лунхэ, гдѣ непріятель проявлялъ особую дѣятельность.

Ночь на 18-е іюля прошла тревожно. Еще съ вечера были сдѣланы сигналы:—Приготовиться къ ночной стрѣльбѣ.—Имѣть десантъ наготовѣ. — Броненосцамъ съ разсвѣтомъ начать стрѣльбу. — „Новику“, канонеркамъ и миноносцамъ въ 6 ч. утра идти на рейдъ,—и т. д.

Однако японцы на штурмъ не пошли. Возможно, что такая передышка была вызвана условіями погоды: какъ разъ надвинулись почти безпрерывные дожди и туманы.

19 іюля мы опять стали дежурными на внѣшнемъ рейдѣ.

Въ особенно ненастные дни странныя рѣчи приходилось слышать въ каютъ-компаніи. Не обращаясь прямо ко мнѣ, а какъ бы зондируя почву, то тутъ, то тамъ высказывались не то мечты, не то предложенія—„отрясти прахъ отъ ногъ своихъ“, воспользоваться моментомъ, когда ни съ моря, ни съ берега насъ не видно, отдать швартовы и сдѣлать попытку прорваться во Владивостокъ: пропадемъ—такъ пропадемъ, но въ случаѣ удачи, тамъ, вмѣсто снятыхъ, намъ поставятъ новыя пушки, и тамъ мы на что-нибудь еще пригодимся, а здѣсь—что мы такое?—лишній призъ, обезпеченный непріятелю...

Иногда я дѣлалъ видъ, что не слышу, иногда же вынужденъ былъ останавливать мечтателей. Я пояснялъ имъ, что такой поступокъ былъ бы равносиленъ оставленію часовымъ его поста, что командующій эскадрой, конечно, лучше насъ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ, что если онъ не выходитъ въ море, то на основаніи какихъ-нибудь вѣскихъ соображеній, а когда наступитъ благопріятный моментъ,—ему для рѣшительнаго боя потребуются всѣ наличныя силы, дорога будетъ каждая пушка...

Мнѣ не возражали, но я видѣлъ, я чувствовалъ то глухое недовѣріе, съ которымъ встрѣчались слова „рѣшительный бой“, а заявленіе о цѣнности „каждой пушки“ вызвало однажды ироническую реплику—„кромѣ тѣхъ, которыя сняты на берегъ“...

Да! Это была полная деморализація...

За эти же дни выяснилось новое, весьма печальное и тревожное обстоятельство.

Во время обычной ночной стрѣльбы по японскимъ миноносцамъ вдругъ замолчала одна изъ 6-дюймовокъ.

— Что такое? Опять не осмотрѣли? Опять зарядъ разсыпался?—сердито кричалъ командиръ, видя, что пушку разряжаютъ съ дула.

— Нѣтъ, не зарядъ!—раздраженно отозвался съ палубы плутонговый командиръ.—Гораздо хуже! снарядъ не лѣзетъ на мѣсто!..

Оказывается, при спѣшной отправкѣ боевыхъ припасовъ въ Портъ-Артуръ, которому угрожала опасность быть отрѣ-

заннымъ отъ сѣвера, нѣкоторыя партіи снарядовъ посылались либо вовсе некалиброванныя, либо калиброванныя только частью (нѣкоторый процентъ отъ общаго ихъ числа).

Конечно, отправители могли ссылаться на 527 ст. морского устава, по которой артиллерійскій офицеръ, „въ случаѣ несогласія предметовъ съ утвержденными образцами, пріостанавливаетъ пріемъ и докладываетъ командиру“; конечно, артиллерійскій офицеръ могъ указать на физическую невозможность, на отсутствіе всякихъ средствъ, а главное—времени, для тщательной повѣрки боевыхъ запасовъ, принимаемыхъ изъ портовыхъ складовъ на пополненіе израсходованныхъ; конечно, завѣдывавшій артурскими складами совершенно справедливо могъ указать, что вѣдь онъ снаряды принималъ не съ завода, а отъ центральныхъ управленій, что у него тоже не было ни времени, ни средствъ для ихъ калибровки... Словомъ, какъ всегда, виновными оказывались всѣ, т. е. никто, а фактъ оставался фактомъ.

Нашъ артиллерійскій офицеръ былъ крайне озабоченъ этимъ открытіемъ. Снаряды принимались нами по мѣрѣ ихъ расхода и помѣщались въ погребахъ на свободныя мѣста. Разобрать теперь, какіе именно остались отъ пріемокъ до войны, какіе приняты вновь, — оказывалось невозможнымъ. Провѣрить все содержимое погребовъ, въ условіяхъ военнаго времени, нельзя было сразу, а лишь постепенно, выгружая снаряды малыми партіями... Требовалось время, а развѣ мы знали, сколько времени въ нашемъ распоряженіи?—Это зависѣло отъ намѣреній непріятеля...

Не знаю, вслѣдствіе ли небрежной калибровки, или просто вслѣдствіе дурного качества металла оказалось еще, что наши чугунные снаряды (самые дешевые, а потому весьма многочисленные въ боевомъ комплектѣ) часто раскалываются при самомъ вылетѣ изъ дула орудія... Когда при стрѣльбѣ по японскимъ миноносцамъ огонь съ „Гиляка“ приходилось направлять близко мимо нашего мѣста (дежурнаго крейсера), то по утрамъ мы не разъ находили на палубѣ осколки его чугунныхъ снарядовъ. Помимо опасности для сосѣдей, такой снарядъ, расколовшись въ самомъ дулѣ, могъ вывести орудіе изъ строя, а потому послѣдовало распоряженіе: „При стрѣльбѣ чугунными снарядами употреблять практическіе (т. е. половинные) заряды“.

Печальное рѣшеніе въ смыслѣ использованія всей силы своей артиллеріи, но—увы!—неизбѣжное...

20 іюля объявлено было, что всѣмъ добровольцамъ и вольнонаемнымъ служащимъ разрѣшается нарушить контракты и, по способности, уѣзжать изъ крѣпости моремъ, въ Чифу, на китайскихъ джонкахъ...

Плохая примѣта!..

Японцы не проявляли активныхъ дѣйствій, видимо, усиленно занятые постройкой осадныхъ батарей. Суда эскадры, стоя въ бассейнахъ, вели рѣдкую перекидную стрѣльбу, пытаясь помѣшать ихъ работамъ, способствуя сухопутной оборонѣ крѣпости...

Какая иронія!—Флотъ на сухопутномъ фронтѣ...

22 іюля мы смѣнились съ дежурства на рейдѣ и стали на сторожевой постъ въ проходѣ.

X.

Крутой поворотъ въ настроеніи личнаго состава.—Начало конца крѣпости.—Еще загадочный случай.—Наши послѣдніе дни въ П.-Артурѣ.—Выходъ эскадры 28 іюля.—Бой при Шантунгѣ.

Странное дѣло, какъ въ послѣдующіе дни рѣзко измѣнилось настроеніе личнаго состава эскадры. Я часто наблюдалъ такого рода явленія за время минувшей войны и прямо отказываюсь найти имъ какое-либо объясненіе. Почему въ извѣстный моментъ массы относятся съ недовѣріемъ къ открыто высказаннымъ намѣреніямъ тѣхъ, кому онѣ обязаны вѣрить, и кто, de facto, еще ни разу не заслужилъ и тѣни упрека въ какомъ-либо обманѣ? Почему въ другой моментъ тѣ же массы вдругъ преисполняются глубокой вѣрой въ искренность намѣреній своихъ руководителей, притомъ намѣреній, даже не высказанныхъ, а только подозрѣваемыхъ?..—Психологическая загадка, которую предстоитъ разрѣшить въ будущемъ ученымъ изслѣдователямъ. Или... спиритамъ?—Кто знаетъ?..

Не было героическихъ приказовъ о наступленіи, съ призывомъ на помощь силъ небесныхъ; по городу не распространялось сенсаціонныхъ слуховъ; писаря, посланные въ штабъ, не разсказывали по возвращеніи новостей, добытыхъ отъ „вѣрнаго человѣка“...—А въ воздухѣ что-то было!

Въ каютъ-компаніи я опять чувствовалъ себя старшимъ

товарищемъ, отъ котораго не только не сторонятся, но отъ котораго рады выслушать добрый совѣтъ или указаніе, а „наверху“, то-есть въ служебной обстановкѣ, всякое распоряженіе готовы исполнить не только по внѣшности, но и по существу, съ полной охотой, съ полнымъ довѣріемъ...

Какимъ образомъ совершился такой крутой поворотъ въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ? Почему присвоенное мнѣ званіе „начальства“, только что стѣной отгораживавшее меня отъ сослуживцевъ, вдругъ перестало быть помѣхой самому тѣсному общенію? Какъ, отчего рухнула эта глухая стѣна?..

Правда... на нѣкоторые броненосцы ставилась обратно часть 6-дюймовокъ, снятыхъ съ нихъ на линію сухопутной обороны... Но вѣдь намъ всегда твердили, что пушки снимаются только на время исправленія поврежденій, что поставить ихъ на мѣсто —пустое дѣло... Нѣтъ! повторяю—что-то было въ воздухѣ!

Послѣдующія событія показали, что догадки мои были вполнѣ справедливы.

Именно около этого времени адм. Витгефтъ получилъ приказаніе—„идти съ эскадрою во Владивостокъ“. Приказаніе категорическое, отданное именемъ Государя Императора, не допускавшее никакихъ позднѣйшихъ толкованій изъ-за неясности выраженій. Приказаніе столь непохожее на обычныя распоряженія, исходившія отъ намѣстника, въ которыхъ всегда имѣлась спасительная лазейка для ихъ авторовъ на случай неудачи задуманнаго предпріятія.

Поклонники талантовъ адм. Алексѣева, защитники его дѣятельности передъ войной и во время ея, упорно твердятъ, что и до того онъ многократно „категорически“ требовалъ отъ адм. Витгефта „рѣшительныхъ“ дѣйствій.

Представляю дѣло на судъ читателей.

Самое „рѣшительное“ и „категорическое“ предписаніе намѣстника (съ этимъ согласны и его апологеты) было доставлено въ П.-Артуръ 20 іюня миноносцемъ „Лейтенантъ Бураковъ“. Оно заканчивается такими словами:

„Имѣть въ виду, что эскадрѣ можно оставаться въ Портъ-Артурѣ лишь до того времени, пока она въ немъ въ безопасности. Въ противномъ случаѣ—заблаговременно выйти въ море и, *не вступая въ бой, если окажется это возможнымъ, проложить себѣ путь во Владивостокъ* *).

*) Русская Старина за апрѣль и май 1907 г. «Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели».—Бѣломора.

Развѣ такую „директиву“ можно назвать категорическимъ требованіемъ рѣшительныхъ дѣйствій?—Да тутъ, на случай пораженія, что ни слово, то путь отступленія для приказывающаго и ловушка для исполнителя!—Особенно талантливо помѣщена фраза—„если окажется это возможнымъ“.—Къ чему отнести се?—къ возможности избѣжать боя, или къ возможности пройти во Владивостокъ?

25 іюля, можно сказать, отмѣтило собою начало конца Портъ-Артура. Это былъ день первой бомбардировки съ суши. Стрѣлять начали въ 11 ч. 35 м. утра. Какъ тотчасъ же выяснилось—по осмотру неразорвавшихся снарядовъ — работала батарея изъ 120-мм. пушекъ. Очевидно японцы воспользовались опытомъ англо-бурской войны и, въ ожиданіи прибытія настоящей осадной артиллеріи, пустили въ дѣло морскія орудія этого калибра, поставивъ ихъ на полевые лафеты. (Любопытный вопросъ: были ли сдѣланы эти лафеты наскоро, или они были заготовлены еще до войны?). Стрѣляли неравномѣрно, а съ перерывами, группами въ 7—8 выстрѣловъ. Первая серія легла вся на главной улицѣ Стараго города, близъ портоваго лазарета; вторая—нѣсколько западнѣе, на каботажной набережной, поражая находившіеся здѣсь склады угля; третья на портовой площадкѣ у адмиральской пристани, чуть восточнѣе которой стоялъ „Цесаревичъ“. Къ нему-то, видимо, и подбирались! По счастью, удачнымъ оказалось только одно попаданіе: снарядъ разрушилъ на „Цесаревичѣ“ рубку безпроволочнаго телеграфа, въ которой былъ убитъ минеръ-телеграфистъ, а осколками легко ранило въ ногу командующаго эскадрой, к.-а. Витгефта. Около часу дня огонь былъ перенесенъ въ проходъ и велся, какъ и раньше, серіями въ 7—8 выстрѣловъ, и какъ бы уступами отъ S къ N.

Не скрою, что, наблюдая съ мостика за снарядами, разрывы которыхъ образовывали ломаную линію, въ общемъ направлявшуюся къ мѣсту стоянки крейсера,—на сердцѣ было жутко... Но именно жутко, а не страшно. Для людей обстрѣлявшихся, твердо знавшихъ, что „не всякая мина—въ бокъ, не всякій осколокъ—въ лобъ“, это была своего рода азартная игра, гдѣ ставкой являлась жизнь.

Быть убитымъ при бомбардировкѣ—шансъ еще меньшій, чѣмъ взять на номеръ въ рулеткѣ, но какъ въ игрѣ у новичка духъ захватываетъ при мысли, что онъ можетъ однимъ ударомъ выиграть чуть ли не состояніе, такъ на войнѣ, въ

первомъ бою всякій готовъ считать себя заранѣе намѣченной жертвой перваго выстрѣла. Потомъ это проходитъ. Игра дѣлается игрой.

Въ этой игрѣ съ одинаковымъ азартомъ принимали участіе и офицеры, и нижніе чины, упорно, несмотря на запрещеніе, выползавшіе наверхъ „посмотрѣть“.

— Хорошо стрѣляютъ! и главное—въ системѣ!—докторальнымъ тономъ заявлялъ старшій артиллеристъ, протирая стекла бинокля.

— Ого! эта серія кажется черезъ насъ! Смотрите! Смотрите!

Перелетъ и порядочно вправо. То же, но ближе. Третій—почти у правой крамболы...

— Чортъ возьми! Ну-ка!.. Слѣдующій?..

Нѣсколько секундъ глубокаго молчанія (словно когда кружится и постукиваетъ шарикъ по ребрамъ колеса рулетки)... Снарядъ падаетъ и рвется о воду, близъ лѣвой раковины, осыпая бортъ и палубу осколками.

— Не дохватило!— Чуть-чуть не считается! — На этотъ разъ пронесло!—раздаются кругомъ восклицанія, въ которыхъ звучитъ безпечность, почти самодовольство, даже дерзкая насмѣшка надъ неудачей врага, надъ самой судьбой, которая промахнулась, и... чувствуется такое облегченіе... словно человѣкъ, неожиданно окунувшійся въ воду съ головой, вдругъ вынырнулъ и вздохнулъ всей грудью.

Слѣдующіе снаряды той же серіи даютъ систематически увеличивающіеся недолеты, отходящіе влѣво.

Ко мнѣ подходитъ командиръ и недовольнымъ тономъ замѣчаетъ, что съ „Цесаревича“ дважды сигналили—„лишнимъ не быть наверху“, а у насъ на палубѣ „цѣлый базаръ“... Онъ и самъ хорошо сознаетъ силу того побужденія, которое гонитъ людей наверхъ: имъ, уже изрядно обстрѣляннымъ, легче вести игру въ открытую—видѣть и слышать —чѣмъ сидѣть безъ всякаго дѣла внизу и ждать, когда „она“ свалится на голову.

— Вы бы для нихъ что-нибудь придумали...—говоритъ онъ примирительно,—занятіе какое-нибудь, что ли?..

Мнѣ въ голову приходитъ счастливая идея, и вотъ—въ шпилевомъ отдѣленіи, по условіямъ даннаго момента наиболѣе прикрытомъ,—устраивается литературное утро. Мичманъ Щ., талантливый чтецъ, своимъ искусствомъ доставившій командѣ въ тоскливые дни осады не мало свѣтлыхъ минутъ, садится читать „Сорочинскую ярмарку“.

Извѣстіе распространяется по крейсеру; верхняя палуба быстро пустѣетъ, и скоро черезъ форъ-люкъ начинаютъ доноситься взрывы дружнаго смѣха, такъ странно звучащіе среди рѣзкаго, металлическаго лязга рвущихся снарядовъ непріятеля и глухого гула отвѣтныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны...

Я спускался туда раза два—три, и по чести скажу—у нихъ было превесело!..

Наблюдая за бомбардировкой, нельзя было не отмѣтить явленія для насъ весьма благопріятнаго: стрѣляли хорошо, но трубки снарядовъ были неважныя. Я тщательно прослѣдилъ, записывая въ книжкѣ, десять серій, снаряды которыхъ ложились на берегу, т.-е. при паденіи ударялись о грунтъ, и, несмотря на это, изъ общаго числа 76—не разорвалось 32 *).

Стрѣльба продолжалась весь день. На нее отвѣчали и съ сухопутнаго фронта и съ броненосцевъ, но проклятая батарейка была такъ хорошо замаскирована, что сбить ее никакъ не удавалось.

Въ 7 ч. вечера пошелъ дождь, скоро превратившійся въ ливень, который съ небольшими перерывами продолжался до 11 час. вечера.

Передъ закатомъ солнца японцы сосредоточили свой огонь на нашемъ правомъ центрѣ, а затѣмъ, вѣроятно думая воспользоваться ненастьемъ, повели на него энергичную атаку. Звуки орудійныхъ выстрѣловъ слились въ безпрерывный гулъ. Съ фортовъ свѣтили прожекторами, пускали свѣтящіяся ракеты.

Въ тотъ же вечеръ (мы стояли въ проходѣ на сторожевомъ посту) пришлось наблюдать любопытное зрѣлище, такъ и оставшееся неразъясненнымъ.

Около 11 ч. 25 м. въ морѣ, на SO, миляхъ въ 8—10, показался огонекъ, чрезвычайно быстро превратившійся въ огромное пламя, окутанное облаками дыма. Очевидно горѣло какое-то судно. Въ то время какъ мы, тщательно осматривая горизонтъ, пытались разгадать, что случилось,—значительно правѣе пожара, почти на S, блеснулъ яркій свѣтъ, а черезъ

---

*) Впослѣдствіи, во время самой войны, японцы устранили этотъ недостатокъ, и ихъ снаряды рвались великолѣпно.
(См. «Бой при Цусимѣ»).

нѣсколько секундъ донесся глухой ударъ, точно при взрывѣ... Это было мгновенное видѣніе, однако-же наблюдавшееся десятками людей. Послѣ того, какъ ни вглядывались въ этомъ направленіи, какъ ни прислушивались,—мракъ и тишина... Зато на SO пожаръ все усиливался. Неизвѣстный корабль горѣлъ такъ ярко, что даже тучи надъ нимъ окрасились въ багровый цвѣтъ. Самъ ли онъ продолжалъ двигаться, или его постепенно подносило приливнымъ теченіемъ—но разстояніе явственно уменьшалось.

Въ исходѣ 12-го часа видѣли новый взрывъ, на этотъ разъ близъ него.

Около 12 ч. 30 м. ночи, пользуясь его ярко освѣщенной фокъ-мачтой, дальномѣромъ Барра и Струда опредѣлили разстояніе—50 кабельтововъ. Въ трубу можно было хорошо видѣть до-красна раскаленный бортъ съ рядомъ ослѣпительно яркихъ точекъ—очевидно иллюминаторы, черезъ которые вырывалось пламя, бушевавшее внутри. Горящій корабль не шелъ прямо, а дергался вправо и влѣво, поворачиваясь къ намъ то лагомъ, то носомъ, то кормой. Моряку было понятно, что это незримые во тьмѣ спутники и товарищи пытаются взять его на буксиръ... Въ началѣ 2-го часа ночи эти попытки повидимому увѣнчались успѣхомъ: онъ медленно пошелъ влѣво, т.-е. къ сѣверу, и въ 1 ч. 45 мин. скрылся въ направленіи къ Таліенвану. Батареи и сторожевыя суда безмолвствовали...

На мостикѣ „Діаны“ шелъ оживленный обмѣнъ догадокъ и предположеній: какой драмы мы были невольными свидѣтелями?.. За послѣдніе дни китайцы упорно доносили о новой, подготовляемой японцами, отчаянной попыткѣ запереть эскадру въ П.-Артурѣ. Говорили, что теперь брандеры-заградители придутъ не по-одиночкѣ, а группами по четыре, снайтовившись бортъ-о-бортъ цѣпными канатами. Не они ли это наткнулись на минныя банки, которыя въ предыдущія ночи усердно набрасывались нашими миноносцами?.. Но пожаръ?—Несчастье, неосторожность... Во всякомъ случаѣ ясно было, что въ эту ночь японцамъ „не повезло“.

Ночью батареи сухопутнаго фронта изрѣдка пострѣливали, а 26 іюля съ 7 час. 45 м. утра возобновилась бомбардировка города и порта съ суши. Канонерки и миноносцы были высланы на внѣшній рейдъ, гдѣ усиленно работалъ тралящій караванъ.

Въ 9 ч. утра удачный снарядъ непріятеля зажегъ сарай,

въ которомъ находились такъ называемыя „расходныя“ цистерны съ машиннымъ масломъ (въ ю.-з. углу Восточнаго бассейна). Хорошо, что не угодило въ самый складъ смазочныхъ матерьяловъ, бывшій рядомъ. Яркое пламя, увѣнчанное гигантскимъ облакомъ густого чернаго дыма, служило японцамъ прекрасной точкой прицѣливанія, и на него они направили всю силу своего огня. Только въ этотъ день имъ не было удачи. Точно зная направленіе, они немного ошиблись разстояніемъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ упорно сыпали снаряды на сѣверный, совершенно пустой и безлюдный склонъ Золотой горы.

Портовыя и судовыя команды, работавшія на пожарѣ, не понесли никакого урона.

Главный складъ удалось отстоять, а огненную рѣку горящаго масла изъ расходныхъ цистернъ отвести тутъ же прокопанной канавой въ ложбину, гдѣ оно частью сгорѣло, частью было потушено, т.-е. засыпано землей.

Къ полдню прекратился пожаръ, а къ 1 ч. дня внезапно прекратилась и бомбардировка.

„Пересвѣту“ сигналомъ было объявлено „особенное удовольствіе адмирала“. Какъ сообщали, именно ему посчастливилось наконецъ „нащупать“ и заставить замолчать „проклятую батарейку“.

Послѣ полдня и особенно къ вечеру жаркій бой разыгрался въ правомъ центрѣ. Слабый вѣтерокъ, чуть тянувшій отъ N, доносилъ временами сквозь гулъ канонады рокотъ пулеметовъ и трескъ ружейной стрѣльбы. Съ 10 до 10 ч. 30 мин. вечера наступилъ какъ бы періодъ затишья, а затѣмъ борьба возобновилась и продолжалась до полуночи съ особенной силой. По отрывочнымъ извѣстіямъ съ берега—это дрались за обладаніе Дагушаномъ, который нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ результатѣ, на время, онъ оказался ничьимъ. Мы его очистили, а японцы не могли на немъ утвердиться, такъ какъ всю ночь мортирная батарея Золотой горы—регулярно каждые полчаса—бросала на его вершину свою 11-дюймовую бомбу. При такихъ условіяхъ не только что-нибудь строить, но и просто существовать тамъ было совершенно невозможно.

27 іюля съ 8 ч. утра „проклятая батарейка“, видимо оправившись и перемѣнивъ мѣсто, опять начала бомбардировку. Огонь ея былъ по преимуществу направленъ на броне-

носцы, стоявшіе въ Западномъ бассейнѣ. Нѣкоторымъ попало, хотя не серьезно. Опять не повезло „Ретвизану“. У его борта стояла баржа съ двумя 6-дюймовками, возвращенными съ батарей сухопутнаго фронта. Снарядъ угодилъ прямо въ баржу и утопилъ ее вмѣстѣ съ орудіями. Самъ броненосецъ получилъ подводную пробоину, по счастью, не опасную, но все же доставившую ему лишній грузъ въ 400 тоннъ воды, грузъ, въ виду предстоящаго выхода въ море и рѣшительнаго боя, весьма непріятный. Были попаданія въ башни и казематы. Трое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ, въ томъ числѣ командиръ (легко). Бомбардировка и отвѣтная стрѣльба продолжались весь день. Поздно вечеромъ завязалось горячее дѣло на правомъ флангѣ, но ненадолго. Суда эскадры спѣшно грузились углемъ и пополняли запасы. Уже двое сутокъ, какъ японцы не появлялись со стороны моря и не приходили забрасывать внѣшній рейдъ минами.

Ночь на 28 іюля была тихая, жаркая (21° R.), но не душная благодаря слабому вѣтерку, тянувшему съ сѣвера. Закончивъ необходимыя приготовленія къ выходу въ море, всѣ крѣпко спали, набираясь силъ на завтрашній день.

Съ какими чувствами встрѣтили на эскадрѣ зарю 28 іюля,— не знаю и не берусь догадываться, такъ какъ за послѣдніе дни суда почти не имѣли сообщенія между собою. Что касается настроенія, господствовавшаго собственно на „Діанѣ“,— затрудняюсь точно его формулировать. Не было ни того задора, который характеризовалъ собою кратковременный „Макаровскій“ періодъ, ни жажды мести, охватившей всѣхъ въ первый моментъ послѣ гибели „Петропавловска“, ни азарта, вызваннаго опьяненіемъ негаданной удачей 2 мая, ни радостной рѣшимости, съ которой 10 іюня былъ встрѣченъ сигналъ о выходѣ въ море,—все это ужъ было однажды пережито и хотя оставило въ душѣ каждаго глубокій слѣдъ—повториться не могло... Эти хорошо обстрѣлянные люди, десятки разъ видѣвшіе смерть лицомъ къ лицу, готовились къ бою, какъ къ тяжелой, отвѣтственной работѣ.

„Итакъ, рѣшено: завтра утромъ идемъ въ море. Смертный бой. Благослови, Господи!—О себѣ, кажется, мало думаютъ. Надо послужить“.

Эти строки я занесъ въ свой дневникъ, уже ложась спать, наканунѣ выхода.

Былъ еще оттѣнокъ въ настроеніи личнаго состава, о

которомъ умолчать не могу, это—чувство удовлетворенія, сознанія конца глухого разлада, существовавшаго между „начальствомъ“, съ его намѣреніями, и массами, съ ихъ желаніями и надеждами.

За послѣдніе три дня бомбардировки съ суши не разъ приходилось слышать почти злорадныя замѣчанія:

— Небось, теперь поймутъ, что артурскіе бассейны—могила эскадры!

— Могила еще ничего!—подавали реплику наиболѣе озлобленные.—А вотъ если кратковременная смерть и затѣмъ радостное воскресеніе подъ японскимъ флагомъ!—Вотъ это ужъ хуже!..

Извѣстіе о предстоящемъ выходѣ въ море вызвало не энтузіазмъ, а... вздохъ облегченія. Необходимость этого выхода была до такой степени очевидна, массы были такъ проникнуты этимъ сознаніемъ, что упорство „начальства“ порождало среди наиболѣе горячихъ головъ самыя ужасныя подозрѣнія... Иногда казалось, подобно тому, какъ разсказывали про первые моменты послѣ внезапной атаки 26 января, что вотъ-вотъ по эскадрѣ пронесется зловѣщій крикъ—„Измѣна! Начальство насъ продало!..“—А что было-бы дальше?..

Чуть забрезжилъ свѣтъ, начался выходъ эскадры. „Діана“, стоявшая на сторожевомъ посту, пропустивъ всѣхъ мимо себя, тронулась послѣдней въ 8 ч. 30 м. утра.

„Совсѣмъ тихо—и погода, и на позиціяхъ“,—записано въ моемъ дневникѣ.

На востокѣ, въ утренней дымкѣ, смутно виднѣлись „Сикисима“, „Кассуга“, „Ниссинъ“ и отрядъ старыхъ крейсеровъ („Мацусима“, „Ицукусима“ и „Хасидате“), который началъ поспѣшно отходить къ NO.

Въ 8 ч. 50 м. утра съ „Цесаревича“ сигналъ—„Приготовиться къ бою“,—а въ 9 ч. новый—„ФЛОТЪ ИЗВѢЩАЕТСЯ, ЧТО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ПРИКАЗАЛЪ ИДТИ ВО ВЛАДИВОСТОКЪ“.

Этотъ сигналъ былъ встрѣченъ у насъ съ нескрываемымъ одобреніемъ.

— Давно бы такъ!—Молодчина Витгефтъ!—Нѣтъ отступленія!..

Чтобы, по мѣрѣ возможности, ввести непріятеля въ заблужденіе, тралящій караванъ, очищавшій намъ дорогу въ теченіе предшествовавшихъ дней, проложилъ ее по новому направленію, не имѣвшему ничего общаго съ нашимъ курсомъ 10 іюня. Теперь, прямо съ рейда, мы пошли почти вдоль восточнаго берега Ляо-ти-шана и вышли на чистую воду черезъ собственныя минныя загражденія, окружавшія мысъ съ маякомъ.

Въ 10 ч. 30 м. отпустили тралящій караванъ, который пошелъ въ Артуръ подъ охраной канонерокъ и второго отряда миноносцевъ. Командовавшій ими младшій флагманъ поднялъ сигналъ, къ сожалѣнію у меня незаписанный. Сколько помнится—„Богъ въ помощь! Прощайте!“

Когда „Отважный“ съ этимъ сигналомъ проходилъ мимо насъ, всѣ высыпали наверхъ, махали фуражками... У каждаго на сердцѣ была та же мысль— „прощайте!..“ Развѣ не было бы дерзостью сказать—„до свиданья“...

Шли въ боевомъ порядкѣ: впереди „Новикъ“ съ первымъ отрядомъ миноносцевъ, затѣмъ броненосцы съ „Цесаревичемъ“ въ головѣ, наконецъ крейсера, среди которыхъ (увы!) не хватало „Баяна“.

Только что отпустили тралящій караванъ, какъ, повидимому, что-то приключилось съ машинами „Цесаревича“ *), такъ какъ оттуда былъ сигналъ: „Имѣть 8 узловъ хода“.

Это—при прорывѣ блокады!.. Въ виду непріятеля!..

Погода благопріятствовала. Съ востока и съ сѣверо-востока находилъ легкій, низовой туманъ. Артуръ вовсе скрылся изъ виду; ближній берегъ чуть обрисовывался во мглѣ.

Въ 11 ч. 5 м. „Діана“, поворотомъ которой (въ качествѣ концевого корабля) заканчивался поворотъ всей эскадры, легла на курсъ SO 50°, въ кильватеръ головному.

Туманъ стлался вдоль берега, а въ сторону открытаго моря видимость была довольно сносная.

Въ 11 ч. 30 м. утра нѣсколько правѣе нашего курса, очень далеко, обрисовались силуэты 1 броненоснаго и 3 легкихъ крейсеровъ, а лѣвѣе—какіе-то большіе корабли, предшествуемые отрядами миноносцевъ.

---

*) Тамъ, въ этомъ отношеніи, всегда было неладно. Заводъ „Forges et Chantiers de la Mideterranée“ самъ призналъ свою ошибку въ проектированіи машинъ, сдѣлалъ и выслалъ въ Артуръ новые эксцентрики для броненосца, но, на несчастье, началась война, и посылка успѣла добраться только до Шанхая, гдѣ и застряла.

Въ 11 ч. 35 м. правые уходятъ на SW, а тѣ, что были влѣво, какъ будто идутъ на соединеніе съ ними.

Наши, повидимому, увеличили ходъ, такъ какъ мы, чтобы не отставать, должны были держать 10 узловъ.

Въ 11 ч. 50 м. на „Цесаревичѣ“ подняли флагъ К, что означаетъ—„Не могу управляться“—явно опять какое-то поврежденіе. Всѣ застопорили машины. Ждали, когда исправятъ... Тѣмъ временемъ японскіе отряды спѣшили выполнить свой маневръ соединенія...

Въ 12 ч. дня (наконецъ-то!) сигналъ—„Имѣть 13 узловъ“... Пошли, но ненадолго: въ 12 ч. 20 м. „Побѣда“, поднявъ флагъ К, вышла изъ строя... Опять задержка... А непріятель уже соединился, построился, и въ 12 ч. 22 м. раздались первые выстрѣлы съ нашихъ головныхъ броненосцевъ, двигавшихся черепашьимъ ходомъ...

— Боевая эскадра! Цвѣтъ русскаго флота!..—сжимая кулаки, задыхаясь отъ бѣшенства, не говорилъ, а рычалъ мой сосѣдъ на мостикѣ „Діаны“...

И смѣлъ ли я остановить его? сказать ему: „Молчите! Ваше дѣло—исполнить свой долгъ!..“—А если бы онъ отвѣтилъ мнѣ:—„Тѣ, кто создали эту эскадру, исполнили свой долгъ?..“

Да, нѣтъ!.. Что говорить!..—У меня и въ мысляхъ не было его останавливать... У меня, у самого, къ горлу подступали слезы безсильной ярости...

Въ 12 ч. 30 м. „Цесаревичъ“, послѣднее время все болѣе и болѣе склонявшійся къ востоку, вдругъ круто, на 4 R., повернулъ вправо. Оказывается, непріятельскіе миноносцы, сновавшіе туда и сюда, далеко впереди, на курсѣ эскадры, возбудили его подозрѣніе, и, какъ выяснилось, не напрасно. Не брезгая никакимъ, хотя бы самымъ малымъ, шансомъ, они набрасывали намъ по дорогѣ плавающія мины загражденія (безъ якорей). Поворотъ „Цесаревича“ избавилъ эскадру отъ опасности непосредственнаго прохожденія черезъ эту плавучую минную банку, но мы все же прошли отъ нея довольно близко, почти вплотную. Съ „Новика“ (очевидно по приказанію адмирала), державшагося на мѣстѣ и пропускавшаго мимо себя всю колонну, безпрерывно семафорили: „Остерегайтесь плавающихъ минъ!“—Двѣ такія прошли у насъ по лѣвому борту, невдалекѣ. (Вѣрнѣе—мы прошли мимо нихъ).

Обогнувъ минную банку, снова легли на старый курсъ..

Въ 12 ч. 50 м. главныя силы непріятеля („Миказа“, „Сикисима“, „Фудзи“, „Асахи“, „Кассуга“ и „Ниссинъ“), которыя около 20 минутъ держали курсъ почти параллельно нашимъ, ведя рѣдкую перестрѣлку на дальней дистанціи (40—50 каб.), повернули всѣ вдругъ на 16 R. и, сблизившись до 30 каб., разошлись съ нами на контръ-галсахъ.

Это былъ горячій моментъ! Особенно, когда японская колонна круто повернула „подъ хвостъ“ нашей и, недостижимая для пушекъ нашихъ броненосцевъ, всею силою своего огня обрушилась продольно на три концевые крейсера...

Морской уставъ не указываетъ старшему офицеру опредѣленнаго мѣста въ бою, по смыслу же выходитъ, что онъ долженъ быть вездѣ, гдѣ его присутствіе потребуется. На „Діанѣ“, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, рѣшено было, что я буду находиться на верхнемъ переднемъ мостикѣ, гдѣ меня можно увидѣть съ любого пункта верхней палубы, а значитъ и позвать меня, въ случаѣ надобности, и откуда самъ я буду видѣть почти весь крейсеръ, каждое попаданіе въ него непріятельскаго снаряда, а значитъ даже и безъ зова могу поспѣшить къ мѣсту, потерпѣвшему пораженіе. Нельзя не признать, что обсерваціонный пунктъ былъ выбранъ удачно. Я видѣлъ все... Вокругъ концевыхъ крейсеровъ море словно кипѣло. Мы, конечно, бѣшенно отстрѣливались. Безпрерывный гулъ выстрѣловъ собственныхъ орудій, лязгъ рвущихся снарядовъ непріятеля, столбы дыма, гигантскіе взметы водяныхъ брызгъ... Какой безпорядокъ! Какой хаосъ!.. И вмѣстѣ съ тѣмъ—какая... духъ захватывающая красота стихійной мощи!.. Даже крикъ—„носилки“—даже кровь, струившаяся по палубѣ,—не въ силахъ были нарушить этихъ чаръ, казались маленькой, неизбѣжной подробностью... Какъ поразительно ясно работаетъ мысль въ такія минуты! Какъ всѣ и все понимаютъ съ полуслова, по одному намеку, по жесту...

На „Аскольдѣ“ только мелькнули флаги Б и Л *), а крейсера тотчасъ же дали самый полный ходъ и, вѣеромъ, разсыпались влѣво, сразу уйдя со своей невыгодной позиціи подъ разстрѣломъ и получивъ возможность дѣйствовать почти всѣмъ бортомъ.

Хотѣлъ бы я видѣть, сколько сложныхъ сигналовъ потребовалось бы сдѣлать въ мирное время, на маневрахъ, для

*) Б—больше ходъ. Л—держать лѣвѣе.

выполненія такого перестроенія, сколько бы времени оно заняло и какая каша получилась бы въ результатѣ?...

Счастье благопріятствовало, или японцы плохо стрѣляли, но, въ общемъ, намъ повезло: „Діана“, шедшая концевой, вовсе не получила ни одного снаряда полностью и, даже, хотя бортъ, шлюпки, разныя надстройки, вентиляторы, трубы, мачты были испещрены мелкими пробоинами отъ осколковъ,— раненыхъ у насъ было только двое; правда, я видѣлъ, какъ на „Аскольдѣ“ добрый снарядъ угодилъ въ переднюю дымовую трубу, а на „Палладѣ“—въ гребной катеръ правого борта, но и тамъ (какъ сейчасъ же выяснилось дружескими справками по семафору) серьезныхъ потерь и поврежденій не было.

Повидимому, эта первая схватка закончилась въ нашу пользу. Японцы, пройдя у насъ „подъ хвостомъ“, опять повернули къ югу и шли правѣе и сзади насъ, поддерживая рѣдкій огонь съ дальней дистанціи, на который могли отвѣчать только броненосцы.

Въ 1 ч. 30 м. у насъ пробили „дробь“ и командѣ разрѣшено было пить послѣполуденный чай, не отходя отъ орудій.

На палубѣ стоялъ оживленный говоръ, смѣхъ, шутки, „крылатыя слова...“ Но не безъ нѣкотораго, особаго оттѣнка.

— Заснуть, что-ли, пока не застукали?—острилъ молодой матросъ, примащиваясь поудобнѣе и прикрываясь брезентомъ отъ палящихъ лучей солнца.

— А ты не болтай зря! „Она“ все слышитъ!—сурово оборвалъ его старшій товарищъ...

Маленькая, но характерная подробность: обходя батареи, я поздравилъ съ Георгіемъ комендора XV орудія, Малахова, который, будучи раненъ, послѣ перевязки немедленно вернулся къ своей пушкѣ и продолжалъ исполнять свои обязанности.

Странно было видѣть, какъ этотъ человѣкъ, только что смѣло глядѣвшій въ лицо смерти, вдругъ потупилъ вспыхнувшіе радостью глаза и, не то смущенно, не то недовѣрчиво, промолвилъ:—„Это... ужъ какъ начальство“...

Я даже разсердился.

— Какое начальство? Пойми ты, рыбья голова, что по статуту заслужилъ! Тутъ ни командиръ, ни я—ничего не смѣемъ! Начальство не дастъ—до самого Царя дойти можешь! По закону требовать!..

Кругомъ всѣ примолкли, поглядывая не то съ любопыт-

ствомъ, не то съ недовѣріемъ... Кажется, они впервые услышали, что законъ выше воли начальства... Я поспѣшно прошелъ дальше, самъ недоумѣвая, что сдѣлалъ неожиданно вырвавшейся фразой: поддержалъ или подорвалъ дисциплину?..

Около 3 час. дня легли курсомъ SO 62°. Крейсера держались лѣвѣе броненосцевъ, въ разстояніи отъ нихъ 15—20 кабельтововъ, внѣ сферы дѣйствія случайныхъ перелетовъ непріятельскихъ снарядовъ. Шли среднимъ ходомъ, а иногда, чтобы не обгонять главныя силы, вынуждены были давать даже малый.

Въ началѣ 4 часа пополудни стрѣльба прекратилась вовсе. Главныя силы японцевъ, держась позади нашего праваго траверза, удалились на такую дистанцію, что надъ горизонтомъ были видны только ихъ трубы, мостики и возвышенныя надстройки. Что это значило? Можетъ быть они исправляли полученныя поврежденія?.. Во всякомъ случаѣ мы, при 12—13 узлахъ, замѣтно уходили впередъ. Дорога была свободна... Если бы только наши броненосцы могли развить на дѣлѣ ту скорость, которая значилась за ними по данныхъ справочной книжки!..

По сигналу съ „Цесаревича“ командѣ дали ужинать.

Наша колонна сблизилась съ колонной броненосцевъ. Начались переговоры флажками (ручной семафоръ). Спрашивали сосѣдей и пріятелей: что и какъ? Отвѣты получались утѣшительные.

— Кажется посчастливилось!..—не удержался было одинъ изъ самыхъ молодыхъ...

Но его сейчасъ же рѣзко остановили: моряки еще суевѣрнѣе охотниковъ и пуще всего боятся „сглазу“.

Между тѣмъ японцы, оправившись и сдѣлавъ свои дѣла (какія?—кто ихъ знаетъ...), опять начали нагонять насъ.

Въ 4 ч. 15 м. разстояніе было 51 кабельтововъ.

Въ 4 ч. 40 м.—47 кабельтововъ.

Въ 4 ч. 45 м. вновь завязался бой.

Такъ какъ крейсера оказались въ области перелетовъ, имъ было приказано отойти отъ броненосцевъ на прежнюю дистанцію—20 кабельтововъ. Мы повернули „всѣ вдругъ“ на 4 R влѣво, а затѣмъ, удалившись на указанное разстояніе,

опять легли на эскадренный курсъ и въ теченіе $1^1/_2$ часа были только свидѣтелями боя, не принимая въ немъ непосредственнаго участія.

Японскіе крейсера, не только старые, но и три „собачки“ *), и два броненосныхъ (какъ казалось—„Асама“ и „Якумо“) тоже держались въ сторонѣ, словно выжидая исхода поединка главныхъ силъ. Старые съ „Чинъ-Іеномъ“ во главѣ смутно виднѣлись на N, а остальные—на SW.

По моему, за весь день это былъ промежутокъ времени самый тяжелый: сложа руки, смотрѣть, какъ другіе дерутся!..

Надо замѣтить, что японскіе снаряды при разрывѣ давали цѣлыя облака дыму—зеленовато-бураго или чернаго. Каждое ихъ попаданіе не только было отчетливо видно, но въ первый моментъ производило впечатлѣніе какой-то катастрофы. Наоборотъ — только въ бинокль, да и то съ большимъ трудомъ, можно было различить легкое прозрачное облачко, которымъ сопровождался разрывъ нашего, удачно попавшаго, снаряда, снаряженнаго пироксилиномъ или бездымнымъ порохомъ.

Это обстоятельство особенно удручающе дѣйствовало на массу команды, мало знакомой съ техникой артиллерійскаго дѣла.

— Нашихъ-то какъ жарятъ!.. А имъ хоть бы што!.. Словно заговоренные!.. Отступилась Царица Небесная!..—то тутъ, то тамъ слышались скорбныя замѣчанія.

Всѣ бинокли, всѣ зрительныя трубы были пущены въ оборотъ; всѣмъ наблюдателямъ было приказано о всякомъ замѣченномъ попаданіи нашихъ снарядовъ въ японскіе корабли сообщать громко, во всеуслышаніе...

— Нечего на своихъ-то глаза таращить! Безъ потерь нельзя! На то и война! Ты на „него“ смотри! „Ему“ тоже круто приходится! Чья возьметъ—воля Божія!—говорилъ я, обходя батареи.

Однако настроеніе становилось все болѣе и болѣе мрачнымъ... Не скажу, чтобы оно грозило паникой. Нѣтъ. До этого было далеко. Люди были хорошо обстрѣляны, полны рѣшимости драться до послѣдняго. Чувствовалось только, что всѣ они поглощены тревожной думой: „Выдержатъ ли наши?..“— Сомнѣніе... А въ бою сомнѣніе—это ужъ нехорошо...

---

*) «Іосино» къ этому времени уже не существовалъ.

Между тѣмъ, непрерывно наблюдая за боемъ въ бинокль Цейса, оцѣнивая достоинство стрѣльбы по перелетамъ и недолетамъ, я не могъ не признать, что наши комендоры дѣйствовали во всякомъ случаѣ не хуже японскихъ. Мнѣ казалось даже, что наша стрѣльба выдержаннѣе и строже корректируется, а при такихъ условіяхъ, особенно принимая во вниманіе возможность возобновленія боя на завтра,—на нашей сторонѣ было преимущество въ сохраненіи боевыхъ припасовъ. Мнѣ казалось, что иногда японцы слишкомъ горячатся, что они просто „зря бросаютъ снаряды“...

По мѣрѣ развитія боя, сопровождавшагося уменьшеніемъ дистанціи, конечно не могло не сказаться одно весьма важное преимущество непріятеля—полное наличіе его средней и мелкой артиллеріи, тогда какъ у насъ добрая треть 6-дюймовокъ, 75-миллиметровыхъ и вся мелочь остались на сухопутномъ фронтѣ Портъ-Артура...

Еще, чего нельзя отрицать, счастье, удача—были на ихъ сторонѣ...

Наибольшую силу своего огня они, разумѣется, сосредоточили на флагманскихъ броненосцахъ.

Немало снарядовъ угодило въ трубы „Цесаревича“ (эти попаданія были особенно хорошо видны).

Въ 5 ч. 5 м. у „Пересвѣта“ была сбита гротъ-стеньга почти на половинѣ высоты, а въ 5 ч. 8 м. у него же сбита верхушка форъ-стеньги *)... Поврежденіе ничтожное, но всѣмъ видимое. Снарядъ, сбившій верхушку стеньги, это былъ конечно чудовищный перелетъ, совсѣмъ плохой выстрѣлъ... Плохой, но счастливый...

Около того же времени на „Полтавѣ“ перебило найтовы, стоймя поставленной между трубами, стрѣлы для подъема шлюпокъ, и она съ грохотомъ рухнула на лѣвый бортъ... Тоже пустяки. Даже поврежденіемъ назвать нельзя, такъ какъ при подъемѣ шлюпокъ стрѣла нарочно ставится въ такое положеніе. А со стороны—впечатлѣніе громадное...

Въ 5 ч. 50 м. вечера „Цесаревичъ“ неожиданно круто бросился влѣво и такъ накренился, что по крейсеру пронесся

---

*) Читатели увидятъ впослѣдствіи, какую роковую роль сыграли эти сбитыя стеньги, лишившія «Пересвѣтъ» возможности дѣлать сигналы.

крикъ, напомнившій мнѣ моментъ гибели „Петропавловска“... Казалось, онъ переворачивается... *).

По счастью, это только казалось... На нѣсколько мгновеній я, да кажется и всѣ окружающіе, забыли и о себѣ, и о „Діанѣ“... Вся жизнь, всѣ силы души перешли въ зрѣніе, были прикованы къ наблюденію за тѣмъ, что происходило въ средѣ броненоснаго отряда...

„Ретвизанъ“, первоначально послѣдовавшій за „Цесаревичемъ“, тотчасъ же увидѣлъ, что это случайный выходъ изъ строя изъ-за поврежденія, и повернулъ обратно не только на старый курсъ, но даже на сближеніе съ японцами. Казалось, онъ хочетъ таранить непріятеля.

„Побѣда“—осталась на прежнемъ курсѣ. „Цесаревичъ“, описывая крутую циркуляцію влѣво, прорѣзалъ строй между „Пересвѣтомъ“ и „Севастополемъ“, словно раздѣляя послѣднее намѣреніе „Ретвизана“ и собираясь таранить. „Севастополь“, избѣгая столкновенія съ нимъ, также повернулъ къ югу. Къ югу же повернулъ и „Пересвѣтъ“, видимо еще не рѣшившій, какъ дѣйствуетъ флагманскій корабль—сознательно или лишившись способности управляться?.. „Полтава“—шла старымъ курсомъ.

Одно время казалось, что готовится рѣшительный ударъ. Въ моей книжкѣ записано: „6 ч. 5 м. наши броненосцы строемъ фронта идутъ на непріятеля“... но зачеркнуто, и дальше—„Нѣтъ.—Кажется ложатся старымъ курсомъ и строемъ. Порядокъ—Ретвизанъ, Побѣда, Пересвѣтъ, Севастополь, Цесаревичъ, Полтава“... тоже зачеркнуто и поперекъ написано—„Ошибка. Никакого строя. Въ безпорядкѣ“.

Первая запись соотвѣтствовала обстоятельствамъ, сопровождавшимъ внезапный выходъ „Цесаревича“ изъ строя; вторая—тому моменту, когда онъ, управляясь машинами, пытался занять мѣсто въ строѣ между „Севастополемъ“ и „Полтавой“, которая шла концевой и сильно оттянула, а третья—моменту полнаго разстройства, когда никто не зналъ, кто командуетъ эскадрой и куда ведетъ ее...

---

*) Кренъ получился оттого, что японскій снарядъ, удачно попавшій въ самую боевую рубку, все въ ней разрушилъ, всѣхъ перебилъ, причемъ никѣмъ не управляемый и къ тому же поврежденный рулевой приводъ положилъ руль «на-бортъ», а отъ внезапнаго положенія руля «на-бортъ» броненосецъ получалъ кренъ до 12°.

Затѣмъ броненосцы начали разновременно и безпорядочно ворочать на обратный курсъ.

У меня записано: „6 ч. 10 м. наши броненосцы идутъ на NW... 6 ч. 20 м. идемъ нестройно куда-то на W... Разобрали сигналъ „Цесаревича“—„Адмиралъ передаетъ начальство...“

Никакихъ другихъ сигналовъ мы не видѣли *), совершенно терялись въ догадкахъ о томъ, что предполагается предпринять, а главное—кто принялъ начальство?..

Несомнѣннымъ являлось только, что адмиралъ В. К. Витгефтъ и его непосредственный замѣститель въ бою—начальникъ штаба к.-адм. Матусевичъ—оба выведены изъ строя, но живъ ли слѣдующій по старшинству к.-адм. князь Ухтомскій?.. Правда, на „Пересвѣтѣ“ стеньги были сбиты, но развѣ нельзя было поднять адмиральскій флагъ на ихъ обломкахъ, на марсахъ, на трубѣ, вообще на какомъ-нибудь примѣтномъ мѣстѣ?.. Если нѣтъ флага—вѣроятно, нѣтъ и флагмана!.. А тогда командующимъ эскадрой оказывался начальникъ отряда крейсеровъ, к.-адм. Рейценштейнъ... тогда броненосцы идутъ либо безъ всякаго начальства, либо ихъ ведетъ временно, до соединенія съ крейсерами, старшій изъ командировъ...

Прошу читателей извинить несвязность моего изложенія. Я хочу держаться возможно ближе къ тексту тѣхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыя я заносилъ въ мою записную книжку въ самый моментъ совершавшихся событій. Эти замѣтки кажутся мнѣ особенно цѣнными тѣмъ, что онѣ—не воспоминанія, а какъ бы моментальные снимки дѣйствительности...

Когда „Цесаревичъ“ неожиданно бросился влѣво, „Аскольдъ“ (флагманскій крейсеръ) тоже круто повернулъ къ сѣверу, но, какъ только выяснилось, что это не маневръ, а выходъ изъ строя, какъ только стало очевиднымъ, что броненосный отрядъ пришелъ въ разстройство, которымъ можетъ воспользоваться непріятель,—контръ-адмиралъ Рейценштейнъ рѣшительно повелъ свои крейсера на соединеніе съ броненосцами. Мы всѣ сразу поняли его мысль: принять непосредственное участіе въ бою, хотя и слабыми, но свѣжими силами поддержать броненосцы, дать имъ время оправиться...

---

*) Изъ-за сбитыхъ стенегъ, к.-а. князь Ухтомскій вынужденъ былъ поднять сигналъ —«Слѣдовать за мной»—на поручнѣ мостика. Даже ближайшіе сосѣди не сразу его замѣтили, что и было главной причиной замѣшательства.

Они шли куда-то на NW нестройной кучей, обгоняя другъ друга, отстрѣливаясь такъ безпорядочно, что иные снаряды ложились близъ насъ, спѣшившихъ къ нимъ на выручку...

А подъ кормой у нихъ проходили, склоняясь къ NO, главныя силы непріятеля—кильватерная колонна изъ шести броненосныхъ кораблей, на тѣсныхъ, ровныхъ интервалахъ, словно не въ бою, а на маневрахъ...

„Такъ ли? Не обманываетъ ли разстояніе? Можетъ быть они потерпѣли не меньше нашихъ? Можетъ быть двухъ-трехъ удачныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны было бы достаточно, чтобы ихъ привести въ разстройство, ихъ заставить покинуть поле сраженія? Почему они уходятъ? Почему не пробуютъ добить, разгромить отступающаго врага? Не могутъ? Не смѣютъ?..“

Эти отрывочныя мысли назойливо лѣзли въ голову, но я гналъ ихъ... упорно гналъ. Какой-то туманъ стоялъ передъ глазами, и сердце было полно однимъ желаніемъ—скорѣе подойти, скорѣе открыть огонь, чтобы грохотомъ собственныхъ орудій заглушить это ужасное сознаніе, въ горячкѣ боя забыть это страшное слово — РАЗБИТЫ, ОТСТУПАЕМЪ...

Тяжело вспоминать... Но надо говорить по порядку. Вѣдь тогда я же записывалъ все съ указаніемъ часовъ и минутъ...

Около 7 ч. вечера мы примкнули справа къ броненосному отряду, который какъ будто пытался выстроиться въ линію кильватера. Головнымъ шелъ „Ретвизанъ“. Опять тотъ же вопросъ: Кто ведетъ? Кто командуютъ эскадрой?..

На „Аскольдѣ“ былъ поднятъ сигналъ—„Быть въ строѣ кильватера“—безъ позывныхъ.

Къ кому относился этотъ сигналъ? Къ намъ ли только (крейсерамъ), или же, нигдѣ не видя флага, нашъ флагманъ вступалъ въ командованіе всей эскадрой и дѣлалъ сигналъ общій?

Судя по тому, что „Аскольдъ“, не ожидая, пока примкнутъ къ нему другіе два крейсера, далъ полный ходъ и обогналъ эскадру, какъ бы желая выйти подъ носъ „Ретвизану“ и стать головнымъ—скорѣе можно было предположить послѣднее. Вѣроятно такъ же думалъ и командиръ „Паллады“, которая не только не увеличила хода, чтобы слѣдовать за „Аскольдомъ“, но даже уменьшила его съ явнымъ намѣреніемъ пропустить эскадру мимо себя и вступить на свое мѣсто по диспозиціи—въ кильватеръ концевому броненосцу. Наше мѣсто въ строѣ было—въ кильватеръ „Палладѣ“. Съ нетерпѣніемъ ждали дальнѣйшихъ распоряженій...

Выйдя подъ носъ „Ретвизану“, „Аскольдъ“, опять безъ позывныхъ, сдѣлалъ сигналъ—„Слѣдовать за мной“—и началъ круто ворочать влѣво. Мы поняли этотъ сигналъ и этотъ маневръ, какъ намѣреніе повернуть эскадру въ море, снова повести ее на непріятеля, видимо уже неискавшаго боя...

На мостикѣ „Діаны“ послышались радостныя восклицанія, привѣтствовавшія смѣлое рѣшеніе, но радость была непродолжительна и тотчасъ же смѣнилась недоумѣніемъ и тревогой... „Ретвизанъ“ продолжалъ идти прежнимъ курсомъ; броненосцы не послѣдовали за „Аскольдомъ“, а самъ онъ, работая полнымъ ходомъ, съ тѣмъ же сигналомъ на мачтѣ, словно летучій голландецъ, пронесся мимо, расходясь съ эскадрой на контръ-галсахъ и направляясь къ югу...

— Значитъ, не онъ командуетъ эскадрой!—воскликнулъ командиръ.—Но мы-то должны идти за нимъ!

Обогнать броненосцы и повернуть у нихъ подъ носомъ, какъ это сдѣлалъ „Аскольдъ“, намъ, съ нашей скоростью, было бы слишкомъ долго, а потому командиръ, ни минуты не колеблясь, рѣшилъ прорѣзать ихъ нестройную толпу.

Несмотря на тяжесть переживаемаго момента, я не могъ не любоваться спокойствіемъ и увѣренностью, съ которыми онъ выполнилъ этотъ рискованный маневръ.

Однако, первый моментъ недоумѣнія, когда броненосцы не пошли за „Аскольдомъ“, затѣмъ прорѣзываніе строя,—все это заняло время—добрыхъ 10—15 минутъ—и, выйдя на чистую воду, мы увидѣли нашего флагмана далеко на югѣ, скрывающагося за горизонтомъ въ перестрѣлкѣ съ непріятельскими крейсерами...

Командиръ сохранялъ по внѣшности полную невозмутимость и только нервно пощипывалъ бородку.

— Ну, какъ я буду „слѣдовать за нимъ“ съ нашими 17 узлами!—проговорилъ онъ сквозь зубы и, вдругъ, махнувъ рукой, рѣзко скомандовалъ:—Право руля!

„Діана“ круто повернула влѣво и вступила въ кильватеръ „Палладѣ“, которая даже и не попыталась слѣдовать за „Аскольдомъ“ *).

Въ 7 час. 20 мин. мы были атакованы съ сѣвера отрядомъ

---

*) Придя въ Шанхай, к.-ад. Рейценштейнъ доносилъ по телеграфу, что, сдѣлавъ сигналъ «слѣдовать за мной», развилъ скорость 20, а затѣмъ 22 узла, и съ тѣхъ поръ «Паллады» и «Діаны» не видалъ... Немудрено!

„Чинъ-Іенъ“, „Мацусима“, „Ицукусима“ и „Хасидате“; съ востока подошли отдѣлившіеся отъ главныхъ силъ „Касуга“ и „Ниссинъ“, а съ юга насѣли „собачки“.

Ну, для этой компаніи мы были еще достаточно сильны. Добить насъ имъ не удалось, и послѣ короткаго жаркаго боя на дистанціи не свыше 20 кабельтововъ непріятель поспѣшно ретировался.

Въ этой схваткѣ „Діанѣ“ не посчастливилось.

Я стоялъ на моемъ обсерваціонномъ пунктѣ, на верхнемъ мостикѣ, когда увидѣлъ поднявшійся на правомъ шкафутѣ гигантскій столбъ чернаго дыма и тотчасъ же поспѣшилъ къ мѣсту происшествія.

Оказалось, что снарядъ угодилъ въ стрѣлу Темперлея, лежавшую на дымовомъ кожухѣ, разбилъ ее, изрѣшетилъ осколками ближайшіе вентиляторы, дымовую трубу, самый кожухъ, палубу, перебилъ отростокъ трубы пожарной помпы (это было на пользу) и вывелъ изъ строя 17 человѣкъ—5 убитыхъ на мѣстѣ (въ томъ числѣ мичманъ Кондратьевъ) и 12 раненыхъ *).

Не могу, при этомъ случаѣ, не похвастать постановкой службы на крейсерѣ. Несмотря на всю поспѣшность, съ которой я спускался съ верхняго мостика и бѣжалъ по палубѣ, къ моменту моего прибытія все уже было сдѣлано. Я увидѣлъ только послѣднія, скрывающіяся въ офицерскій люкъ, носилки; убылые номера орудійной прислуги уже были замѣнены людьми съ лѣваго (не стрѣлявшаго) борта; пушки, счастливо не получившія никакихъ поврежденій, поддерживали энергичный огонь, а мичманъ Щ., за смертью Кондратьева вступившій въ командованіе средней батареей, сердито размахивалъ грязной щеткой для подметанія палубы и этимъ грознымъ оружіемъ гналъ на лѣвый бортъ, подъ прикрытіе отъ осколковъ, излишнихъ добровольцевъ, стремившихся замѣнить убитыхъ и раненыхъ, чтобы принять личное участіе въ бою...

— Лишніе, прочь!—скомандовалъ я, бросаясь къ нему на подмогу.

И передъ окрикомъ „старшого“ наши молодцы, только что добивавшіеся права стать со смертью лицомъ къ лицу, поспѣшно и послушно разошлись по своимъ мѣстамъ...

---

*) На другой день среди обломковъ мы нашли донышко этого снаряда съ маркой 18 s/m.—Очевидно, былъ полученъ съ «Касуги» или «Ниссинъ», которые одни имѣли такую артиллерію.

Мнѣ ничего не пришлось ни указывать, ни приказывать, а только одобрить то, что уже было сдѣлано, послѣ чего я пошелъ въ боевую рубку доложить командиру о результатахъ попаданія, но едва ступилъ на нижній мостикъ, гдѣ помѣщалась броневая рубка, какъ изъ нея до меня долетѣли слова доклада (кажется, говорилъ мичманъ С.)—„...подводная... подъ лазаретомъ“...—и рѣзкій голосъ командира: —„Доложите старшему офицеру!.. Скорѣй!..“

— Есть! Слышу!—крикнулъ я, что было мочи, въ просвѣтъ между броней и крышей рубки и, почти скатившись съ трапа, побѣжалъ на ютъ.

— Палубный дивизіонъ *)! за мной!

— Здѣсь! Здѣсь! Всѣ—тутъ!—отозвался старшій боцманъ.

Чтобы не утруждать читателей передачей различныхъ догадокъ и предположеній, которыя во время боя и тотчасъ послѣ него высказывались по поводу характера и размѣровъ подводной пробоины, полученной „Діаной“,—позволю себѣ забѣжать впередъ и вкратцѣ изложить то, что выяснилось по вводѣ крейсера въ докъ для исправленія.

10-дюймовый снарядъ попалъ въ подводную часть крейсера съ правой стороны подъ очень острымъ угломъ въ направленіи отъ носа къ кормѣ и сверху внизъ, какъ разъ въ пространствѣ между скатомъ броневой палубы и обыкновенной желѣзной палубой, служившей поломъ аптеки, лазарета и судовой канцеляріи. Снарядъ какъ бы разорвалъ бортъ продольной щелью, длина которой была около 18 футъ, а наибольшая высота достигала 6 футъ. Благодаря тому, что ударъ пришелся продольно, вся сила его израсходовалась на разрушеніе

*) По старой терминологіи «палубнымъ дивизіономъ» называлось небольшое число людей съ боцманомъ во главѣ, находившихся въ распоряженіи старшаго офицера и во время боя занимавшихся тушеніемъ мелкихъ пожаровъ, исправленіемъ незначительныхъ поврежденій. Въ Портъ-Артурѣ при Макаровѣ эти «дивизіоны» были значительно усилены, снабжены всѣми необходимыми средствами для задѣлки пробоинъ и спеціально обучались этому дѣлу. Въ составъ ихъ входили наиболѣе опытные и расторопные люди, какъ-то: боцмана, лучшіе унтеръ-офицеры и марсовые, а также спеціалисты и мастеровые—водолазы, плотники, парусники, слесаря, кузнецы и т. п. Названіе осталось старое.

борта. Броневая палуба дала только небольшую течь, а главное—не была разрушена легкая желѣзная палуба, находившаяся выше броневой. Эта палуба спасла крейсеръ, воспрепятствовавъ водѣ немедленно хлынуть во внутреннія его помѣщенія. Правда, она не могла бы долгое время сопротивляться напору извнѣ; ее тотчасъ же начало выпучивать, рвать по швамъ... Но это былъ выигрышъ драгоцѣнныхъ минутъ, въ теченіе которыхъ мы успѣли ее подкрѣпить, зажать подпорами, словомъ—локализировать вторженіе въ нѣдра корабля самаго грознаго его врага—забортной воды!..

Первое, что я увидѣлъ, сбѣжавъ внизъ, это—раненыхъ и больныхъ, которыхъ докторъ, фельдшера и санитары выносили и выводили изъ угрожаемыхъ помѣщеній. Опасность была слишкомъ очевидна. Метлахскія плитки, которыми была выстлана палуба въ лазаретѣ и въ аптекѣ, съ трескомъ отскакивали со своихъ мѣстъ, а изъ-подъ нихъ съ шипомъ и свистомъ вырывались струйки воды. Каждое мгновеніе швы могли окончательно разойтись и палуба—вскрыться... Трюмный старшина, завѣдывавшій кормовымъ отсѣкомъ, и его подручные тотчасъ вслѣдъ за ударомъ снаряда уже начали ставить подпоры. Имъ помогали нѣкоторые изъ числа легко раненыхъ. Съ прибытіемъ дивизіона работа закипѣла...

Надо ли говорить о томъ, какъ работали? съ какимъ искусствомъ, съ какой силой сыпались удары тяжелыхъ молотовъ на клинья, которыми крѣпились подпоры? Вѣдь эти клинья, зажимавшіе расходившіеся швы палубы, удерживали само море, мощному напору котораго не могли противостоять надорванныя желѣзныя заклепки... Борьба шла на жизнь и на смерть. Двери въ непроницаемыхъ переборкахъ были задраены; выхода наверхъ не было; побѣди море—мы были бы первыми его жертвами... Сильно мѣшала правая кормовая 6-дюймовка, находившаяся прямо надъ нами. Отъ ея выстрѣловъ палубы такъ сильно вибрировали, что клинья сдвигались со своихъ мѣстъ, часто самыя подпоры грозили рухнуть, и ихъ приходилось поддерживать съ боковъ раскосинами... А чуть гдѣ ослабѣвало крѣпленіе—тотчасъ же появлялась вода. — „Хоть бы подбили эту проклятую

пушку!" — мелькнуло въ головѣ преступное пожеланіе... и вдругъ—она замолкла... Дѣло пошло быстрѣе.

Мы одолѣли.

— Теперь ужъ не пустимъ!—торжествующе воскликнулъ трюмный старшина, топая ногой по палубѣ.

— Наша взяла!—подтвердилъ боцманъ.

— Ну, вы не сглазьте!—остановилъ я ихъ ликованія.— Еще накликаете чего добраго!..

Сколько времени мы работали? Подъ первымъ впечатлѣніемъ мнѣ показалось, что нѣсколько секундъ, но, оглянувшись на выполненную работу, припомнивъ различные ея эпизоды, я впалъ въ другую крайность и рѣшилъ, что прошло не менѣе получаса, а то и больше... Посмотрѣлъ на часы—они подмокли и остановились...

Лазаретъ, ванна, аптека, судовая канцелярія—представляли собою какую-то фантастическую колонаду. Подъ ногами была желѣзная палуба—плитки, ее покрывавшія, частью сами отскочившія, частью сорванныя при работѣ обнаженія швовъ, лежали безпорядочными кучами. Вода стояла по-щиколотку, но прибыль ея успѣшно откачивали такими примитивными средствами, какъ ведра и брандтспойты. Она только просачивалась черезъ швы покоробленныхъ листовъ, да черезъ заклепки, частью надорванныя, частью вовсе вылетѣвшія изъ гнѣздъ. Такія дыры, если онѣ были одиночныя, просто заколачивали деревянными пробками, тамъ же, гдѣ ихъ былъ цѣлый рядъ,—клали подушку или матрасъ, сверху—доску, а затѣмъ ставили подпору и зажимали, подгоняя клинья... Это были ужъ мелочи: не борьба съ пробоиной, а прекращеніе течи. Поручивъ эту работу трюмному механику, приказавъ ему же затопить соотвѣтственные кофердамы лѣваго борта для уничтоженія крена, оглядѣвъ сосѣднія отдѣленія и опросивъ—все ли благополучно?—я пошелъ наверхъ съ докладомъ къ командиру.

Выйдя на палубу, я случайно оказался какъ разъ у правой кормовой 6-дюймовки и сразу понялъ, почему она такъ своевременно перестала стрѣлять: ее разряжали съ дула, пытаясь вытолкнуть обратно снарядъ, въ горячкѣ боя особенно энергично посланный на мѣсто и крѣпко сѣвшій въ нарѣзы.

— Что такое?

— Некалиброванный попался, ваше высокоблагородіе!— почти со слезами выкрикнулъ комендоръ...

„Нѣтъ худа безъ добра!“—думалъ я, отходя прочь.—„Не случись этой дряни—врядъ ли бы мы внизу справились...“

Мой докладъ командиру, котораго я нашелъ въ боевой рубкѣ, весь полный техническихъ терминовъ и опредѣленій, былъ бы не только не интересенъ, но и непонятенъ большинству читателей, а потому я его опускаю.

Здѣсь я справился о времени. Было 7 ч. 40 м. вечера. Справился о курсѣ—NW 30°. Вышелъ на крыло мостика и оглядѣлся. Шли нестройно. Не то—кильватеръ, не то—двѣ колонны. Головнымъ „Ретвизанъ“, мы—концевыми, а впереди насъ—„Паллада“,—„Ретвизанъ“ и еще кто-то, шедшій за нимъ (не „Побѣда“ ли?) провожали рѣдкимъ огнемъ непріятельскіе крейсера, поспѣшно уходившіе на сѣверо-востокъ.

Я вынулъ памятную книжку и при свѣтѣ зари началъ записывать...

— Окончательно! теперь ужъ—окончательно! —раздался неподалеку голосъ, звенѣвшій негодованіемъ.

Я обернулся. На мостикѣ стояла группа офицеровъ.

— Что такое? Что—„окончательно?“—спросилъ я.

— Окончательно возвращаемся въ П.-Артуръ! Торжественно шествуемъ на погребеніе эскадры!..

— Тише! Команда слушаетъ!—проговорилъ я вполголоса и затѣмъ громко:—Почему? Что за вздоръ? Пополнимъ запасы, исправимъ поврежденія и снова пойдемъ въ море! Развѣ не видите, какъ нерѣшительно дѣйствуетъ непріятель? Имъ попало навѣрно не меньше нашего! Намъ до Артура—100 миль, а имъ до Сасебо—500 съ лишнимъ!

(Надо ли сознаваться, что я самъ не вѣрилъ тому, что говорилъ? что это возвращеніе самому мнѣ представлялось похоронной процессіей?).

— Полноте! Полноте!—заговорили всѣ вдругъ, перебивая одинъ другого.—Если поврежденія незначительны—нечего возвращаться, а если значительны, то гдѣ-жъ ихъ исправить въ Артурѣ, да еще при бомбардировкахъ съ суши, когда, что ни день, то новыя поврежденія?—Да и дойдутъ ли еще?!—миноносцы такъ и лѣзутъ!—Что, миноносцы!—вѣдь идутъ напрямикъ и черезъ наши и черезъ японскія минныя банки.—Не каждый разъ Богъ пронесетъ, какъ 10 іюня!—Все—на Николу-Угодника!—Запасы?—Да намъ ихъ не только не дадутъ, а еще и наши остатки отберутъ для крѣпости!—Насъ-то ужъ ни въ какомъ случаѣ чинить не станутъ!—Просто перепишутъ

всѣхъ въ морскую пѣхоту!—Пушки снимутъ на батареи, а самый крейсеръ...—Крейсеръ—въ видѣ безплатной преміи японцамъ при сдачѣ крѣпости!—Еще поплаваетъ подъ японскимъ флагомъ!— With compliments!—Ха-ха-ха!..

Смѣялись нервно, говорили громко и рѣзко, съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы слышалъ командиръ...

Онъ вышелъ изъ боевой рубки на крыло мостика. Видъ, какъ всегда, невозмутимый, почти безпечный. Все стихло. Кругомъ воцарилось напряженное безмолвіе.

— Покойный адмиралъ,—заговорилъ онъ, словно читая по книгѣ,—показалъ сигналомъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ПРИКАЗАЛЪ идти во Владивостокъ, а нашъ флагманъ ушелъ на югъ съ сигналомъ „слѣдовать за мной“. Какъ только стемнѣетъ, мы отдѣлимся отъ эскадры и пойдемъ во Владивостокъ, если можемъ это сдѣлать. Надо—маршрутъ, и надо спросить механиковъ, хватитъ ли угля...

Никто не посмѣлъ громко высказать своего одобренія, но оно чувствовалось...

Маршрутъ былъ тотчасъ же намѣченъ: обогнуть Кельпартъ съ юга; располагать скоростью такъ, чтобы къ восточной его оконечности подойти къ закату солнца; тутъ дать самый полный ходъ и за ночь, кратчайшимъ путемъ проскочить Корейскій проливъ; если удастся—къ разсвѣту будемъ въ Японскомъ морѣ, внѣ вида береговъ какъ Кореи, такъ и Цусимы; дальше—идти во Владивостокъ, какъ Богъ дастъ... Старшій механикъ удостовѣрилъ, что на 12 часовъ самаго полнаго хода и на остальной путь экономическимъ (10 узловъ) ходомъ у него угля хватитъ, даже съ запасомъ на всякій случай...

XI.

Прорывъ «Діаны».—Сюрпризъ съ углемъ.—«Мои приказанія должны быть въ точности исполнены. Надѣюсь?..»—Походъ на югъ.—Конецъ боевой службы «Діаны».

Около 8 час. вечера мы еще различали, хотя смутно, легкіе крейсера японцевъ, державшіеся въ SW четверти, на S—два броненосные крейсера, на Ost—медленно удаляющіяся главныя силы непріятеля, а на NO—„Чинъ-Іенъ“ и К°.

Отъ SO, именно въ томъ направленіи, куда намъ слѣдовало взять курсъ,—надвигались многочисленные отряды миноносцевъ.

На мостикѣ составилось нѣчто вродѣ военнаго совѣта. Рѣшили прорываться... на S0. На первый взглядъ странное рѣшеніе. На дѣлѣ однако же оно себя оправдало. Мотивы были такіе: японскіе миноносцы навѣрно не ожидаютъ такого „трюка“ и къ нему не подготовлены; въ темнотѣ они легко могутъ принять „Діану“ за „Якумо“ и предположить, что крейсеръ посланъ съ донесеніемъ въ Японію; если же мы изберемъ другую дорогу и встрѣтимся съ крейсерами или броненосцами, то наше инкогнито будетъ немедленно раскрыто; завяжется ночной бой, и тутъ ужъ на насъ бросится вся свора. Слѣдующій вопросъ былъ: какъ поступать со встрѣчными миноносцами, по отношенію къ которымъ явится подозрѣніе, что они насъ опознали и собираются атаковать?.. Тутъ я сдѣлалъ предложеніе, которое въ первый моментъ вызвало общее недоумѣніе и едва-ли не заставило нѣкоторыхъ усумниться въ моей правоспособности...—Я предложилъ—ничего не предпринимать, такъ какъ, открывъ прожектора, начавъ стрѣлять по какому-нибудь миноносцу, мы тѣмъ самымъ навлечемъ на себя атаку цѣлой минной флотиліи; между тѣмъ противъ массовой атаки—мы безпомощны; кормовыя 6-дюймовки дѣйствовать не могутъ, такъ какъ грозятъ разрушеніемъ всей постройки, ограждающей пробоину, а тогда... словомъ про оборону съ кормы и говорить нечего, а съ борта—мы имѣемъ по двѣ 6-дюймовки и по десяти 75 мм.—этого мало...

— Такъ что, если даже онъ мину выпуститъ, все-таки не свѣтить и не стрѣлять!?.

— Конечно! Вѣдь онъ можетъ опознать крейсеръ только на самой близкой дистанціи и тутъ, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, долженъ на глазъ опредѣлить всѣ данныя для установки прицѣла—нашъ курсъ, ходъ... Легко ли это! Какова вѣроятность попаданія? Самая ничтожная... А послѣ промаха когда еще онъ успѣетъ развернуться, обогнать насъ и снова пойти въ атаку? Да и не найдетъ въ темнотѣ!.. А начните свѣтить и стрѣлять—не только онъ найдетъ снова, а и еще десятки сбѣгутся со всѣхъ сторонъ!.. Вотъ если ему посчастливится—мы конечно съ нашей пробоиной не выдержимъ миннаго взрыва, потонемъ—тогда жарьте во всю! Хоть чѣмъ-нибудь досадить на прощанье!..

Командиръ рѣшительно сталъ на сторону моего мнѣнія и отдалъ соотвѣтственныя приказанія.

— Хотя, знаете ли, это совсѣмъ новый способъ отражать

минныя атаки,—говорилъ онъ, посмѣиваясь,—кажется мы первые его испробуемъ...

— И я убѣжденъ, что удастся!

— Поживемъ—увидимъ... или нѣтъ: доживемъ—увидимъ!

Въ началѣ 9-го часа „Діана“ положила лѣво руля и, отдѣлившись отъ эскадры, пошла намѣченнымъ курсомъ.

За нами увязался какой-то миноносецъ. Спросили — „Кто?“—Отвѣтилъ—„Грозовой“.

Это только способствовало осуществленію нашего плана. Всякій японецъ могъ подумать: идетъ крейсеръ, похожій на „Якумо“, и при немъ миноносецъ,—ясно, что свой...

Около 9 ч. вечера мы вступили въ область, густо усѣянную отрядами миннаго флота непріятеля, и шли ею до 10 ч. 15 м. (послѣдняя встрѣча). Ночь была безлунная, но не очень темная. По небу стлались не тучи, а легкія, полупрозрачныя облака, сквозь ровную пелену которыхъ звѣзды давали достаточно мягкаго, разсѣяннаго свѣта, чтобы привычнымъ глазомъ замѣтить большой корабль на разстояніи 1—$1^1/_2$ миль, а миноносецъ—на 5—6 кабельтововъ. Конечно не „опознать“, а только „замѣтить что-то“.

За эти часъ съ четвертью мы „замѣтили“ на своемъ пути 19 силуэтовъ, въ которыхъ имѣли основаніе подозрѣвать непріятельскіе миноносцы. Всякій разъ, обнаруживъ такое вадѣніе, мы круто мѣняли курсъ, стараясь не сближаться на дистанцію, достаточную для „опознанія“. Изъ 19 случаевъ это удалось 13. Только 6 миноносцевъ насъ атаковали, выпустивъ 8 минъ. Ни одна не попала. (Послѣднее заявленіе можетъ быть излишне, такъ какъ, если бы попала хотя одна, я былъ бы лишенъ возможности дѣлиться съ читателями моими воспоминаніями).

Мы не свѣтили и не стрѣляли.

Думаю, что осуществленіе такого пріема было возможно только съ нашей, хорошо обстрѣлянной, выдержанной въ бояхъ командой. Стоило вспомнить 31 марта и паническую „стрѣльбу по водѣ“... Теперь было не то!

Не утаю, что два выстрѣла все-таки было сдѣлано, но при обстоятельствахъ, въ значительной степени смягчающихъ вину комендора. Случилось это такъ...

Около $9^1/_2$ ч. вечера на передній мостикъ прибѣжалъ командиръ кормового плутонга, мичманъ Щ.

— Разрѣшите открыть огонь!

— Ни въ какомъ случаѣ!

— Но эти два подлеца, которые уже атаковали насъ на контръ-галсѣ, гонятся за нами!.. И кажется догоняютъ!..

— Если только „кажется“, что догоняютъ,—авторитетно вмѣшался старшій минеръ,—то опасаться нечего. Значитъ скорость мала. Стрѣлять минами вдогонку—пустое занятіе. Вотъ если выйдутъ на траверзъ—другое дѣло...

Зеленовато-золотистая молнія вспыхнула на кормѣ крейсера и рѣзкій, отрывистый ударъ выстрѣла 75-милиметровой нарушилъ тишину ночи... Еще...

— У васъ стрѣляютъ! Безъ васъ стрѣляютъ! Зачѣмъ вы здѣсь!—крикнулъ я, бросаясь къ плутонговому командиру...

Но бравый мичманъ, чуть ли не спрыгнувъ съ мостика, уже умчался къ своимъ пушкамъ съ такой быстротой, словно сквозь палубу провалился...

Опять на крейсерѣ воцарилось глубокое безмолвіе, изрѣдка прерываемое восклицаніями сигнальщиковъ и „глазастыхъ“: „Справа, на крамболѣ!“—„Слѣва, по траверзу“ и соотвѣтственными командами капитана — „Право на бортъ!“ — „Лѣво руля!..“

Отъ S пошла зыбь, на которой крейсеръ давалъ размахи 5—7° на сторону. Для миноносцевъ она должна была быть еще болѣе чувствительной и конечно не способствовала мѣткости ихъ стрѣльбы минами.

Около 10 часовъ одинъ (повидимому изъ „истребителей“), идя контръ-галсомъ, выпустилъ мину въ нашу правую скулу съ дистанціи не болѣе $1^1/_2$ кабельтововъ. Мы не только видѣли вспышку выстрѣла изъ миннаго аппарата, но даже слышали характерный звукъ, сопровождающій минный выстрѣлъ, словно чихнулъ какой-то большой звѣрь...

— Хорошо идетъ...—проговорилъ старшій минеръ, склонившійся надъ поручнемъ мостика и привычнымъ глазомъ наблюдавшій за пѣнистымъ слѣдомъ, сопровождавшимъ путь мины...

Нѣсколько мгновеній напряженнаго ожиданія...

— И этотъ промазалъ!..—почти съ состраданіемъ къ неудачѣ товарища по оружію восклицаетъ минеръ.

Общій вздохъ облегченія...

— Плохо мы себя показали передъ артиллеристами!..— смѣется командиръ (самъ минеръ I разряда).

Въ 10 час. 15 мин. вечера—послѣдняя встрѣча. Чуть не

столкнулись съ миноносцемъ, мчавшимся полнымъ ходомъ прямо съ носа. Едва разошлись, почти вплотную. Очевидно онъ принялъ насъ за своего, потому что сдѣлалъ какой-то опознательный сигналъ и исчезъ во мракѣ...

Въ 11 час. вечера открыли сѣверный Шантунгскій маякъ. Черезъ полчаса по немъ опредѣлили свое мѣсто на картѣ и взяли курсъ SW 23°—въ южную, наиболѣе пустынную часть Желтаго моря, согласно нашему плану. Навстрѣчу попадались только китайскія джонки, да и то изрѣдка. Явно было, что мы уже вышли изъ сферы дѣйствій враждующихъ сторонъ. Можно было и отдохнуть. На всякій случай, однако же, отдыхали на двѣ смѣны, да и то не отходя отъ своихъ мѣстъ.

Многіе авторы боевыхъ очерковъ и воспоминаній описываютъ то состояніе высокаго нервнаго возбужденія, которое еще долго по окончаніи сраженія владѣетъ людьми, принимавшими въ немъ участіе. Существуетъ не мало разсказовъ о томъ, какъ тревожно они спятъ, какъ галлюцинируютъ, какъ легко поддаются всякому внѣшнему импульсу. Мнѣ лично не приходилось наблюдать такихъ явленій. Факты, которые мною записаны (тогда-же), скорѣе свидѣтельствуютъ о притупленіи, о пониженіи нервной чувствительности послѣ боя.

Въ ночь на 29 іюля я видѣлъ, какъ люди, только что исправно исполнявшіе обязанности службы, даже не казавшіеся чрезмѣрно утомленными,—обстоятельно сдавъ вахту, спѣшно пріискивали себѣ укромный уголокъ по близости къ своему мѣсту „по тревогѣ“ и тотчасъ же засыпали крѣпкимъ глубокимъ сномъ *).

Что касается офицеровъ, то одинъ изъ нихъ имѣлъ случай проявить такую „безчувственность“, что французы, посѣщавшіе крейсеръ въ Сайгонѣ, смотрѣли на него какъ на достопримѣчательность.

Согласно моему приказанію, отданному еще до боя, задній

---

*) По отношенію ко мнѣ лично могу завѣрить, что за все время пребыванія на театрѣ военныхъ дѣйствій, т. е. и на первой, и на второй эскадрахъ,—никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не видѣлъ боевыхъ сновъ. Единственный разъ, да и то въ совершенно мирной обстановкѣ—по пути изъ Сайгона въ Либаву, при ночевкѣ на станціи Вержболово мнѣ приснились лазаретъ «Діаны», выпучивающаяся палуба, на которой мы работаемъ... и я съ крикомъ—«Подпоры! Давайте подпоры!»—сорвался съ постели, немало переполошивъ своего спутника.

мостикъ „Діаны“ былъ назначенъ мѣстомъ, куда сносили всѣхъ убитыхъ. Здѣсь ихъ, въ ожиданіи погребенія, складывали рядышкомъ на брезентѣ, прикрывали другимъ брезентомъ, а сверху—флагомъ.

Командиръ кормового плутонга, получивъ разрѣшеніе—„отдыхать, не уходя отъ своей части“—нашелъ это мѣсто самымъ для себя подходящимъ. Къ тому же на огромномъ брезентѣ лежало въ то время всего 7 человѣкъ, и, сложивъ въ нѣсколько рядовъ конецъ брезента, оставшійся свободнымъ, можно было устроить даже нѣчто вродѣ матраца. Такое удобство!—Прямо находка!..

Около 3 ч. ночи скончался одинъ изъ тяжело раненыхъ. Привычные къ своему дѣлу санитары принесли трупъ на задній мостикъ, и хотѣли положить рядомъ съ другими, когда частью увидѣли, частью нащупали во мракѣ офицерскую тужурку. Рѣшили, что неловко класть офицеровъ вперемѣшку съ нижними чинами,—надо начальство отодвинуть къ флангу. Однако едва лишь они ухватили его за плечи и за ноги, какъ мнимый покойникъ, энергично отмахнувшись, быстро приподнялся и сѣлъ на своемъ мѣстѣ.

— Что такое? Тревога?

— Никакъ нѣтъ...

— Такъ что-жъ вы, анаѳемы, ко мнѣ лѣзете? Спать не даете, черти полосатые!..

Тѣ сначала было шарахнулись (думали—навожденіе), но, услыхавъ, какъ начальство бранится, поняли, что „оно“ совсѣмъ живое.

— Такъ что мѣсто надо очистить, ваше высокоблагородіе... новаго принесли,—сейчасъ кончился...

— А... ну, это другое дѣло... такъ бы и сказали...—проговорилъ мичманъ, отодвинулся, раскинулъ брезентъ пошире, присмотрѣлъ, чтобы „новаго“ положили, какъ слѣдуетъ—на спину, со скрещенными на груди руками—а затѣмъ... примостился поудобнѣе и опять заснулъ подъ бокомъ у своего молчаливаго сосѣда...

Мнѣ въ эту ночь насчетъ отдыха не посчастливилось. Зыбь шла едва примѣтная, а между тѣмъ крейсеръ размотывался 5—7° на сторону. Должно быть, оказывалъ вліяніе добавочный грузъ (вода), который мы несли поверхъ броневой палубы. Впрочемъ не эта чувствительность крейсера къ качкѣ вызывала тревогу, державшую меня на ногахъ, но нѣчто бо-

лѣе серьезное. При каждомъ розмахѣ вправо давленіе въ затопленныхъ помѣщеніяхъ, имѣвшихъ непосредственное сообщеніе съ пробоиной, возростало такъ рѣзко, словно въ тонкую, слабую, нами на-скоро подкрѣпленную палубу наносился снизу могучій ударъ... Скрипѣли подпоры; ползли зажимающіе ихъ клинья; съ зловѣщимъ свистомъ вырывались струи воды изъ-подъ подушекъ, наложенныхъ на швы листовъ; со щелканьемъ, похожимъ на звукъ пистолетнаго выстрѣла, вылетали деревянныя пробки, которыми были забиты дыры одиночныхъ сорванныхъ заклепокъ... Работали, не покладая рукъ,— то тутъ подкрѣпить, то тамъ подправить...

— Накликалъ таки!.. Теперь не пустимъ!.. На-ко, выкуси!.. Баба старая... Языкъ распустилъ!..—ворчалъ я на трюмнаго старшину и, право, самъ въ данную минуту не рѣшусь сказать: бранилъ-ли его отъ души, искренно вѣря въ примѣту, или, наоборотъ, старался подбодрить и себя, и другихъ объясненіемъ, что все это отъ „сглазу“... Во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя виноватымъ и, ползая на четверенькахъ въ водѣ, переливавшейся по палубѣ *), сокрушенно вздыхалъ и твердилъ: „Былъ грѣхъ! Былъ грѣхъ!.. Господь милостивъ,—авось не засвѣжѣетъ“...

Господь былъ милостивъ,—не только не засвѣжѣло, но къ разсвѣту зыбь улеглась.

Я дремалъ въ креслѣ на верхнемъ мостикѣ, когда меня разбудили. Было совсѣмъ свѣтло, и штиль—мертвый.

— Непріятель?..

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтилъ старшій штурманъ, крайне непочтительно тормошившій меня за плечи.—Старшій механикъ сейчасъ былъ у командира. Угля не хватитъ. Идемъ—Кьяо-Чау, а Кьяо-Чау значитъ—разоруженіе...

— Дорогой мой, ничего не понимаю... Дайте минутку сообразить... Разскажите толкомъ...

Онъ разсказалъ. Произошло (Богъ вѣстъ, по чьей винѣ) недоразумѣніе. Механикъ считалъ, что экономическій ходъ— это значитъ—пары въ 10 котлахъ (изъ 24), а командиръ полагалъ, что пары будутъ держаться во всѣхъ котлахъ, чтобы

---

*) Еще одна маленькая подробность. Въ броневой палубѣ не было ни одного клапана для спуска этой воды внизъ, къ пріемникамъ нашихъ могучихъ водоотливныхъ средствъ. Ее приходилось откачивать ведрами и брандтспойтами...

въ любой моментъ можно было дать полный ходъ, но только при экономической скорости расходъ пара (т. е. и расходъ угля) будетъ меньше. При такомъ условіи угля не хватало.

Я поспѣшилъ къ боевой рубкѣ.

Штурманъ, артиллеристъ, минеръ—всѣ ближайшіе помощники командира—были здѣсь налицо. Не хватало только старшаго механика, который, сдѣлавъ свой зловѣщій докладъ, ушелъ внизъ.

Командиръ высказался весьма категорически и, на этотъ разъ, измѣнивъ обычную систему краткихъ и опредѣленныхъ приказаній, довольно подробно изложилъ свои соображенія.

По его мнѣнію, при невозможности дѣйствовать кормовой артиллеріей единственный шансъ на спасеніе крейсера составляла скорость, способность при первой надобности дать самый полный ходъ. Правда, имѣя водотрубные котлы, мы, идя экономическимъ ходомъ подъ десятью котлами, могли въ 40 мин. времени развести пары во всѣхъ остальныхъ котлахъ и дать полный ходъ, но непріятелю (даже при условіи одинаковой скорости—17 узловъ) было довольно получаса для того, чтобы сблизиться съ нами на дистанцію вѣрнаго выстрѣла—30 кабельтововъ—и тогда въ теченіе 10 мин. онъ, благодаря подавляющему преимуществу въ скорости, командуя дистанціей, имѣя въ своихъ рукахъ инициативу боя,—дѣлалъ-бы съ нами все, что ему вздумается...

А у насъ—только три носовыя шестидюймовки... Какая-нибудь „Ніитака“ уже сильнѣе насъ, и къ тому же дѣйствовать будетъ противъ насъ, какъ противъ стоячаго... Командиръ полагалъ, что поставить крейсеръ въ такія условія—преступленіе. Это значило бы отдать его на разстрѣлъ безъ всякой надежды хотя бы въ отместку нанести какой-либо вредъ непріятелю...

И такъ нуженъ былъ уголь. Гдѣ его взять?—Въ Кьяо-Чау?—Но, согласно германской декларації о нейтралитетѣ, мы могли простоять тамъ не болѣе 24 часовъ. Довольно времени, чтобы принять уголь; но успѣемъ ли мы надежно задѣлать пробоину? Притомъ своими средствами, такъ какъ по той же декларації чиниться нельзя не разоружаясь!.. А сможемъ ли мы управиться собственными средствами?.. *) Ка-

*) Впослѣдствіи оказалось, что не могли бы даже и въ болѣе долгій срокъ, а не то что въ 24 часа.

кова пробоина?—Мы знали только, что непроницаемая переборка при 103 шпангоутѣ разрушена, что вода распространилась отъ 98 до 108 шпангоутовъ... Ничего больше.

Зайти только принять уголь?—Благодаря телеграфу, нашъ заходъ немедленно станетъ извѣстенъ японцамъ, а тогда при выходѣ—встрѣча и то, что командиръ называлъ преступной отдачей крейсера на разстрѣлъ непріятелю...

Чиниться?—значить разоружаться...

Положеніе казалось безвыходнымъ...

Неожиданно ревизоръ, стоявшій на вахтѣ, предложилъ планъ, первоначально поразившій всѣхъ своей нелѣпостью.

— Остается идти въ ближайшій французскій портъ,—заговорилъ онъ.—По французской декларации о нейтралитетѣ воюющіе могутъ стоять въ ихъ портахъ неограниченный-срокъ, а также при содѣйствіи мѣстныхъ заводовъ производить всякія починки, кромѣ исправленія и усиленія вооруженія...

— Да вѣдь это—у чорта на рогахъ! Это—Сайгонъ!—недоумѣвали окружающіе...—Съ углемъ-то какъ-же?

— Что-жъ уголь? А коммерческіе пароходы на что? Любой остановимъ и перегрузимъ уголь къ себѣ. Оставимъ ему только до ближайшаго порта. Правительство заплотитъ и за задержку, и за всякія протори и убытки. Еще спасибо скажутъ, что дали случай содрать... А намъ теперь главное—слѣдъ замести. Японцамъ и въ голову не придетъ, куда мы хватили!.. Починимся—разговоръ другой. Притомъ—все же союзники... Можетъ быть, въ какой-нибудь необитаемой бухтѣ и пушки недостающія можно будетъ заполучить...

— Ну, это ужъ вы размечтались!—прервалъ его командиръ, вдругъ утратившій свой наружно-невозмутимый видъ и даже какъ будто развеселившійся.—Но это идея! Идемъ въ Сайгонъ! Насчетъ угля—сейчасъ прикинемъ!..

Прикинули...

Командиръ рѣшилъ, что если не накроютъ ни сегодня, ни завтра, то южнѣе параллели Шанхая встрѣча съ непріятелемъ явится почти невѣроятной, а потому вопросъ о необходимости держать пары во всѣхъ котлахъ отпадаетъ самъ собою. Развѣ въ Формозскомъ проливѣ?..—да и то сомнительно,—а потому при дальнѣйшемъ плаваніи можно будетъ прекратить пары не только въ 14, а даже въ 16 котлахъ и идти подъ восемью.

Однако, даже и при такомъ скаредномъ разсчетѣ, угля не

хватало до Сайгона миль на 500, а если принять во вниманіе возможность свѣжаго вѣтра въ лобъ—то еще хуже... Вся надежда была на встрѣчи съ коммерческими судами. Что касается свѣжей погоды, о ней, словно по уговору, умалчивали. Августъ нов. ст. въ Китайскомъ морѣ,—пренепріятный мѣсяцъ въ смыслѣ тайфуновъ. Хуже его только одинъ сентябрь. Ну, а въ случаѣ тайфуна, съ нашей дырой въ боку...

Пока судили и рядили, въ 9 ч. утра увидѣли на горизонтѣ, къ сѣверу, корабль, явно насъ нагонявшій. По началу дали полный ходъ и пустились на-утекъ. Нагоняетъ. Шибко нагоняетъ. Кто такой—съ носу не разберешь... Вдругъ (вѣрно насъ увидѣлъ) круто бросился въ сторону, къ востоку. Какъ повернулся лагомъ—сразу же признали—„Новикъ“. Другой такой посудины въ Тихомъ океанѣ не было. Начали дѣлать ему отдаленные сигналы, — и смотрѣть не хочетъ. Несомнѣнно принялъ за японца. Послали къ нему „Грозовой“, неотступно слѣдовавшій за нами, разъяснить недоразумѣніе, спросить: что и какъ?

Пока „Грозовой“ гонялся за „Новикомъ“, мы, въ ожиданіи его возвращенія, держались почти на мѣстѣ, работая малымъ ходомъ.

За это же время отдали послѣдній долгъ погибшимъ въ бою. Всѣ восемь были уложены въ рядъ между кормовыми 6-дюймовками. Зашитые въ бѣлую парусину, съ подвязаннымъ въ ногахъ грузомъ, всѣ выглядѣли одинаково. Только мичманъ Кондратьевъ отличался отъ другихъ положенной ему на грудь саблей и треуголкой. Короткая заупокойная служба при полномъ сборѣ всего экипажа; затѣмъ командиръ, офицеры и старшіе изъ нижнихъ чиновъ подняли ихъ на руки; десантная полурота взяла „на-караулъ“; зарокотали барабаны; печальная процессія тронулась на ютъ, и отсюда одинъ за другимъ, медленно скользя за бортъ по наклонной доскѣ, исчезли въ прозрачной зеленоватой глубинѣ бывшіе наши боевые товарищи...

Не могу не помянуть добрымъ словомъ нашего судового священника. Онъ такъ хорошо, такъ задушевно, совсѣмъ не мрачно, а тепло и умиленно совершалъ службу, словно не похороны, не смерть—а радость воскресенія... съ такой вѣрой, съ такой любовью, склонившись надъ бортомъ и давая послѣднее благословеніе, произносилъ—„Пріими, Господи, раба Твоего, во брани убіеннаго...“

Не знаю, положены-ли такія слова по чину погребенія, но они были такъ къ мѣсту...

Я внимательно наблюдалъ за командой, стараясь подмѣтить ея настроеніе, такъ какъ (откровенно признаюсь) побаивался, не произведетъ ли церемонія угнетающаго впечатлѣнія. „Они“ не любятъ похоронъ въ морѣ. Сколько разъ за время долгихъ плаваній приходилось слышать просьбы тяжелыхъ больныхъ, чтобы доктора „помогли до Россіи“, а ужъ если нельзя, такъ хоть до ближняго порта, чтобы „хоть на чужой сторонѣ, а все—могилка“...

Многіе были растроганы, но не разстроены, не угнетены... Конечно немалую роль тутъ играла привычка, пріобрѣтенная въ П.-Артурѣ, но все же, я думаю, главная заслуга была нашего іеромонаха.

Пользуясь штилемъ и полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо подозрительныхъ дымковъ по горизонту, остановили машины и послали опытныхъ водолазовъ обслѣдовать нашу пробоину, въ смутной надеждѣ—не удастся ли задѣлать ее снаружи, такъ какъ подкрѣпленіе изнутри, повидимому, было недостаточнымъ. По выясненіи истинныхъ размѣровъ поврежденія эту надежду пришлось оставить. Оказалось, что не только нельзя прикрыть пробоину деревяннымъ, обшитымъ подушками, щитомъ, притянутымъ къ борту болтами на задрайкахъ (для этого она была слишкомъ велика), но даже и пластыря подвести невозможно, такъ какъ пробоина задней своей частью приходилась надъ кронштейномъ праваго гребного винта. На ходу, лопни какой-нибудь конецъ (веревка), удерживающій пластырь на мѣстѣ, сдвинься онъ хоть немного (а за это никогда нельзя поручиться),—и наши винты были бы запутаны...

„Грозовой“ вернулся около 1 часу дня. Сообщилъ, что „Новикъ“ въ бою неповрежденъ, идетъ къ Кьяо-Чау пополнить запасы угля и затѣмъ — во Владивостокъ, кругомъ Японіи.

Къ сожалѣнію, непосредственныхъ сношеній съ „Новикомъ“ мы не имѣли. Можетъ быть командиры столковались-бы.

„Нашъ“ не одобрилъ.

— Я бы съ его скоростью пробовалъ проскочить Корейскимъ проливомъ. „Тамъ“—навѣрно накроютъ... *)—ворчалъ онъ.

---

*) Это предсказаніе, къ сожалѣнію, оправдалось.

„Грозовому“ было приказано идти къ „Новику“ и поступить въ его распоряженіе.

„Діана“ пошла на югъ.

Извѣстіе о рѣшеніи, принятомъ „Новикомъ“, меня взволновало. Разсудокъ говорилъ одно, а сердце—другое. Я не могъ не признавать всей очевидной справедливости доводовъ, высказанныхъ командиромъ; я понималъ также, что нельзя сравнивать подбитую „Діану“, съ ея 17 узлами, и „Новикъ“, совершенно исправный, по скорости не имѣвшій себѣ равнаго въ японскомъ флотѣ... И все-таки гдѣ-то глубоко, на днѣ души, шевелилась досадная, дразнящая мысль—„онъ пойдетъ, а мы не пойдемъ...“

Видимо, этотъ разладъ переживалъ не я одинъ... Около 3 ч. дня, когда, усталый и чѣмъ-то недовольный, я сидѣлъ въ каютъ-компаніи, машинально прихлебывая изъ стакана горячій, но совершенно безвкусный чай (секретъ изготовленія этого напитка принадлежитъ вѣстовымъ), ко мнѣ подсѣлъ первый лейтенантъ и заговорилъ на тему, которая самого меня такъ глубоко затрагивала...

— Вы сами,—скажите прямо, по-товарищески,—что вы думаете?... Прекращеніе паровъ въ 14 котлахъ—въ этомъ вся суть... Еще не поздно приступить къ выполненію нашего первоначальнаго плана... Если рискнуть?.. Скажите по правдѣ!..

— Вы знаете, какой я врагъ этого нашего лозунга „беречь и не рисковать“... Будь, что будетъ—я бы рискнулъ!..

— Ну вотъ! ну вотъ!—весь просіялъ мой собесѣдникъ...

— Командиръ рѣшилъ иначе. Что же мы съ вами можемъ сдѣлать?.. двое...

— Нѣтъ, нѣтъ! И мы тоже!—заговорили вдругъ нѣсколько человѣкъ, видимо издали выжидавшіе результата переговоровъ и теперь подошедшіе къ намъ.

Я оглянулся и подсчиталъ. Пять человѣкъ (я—шестой). Ровно половина каютъ-компаніи... Не говоря ни слова, взялъ фуражку и пошелъ къ командиру уже не въ качествѣ старшаго офицера, а въ качествѣ уполномоченнаго.

Началъ съ разговора „по душѣ“. „Новикъ“ — пошелъ; „Діана“—не пошла. Вопросъ самолюбія, добраго имени крейсера. Конечно—рискъ. Даже — отчаянный рискъ. Но если удастся?.. Когда еще разберутъ: какъ и почему? а въ первый

моментъ, просто скажутъ:—„Удрали“... Обидно... Лучше,—пусть раскатаютъ...

Командиръ, досадливо подергивая плечами и пощипывая бородку, отвѣчалъ тоже въ тонѣ дружественной бесѣды. Повторилъ то, что уже было имъ сказано, указалъ на разницу въ положеніи „Новика“ и „Діаны“ и такъ закончилъ:

— Послушайте! Когда вчера вы мнѣ совѣтовали избрать путь прорыва именно черезъ тучу миноносцевъ и при этомъ не свѣтить и не стрѣлять даже въ случаѣ явной атаки,—я согласился. Это было смѣло, почти дико, но цѣлесообразно. Рискуя такъ, надѣялись спасти крейсеръ... А теперь вы предлагаете явно губить крейсеръ безъ пользы для Россіи, безъ надежды нанести вредъ непріятелю... Вѣдь починившись, сдѣлавшись правоспособнымъ кораблемъ, стоя въ порту союзной державы, мы можемъ заказать себѣ угольщика (и не одного, а сколько пожелаемъ) на какія угодно рандеву... можимъ пойти во Владивостокъ—это мое намѣреніе—или, если прикажутъ изъ Петербурга, заняться самостоятельными крейсерскими операціями... И что-жъ?—отмахнуться отъ всѣхъ этихъ предположеній? вести крейсеръ подъ разстрѣлъ?—Ради чего? ради личнаго разсчета? изъ боязни „что скажутъ“?.. Нѣтъ и нѣтъ! Я принялъ мое рѣшеніе, и оно—неизмѣнно.

Странное дѣло. По существу я не могъ возразить ему ни одного слова, но чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ упрямѣе твердилъ я—„А все-таки „онъ“ пошелъ... Почему не рискнуть... Все-таки есть шансъ...“—Наконецъ я выдвинулъ свою тяжелую артиллерію:

— Я высказываю вамъ не свое, единоличное, мнѣніе, а рѣшеніе большинства офицеровъ, которые...

— Я не созывалъ военнаго совѣта и не поручалъ вамъ собирать голоса. Мои приказанія должны быть въ точности исполняемы. Надѣюсь?..—рѣзко прервалъ меня командиръ и, круто повернувшись, ушелъ въ рубку...

Нашъ походъ въ Сайгонъ въ военномъ отношеніи не представляетъ особаго интереса, а потому не буду говорить о немъ подробно.

Къ вечеру того же дня (29 іюля) похоронили еще одного скончавшагося отъ ранъ. Среди прочихъ раненыхъ (всего 19)

только одинъ возбуждалъ опасенія доктора. Остальные, какъ выражаются офиціальнымъ языкомъ, были „къ выздоровленію надежны“. За полнымъ разрушеніемъ лазарета, всѣ, болѣе серьезные, помѣщались въ офицерскихъ каютахъ.

Миновавъ параллель Шанхая, прекратили пары въ 16 котлахъ и начали экономить на углѣ. Погода благопріятствовала. Только въ Формозскомъ проливѣ прихватило свѣжимъ вѣтромъ, да и то счастливо—попутнякъ. Волна приходилась съ кормы и слѣва. Пришлось поработать, но теперь времени было довольно, не на-спѣхъ. Въ угрожаемыхъ помѣщеніяхъ поставили цѣлый лѣсъ подпоръ и раскосинъ.

— Настоящій Акрополь!—говорили мѣстные остряки.

— Только уже въ періодѣ разрушенія — все вкривь и вкось,—дополняли другіе.

— Совсѣмъ не Акрополь, а „Послѣдній день Помпеи“, картина Брюллова...

Что бы ни было, но сооруженіе выдержало свѣжую погоду.

Опасность надвигалась съ другой стороны, и притомъ опасность, ничѣмъ неотвратимая, кромѣ счастья, кромѣ удачи,—а этимъ мы не могли похвастать,—уголь былъ на исходѣ...

Надежда на встрѣчу съ коммерческими пароходами не оправдывалась. До сихъ поръ мы не встрѣтили ни одного.

— Довольно глупо!..—заявилъ командиръ утромъ 2 августа, когда старшій механикъ доложилъ ему, что угля остается меньше чѣмъ на двое сутокъ.—Конечно со стороны судьбы,—поспѣшилъ онъ добавить.

Положеніе становилось пренепріятнымъ... Зайти въ Гонгъ-Конгъ? Къ союзникамъ нашего врага?.. Крайне несимпатично!..

Неожиданно выручили воспоминанія о прежнихъ плаваніяхъ. Командиръ вспомнилъ, что года за два до войны заходилъ на крейсерѣ (кажется на „Забіякѣ“) въ мѣстечко Кванъ-чауванъ, на полуостровѣ, выдавшемся отъ материка къ о-ву Гайнанъ. Въ этомъ пунктѣ французы арендовали у китайцевъ клочекъ территоріи и собирались устроить морскую станцію.

— Не толкнуться ли туда? Если морская станція уже оборудована—навѣрно есть и уголь, а если проектъ остался проектомъ—хоть дровъ заберемъ! Все же союзники!..

Вечеромъ 3 августа, передъ заходомъ солнца, вошли въ устье рѣки Кванъ-Чау, а на слѣдующій день (проведя ночь

на якорѣ) поднялись вверхъ по рѣкѣ къ самому мѣсту французской колоніи—миль 25.

Французы приняли насъ съ истиннымъ радушіемъ и полной готовностью сдѣлать все, что могутъ. Къ сожалѣнію (сооруженіе морской станціи осталось проектомъ), угля у нихъ было всего 200 тоннъ, да и тѣ не для приходящихъ судовъ, а для нуждъ самой колоніи. Изъ этого личнаго своего запаса они уступили намъ 80 тоннъ—нашъ суточный расходъ. Спасибо и на томъ. Подѣлились по-братски. Съ этой подгрузкой и нашими остатками мы могли добраться до Гайфонга, а тамъ—угля, сколько угодно.

6 августа вышли изъ Кванъ-Чау, а 7 августа стали на якорь на рейдѣ Bay d'Along. Здѣсь насъ уже ждали баржи, груженыя брикетами. Приняли полный запасъ.

12 августа „Діана“ пришла въ Сайгонъ.

Донесеніе командира было передано въ Петербургъ по телеграфу еще 7 августа, а потому мы, вполнѣ естественно, ждали, что первый же человѣкъ, который взойдетъ на палубу крейсера, вручитъ командиру шифрованную депешу за подписью кого-нибудь изъ высшаго начальства.

Ничего подобнаго... не только въ этотъ день, но даже и въ послѣдующіе...

Мѣстныя власти были предупреждены своими коллегами изъ Кванъ-Чау и Гайфонга, но также недоумѣвали: почему изъ Парижа нѣтъ ни звука?

— Развѣ вы не увѣдомили свое правительство? Почему наши, какъ будто, ничего не знаютъ?—спрашивалъ адмиралъ Жонкьеръ.

Что можно было ему отвѣтить?..—Мы сами ничего не понимали...

Вмѣсто ожидаемыхъ инструкцій изъ Петербурга, въ сайгонскихъ газетахъ появилась телеграмма агентства Гаваса, сообщавшая, что русское правительство рѣшило разоружить находящіеся въ нейтральныхъ портахъ—„Цесаревичъ“, „Аскольдъ“ и „Діану“.

По отношенію къ себѣ мы не повѣрили. Съ какой стати по доброй волѣ, по собственной иниціативѣ разоружать корабль, который пришелъ чиниться въ портъ дружественной и союзной державы? державы, которая кораблямъ обѣихъ воюющихъ сторонъ предоставляетъ право неограниченной стоянки въ своихъ портахъ и пользованіе всѣми ихъ средствами для исправленія поврежденій по корпусу и машинѣ?..

Какъ рѣзкая противуположность холодной сдержанности Парижа и величавому молчанію Петербурга, сказывалось горячее участіе къ нашей судьбѣ мѣстной, колоніальной администраціи.

На другой же день по приходѣ къ намъ явились портовые инженеры, потребовали чертежи крейсера для подготовки дока къ его пріему, обслѣдовали, какъ могли, пробоину и обѣщали починить въ срокъ 10—14 дней.

— Какой вздоръ?—сердился французскій адмиралъ, когда ему высказывали опасенія по поводу упорнаго молчанія столицъ.—Неужели тамъ не понимаютъ, что ваша первая очередь, а наша—вторая! Мы должны держаться за свою декларацію о нейтралитетѣ обѣими руками, въ обхватъ! Въ случаѣ войны мы окажемся въ томъ же положеніи, какъ вы теперь—безъ пристанища, съ однимъ Сайгономъ!

А время шло...

Главный портовый инженеръ чуть не каждый день забѣгалъ на крейсеръ узнать, нѣтъ ли отвѣта изъ Европы...

— Постойте! — говорилъ онъ.—У меня есть подозрѣніе! Можетъ быть, они боятся позволить вамъ войти въ докъ потому, что тогда придется пускать въ него и японцевъ, а нашъ докъ какъ разъ въ центрѣ депо нашего подводнаго флота!.. Но тогда пусть отвѣтятъ! что-нибудь отвѣтятъ! Мы васъ починимъ безъ дока! Конечно не здѣсь, на этомъ ужасномъ теченіи, тутъ невозможно, но вы можете уйти куда-нибудь въ тихую бухту, въ Камрангъ, въ Портъ Дайоттъ... Кессонъ, какъ въ Артурѣ... васъ нечего учить... Матерьялы, мастеровые—все будетъ! Да, чортъ меня побери, я самъ пріѣду въ качествѣ развлекающагося иностранца! Сдѣлаемъ крѣпче стараго!.. Отвѣтъ! Отвѣтъ! Добудьте отвѣтъ!..

Какъ и откуда могъ я добыть ему этотъ отвѣтъ?.. Не я одинъ, всѣ мы бродили, какъ потерянные, въ ожиданіи этого отвѣта, рѣшавшаго нашу участь...

Черезъ сношенія съ нашими агентами и консулами въ разныхъ портахъ были уже зафрахтованы пароходы, готовые по условной телеграммѣ выйти въ море и доставить намъ уголь на указанное рандеву... Надо было только получить изъ Петербурга хоть какой-нибудь отвѣтъ, какое-нибудь опредѣленное приказаніе... хотя бы сообщеніе, что въ докъ не пустятъ,—дѣлайте, что можете.—Мы бы управились!.. (Конечно при содѣйствіи добрыхъ друзей, но вѣдь они въ этомъ не отказывали!)

Наконецъ отвѣтъ пришелъ... Такой отвѣтъ, какого не ждали не только мы, но даже и мѣстные французы...

За этотъ проклятый день въ моемъ дневникѣ записано только:

„22 августа.—Все кончено.—Сегодня въ 11 ч. утра получена телеграмма—разоружаться“.

Текстъ телеграммы не внесенъ въ мою записную книжку но я не только его помню, я, какъ сейчасъ, вижу передъ собой этотъ лоскутокъ бумаги... „Она“ была даже нешифрованная... „Она“ гласила:

„*Генералъ-адмиралъ приказалъ крейсеру кончить кампанію, спустить флагъ и разоружиться по указанію французскихъ властей. Авеланъ*“

Что тутъ было!—почти бунтъ...

— Не позволимъ спускать флага!—Не допустимъ разоруженія! Въ море! Въ море!—кричали въ каютъ-компаніи...

Остановить этотъ порывъ не было возможности. Давъ накричаться и отвести душу, я попросилъ слова.

— Господа! судьба крейсера рѣшена. Никакіе наши протесты не могутъ отмѣнить приказанія, отданнаго именемъ генералъ-адмирала...

Глухой ропотъ прервалъ мою рѣчь...

— Позвольте кончить! Крейсеру приказано разоружиться, но это будетъ выполнено официально еще черезъ нѣсколько дней, а между тѣмъ командиру довольно и получаса, чтобы всѣхъ насъ списать съ крейсера за нарушеніе дисциплины и критику распоряженій высшаго начальства въ военное время. Онъ имѣетъ на это полное право, пока корабль подъ флагомъ, и не обязанъ въ своихъ дѣйствіяхъ давать отчета французскому правительству... А разъ списанъ—на всѣ четыре стороны!.. Напримѣръ—на вторую эскадру...

Командиръ вполнѣ сочувственно отнесся къ моей идеѣ, но, конечно, не согласился отпустить всѣхъ желающихъ, такъ какъ нельзя же было оставить крейсеръ вовсе безъ офицеровъ. Я получилъ разрѣшеніе не въ счетъ, а прочіе—метали жребій. Судьба рѣшила, что изъ состава каютъ-компаніи уѣзжали: старшій офицеръ, одинъ лейтенантъ, три мичмана и два механика; оставалось—два лейтенанта (одинъ—за старшаго офицера), два мичмана и два механика; докторъ и священникъ не шли въ счетъ—они все равно не могли уѣхать.

Въ то же время я телеграфировалъ адмиралу Рожественскому:

„Крейсеръ разоружается. Въ память старой службы прошу разрѣшенія намъ прибыть на вторую эскадру. Невыносимо сидѣть, сложа руки, когда другіе дерутся“.

Отвѣтъ получился благопріятный.

Вскорѣ же въ отеляхъ Сайгона появилась партія etrangers de distraction, ожидавшихъ ближайшей оказіи, чтобы отбыть въ Европу.

„Діана“ официально разоружилась, и командиръ ея представилъ генералъ-губернатору списокъ офицеровъ и команды, находящихся на крейсерѣ, удостовѣряя, что они не примутъ болѣе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такое удостовѣреніе (все равно, что сдача на „честное слово“) освобождало французскія власти отъ обязанности наблюдать за „интернированными“, дабы воспрепятствовать ихъ побѣгу.

Конечно насъ въ этомъ спискѣ не было.

31 августа отбыла первая партія (трое) знатныхъ иностранцевъ на товаро-пассажирскомъ пароходѣ *), а 2 сентября на пароходѣ „Polynesien“ общества Messageries Maritimes выѣхали изъ Сайгона господа Bernard Christian, ecrivain (начальныя буквы были подогнаны на всякій случай къ мѣткамъ на бѣльѣ—В. С.), инженеръ Friedrich Shoeshling и два техника, служившіе въ Дальнемъ—Мейеръ и Шульцъ. Эти послѣдніе путешествовали даже во второмъ классѣ, чтобы не возбудить подозрѣнія основательнымъ знаніемъ одного только русскаго языка.

Конецъ первой части.

*) Этимъ не посчастливилось—они опоздали на вторую эскадру.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОХОДЪ ВТОРОЙ ЭСКАДРЫ.

I.

От Сайгона до Либавы.—Выходъ эскадры изъ аванъ-порта.—Первыя впечатлѣнія.—Бесѣда со старымъ соплавателемъ.—Въ званіи пассажира при штабѣ адм. Рожественскаго.—«Къ непосредственному боевому опыту надо относиться съ тщательной критикой...»

Итакъ, господа Christian (офранцузившійся шведъ), Shoesshling (природный нѣмецъ) и обрусѣвшіе нѣмцы Мейеръ и Шульцъ благополучно отбыли изъ Сайгона 2 сентября 1904 г. на пароходѣ „Messageries Maritimes“.

Къ сожалѣнію, никто изъ нихъ за время плаванія не велъ дневника, а потому описывать его подробно я не берусь, такъ какъ обѣщалъ читателямъ строго держаться документовъ, каковыми я, изъ числа замѣтокъ очевидцевъ, считаю только тѣ записи, которыя сдѣланы въ самый моментъ совершающагося факта. Воспоминанія всегда имѣютъ окраску, приданную имъ послѣдующими событіями, участникомъ или свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ. Это является неизбѣжно, помимо его воли.

Въ данномъ случаѣ, имѣя возможность руководствоваться только воспоминаніями, буду кратокъ.

Опасность, грозившая путешественникамъ, заключалась въ томъ, что любой вспомогательный крейсеръ японскаго флота, получившій надлежащія свѣдѣнія, могъ остановить пароходъ и потребовать выдачи военной контрабанды. Конечно, для этого нужно было прежде всего удостовѣрить личность, но, на несчастье, это оказывалось нетруднымъ, такъ какъ невольные „путешественники“, не подозрѣвая ожидающей ихъ участи, за время пребыванія въ Сайгонѣ широко пользовались услугами многочисленныхъ фотографовъ. Между тѣмъ сами французы признавали, что японскихъ шпіоновъ въ городѣ достаточное количество, а изъ Сингапура доносили, что въ Малакскомъ проливѣ держатся японскіе крейсера.

Огромное большинство пассажировъ составляли вполнѣ естественно французы, но были и представители другихъ національностей. Въ I классѣ—нѣсколько англичанъ, а во II—кромѣ европейцевъ еще и мѣстные жители: анамиты, малайцы, китайцы и даже два японца.

Главнымъ образомъ ради этого элемента и разыгрывалась комедія, въ которой принимали участіе не только „путешественники“, но и капитанъ парохода, и многіе французскіе офицеры, ѣхавшіе въ отпускъ, и возвращавшійся въ Парижъ депутатъ отъ Кохинхины Deloncle.

Всѣ они, неоднократно бывавшіе на „Діанѣ“, повидимому, совершенно не обладали памятью на лица. Знакомство завязалось только впослѣдствіи, да и то, по внѣшности, довольно туго. Наши милые спутники, въ своемъ пристрастіи къ „la mystère“, даже черезчуръ старались, но выполняли это съ большимъ искусствомъ, такъ быстро мѣняя тему и тонъ разговора при появленіи вблизи „нежелательныхъ субъектовъ“, дѣлая такіе неожиданные выпады, что порой хотѣлось отъ души смѣяться и даже аплодировать. Такъ однажды, горячо, но вполголоса обсуждая дѣйствія Куропаткина подъ Ляояномъ, французскій капитанъ въ томъ же тонѣ, но съ еще большей таинственностью, указывая на гулявшаго по палубѣ Мейера (небольшого роста, сильнаго брюнета)—заявилъ: „Мнѣ этотъ русскій нѣмецъ очень подозрителенъ... не японскій ли шпіонъ? Сколько ихъ развелось! Всюду, всюду!..“—Оказывается, къ намъ подошелъ и сѣлъ неподалеку одинъ изъ англичанъ. Лейтенантъ изъ legion etrangère, хорошо говорившій по-шведски, при такихъ обстоятельствахъ никогда не упускалъ случая практиковаться въ употребленіи этого языка, разсказывая г. Christian о томъ, какъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Швеціи, при чемъ его собесѣдникъ чувствовалъ себя довольно затруднительно, но храбро подавалъ реплики (безбожно путая датскія, шведскія и нѣмецкія слова) и дѣлалъ видъ, что изъ любезности торопится перевести разговоръ на французскій языкъ.

Разумѣется, всѣ разговоры въ своей компаніи, внѣ опасности быть услышанными, вертѣлись около войны. Къ сожалѣнію, какъ это ни странно, наши пріятели были освѣдомлены о ближайшихъ по времени событіяхъ не больше нашего. Объ сайгонскія газеты (очевидно въ силу экономическихъ соображеній) не только не получали и не печатали полностью теле-

граммъ агентства Рейтера, но даже и съ агентствомъ Гаваса имѣли какое-то особое условіе. Телеграммы занимали на ихъ столбцахъ лишь нѣсколько строкъ, да и то не каждый день. Свѣдѣнія черпались главнымъ образомъ изъ газетъ метрополіи, приходившихъ еженедѣльно и находившихся въ пути отъ 22 до 25 дней. Что касается второй эскадры, ея состава и времени отплытія, то французы не только не могли просвѣтить насъ, но у насъ же спрашивали, какъ мы на этотъ счетъ думаемъ. Правда, на основаніи частнаго письма изъ Парижа одинъ изъ спутниковъ сообщилъ слухъ, что Россія ведетъ переговоры о покупкѣ броненосныхъ крейсеровъ — четырехъ аргентинскихъ (типа „Кассуга“) и двухъ чилійскихъ, но есть ли надежда на удачное завершеніе сдѣлки — оставалось неизвѣстнымъ. Зато много говорили о вспомогательныхъ крейсерахъ.

Объ этихъ крейсерахъ мы слышали еще въ П.-Артурѣ. Тамъ разсказывали (Богъ вѣсть, изъ какихъ источниковъ), что пріобрѣтены лучшіе пароходы Hamburg-America-Linie, что они со дня на день могутъ появиться въ Китайскомъ морѣ и въ Тихомъ океанѣ на путяхъ, ведущихъ въ Японію. Одинъ слухъ о возможности ихъ появленія оказалъ огромное вліяніе на повышеніе фрахтовъ. Вскорѣ однако же всѣ эти разговоры сошли на нѣтъ...

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что французы ожидали отъ нашихъ вспомогательныхъ крейсеровъ именно той дѣятельности, которую въ своихъ мечтахъ приписывали имъ артурцы.

— Tenez, mon commandant! — горячился въ разговорѣ со мной старшій помощникъ. — Вотъ я — морякъ коммерческаго флота. Охотно возьмусь везти, что угодно, и во Владивостокъ, и въ Портъ-Артуръ. Но вѣдь не буду же я такимъ идіотомъ, чтобы, выходя изъ Марселя, имѣть мои документы на блокируемые порта! Неужели по близости къ нимъ не найдется порта, а въ этомъ портѣ торговой фирмы, которой можно было бы адресовать мой грузъ? Да на самомъ моемъ пароходѣ никто кромѣ меня не зналъ бы объ истинномъ нашемъ назначеніи! Мои помощники, мой экипажъ могли бы съ чистой совѣстью, подъ присягой, показывать, что мы непричастны къ военной контрабандѣ! Не говоря уже про документы! — ни одной компрометирующей бумажки!.. Вы скажете: — А военные припасы? пушки? — Какой вздоръ!..

Почему я не могу везти все это въ Кьяо-Чао по заказу германскаго правительства?.. (Конечно, если германское правительство обѣщаетъ содѣйствіе). Несомнѣнно, что такъ и поступаютъ тѣ, которые везутъ военную контрабанду въ Японію... Контрабандистовъ надо ловить на послѣднемъ маршѣ къ порту назначенія. Тогда — нѣтъ отговорокъ. Дѣло ясно. Но задерживать ихъ за тысячи, даже за десятки тысячъ миль отъ цѣли ихъ плаванія... Это — безуміе! Это — полное отсутствіе самаго элементарнаго представленія о крейсерскихъ операціяхъ!.. Ничего не выйдетъ кромѣ недоразумѣній, и, простите, обидныхъ для Россіи недоразумѣній!.. *) Кто вѣдаетъ у васъ этимъ дѣломъ? Surtout, qui tient les cordons de la bourse?.. По моему, тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній — или sancta simplicitas, которой все прощается (но тогда — это плохой выборъ), или — c'est de la trahison... Я вамъ скажу больше: ваши „Терекъ“, „Кубань“, „Уралъ“, которые при перечисленіи вспомогательными крейсерами въ германскій флотъ были бы вооружены каждый четырнадцатью 6-дюймовками, получили у васъ какую-то игрушечную артиллерію, и любой авизо въ 2—3 тысячи тоннъ, не уступающій имъ въ скорости, можетъ ихъ уничтожить!.. Что это такое? Въ чемъ секретъ? C'est de l'ignorance, ou de la bourse?..

Я не могъ не любоваться этимъ, всегда спокойнымъ и холоднымъ, морскимъ волкомъ съ лицомъ, сожженымъ солнцемъ (sun-burnt, какъ говорятъ англичане), такъ волновавшимся, такъ близко къ сердцу принимавшимъ ошибки людей, руководившихъ дѣятельностью морскихъ силъ de la nation amie et alliée... Чрезвычайно характерно, что онъ даже не пробовалъ разбирать дѣйствія линейнаго флота, объ этомъ онъ только разспрашивалъ; но что касается операцій вспомогательныхъ крейсеровъ, того поприща, на которомъ онъ самъ долженъ былъ выступить въ случаѣ войны, тутъ, въ этой сферѣ, онъ чувствовалъ себя вполнѣ компетентнымъ и, не стѣсняясь, высказывалъ свои мнѣнія... Онъ не понималъ... Нѣтъ! не понималъ!..—„Неужели не нашелся ни одинъ самый простой, le plus ordinaire des vrais marins, который взялъ бы на себя смѣлость сказать самому императору: Sir, c'est pas ça!...“

---

*) Такъ и случилось въ эпизодѣ съ пароходомъ «Малакка».

Наивность почти трогательная...

— Et puis ces bruits qui courrent à propos de toute cette affaire! Que ce qu'il arrive? Que ce qu'on fait? Est-ce-vrai? Mon cher commandant! Dites! Dites!..

Но что сказать?.. Я самъ ничего не зналъ достовѣрно, хотя, читая иностранныя газеты, знакомясь со слухами, не могъ не проникаться смутной тревогой за будущее... *).

Въ Суэцѣ Bernard Christian получилъ телеграмму (на французскомъ языкѣ): „Прямо Либаву, кратчайшимъ путемъ".

Посовѣтовались съ пріятелями, покопались въ путеводителяхъ,—длиннѣйшій по разстоянію, но кратчайшій по времени, оказался путь черезъ Марсель.

Такъ и рѣшили.

Въ П.-Саидѣ, гдѣ пароходъ остановился для пріемки угля, видѣли „Петербургъ" и „Смоленскъ". Только издали. Даже близко не подпускали. Они стояли, какъ зачумленные, оцѣпленные кордонами и съ суши, и съ воды... Впервые пришлось быть свидѣтелемъ такого униженія русскаго флага... Спасибо французамъ: они (это я узналъ позже) организовали настоящую охрану съ цѣлью не допускать въ наши руки мѣстныхъ англійскихъ газетъ, въ которыхъ „Петербургъ" и „Смоленскъ" en toutes lettres назывались пиратами, причемъ, во имя удовлетворенія законнаго негодованія цивилизованныхъ націй и въ примѣръ прочимъ варварамъ, чтобъ имъ впредь не повадно было, рекомендовалось выпустить эти крейсера въ море и тамъ разстрѣлять, утопить со всѣмъ экипажемъ, никому не давая пощады.

Мы простояли въ П.-Саидѣ только нѣсколько часовъ (сколько помнится — съ 9 ч. вечера до 2 ч. ночи) и пошли дальше.

Въ Средиземномъ морѣ — не повезло. На слѣдующій же день — поломка въ машинѣ. Починились своими средствами, но уже не могли давать больше 12 узловъ, да и то нѣсколько разъ приходилось останавливаться и что-то подправлять... Въ результатѣ—опоздали приходомъ въ Марсель на цѣлыя сутки.

---

*) Я не хочу забѣгать впередъ, выписывать изъ моего дневника свѣдѣній, добытыхъ мною позже.

Тутъ новая незадача. Мистраль такъ и реветъ. Въ гавань войти нельзя, а изъ-за стачки портовыхъ рабочихъ для перевозки съ парохода на берегъ пассажировъ и ихъ багажа компанія могла добыть только два небольшихъ буксирныхъ пароходика, укомплектованныхъ штрейкбрехерами. Насъ съ нашимъ ручнымъ багажемъ свезли въ тотъ же день, что же касалось вещей, сданныхъ въ багажный трюмъ, то полученія ихъ нельзя было ожидать раньше сутокъ...

А между тѣмъ...—„Прямо Либаву, кратчайшимъ путемъ".

Извѣстные читателямъ путешественники, теперь уже не слишкомъ заботившіеся о сохраненіи своего инкогнито, метались по пароходу и чуть не устроили скандала...

— C'est pas un paquetbôt! C'est un guet-à-pens! — наскакивалъ на капитана B. Christian.—Pourrais-je prendre le rapide de ce soir? Dites, mon commandant!

— Ah-la-la!—кричалъ капитанъ парохода.—Suis-je le Bon Dieu? Dites, mon autre commandant!..

— Du calme! du calme!—взывалъ Deloncle, бросаясь между ними...—Voyez bien—c'est la force majeure! — твердилъ онъ въ одну сторону. — Pour ces braves, des heures, des minutes perdues—c'est la question d'être en retard pour la seconde esquadre!.. — увѣщевалъ онъ капитана, готоваго требовать сатисфакціи...

Съѣхавъ на берегъ, первымъ дѣломъ отправились въ консульство. Благодаря мистралю, температура рѣзко понизилась; было + 15° С. Мѣстныя дамы ходили по улицамъ, закутавшись въ мѣховыя боа. Наши тропическіе костюмы привлекали на себя общее вниманіе. Мальчишки что-то кричали; собаки, кажется, лаяли... Въ консульствѣ въ первый моментъ отъ насъ шарахнулись (будь это теперь — навѣрно приняли бы за экспропріаторовъ), но когда я заявилъ, кто мы такіе и откуда— обращеніе рѣзко измѣнилось.

— Гдѣ вторая эскадра?

— Ничего не знаю. Повидимому, еще въ Россіи...

— Когда выйдетъ? Успѣемъ-ли захватить ее въ Либавѣ, выѣхавъ завтра вечеромъ черезъ Парижъ и Берлинъ?

Генеральный консулъ (очень симпатичный и любезный пожилой господинъ) только развелъ руками...

— Хорошо! Тогда — такъ: будьте добры отправить срочн въ главный морской штабъ телеграмму, которую я сейчас составлю. Завтра вечеромъ (раньше невозможно) мы выѣдемт

а послѣ-завтра утромъ въ Парижѣ, въ посольствѣ, получимъ указанія какимъ экспрессомъ и куда направиться...

— Великолѣпно! Пишите—все будетъ сдѣлано.

Телеграмма написана. Распоряженія отданы.

— А теперь, m-r le consul, не поможете-ли намъ дружескимъ совѣтомъ: гдѣ бы пріобрѣсти готовые костюмы, болѣе соотвѣтствующіе октябрю, чѣмъ наши?..

— Да, признаюсь, не зная, я... очень удивился,—засмѣялся консулъ.—Вамъ положительно слѣдуетъ одѣться!..

При благосклонномъ (можно прямо сказать — дружескомъ) содѣйствіи секретаря консульства, марсельскаго старожила, насъ, во-первыхъ, пустили въ хорошій hôtel, а во-вторыхъ, такъ быстро „одѣли“, что уже къ обѣду (часа черезъ два) мы перестали возбуждать подозрѣнія добрыхъ гражданъ своей внѣшностью.

Мейеръ и Шульцъ почему-то вдругъ проявили необыкновенную самостоятельность, рѣшили, что я имъ больше не начальство, и уѣхали утромъ слѣдующаго дня экспрессомъ черезъ Вѣну *). Мы двое, сохраняя намѣченный маршрутъ, выѣхали вечеромъ. Въ 9-мъ часу утра слѣдующаго дня—въ Парижѣ, и немедленно въ посольство. Встрѣча со стороны служащихъ довольно холодная (вѣроятно заподозрили въ насъ соотечественниковъ, проигравшихся въ Монте-Карло), говорятъ: „Такъ рано посолъ не принимаетъ и т. п...“ Однако же, когда на оборотной сторонѣ карточки B. Christian я написалъ карандашомъ: „кап. 2 ранга и мичманъ съ „Діаны“ — то, едва лишь успѣли ее унести, какъ всѣ двери передъ нами широко открылись.

Посолъ—Нелидовъ — принялъ насъ крайне радушно, но о второй эскадрѣ не могъ сообщить ничего достовѣрнаго, хотя собственный его сынъ былъ на „Ослябѣ“. Звонили по телефонамъ, посылали въ главный почтамтъ и наконецъ получили телеграмму на имя B. Christian — „Торопитесь Либаву“.

Въ часъ дня Nord-Express'омъ выѣхали на Берлинъ.

Около 10 ч. вечера 29 сентября на станціи Вержболово, черезъ 27 дней по отбытіи изъ Сайгона, étrangers de distraction, B. Christian и F. Shoeshling скромно стояли у своихъ чемодановъ въ ожиданіи очереди, когда въ залъ таможеннаго

*) Они опоздали. Впрочемъ Мейеръ попалъ въ отрядъ Небогатова

досмотра, гремя шпорами, поспѣшно вошелъ бравый полковникъ.

— Господа офицеры съ „Діаны“?.. — Позвольте познакомиться... Прошу закусить. Время есть. Что? — Багажъ? — Отдайте ключи — все сдѣлаютъ! Лишняго не возьмутъ! Да съ васъ кажется и брать нечего.

Мы не заставили себя долго упрашивать и, послѣ кухни экспресса, такъ налегли на закуску и на цыплятъ по-польски, что полковникъ, разсчитывавшій поговорить, узнать много новаго, былъ видимо разочарованъ...

— Вы прямо въ Питеръ?

— Да нѣтъ,—въ Либаву...

— Въ Либаву?.. Такъ вамъ и торопиться нечего! Если поѣдете съ этимъ поѣздомъ — все равно придется 9 часовъ ждать пересадки на Либаво-Роменскую!.. Да еще на отвратительномъ полустанкѣ, гдѣ даже прилечь не на что! Оставайтесь ночевать, выѣзжайте съ утреннимъ согласованнымъ поѣздомъ.

— Гдѣ-жъ тутъ ночевать?..

— Не безпокойтесь! Велю открыть аппартаменты — такъ заснете, какъ давно, поди, не спали!

— Да намъ къ спѣху!.. Нельзя ли заказать экстренный поѣздъ?.. Заплотимъ...

— Фью! — свистнулъ полковникъ. — Во-первыхъ за разрѣшеніемъ надо телеграфировать министру путей сообщенія, а во-вторыхъ это обойдется больше трехъ тысячъ!.. Или у васъ денегъ куры не клюютъ?.. Говорю — ночуйте. Ужъ я знаю... И чего вамъ приспичило въ Либаву? Добро бы въ Петербургъ!

— Да вѣдь вторая эскадра не сегодня-завтра уйдетъ въ море! — У меня телеграмма есть!..

— Такъ вы на вторую эскадру?

— Конечно!

— Послѣ шести мѣсяцевъ П.-Артура...

— Не сидѣть же, сложа руки, когда другіе дерутся!

Полковникъ хотѣлъ было что-то сказать, но словно поперхнулся и скомандовалъ — „шампанскаго!..“

Около 2 час. ночи 30 сентября прибыли въ Либаву. Здѣсь насъ обоихъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Помощникъ начальника главнаго морского штаба (к.-адм. Н.) нашелъ возможность и время предупредить нашихъ родственниковъ о вѣро-

ятномъ часѣ нашего прибытія. Насъ встрѣтили. За ночь конечно глазъ не сомкнули, а къ подъему флага (къ 8 ч. утра) уже были въ порту. Тутъ—сутолока невозможная. Съ трудомъ добыли катеръ и отправились въ аванъ-портъ, на броненосецъ „Князь Суворовъ“, на которомъ держалъ флагъ командующій второй эскадрой.

Встрѣченные довольно холодно въ штабѣ, мы были зато чрезвычайно сердечно приняты адмираломъ. Моему спутнику, мичману, сейчасъ же нашлось мѣсто на миноносцѣ, что касается меня, то по моему чину дѣло обстояло сложнѣе... Адмиралъ обнадежилъ, что „какъ-нибудь устроимъ“, а пока что приказалъ перебираться на „Суворовъ“ просто пассажиромъ.

На эскадрѣ, готовившейся къ выходу въ дальнее плаваніе, спѣшно грузили запасы и матеріалы, принимали уголь, шла, какъ говорятъ на флотѣ, такая „горячка“, что съ кѣмъ-либо обстоятельно потолковать, о чемъ-нибудь разспросить—и думать не приходилось. Да и самъ я спѣшилъ воспользоваться нѣсколькими часами свободнаго времени, чтобы закупить на берегу вещи, необходимыя въ походѣ. Кое-что привезъ изъ дому (изъ Петербурга) братъ, выѣхавшій мнѣ навстрѣчу, кое-что удалось привезти съ „Діаны“ *), но все же многаго не хватало.

Несмотря на увѣренія старшаго офицера „Суворова“, что завтра ровно въ 9 час. утра будетъ съ берега послѣдняя шлюпка, я, прибывъ на пристань 1 октября за $^1/_4$ часа до назначеннаго срока и прождавъ болѣе получаса, такъ ея и не видѣлъ. Ничуть не огорчился: знакомое дѣло—„горячка“. Кто-нибудь подвезетъ! Взялся подвезти катеръ съ „Александра III“. Въ 10 ч. утра былъ на мѣстѣ. Ранній выходъ не состоялся. Изъ-за малой воды нѣкоторые корабли днищами касались грунта, ползали по илу и никакъ не могли развернуться...

— Недуренъ портъ! Полюбуйтесь!—желчно бросилъ адмиралъ, проходя мимо меня...

По счастью еще съ утра потянулъ слабый SW, и вода

---

*) Это «кое-что», т.-е. форменное платье, шло на пароходѣ въ видѣ груза, адресованнаго торговымъ домомъ «Матэ», въ Сайгонѣ, нѣкоторому торговому дому въ Марселѣ, было упаковано въ ящики съ соотвѣтственными клеймами и не имѣло ничего общаго съ «путешественниками».

пошла на прибыль. „Суворовъ“ тронулся только въ 4 часа пополудни.

Хорошо помню этотъ день. Низкія сѣрыя тучи; не то туманъ, не то изморось; сумрачныя лица; руки, засунутыя въ карманы; головы, прячущіяся плотнѣе въ воротникъ пальто, за который то и дѣло пробираются струйки холодной воды; общая нервность и раздражительность—не то отъ погоды, не то отъ досады на всѣ эти мелкія неудачи, не то... отъ тревоги по поводу недобрыхъ примѣтъ...

— Не отпускаетъ Либава!..—Совсѣмъ не Либава, а строители порта!—Погода какъ на похоронахъ...—Дождь—это къ благополучію при отъѣздѣ!—Да еще пятница!..—Зато—Покровъ!—слышались то тутъ, то тамъ отрывистыя замѣчанія...

Не знаю, тѣ, что находили примѣты благопріятными, были ли искренни?—Видъ у всѣхъ одинаково былъ далеко не веселый.

Я имъ удивлялся. Я вѣдь еще не зналъ того, что имъ было хорошо извѣстно; я даже о составѣ эскадры еще не успѣлъ разспросить толкомъ, а о степени ея боевой готовности не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Я былъ счастливъ одной мыслью, что попалъ на эскадру до ея ухода изъ Россіи! Какія могли быть сомнѣнія?—Разъ посылаютъ эскадру, значитъ она въ силахъ помѣриться съ врагомъ! Иначе и посылать бы не стоило! Будущее—въ нашихъ рукахъ!..—И несмотря на сѣренькій день, на хмурыя лица окружающихъ—на душѣ у меня пѣли райскія птицы.

Ярко запомнился одинъ эпизодъ этихъ проводовъ.

„Суворовъ“ уже выходилъ изъ воротъ аванъ-порта, когда ко мнѣ подбѣжалъ мичманъ князь Ц.

— Это ваши! это ваши! скорѣй! скорѣй!—говорилъ онъ, таща меня за руку къ лѣвому борту.

Я вышелъ на площадку лѣваго трапа.

Неподалеку отъ броненосца, мотаясь на зыби и зарываясь носомъ, держался небольшой, сѣраго цвѣта, паровой баркасъ подъ инженернымъ флагомъ. На палубѣ, уцѣпившись за рубку, стояли мой братъ и его жена. Онъ что-то кричалъ (чего нельзя было разобрать за шумомъ вѣтра) и махалъ фуражкой, а она высоко надъ головой поднимала свою собаченку „Темика“, какъ бы показывая, что и этотъ малый звѣрь участвуетъ въ моихъ проводахъ, хочетъ со мною проститься...

Какіе пустяки, но какъ они врѣзываются въ память!..

Броненосецъ прибавилъ ходу. Сѣренькій баркасъ спѣшно юркнулъ въ гавань. Впереди было открытое море...

Въ этотъ день тронуться въ путь-дорогу такъ и не удалось. Что-то приключилось съ „Сисоемъ“, который застрялъ въ гавани. Кажется, онъ потерялъ якорь и его разыскивалъ. Остались ждать. Съ выходомъ изъ аванъ-порта суета на броненосцѣ нѣсколько улеглась. Явилась возможность нѣсколько разобраться въ вещахъ, наскоро брошенныхъ въ каюту, оглядѣться, устроиться и кой о чемъ разспросить. Среди штабныхъ у меня не оказалось ни одного стараго соплавателя, съ которымъ можно было бы поговорить по душѣ. Правда, старшій флагъ-офицеръ лейтенантъ С. былъ почти моимъ товарищемъ (онъ отсталъ отъ нашего выпуска въ 1-й ротѣ), но послѣ того въ теченіе 20 лѣтъ мы встрѣчались очень рѣдко и могли считаться только знакомыми, отнюдь не пріятелями... Къ тому же всѣ они (штабные) имѣли такой озабоченный видъ, что подступиться къ нимъ съ частной бесѣдой я не рѣшался. Зато въ каютъ-компаніи нашлись двое—старшій артиллеристъ и старшій механикъ, съ которыми не мало пришлось соли съѣсть на „Донскомъ“ и на „Россіи“. Къ нимъ-то я и обратился за разрѣшеніемъ моихъ недоумѣній.

— Почему это взяли съ собою „Сисой“?—спрашивалъ я.— Вашъ отрядъ 18-узловый, а вѣдь онъ, дай Богъ, на 14!

Старшій механикъ поглядѣлъ на меня какъ-то странно, словно стараясь угадать: шучу я или говорю серьезно?.. Наконецъ сообразилъ:

— Да!.. Вѣдь вы прямо изъ Артура!.. Ну такъ вотъ: скорость тутъ не играетъ роли; „Сисой“ свои 14 дастъ, а изъ нашихъ—на „Бородинѣ“ при ходѣ 12 узловъ уже грѣются эксцентрики; что же касается „Орла“, то онъ вовсе не успѣлъ сдѣлать положенныхъ испытаній, и на какую его скорость можно разсчитывать (на долгій срокъ и безъ поломокъ въ машинѣ)—совершенно неизвѣстно... „Суворовъ“, „Александръ“ и „Ослябя“—ну, эти пожалуй 15—16-узловые...

— Ну, а „Наваринъ“ и „Нахимовъ“ съ ихъ пушками въ 35 калибровъ на устарѣлыхъ установкахъ?—„Донской“—эта старая коробка? Я очень его люблю, долго на немъ плавалъ... но куда же ему въ бой?..

— Да кого же брать-то? Если бы можно было снарядить, прихватили бы съ собой и „Мономахъ“, и „Корниловъ“, и всякую другую рухлядь! Вѣдь это все корабли, числящіеся боевыми судами флота! Въ бумажной войнѣ, которую разыгрывали въ тиши кабинетовъ наши стратеги, всѣ они были на учетѣ, согласно всѣмъ даннымъ справочной книжки! Нельзя же теперь, когда началась настоящая война, объявить ихъ хламомъ!..

Онъ горько засмѣялся...

— Но „Слава“? „Олегъ“? „Изумрудъ“? Гдѣ они?..

Опять взглядъ, полный недоумѣнія...

— Про „Славу“ и говорить нечего—она и черезъ годъ еще врядъ ли будетъ готова... „Олегъ“, „Изумрудъ“—не только не начинали испытаній, но даже и постройкой не вполнѣ закончены. Прислали ихъ въ Ревель, да въ такомъ видѣ, что адмиралъ рѣшительно отказался навязывать себѣ на шею эту обузу... Говорятъ—догонятъ насъ въ дорогѣ...

— А чилійцы и аргентинцы?..

— Ничего не выйдетъ!—безнадежно отмахнулся онъ.— Только зря разбрасываютъ сотни тысячъ, если не милліоны разнымъ авантюристамъ, которые обѣщаютъ оборудовать покупку!..

Наступило молчаніе. Райскія птицы перестали пѣть свои пѣсни. На душѣ было смутно и тревожно... Не хотѣлось вѣрить, но безпощадная дѣйствительность такъ ярко била въ глаза... Я хорошо зналъ моего собесѣдника и въ правдивости его словъ не имѣлъ повода усумниться...

— Конечно...—промолвилъ я,— если такъ... приходится брать съ собой все, что можно... Будетъ-ли толкъ? Если бы эти старые корабли были тамъ, на мѣстѣ, къ началу войны,— они могли бы, опираясь на укрѣпленный портъ, принести немалую пользу, выступая противъ соотвѣтственнаго противника и уклоняясь отъ встрѣчи съ неподходящимъ... Но отмахнуть конецъ въ 12,000 миль съ тѣмъ, чтобы въ заключеніе этого похода силой прорываться къ своей базѣ, вступить въ бой, иниціатива котораго будетъ въ рукахъ непріятеля, драться можетъ быть съ лучшими его кораблями, совершенно свѣжими, только что покинувшими свои арсеналы...—мало шансовъ на успѣхъ такого предпріятія...

— И я то же думаю...

— Жаль, что въ 1901 году этотъ отрядъ вернули въ Кронштадтъ...

— Вотъ, вотъ!—встрепенулся мой собесѣдникъ. — Меня прямо злость беретъ, когда я объ этомъ вспомню! На кой чортъ вернули? Подъ предлогомъ сокращенія кредитовъ на плаваніе?—Такъ вѣдь не все-ли равно, гдѣ кончить кампанію? Гдѣ стоять—въ порту подъ крышей—въ Кронштадтѣ или во Владивостокѣ?.. Говорили—требуется капитальный ремонтъ, съ которымъ Владивостокъ не справится... А знаете-ли, я прикидывалъ, что стоили только уголь и смазочные матеріалы, потраченные на переходъ отряда изъ Тихаго въ Балтійское, не считая другихъ расходовъ...—больше полумилліона!.. Если бы эти полмилліона затратить на расширеніе мастерскихъ Владивостока, такъ онѣ бы съ успѣхомъ этотъ ремонтъ выполнили! И старички, подмолодившись, при первыхъ выстрѣлахъ начали бы кампанію! и поработали бы! Можно было бы имѣть двѣ эскадры: первую—въ Артурѣ, вторую—во Владивостокѣ! Ну-ка?.. А теперь?..—Это еще не весь счетъ къ уплатѣ!—Этотъ походъ тѣхъ же, наскоро отремонтированныхъ кораблей на Востокъ, походъ въ военное время, когда мы за все платимъ втрое, вчетверо,—во что онъ обойдется? для нихъ же?—милліона полтора, а то и два!.. Съэкономили!.. Просто привычка! Рутина проклятая: „суда эскадры Тихаго океана, требующія капитальнаго ремонта, возвращаются въ Кронштадтъ“... Конечно могло играть роль и другое соображеніе: отъ заказовъ, работъ и заготовокъ Владивостокскаго порта подъ шпицъ ничего не перепадетъ... пропавшій процентъ... А теперь—не пропало! Корабли можетъ быть и пропадутъ, но процентъ—въ карманѣ!.. Эхъ!..—и, какъ всегда (это была его привычка), разсердившись, онъ порывисто схватилъ фуражку и убѣжалъ въ машину.

— Не преувеличиваетъ-ли „генералъ“ *)? Неужто такъ плохо?—думалъ я, оставшись одинъ въ его каютѣ... и—пошелъ въ каютъ-компанію.

Здѣсь, за исключеніемъ самой зеленой молодежи, почти всѣ оказались хорошими знакомыми по эскадрѣ Тихаго океана.

— Надежный составъ!—невольно подумалось мнѣ.

Разговоръ не смолкалъ, но я не могъ не замѣтить, что въ то время, какъ меня осаждали вопросами объ Артурѣ, о пріемахъ, практикуемыхъ японцами, о боѣ 28 іюля и т. п., мои

*) «Генералъ»—пріятельское прозвище старшаго механика, пріобрѣтенное имъ еще за время плаванія на «Россіи», много лѣтъ назадъ.

попытки—услышать откровенные отзывы о второй эскадрѣ—не приводили къ цѣли. Словно мои собесѣдники о чемъ то умалчивали, не хотѣли распространяться на эту тему. Не секретничали же они передо мною!—Конечно, нѣтъ. И въ этотъ, и въ послѣдующіе дни,—они просто воздерживались громко высказывать то, что каждый изъ нихъ думалъ про себя.

Напомню, что главный морской штабъ былъ заваленъ просьбами о назначеніи на вторую эскадру и былъ вынужденъ отказывать многимъ весьма достойнымъ офицерамъ; комплектація была усилена, и все-таки, даже сверхъ этого усиленнаго комплекта, на судахъ были офицеры, сумѣвшіе убѣдить начальство, что лишній человѣкъ на кораблѣ не Богъ вѣсть какой грузъ, а въ бою пригодится на случай убыли. Въ общемъ, можно сказать — эскадра была укомплектована охотниками. Откуда же это загадочное настроеніе?..—Я вскорѣ понялъ его, а впослѣдствіи и самъ ему поддался... Но не буду забѣгать впередъ. Придержусь въ точности записей моего дневника.

За ночь „Сисой“ справился со своей задержкой, и 2 октября эскадра четырьмя эшелонами тронулась въ путь. Погода была тихая, пасмурная. Временами шелъ мелкій дождь.

Я такъ и остался пассажиромъ. Свободныхъ мѣстъ не было, а убрать кого-нибудь и откуда-нибудь ради меня—было бы ему тяжкимъ оскорбленіемъ. Я не только не просилъ ни о чемъ подобномъ, но даже, если бы и предложили, отказался бы. Я считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ сознаніемъ, что получилъ возможность „выдержать марку“ до конца, не сидѣть въ Сайгонѣ въ то время, какъ другіе будутъ драться, чтобы этимъ послѣднимъ и въ голову не могла придти мысль: „повоевалъ, а теперь отдыхаетъ...“ Нѣтъ и нѣтъ! Я бы всю жизнь мучился этимъ подозрѣніемъ. Мнѣ казалось, что безразлично въ какомъ званіи—исторіографа, корреспондента, пассажира, хотя бы вольнонаемнаго буфетчика,—но я долженъ еще разъ подставить мою голову, долженъ наглядно доказать, что для меня нѣтъ горшей участи, чѣмъ та, которая постигла „Діану“...

Прошу моихъ сухопутныхъ читателей не думать, что слово „пассажиръ“ я употребляю въ ироническомъ смыслѣ: такое состояніе флотскаго офицера предусмотрѣно морскими законами. Если офицеръ оказывается зачѣмъ-нибудь или по какому-нибудь случаю на кораблѣ, не имѣя на немъ опредѣленнаго назначенія, то онъ называется пассажиромъ, жалованье

получаетъ по чину, а вмѣсто морского довольствія—пассажирскія деньги (приблизительно ту сумму, которую платятъ офицеры за свой столъ въ каютъ-компаніи), причемъ въ случаѣ надобности мѣстное начальство можетъ поручить ему ту или иную работу, дать временное назначеніе, но вообще онъ безъ дѣла,—пассажиръ.

— Ничего, что у васъ нѣтъ опредѣленнаго занятія,—вы намъ много поможете своими разсказами о томъ, что и какъ было, какъ и что вышло...—говорилъ мнѣ адмиралъ.—Наши на васъ такъ насядутъ, такъ вамъ придется работать языкомъ, что ни о какой другой работѣ и не подумаете!—шутливо закончилъ онъ.

Въ этомъ отношеніи онъ глубоко ошибался. Я говорилъ уже, что въ штабѣ меня встрѣтили холодно, чтобы не сказать болѣе. Отчасти это было понятно. Они, избранные изъ всего наличнаго состава офицеровъ флота, трудились, работали, готовили эскадру, сочиняли приказы и циркуляры, составляли инструкціи, напрягали всѣ свои способности, прилагали всѣ знанія, всю опытность, чтобы все предвидѣть, все предусмотрѣть... наконецъ—съ ними вмѣстѣ работалъ и главный штабъ, и техническій комитетъ—учрежденія непогрѣшимыя... и вдругъ—по какому-то капризу адмирала какой-то старшій офицеръ съ какого-то крейсера, только потому, что шесть мѣсяцевъ просидѣлъ въ П.-Артурѣ, гдѣ ничего не сумѣли сдѣлать, какъ слѣдуетъ,—будетъ давать имъ совѣты и указанія!.. „его“ надо спрашивать!..

Конечно никто и ни о чемъ меня не спрашивалъ... Мало того, когда я самъ начиналъ съ кѣмъ-нибудь изъ спеціалистовъ разговоръ о томъ, какіе пріемы практиковались въ П.-Артурѣ, какъ многое пришлось измѣнить и приспособить сообразно условіямъ военнаго времени,—меня слушали въ лучшемъ случаѣ снисходительно, а иногда и съ раздраженіемъ... „На основаніи опытовъ въ Транзундѣ... испытанія въ Біоркэ... практика Ревеля... пристрѣлочная станція въ Кронштадтѣ... изслѣдованія на полигонѣ... техническій комитетъ... главный морской штабъ“...—Какое-то полинезійское „табу“, наложенное на всякое живое слово, живое дѣло!

Напомню читателямъ (уже не первый разъ), что въ настоящемъ изложеніи я строго придерживаюсь записей моего дневника, веденнаго изо дня въ день, а часто—изъ часа въ часъ. Можетъ быть въ исторической перспективѣ многія рѣзкости

сгладятся, многое непонятное станетъ понятнымъ, но я теперь, перечитывая листки моего дневника, переживая вновь все, уже однажды пережитое, я задаюсь одной цѣлью—передать, возсоздать на бумагѣ тѣ впечатлѣнія, тѣ настроенія, которыя владѣли мной въ то время.

Не въ осужденіе погибшимъ, не въ укоръ случайно уцѣлѣвшимъ въ гекатомбѣ Цусимы будутъ послѣдующія строки...

Въ огромномъ большинствѣ своемъ, люди—не болѣе, какъ продуктъ современныхъ имъ общественныхъ настроеній. Штабъ и оберъ-офицерамъ, служившимъ во времена процвѣтанія во флотѣ адмирала Алексѣева, можно ли поставить въ вину, что они личными своими качествами не походили на тѣхъ, кто были сподвижниками Нахимова?..

Я не говорю про отдѣльныхъ лицъ штаба адмирала Рожественскаго, я говорю про общее впечатлѣніе, вынесенное мною за первое время моего пребыванія на эскадрѣ. Насколько адмиралъ, не пропускавшій мимо ушей ни одного замѣчанія, все помнившій, обо всемъ думавшій, всецѣло отдававшійся мысли и заботѣ объ успѣшномъ ходѣ военныхъ дѣйствій, возбуждалъ симпатію, желаніе работать вмѣстѣ съ нимъ, помочь ему въ его работѣ,—настолько же его штабъ производилъ впечатлѣніе типичнаго штаба мирнаго времени, точной миніатюры того штаба, что процвѣталъ и процвѣтаетъ подъ эгидой адмиралтейства, со всей его важностью и замкнутостью, мелкими интригами и той особой, ревнивой охраной своей части дѣлопроизводства отъ всякаго посторонняго вторженія, которая служитъ главной основой канцелярской тайны. Не только сдѣлать самостоятельный докладъ, но даже просто въ присутствіи адмирала высказать свое мнѣніе, подать совѣтъ по поводу какого-либо мѣропріятія—значило возбудить противъ себя глубокое негодованіе соотвѣтственнаго спеціалиста. Въ этомъ случаѣ можно было съ увѣренностью ждать, что будутъ приложены всѣ усилія къ доказательству, на основаніи научныхъ данныхъ, непріемлемости сдѣланнаго предложенія. Даже дѣйствуя самымъ дипломатическимъ путемъ, бесѣдуя съ флагманскимъ спеціалистомъ съ глазу на глазъ, приходилось натыкаться на затрудненія, почти неодолимыя.

— Право, не знаю, какъ быть...—обыкновенно оговаривался собесѣдникъ.—У насъ по этому поводу ужъ былъ приказъ (или инструкція). Утверждено и подписано адмираломъ...

— Такъ вѣдь утверждено по вашему же докладу! Вотъ

теперь вы же и передоложите, что, на основаніи вновь полученныхъ свѣдѣній, необходимы такія-то и такія-то поправки...

— Это, знаете ли, трудно... Адмиралъ такъ не любитъ отмѣнять разъ отданнаго распоряженія...

— А вы все-таки попробуйте! Время ли теперь руководствоваться соображеніями, кто и что любитъ? Вѣдь это не Чили съ Аргентиной, а мы съ Японіей воюемъ!..—настаивалъ я, чувствуя совершенно ясно, что преувеличенное благоговѣніе передъ подписью адмирала не болѣе какъ заслонъ личнаго, мелкаго самолюбія противъ возможнаго укола...

Иногда—удавалось, иногда—нѣтъ...

Тяжело вспоминать всѣ эти подробности, перетряхивать весь этотъ хламъ и мусоръ,—но чтожъ дѣлать?.. Изъ этихъ мелочей слагается исторія.

Все сказанное мною о штабѣ второй эскадры отнюдь не составляло какого-нибудь специфическаго свойства этого именно штаба. Это было свойство всѣхъ нашихъ штабовъ, начиная съ главнаго. Была здѣсь только одна особенность, съ которой до того мнѣ не приходилось сталкиваться: двустепенность и анонимность докладовъ. Всякій (конечно, изъ числа штабныхъ или начальствующихъ лицъ, отнюдь не простой смертный), желающій что-либо предложить, высказать свои соображенія, долженъ былъ подробно изъяснить все флагъ-капитану; затѣмъ, если этотъ послѣдній не возражалъ ничего по существу, а лишь высказывалъ пожеланія нѣкоторыхъ поправокъ въ деталяхъ,—представить краткую записку; эта записка перепечатывалась на машинкѣ (безъ подписи) и пріобщалась къ докладу флагъ-капитана. Дальнѣйшая судьба такой записки бывала различна: либо она получала желаемое направленіе, либо передавалась на заключеніе соотвѣтственнаго спеціалиста, либо на ней появлялась резолюція, вовсе не соотвѣтствующая мысли автора, либо она просто оставалась безъ послѣдствій... Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ отъ настойчивости автора зависѣло добиться личнаго доклада, хотя и тутъ на удачу надежды было мало, такъ какъ, несомнѣнно, первый неуспѣхъ являлся результатомъ враждебнаго отношенія къ дѣлу соотвѣтственнаго спеціалиста или кого-нибудь изъ высшихъ чиновъ штаба; приходилось бороться противъ уже созданнаго предубѣжденія, не зная даже, на чемъ оно основано, какіе доводы выставлены противной стороной...

Не думаю, чтобы эта система служила на пользу дѣла.

Кто ее изобрѣлъ—не знаю. Во всякомъ случаѣ она окружала адмирала какъ бы глухой стѣной, пробиться черезъ которую было нелегко!.. Единственной брешью въ этой стѣнѣ были общіе завтраки, обѣды и чаепитія *), когда можно было завести разговоръ на желаемую тему, разговоръ, всегда живо поддержанный самимъ адмираломъ, который никогда не допускалъ замять его, наоборотъ, подавалъ такія реплики, которыя понуждали спорящихъ высказаться до конца. Однако не всѣ чины штаба жили на „Суворовѣ“, и находившіеся на другихъ корабляхъ лишены были возможности пользоваться вышеописаннымъ пріемомъ. Меня тоже хотѣли, подъ предлогомъ тѣсноты, сплавить подальше, и я остался на броненосцѣ только по личному приказанію адмирала.

Присматриваясь и приглядываясь къ внутреннему распорядку на эскадрѣ, я былъ пораженъ почти полнымъ отсутствіемъ примѣненія боевого опыта, горькаго опыта, пріобрѣтеннаго цѣной неудачъ и пораженій въ теченіе цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ войны... Я не хотѣлъ вѣрить, чтобъ имъ пренебрегали, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить, чтобы онъ оставался неизвѣстнымъ на эскадрѣ, идущей въ бой...

Тѣмъ болѣе, что на ней, на этой эскадрѣ, при ея штабѣ, уже больше мѣсяца состоялъ капит. 2 р. К., спеціально командированный адмираломъ Скрыдловымъ изъ Владивостока для того, чтобы принять участіе въ ея снаряженіи...

Правда, этотъ капит. 2 ранга во Владивостокѣ жилъ на берегу, въ бояхъ лично не участвовалъ и никогда не слышалъ даже свиста непріятельскаго снаряда, но могъ же онъ собрать необходимыя свѣдѣнія отъ очевидцевъ, наконецъ по его званію—завѣдующаго военно-морскимъ отдѣломъ штаба командующаго флотомъ Тихаго Океана—въ его рукахъ были всѣ донесенія, какъ съ владивостокскаго отряда крейсеровъ, такъ и отъ Витгефта!.. Неужели всѣ эти, поистинѣ драгоцѣнныя донесенія не попадали ни въ Петербургъ, ни во Владивостокъ, а хранились въ штабѣ намѣстника, какъ матеріалъ, подлежащій обработкѣ въ форму реляцій?.. Это казалось прямо чудовищнымъ...

Такъ или иначе, но опытъ войны не былъ использованъ, какъ бы то слѣдовало. Какія были тому причины? Скудость свѣдѣній, получавшихся съ Дальняго Востока, или пренебре-

*) Весь штабъ столуется у адмирала.

женіе ими, вслѣдствіе глубокой увѣренности „шпица“ въ своей непогрѣшимости?—сказать трудно... Можетъ быть и то, и другое. Нельзя не отмѣтить, что посолъ адм. Скрыдлова придерживался взглядовъ патентованныхъ мудрецовъ. Самъ онъ въ бояхъ не бывалъ, но открыто высказывалъ, что на боевой опытъ возлагаются преувеличенныя ожиданія, что къ непосредственному боевому опыту надо относиться съ тщательной критикой, что боевой опытъ не вноситъ крупныхъ переворотовъ и т. д. *)... Мнѣ эти сужденія казались преступной ересью и глубоко меня возмущали... Если наши мудрецы, пророчествовавшіе теперь заднимъ числомъ, все знали, все предвидѣли,—чего жъ они молчали? почему не предупредили нашихъ неудачъ?.. Да наконецъ, если боевой опытъ только оправдалъ ихъ предвидѣніе, только подтвердилъ ихъ теоріи, то тѣмъ шире надо его использовать, а не отмахиваться отъ него!.. Казалось бы ясно? А на дѣлѣ выходило не такъ...

Въ первый же день моего прибытія на эскадру, бесѣдуя со старшимъ минеромъ „Суворова“ (старымъ знакомымъ еще по китайской кампаніи), я узналъ отъ него, что на всѣхъ судахъ минные погреба не только не опорожнены, но еще сверхъ положеннаго по штату числа минъ тамъ хранятся и контръ-мины, предназначенныя для уничтоженія непріятельскихъ заграждeній, т. е. напримѣръ на „Суворовѣ“ — болѣе 200 пудовъ пироксилина!..

Первоначально я попытался обратиться по этому поводу къ соотвѣтственнымъ чинамъ штаба, но конечно, успѣха не имѣлъ. На мои заявленія, что мины должны быть перегружены на транспорты, что боевыя суда не могутъ возить въ своихъ трюмахъ подобныхъ вулкановъ—мнѣ отвѣчали снисходительной усмѣшкой, едва ли не жалѣли меня въ моемъ грубомъ невѣжествѣ. Мнѣ, однако же, дѣло казалось настолько серьезнымъ и неотложнымъ, что, пренебрегая возможными неудовольствіями, въ тотъ же день за обѣдомъ я навелъ разговоръ на гибель „Петропавловска“, описалъ подробно эту картину, упомянулъ о гибели „Хацусе“, исчезнувшаго подъ водою черезъ 50 секундъ...

---

*) Онъ, упомянутый капитанъ 2 ранга, т. е. г. Кладо, печатно подтвердилъ эти взгляды позже въ своемъ «Очеркѣ военныхъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны», помѣщенномъ, въ качествѣ приложенія, въ морской справочной книжкѣ на 1906 г.—Изданія В. К. А. М.—(Изданіе высоко-оффиціозное).

— Такъ что вы полагаете причиной гибели того и другого—взрывъ минныхъ погребовъ, детонировавшихъ на взрывъ мины?—спросилъ адмиралъ.

— Безусловно, ваше превосходительство! Къ тому же это не мое единоличное убѣжденіе—оно раздѣлялось всѣми...

— Совершенно невозможно!—вмѣшался флагманскій минеръ, видимо едва сдерживавшій свое раздраженіе.—Мнѣ даже странно повторять здѣсь такія азбучныя истины, какъ условія, необходимыя для детонаціи—непосредственное соприкосновеніе веществъ или раздѣленіе ихъ металлической преградой, къ которой онѣ съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ вплотную... воздушная прослойка уничтожаетъ возможность детонаціи! Техническій комитетъ на основаніи произведенныхъ и въ Балтійскомъ, и въ Черномъ моряхъ опытовъ, научно поставленныхъ, пришелъ къ этому выводу! Выводъ не новый,—это было давно извѣстно! Но опыты были произведены послѣ гибели „Петропавловска“ для подтвержденія старой истины, именно въ цѣляхъ полнаго опроверженія разныхъ нелѣпыхъ толковъ!

— Каковы бы ни были опыты, про которые вы говорите, я своими глазами видѣлъ гибель „Петропавловска“ и отчетливо, какъ сейчасъ, помню огромное облако дыма, характерной бурой окраски, окутавшее всю носовую часть броненосца, и въ этомъ облакѣ—летящую мачту... Это не забывается!—А такую силу взрыва и такую массу дыма (именно бураго) могъ дать только минный погребъ... Бѣлыя облака пара появились уже позже, и всѣмъ было ясно, что это взрывъ котловъ и—конецъ броненосца...

— Я вамъ повторяю, что при выполненіи всѣхъ мѣръ предосторожности, предписанныхъ техническимъ комитетомъ, это *невозможно*! Если дѣйствительно случилось такъ, какъ вы разсказываете, то значитъ на „Петропавловскѣ“ не соблюдались инструкціи: мины своими корпусами непосредственно касались борта! не было изолирующей воздушной прослойки!..

— Такого же мнѣнія (приблизительно) держалась и часть членовъ комиссіи минныхъ офицеровъ въ П.-Артурѣ, созванной тотчасъ послѣ гибели „Петропавловска“... Но вѣдь нельзя допустить, чтобы японцы, наблюдавшіе катастрофу, не примѣнили тотчасъ же на своихъ корабляхъ изоляціи минныхъ погребовъ по всѣмъ даннымъ современной науки!—Они все на-лету подхватываютъ.—Однако черезъ мѣсяцъ послѣ „Петро-

павловска", подобно ему, погибъ „Хацусе"! — Я не былъ очевидцемъ его гибели, но слышалъ разсказы людей, наблюдавшихъ ее съ Золотой Горы... Слышалъ не какъ воспоминанія, а какъ описаніе только что, на глазахъ, совершившагося событія... Они разсказывали, что около гротъ-мачты броненосца взвился къ небу гигантскій столбъ пламени и дыма — словно изверженіе вулкана... Черезъ 50 секундъ отъ броненосца не осталось и слѣда. Это время вполнѣ точное. Замѣчено по секундомѣру!.. Послѣ этого случая всякія колебанія были отброшены. Только крейсерамъ, стоявшимъ въ проходѣ, разрѣшено было держать (либо у себя, либо на берегу, близъ мѣста стоянки) по три мины для снабженія ими миноносцевъ, которые по ночамъ бѣгали въ море набрасывать минныя банки... Да и то 28 іюля, передъ выходомъ въ море, адмиралъ озаботился спросить сигналомъ:— Нѣтъ ли на судахъ минъ загражденія? И если есть, то либо свезти на берегъ, либо за недостаткомъ времени просто утопить!..

— Я долженъ повторить, что техническій комитетъ на основаніи научно-поставленныхъ и широко организованныхъ опытовъ...

— Чего шире того опыта, которому мы были свидѣтелями?—два броненосца!..

— Нельзя же отрицать научныхъ выводовъ! разъ технический комитетъ...

— Прежде всего прошу не отождествлять науку съ техническимъ комитетомъ, а затѣмъ скажу, что ни одна изъ наукъ еще не сказала своего послѣдняго слова; каждый день приноситъ намъ новыя открытія... Астрономія была наукой и до Коперника, механика—и до Ньютона!.. Разъ факты опровергаютъ принципы, казалось бы, прочно установленные, нельзя закрывать глаза на дѣйствительность во имя ихъ сохраненія!..

Адмиралъ вмѣшался въ споръ, пытаясь примирить и согласить столь рѣзко разнившіеся взгляды на дѣло.

Я вполнѣ понималъ всю затруднительность его положенія. Съ одной стороны—говорилъ очевидецъ, въ правдивости и наблюдательности котораго онъ не имѣлъ повода сомнѣваться, съ другой—выставлялось рѣшеніе комитета, офиціально признаваемое окончательнымъ, безапелляціоннымъ во всѣхъ вопросахъ техническаго свойства.

Полной побѣды мнѣ одержать не удалось: мины не были

перегружены на транспорты; но все же вышелъ циркуляръ, 3-го октября, которымъ предписывалось принятіе особыхъ мѣръ къ изоляціи минъ отъ соприкосновенія не только съ бортомъ непосредственно, но и черезъ посредство какой-либо металлической части, съ нимъ связанной, изъ опасенія, что детонація можетъ передаваться по металлу и на разстояніе. Тутъ были—деревянныя прокладки, войлочныя подушки, и т. п. Опытъ войны не далъ указаній, насколько такія мѣры были дѣйствительны, такъ такъ ни одно изъ судовъ второй эскадры не получило минной пробоины въ области миннаго погреба.

Всѣ эти техническія подробности, конечно, не представляютъ большого интереса для моихъ читателей, и я остановился на этомъ эпизодѣ съ единственной цѣлью—характеризовать отношеніе лицъ, засѣдавшихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, къ тѣмъ, которые находились въ боевой линіи... Если живому человѣку, съ живой рѣчью, имѣющему возможность немедленно отвѣтить на всякое возраженіе, поддержать свои взгляды, завѣрить, что онъ видѣлъ все своими глазами,—было такъ трудно добиться хоть какого-нибудь отступленія отъ непогрѣшимаго завѣта маговъ и волшебниковъ, осѣненныхъ шпицемъ адмиралтейства,—то какую же цѣну могли имѣть указанія, получавшіяся съ театра военныхъ дѣйствій, написанныя кратко, можетъ быть даже недостаточно подробно мотивированныя?—Несомнѣнно, что обычной для нихъ резолюціей было—„къ дѣламъ“...

Хотя этотъ мой первый выходъ, конечно, не способствовалъ смягченію той холодности, съ которой было встрѣчено штабомъ мое прибытіе, я тѣмъ не менѣе рискнулъ освѣдомиться у флагъ-капитана, какія мѣры приняты для обезпеченія безопасности эскадры при слѣдованіи ея Бельтомъ. Флагъ-капитанъ отвѣтилъ, что всѣ мѣры приняты, что помимо наблюденія со стороны датскихъ военныхъ судовъ, оберегающихъ нейтралитетъ своихъ территоріальныхъ водъ, у насъ организована и своя собственная охрана какъ съ берега, такъ и на водѣ при посредствѣ спеціально зафрахтованныхъ пароходовъ, которые крейсируютъ въ проливѣ и будутъ смотрѣть, чтобы какія-нибудь подозрительныя суда не набросали минъ на пути эскадры передъ самымъ ея проходомъ.

Наученный опытомъ, я заговорилъ съ большой скромностью на ту тему, что, разъ подобныя опасенія существуютъ, не лиш-

нее было бы впереди эскадры пустить тралящій караванъ, какъ это дѣлали въ Портъ-Артурѣ, что разумѣется принятыя мѣры предосторожности вполнѣ цѣлесообразны, но случайный недосмотръ всегда возможенъ, а ужъ позади тралящаго каравана, вплотную къ нему—тамъ чисто, притомъ навѣрняка, внѣ всякихъ сомнѣній...

Флагъ-капитанъ не сталъ спорить, но рекомендовалъ мнѣ обратиться къ флагманскому минеру, такъ какъ разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ и докладъ по нимъ относятся къ его спеціальности.

Направился по указанному адресу и въ самомъ мирно-совѣщательномъ тонѣ высказалъ мои соображенія. Принятъ былъ довольно благосклонно, во всякомъ случаѣ не „въ штыки".

— Такъ то оно такъ... — говорилъ флагманскій минеръ. — Конечно, протралить—это полное обезпеченіе отъ всякихъ случайностей... Но, сами посудите, сколько же времени возьметъ у эскадры этотъ проходъ Бельтомъ? — Недѣлю, а то и больше!..

— Почему?

— Да потому, что за день, въ среднемъ, больше 8 — 10 миль никакъ не обслѣдуешь! да еще прикиньте на дурную погоду...

— Мы, кажется, не понимаемъ другъ-друга. Я говорю про тралящій караванъ, идущій впереди эскадры. Второй отрядъ артурскихъ миноносцевъ, входившій въ составъ каравана, шедшій съ тралами впереди эскадры во время ея выходовъ въ море, состоялъ изъ миноносцевъ отечественной постройки типа „Соколъ", т. е. 220 тоннъ водоизмѣщенія. Пара такихъ миноносцевъ, буксируя тяжелый, стосаженный тралъ, свободно развивала скорость 5 — 6 узловъ. Наши миноносцы по 350 тоннъ, и имъ будетъ еще легче! Составьте 5 паръ въ шахматномъ порядкѣ, въ строѣ двойного фронта—вотъ вамъ подъ самымъ носомъ эскадры, по пути ея слѣдованія, достовѣрно чистая полоса шириной болѣе 300 саженъ!.. Съ разсвѣтомъ—тронуться въ путь, а къ вечеру—Бельтъ пройденъ.

— Мы, кажется, дѣйствительно, не понимаемъ другъ друга... —заговорилъ мой собесѣдникъ, видимо раздражаясь.—По крайней мѣрѣ ваше предложеніе такъ... неожиданно, чтобы не сказать болѣе... Миноносцы составятъ тралящій караванъ! Миноносцы, которыхъ у насъ такъ мало, которыхъ мы должны беречь пуще глаза!..

— Но, еще больше ихъ, надо беречь броненосцы!..

— Вы здѣсь вновѣ, всего второй день, видимо еще недостаточно ознакомились со всѣмъ, что уже сдѣлано... Вотъ — схема организаціи работъ по очисткѣ проходовъ отъ минъ загражденія, утвержденная адмираломъ и объявленная еще 8 іюля. Прочтите— это будетъ скорѣе, чѣмъ я сталъ бы разсказывать.

Я углубился въ чтеніе...

Случалось ли вамъ, читатель, вернувшись издалека въ полной увѣренности, что добрые родственники и знакомые все устроили и наладили согласно указаніямъ, которыя были даны вами заблаговременно, вдругъ убѣдиться, что ваши письма либо не дошли, либо на нихъ не обратили никакого вниманія?—Приблизительно въ такомъ положеніи чувствовалъ себя я, наскоро пробѣгая любезно предложенную мнѣ „схему организаціи и т. д.“.

Это была тщательно, детально разработанная инструкція, являвшаяся прямо незамѣнимой для смотровыхъ ученій по минной части на тихихъ водахъ Транзундскаго рейда.

Здѣсь все было предусмотрѣно, до самыхъ ничтожныхъ мелочей снабженія работающихъ шлюпокъ, даже „сухая пакля (около 2-хъ фунт.)“... Но стосаженные, какіе-то особо изобрѣтенные, хитрые, тралы буксировались паровыми катерами! Этимъ послѣднимъ помогали при обслѣдованіи особенно подозрительныхъ мѣстъ *гребные* катера! При нихъ шли *гребные барказы съ водолазами, которыхъ предполагалось спускать на непріятельскія мины*, если окажется, что инымъ способомъ уничтожить ихъ невозможно!.. Это послѣ полугода горькаго артурскаго опыта! Послѣ того, какъ еще въ апрѣлѣ было признано, что не только гребныя шлюпки, не только паровые катера, но даже и минные катера слишкомъ слабосильны для успѣшнаго траленія рейда или прохода, имѣющаго сообщеніе съ открытымъ моремъ! Послѣ того, какъ уже 6 мѣсяцевъ для этого дѣла былъ организованъ и въ Портъ-Артурѣ, и во Владивостокѣ спеціальный тралящій караванъ! Послѣ двухъ выходовъ въ море артурской эскадры, шедшей съ тралами впереди!.. А самый типъ трала, выработанный потомъ и кровью, цѣною такихъ жертвъ, цѣною стольких жизней?—о немъ здѣсь и не слышали или... не хотѣли слышать...

Должно быть, чувства, меня волновавшія, достаточно ясно выражались на моемъ лицѣ, потому что минеръ, принимая отъ

меня инструкцію, которую я наскоро пробѣжалъ, нѣсколько утратилъ свою самоувѣренность и какъ-то смущенно, почти растерянно говорилъ:

— Вы видите... сдѣлали, что могли... опыты... техническій комитетъ... комиссія... конечно, всего не предусмотришь... утверждено адмираломъ...

Я чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, котораго вдругъ опрокинули на обѣ лопатки. Я взялъ себя въ руки, сдержался. Я не сталъ ни возмущаться, ни протестовать. Я началъ подробно разсказывать все по порядку, сопровождая свое изложеніе чертежами. Я убѣждалъ, я просилъ... ради общаго дѣла, ради флота, ради Россіи...

Онъ сдался, но несовсѣмъ. Понятно было, что главнымъ затрудненіемъ являлся докладъ о необходимости просто... выбросить уже три мѣсяца тому назадъ утвержденную инструкцію и представить на утвержденіе новую, не имѣющую со старой ничего общаго.

II.

Первый переходъ—первая аварія.—Стоянка у Факьеберга.—Попытка плаванія съ траломъ впереди.—Походъ Бельтомъ.—Нашъ безпроволочный телеграфъ.—Стоянка у Скагена.—Эпизодъ съ «Камчаткой». — Примѣта. — «Гульскій инцидентъ».—Плаваніе Каналомъ и Бискайкой.—100 приказовъ и 400 циркуляровъ.—«Эскадра» или «армада»?..

3 октября—первая аварія, о которой намъ было сообщено по безпроволочному телеграфу: миноносецъ „Быстрый“, приблизившись для переговоровъ къ „Ослябя“, вслѣдствіе неудачнаго маневра навалилъ на броненосецъ, помялъ себѣ носовой минный аппаратъ и форъ-штевень и получилъ пробоину въ надводной части борта, небольшую, всего $4^1/_2$ дюйма. Флагманскій корабельный инженеръ выразилъ увѣренность, что на ближайшей же якорной стоянкѣ поврежденіе можно будетъ исправить.

4 октября въ 7 ч. 15 м. утра первый броненосный отрядъ сталъ на якорь близъ маяка Факьебергъ, у входа въ Бельтъ, а въ 9-мъ часу, по приходѣ послѣдняго, запоздавшаго въ пути, эшелона, вся эскадра оказалась въ сборѣ. Тотчасъ приступили къ погрузкѣ угля, но послѣ полудня такъ засвѣжѣло отъ S, что ее пришлось прекратить.

Идея организаціи при эскадрѣ тралящаго каравана была встрѣчена адмираломъ крайне сочувственно и осуществленіе ея въ будущемъ было признано насущно-необходимымъ, что же касается примѣненія ея немедленно — встрѣтились препятствія почти неодолимыя: во-первыхъ—на эскадрѣ не имѣлось ни одного трала артурскаго образца, а во-вторыхъ—миноносцы никогда не практиковались въ этомъ дѣлѣ, и потому отъ перваго ихъ выступленія на этомъ поприщѣ, безъ надлежащей подготовки, да еще въ такомъ широкомъ масштабѣ,—нельзя было ожидать ничего, кромѣ аварій.

По первому пункту я протестовалъ, утверждая, что въ П.-Артурѣ тралы никогда не дѣлались въ порту, а изготовлялись на судахъ эскадры, своими средствами и своими рабочими, причемъ свѣдѣнія о порванныхъ, потерянныхъ или просто брошенныхъ тралахъ получались, обыкновенно, только къ концу рабочаго дня, а къ утру слѣдующаго — всегда снова имѣлся полный ихъ запасъ, такъ какъ за ночь ихъ успѣвали сдѣлать. Что касается второго довода—я не могъ не признать его убѣдительности. Я хорошо помнилъ, какъ трудно налаживалось дѣло въ П.-Артурѣ, сколько траловъ было оборвано, сколько винтовъ было запутано, пока командиры судовъ, предназначенныхъ для траленія, не пріобрѣли должной сноровки...—Надо было учиться, а безъ науки надѣяться на счастливое выступленіе новичковъ не приходилось... Дѣло могло закончиться не только аваріями, но прямо бѣдствіями... Проектъ повидимому откладывался въ долгій ящикъ, какъ вдругъ я получилъ неожиданное подкрѣпленіе со стороны другого флагманскаго минера (ихъ было двое), который, за недостаткомъ мѣста на „Суворовѣ“, жилъ на „Бородинѣ“. По его докладу адмиралъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ произвести опытъ теперь же. Если не для обезпеченія безопасности плаванія эскадры, то хотя бы для того, чтобы наглядно ознакомиться съ дѣломъ. Тѣмъ болѣе, что изъ-за свѣжей погоды, вызвавшей пріостановку погрузки угля, уходъ эскадры былъ отложенъ на 6 октября, значитъ времени на изготовку трала было въ избыткѣ. Миноносцевъ, хотя бы двухъ, дать все-таки не рѣшились. Въ тралящую пару были назначены—„Ермакъ“ и „Ролландъ“... — Еще Пушкинъ сказалъ, что „въ одну телѣгу впречь не можно коня и трепетную лань...“ Тутъ же это сравненіе являлось слишкомъ мягкимъ, слѣдовало бы сказать—„Слона и маленькаго пони...“—Но выбора не было, —

бери, что даютъ. Относительно постройки самого трала было экстренно разослано циркулярное предписаніе, какому кораблю какіе предметы доставить на „Ермакъ“ утромъ 5 октября. „Камчаткѣ“ по телеграфу былъ переданъ заказъ на изготовленіе 50 кошекъ *), которыя составляли необходимую принадлежность трала артурскаго образца.

Я попытался было высказать свое мнѣніе, что такое собираніе „съ міру по ниткѣ“, конечно, свидѣтельствуетъ о высокой организаціи и глубоко справедливо, но едва-ли удобно, что не лучше ли забрать все необходимое прямо съ „Суворова“, а затѣмъ приказать остальнымъ возмѣстить ему его протори и убытки?

Но это былъ уже до такой степени вопросъ чисто штабной техники, что мнѣ просто сказали—„Брысь!..“

5 октября оба флагманскіе минера и я прибыли на „Ермакъ“. Предчувствія мои оправдались. Многіе корабли (на совершенно законныхъ основаніяхъ) не прислали или не имѣли возможности прислать того, что отъ нихъ требовалось. Пришлось дѣлать сигналы, писать и разсылать записки. Между прочимъ „Камчатка“ не доставила кошекъ. Спросили — „Почему“?—отвѣтила—„За неполученіемъ „наряда“ къ работѣ не приступали“...

Не правда ли, какъ характерно?—Мнѣ такъ и вспомнился артурскій портъ въ первыя недѣли по открытіи военныхъ дѣйствій, когда шагу нельзя было ступить безъ выполненія „необходимыхъ формальностей“, и старый пріятель, который, поднимая руку къ небу, торжественно возглашалъ:—„Бумажка, дорогой мой, святое дѣло!..“

Кое-какъ справились и, проработавъ часть ночи, соорудили тралъ, не совсѣмъ такой, какъ въ Артурѣ, но „подъ артурскій“. Принимая во вниманіе, что на „Ермакѣ“ весь личный составъ, по моимъ разсказамъ, достаточно ознакомился съ дѣломъ, между тѣмъ какъ „Ролландъ“ былъ нѣмецкій буксирный пароходъ, только что зафрахтованный, шкиперъ и команда котораго не имѣли о траленіи никакого представленія, рѣшено было, что я и одинъ изъ флагманскихъ минеровъ пересядемъ на „Ролландъ“, а другой минеръ останется на „Ермакѣ“.

Чуть посвѣтлѣло, оба парохода перешли къ самому входу

---

*) Кошка — маленькій четырехлапый якорь. Въ данномъ случаѣ размѣръ ея не превышалъ 8 дюймовъ.

въ Бельтъ и начали заводить тралъ. Вопреки моимъ опасеніямъ, работа была выполнена безъ сучка, безъ задоринки. Нигдѣ и ничто не „заѣло“ и не „захлестнуло“. Къ 7 ч. утра, когда эскадра уже начала сниматься съ якоря, мы были готовы идти впереди ея. Но тутъ... Всякому ясно, что въ такой работѣ, какъ буксировка трала, чѣмъ больше корабль, чѣмъ сильнѣе его машина, тѣмъ менѣе онъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и — наоборотъ, а потому въ тралящей парѣ большой корабль долженъ приспособляться къ маленькому. Повидимому, на „Ермакѣ“ объ этомъ не подумали и, не давъ „Ролланду“ времени для занятія надлежащей позиціи, круто повернули на указанный курсъ и дали ходъ... Маленькій пароходикъ, подхваченный за корму траломъ, какъ буксиромъ, почти лишенный возможности управляться, отчаянно засигналилъ:—„Стопъ машина! Что вы дѣлаете?...“ — Долженъ отдать полную справедливость командиру „Ермака“, онъ сразу увидѣлъ и понялъ свою ошибку: не только застопорилъ машины,—далъ ходъ назадъ... Но было поздно. Осадить громаду „Ермака“, двинувшуюся впередъ, было не такъ то легко и скоро... Тралъ уже успѣлъ вытянуться въ струну и—лопнулъ... Между тѣмъ эскадра приближалась. На сигналъ „Ермака“ о нашей неудачѣ адмиралъ отвѣтилъ: — „Считать путь протраленнымъ“ и—пошелъ дальше... „Ермакъ“, который въ качествѣ могучаго буксира долженъ былъ сопровождать эскадру, просемафорилъ намъ—„Подберите тралъ и слѣдуйте за нами“, а самъ присоединился къ броненосцамъ... Уборка порваннаго трала заняла около $1^1/_2$ часа времени. Потомъ пошли догонять эскадру.

Эта неудача очень меня озаботила. Самъ по себѣ случай былъ совсѣмъ неважный. Стоило вспомнить, сколько траловъ перервали въ П.-Артурѣ, пока дѣло не наладилось окончательно!.. Если бы меня спросили: кто виноватъ? — я затруднился бы указать виновнаго. Неопытность — ничего болѣе!.. Но этотъ „первый блинъ комомъ“ — какимъ козыремъ могъ онъ явиться въ рукахъ защитниковъ „транзундской“ инструкціи!

Около 10 ч. утра, уже догоняя эскадру (мы шли кратчайшимъ путемъ), получили телеграмму—„Идти къ „Орлу“. Въ полдень подошли къ броненосцу, стоявшему на якорѣ посреди Бельта.

Приблизившись, крикнулъ командиру въ рупоръ:

— Присланъ съ пароходомъ въ ваше распоряженіе! Жду приказаній!

— Мнѣ не надо никакого содѣйствія! Управлюсь своими средствами! Станьте на якорь по близости!

— Есть!

Однако вскорѣ же пришлось оказать содѣйствіе и притомъ способомъ совершенно неожиданнымъ.

Дѣло въ томъ, что на „Ролландѣ“ былъ установленъ небольшой силы аппаратъ безпроволочнаго телеграфа системы Маркони и, только что мы отдали якорь, какъ этотъ аппаратъ началъ принимать телеграммы, адресованныя „Орлу“, или вѣрнѣе—вызовъ „Орла“ „Суворовымъ“, на который первый не отвѣчалъ.

Передали ему семафоромъ—„Васъ вызываетъ „Суворовъ“—. Тотчасъ же нашъ пріемный аппаратъ записалъ—отвѣтъ „Орла“, а затѣмъ телеграмму „Суворова“ — „Какъ скоро надѣетесь исправить поврежденіе?“—Съ „Орла“—молчаніе. Послѣ того, какъ „Суворовъ“ дважды повторилъ свой вопросъ, а „Орелъ“ продолжалъ безмолвствовать, мы передали ему и эту телеграмму семафоромъ. Онъ немедленно отвѣтилъ — „Не позже какъ черезъ 2 часа“.

Дальнѣйшіе переговоры велись по той же крайне оригинальной системѣ: „Ролландъ“ принималъ телеграммы „Суворова“ и семафоромъ передавалъ ихъ содержаніе на „Орелъ“, до котораго онѣ почему-то не достигали, а „Орелъ“, уже непосредственно, отвѣчалъ „Суворову“.

Не будучи спеціалистомъ дѣла, я обратился за разъясненіями къ флагманскому минеру, вмѣстѣ со мной оставшемуся на „Ролландѣ“.

— Очевидно на „Орлѣ“ какая-то неисправность въ пріемномъ аппаратѣ...—заявилъ онъ.

— Объ этомъ я и самъ давно догадался, а вы мнѣ объясните, почему эту неисправность не могутъ найти и устранить? Вѣдь на „Орлѣ“ два минныхъ офицера — спеціалисты своего дѣла, а его выручаетъ какой-то буксирный пароходъ, на которомъ ужъ нѣсколько лѣтъ, почти безъ всякаго техническаго присмотра, стоитъ какой-то слабосильный аппаратишка и... такъ исправно работаетъ!

— Такъ вѣдь это—„Маркони“. Онъ значительно проще...

— А у насъ на эскадрѣ какая система?

— У насъ—патентъ германской фирмы „Сляби-Арко“.

— Что же это—послѣднее слово науки? Вездѣ принято!

— Н-нѣтъ... пока еще... нигдѣ, но фирма представила такія данныя, обѣщала такой раіонъ дѣйствій, какого до сихъ поръ никому еще не удавалось достигнуть...

— Такъ что боевая эскадра Россіи, послѣдняя карта въ нашей игрѣ—предоставлена господамъ „Сляби-Арко“ для производства широкаго опыта? А если это только реклама?..

— Я тутъ ни при чемъ! я—ни при чемъ!—поспѣшно заговорилъ минеръ (видимо, ему почудилось, что я готовъ на него броситься).—Я даже протестовалъ, какъ могъ... Я настаивалъ на системѣ „Маркони“, испытанной системѣ, столько лѣтъ... Но, вы сами понимаете, что я могъ?.. Техническій комитетъ призналъ наилучшей; главное управленіе заключило контрактъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь! Самъ адмиралъ, если бы попытался, ничего бы не вышло!... Лбомъ въ стѣну!..

— Ну, а вы?—кругомъ нѣмцы, которые нашего разговора не понимаютъ —скажите прямо: что думаете объ этой системѣ?

— Трудно сказать, что будетъ... можетъ быть наладится. Съ нами идутъ на разныхъ судахъ спеціальные монтеры отъ фирмы. Вѣдь только что приняли и поставили. Пока, если говорить откровенно, хорошаго мало...

— Ну, счастье ваше, что вы не членъ техническаго комитета! А то, сгоряча, я могъ бы поступить съ вами очень не хорошо... Снабженіе арміи негоднымъ оружіемъ, негодными боевыми припасами—вѣдь это приравнивается къ измѣнѣ!..

Въ 2 ч. дня „Орелъ“ снялся съ якоря и пошелъ догонять эскадру. Мы слѣдовали за нимъ. Изъ обмѣна телеграммъ между нимъ и „Суворовымъ“ извѣстно было, что поврежденіе произошло въ рулевой машинкѣ, и, кажется, исправили его не совсѣмъ: броненосецъ очень плохо держалъ на курсѣ и сильно рыскалъ. Шли всю ночь. Около 8 ч. утра завидѣли впереди отставшіе отъ эскадры „Аврору“ и транспортъ „Метеоръ“. Около 11 ч. утра 7 октября, почти одновременно съ ними, подошли къ мѣсту стоянки эскадры на SW отъ мыса Скагенъ.

Вернувшись на „Суворовъ“, на самомъ трапѣ чуть не столкнулся со старымъ товарищемъ и пріятелемъ, который давно уже потянулъ прочь отъ строя, какъ говорятъ во флотѣ — „пошелъ въ отхожіе промысла“. Я торопился съ до-

кладомъ. Онъ торопился на свой корабль. Однако оба задержались, чтобы обмѣняться привѣтствіями.

— Ты здѣсь по какому случаю?

— Командую миноносцемъ...

— Кой чортъ тебя понесъ? Развѣ потребовали? Зачѣмъ лѣзешь?

— А ты зачѣмъ лѣзешь? да еще по второму разу? мало Артура?..

— Я—другое дѣло! я—въ строю!..

— Врешь, братецъ! Всѣ мы одной веревочкой связаны: столько лѣтъ мундиръ носилъ, флотскимъ офицеромъ числился—плати по векселю! Къ расплатѣ!..

— Пусть даже такъ, но почему этотъ трагическій тонъ?..

— Ну, мнѣ некогда! При случаѣ — поговоримъ... До свиданья! Попригляднишься—самъ поймешь!..—бросалъ онъ отрывистыя фразы, сбѣгая по трапу, и, спрыгнувъ въ подошедшій катеръ, уже оттуда еще разъ крикнулъ:

— Помяни мое слово! Къ расплатѣ! Къ расплатѣ!..

Отъ Скагена пришлось отослать обратно въ Либаву миноносецъ „Прозорливый“, у котораго такъ потекли холодильники, что исправить повр жденія своими средствами оказалось невозможнымъ, а также и „Ермакъ“, у котораго было что-то неладно въ дейдвудныхъ трубахъ. Обидное начало!..

Здѣсь, насколько я могъ быть освѣдомленнымъ, предполагалось простоять двое сутокъ для пополненія запасовъ угля на предстоящій большой переходъ. Каковъ былъ этотъ переходъ, каковъ былъ предполагаемый маршрутъ эскадры?—оставалось мнѣ неизвѣстнымъ.

По отношенію ко мнѣ штабные чины хранили безмолвіе, считая меня за „чужого“. Признаюсь, я даже не былъ въ претензіи: — Слава Богу, что научились беречь настоящіе секреты! — Однако же какими-то неисповѣдимыми путями кой-какія свѣдѣнія проникали въ каютъ-компанію.

Такъ напримѣръ около полудня стало извѣстно, что агенты нашей охраны сообщили, будто рыбаки видѣли 4 миноносца неизвѣстной національности, державшіеся въ морѣ по ту сторону Скагена; видѣли также какой-то воздушный шаръ, прошедшій надъ мѣстомъ стоянки эскадры съ SW на NO; командиръ транспорта „Баканъ“, возвращавшагося изъ Ледовитаго океана, донесъ, будто бы, адмиралу о какихъ-то подозрительныхъ судахъ, укрывавшихся въ бухтахъ норвежскаго бе-

рега... Возможно, что эти свѣдѣнія были неточны. Непосвященный въ тайны штаба, я вынужденъ былъ для своихъ замѣтокъ довольствоваться тѣмъ, что слышалъ въ каютъ-компаніи и частью отъ командира броненосца, стараго соплавателя по эскадрѣ Тихаго океана.

Во всякомъ случаѣ что-то было, такъ какъ эскадра собралась въ путь того же 7 октября, не закончивъ пріемки угля.

Въ 3 ч. дня снялись съ якоря миноносцы и транспорты, къ которымъ они были приписаны; слѣдомъ за ними—первый эшелонъ крейсеровъ (к.-а. Энквистъ); затѣмъ, въ 5 ч. веч.—второй эшелонъ крейсеровъ (кап. 1 ранга Шеинъ); около 7 ч. веч.—второй броненосный отрядъ (к.-а. Фелькерзамъ), а въ $8^1/_2$ час.—„Суворовъ“, „Александръ III“, „Бородино“, „Орелъ“ и транспортъ „Анадырь“. Ночь была лунная, ясная; погода—тихая.

Къ утру, 8 октября, при слабомъ SW нашелъ такой туманъ, что съ трудомъ различали „Александра“, державшагося позади насъ въ разстояніи менѣе двухъ кабельтововъ. Къ полдню туманъ разсѣялся.

Отъ штурмановъ узналъ, что идемъ черезъ Ламаншъ. Не могъ не высказать своего одобренія этому смѣлому ходу адмирала. Дѣйствительно, если донесенія агентовъ были справедливы, если японцы готовили какую-нибудь ловушку эскадрѣ тотчасъ послѣ ея выхода изъ Балтійскаго моря,—то, несомнѣнно, по ихъ подозрительному характеру, они не могли разсчитывать на сохраненіе тайны, а потому должны были предположить, что мы никоимъ образомъ не пойдемъ торной дорогой, а изберемъ океанскій путь, кругомъ Англіи, съ погрузкой угля на Феррерскихъ островахъ, путь, гдѣ встрѣчныя суда—рѣдкость, гдѣ на каждое изъ нихъ можно было бы обратить вниманіе, всякое подозрительное осмотрѣть и либо самимъ уклониться въ сторону, либо его попросить уйти съ дороги. Недаромъ тревожныя вѣсти получались либо изъ Норвегіи, либо изъ сѣверо-восточной Англіи...

День прошелъ спокойно.

Въ 9-мъ часу вечера „Камчатка“, которая, какъ оказалось, вслѣдствіе поврежденія въ машинѣ отстала отъ эшелона к.-а. Энквиста и шла въ одиночествѣ, телеграммой донесла, что атакована миноносцами. Извѣстіе было до такой степени невѣроятно, что въ первый моментъ вызвало только недоумѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ: если даже на нашемъ пути дѣйствительно были японцы, то развѣ только обладая даромъ ясновидѣнія они могли признать въ одиноко-идущей „Камчаткѣ“ корабль, принадлежащій къ русской эскадрѣ. Порукой тому служила ея внѣшность коммерческаго парохода (и къ тому же пребезобразнаго!). Наконецъ, если даже ихъ осѣнило такое вдохновеніе, если имъ удалось „опознать“ это сокровище, то какой смыслъ былъ нападать на нее? Развѣ ея потопленіе могло бы остановить движеніе эскадры?.. Тутъ какое-то недоразумѣніе... Многіе высказывали опасеніе: не натолкнулась ли она случайно на отрядъ нѣмецкихъ миноносцевъ? И если, чего добраго, открыла по нимъ огонь?—Инцидентъ готовъ! и прескверный инцидентъ!

Послѣдующія телеграммы были еще страннѣе и даже возбудили подозрѣніе въ мистификаціи.

„Камчатка“ доносила, что нѣкоторые миноносцы подходили на дистанцію одного кабельтова, что она приводитъ ихъ за корму и, отстрѣливаясь, уходитъ отъ нихъ разными курсами... И такъ до 11 ч. вечера!.. Всякому было ясно, что „Камчатка“ съ ея поврежденіемъ въ машинѣ (она и въ полной исправности не могла дать больше 14 узловъ), съ ея артиллеріей изъ нѣсколькихъ 75-миллиметровыхъ пушекъ, не могла бы держаться такъ долго противъ атаки цѣлаго отряда миноносцевъ. Будь это такъ, ея мѣсто давно было бы на днѣ Нѣмецкаго моря!.. Эти подозрѣнія превратились почти въ увѣренность, когда въ 11 ч. вечера получилась телеграмма, которой „Камчатка“ просила „Суворова“ показать свое мѣсто (т. е. широту и долготу), а затѣмъ—„обозначить мѣсто эскадры прожекторомъ“...

— Ну, это кто-то шутки шутитъ!—говорили офицеры.—Кому-то надо знать наше мѣсто!...

Я предложилъ, было, въ видахъ удостовѣренія личности просить нашего корреспондента сообщить имя, отчество и день рожденія старшаго механика „Камчатки“. Такія свѣдѣнія врядъ ли могли быть въ распоряженіи „шутника“. Предложеніе не встрѣтило сочувствія.

Адмиралъ приказалъ отвѣтить такъ:—Когда избѣгнете опасности, держите West, телеграфируйте ваше мѣсто, вамъ укажутъ курсъ.

Телеграммы прекратились.

Это было еще подозрительнѣе.

Слабый SW, балла на 3—4, развелъ таки волну; изъ-за

борта временами поддавало; сверху сыпалась какая-то дрянь—не то дождь, не то изморось; сырость пронизывала до костей... Дѣла у меня никакого не было, и неожиданно счастливая мысль пришла въ голову:—Чего я тутъ, зря, толкаюсь?...—Мысль чисто артурская, когда бывало на рейдѣ, въ дежурствѣ, отстоявъ свои часы, разбудишь безпечно храпящаго командира и, сдавъ ему „сдачу", самъ не менѣе безпечно заваливаешься спать съ твердой рѣшимостью—съ мѣста не тронуться безъ тревоги—хоть взрывай!..

Многіе смѣются надъ примѣтами, а я такъ вотъ имъ вѣрю...

Была у меня фотографическая карточка адмирала Макарова, полученная передъ самымъ отъѣздомъ на войну. Конечно, ни въ дорогѣ, ни Артурѣ я не могъ собраться вставить ее въ рамку, но возилъ съ собою повсюду, какъ святыню, часто перечитывая тѣ задушевныя, простыя слова, которыми была исписана оборотная сторона портрета—словно завѣщаніе, словно послѣднюю волю безвременно погибшаго дорогого учителя... смѣю ли сказать—друга...

Конечно, и на „Суворовѣ", въ моей тѣсной каюткѣ, этотъ портретъ стоялъ на письменномъ столикѣ, прислоненный къ переборкѣ. Обрѣзъ картона былъ обклеенъ узкой полоской красной бумаги (вкусъ фотографа) и вотъ... спустившись внизъ, я увидѣлъ—очевидно откуда-то протекло—что струйка воды, сбѣжавшая по переборкѣ, удѣлила нѣсколько капель какъ разъ на середину верхней кромки портрета, и эти капли, окрасившись на его бордюрѣ и скатившись на столъ, оставили вдоль лица и груди адмирала узкую, кроваво-красную полосу...

— Не къ добру!..—невольно подумалъ я, разсматривая портретъ въ надеждѣ, что бѣду можно еще поправить; но нѣтъ—красная краска надежно въѣлась и уже засохла...—Быть худу!...

Я все-таки крѣпко заснулъ.

Меня разбудили, какъ мнѣ показалось, звуки горна, игравшаго тревогу.

— Во снѣ или на яву?—было моей первой мыслью.

Топотъ ногъ людей, бѣгущихъ по трапамъ, грохотъ бесѣдокъ со снарядами, катящихся по рельсамъ подачи, разомъ разсѣяли сомнѣнія... А вотъ—и первый выстрѣлъ!..

Я выбѣжалъ на кормовой мостикъ и почти наткнулся на младшаго минера лейтенанта В., управлявшаго кормовыми про-

жекторами, и старшаго доктора Н., присутствовавшаго въ качествѣ любителя сильныхъ ощущеній.

— Что такое? Въ кого стрѣляютъ?

— Миноносцы! Минная атака!—заговорили они оба...— Вотъ! Вотъ!..

Только что выбѣжавъ изъ ярко-освѣщенной каюты, еще не освоившись съ темнотой, я ничего не видѣлъ...

Прожекторы свѣтили вправо и по носу. Весь правый бортъ поддерживалъ энергичный огонь. Однако суматохи не было. Наоборотъ... То и дѣло слышались звонки приборовъ артиллерійской стрѣльбы, передающихъ приказанія. Видимо, дѣломъ распоряжались. Это не было похоже на паническую „пальбу по водѣ“, которой я былъ свидѣтелемъ 31 марта, въ Портъ-Артурѣ...

Поспѣшилъ на передній мостикъ, гдѣ должны были находиться адмиралъ, командиръ и прочее начальство. Пробѣгая мимо телеграфной рубки, взглянулъ на часы—12 ч. 55 м. ночи. Записалъ.

Съ передняго мостика мнѣ открылась такая картина: справа и впереди въ разстояніи нѣсколькихъ миль виднѣлся рядъ огней, между которыми временами мелькали вспышки сигналовъ. Кто-то (не помню, къ кому я обратился) пояснилъ, что это отрядъ к.-а. Фелькерзама. Затѣмъ я увидѣлъ въ лучахъ прожекторовъ: справа и впереди, но много ближе, въ разстояніи нѣсколькихъ кабельтововъ небольшой однотрубный и одномачтовый пароходикъ, видимо недавно пересѣкшій курсъ эскадры слѣва—направо и медленно удалявшійся; другой, ему подобный шелъ съ первымъ почти контръ-курсомъ и словно собирался таранить въ правую скулу „Александра“, который осыпалъ его градомъ снарядовъ *); этотъ—затонулъ на моихъ глазахъ; третій, того же типа, медленно проходилъ у насъ подъ носомъ (тоже слѣва-направо). Завидѣвъ его, комендоръ лѣвой 47-миллиметровой пушки на верхнемъ переднемъ мостикѣ сдѣлалъ было нѣсколько выстрѣловъ, но самъ адмиралъ схватилъ его за плечо своей желѣзной рукой и гнѣвно крикнулъ:—„Какъ смѣешь! Безъ приказанія! Не видишь—рыбакъ“!..

---

*) Впослѣдствіи выяснилось, что этотъ пароходикъ уже былъ подбитъ, лишенъ возможности управляться и противъ воли шелъ прямо на «Александра», какъ бы съ намѣреніемъ его атаковать.

Неожиданно съ лѣвой стороны, куда не стрѣляли, гдѣ царила глубокая тьма, вспыхнули нѣсколько прожекторовъ, которые уперлись въ насъ своими лучами.

Въ такой моментъ первое движеніе—прикрыть глаза рукою, такъ какъ все равно ничего не увидишь... Безъ всякой команды, безъ всякаго приказанія—лѣвый бортъ опоясался огненной лентой... Броненосцы открыли бѣглый огонь по прожекторамъ... Огонь—наудачу, такъ какъ опредѣлить разстояніе не было возможности...

— Вотъ оно—откуда настоящая атака!—разслышалъ я чей-то возгласъ...

Отвѣчали „оттуда“ или нѣтъ?—не рѣшусь сказать съ увѣренностью, хотя среди гула собственныхъ выстрѣловъ, казалось, привычное ухо различало свистъ приближающихся снарядовъ (этотъ звукъ рѣзко разнится отъ того, который производитъ снарядъ удаляющійся)...

Почти одновременно надъ прожекторами, насъ освѣщавшими, замелькали трепещущіе огни сигнальныхъ фонарей Табулевича, фонарей, какъ было достовѣрно извѣстно, имѣвшихся только въ русскомъ флотѣ...

— Да это наши!—„Донской“ и „Аврора“!—Показываютъ позывные *)!..—крикнулъ я...

— Перестать стрѣлять! Закрыть боевое освѣщеніе! Лучъ—кверху!—скомандовалъ адмиралъ голосомъ, покрывшимъ собою всѣ остальные звуки.

Запѣли горны; погасли прожекторы... Только одинъ, носовой, высоко къ небу поднялъ свой молочно-бѣлый лучъ,—это былъ условный для всей эскадры сигналъ—„Перестать стрѣлять!“

Конечно, не сразу удалось возстановить спокойствіе. И послѣ сигнала то тутъ, то тамъ еще раздавались одиночные выстрѣлы...

Вѣроятно, пальба продолжалась не болѣе 10—12 минутъ, такъ какъ, спустившись внизъ (выбѣгая наверхъ, забылъ захватить часы) я отмѣтилъ—„1 ч. 10 м. ночи, 9 октября“.

Вотъ все, что я могу сказать въ качествѣ безпристрастнаго

---

*) Дѣйствительно это былъ эшелонъ к.-а. Энквиста, которому надлежало находиться на 6 ч. пути впереди насъ и который оказался чуть ли не рядомъ съ нами, идя къ тому же безъ огней.

очевидца, о нашумѣвшемъ на весь свѣтъ „Гулльскомъ инцидентѣ“.

Среди офицеровъ, собравшихся въ каютъ-компаніи и горячо обсуждавшихъ происшествіе, господствовало три разнорѣчивыхъ мнѣнія. Одни утверждали, что своими глазами видѣли миноносцы, прикрывавшіеся рыбачьими пароходами и атаковавшіе эскадру, что одинъ изъ нихъ былъ сильно подбитъ, а другому—попало. Среди этихъ былъ и лейтенантъ В., человѣкъ достовѣрный, изрядно понюхавшій пороху въ прошлую, китайскую, кампанію, но особенно горячился старшій докторъ Н., главнымъ образомъ напиравшій на то, что онъ былъ зрителемъ, не командовалъ, не распоряжался, а только смотрѣлъ въ бинокль; онъ утверждалъ, что нельзя же допустить, что-бы онъ, много плававшій, хорошо знающій флотъ, не могъ отличить рыбачій пароходъ отъ такого характернаго типа, какъ миноносецъ*)!.. Вторые высказывали мнѣніе, что миноносцы, можетъ быть, и были, но, будучи своевременно открыты, удрали, и вмѣсто нихъ, въ горячкѣ, попало рыбачьимъ судамъ. Наконецъ третьи—опасались, какъ бы вся исторія не оказалась прискорбнымъ недоразумѣніемъ...

Строго придерживаясь записей моего дневника, долженъ сознаться, что въ то время я склонялся на сторону послѣднихъ. Самъ я миноносцевъ не видѣлъ, а изъ практики П.-Артура хорошо помнилъ фантастическія донесенія о ночныхъ бояхъ, публиковавшіяся и съ нашей стороны, и со стороны японцевъ. Впослѣдствіи на основаніи вновь обнаружившихся фактовъ взгляды мои рѣзко измѣнились, но объ этомъ—рѣчь впереди; тогда же я весьма опредѣленно полагалъ, что мы просто „втяпались въ грязную исторію...“—одному померещилось, остальные подхватили...

Около 2 ч. ночи „Аврора“ донесла по телеграфу, что у нея четыре надводныя пробоины отъ 47 и 75-миллиметровыхъ снарядовъ; ранены: священникъ—тяжело (оторвало руку) и одинъ комендоръ—легко...

— Это недурно для начала!..—говорилъ старшій артиллеристъ „Суворова“, нервно поправляя свое pince-nez...

Съ 4 ч. утра опять надвинулся легкій туманъ. Стихло. Тепло. Къ 7 ч. утра разъяснило, но пошла изморось. Съ 5

*) Его рапортъ вѣроятно находится при дѣлахъ международной комиссіи.

до 6 ч. дня, безпрерывно мѣняя курсы, малыми ходами пробирались сквозь цѣлый лабиринтъ рыбачьихъ сѣтей.

Ночь на 10 октября была, по этому времени года, прямо на рѣдкость—штиль, ясное небо, полная луна и тепло.

Въ 3 ч. ночи прошли плавучій маякъ „Галлоперъ“ и вступили въ Англійскій каналъ.

Въ сумеркахъ ненастнаго утра видѣли справа мѣловые откосы берега Дувра.

Около 11 ч. утра (10 октября) опознали на правую раковину (т. е. позади) отрядъ к.-а. Фелькерзама... Почему? Онъ долженъ былъ бы находиться впереди насъ на $2^1/_2$ часа пути!..

Около 9 ч. вечера, проходя мимо Шербурга, гдѣ должны были находиться наши три миноносца и транспортъ „Корея“, вызвали ихъ по телеграфу. Отвѣтили, что пришли благополучно, что мѣстныя власти не ограничиваютъ срока стоянки и разрѣшаютъ принимать какіе угодно запасы, кромѣ боевыхъ.

11 октября утромъ мы были при выходѣ изъ Канала въ Бискайскій заливъ (по осеннему времени — самое скверное мѣсто). Небо — голубовато-молочнаго цвѣта; по горизонту — мгла; берега не видно, хотя и слѣдовало бы... Въ полдень все же имѣли мѣсто по обсерваціи. Оказалось, что о-въ Уэссанъ прошли въ 5 миляхъ, не видя его во мглѣ. Взяли курсъ на Брестъ. Послѣ часу дня нашелъ туманъ, какъ молоко.

Идти брестскимъ фарватеромъ въ туманѣ—невозможно. Съ другой стороны, по здѣшнимъ мѣстамъ октябрскій туманъ, сопровождаемый штилемъ, могъ продержаться вплоть до слѣдующаго шторма!.. Адмиралъ рѣшилъ, несмотря на всю желательность пополненія запасовъ угля, идти съ отрядомъ въ Виго, чтобы не терять времени. Онъ не только сутки, но каждый потерянный часъ считалъ невознаградимой утратой... Взяли курсъ на мысъ Финистера.

Всѣ эти соображенія я передаю со словъ командира „Суворова“, который не находилъ нужнымъ хранить ихъ въ секретѣ. Въ самомъ дѣлѣ: если мы придемъ въ Виго, то нашъ приходъ будетъ немедленно-же оповѣщенъ всей Европѣ, и есть-ли смыслъ скрывать портъ назначенія отъ личнаго состава кораблей, находящихся въ открытомъ морѣ? Кому они могутъ разболтать эту тайну? Очевидно, въ такихъ обстоятельствахъ, тайна — чисто канцелярская, лишній случай дать почувствовать „пушечному мясу“, что не его дѣло совать носъ въ предположенія высшаго начальства. Начальство—указы-

ваетъ, штабъ—вѣдаетъ, а прочіе—исполняютъ, что имъ предписано... Зловредная система, лютымъ врагомъ которой былъ покойный адмиралъ Макаровъ, считавшій, что мичманъ, дѣйствующій осмысленно, принесетъ больше пользы, чѣмъ флагманъ, руководствующійся буквой непонятнаго ему предписанія...

Къ вечеру туманъ разсѣялся. Въ ночь на 12 октября и весь послѣдующій день стоялъ штиль.

Эти дни—тихаго, безмятежнаго плаванія — не были для меня потерянными днями.

Лишенный возможности проникнуть въ тайны штаба, ознакомиться съ маршрутомъ, съ планомъ кампаніи, съ задачами, которыя ставитъ себѣ эскадра въ случаѣ благополучнаго достиженія водъ Желтаго и Японскаго морей,—я съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялся за ознакомленіе съ самой эскадрой на основаніи документовъ и опроса офицеровъ (конечно, старыхъ знакомыхъ).

Документами служили приказы командующаго и циркуляры его штаба. Съ начала мая и до выхода изъ Либавы насчитывалось: первыхъ—свыше 100, а вторыхъ—свыше 400. Въ томъ числѣ пространныя инструкціи и правила по разнымъ отраслямъ военно-морского дѣла. Кромѣ того — цѣлая тетрадь „схемъ“ и „директивъ“, весьма секретныхъ, которыя я получилъ для прочтенія не безъ труда.

Это была почтенная работа, заслуживавшая преміи „за трудолюбіе“ и даже „за искусство“, если бы въ ней не попадались такіе перлы, какъ „схема организаціи работъ по очисткѣ проходовъ отъ минъ загражденія“ или „организація сторожевой службы и отраженія минныхъ атакъ съ судовъ при якорной стоянкѣ эскадры на незащищенномъ рейдѣ“...

Читая нѣкоторые пункты этихъ инструкцій, этихъ правилъ, я иногда готовъ былъ потерять самообладаніе, бѣжать къ ихъ составителямъ и крикнуть имъ: „Что вы дѣлаете? Опомнитесь! Неужели вы думаете, что ваши опыты въ гаваняхъ Кронштадта и Ревеля или на тихихъ водахъ Транзундскаго рейда—достовѣрнѣе опыта, пріобрѣтеннаго цѣною крови, въ бояхъ противъ непріятеля?..“—Но я сдерживался, я только заносилъ въ свою памятную книжку вопросы, которые при случаѣ слѣдуетъ возбудить. Я уже имѣлъ горькій опытъ, къ чему въ данныхъ условіяхъ приводитъ слишкомъ энергичное выступленіе.

Къ тому же, въ общемъ,—повторю еще разъ,—работа была почтенная и съ нѣкоторыми исправленіями могла бы служить цѣннымъ руководствомъ для личнаго состава хорошо обученной „эскадры“...

Вопросъ, и крайне существенный, заключался именно въ томъ,—подходило ли подъ этотъ терминъ сборище кораблей, въ походѣ котораго на Дальній Востокъ мнѣ довелось принять участіе?..

Руководствуясь датами приказовъ и циркуляровъ, я могъ вывести заключеніе, что 12 августа эскадра впервые вышла изъ Кронштадта и на слѣдующій день прибыла въ Біоркэ; здѣсь простояла около двухъ сутокъ, наскоро продѣлывая различныя минныя ученья; затѣмъ перешла въ Ревель, гдѣ имѣла (повидимому) одну стрѣльбу на ходу по неподвижнымъ щитамъ, а къ 18 августа уже возвратилась въ Кронштадтъ для окончанія работъ по изготовленію судовъ къ дальнему плаванію. Изъ тѣхъ же документовъ явствовало, что оптическіе прицѣлы (уже много лѣтъ принятые въ иностранныхъ флотахъ и, конечно, въ японскомъ) у насъ ставились къ орудіямъ только въ концѣ іюля (!)—29 августа эскадра выбралась изъ Кронштадта и перешла въ Ревель для... стоянки, такъ какъ работы все еще не были закончены. Въ ночь на 3 сентября была первая ночная стрѣльба съ якоря по неподвижнымъ щитамъ. 6 и 7 сентября — стрѣляли минами. 9 и 10 сентября ходили въ море, выполняли простѣйшія эволюціи и производили вспомогательную стрѣльбу по движущимся щитамъ. Съ половины сентября и до конца мѣсяца (т.-е. до похода въ Либаву) эскадра училась день и ночь съ какой-то лихорадочной спѣшкой... Но двѣ недѣли—много ли это?..—„Эскадра“ создается годами плаванія!..

Чѣмъ внимательнѣе разбирался я въ этихъ документахъ, тѣмъ понятнѣе становилась мнѣ та замкнутость, та сдержанность, которую проявляли офицеры, когда разговоръ касался боевой силы второй эскадры.

Разговоры „по душѣ“, съ пріятелями, только сгущали краски, и все чаще и чаще вспоминался мнѣ рѣзкій голосъ стараго товарища, кричавшаго съ катера: „Къ расплатѣ! Къ расплатѣ!..“

„Ну, что-жъ?—думалъ я.—Къ расплатѣ, такъ къ расплатѣ, а все-таки лучше знать, чѣмъ идти въ темную!“—и я продолжалъ мои разслѣдованія.

Судовыя команды на эскадрѣ почти на половину состояли

изъ „молодыхъ матросовъ“, т.-е. новобранцевъ, только что выученныхъ строю, ружейнымъ пріемамъ, матросскому катехизису („Что есть матросъ?“, „Что есть знамя?“ и т. д.), никогда не видавшихъ моря, и изъ „запасныхъ“.

Старшій артиллеристъ „Суворова“, довольно злой на языкъ, такъ опредѣлялъ положеніе:

— Однихъ приходится учить съ азовъ потому, что они ничего не знаютъ, а другихъ — потому, что они все забыли, а если что и помнятъ, то это уже устарѣло! Возьмите хотя бы только что поставленные оптическіе прицѣлы. Вспомните изъ вашей штурманской практики, сколько надо времени, чтобы добраго, старательнаго мужика выучить смотрѣть въ зрительную трубу? Что онъ въ нее видитъ первое время, при всемъ его желаніи угодить начальству?..—Конечно, не я буду возставать противъ введенія оптическихъ прицѣловъ, давно принятыхъ во всѣхъ флотахъ! Стрѣляя на дистанцію 75 кабельтововъ, видѣть непріятеля такъ же ясно, какъ при стрѣльбѣ на 10 кабельтововъ — несомнѣнная выгода! Но вѣдь не менѣе очевидна выгодность пишущей машинки передъ работой перомъ,— однако, если вы хорошаго писаря, умѣющаго писать четко и быстро, ради ускоренія переписки срочнаго доклада посадите первый разъ въ его жизни за машинку, — то что изъ этого выйдетъ? — Ничего, кромѣ дрянн!—„Боюсь, не случилось бы то же“...—закончилъ онъ на мотивъ какой-то шансонетки.

— Ну, я васъ хорошо знаю! Любите поругаться и сгустить краски! А сами навѣрно успѣли такъ „натаскать“ вашихъ „Еремъ“, что для нихъ оптическій прицѣлъ—одно удовольствіе...

— Напрасно думаете!—заговорилъ онъ, нервно поправляя pince nez, и уже совершенно серьезнымъ тономъ. — Когда же было? Работы — пріемки, пріемки — работы... Все на якорѣ. Рѣдкіе выходы въ море на нѣсколько часовъ. Учу! конечно, учу!.. Но наводка безъ выстрѣла — пустое дѣло, а нѣсколько выстрѣловъ—не наука!

— Такъ почему же не учили? почему не стрѣляли?

— Тому была масса причинъ, вызванныхъ спѣшной отправкой только что достраивающихся или еще неотремонтированныхъ кораблей... Но помните старый анекдотъ, какъ одного коменданта крѣпости спросили, почему онъ въ высокоторжественный день не произвелъ салюта? Онъ отвѣтилъ: „Тому было 18 причинъ: во-первыхъ, у меня не было пороха...“—Продолжать ему не дали. Такъ и тутъ. Мы веземъ

съ собою полный боевой комплектъ и еще 20 проц. сверхъ него. Но... это — все! Больше мы не должны ни на что разсчитывать, хотя бы впереди предстояло десять сраженій!.. Наши попытки пріобрѣсти что-нибудь за границей неизмѣнно заканчиваются крахомъ. Почему—не знаю. Можетъ быть, потому, что комиссіонныя выдаются авансомъ? Можетъ быть, потому, что эти комиссіонеры увѣрены въ своей безнаказанности, такъ какъ прикрываются высокимъ именемъ лицъ, стоящихъ во главѣ?.. Вотъ и теперь, сейчасъ, извѣстный вамъ капитанъ „на отличіи“, восходящая звѣзда, проживаетъ въ Парижѣ по поводу давно и безнадежно прогорѣвшаго дѣла — покупки южно-американскихъ крейсеровъ!..

— Но какъ же молчатъ?..

— Отстаньте! Ну васъ къ чорту съ вашими разспросами! У насъ здѣсь все это давно уже переболѣло на сердцѣ! А вы опять бередите!...

— Дорогой мой, ради Бога, ругайтесь, какъ хотите, но не удирайте и разсказывайте! Вѣдь я ничего не знаю!.. Какъ же такъ? Если дѣло до такой степени скверно, то какой смыслъ посылать эскадру?..

— Армаду, а не эскадру!..

— Скажемъ—армаду...

— А что же намъ дѣлать? Или адмиралу подать рапортъ, что „сего числа, испугавшись неминуемой гибели, на войну идти не могу?“ Такъ, что ли? Всенародно росписаться въ томъ, что у насъ не флотъ, а балетная бутафорія?.. Да вѣдь намъ не повѣрятъ!—Вотъ въ чемъ горе! Просто обзовутъ трусами и предателями!.. Нѣтъ, ужъ лучше пропадать!.. Хоть мы-то, по совѣсти сказать, и безъ вины виноваты, а все-таки—къ разсчету стройся!..

— Къ расплатѣ?..

— Вотъ, вотъ! Это—настоящее слово! Десятками лѣтъ копили! Все думали — на нашъ вѣкъ хватитъ, авось войны не будетъ! А донесенія о томъ, что „все обстоитъ благополучно“— вѣрнѣйшій способъ къ успѣшному прохожденію службы... Оставьте вы меня!.. Не могу я объ этомъ говорить спокойно!..

Пытался побесѣдовать со старшимъ штурманомъ, разспросить его о степени подготовки эскадры въ смыслѣ совмѣстнаго плаванія, маневрированія и т. п. Этотъ характеромъ не походилъ на артиллериста—не волновался, не горячился—но тѣмъ безнадежнѣе звучали его спокойные отвѣты.

— Совмѣстному плаванію, искусству держаться вмѣстѣ, Богъ дастъ, обучимся на долгомъ походѣ. Авось, выберется время попрактиковаться и въ разныхъ перестроеніяхъ изъ одного порядка въ другой. Это ужъ будетъ потруднѣе! Ну, а что касается маневрированія эскадрой или по-отрядно въ бою, выполненія разныхъ тактическихъ плановъ, изученія тактическихъ пріемовъ — объ этомъ надо „отложить попеченіе“. Это—дѣло многолѣтней подготовки. У насъ послѣднее время установился нелѣпый, но въ экономическомъ и служебномъ отношеніи очень удобный взглядъ, будто военно-морское искусство можно изучать въ тиши кабинетовъ, причемъ корабли превратить въ плавучія казармы и вмѣсто широко-поставленныхъ практическихъ плаваній и маневровъ ограничиваться разыгрываніемъ цѣлыхъ войнъ и отдѣльныхъ сраженій на... бумагѣ. Забыли святую истину, что какъ вѣра безъ дѣла, такъ и теорія безъ практики—абсурдъ, что всякое искусство есть вѣнецъ зданія, фундаментомъ которому служитъ ремесло. Отсюда и то пренебреженіе къ боевому опыту, которымъ вы такъ возмущаетесь. Вѣдь даже въ Тихомъ океанѣ мы не сумѣли создать „эскадры“. А японцы сумѣли. И у англичанъ, и у французовъ, и у нѣмцевъ—есть „эскадры“, а у насъ—не было и нѣтъ... Вы сами разсказывали, что первый выходъ мобилизованнаго флота изъ П.-Артура иначе не называли, какъ „походомъ аргонавтовъ“, а Макаровъ вынужденъ былъ по пріѣздѣ обучать свои корабли не боевой тактикѣ, но простѣйшимъ перестроеніямъ, причемъ еще они таранили другъ друга и вмѣсто строя получалась каша. Идя въ бой, имѣть въ виду не только непріятеля, но и опасность отъ своихъ собственныхъ сосѣдей...— вѣдь „это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!..“ Между тѣмъ въ Тихомъ океанѣ оффиціально существовала „эскадра“, и самъ намѣстникъ неустанно доносилъ о ея полной боевой готовности... Чего же вы хотите отъ Балтійскаго моря, гдѣ даже оффиціально не было эскадры болѣе 10 лѣтъ, а фактически—не было со временъ адм. Бутакова? Наши мудрецы утверждаютъ, что, перемноживъ между собою пушки, арбузы, мужиковъ, фиктивныя скорости и т. д. и сложивъ всѣ эти произведенія, они получаютъ боевой коэффиціентъ эскадры, не многимъ уступающій таковому же „эскадры“ адмирала Того. Но это—не болѣе, какъ обманъ несвѣдущей, сухопутной публики. Обманъ злостный. Мудрецы не могутъ не знать, что тамъ множители совсѣмъ другіе,—тамъ пушки, снаряды, опыт-

ные моряки, дѣйствительныя скорости и т. д... А главное тамъ—эскадра, а здѣсь — сборище судовъ... Грустно все это, очень грустно, но къ сожалѣнію — правда...—Кстати, что вы думаете про П.-Артуръ? Какъ дѣла? Какія надежды?

— 28 іюля гарнизонъ вмѣстѣ съ моряками былъ численностью до 30 тысячъ; что касается продовольствія и боевыхъ припасовъ—затрудняюсь сказать точно. Это и въ самой крѣпости составляло военную тайну. Начальство утверждало, что хватитъ по крайней мѣрѣ до февраля, а то и дольше. По частнымъ свѣдѣніямъ—съ отдѣльныхъ фортовъ о числѣ зарядовъ и снарядовъ, изъ магазиновъ и складовъ о количествѣ запасовъ — выходило приблизительно то же. Вотъ насчетъ эскадры, по-моему, надежды мало. Послѣ того, какъ начались бомбардировки съ суши, какъ они будутъ чинить поврежденія, полученныя въ бою, когда каждый день будетъ приносить новыя поврежденія? Кромѣ того большая часть орудій, несомнѣнно, уже на берегу и разстрѣливаетъ свой запасъ; большая часть командъ—на укрѣпленіяхъ и, конечно, несетъ потери...

— Да, да... А все-таки хорошо, если бы продержались до нашего прихода; все-таки нѣкоторая оттяжка силъ; при встрѣчѣ мы—будемъ послѣ долгаго похода, а японцы—послѣ долгой блокады въ зимнее время. Это тоже марка изрядная!

Ни вообще на эскадрѣ, ни мнѣ въ частности планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій извѣстенъ не былъ. Конечно, каждый дѣлалъ свои догадки и предположенія, но, какъ я уже замѣтилъ раньше, говорить о нихъ громко не любили. Почему?—да потому, что съ какой стороны ни взять—конечные выводы получались самые безотрадные, а вести такіе разговоры въ военное время значило бы способствовать упадку и безъ того не сильнаго духа...

III.

Пребытіе въ Виго.—Нѣсколько словъ по поводу разрѣшенія Гулльскаго инцидента.—Изъ Виго въ Танжеръ.—Англійскій конвой.—Завѣты Пророка.—Моя позиція въ штабѣ.—Дакаръ.—«Либо поворачивай оглобли, либо рискуй опрокидонтомъ».—Черная лихорадка.—Габунъ.

13 октября, въ 10 час. 30 мин. утра, отрядъ вошелъ въ Виго и сталъ на якорь. Здѣсь насъ ожидали пять германскихъ

пароходовъ съ углемъ, но начать погрузку немедленно оказалось невозможнымъ. На каждомъ угольщикѣ находилась портовая полиція (испанская,) присланная для того, чтобы воспрепятствовать такому снабженію кораблей воюющей державы въ нейтральныхъ водахъ.

Это запрещеніе распространялось даже на „Анадырь“, пришедшій вмѣстѣ съ нами и подъ военнымъ флагомъ. Между тѣмъ у него въ трюмѣ было до 7 тысячъ тоннъ кардифа—запасъ вполнѣ достаточный для снабженія отряда. Повторяю—„Анадырь“ несъ военный флагъ, а значитъ испанское правительство просто запрещало всякія сношенія, всякій обмѣнъ запасами, даже между военными судами, пришедшими въ его портъ. Это были какія-то совсѣмъ новыя, никогда неслыханныя, правила нейтралитета, объявленныя подъ давленіемъ Англіи, добраго союзника нашего врага. Говорили однако же, что Англія врядъ ли имѣла бы успѣхъ, если бы ей не помогли обстоятельства, сопровождавшія дѣятельность нашихъ вспомогательныхъ крейсеровъ, которые оказались „вспомогательными“ для... японцевъ. Невольно вспомнился рѣзкій отзывъ французскаго моряка по поводу лицъ, руководившихъ этими крейсерскими операціями.

Начались оживленныя сношенія по телеграфу съ Мадридомъ и Петербургомъ.

Но главное затрудненіе было не съ углемъ.

Придя въ Виго, мы узнали, какіе грандіозные размѣры принялъ инцидентъ со стрѣльбой въ Нѣмецкомъ морѣ. Англійскія газеты не называли вторую эскадру иначе, какъ „эскадрой бѣшеной собаки“, которую необходимо либо вернуть, либо уничтожить. Самый инцидентъ они считали „актомъ открытаго пиратства“ (юридически нелѣпо, ибо пиратство, т.-е. морской разбой, включаетъ въ себя, какъ необходимый составъ преступленія, корыстную цѣль). Но болѣе всего общественное мнѣніе Англіи было возмущено тѣмъ фактомъ, что „одинъ изъ русскихъ миноносцевъ до утра оставался на мѣстѣ происшествія и не оказалъ никакой помощи рыбакамъ, спасавшимъ своихъ товарищей“...

Это свидѣтельство, данное рыбаками, посѣдѣвшими на морѣ, комментировалось на всѣ лады. Говорили, что даже варвары щадили случайныя жертвы войны и не отказывали имъ въ состраданіи, что послѣ этого не должно быть колебаній, что это—пощечина Англіи, оскорбленіе, которое можно

смыть только кровью, если со стороны русскаго правительства не будетъ дано самаго полнаго удовлетворенія... Такимъ удовлетвореніемъ признавалось только: возвращеніе эскадры и преданіе суду ея начальника, командировъ, а также всѣхъ, кто окажется причастнымъ къ дѣлу, *въ особенности командира миноносца...*

Для меня эти вопли были прямо откровеніемъ. Мой скептицизмъ не устоялъ передъ свидѣтельствомъ старыхъ, опытныхъ моряковъ.

Одинъ изъ миноносцевъ до утра оставался на мѣстѣ происшествія!

Значитъ миноносцы дѣйствительно были! Значитъ, благодаря бдительности, мы избѣгли огромной опасности! Значитъ—мы счастливо отразили атаку!.. Если при этомъ пострадали невинные,—крайне грустно, но что-жъ дѣлать? Въ Артурѣ во время бомбардировокъ гибли женщины и дѣти... Нашему правительству остается высказать свое соболѣзнованіе, обезпечить матерьяльно пострадавшія семьи, но—и только.

Позволю себѣ на этотъ разъ отступить отъ моего правила и разсказать то, о чемъ узналъ много позже.

Адмиралъ, освѣдомившись о кампаніи, поднятой англійской прессой,—немедленно телеграфировалъ нашему морскому агенту въ Лондонѣ для опубликованія, что въ моментъ инцидента всѣ наши миноносцы были впереди эскадры на 200 и даже болѣе миль—фактъ, который легко провѣрить, освѣдомившись о времени ихъ прибытія въ порта Франціи, а потому миноносецъ, остававшійся на мѣстѣ происшествія до утра, былъ несомнѣнно изъ числа тѣхъ, которые атаковали эскадру, и который, по свидѣтельству офицеровъ эскадры, былъ сильно подбитъ. Ясно, онъ исправлялъ свои поврежденія или поджидалъ товарищей.

Весьма знаменательно, что едва это строго мотивированное опроверженіе появилось въ одной изъ газетъ, какъ высокодисциплинированная англійская пресса, словно, забыла о показаніи рыбаковъ, на которое раньше такъ настойчиво указывала. Мало того, на засѣданіяхъ слѣдственной комиссіи въ Парижѣ, англійскіе делегаты высказали убѣжденіе, что рыбаки несомнѣнно ошиблись, что никакого миноносца не было, что просто утромъ черезъ это мѣсто проходила „Камчатка“ (!) и они приняли ее за миноносецъ... Возможно (по разсчету времени), что „Камчатка“ дѣйствительно утромъ 9 октября про-

ходила этимъ мѣстомъ, но вѣдь рѣчь шла о миноносцѣ, который *оставался* на мѣстѣ до утра! И наконецъ—я обращаюсь къ экспертизѣ моряковъ всего свѣта—можно-ли допустить, чтобы при дневномъ освѣщеніи, посѣдѣвшіе на своемъ ремеслѣ, старые морскіе волки приняли „Камчатку"—безобразнѣйшаго вида высокобортный коммерческій пароходъ—за миноносецъ?—Ребенокъ изъ рыбачьей семьи и тотъ не могъ бы ошибиться такъ грубо!.. Также весьма убѣдительнымъ являлось то обстоятельство, что всѣ на эскадрѣ, утверждавшіе, что „своими глазами видѣли миноносцы", описывали ихъ внѣшній видъ (число трубъ и мачтъ, окраску, надстройки и т. п.)—совершенно одинаково. И это не на одномъ кораблѣ, гдѣ можно было бы заподозрить взаимный гипнозъ, а на пяти, не имѣвшихъ между собой въ тотъ моментъ никакого общенія!

Думаю, самъ Шарко не призналъ бы возможности такого „внушенія на разстояніи"...

Но это еще не все!..

Девять мѣсяцевъ спустя, лежа на койкѣ японскаго госпиталя въ Сасебо, я узналъ отъ товарищей, тоже раненыхъ, но уже поправлявшихся и свободно гулявшихъ по госпиталю, что въ сосѣднемъ баракѣ лечится отъ остраго ревматизма японскій лейтенантъ, бывшій командиръ миноносца. Въ это время въ Портсмутѣ (въ Америкѣ) уже начались переговоры, конечнымъ результатомъ которыхъ должно было явиться заключеніе мира на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Это—всѣмъ было ясно, а потому нашъ сосѣдъ, вѣроятно, не находилъ нужнымъ особенно секретничать относительно прошлаго. Онъ открыто заявлялъ, что нажилъ свою болѣзнь за время тяжелаго похода изъ Европы въ Японію.

— Ваша, европейская, осень—это хуже нашей зимы!—говорилъ онъ.

— Осень?—спрашивали его.—Какой же мѣсяцъ?

— Октябрь. Мы, нашъ отрядъ, тронулись въ походъ въ концѣ этого мѣсяца.

— Въ октябрѣ? Одновременно со второй эскадрой? Какъ же мы ничего о васъ не знали? Подъ какимъ флагомъ вы были? Когда прошли Суэцкій каналъ?

— Слишкомъ много вопросовъ!..—смѣялся японецъ.—Подъ какимъ флагомъ?—Конечно, не подъ японскимъ!—Почему вы не знали?—Объ этомъ надо спросить васъ...—Когда прошли Суэцкій каналъ?—Слѣдомъ за отрядомъ адм. Фелькерзама!..

— Но тогда... не вы ли фигурировали въ знаменитомъ „гулльскомъ инцидентѣ“!..

— Ха-ха-ха! Это—ужъ совсѣмъ нескромный вопросъ!..

Больше—отъ него не могли добиться никакихъ объясненій, но, мнѣ кажется, что и этого было достаточно. Тѣмъ болѣе, что въ европейскихъ газетахъ около того времени (октябрь—ноябрь 1904) прорывались временами какія-то смутныя сообщенія о какихъ-то миноносцахъ, которые (въ числѣ четырехъ, построенныхъ въ Европѣ) идутъ на востокъ для усиленія азіатской эскадры С.-А. Соединенныхъ Штатовъ...

Почему наши делегаты на международной слѣдственной комиссіи въ Парижѣ такъ поспѣшно признали возможность ошибки опытныхъ моряковъ, принявшихъ *проходившую мимо „Камчатку“ за миноносецъ, остававшійся всю ночь, до утра, на мѣстѣ происшествія?*—мнѣ ли судить?—это разсудитъ исторія...

Въ ноябрѣ того же 1904 г. на юго-восточномъ берегу Нѣмецкаго моря рыбаками была найдена самодвижущаяся мина Шварцкопфа, сильно избитая въ прибрежныхъ бурунахъ... Фотографіи этой мины печатались въ европейскихъ иллюстрированныхъ журналахъ *). Надо знать, что каждая самодвижущаяся мина, въ каждой отдѣльной части ея, имѣетъ марку завода, на которомъ она построена, и порядковый номеръ. Достаточно имѣть въ рукахъ обломокъ такой мины, чтобы по маркѣ и номеру узнать съ полной достовѣрностью: кому и когда она была продана или доставлена.

Наши делегаты повидимому не обратили особеннаго вниманія ни на показанія рыбаковъ о присутствіи миноносца, ни на эту находку... Совершенно понятно, такъ какъ высшее руководство ихъ дѣйствіями принадлежало нашей дипломатіи, а по отношенію къ этой послѣдней, изъ долгой практики заграничныхъ плаваній, я вынесъ такое впечатлѣніе: по убѣжденію чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ всякій русскій подданный, обращающійся къ нимъ за содѣйствіемъ, несомнѣнно личность подозрительная, ибо порядочнаго человѣка никто и нигдѣ въ цивилизованномъ государствѣ не обидитъ. Въ то время, какъ, напримѣръ, англійскій консулъ всегда готовъ именемъ короля вступиться за интересы подданнаго его

*) И даже перепечатывалась въ нашихъ —«Хроника войны», издававшаяся, какъ приложеніе къ газетѣ «Русь».

британскаго величества (хотя бы личности вовсе ему неизвѣстной), грозить осложненіями, вызовомъ эскадры, морской демонстраціей, чуть ли не войной,—„нашъ“, если не можетъ просто безъ дальнихъ словъ прогнать просителя, всегда старается его убѣдить, усовѣстить:—Стоитъ ли, молъ, затѣвать исторію? сознайтесь (между нами), и вы не безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ... Бросьте—право, лучше будетъ...

Это предубѣжденіе противъ соотечественниковъ, глубокая увѣренность, что „наши всегда les pieds dans le plat“, конечно сыграли немалую роль въ дѣлѣ разбора гулльскаго инцидента.

Впрочемъ—Богъ съ ними! Возвращаюсь къ моему дневнику.

14 октября въ 1 часъ пополудни получили желанное разрѣшеніе и немедленно приступили къ погрузкѣ угля, которая была закончена къ 10 час. утра слѣдующаго дня. Однако не ушли. Приходилось ждать, къ какому рѣшенію придутъ въ Петербургѣ относительно „инцидента“. Англійскія газеты нѣсколько сбавили тонъ, но все еще бряцали оружіемъ. Получались извѣстія, что приступлено къ мобилизаціи Home squadron, которая будетъ сосредоточена въ Гибралтарѣ вмѣстѣ съ эскадрами Атлантическаго океана и Средиземнаго моря. Въ общей сложности—28 броненосцевъ и 18 крейсеровъ. Теперь уже требовали не возвращенія самой эскадры, а только смѣны адмирала. Настроеніе на судахъ было крайне подавленное. Всякому было ясно, что если въ Петербургѣ „сдадутъ“, то дѣло наше безнадежно проиграно, такъ какъ кромѣ Рожественскаго эскадру вести некому. На этотъ счетъ двухъ мнѣній не существовало.

Одинъ адмиралъ былъ, какъ всегда, бодръ, полонъ энергіи и выглядѣлъ даже веселѣе обыкновеннаго. Кто-то прочелъ ему выдержку изъ газетной статьи, въ которой говорилось, что если только онъ поведетъ свой отрядъ дальше, грозная сила англійскаго флота—28 броненосцевъ и 18 крейсеровъ—безъ труда его уничтожитъ. Адмиралъ только засмѣялся.

— Охота считать и подсчитывать! Если кончится разрывомъ, то для насъ имѣютъ значеніе первые 4 броненосца, съ которыми мы будемъ драться, а сколько ихъ еще будетъ насъ добивать—24 или 124—не все-ли равно?

Не берусь судить, искренно, или подъ давленіемъ извнѣ, испанское правительство встрѣтило нашъ приходъ такъ недружелюбно, зато въ чувствахъ мѣстнаго населенія нельзя было сомнѣваться. Видимо, среди народа еще живо было раз-

драженіе, вызванное поведеніемъ Англіи во время испано-американской войны, и жители Виго не упускали случая выразить намъ свое доброжелательство. Это доброжелательство проявлялось во множествѣ мелочей, перечислять которыя было бы трудно и скучно.

Когда адмиралъ съѣхалъ на берегъ, чтобы лично переговорить съ губернаторомъ, то, при его выходѣ изъ губернаторскаго дома, собравшаяся на улицѣ толпа устроила ему сочувственную манифестацію. Мѣстныя газеты довольно недвусмысленно высказывали, что „врагъ союзника собственнаго врага долженъ считаться другомъ“ и т. п.

Вечеромъ 15 октября вышелъ и былъ прочитанъ при собраніи офицеровъ и командъ извѣстный приказъ адмирала:

„СЕГОДНЯ, 15 ОКТЯБРЯ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ОСЧАСТЛИВИЛЪ НАСЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩЕЮ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЮ ТЕЛЕГРАММОЙ:

„МЫСЛЕННО, ДУШОЮ СЪ ВАМИ И МОЕЙ ДОРОГОЮ ЭСКАДРОЙ. УВѢРЕНЪ, ЧТО НЕДОРАЗУМѢНІЕ СКОРО КОНЧИТСЯ. ВСЯ РОССІЯ СЪ ВѢРОЮ И КРѢПКОЙ НАДЕЖДОИ ВЗИРАЕТЪ НА ВАСЪ.

„*НИКОЛАЙ*“.

Я ОТВѢТИЛЪ ГОСУДАРЮ:

„ЭСКАДРА ЕДИНОЮ ДУШОЮ У ПРЕСТОЛА ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА“.

— ТАКЪ ВѢДЬ, ТОВАРИЩИ? ЧТО ПОВЕЛИТЪ ЦАРЬ, ТО И СДѢЛАЕМЪ. УРА!“

Приказъ этотъ вызвалъ энтузіазмъ, но—буду откровененъ—не единодушный. Нѣкоторые полусмущенные взгляды, выраженія лицъ, мимоходомъ оброненныя слова какъ будто говорили, что многіе готовы были бы съ облегченіемъ встрѣтить вѣсть о вынужденномъ возвращеніи, хотя добровольно никто бы не вернулся.

— А жаль, что не дошло до разрыва съ Англіей!—полушутя, полусерьезно заявилъ лейтенантъ Б., мой старый знакомый.

— Почему такъ?

— Да потому, что тогда, какъ вышли бы въ море,—тутъ насъ сразу же и раскатали бы! А теперь—извольте за тѣмъ же дѣломъ ѣхать такъ далеко!

Вечеромъ 16 октября стало извѣстно, что по поводу „инцидента“ будетъ назначена международная слѣдственная комиссія, и съ каждаго корабля, въ качествѣ свидѣтеля, должно быть отправлено по одному офицеру для дачи показаній.

17 октября съ поѣздомъ въ 9 час. утра свидѣтели уѣхали.

Съ „Суворова“ былъ командированъ капитанъ 2 ранга К. Признаюсь, это назначеніе меня удивило. Сколько помнится, съ его же словъ (да и другіе объ этомъ знали), онъ вышелъ наверхъ позже меня, такъ какъ въ моментъ первыхъ выстрѣловъ находился въ каютѣ, раздѣвшись и собираясь лечь спать, врядъ ли видѣлъ больше меня, и врядъ-ли его показанія могли быть особенно цѣнными. Между тѣмъ, вѣдь онъ въ штабѣ былъ какъ бы представителемъ командующаго флотомъ Тихаго океана, только что прибылъ съ театра военныхъ дѣйствій... хоть самъ и не воевалъ, но стоялъ, можно сказать, въ центрѣ дѣла.

— Вы гдѣ же думаете догнать эскадру?—не удержался я, чтобы не спросить отъѣзжающаго.

Онъ отвѣтилъ какъ-то неопредѣленно, уклончиво.

Однако флагъ-капитанъ, несмотря на тѣсноту, господствовавшую на броненосцѣ, не разрѣшилъ судовому начальству воспользоваться освободившейся каютой. Наоборотъ—собственноручно заперъ въ ней всѣ шкафы и ящики, гдѣ оставались вещи и бумаги, затѣмъ заперъ самую каюту и ключи взялъ къ себѣ на сохраненіе.

— Значитъ, онъ вернется?

Флагъ-капитанъ какъ-то загадочно кашлянулъ и ничего не отвѣтилъ, а лейтенантъ С., оказавшійся, какъ и я, случайнымъ свидѣтелемъ этой сцены, взялъ меня подъ руку и съ таинственнымъ видомъ заявилъ:—Знаете примѣту?—Говорятъ, что еще задолго до пожара крысы покидаютъ корабль. Чуютъ! Инстинктъ! Онѣ—звѣри умные, берегутъ свои головы для лучшей участи и на пользу крысинаго царства...

Повидимому, 18 октября вечеромъ получился изъ Петербурга желанный отвѣтъ, такъ какъ сигналомъ приказано было приготовиться къ походу, а въ 7 ч. утра 19 октября I броненосный отрядъ вышелъ изъ Виго для дальнѣйшаго слѣдованія на востокъ. Въ предѣлахъ территоріальныхъ водъ насъ сопровождалъ испанскій крейсеръ „Estramadura“.

Въ 10 ч. вечера насъ обогналъ справа хорошимъ ходомъ какой-то военный корабль—2 мачты и 3 трубы. Похоже на

англійскій крейсеръ „Lancaster“, заходившій въ Виго во время нашей стоянки тамъ. Выйдя впередъ, повернулъ обратно, прошелъ у насъ по лѣвому борту контръ-курсомъ и скрылся. Вскорѣ послѣ того за кормой, въ разстояніи нѣсколькихъ миль, появились огни пяти судовъ, видимо слѣдовавшихъ за нами. По характеру расположенія огней можно было съ увѣренностью сказать, что это отрядъ военныхъ судовъ. Они все время держались позади насъ, но не шли однимъ курсомъ, а маневрировали, заходя намъ то справа, то слѣва, мѣняли строй, раздѣлялись на два отряда и т. п.

Съ разсвѣтомъ убѣдились, что насъ дѣйствительно конвоируетъ отрядъ англійскихъ крейсеровъ.

Въ 7 час. утра—поврежденіе на „Орлѣ“. Застопорили машины. Послали туда флагманскаго механика и флагманскаго минера.

Англичане, до того шедшіе въ строѣ кильватера, засуетились: сначала разсыпались цѣпью по горизонту, потомъ снова соединились; одинъ крейсеръ отдѣлился и полнымъ ходомъ пошелъ на SO, вѣроятно съ донесеніемъ; остальные, раздѣлившись по-парно, крейсировали къ сѣверу и къ югу отъ насъ въ разстояніи 5—7 миль. Всѣ ихъ движенія были такъ стройны, маневры дѣлались такъ быстро, такъ увѣренно, словно не являлись результатомъ неожиданно получаемыхъ приказаній, словно передъ нами разыгрывалась хорошо срепетованная пьеса, въ которой не замѣчаешь участія ни режиссера, ни суфлера...

— Любуетесь?..

Я оглянулся. Сзади меня стоялъ адмиралъ, не сводившій глазъ съ англійскихъ крейсеровъ.

— Любуйтесь!—продолжалъ онъ.—Есть на что! Вотъ это—эскадра! Это—моряки! Эхъ, еслибы намъ...—и, не договоривъ, началъ быстро спускаться по трапу.

Въ его голосѣ звучало столько искренней горечи; по его лицу скользнуло выраженіе такого глубокаго страданія, что я сразу понялъ... Я понялъ, что онъ тоже не тѣшитъ себя несбыточными надеждами, хорошо знаетъ истинную цѣну своей эскадры, но, вѣрный долгу, никому не уступитъ чести быть первымъ въ рядахъ людей, добровольно идущихъ къ кровавому разсчету...

Въ 8 ч. утра „Орелъ“ исправилъ свое поврежденіе, и мы тронулись дальше.

Къ вечеру вернулся англійскій крейсеръ, бывшій въ отлучкѣ, а слѣдомъ за нимъ пришелъ еще отрядъ изъ четырехъ крейсеровъ.

Всю ночь они насъ конвоировали, продѣлывая различные маневры, а утромъ 21 октября, убѣдившись, что мы идемъ въ Танжеръ, сами круто свернули къ востоку, вѣроятно въ Гибралтаръ.

На рейдѣ Танжера, куда мы прибыли въ 3 час. пополудни, застали въ сборѣ всю эскадру, кромѣ миноносцевъ и транспортовъ, къ которымъ они были приписаны. Вся эта компанія ушла впередъ по пути къ Суэцкому каналу.

Танжеръ оказался единственнымъ портомъ, гдѣ намъ не только не чинили никакихъ препятствій, но приняли съ полнымъ радушіемъ. Губернаторъ встрѣтилъ пріѣхавшаго къ нему съ визитомъ адмирала, какъ дорогого гостя, привѣтствовалъ отъ имени султана, предложилъ стоять на рейдѣ, сколько угодно, и дѣлать, что угодно. Разсказывали, что съ приходомъ первыхъ нашихъ судовъ англійскій консулъ, въ качествѣ представителя союзницы Японіи, пытался протестовать, но безуспѣшно. Ему было отвѣчено, что его величество султанъ марокканскій нетолько не освѣдомленъ офиціально о войнѣ между Россіей и Японіей, но даже не состоитъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ послѣдней и врядъ ли слыхалъ объ этомъ отдаленномъ государствѣ; что, во всякомъ случаѣ, по завѣту Пророка, всякій странникъ приноситъ съ собою благословеніе Божіе подъ кровъ, его пріютившій,—его не спрашиваютъ: кто онъ? откуда онъ? куда направляется?—ибо нѣтъ закона болѣе священнаго, чѣмъ законъ гостепріимства; что если когда-нибудь на рейдъ Танжера придутъ японцы, то они могутъ быть увѣрены въ такомъ же радушномъ пріемѣ...

Не правда ли, насколько этотъ безхитростный завѣтъ, свято хранимый со временъ сѣдой древности, кажется выше всѣхъ юридически-обоснованныхъ декларацій о нейтралитетѣ, выработанныхъ современной дипломатіей?..

Въ 9 ч. вечера того же дня снялся съ якоря и ушелъ въ море отрядъ к.-а. Фелькерзама, слѣдовавшій черезъ Суэцъ („Сисой“, „Наваринъ“, „Свѣтлана“, „Жемчугъ“, „Алмазъ“ и транспорты).

Восточный вѣтеръ, поднявшійся еще днемъ, ночью такъ засвѣжѣлъ, что къ утру 22 октября пришлось прекратить погрузку угля. Послѣ полдня стихло, и работы возобновились.

Въ 3 ч. ночи на 23 октября въ виду Танжера прошла англійская эскадра, направляясь куда-то на SW.

За время стоянки къ намъ присоединились пароходъ-госпиталь „Орелъ“ и цароходъ-рефрешираторъ „Esperance“ (подъ французскимъ флагомъ). На послѣднемъ было 1,000 тоннъ мяса и другой живности въ замороженномъ видѣ. Такимъ образомъ и медицинской помощью, и провизіей мы были обезпечены.

Въ 7 ч. утра 23 октября начали сниматься съ якоря. Корабли, непривычные къ совмѣстному плаванію, долго путались и тыкались въ разныя стороны, занимая свои мѣста въ строѣ. Сигналы слѣдовали за сигналами: кому—„больше ходъ“, кому—„стопъ машина, не туда идете“, одному—„держать правѣе“, другому—„держать лѣвѣе“ и т. п. Флагъ-офицеры прямо съ ногъ сбились... Наконецъ въ началѣ 9 часа дѣло кое-какъ наладилось, и нашъ отрядъ тронулся въ путь.

Шли въ двухъ колоннахъ: правая—броненосцы „Суворовъ“, „Александръ“, „Бородино“, Орелъ“ и „Ослябя“; лѣвая—транспорты „Камчатка“, „Анадырь“, „Метеоръ“, „Корея“, „Малайя“ и „Русь“ („Ролландъ“ — къ этому времени уже купленный, переименованный и поднявшій русскій флагъ). Въ замкѣ эскадры находились въ строѣ клина крейсера „Нахимовъ“ „Аврора“ и „Донской“. Этимъ отрядомъ командовалъ к.-адм. Энквистъ, первоначально державшій флагъ на „Донскомъ“, а затѣмъ перенесшій его на „Нахимовъ“. Описываю этотъ строй такъ подробно потому, что онъ уже не мѣнялся до самаго прибытія на Мадагаскаръ.

Въ 9 ч. 45 м. утра,—только что выстроились и дали назначенный ходъ,—на „Суворовѣ“ испортилась рулевая машинка, и онъ круто бросился влѣво. Едва не протаранили „Камчатку“. По счастью командиръ „Суворова“ ни на мгновенье не потерялся—тотчасъ остановилъ лѣвую машину, а правой далъ полный ходъ назадъ. Столкновеніе было удачно избѣгнуто, но вся лѣвая колонна пришла въ полное разстройство, такъ какъ транспорты, при видѣ мчащагося на нихъ, словно сбѣсившагося, броненосца, кинулись отъ него врассыпную.

Черезъ четверть часа поврежденіе было исправлено и порядокъ возстановленъ.

Дальнѣйшее плаваніе, до Дакара, ознаменовалось только однимъ инцидентомъ—въ ночь на 26 октября цѣлыхъ 5 час. простояли на мѣстѣ изъ-за поломки „Малайи“.

Погода стояла великолѣпная—тепло и слабый пассатъ (мы шли какъ разъ его границей). Оговорюсь, однако, что это—мои личныя впечатлѣнія. Это я—послѣ артурскаго лѣта, стоянки въ Сайгонѣ и похода изъ Сайгона въ Марсель, временно промерзнувъ въ Либавѣ, Нѣмецкомъ морѣ и Бискайкѣ,—чувствовалъ себя отлично, что же касается офицеровъ и команды на судахъ эскадры,—они уже съ выхода изъ Танжера заговорили о тропической жарѣ. Сколько содовой воды со льдомъ, а главное холоднаго квасу, выпивалось за день на „Суворовѣ“—сосчитать невозможно! Правда, что среди команды оказался профессіональный квасникъ, и квасъ былъ дѣйствительно превосходный!

Путь, которымъ мы шли, былъ мало-посѣщаемымъ. Ни встрѣчныхъ, ни попутчиковъ—почти не видѣли. Англійскіе крейсера продолжали нѣкоторое время оказывать намъ свое любезное вниманіе, но днемъ держались очень далеко, иногда даже скрывались изъ виду, только ночью подходили ближе, а послѣ того, какъ мы спустились южнѣе Канарскихъ о-вовъ, вовсе насъ бросили.

Забылъ упомянуть, что въ Танжерѣ, передъ раздѣленіемъ эскадры, послѣдній разъ пытались меня „сплавить“. Флагъ-капитанъ чрезвычайно любезно, но и категорически, пожелалъ узнать, какого назначенія я намѣренъ просить у адмирала, причемъ предлагалъ свое содѣйствіе. Не менѣе категорически я отвѣтилъ, что, впервые явившись на эскадру, въ Либавѣ, просилъ уже о какомъ-нибудь (безразлично какомъ) мѣстѣ на одномъ изъ боевыхъ судовъ, что если бы кто-нибудь, по какимъ-либо причинамъ, вынужденъ былъ списаться, то, конечно, я считалъ бы себя въ правѣ претендовать на эту открывшуюся вакансію, но ни въ коемъ случаѣ не позволю себѣ „просить“, чтобы ради меня кого-нибудь смѣстили, убрали, чтобы въ моихъ личныхъ интересахъ была допущена хоть тѣнь несправедливости.

— Если вы находите мое положеніе ненормальнымъ, неудобнымъ, — закончилъ я, — имѣете доброе намѣреніе его улучшить, урегулировать, я глубоко вамъ благодаренъ, но только самъ за себя „просить“ не буду и предоставляю все дѣло въ ваши руки, на ваше усмотрѣніе.

Не знаю, каковъ былъ докладъ, но въ результатѣ вышелъ приказъ, которымъ я зачислялся на „Суворовъ“ съ назначеніемъ завѣдывать военно-морскимъ отдѣломъ штаба команду-

ющаго эскадрой. Офиціально положеніе мое нѣсколько измѣнилось: я уже не былъ просто пассажиромъ, но пассажиромъ, которому дано особое порученіе. На дѣлѣ—все осталось по-старому. Я не только не былъ допущенъ „во святая святыхъ“, не только не былъ посвященъ въ планы предстоящихъ операцій, но даже и текущія дѣла—шифрованныя депеши, отъ насъ и къ намъ, оставались для меня секретомъ. Если я случайно входилъ въ рубку, гдѣ флагъ-капитанъ и чины штаба горячо обсуждали между собою послѣднія полученныя извѣстія, — разговоръ такъ круто мѣнялся, что... не оставалось ничего другого какъ извиниться и уйти.

Должность завѣдующаго военно-морскимъ отдѣломъ въ штабѣ командующаго эскадрой, по штату, не положена (она была, уже во время войны, учреждена и то только для штаба командующаго флотомъ), а потому соотвѣтствующія ей функціи были распредѣлены между флагъ-капитаномъ, флагманскими спеціалистами и флагъ-офицерами. При первой же моей попыткѣ выступить въ новой роли, объявить тотъ или иной вопросъ подлежащимъ моей компетенціи, я увидѣлъ, что такая попытка принимается крайне враждебно, какъ вторженіе въ чуждую область, какъ нарушеніе чьихъ-то правъ, вызываетъ нежелательныя преніи, почти раздоры...

Съ своей стороны, въ виду серьезности момента, переживаемаго эскадрой, я считалъ преступнымъ возбужденіе хотя бы тѣнь распри въ ея вполнѣ организованномъ, сжившемся штабѣ, сплоченность и единодушіе котораго казались мнѣ необходимымъ условіемъ успѣха. Тѣмъ болѣе казалось мнѣ невозможнымъ замѣшивать въ эту распрю адмирала, и безъ того чрезмѣрно обремененнаго дѣлами и заботами, а между тѣмъ только на него я могъ бы опереться.

Не знаю, правильно ли было мною поступлено, но я рѣшилъ, ради пользы дѣла, спрятать самолюбіе въ карманъ, не задаваться высокой цѣлью принимать участіе въ руководительствѣ эскадрой, не пытаться проникать въ тайны, въ которыя меня посвящать не желаютъ, примириться по внѣшности съ ролью пассажира и „свѣдущаго человѣка“, оставленнаго при штабѣ по волѣ адмирала, выступать самостоятельно только въ крайнихъ случаяхъ, но проводить свои идеи путемъ дипломатическаго воздѣйствія на разныхъ спеціалистовъ, знакомыхъ командировъ и даже адмираловъ. Практика показала, что этотъ путь былъ вѣрно намѣченъ, и „подъ чужимъ флагомъ“ мои предложенія

по бо́льшой части не встрѣчали такого дружнаго отпора, какъ исходившія непосредственно отъ меня.

---

30 октября, въ 8 ч. утра, пришли въ Дакаръ. Здѣсь насъ уже поджидали угольщики, однако, начать погрузку немедленно не удалось, хотя, казалось бы, пришли во владѣнія добрыхъ союзниковъ. Только что отдали якорь, какъ прибылъ къ адмиралу командиръ мѣстнаго порта,—увы!—не для того, чтобы привѣтствовать съ благополучнымъ приходомъ и предложить свое содѣйствіе, а... съ предложеніемъ о выходѣ. Онъ сообщилъ, что Японія протестуетъ противъ допущенія военныхъ кораблей, слѣдующихъ на театръ военныхъ дѣйствій, къ погрузкѣ угля въ нейтральныхъ портахъ, что Англія энергично поддерживаетъ этотъ протестъ, и что французское правительство, видимо, не рѣшается открыто отвергнуть этотъ новый принципъ нейтралитета... По крайней мѣрѣ, ему приказано попытаться найти какой-нибудь выходъ, подыскать и указать намъ мѣсто внѣ территоріальныхъ водъ, гдѣ мы могли бы грузиться углемъ, и во всякомъ случаѣ не разрѣшать начала работъ безъ сношенія съ Парижемъ. Самъ онъ всего себя отдавалъ въ наше распоряженіе и, видимо, искренно. (Это такъ походило на пріемъ, встрѣченный „Діаной“ въ Сайгонѣ — полное доброжелательство со стороны мѣстныхъ властей и пугливая сдержанность со стороны центральнаго правительства). Губернаторъ обѣщалъ всяческое содѣйствіе, предлагалъ прислать не только свѣжую провизію, но, если окажется нужнымъ, даже рабочихъ, только бы мы ушли...

— Куда?

— Напримѣръ къ Зеленому мысу!—тамъ глубины позволяютъ стать на якорь внѣ предѣловъ территоріальныхъ водъ, т. е. дальше трехъ миль отъ берега...

Но мы, только-что придя съ океана, хорошо знали, какая тамъ ходитъ зыбь. Тамъ о погрузкѣ угля и думать нельзя было!

Адмиралъ категорически заявилъ, что такъ какъ погрузка въ открытомъ океанѣ невозможна, а равно невозможенъ и выходъ эскадры въ море безъ угля, то запрещеніе выполнить эту операцію на рейдѣ Дакара равносильно требованію разоруженія судовъ воюющей стороны, зашедшихъ въ нейтральный

портъ, что противорѣчитъ всѣмъ декларацiямъ о нейтралитетѣ. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ.

Полетѣли телеграммы въ Петербургъ и Парижъ.

Уже послѣ полудня неофицiально опредѣлилось благопрiятное для насъ теченiе переговоровъ, а потому, пользуясь отдаленностью мѣста стоянки эскадры отъ французскаго поселка, откуда „могли не видѣть“ того, что у насъ дѣлалось, въ пятомъ часу дня подвели угольщиковъ къ борту нашихъ судовъ и приступили къ погрузкѣ.

Прiемъ, встрѣченный нами въ Виго и затѣмъ здѣсь, въ портѣ союзной державы, заставлялъ серьезно подумать о возможности дальнѣйшаго похода эскадры кругомъ мыса Доброй Надежды. Слѣдующимъ этапомъ на нашемъ пути былъ намѣченъ Libreville—французская колонiя, миль сорокъ къ сѣверу отъ экватора, расположившаяся при устьѣ многоводной рѣки Габунъ. Войдя въ нее, мы могли бы чувствовать себя, какъ въ спокойной гавани, но къ сожалѣнiю, согласно полученнымъ свѣдѣнiямъ, мѣстныя французскiя власти имѣли категорическiя предписанiя: въ рѣку насъ не пускать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что въ разстоянiи отъ берега болѣе трехъ миль (т. е. внѣ предѣловъ территорiальныхъ водъ) глубина всего 10—12 саженъ и если мы тамъ (т. е. въ открытомъ океанѣ) станемъ на якорь, то намъ не только не помѣшаютъ грузиться, но даже готовы оказать всякое содѣйствiе. Чисто по-французски—и любезно, и ни къ чему не обязываетъ. Все равно, что голодному человѣку, сидящему подъ яблоней, сказать: „Я не имѣю права разрѣшить вамъ сорвать ни одного яблока, но если которое-нибудь упадетъ,—кушайте на здоровье! я даже готовъ его вамъ очистить!“—Надо замѣтить, что ноябрь въ Libreville является мѣсяцемъ наиболѣе неустойчивой погоды. Преобладаетъ штиль, но временами разражаются жестокiе штормы съ грозой (tornado), по силѣ немногимъ уступающiе ураганамъ Вестъ-Индiи, менѣе продолжительные, нежели послѣдніе, но зато болѣе частые. Послѣ торнадо, не говоря о той опасности, которую оно представляетъ само по себѣ, надолго остается зыбь. Словомъ—погрузку угля „въ океанѣ, близъ Габуна“ отнюдь нельзя было считать обезпеченной.

Слѣдующій этапъ (тысяча съ чѣмъ-то миль южнѣе Габуна) былъ Great-fish bay—огромная бухта, совершенно укрытая отъ господствующихъ вѣтровъ и зыби. Ни по берегамъ самой бухты, ни на сотни верстъ кругомъ нея—ни дерева, ни кустика, ни единаго родника прѣсной воды—только песокъ. Типичная африканская пустыня. Казалось бы, лучше не надо для нашей, отовсюду гонимой, эскадры... Однако, по нынѣшнимъ временамъ, „Божьей земли“ на свѣтѣ не осталось вовсе, и эта пустыня официально принадлежала Португаліи. Если бы въ бухтѣ оказалась англійская эскадра, и на ней спеціально привезенный изъ сосѣдней Бэнгуэлы португальскій чиновникъ, который попросилъ бы насъ о выходѣ, то, въ случаѣ нашего отказа, англичане имѣли бы несомнѣнное право предоставить въ его распоряженіе свои силы для воздѣйствія на нарушителей вновь объявленныхъ правилъ нейтралитета... Чѣмъ бы все это кончилось?—заднимъ числомъ гадать не стоитъ. Такъ или иначе, но и это мѣсто погрузки являлось ненадежнымъ.

На всемъ западномъ берегу Африки только и былъ одинъ пунктъ, на который мы крѣпко разсчитывали, это—Angra Pequena (миль семьсотъ съ чѣмъ-то къ югу отъ Great-fish bay), единственный портъ германской колоніи на этомъ берегу. Принимая во вниманіе, что уголь доставлялся намъ пароходами Hamburg-America Linie, здѣсь мы не разсчитывали встрѣтить никакихъ препонъ (и не ошиблись въ разсчетѣ).

Затѣмъ — Мадагаскаръ.—Ni plus, ni moins!..—такъ какъ дальше всѣ бухты, годныя для стоянки, были во власти англичанъ, а намѣчавшаяся при составленіи маршрута Delagoa bay—принадлежала Португаліи, что то же самое...

О возможности погрузки въ океанѣ, проходя областью SW муссона, SO пассата и West'овыхъ штормовъ, — говорить, конечно, не приходилось.

Оставалось рѣшить вопросъ: вернуться, или идти дальше при условіи, что новымъ броненосцамъ придется брать вмѣсто „усиленнаго“ запаса угля, каковой допускался 1100 тоннъ,—*2400 тоннъ?*

Между тѣмъ „самъ техническій комитетъ“ признавалъ, что эти броненосцы, уже при постройкѣ перегруженные на $2^1/_2$ фута, даже и при „усиленномъ“ запасѣ внушаютъ опасенія и заботливо „увѣдомлялъ“ объ этомъ адмирала. Согласно этимъ увѣдомленіямъ, еще 1 октября адмираломъ былъ отданъ приказъ,

которымъ предписывалось „*для сохраненія безопасной для плаванія метацентрической высоты*: 1) Избѣгать наличія въ трюмѣ броненосцевъ жидкихъ грузовъ, способныхъ переливаться при качкѣ, для чего, напримѣръ, расходовать запасъ прѣсной воды изъ междудонныхъ систернъ по-очереди, т. е. не начинать расходовать воду изъ новой систерны, пока не опорожнена вполнѣ предыдущая. 2) Держать всѣ значительные свободные грузы на мѣстахъ закрѣпленными. 3) Расходовать уголь съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы, по мѣрѣ опоражниванія нижнихъ ямъ, пересыпать въ нихъ уголь изъ верхнихъ. 4) При плаваніи на крупномъ волненіи держать всѣ порта и прочія отверстія батарейной палубы задраенными“.

Прошу моихъ сухопутныхъ читателей извинить меня за эту малоинтересную и малопонятную для нихъ, но зато для людей, свѣдущихъ въ морскомъ дѣлѣ, краснорѣчивѣйшую цитату.

Итакъ, надо было рѣшить вопросъ, который на каютъ-компанейскомъ жаргонѣ формулировался: „Либо—поворачивай оглобли, либо—рискуй опрокидонтомъ...“

Вернуться...—Легко сказать! Но какъ это сдѣлать, когда „ВСЯ РОССІЯ СЪ ВѢРОЮ И КРѢПКОЙ НАДЕЖДОЮ ВЗИРАЕТЪ НА ВАСЪ?..“

Въ этомъ случаѣ явно сказывалась та огромная разница, которая существуетъ между положеніемъ генерала, командующаго арміей, и адмирала, командующаго эскадрой. По отношенію къ первому, ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть рѣчи о его личной храбрости. Если онъ заявитъ, что не считаетъ себя въ правѣ „посылать“ ввѣренныя ему войска на явную гибель, его могутъ обвинить въ чемъ угодно, но не въ личной трусости. Для адмирала—наоборотъ. Онъ, на своемъ флагманскомъ кораблѣ, на которомъ сосредоточенъ огонь непріятеля, находится въ центрѣ опасности, первый несетъ свою голову подъ удары... Если бы онъ сказалъ, что не хочетъ „вести“ свою эскадру на вѣрную гибель, то ему всегда (справедливо или несправедливо—другой вопросъ) могло бы быть брошено въ лицо ужасное слово:

— Испугался!..

Теперь... судите сами — при томъ настроеніи, которое господствовало въ Россіи, „съ вѣрой и крѣпкой надеждой взиравшей на вторую эскадру“,—возможно-ли было, чтобы начальникъ этой эскадры *самъ* заговорилъ о ея возвращеніи!..

И вотъ, несмотря на предостереженія, полученныя отъ техническаго комитета, онъ рѣшилъ идти впередъ, грузясь углемъ, какъ говорили въ каютъ-компаніи, не только по-горло, но по-уши...

Въ Дакарѣ приказано было броненосцамъ типа „Бородино“ принять по 2200 тоннъ, заваливъ углемъ не только жилую, но и нижнюю батарейную палубы. Флагманскимъ корабельнымъ инженеромъ составленъ былъ приказъ (объявленный именемъ адмирала), въ которомъ были подробно изложены способы осуществленія этой невѣроятной операціи, указаны всѣ необходимыя мѣры предосторожности, какъ при погрузкѣ, такъ и при расходованіи излишняго груза.

Флагманскій корабельный инженеръ П. (добрый товарищъ, пользовавшійся общими симпатіями) казался очень озабоченнымъ, ѣздилъ съ одного броненосца на другой, созывалъ другихъ корабельныхъ инженеровъ на совѣщанія къ себѣ, на „Суворовъ“...

— Ну? что вы думаете?—спросилъ я его какъ-то.

— Да, коли иначе никакъ нельзя! Приходится приспособляться!—развелъ онъ руками.

— Поворотъ оверъ-киль?

— Нѣтъ... если порта нижней батареи выдержатъ, то врядъ ли... Только бы не въ скулу, или не въ лобъ. Тогда плохо! — зарываться будемъ жестоко, а какъ высадитъ порта и хлынетъ въ батарею, тогда—прощайте...

Въ ночь на 31 октября губернаторомъ, изъ Парижа, получено было распоряженіе разрѣшить намъ грузиться углемъ, но съ тѣмъ, чтобы погрузка была закончена въ 24 часа. Разумѣется, за начало этого срока былъ принятъ моментъ оффиціальнаго полученія разрѣшенія, т. е. 4 ч. утра.

День 31 октября былъ первымъ днемъ настоящей угольной страды“. Много такихъ дней пережили мы впослѣдствіи, но этотъ, первый, естественно, былъ самымъ тяжелымъ.

Въ Дакарѣ, какъ и вообще въ тропикахъ, съ 10 ч. утра и до 3 ч. пополудни жизнь замираетъ. Закрываются правительственныя учрежденія; магазины не торгуютъ; войска не выходятъ изъ казармъ; рабочіе-европейцы прекращаютъ работы; всѣ не только прячутся въ тѣнь отъ палящихъ лучей солнца, но и въ тѣни стараются не шевелиться, потому что всякое рѣзкое движеніе вызываетъ обильную испарину. Такого режима держатся люди до извѣстной степени акклиматизиро-

вавшіеся, привычные, но намъ—было не до этихъ нѣжностей. Для насъ успѣшность погрузки угля была вопросомъ жизни, и въ ней, раздѣлившись на двѣ смѣны, работая день и ночь, принималъ участіе весь личный составъ, начиная съ командировъ. При полномъ штилѣ, при температурѣ не падавшей ниже + 26° R, въ теченіе 29 часовъ кряду, „Суворовъ“ стоялъ окутанный облакомъ угольной пыли. Яркіе лучи солнца—днемъ, свѣтъ электрическихъ люстръ—ночью, съ трудомъ пронизывали этотъ черный туманъ. Со дна трюмовъ угольщиковъ (пароходовъ, груженыхъ углемъ) само это солнце казалось багровокраснымъ пятномъ... Чернѣе негровъ, обливающіеся потомъ, съ клочьями пакли, зажатыми въ зубахъ (приходилось дышать черезъ паклю, чтобы не задушить себя угольной пылью) работали въ этомъ аду офицеры и команда... И не было ни откуда ни тѣни ропота, ни даже намека на то, что силы человѣческія небезпредѣльны... Странныя,—черныя и мокрыя,—существа, выбѣгавшія на верхній мостикъ „на минутку, глотнуть свѣжаго воздуха“, — торопливо спрашивали сигнальщиковъ— „Какъ погрузка? Сколько тоннъ за прошлый часъ? Успѣемъ ли?“—и опять спѣшно убѣгали внизъ...

А что творилось въ закрытыхъ угольныхъ ямахъ, гдѣ разгребали уголь, сыпавшійся сверху? Гдѣ температура достигала 37° R? Гдѣ самые сильные и здоровые не могли оставаться дольше 15—20 минутъ?.. Никто не жаловался. — „Нужно! Нельзя иначе!“ — И работа кипѣла... Бывало, что не выдерживали и валились съ ногъ. Этихъ, также спѣшно, не теряя ни минуты, выносили на рукахъ, клали подъ душъ, и они, отойдя, передохнувши, — опять возвращались къ прерванной работѣ... Было много случаевъ легкихъ солнечныхъ и тепловыхъ ударовъ, по счастью, обошедшихся благополучно. Только на „Ослябя“ въ 3 ч. дня скончался отъ паралича сердца лейтенантъ Нелидовъ...

1 ноября передъ закатомъ солнца, какъ свалила жара, состоялись его похороны. Присутствовали всѣ чины администраціи колоніи. Гарнизонъ Дакара участвовалъ въ отданіи воинскихъ почестей при погребеніи...

Весь этотъ день былъ данъ командѣ для отдыха, мытья и приборки, а 2 ноября, въ 3 ч. дня, тронулись дальше.

Трое сутокъ шли благополучно; потомъ начались аваріи. Упомяну только главнѣйшія: 5 ноября въ 8 ч. вечера у „Бородино“ лопнулъ бугель эксцентрика; пока бугель замѣняли

новымъ (работа серьезная), „Бородино“ шелъ подъ одной машиной и не могъ давать больше $7^1/_2$ узловъ хода; тѣмъ же ходомъ шла и вся эскадра; поврежденіе было исправлено къ 8 ч. утра 7 ноября; дали прежній ходъ—$9^1/_2$ узловъ, но въ 7 ч. вечера на „Малайѣ“—лопнула серьга балансира... Приказали „Руси“ (Ролланду) взять ее на буксиръ; долго путались (съ непривычки и въ темнотѣ), стояли на мѣстѣ и только въ 10 ч. вечера могли дать ходъ, да и то—$4^1/_2$ узла!.. Къ утру, 9 ноября, „Малайя“ поправилась; опять завернули по $9^1/_2$.

13 ноября, въ 6 ч. пополудни, стали на якорь въ открытомъ океанѣ, южнѣе устья рѣки Габунъ. Погода благопріятствуетъ. Вчера и третьяго дня была изрядная зыбь, а теперь—не шелохнетъ. Изъ рѣки къ намъ на соединеніе немедленно вышли нѣмецкіе угольщики и „Esperance“. Пріѣхалъ вице-губернаторъ съ массой цвѣтовъ и добрыхъ пожеланій. Видимо глубоко счастливъ, что мы не вошли въ рѣку, потому что воспрепятствовать намъ въ этомъ намѣреніи, фактически, средствъ не имѣется, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ Libreville проживаетъ англійскій консулъ, который не упустилъ бы случая завопить о нарушеніи нейтралитета...

И это—союзники!..

Николай Угодникъ и Серафимъ Саровскій сдѣлали все, что могли. Не только „торнадо“ насъ не прихватило, но даже и зыбь шла съ океана еле-замѣтная. Погрузились—словно въ гавани.

18 ноября въ 4 ч. дня снялись съ якоря для дальнѣйшаго слѣдованія.

И, кажется, во-время.

19 ноября—густая облачность и крупная зыбь, на которой перегруженные броненосцы здорово „клюютъ“, то-же и 20 ноября.

IV.

Ученья и занятія на походѣ. — Great-fish bay и сердитый «Лимпопо».—Angra Pequena и милѣйшіе маіоры.—Вѣсти о взятіи японцами Высокой горы и о сюрпризахъ, приготовленныхъ въ Дурбанѣ. — У мыса Доброй Надежды.—Штормъ.—У береговъ Мадагаскара.—Вѣсти о гибели первой эскадры.—Адмиралъ и «шпицъ».

Если стоянки на якорѣ характеризовались, какъ говорили въ каютъ-компаніи, „черной лихорадкой“ и „угольнымъ за-

поемъ", то и пребываніе въ морѣ, во всякомъ случаѣ, нельзя было назвать временемъ отдыха.

Помимо того, что многое не было еще закончено постройкой или исправленіемъ; помимо того, что днемъ и ночью во всѣхъ углахъ кораблей производились работы — что-то разбирали, собирали, пригоняли, чинили и т. п.,—надо было еще обучать личный составъ, дать ему ту подготовку, которой онъ не получилъ въ мирное время, несмотря на донесенія „о полной боевой готовности" и завѣренія, что „все обстоитъ благополучно"...

Конечно въ тѣхъ условіяхъ безпріютности, въ которыхъ мы находились, главнѣйшей задачей было движеніе впередъ, а такъ какъ безпрерывныя аваріи то на одномъ, то на другомъ кораблѣ и безъ того сильно задерживали это движеніе, вынуждая безъ пользы расходовать нашъ жизненный элексиръ—уголь, то обученіе маневрированію, неизмѣнно сопряженное съ тратой времени и угля, являлось пока неосуществимымъ. Самъ адмиралъ, не признававшій слова „невозможно", не рисковалъ такимъ вызовомъ судьбѣ... Зато все, что можно было дѣлать, не замедляя по собственной волѣ движенія эскадры,—дѣлалось.

Личному составу пришлось поработать.

Ученья производились днемъ (въ общей сложности) въ теченіе 6 часовъ; вечеромъ — офицеры имѣли занятія въ каютъ-компаніи, а ночью—дѣлались внезапныя тревоги.

Еще 9 ноября адмиралъ отдалъ приказъ, которымъ предписывалось, наканунѣ каждаго ученія по боевому росписанію, въ каютъ-компаніяхъ, по указаніямъ командировъ и подъ руководствомъ старшихъ офицеровъ разрабатывать тактическій планъ боя, исполненіемъ котораго должно служить послѣдующее ученіе.

При этомъ указывалось, что „слѣдуетъ всегда задаваться эскадреннымъ боемъ: вычертивъ (на бумагѣ) движенія противныхъ броненосныхъ, крейсерскихъ и минныхъ отрядовъ за получасовой промежутокъ жаркаго артиллерійскаго боя на среднихъ разстояніяхъ, надлежитъ опредѣлить, какой именно изъ линейныхъ кораблей проекта будетъ изображаться правымъ и какой лѣвымъ бортомъ своего корабля на предстоящемъ ученьи, затѣмъ каждому борту назначить противниковъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ по плану, и составить для каждой группы орудій, и для каждаго орудія въ группѣ, вѣдо-

мость моментовъ выстрѣловъ, направленій, разстояній и рода снарядовъ. Въ сводныхъ вѣдомостяхъ, управляющихъ огнемъ праваго и лѣваго борта, должны быть кромѣ того показаны моменты вѣроятныхъ попаданій непріятельскихъ снарядовъ и пораженія, ими производимыя: убыль именныхъ людей, точныя мѣста пожаровъ, порча проводовъ, приборовъ и механизмовъ, мѣста подводныхъ пробоинъ и проч.

„Изъ общей вѣдомости въ орудійныя должны быть внесены свѣдѣнія, касающіяся каждаго орудія въ отдѣльности, какъ по убыли людей, такъ и по поврежденіямъ, вліяющимъ на дѣйствіе даннаго орудія непосредственно или отвлекающимъ на время прислугу его.

„*Съ подробностями плана должны быть знакомы не только офицеры, составлявшіе его, но въ равной мѣрѣ и причастные къ его исполненію нижніе чины: артиллерійскіе и минные кондукторы и квартирмейстеры, комендоры, гальванеры, минеры, трюмные и проч.—до санитаровъ включительно*“.

Приказъ заканчивался такъ:

„Не слѣдуетъ смущаться непорядкомъ, который будетъ имѣть мѣсто при первыхъ ученьяхъ: ихъ слѣдуетъ доводить до конца и повторять. Къ ученьямъ этого рода приступить немедленно и выполненные планы представлять еженедѣльно, или на стоянкахъ, въ мой штабъ“.

Нужно ли говорить, что этотъ приказъ выполнялся? что личный составъ эскадры прилагалъ всѣ усилія къ осуществленію задачъ, поставленныхъ адмираломъ? Въ искреннемъ желаніи недостатка не было. Дѣлали все, что могли. Но... планъ боя, вычерченный „на бумагѣ“, продѣланный во всѣхъ подробностяхъ, „примѣрно“, во время ученья,—могъ ли вознаградить недостатокъ опыта, дать знаніе „ремесла“, которое пріобрѣтается только практикой многолѣтняго, эскадреннаго плаванія, маневровъ и дѣйствительныхъ стрѣльбъ?..

Съ одной стороны лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, а съ другой... я не могъ не вспомнить одного рѣзкаго изреченія адмирала, командовавшаго въ 98 году эскадрой Тихаго океана, по поводу доклада флагманскаго артиллериста о неимѣніи снарядовъ и зарядовъ для производства новой стрѣльбы, такъ какъ „количество, по штату положенное“, уже израсходовано, и можно стрѣлять только пулями изъ ружейныхъ стволовъ, прикрѣпленныхъ къ большимъ орудіямъ.

— Все-таки что-нибудь!—комендоръ будетъ стрѣлять изъ

ружья, но наводить ему придется самую пушку. Лучше, чѣмъ ничего!—говорилъ артиллеристъ.

— Значитъ вы держитесь правила, — перебилъ его адмиралъ, любившій крѣпкія народныя пословицы, — что „лучше хоть вошь во щахъ, чѣмъ совсѣмъ безъ говядины“? А я съ этимъ не согласенъ! Ужъ лучше пустыя щи, чѣмъ этакое утѣшеніе!

21, 22 и 23 ноября—все то же. Облачно и крупная зыбь. SO пассатъ, дующій прямо съ Южнаго Ледовитаго океана, создаетъ на западно-африканскомъ берегу, южнѣе экватора, климатическія условія, вовсе непохожія на тропическую область, лежащую въ сѣверномъ полушаріи.

23 ноября я записалъ въ моемъ дневникѣ: „Широта 16°, а температура въ 9 ч. утра + 14° R. Спалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Распарившись за три недѣли, многіе жалуются на собачій холодъ“.

Около полдня того же 23 ноября подошли ко входу въ Great-fish bay. Здѣсь, въ океанѣ, мотаясь на зыби, насъ уже поджидали угольщики. Молодцы нѣмцы! — работаютъ, какъ хронометръ!

Въ 1 ч. 30 м. пополудни стали на якорь въ самомъ устьѣ бухты, прикрытые косою отъ зыби и въ то же время и отъ косы и отъ материка въ разстояніи болѣе 3 миль. Вглубь, гдѣ было бы еще спокойнѣе, не пошли, такъ какъ, немедленно по входѣ, была нами „усмотрѣна“, находившаяся здѣсь, очевидно, въ ожиданіи насъ, довольно нелѣпаго вида небольшая посудина подъ португальскимъ флагомъ. Оказалось — рѣчная канонерская лодка „Лимпопо“, постройки 90 года, съ одной пушкой въ 65 мм. и парой митральезъ. Это было не слишкомъ внушительно, а потому, когда командиръ этого „Лимпопо“ пріѣхалъ на „Суворовъ“ просить насъ о немедленномъ выходѣ, то адмиралъ, совершенно спокойно и крайне любезно, разъяснилъ ему, что отъ любого изъ береговъ, принадлежащихъ Португаліи, мы стоимъ въ разстояніи болѣе 3 миль, т.-е. внѣ предѣловъ территоріальныхъ водъ, и значитъ—сами себѣ господа.

— Но вы стоите въ бухтѣ! Вѣдь это фактъ.

— Въ этомъ отношеніи мы можемъ только благодарить Господа Бога, что входъ въ бухту устроенъ Имъ шире 6 миль,

и между двумя прилегающими къ берегамъ полосами территоріальныхъ водъ Португаліи, нейтралитетъ которыхъ для меня священенъ, имѣется узкая полоса открытаго для всѣхъ моря.

„Лимпопо“ разсердился и пошелъ въ Бенгуэлу съ протестомъ.

— На здоровье, миленькій! Всего хорошаго! — напутствовали съ „Суворова“ канонерку, которая, тяжело переваливаясь съ борта на бортъ, медленно удалялась на сѣверъ. — На этой зыби, пока доскребешься до Бенгуэлы и вернешься назадъ съ ультиматумомъ, — насъ тутъ и духу не останется!..

Конечно будь здѣсь англійская эскадра, и на ней хотя бы исправникъ изъ Бенгуэлы,—разговоръ былъ бы другой...

Международное право, о которомъ такъ много говорятъ въ наши дни... не есть ли все оно сплошь только подгонка подъ правовыя нормы фактовъ грубаго произвола, стремленіе ученыхъ юристовъ „не потерять лица“, подыскать оправданіе силѣ, не считающейся ни съ какимъ правомъ?

На слѣдующій день, 24 ноября, около 4 час. пополудни, снялись съ якоря и пошли въ Angra Pequena. Этотъ переходъ по условіямъ погоды, рѣзко разнился отъ предыдущихъ. SO пассатъ южной части Атлантическаго океана, подъ берегомъ переходящій въ SW муссонъ, совсѣмъ не похожъ на ласковый NO сѣвернаго полушарія. Обыкновенно, къ разсвѣту небо заволакивалось низкими, быстро бѣгущими облаками, и вѣтеръ свѣжѣлъ; къ полудню разъяснивало; послѣ полудня нѣсколько стихало; къ закату солнца—опять облачно и свѣжо; къ полночи—тише и яснѣе до разсвѣта. Словомъ—поперемѣнно, каждые 6 часовъ, то довольно сносная, то пренепріятная погода. Температура воздуха, даже въ полдень, не поднималась выше 16° R.

28 ноября, около 1 ч. дня, стали на якорь въ Angra Pequena. Расположились въ западной части бухты, отдѣленной узкимъ скалистымъ мысомъ отъ восточной части, гдѣ собственно и находится самая германская колонія. Угольщики насъ уже ожидали, но приступить къ погрузкѣ оказалось невозможнымъ изъ-за погоды—ревѣлъ SSW балловъ на 8 *) и даже въ бухту заходила съ океана крупная волна. Зато со стороны мѣстныхъ властей было встрѣчено полное сочувствіе.

*) Сила вѣтра оцѣнивается баллами: 0—штиль, 12 балловъ—ураганъ.

Флагъ-капитанъ, ѣздившій на развѣдки (въ западную бухту), сообщилъ, возвратившись, что губернаторъ (въ чинѣ маіора) принялъ его крайне радушно, а на дипломатическій намекъ—не будетъ ли препятствій для стоянки эскадры—сдѣлалъ большіе глаза, спрашивалъ: „Какая эскадра? Гдѣ она находится?“—и категорически заявилъ, что, такъ какъ изъ бухты, въ которой онъ живетъ, никакихъ кораблей не видно, и такъ какъ флота для дозора за берегами колоніи у него не имѣется, а самъ онъ человѣкъ сухопутный и отнюдь не обязанъ и не намѣренъ крейсировать въ морѣ на туземной пирогѣ, да еще въ такую погоду,—то хоть бы сраженіе произошло за ближайшимъ мысомъ, онъ все-равно ничего предпринять не можетъ.

При этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе ясно сказалось, что то, замѣтно подавленное, настроеніе, которое господствовало на эскадрѣ, вызывалось не утомленіемъ отъ сверхсильной работы, не физическими трудами и лишеніями... Когда офицерство (а, конечно, и команда черезъ вѣстовыхъ) узнало о „маіорскомъ“ отвѣтѣ; узнало, что насъ не только не гонятъ, но даже и не ругаютъ по поводу нашего прихода; особенно, когда распространился слухъ, что „маіоръ“ только бранился самыми нехорошими нѣмецкими словами по поводу перекупленнаго у него подъ носомъ большого транспорта зелени и овощей, привезенныхъ изъ Капштадта, якобы, по его заказу и для его „войскъ“...—всѣ какъ-то ожили, развеселились. Про „маіора“ начали слагаться цѣлыя легенды, и самое слово это сдѣлалось нарицательнымъ.

Минеръ, лейтенантъ Б., прямо заявлялъ:

— Если „маіоръ“ одолѣетъ свою водобоязнь и пріѣдетъ къ адмиралу съ визитомъ,—берусь затащить его въ каютъ-компанію и привѣтствовать шампузой отъ лица русскаго флота! Надѣюсь, господа поддержатъ?

— Конечно! Конечно!..

— Не хорохорьтесь, дорогой! Я здѣсь—предсѣдатель, мнѣ—честь привѣтствовать „маіора“ отъ лица всѣхъ!—смѣялся старшій офицеръ, капитанъ 2 ранга М.

— Исполать вамъ, коли вы становитесь во главѣ движенія!..—басилъ лейтенантъ.—На насъ разсчитывайте! Нашелся же человѣкъ, что не плюетъ въ рыло!—Надо такого уважить!..

„Маіорское“ доброжелательство оказалось весьма кстати, потому что погода была явно противъ насъ. Къ вечеру 28 ноября шквалы достигали силы 10 балловъ (мѣряли по анемо-

метру). Около 3 ч. ночи 29 ноября нѣсколько стихло. Рискнули начать погрузку, но къ 6 ч. утра опять заревѣло, да такъ, что кромѣ зыби, заходящей съ океана, въ самой бухтѣ разошлась волна. Угольщикъ, съ котораго грузился „Суворовъ", несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, изрядно поломался, такъ какъ наши 75 мм. пушки нижней батареи, торчавшія внаружу, втыкались въ его бортъ, какъ иголки въ пробку. Невеликъ уронъ, еслибы при этомъ страдалъ только пароходъ—заплатить ему за починку, и дѣло кончено; бѣда была въ томъ, что страдали самыя пушки: такъ одна, воткнувшись въ какое-то особенно крѣпкое мѣсто, при обратномъ розмахѣ, выдергиваясь, согнулась градусовъ на 5... Конечно такая ужъ не годилась для боя! Пришлось прекратить погрузку.

30 ноября—та же погода. Пробовали грузиться, перевозя уголь на баркасахъ. Ничего не вышло. Около 10 час. утра пришлось поднять всѣ шлюпки. Такой штормъ, что могли бы затонуть у борта.

1 декабря за ночь нѣсколько стихло. Съ 5 час. утра начали погрузку барказами, такъ какъ изъ-за зыби подвести пароходы къ борту было все еще рисковано.

Около 11 час. утра пріѣхалъ съ визитомъ къ адмиралу „маіоръ". Встрѣчали какъ настоящаго губернатора (не взирая на чинъ). Завтракалъ у адмирала. Былъ чествуемъ въ каютъ-компаніи. При отъѣздѣ сопровождался салютомъ. Музыка играла германскій гимнъ. Раскисъ. (Прошу извинить за нелитературное изложеніе, но это взято цѣликомъ изъ дневника).

Весь день и бо́льшую часть ночи успѣшно продолжали погрузку. Въ 3 ч. ночи, 2 декабря, внезапно засвѣжѣло. Многіе думали—просто шквалъ, и передержали пароходы у борта. Въ результатѣ—изрядныя аваріи. Къ 7 час. утра также внезапно стихло. Флагъ-капитанъ и флагманскій артиллеристъ (полковникъ Б.) ѣздили на берегъ въ качествѣ оффиціальныхъ представителей адмирала отвѣтить на визитъ губернатора и нанести визитъ командующему мѣстными войсками и начальнику экспедиціоннаго отряда, отправлявшагося воевать съ какими-то „гереро". Къ полдню оба (опять маіоры) прибыли съ отвѣтнымъ визитомъ и конечно были приняты не менѣе радушно, чѣмъ губернаторъ.

3 декабря—весь день мертвый штиль и густой, какъ молоко, туманъ. Благополучно закончили погрузку угля, мылись и готовились къ походу.

Изъ Капштадта пришелъ пароходъ. Привезъ газеты и разныя новости на словахъ. Послѣ долгихъ и упорныхъ штурмовъ японцы овладѣли подъ Артуромъ высотой 203 метра, которую русскіе называютъ „Vysokaia“.

— Высокая? Это гдѣ же?—спрашивали меня въ каютъ-компаніи.

— Это на сѣверо-западномъ углу нашего сухопутнаго фронта...—отвѣчалъ я, не вдаваясь въ подробности.

— Высокая? Это—что же?..—спросилъ меня адмиралъ какимъ-то страннымъ тономъ, пытливо заглядывая мнѣ въ глаза.

— Это, можетъ быть,—конецъ крѣпости, и во всякомъ случаѣ—конецъ эскадрѣ. Съ нея—всѣ рейды и портъ какъ на ладони...

---

4 декабря, въ $9^1/_2$ ч. утра, погрузившись углемъ „по-уши“, покинули непогодливую, но гостепріимную „маіорскую“ бухту съ тѣмъ, чтобы, никуда не заходя, добраться до Мадагаскара. Возможно, что до прихода въ Angra-Pequena адмиралъ не терялъ еще надежды зайти, хоть на нѣсколько часовъ, въ Delagoa bay, чтобы тамъ, пока будутъ идти переканія съ мѣстными властями и получаться ультиматумы изъ метрополіи, перехватить кое-что (въ смыслѣ угля) съ собственныхъ транспортовъ, но вѣсти, полученныя въ Angra Pequena, вынудили его совершенно отказаться отъ подобной мысли. Наши агенты доносили (говорю со словъ командира броненосца), что въ Дурбанѣ сосредоточена флотилія парусныхъ шкунъ, типа рыбачьихъ, построенныхъ въ Бомбеѣ и... вооруженныхъ минными аппаратами; называли даже имя командира этой флотиліи—контръ-адмирала Сіоногу. По странному стеченію обстоятельствъ, вмѣстѣ съ этими извѣстіями, адмиралъ получилъ телеграмму, которой сообщалось о дружескомъ предупрежденіи со стороны англійскаго правительства, что близъ Дурбана, въ морѣ, производятся обширные рыбные промыслы, встрѣчается масса рыбачьихъ судовъ, а потому... было бы крайне нежелательно повтореніе „гулльскаго инцидента“...

На эту телеграмму (точный текстъ которой мнѣ неизвѣстенъ) адмиралъ отвѣтилъ нешифрованной, т. е. доступной для чтенія на всѣхъ промежуточныхъ станціяхъ, телеграммой, которая гласила, что суда дурбанскихъ рыбаковъ, пытающіяся

прорѣзать строй эскадры или, вообще, приблизиться къ ней на дистанцію миннаго выстрѣла,—будутъ безпощадно уничтожены, о чемъ онъ проситъ увѣдомить англійское правительство для сообщенія надлежащихъ инструкцій рыбакамъ черезъ колоніальныя власти.

Не знаю, какъ поступили съ этой телеграммой наши дипломаты, но если даже они вовсе ее утаили, несомнѣнно, что рѣшеніе адмирала стало извѣстно въ Лондонѣ еще раньше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Выйдя изъ Angra Pequena 4 декабря, встрѣтили въ океанѣ подозрительную, облачную и шквалистую погоду, при зыби отъ SSW. Къ вечеру зыбь настолько усилилась, что даже броненосцы изрядно „поклевывали“. 6 декабря—та же погода. Зыбь крупная, неправильная, высотою до 20 футъ. Броненосцы сильно „рыли“, но бортовую качку имѣли незначительную. Зато на крейсеры жаль было смотрѣть, такъ ихъ разматывало.

Около 11 ч. утра увидѣли Столовую гору и весь день шли въ виду берега. Красивыя мѣста, удивительно напоминающія другую, сѣверную, оконечность стараго материка—Нордкапъ. Въ 4 ч. пополудни, находясь отъ мыса Доброй Надежды на S въ 7 миляхъ, взяли курсъ къ Игольному мысу, а въ 2 ч. пополуночи, 7 декабря, на меридіанѣ его, легли въ NO четверть. Вступили въ Индѣйскій океанъ. Начался походъ на востокъ и на сѣверъ.

За ночь изрядно засвѣжѣло отъ WSW. Къ утру неправильная, безпокойная зыбь смѣнилась огромной волной, по счастью попутной. Въ 4 ч. дня, при ясномъ небѣ,—WSW силою до 9 балловъ. У броненосцевъ—килевая качка до 7°, бортовая—до $5^1/_2$°. Иногда гребни волнъ захлестывали на ютъ.

Передъ закатомъ солнца вѣтеръ задулъ порывами, доходившими до степени шторма. Волна стала круче. Въ 8 часу вечера нѣсколько разъ здорово „взяли“ кормой. Флагманскій корабельный инженеръ безъ устали сновалъ по всему броненосцу, совѣщался со старшимъ офицеромъ и трюмнымъ механикомъ... То тутъ, то тамъ раздавались удары молотовъ, забивавшихъ клинья къ подпорамъ; тащили бревна, доски...

— Ну что?

— Да ничего! вѣдь я говорилъ: только бы не въ лобъ! а попутный—Богъ дастъ, выдержимъ!..

За ночь какъ будто стало полегче, но къ разсвѣту 8 декабря опять засвѣжѣло. Къ полудню—штормъ.

Не буду утомлять читателей подробнымъ описаніемъ того зрѣлища, которое представляла собою „разъяренная стихія". Картина всѣмъ слишкомъ хорошо знакомая, благодаря работамъ великихъ мастеровъ пера и кисти, чтобы я рѣшился дополнять ее моими слабыми штрихами. Скажу просто: это былъ „не свѣжій вѣтеръ", а настоящій „штормъ", не по впечатлѣнію, а по анемометру.

Въ этотъ и въ послѣдующіе, ближайшіе, дни въ моемъ дневникѣ записано такъ немного, что я позволю себѣ привести эту запись дословно, какъ она есть, не заботясь о литературной формѣ изложенія. Можетъ быть такъ выйдетъ даже краснорѣчивѣе.

„8 декабря, полдень. Волна больше, чѣмъ вчера. Розмахи до 7° на сторону. Зато вмѣсто противнаго теченія—20 миль попутнаго *). Идемъ попутнымъ штормомъ. Если не будетъ еще свѣжѣе—штормъ къ нашему благополучію. Въ такую погоду никакія японскія авантюры не страшны, а если нигдѣ не окажется поврежденій, то и для броненосцевъ хорошее испытаніе. Небо—ясно. Волна—до 25 футъ.

„12 ч. 30 м. дня. Волна—35 футъ, а то и больше. Помоги Богъ!—выдержатъ ли броненосцы?—Захлестываетъ на верхнюю палубу.

„3 ч. дня. Волна такъ „накрыла" съ кормы, что залило штабную рубку и поддало на верхній мостикъ. Гребной катеръ на правомъ срѣзѣ сильно поломанъ **), но еще виситъ на таляхъ.

„4 ч. дня. Мѣрили высоту волны—37 футъ. Розмахи—до 12° на бортъ. Сильно беремъ кормой. Кажется, все свѣжѣетъ.

„5 ч. дня. У „Малайи" испортилась машина. Сигналитъ, что поврежденіе незначительное, что исправитъ черезъ 20 минутъ. Идемъ дальше. Остановиться, ждать—невозможно. Авось управится. Машина гнусная, но самъ пароходъ—океанскаго типа, испытанный въ штормахъ.

„6 ч. вечера. Не стихаетъ, но кажется волна стала от-

---

*) За сутки.
**) Ударами волнъ.

ложе. Качаемся мало. Зато, именно поэтому, въ бортъ бьетъ, какъ въ брекватеръ. П. *) имѣетъ видъ очень озабоченный.

„6 ч. 35 м. вечера. Потеряли правый катеръ **).

„8 ч. вечера. Кажется, начинаетъ стихать. Дуетъ порывами—хорошій признакъ. „Русь“ (Ролландъ) телеграфировала, что не въ силахъ держаться этимъ курсомъ ***), беретъ NO 56° (хочетъ укрыться берегомъ). Приказали ей къ утру, если стихнетъ, соединиться съ эскадрой. „Аврора“ ****) сообщила, что передъ заходомъ солнца потеряли изъ виду „Малайю“ (очевидно еще не исправила поврежденія). „Авроръ“ приказали всю ночь отъ времени до времени прожекторомъ подавать сигналы назадъ (дѣлать позывные „Малайи“).

„Около 11 ч. вечера. Вѣтеръ ходитъ отъ SW до SSW. Порывы. Въ общемъ балловъ 6. Качка легче. Иногда „беремъ“ кормой и правымъ срѣзомъ.

„9 декабря, полдень. Шквалы, балловъ на 5—6, съ дождемъ, продолжались всю ночь отъ SW, затѣмъ отъ S. Явно—штормъ миновалъ. Волна. Качаетъ. Иногда поддаетъ. Но какъ бодро! какъ весело на душѣ!—хочется смѣяться... Броненосцы выдержали тяжелую марку!

„Благодаря Бога—все хорошо! И вѣдь, можетъ быть, въ бухтахъ по берегу адмиралъ Сіоногу, со своей флотиліей парусныхъ шхунъ, зубами щелкаетъ отъ ярости! Напрасно ждали! Сорвалось—штормъ помѣшалъ!

„6 ч. вечера „Русь“ (Ролландъ) догнала эскадру. Идетъ вмѣстѣ съ нами. Погода удовлетворительная.

„10 декабря. За ночь совсѣмъ, было, стихло, но послѣ полдня задулъ S, балловъ на 5, и пошла зыбь.

„12 декабря. Вчера съ утра fine weather!“

Дальше опять начинается многословіе, а потому прекращаю выписки и перехожу къ разсказу своими словами.

Къ вечеру 11 декабря „Камчатка“ начала упорно отставать и, несмотря на всѣ понудительные сигналы, никакъ не могла вступить въ свое мѣсто. Между тѣмъ эскадренный ходъ былъ $9^1/_2$ узловъ. Наконецъ, на категорическій сигналъ—„Донести немедленно, почему не можете идти съ эскадрой! Произвести дознаніе — обнаружить виновниковъ!“ — Отвѣтъ —

*) Флагманскій корабельный инженеръ.
**) Сорвало ударами волнъ.
***) Очевидно, накрывало догоняющей волной.
****) Концевой корабль эскадры.

„Плохъ уголь. Не держится паръ. Прошу позволенія выбросить за бортъ 150 тоннъ угля. Тогда могу идти“.

На всю эскадру уголь доставлялся одинаковый. Почему на „Камчаткѣ“ онъ вдругъ оказался настолько плохимъ, что она не могла давать даже $9^1/_2$ узловъ? Почему именно 150 тоннъ надо было выбросить за бортъ?..

Только тѣ, кто хорошо зналъ адмирала, могли по достоинству оцѣнить то внѣшнее спокойствіе, съ которымъ онъ выслушалъ докладъ объ этомъ удивительномъ сигналѣ.

— Отвѣтьте, что я разрѣшаю выбросить за бортъ только злоумышленниковъ...

„Камчатка“ тотчасъ прибавила ходу. Тутъ ей посчастливилось, такъ какъ въ 9 час. вечера на „Суворовѣ“ повредилась рулевая машинка, и въ теченіе получаса изъ-за него эскадра шла малымъ ходомъ. „Камчата“ успѣла ее догнать, не выбрасывая за бортъ ни угля, ни злоумышленниковъ.

12 декабря, какъ будто прошли краемъ SO пассата Индѣйскаго океана, а 13 декабря, минуя (въ 10—15 миляхъ) южную оконечность Мадагаскара, вступили въ прилегающую къ этому острову область лѣтнихъ *) штилей и урагановъ. Впослѣдствіи мы хорошо ознакомились съ этимъ климатомъ и даже нѣсколько притерпѣлись, но для начала—это было крайне непріятно: небо подернуто не то жидкими облаками, не то поднявшимся густымъ туманомъ; солнце не жжетъ и не слѣпитъ—сквозь эту дымку на него можно смотрѣть простымъ глазомъ; жары большой нѣтъ—всего+23^0 R, но зато относительная влажность—$96^0/_0$!.. Дышать нечѣмъ! Въ легкія попадаетъ больше воды, чѣмъ воздуха... На дистанціи двухъ миль уже съ трудомъ можно было различать цвѣта сигнальныхъ флаговъ...

Забылъ упомянуть, что еще изъ Great-fish bay госпитальный „Орелъ“, во избѣжаніе предстоящихъ намъ мытарствъ, былъ отправленъ на Мадагаскаръ самостоятельно, съ заходомъ въ Капштадтъ, гдѣ онъ, подъ флагомъ Краснаго Креста, могъ безпрепятственно, отнюдь не нарушая самыхъ драконовскихъ правилъ нейтралитета, пополнить запасы провизіи, угля и пріобрѣсти все необходимое для больныхъ.

Рандеву ему было назначено у южной оконечности Мадагаскара, а потому 13 декабря шли, выславъ крейсера дозор-

*) Въ южномъ полушаріи декабрь соотвѣтствуетъ нашему іюню.

ной цѣпью вправо и влѣво отъ курса. „Орла“ не видали. Очевидно задержался въ Капштадтѣ изъ-за шторма.

Около полночи на 14 декабря налетѣлъ свѣжій шквалъ отъ NO, сопровождаемый великолѣпной грозой и настоящимъ тропическимъ ливнемъ. Къ разсвѣту стихло. Атмосфера нѣсколько очистилась. Легче вздохнулось. На западѣ смутно видѣли зубчатый гребень береговыхъ возвышенностей (съ разстоянія 35 миль).

Утромъ этого дня, здороваясь съ адмираломъ, я не на шутку встревожился его видомъ. Онъ, казавшійся такимъ неутомимымъ, бодрымъ, почти безпечнымъ за все время безумно-рискованнаго перехода, теперь, когда мы могли считать себя почти у цѣли, вдругъ „сдалъ“, словно постарѣлъ сразу на нѣсколько лѣтъ... Причина понятна—нельзя было въ его годы безнаказанно проводить 10 сутокъ на мостикѣ, не сводя глазъ съ эскадры, только урывками вздремывая на креслѣ—естественная реакція...

Какъ бы то ни было, не одинъ я встревожился,—весь „Суворовъ“ заволновался.

— Здоровъ ли адмиралъ? Что съ адмираломъ?—осаждали вопросами докторовъ.

Доктора только отмахивались...

Около 11 ч. утра броненосецъ внезапно наполнился такимъ дикимъ ревомъ и свистомъ, что съ трудомъ можно было слышать голосъ сосѣда, кричавшаго въ ухо. Совершенно инстинктивно я выбѣжалъ наверхъ. „Суворовъ“ былъ внѣ строя, выйдя вправо; по лѣвому его борту проходила эскадра, которой онъ дѣлалъ сигналъ—„Такъ держать. Не слѣдовать движеніямъ адмирала“—что, въ переводѣ на разговорный языкъ, означаетъ—„Идите прежнимъ курсомъ и строемъ. Не обращайте на меня вниманія“.

Оказалось, что у одной группы котловъ лопнула труба, подающая паръ отъ нихъ въ главную паропроводную трубу.

Къ полдню управились, догнали эскадру и вступили въ свое мѣсто. По счастью обошлось безъ жертвъ. Три человѣка рисковали живьемъ свариться, но спаслись, благодаря счастливому случаю и находчивости старшаго. По близости къ мѣсту происшествія оказалась открытая горловина угольной ямы. Только что лопнула труба и со свистомъ и ревомъ хлынулъ изъ нея паръ, какъ старшій, ни на мгновенье не потерявшись, сразу сообразивъ, въ чемъ дѣло, сунулъ своихъ по-

мощниковъ въ яму, вскочилъ туда же самъ и „задраилъ“ *) за собой горловину. Когда, почти черезъ часъ, эти люди, которыхъ считали погибшими, вылѣзли изъ своей темницы на свѣтъ Божій,—радость была всеобщая. Адмиралъ передъ фронтомъ команды хвалилъ ихъ за находчивость, назвалъ молодцами, выдалъ денежныя награды изъ собственнаго кошелька, а самъ... вдругъ совершенно утратилъ свой усталый, больной видъ и опять помолодѣлъ.

— Видѣли? Подстегнуло—и ожилъ!—посмѣивался старшій докторъ.—Такіе люди устаютъ и хвораютъ только въ „свободное отъ служебныхъ занятій время!“.

День 15 декабря прошелъ безъ приключеній.

16 декабря, въ 8 ч. утра, подошли къ южной оконечности о-ва S-te Marie и затѣмъ вошли въ проливъ между нимъ и Мадагаскаромъ. Въ 11 ч. 30 м. утра стали на якорь.

Проливъ шире 10 миль; мы расположились посерединѣ, а потому съ формальной стороны обвинить насъ въ нарушеніи нейтралитета было невозможно.

Около 4 ч. дня пришелъ изъ Капштадта госпитальный „Орелъ“ и привезъ роковую вѣсть: артурская эскадра потоплена огнемъ осадной артиллеріи японцевъ.

Это извѣстіе, какъ мнѣ казалось, не произвело на эскадрѣ особенно-угнетающаго впечатлѣнія. Повидимому, многіе давно его ожидали и только не рѣшались высказывать громко своихъ опасеній. Я говорю, конечно, про болѣе старыхъ и опытныхъ. Зеленая молодежь, убаюканная героическими реляціями Стесселя, и, въ особенности, команда—искренно вѣрили, что по приходѣ на востокъ мы будемъ „второй эскадрой Тихаго океана“, такъ какъ „первая“ не только существуетъ, но ко времени нашего прибытія успѣетъ исправить всѣ полученныя въ бояхъ поврежденія и встрѣтитъ насъ почти новенькая. Для нихъ это было тяжелымъ разочарованіемъ, но, какъ и всегда, они не слишкомъ задумывались надъ судьбой, ожидающей ихъ въ отдаленномъ будущемъ. Особенно этому способствовала глубокая вѣра въ своего адмирала, убѣжденіе, которое на морскомъ жаргонѣ формулировалось двумя словами „Нашъ—сдѣлаетъ!“

На разсвѣтѣ 17 декабря послали „Русь“ въ Таматаву за болѣе точными свѣдѣніями объ Артурѣ, а главное—объ отрядѣ к.-адм. Фелькерзама.

---

*) Задраить—плотно, герметически закрыть.

Тутъ только я узналъ, что, по первоначальному маршруту, сосредоточеніе эскадры на Мадагаскарѣ предполагалось въ Діего-Суарецъ, великолѣпномъ портѣ, расположенномъ на NO оконечности о-ва, главной базѣ французскаго военнаго и коммерческаго флота въ этихъ водахъ.

Въ виду протеста Японіи, энергично поддержаннаго Англіей, наши добрые союзники „сдали“ и рѣшительно заявили, что не могутъ принять дорогихъ гостей у себя дома. Оказывается, что это извѣстіе было получено адмираломъ еще на походѣ западнымъ берегомъ Африки (гдѣ именно—въ точности не знаю). При этомъ главный морской штабъ сообщилъ, что французское правительство ничего не имѣетъ противъ сбора эскадры на рейдѣ Носи-бэ—мѣсто, пригодное для якорной стоянки, среди острововъ, прилегающихъ къ NW берегу Мадагаскара—и что к.-ад. Фелькерзаму уже приказано идти именно туда.

Какъ разсказывалъ лейтенатъ С., адмиралъ былъ глубоко возмущенъ такимъ самоуправствомъ стратеговъ, засѣдавшихъ подъ „шпицемъ“. Заходъ въ Носи-бэ, помимо того, что удлинялъ переходъ на 600 миль, былъ небезопасенъ и въ чисто навигаціонномъ отношеніи, такъ какъ въ этой своей, малопосѣщаемой, части Мозамбикскій проливъ весьма плохо обслѣдованъ, и сама лоція рекомендуетъ плавать здѣсь со всѣми предосторожностями, отнюдь не ручаясь за точность промѣра—наоборотъ—указывая на возможность существованія ненанесенныхъ на карту коралловыхъ рифовъ, круто поднимающихся съ большихъ глубинъ. Нелѣпо было бы рисковать посадкой на мель, а можетъ быть и гибелью одного, если не нѣсколькихъ, судовъ, идущихъ къ театру военныхъ дѣйствій!—Адмиралъ отвѣтилъ, что если Діего-Суарецъ для насъ закрытъ, то онъ намѣтилъ для сбора эскадры проливъ S-te Marie, куда и проситъ направить к.-ад. Фелькерзама.

Въ тотъ же день, 17 декабря, начали погрузку угля. Къ сожалѣнію угольщиковъ было только два (остальные находились въ Діего-Суарецѣ), такъ что приходилось грузиться по-очереди.

Около полдня пришла „Малайя“, благополучно выдержавшая штормъ.

Въ 10 ч. утра 18 декабря вернулась изъ Таматавы „Русь“. Изъ полученныхъ телеграммъ узнали, что 8 декабря 2 броненосныхъ и 6 легкихъ японскихъ крейсеровъ прошли Синга-

пуръ, направляясь къ югу; 2 вспомогательные крейсера недавно заходили въ Мозамбикъ (совсѣмъ близко), но, самое интересное—к.-адм. Фелькерзамъ пришелъ въ Носи-бэ и тамъ благополучно пребываетъ...

Надо замѣтить, что о-въ S-te Marie, на которомъ помѣщается мадагаскарская каторга, не имѣетъ телеграфнаго сообщенія (равно какъ и Носи-бэ—намъ только такія дикія мѣста и предоставлялись для стоянки). Чтобы отправить телеграмму, приходилось посылать кого-нибудь либо въ Таматаву, либо въ Діего-Суарецъ, притомъ отнюдь не военное судно (это могли бы счесть за нарушеніе нейтралитета). Такъ какъ одинъ изъ угольщиковъ уже былъ разгруженъ, его отправили въ Суарецъ, а на немъ—флагманскаго интенданта, капитана 2 ранга В., съ порученіемъ направить сюда остальныхъ угольщиковъ, которые насъ тамъ дожидались, а также послать телеграмму к.-адм. Фелькерзаму. Послѣдняя заключала въ себѣ приказаніе: „съ полученіемъ сего“ идти на соединеніе съ нами.

Не знаю, обсуждалъ ли съ кѣмъ-нибудь адмиралъ планъ предстоящихъ дѣйствій при новой обстановкѣ, создававшейся гибелью артурской эскадры; не знаю, были ли люди, посвященные въ подробности этого плана; однако, даже изъ отдѣльныхъ его замѣчаній, по смыслу отдаваемыхъ распоряженій, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя чины штаба не находили нужнымъ держать въ тайнѣ,—общій характеръ рѣшенія, имъ принятаго, обрисовывался довольно опредѣленно: немедленное движеніе впередъ, чтобы не дать японцамъ времени перемѣнить разстрѣлянныя пушки, отремонтировать котлы и машины, вообще поправиться, починиться, отдохнуть послѣ 11 мѣсяцевъ тяжелой боевой службы; форсированный маршъ на востокъ съ тѣми силами, какія есть подъ руками, не терпя задержки, бросая по пути всѣхъ повреждающихся и ненадежныхъ, чтобы вступить въ Японское море съ отрядомъ, хотя и немногочисленнымъ, но состоящимъ изъ отборныхъ, вполнѣ исправныхъ судовъ, поставивъ цѣлью—„прорывъ“ во Владивостокъ, а затѣмъ, оттуда—угрозу путямъ сообщенія непріятеля.

Какъ обѣщалъ уже много разъ, буду вполнѣ откровененъ. На нашемъ отрядѣ, обогнувшемъ мысъ Доброй Надежды, состоявшемъ подъ непосредственнымъ начальствомъ адмирала Рожественскаго, подъ обаяніемъ его желѣзной воли,—настроеніе въ общемъ было бодрое и хорошее. Не было ни слѣ-

ного азарта, ни опьяненія мечтами о славной побѣдѣ, но глубокая, почти холодная, рѣшимость безтрепетно слѣдовать за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ! Хотя бы на вѣрную гибель!.. Въ этомъ отношеніи—разногласій не было. Зато въ отношеніи оцѣнки цѣлесообразности и осуществимости самого плана намѣчалось три взгляда: одни —вполнѣ раздѣляли мнѣніе адмирала; другіе, еще вѣрившіе въ возможность пріобрѣтенія аргентинскихъ и чилійскихъ кораблей, или присоединеніе къ намъ Черноморскаго флота,—находили болѣе разумнымъ подождать, пока не соберутся силы, достаточныя для рѣшительнаго боя со всѣмъ японскимъ флотомъ; третьи—открыто высказывали, что, разъ уничтожена первая эскадра, которая при началѣ войны была (офиціально) сильнѣе японской, то вести подъ удары побѣдоноснаго врага вторую, слабѣйшую первой, — значило бы доставить японцамъ лишній случай пожать дешевые лавры, а потому—надо возвращаться, такъ какъ идея прорыва во Владивостокъ основана главнымъ образомъ на счастьѣ, на удачѣ, а удача-то, какъ разъ, за все время войны была на сторонѣ японцевъ.

Что касается меня лично, то планъ адмирала казался мнѣ чрезвычайно заманчивымъ по своей смѣлости.—Отчего не рискнуть? (Ужъ очень набилъ мнѣ оскомину лозунгъ Алексѣева— беречь и не рисковать). Въ аргентинцевъ и чилійцевъ, по имѣемымъ свѣдѣніямъ, я не вѣрилъ, а на черноморцевъ не надѣялся потому... что былъ до нѣкоторой степени знакомъ съ пріемами нашей дипломатіи. Съ другой стороны, самимъ признать себя неправоспособными; повернуть оглобли съ рискомъ услышать обвиненіе въ трусости—этой мысли я не допускалъ!.. Однако же (буду безпощадно откровененъ и по отношенію къ самому себѣ), если бы тогда въ Петербургѣ поняли всю безнадежность (чтобы не сказать преступность) нашей авантюры, если бы оттуда получено было категорическое приказаніе „возвратиться“,—я бы не только не возроптал, но, уже въ достаточной мѣрѣ ознакомившись съ боеспособностью „армады“, сказалъ бы отъ чистого сердца: „Слава Богу! догадались во-время!..“

Не рѣшусь утверждать, но смѣю думать, что адмиралъ держался приблизительно такого же мнѣнія... Если среди насъ, въ тѣсномъ каютъ-компанейскомъ кругу, не находилось человѣка, который рискнулъ бы сказать громко:—„Нѣтъ надежды! Впереди—безполезная гибель. Надо возвращаться!“—

не рискнулъ бы сказать этихъ роковыхъ словъ только потому, что, можетъ быть, нашелся бы, хоть одинъ, несогласный, который взглянулъ бы косо и, чего добраго, подумалъ бы:— „Кажется, струсилъ...“—То могъ ли онъ, на котораго „съ вѣрою и крѣпкой надеждою“ взирала вся Россія, самъ заговорить о возвращеніи?—Вѣдь не кто-нибудь, не случайно присутствующій при разговорѣ, мало знакомый человѣкъ, а сама Россія могла бы заподозрить его въ недостаткѣ рѣшимости идти навстрѣчу смерти!.. Нѣтъ!—Этого онъ не могъ!.. Онъ могъ и долженъ былъ доносить объ истинномъ положеніи дѣлъ, открыто высказать безпристрастную оцѣнку своихъ силъ и силъ непріятеля, сообщить свои планы, безъ утайки сказать, на что онъ надѣется. ЭТО ОНЪ СДѢЛАЛЪ... Но рѣшающее слово—принадлежало Петербургу. Вѣдь не могъ же онъ допустить мысли, что „тамъ“ его не понимаютъ, или не хотятъ понять? Что патентованные стратеги не въ состояніи оцѣнить того положенія, которое вѣрно оцѣниваетъ не только онъ самъ, не только младшіе флагманы, командиры, старшіе офицеры, но даже и рядовые офицеры изъ числа послужившихъ и видѣвшихъ виды?..

Мнѣ, да и многимъ другимъ, планъ, имъ намѣченный, казался продиктованнымъ... безвыходностью положенія, въ которомъ мы очутились. Это была послѣдняя попытка урвать отъ судьбы—хоть что-нибудь! Погибнуть—хоть не безъ пользы! Эта затѣя напоминала собою отчаянную аттаку кавалеріи генерала Маргериттa подъ Седаномъ: если нѣтъ другого исхода, то съ лучшими силами—впередъ!..

Помните ли вы этого генерала, какъ онъ, тяжко раненый въ голову, падая на руки сопровождавшихъ его адъютантовъ, обнаженной шпагой еще указывалъ своимъ полкамъ дорогу впередъ?..

Вспомните, какъ тяжко раненый въ голову, сброшенный полутрупомъ съ погибающаго „Суворова“ на „Буйный“, адмиралъ Рожественскій еще нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы въ моментъ краткаго проблеска сознанія приказать отчетливымъ голосомъ: „Идти эскадрой! Владивостокъ! Курсъ NO 23°!..“

Да!.. Если тѣ, что могли и должны были понимать положеніе дѣлъ не хуже его, не приказывали ему возвращаться, то оставался только одинъ путь—впередъ! хотя бы на вѣрную гибель!.. И чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше...

Старшій флагъ-офицеръ, лейтенантъ С., о которомъ я уже упоминалъ, состоялъ какъ бы личнымъ секретаремъ адми-

рала, велъ всю наисекретнѣйшую переписку, былъ посвященъ во всѣ тайны, едва-ли не болѣе самого флагъ-капитана, а главное, докладывая расшифрованныя телеграммы, принимая для шифровки отвѣты, часто тутъ же составляемые, могъ, ближе кого-либо другого, судить о впечатлѣніи, которое вызывали въ командующемъ эскадрой эти сношенія.

Правда, по части храненія ввѣренной тайны покойный Е. В. былъ настоящей могилой, и, конечно, тѣ неподлежащія оглашенію свѣдѣнія, которыя онъ сообщалъ мнѣ, въ качествѣ стараго товарища, вѣря въ мою скромность,—никогда не станутъ достояніемъ гласности. Развѣ только въ томъ случаѣ, когда придется опровергать завѣдомую ложь, распространяемую лицами, заинтересованными въ дѣлѣ и старающимися обѣлить себя въ надеждѣ, что достовѣрные свидѣтели покоятся на днѣ Японскаго моря. Тогда—дѣло другое! И надѣюсь, что самъ Е. В. С. въ такихъ обстоятельствахъ не пошлетъ мнѣ своего замогильнаго упрека въ нарушеніи довѣрія.

— Да,—говорилъ онъ,—вы, можетъ быть, догадываетесь, но никто не знаетъ доподлинно того, что переживаетъ адмиралъ!.. Иной разъ, принесешь расшифрованную телеграмму. Читаетъ. Пальцами перебираетъ этотъ листокъ бумаги. Кажется—вотъ разорветъ въ клочья... Нѣтъ. Сдержится. Начинаетъ диктовать отвѣтъ. Много разъ мѣняетъ редакцію, дѣлаетъ поправки, сердится на меня... Я ужъ молчу. Самъ понимаю, что это не по моему адресу, самъ встравленъ... Или вдругъ скажетъ, повидимому, совершенно спокойно: — „Оставьте здѣсь, я... послѣ, самъ напишу“...—а уходя слышишь, какъ онъ ломаетъ карандашъ, бывшій въ рукахъ, скрипитъ зубами и, задыхаясь отъ бѣшенства, сдавленнымъ голосомъ, коститъ какихъ-то „предателей“...

Но, къ дѣлу!

V.

Пошли «выволакивать» отрядъ к.-а. Фелькерзама.—День Рождества на «Суворовѣ».—Настроеніе на отрядѣ к.-а. Фелькерзама. — Измѣна Hamburg-America Linie — «Приказано ждать...» — Характеристика «армады» въ приказахъ командующаго ею.—Плохія примѣты.—Кое-что мое. — Опять «Сляби-Арко»! — Минные катера, какъ оружіе.— Попытка двухъ-сторонняго маневрированія.

19 и 20 декабря свѣжій SSO развелъ въ проливѣ такую волну, что не только пришлось прекратить погрузку, но даже

и сообщеніе между судами производилось съ большими затрудненіями. На какой-то, удивительнаго вида, туземной посудинѣ пріѣзжали съ визитомъ къ адмиралу мѣстный administrateur (затрудняюсь, какъ перевести это званіе на русскій языкъ) и начальникъ таможни. Между прочимъ дали весьма цѣнное указаніе, а именно рекомендовали перейти на нѣсколько миль къ сѣверу и расположиться на якорной стоянкѣ Тангъ-Тангъ, при устьѣ рѣки того же имени, гдѣ, далеко выдавшаяся въ проливъ, песчаная коса прикроетъ насъ отъ господствующихъ въ это время года южной волны и зыби.

Въ ночь на 21 декабря опять послали „Русь“ въ Таматаву за новостями, а главное затѣмъ, чтобы узнать, что дѣлаетъ и что намѣревается дѣлать к.-адм. Фелькерзамъ. Утромъ всѣмъ отрядомъ (за исключеніемъ „Малайи“, которая опять поломалась) перешли на новое якорное мѣсто. Дѣйствительно, по условіямъ сезона, оно оказалось чрезвычайно удобнымъ, хотя въ лоціи о немъ вовсе не упоминалось.

— Спасибо мѣстнымъ французамъ! — радостно потиралъ руки флагманскій штурманъ.—Хорошо посовѣтовали!.. Конечно, не безъ надежды на воздаяніе! Ну, да адмиралъ, навѣрно, представитъ ихъ къ Станиславу на шею—пусть чувствуютъ!..

Боевыя суда благополучно погрузились углемъ, принявъ его частью съ нѣмецкихъ угольщиковъ, частью съ собственныхъ транспортовъ.

День 22 декабря прошелъ въ томительномъ ожиданіи. Ни „Руси“ изъ Таматавы, ни какой-либо вѣсти изъ Діего-Суарецъ. Благодаря закрытію для насъ этого послѣдняго и самовластнымъ распоряженіямъ главнаго штаба, весь расчетъ сбился, произошла, совершенно естественно, величайшая путаница.

Адмиралъ, предполагая, что, можетъ быть, угольщики боятся выйти изъ Діего-Суарецъ, опасаясь ареста со стороны японскихъ вспомогательныхъ крейсеровъ, о присутствіи которыхъ въ этихъ водахъ получались настойчивыя извѣщенія, рѣшилъ послать контръ-адм. Энквиста съ крейсерами „Нахимовъ“, „Аврора“ и „Донской“, во-первыхъ, въ Діего-Суарецъ для прикрытія перехода угольщиковъ, а затѣмъ—въ Носи-бэ съ предписаніемъ к.-адм. Фелькерзаму немедленно идти на соединеніе.

23 декабря, въ 5 ч. утра, крейсера ушли по назначенію. Того же числа, около полдня, пришелъ изъ Діего-Суарецъ первый угольщикъ. Привезъ письмо отъ капитана 2 ранга В. и донесеніе адм. Фелькерзама. Первый писалъ, что изъ числа

5 вспомогательныхъ крейсеровъ по сіе время прибылъ въ Суарецъ только „Кубань“; гдѣ остальные — неизвѣстно; равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ вѣстей объ отрядѣ „Олегъ“, „Изумрудъ“, „Грозный“ и „Громкій“, который долженъ былъ догонять насъ. Второй доносилъ, что, прибывъ, согласно приказанія главнаго морского штаба, въ Носи-бэ, приступилъ къ переборкѣ машинъ, чисткѣ котловъ и т. п. — словомъ, выражаясь морскимъ жаргономъ, „разложился на составные элементы“. Почти всѣ, слѣдовавшіе съ нимъ, миноносцы требуютъ серьезнаго ремонта. Раньше двухъ недѣль — не можетъ тронуться съ мѣста.

Адмиралъ за эти дни проявлялъ какую-то лихорадочную дѣятельность. Не знаю, когда онъ ѣлъ, когда спалъ. Конечно, съ разговорами никто къ нему не подступался, а съ его стороны—были только приказанія и требованія различныхъ свѣдѣній. Однажды, едва не столкнувшись со мною на трапѣ, онъ кинулъ отрывистое замѣчаніе:

— Каково? Послѣ большого перехода — законный отдыхъ! Традиція!..

— Старые корабли, ваше превосходительство,—пробовалъ возразить я.—Вѣдь переходъ дѣйствительно большой...

— А впереди—еще больше! Если такіе старые, что ходить не могутъ—чортъ съ ними! Не надо хлама! Да, нѣтъ!—просто привычка!.. Самъ пойду—выволоку!..

Походъ отряда въ Носи-бэ былъ назначенъ на слѣдующій день, 24 декабря. 600 миль крюку, но что же дѣлать?—надо „выволакивать“...

Ночью пришла „Русь“ (изъ Таматавы), привезла извѣстіе о сдачѣ П.-Артура... Было горько, обидно для самолюбія, но въ сущности, послѣ потопленія первой эскадры, этотъ фактъ ничего не измѣнялъ въ нашемъ положеніи.

Въ 6 час. утра по безпроволочному телеграфу получили увѣдомленіе, что къ намъ идутъ „Свѣтлана“ и миноносцы „Бѣдовый“ и „Бодрый“, посланные адм. Фелькерзамомъ съ подробнымъ донесеніемъ о текущихъ дѣлахъ и, очевидно, разошедшіеся съ отрядомъ Энквиста. Все — результаты той путаницы, которая создалась изъ-за самостоятельныхъ распоряженій, исходившихъ одновременно отъ четырехъ инстанцій:

отъ начальника эскадры, отъ главнаго морского штаба, отъ завѣдующаго крейсерскими операціями и отъ министерства иностранныхъ дѣлъ...

Въ 8 час. 30 мин. утра, согласно отданнаго наканунѣ распоряженія, снялись съ якоря и пошли въ Носи-бэ. Только въ 11 час. 30 мин. утра встрѣтили въ морѣ „Свѣтлану“ и миноносцы. Удивлялись, почему такъ долго, но оказалось, что изъ двухъ миноносцевъ отряда адм. Фелькерзама, единственныхъ, числившихся исправными, „Бодрый“ въ пути повредился, идетъ подъ одной машиной и не можетъ дать больше 7 узловъ. Приказали „Руси“ взять его на буксиръ и пошли дальше. За время выполненія этой операціи (взятія на буксиръ) имѣли сношенія со „Свѣтланой“. Адмиралу было доставлено подробное донесеніе о походѣ второго отряда. (Впослѣдствіи я читалъ его въ подлинникѣ). По отношенію самого отряда — ничего новаго, кромѣ длиннаго перечня всевозможныхъ поврежденій и неотложныхъ работъ, зато нѣсколько любопытныхъ штриховъ, характеризующихъ настроеніе мѣстныхъ властей, настроеніе, несомнѣнно, отражавшее взгляды центральнаго правительства. Повидимому, Петербургъ слишкомъ поддался перепугу; въ Парижѣ вовсе не ожидали, что мы такъ легко поступимся правами, предоставляемыми намъ французской декларацiей о нейтралитетѣ, и, предлагая прогуляться въ Носи-бэ, готовились встрѣтить эскадру въ Суарецѣ. На рейдѣ этого послѣдняго были даже поставлены буйки, указывающіе мѣста стоянки кораблей; заготовлена свѣжая провизія (въ томъ числѣ 1,000 быковъ); мѣстныя мастерскія (частной компаніи Messageries Maritimes) увеличивали кадры своихъ рабочихъ для спѣшнаго выполненія обширнаго ремонта и т. п... Впечатлѣніе создавалось такое, будто протестовали только „для видимости“, но, конечно, разъ наша дипломатія оказалась такой податливой, а главный морской штабъ такъ поспѣшилъ категорически приказать адм. Фелькерзаму идти въ Носи-бэ,— то тѣмъ лучше.

25 декабря, съ $8^1/_2$ ч. утра и до полдня, простояли на мѣстѣ, застопоривъ машины, — миноносцы принимали уголь. За это время, находясь отъ Діего-Суарецъ въ разстоянiи около 30 миль, упорно, но тщетно вызывали по безпроволочному телеграфу „Кубань“.

Послѣ обѣдни и, положеннаго по уставу, парада, адмиралъ собралъ команду на шканцы и, съ чаркой въ рукѣ, произнесъ

короткую, но глубоко-прочувствованную рѣчь. Она записана въ моей памятной книжкѣ почти дословно:

— Дай вамъ Богъ, вѣрой и правдой послуживъ родинѣ, въ добромъ здоровьѣ вернуться домой и порадоваться на оставленныя тамъ семьи. Намъ здѣсь и въ великій праздникъ приходится служить и работать. Да, иной разъ, и какъ еще работать!.. Что дѣлать — на то война. Не мнѣ васъ благодарить за службу. И вы, и я—одинаково служимъ родинѣ. Мое право, мой долгъ—только донести Государю, какъ вы служите, какіе вы молодцы, а благодарить васъ будетъ Онъ самъ, отъ лица Россіи... Трудное наше дѣло — далекъ путь, силенъ врагъ... Но помните, что „ВСЯ РОССІЯ СЪ ВѢРОЙ И КРѢПКОЙ НАДЕЖДОЙ ВЗИРАЕТЪ НА ВАСЪ!..“ Помоги намъ Богъ послужить ей съ честью, оправдать ея вѣру, не обмануть надежды... А на васъ—я надѣюсь!.. за Нее! за Россію!..—и, рѣзкимъ движеніемъ опрокинувъ въ ротъ чарку, онъ высоко поднялъ ее надъ обнаженной головой.

Адмиралъ началъ свою рѣчь обычнымъ, увѣреннымъ тономъ, но чѣмъ дальше говорилъ, тѣмъ замѣтнѣе волновался, тѣмъ рѣзче звенѣла въ его голосѣ какая-то непонятная нота— не то слѣпой вѣры, не то мрачной рѣшимости отчаянія... Команда, первоначально чинно собравшаяся на шканцахъ, всецѣло поддалась его обаянію. Въ глубокомъ молчаніи, стараясь не шумѣть, люди, чтобы лучше слышать и видѣть, громоздились на плечи другъ друга, какъ кошки, вползали по снастямъ на мостики, ростры, шлюпки, борта, крыши башенъ... Послѣднія слова, произнесенныя явно дрогнувшимъ голосомъ, были покрыты мощнымъ „ура!“, заглушившимъ громъ орудійнаго салюта... Передніе ряды едва сдерживали заднихъ... Казалось, вотъ-вотъ вся эта лавина тѣсно-сгрудившихся человѣческихъ тѣлъ хлынетъ на адмирала... Въ воздухѣ мелькали фуражки, руки, поднятыя, какъ для клятвы... многіе крестились; у многихъ на глазахъ были... слезы, которыхъ не стыдились... И среди стихійнаго рева (въ нарушеніе устава) рѣзко выдѣлялись отдѣльные крики:—„Послужимъ! — Не выдадимъ! — Веди! — Веди!..“

Долго не могла успокоиться команда. Даже къ чаркѣ шли неохотно. Про обѣдъ, словно, забыли...

„Эхъ!—невольно подумалъ я,—кабы сейчасъ да въ бой!..“

Увы! еще цѣлый океанъ отдѣлялъ насъ отъ непріятеля...

Въ 5 ч. вечера—у „Орла“ поврежденіе въ машинѣ. Пришлось убавить ходъ до 6 узловъ. Такъ какъ это обстоятельство сильно насъ задерживало, послали „Свѣтлану“ впередъ предупредить адм. Фелькерзама о нашемъ скоромъ прибытіи.

Передъ закатомъ солнца видѣли на SO рядъ дымковъ. Съ „Бородина“ доносили, что отчетливо различаютъ 4 корабля, идущіе въ строѣ кильватера. Послать на развѣдки было некого. Ни одного крейсера. Могли быть и японцы. Неподалеку отъ Мадагаскара расположены Сешельскіе острова, а еще ближе о-въ Бурбонъ—англійскія колоніи съ телеграфомъ, всецѣло находящимся въ рукахъ англичанъ. Никакіе агенты не могли бы доставить намъ оттуда свѣдѣній, нежелательныхъ союзницѣ Японіи.

Ночь безлунная, но ясная. Все — по боевому. Офицеры и команда, кромѣ всегда бодрствующихъ вахтенныхъ, спятъ, не раздѣваясь, на своихъ мѣстахъ, у орудій.

Послѣдующее плаваніе до Носи-бэ прошло безъ инцидентовъ, но зато въ весьма тревожномъ настроеніи по отношенію къ безопасности самаго плаванія въ смыслѣ навигаціонномъ. Зловѣщія надписи „uncertain“ *), отмѣчавшія линіи промѣровъ; буквы „P. D.“ **) при банкахъ и рифахъ такъ и пестрили карту.

— Ничего! Не по своей волѣ забрались въ эту дыру! Авось, въ воздаяніе, пронесетъ Никола-Угодникъ!—шутилъ адмиралъ, не сходившій съ мостика, и тотчасъ же добавлялъ по адресу командира:—Надежные ли сигнальщики у васъ на марсахъ? Хорошо ли смотрятъ впередъ? ***).

27 декабря, около 11 ч. утра, пришли въ Носи-бэ, гдѣ застали отряды к.-адм. Фелькерзама и Энквиста, а также транспорты, находившіеся подъ общей командой кап. I ранга Радлова.

Того же числа прибылъ вспомогательный крейсеръ „Уралъ“, а 31 декабря „Терекъ“.

Настроеніе, господствовавшее на отрядѣ адм. Фелькерзама, рѣзко разнилось отъ того, что поддерживалось у насъ личнымъ присутствіемъ, личнымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности и несокрушимой энергіи адм. Рожественскаго. Здѣсь этого не

---

*) Недостовѣрно.

**) «Position Doubtfull»—Положеніе сомнительно.

***) Благодаря удивительной чистотѣ и прозрачности воды въ океанѣ, очень часто, банку можно замѣтить по измѣненію окраски поверхности моря. Конечно, только днемъ.

было. Здѣсь господствовало убѣжденіе, что, послѣ гибели первой эскадры и паденія П.-Артура, походъ впередъ невозможенъ. Чистя котлы, перебирая машины, корабли готовились... къ возвращенію. Объ этомъ говорили громко и открыто, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, и, конечно, такое рѣшеніе не могло не отразиться на образѣ жизни личнаго состава, на его отношеніи къ службѣ.—Чего тамъ надрываться, когда, все равно, идемъ домой!—Деморализація, являющаяся естественнымъ слѣдствіемъ всякаго отступленія безъ боя... Если не стóитъ, незачѣмъ работать, то хоть развлечься, хоть убить время, чѣмъ-нибудь затуманить голову, отогнать прочь, заглушить эту обидную мысль—„повернули оглобли“,—которая, нѣтъ-нѣтъ, да и шевельнется на сердцѣ...

К.-адм. Фелькерзамъ, у котораго уже тогда начала энергично прогрессировать болѣзнь, сведшая его въ могилу, либо не обратилъ вниманія на это опасное настроеніе, либо самъ поддался ему, ослабленный нездоровьемъ... Работы велись коекакъ; команда ежедневно (и едва ли не въ половинномъ числѣ) увольнялась на берегъ; офицеры проводили на берегу все время, свободное отъ вахты; про личный составъ транспортовъ, какъ зафрахтованныхъ, такъ и Добровольнаго флота, говорить вовсе не приходилось, — эти загуляли, какъ вольные люди, для которыхъ военный законъ не писанъ. Скромное мѣстечко Носи-бэ закипѣло жизнью. Нехорошей, нездоровой жизнью, какую можно наблюдать только въ Портъ-Саидѣ, этомъ проходномъ дворѣ всего стараго свѣта. Отовсюду нахлынули туземныя красавицы, француженки (настоящія и фальсифицированныя) именовавшія себя пѣвицами и даже étoil'ями; открылись многочисленные, наскоро импровизированные кафе-шантаны; пышно расцвѣли несчетные, явные и тайные, игорные притоны...

Мѣстный administrateur совершенно растерялся и, видимо, не зналъ, что ему дѣлать; съ одной стороны—безобразіе, а съ другой—nation amie et alliée и несомнѣнное обогащеніе бѣдной колоніи...

Съ приходомъ адм. Рожественскаго курсъ круто измѣнился. Игорные притоны были закрыты; личному составу транспортовъ было, на основаніи законовъ военнаго времени, предъявлено требованіе безпрекословно подчиниться морскому уставу; судовыя команды увольнялись на берегъ только по праздникамъ, да и то съ выборомъ; офицерамъ разрѣшалось считать себя свободными только въ томъ случаѣ, если въ завѣдуемой ими

части не производилось никакихъ работъ, и т. д... А работа закипѣла!.. И не столько подъ угрозой суровыхъ взысканій, какъ подъ вліяніемъ отрезвляющей мысли, что Рожественскій не пожалѣетъ и, все равно, поведетъ въ бой.—Оказался неготовымъ? есть дефекты? отчего же не подготовился? значитъ—самъ виноватъ! Дерись, какъ можешь!..

Адмиралъ еще въ S-te Marie, тотчасъ по полученіи извѣстія о гибели первой эскадры, рѣшившій, что единственный шансъ успѣха — немедленное движеніе впередъ,—получивъ донесеніе Фелькерзама о „необходимости двухнедѣльнаго срока для выполненія неотложнаго ремонта", спутанный въ своихъ расчетахъ распоряженіями министерства иностранныхъ дѣлъ и главнаго морского штаба, скрѣпя сердце, отложилъ выходъ эскадры на Востокъ до 1 января 1905 г.

Это число онъ считалъ предѣльнымъ.

— Вотъ ему *) его двѣ недѣли, если ужъ скорѣе не можетъ! Но чтобъ былъ готовъ!—бросалъ онъ порой отрывистыя замѣчанія.

Однако, придя въ Носи-бэ, увидя самолично царившій тамъ развалъ, самъ З. П. Рожественскій вынужденъ былъ покориться этой force majeure...

При всей его настойчивости, при всей энергіи, съ которой онъ встряхнулъ личный составъ и привлекъ всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго, къ работѣ,—ясно было, что къ 1 января никакъ не успѣть собраться.

Отложили на 5 января.

Уже были составлены и обнародованы: диспозиція походнаго строя, порядокъ погрузки угля въ морѣ боевыми судами съ нашихъ транспортовъ, порядокъ пополненія угольнаго запаса этихъ транспортовъ съ германскихъ угольщиковъ, ожидающихъ насъ въ опредѣленной широтѣ и долготѣ; уже были заготовлены секретныя предписанія капитанамъ этихъ угольщиковъ, указывающія имъ рандеву (пункты встрѣчи съ эскадрой)... все было налажено, всѣ роли распредѣлены, какъ вдругъ—Hamburg-America Linie отказалась отъ выполненія заключеннаго контракта... Главный суперкаргъ **) заявилъ, что, ввиду вновь принятыхъ правилъ нейтралитета, компанія не согласна поставлять уголь гдѣ-либо внѣ нейтральныхъ водъ (гдѣ это за-

*) Т. е. к.-адм. Фелькерзаму.
**) Нѣчто въ родѣ командующаго угольной эскадрой.

прещено), а потому о погрузкѣ на рандеву, въ открытомъ океанѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Это заявленіе явилось совершенной неожиданностью. До настоящаго момента мы не могли нахвалиться точностью, съ которой Hamburg-America Linie исполняла принятыя на себя обязательства.

Начались дѣятельныя сношенія съ Петербургомъ по телеграфу.

А время шло...

— Каждый потерянный день — невознаградимъ! Нельзя ждать! Нельзя!..—прорывалось иногда у адмирала.

Онъ упорно держался плана, намѣченнаго еще въ S-te Marie: запаса угля на нашихъ собственныхъ транспортахъ съ избыткомъ хватило бы для похода новыхъ броненосцевъ (присоединивъ къ нимъ „Аврору“ и „Свѣтлану“) во Владивостокъ, а потому—идти впередъ немедленно, не теряя ни часа и бросивъ позади всякій хламъ!

Повидимому, эта идея не была одобрена Петербургомъ. Совершенно не касаясь тѣхъ свѣдѣній, которыми находилъ возможнымъ дѣлиться со мною лейтенантъ С. (это было бы разглашеніемъ служебной тайны), по виду, по замѣчаніямъ, по распоряженіямъ адмирала ясно было, что намъ „приказано“ ждать подкрѣпленій, что Петербургъ, закрывая глаза на дѣйствительность, слѣпо вѣря въ какое-то чудо, возлагаетъ на насъ несбыточныя надежды...

Это было тяжелое время. Въ моемъ дневникѣ съ 5 по 17 января не записано ни одной строчки, — единственный, столь значительный перерывъ за всю кампанію. За этотъ періодъ мнѣ приходится руководствоваться воспоминаніями, подкрѣпленными приказами и циркулярами, въ которыхъ отмѣчались главнѣйшіе моменты жизни эскадры.

Что сказать о настроеніи? — Когда достаточно ясно опредѣлилось, что ждать присоединенія къ намъ южно-американскихъ кораблей или судовъ Черноморскаго флота не приходится, на эскадрѣ не было уже трехъ мнѣній, о которыхъ я упоминалъ выше, но только два: либо — немедленно впередъ, либо — возвращаться... Въ дѣйствительность подкрѣпленій, которыя могли быть высланы Балтійскимъ флотомъ, никто не вѣрилъ... Сторонники того или иного взгляда сходились на одномъ пунктѣ — это было общее рѣшеніе—либо впередъ, либо назадъ! Стоять— нельзя!..

Первыя, по возобновленіи, строки моего дневника, 17 января, были: „Вчера — ровно мѣсяцъ нашего пребыванія на Мадагаскарѣ. — Жара, сырость, духота — нестерпимыя. — Стоянка въ этомъ климатѣ и, даже, не столько климатъ, какъ самый фактъ стоянки, пагубной задержки, дѣйствуютъ на всѣхъ угнетающе. — Близко — боюсь сказать — полная деморализація... Тошно писать. Скорѣе бы впередъ, чтобы чѣмъ-нибудь кончилось“...

Отъ жары, что-ли, но иногда въ голову приходили какія-то нелѣпыя мысли... Думалось: если насъ не пускаютъ впередъ, то неужели японцы не догадаются снарядить сюда соотвѣтственную экспедицію? Вѣдь офиціально мы стоимъ внѣ территоріальныхъ водъ, и здѣсь все позволено. Почему не атаковать насъ ночью минными судами, а потомъ — добить остатки при посредствѣ подводныхъ лодокъ?..

Какой-то кошмаръ... Періодъ полнаго упадка духа...

Но былъ на эскадрѣ человѣкъ, который не поддавался этому настроенію, который рѣшилъ, что, разъ его донесеній не понимаютъ или не хотятъ понимать, приказываютъ ему ждать подкрѣпленій, которыя онъ называлъ „лишней обузой“, надѣются, что силы небесныя совершатъ чудо, — то ему ничего не остается болѣе, какъ до конца исполнить свой солдатскій долгъ...

Этотъ человѣкъ—былъ З. П. Рожественскій.

Ждать подкрѣпленій и затѣмъ идти впередъ для побѣды и одолѣнія!—Такъ приказываютъ?—Хорошо!—Оставивъ мечты о побѣдѣ, использовать время ожиданія для запоздалаго обученія и сплоченія нестройной армады.

Онъ умѣлъ заставить работать, умѣлъ подбодрить людей, близкихъ къ полной апатіи. Начались, вперемежку съ погрузками угля и ремонтными работами, усиленныя ученья и занятія, выходы въ море для практической стрѣльбы и маневрированія. Къ сожалѣнію, послѣднее нельзя было выполнять такъ часто, какъ было бы желательно, потому что послѣ всякаго выхода и маневрированія, неизбѣжно связаннаго съ перемѣнными ходами, дня два-три приходилось давать на отдыхъ и переборку постоянно повреждавшихся механизмовъ, а что касается практической стрѣльбы—то... дѣло стояло за недостаткомъ боевыхъ припасовъ.

Невольно, опять и опять, вспоминался старый анекдотъ: „Почему вы не стрѣляли? — „Тому было 18 причинъ: во-пер-

выхъ, у меня не было пороху“... — „Можете не продолжать и остальныя 17 оставить при себѣ“...

Какъ горько и больно было читать въ приказѣ *), отданномъ, очевидно, для поднятія духа въ средѣ команды, такія строки: „...надо учиться, не покладая рукъ. Мы не можемъ тратить много запасовъ для учебной стрѣльбы... Вся прислуга должна освоиться съ оптическими прицѣлами... Если Богъ благословитъ встрѣчей съ непріятелемъ въ бою, то надо беречь боевые запасы“...

И это въ то время, когда, по имѣющимся свѣдѣніямъ, японскіе комендоры, уже много лѣтъ тому назадъ „освоившіеся“ съ оптическими прицѣлами, день и ночь практиковались въ стрѣльбѣ, не только не жалѣя боевыхъ припасовъ, кот рые имѣлись въ избыткѣ, но и самыхъ пушекъ **), на замѣну которыхъ были готовы новыя...

Одновременно съ этимъ приказомъ вышелъ другой, очевидно, вызванный донесеніями нашихъ агентовъ. Адмиралъ, предписывая усилить бдительность, слѣдить неотступно за всякимъ плавучимъ средствомъ, двигающимся по рейду въ дневные часы, и не допускать никакого движенія въ темную пору, не бросать за бортъ боченковъ и ящиковъ и не подпускать къ борту никакихъ плавающихъ предметовъ,—объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что японцами принятъ рядъ мѣръ для нанесенія возможнаго вреда нашей эскадрѣ прежде, чѣмъ она придетъ въ соприкосновеніе съ ихъ морскими силами на Дальнемъ Востокѣ.

„По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ южныхъ проливахъ, по ту сторону Индѣйскаго океана, собраны японскіе крейсера, какъ военные, такъ и вспомогательные, занятые подготовкой ловушекъ; имѣются отряды миноносцевъ, изучающіе тѣ бухты, въ которыхъ есть вѣроятность найти нашу эскадру. Туда же, по слухамъ, доставлены и первыя подводныя лодки, купленныя японцами въ Англіи и Америкѣ. Подготовкою встрѣчи по ту сторону Индѣйскаго океана не ограничивается, однако, нашъ дѣятельный врагъ. Отдѣльные развѣдчики высланы имъ и въ окрестности нашего теперешняго расположенія. Задача

---

*) 10 января 1905 г. № 29.

**) При современныхъ огромныхъ давленіяхъ и температурахъ, развивающихся при выстрѣлѣ, орудія крупныхъ калибровъ очень быстро изнашиваются—происходитъ выгораніе металла въ каналѣ орудія.

этихъ развѣдчиковъ—перехватывать транспорты, которые почему-либо отдѣлятся отъ эскадры или окажутся въ положеніи удобномъ для захвата или уничтоженія, а также и организовать покушенія на боевыя суда. Эти крейсера-развѣдчики черезъ колоніи нашихъ недоброжелателей и своихъ союзниковъ находятся въ телеграфныхъ сношеніяхъ съ агентами, поселенными на Мадагаскарѣ и въ самомъ Носи-бэ *), получая точныя свѣдѣнія о нашемъ расположеніи, о перемѣщеніяхъ и движеніяхъ отдѣльныхъ судовъ".

Приказъ заключался почти трогательнымъ обращеніемъ къ командирамъ—не ввѣрять (по обычаю мирнаго времени) серьезное и отвѣтственное дѣло охраны эскадры неопытнымъ юношамъ, „неспособнымъ еще разобраться въ картахъ и оріентироваться на мѣстности. Каждому слѣдуетъ поручать лишь то, что онъ можетъ исполнить. Неопытный и вредный на дозорной службѣ — можетъ съ честью послужить въ своемъ плутонгѣ".

Съ 11 января начались ученья постановки контръ-минъ.

Около этого же времени (не помню точно, какого числа) вспомогательные крейсера — „Кубань", „Терекъ", „Уралъ"— ходили въ море на учебную стрѣльбу.

— Ну, что? какъ?—спросилъ я руководившаго стрѣльбой флагманскаго артиллериста по его возвращеніи на „Суворовъ".

Онъ только рукой махнулъ...

— Цѣлилъ въ ворону—попалъ въ корову! Что вы хотите? — Первая стрѣльба! Всѣ—какъ въ лѣсу, или, словно, съ луны упали!..

13 января оба броненосные отряда (кромѣ „Сисоя", у котораго, какъ разъ, повредилась машина) и линейные крейсера выходили въ море для стрѣльбы по заранѣе составленному и объявленному плану.

Ознакомившись уже, до извѣстной степени, по разсказамъ, со степенью боевой подготовки эскадры, я не ожидалъ чего-нибудь особенно блестящаго, но дѣйствительность—превзошла мои ожиданія...

---

*) Одинъ такой—шведъ, говорившій по-русски—былъ уличенъ и вынужденъ покинуть Носи-бэ вслѣдствіе негласнаго бойкота, которому онъ подвергся не только на эскадрѣ, но и на берегу, со стороны добрыхъ французскихъ гражданъ, у которыхъ почти инстинктивно вся шерсть поднималась дыбомъ при словѣ espion.

— Ну? что скажете? — какъ-то криво усмѣхаясь, обратился ко мнѣ лейтенантъ С. въ то время, какъ эскадра, послѣ трудового дня, возвращалась на рейдъ Носи-бэ.

— Что?.. — Макарову, въ Артурѣ, легче было. „То“ — все-таки походило на эскадру. Хоть и не очень. А „это“... — чортъ его знаетъ...

Впрочемъ, предоставляю слово самому адмиралу *):

„Вчерашняя съемка съ якоря броненосцевъ и крейсеровъ показала, что 4-мѣсячное соединенное плаваніе не принесло должныхъ плодовъ.—Снимались около часа... Но и за цѣлый часъ 10 кораблей не успѣли занять своихъ мѣстъ при самомъ маломъ ходѣ головного. — Съ утра всѣ были предупреждены, что около полдня будетъ сигналъ—повернуть всѣмъ вдругъ на 8° R. и, въ строѣ фронта, застопорить машины для спуска щитовъ. — Тѣмъ не менѣе всѣ командиры растерялись и вмѣсто фронта изобразили скопище постороннихъ другъ другу кораблей.

„Особенно рѣзко выдѣлялись въ I отрядѣ, невниманіемъ командировъ, „Бородино“ и „Орелъ“. — Второй отрядъ, изъ трехъ кораблей, попалъ налѣво однимъ „Наваринымъ“ на траверзъ „Суворова“, и то на минуту... „Ослябя“ и „Нахимовъ“ плавали каждый порознь. — Крейсера даже и не пытались строиться. „Донской“ былъ на милю позади прочихъ. — Призванные снова въ кильватерную колонну, для стрѣльбы, корабли растянулись такъ, что отъ „Суворова“ до „Донского“ было 55 кабельтововъ **). — Разумѣется пристрѣлка одного изъ кораблей, даже средняго, не могла послужить на пользу такой растянутой колоннѣ. — Если черезъ 4 мѣсяца совмѣстнаго плаванія мы не научились вѣрить другъ другу, то едва ли научимся и къ тому времени, когда Богъ дастъ встрѣтиться съ непріятелемъ ***)... Вчерашняя стрѣльба велась въ высшей степени вяло и, къ глубокому сожалѣнію, обнаружила, что ни одинъ корабль, за исключеніемъ „Авроры“, не отнесся серьезно къ урокамъ управленія артиллеріей при исполненіи ученій по планамъ...

„Цѣнные 12-дюйм. снаряды бросались безъ всякаго сообра-

---

*) Приказъ 14 января 1905 г. за № 42.

**) Это разстояніе не должно было быть больше 26 кабельтововъ.

***) Я опускаю техническія подробности, мало интересныя и мало понятныя публикѣ, непосвященной въ военное дѣло.

женія съ результатами попаданій разныхъ калибровъ... Стрѣльба изъ 75 мм. была также очень плоха; видно, на ученьяхъ наводка по оптическимъ прицѣламъ практиковалась „примѣрно“, поверхъ трубъ... О стрѣльбѣ изъ 47 мм. орудій, изображавшей отраженіе минной атаки — стыдно и упоминать: мы каждую ночь ставимъ для этой цѣли людей къ орудіямъ, а днемъ, всею эскадрою, не сдѣлали ни одной дырки въ щитахъ, изображавшихъ миноносцы, хотя эти щиты отличались отъ японскихъ миноносцевъ въ нашу пользу тѣмъ, что были неподвижны“...

Такъ писалъ командующій эскадрой въ своемъ приказѣ...

18 и 19 января опять ходили въ море для стрѣльбы и маневрированія, послѣ чего, въ виду разныхъ мелкихъ поломокъ и поврежденій на судахъ, оказалось необходимымъ сдѣлать перерывъ, и слѣдующій выходъ состоялся лишь 25 января. Этимъ и ограничилось обученіе нашихъ комендоровъ, такъ какъ дальше пришлось бы расходовать боевой запасъ. Надѣялись, что вскорѣ придетъ транспортъ „Иртышъ“ и, можетъ быть, привезетъ сколько-нибудь снарядовъ и зарядовъ для практической стрѣльбы.

По существу это было не обученіе, но—экзаменъ. Человѣкъ, наканунѣ поединка дѣлающій нѣсколько выстрѣловъ въ цѣль,— не учится, но только провѣряетъ свое искусство... Каковы были полученные результаты?

Мнѣ не хочется повторять передъ читателями тѣ горькія слова, которыя я, въ свое время, занесъ въ мой дневникъ. Возможно, что я былъ слишкомъ требователенъ. Ограничусь краткими выдержками изъ приказовъ по эскадрѣ, которыя кажутся мнѣ достаточно краснорѣчивыми.

„18 и 19 января отряды снимались съ якоря удовлетворительно, держались въ сомкнутомъ строѣ кильватера почти хорошо, но повороты, даже послѣдовательные, дѣлали дурно.— „Ослябя“... либо не попадалъ въ струю, либо растягивалъ линію, стопоря одну машину, чѣмъ пугалъ „Сисоя“ и „Наварина“, которые поднимали шары *) и подолгу затѣмъ не приходили на разстояніе...—Строй фронта продолжаетъ быть нашимъ камнемъ преткновенія. Получается не строй, а без-

*) Поднятіе шара (сигналъ) означаетъ уменьшеніе хода. Чѣмъ выше поднятъ шаръ, тѣмъ меньше ходъ. Когда шаръ поднятъ «до мѣста» (до верху)—машина застопорена.

образная толпа... Стрѣльба 18 и 19 января была нѣсколько лучше стрѣльбы 13 числа. Но въ расходованіи снарядовъ крупныхъ калибровъ замѣчается все та же непозволительная неосмотрительность...—13 января съ „Суворова“, разошедшагося встрѣчными курсами съ „Донскимъ“, сдѣланъ былъ выстрѣлъ по щиту, показавшемуся подъ кормой „Донского“, въ разстояніи 6 кабельтововъ за „Донскимъ“. Управляющій стрѣльбой на „Суворовѣ“ далъ первому орудію нѣкоторое разстояніе,—снарядъ не долетѣлъ до „Донского“ на $^1/_2$ кабельтова и легъ очень влѣво такъ, что рикошетировалъ надъ „Донскимъ“.—Слѣдовало: вдругъ прибавить къ разстоянію не меньше 7 кабельтововъ, чтобы получить перелетъ, и рѣзко измѣнить установку цѣлика линій на 10, чтобы получить отклоненіе вправо. Но, несмотря на предостереженіе, данное результатомъ перваго выстрѣла, для второго прибавлено было только $^1/_2$ кабельтова на прицѣлѣ и оставленъ безъ измѣненія цѣликъ.—Снарядъ и попалъ прямо въ мостикъ „Донского“... Это было, конечно, очень дурно, но впечатлѣніе, произведенное этимъ случаемъ, было совсѣмъ непозволительно: 19 января съ трудомъ можно было заставить суворовскихъ артиллеристовъ стрѣлять въ промежутки между своими судами, хотя цѣль была на 20 кабельтововъ дальше своихъ кораблей, что позволяло стрѣлять не только въ промежутки, но и черезъ головы своихъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что при длинной линіи кильватера можетъ быть очень важно во время завернуть голову на 16 R, чтобы сдвоить огонь по хвосту непріятельской встрѣчной колонны, и что поэтому крайне необходимо научиться стрѣлять въ промежутки между своими кораблями, какъ на параллельныхъ курсахъ (общій случай стрѣльбы крейсеровъ), такъ и на встрѣчныхъ...—Скорость стрѣльбы 18 и 19 января была еще меньше, чѣмъ 13 января. Между тѣмъ, если 47 м.м. пушки все еще вриходится употреблять для отраженія миноносцевъ, то необходимо внушить офицерамъ и прислугѣ, что только дождемъ снарядовъ этого калибра можетъ быть нанесенъ вредъ миноносцу...“ *).

„Маневрированіе эскадрой 25 января было нехорошее. Простѣйшіе послѣдовательные повороты на 2—3 румба, при перемѣнѣ курса эскадры въ строѣ кильватера, никому не удавались: одни при этомъ входили внутрь строя, другіе—

*) Приказъ 20 января за № 50.

выпадали наружу, хотя море было совершенно спокойно и вѣтеръ не превосходилъ 3 балловъ...—Повороты „всѣмъ вдругъ“ были особенно дурны...—Стрѣльба изъ большихъ орудій 25 января была безполезнымъ выбрасываніемъ боевыхъ запасовъ...—Стрѣльба изъ мелкихъ пушекъ, изображающая отраженіе минной атаки, была нѣсколько лучше прежнихъ только на судахъ I брон. отряда. II отрядъ броненосцевъ и крейсера стрѣляли и на этотъ разъ непозволительно“ *).

Не довольно ли документовъ?—Вѣдь это—офиціальный, сдержанный языкъ приказовъ. Что думали, что чувствовали тѣ, кому предстояло въ „безобразной толпѣ“ судовъ, занятыхъ „безполезнымъ выбрасываніемъ боевыхъ запасовъ“, встрѣтиться съ побѣдоносной эскадрой, превосходящей ихъ численно, хорошо обученной въ мирное время, имѣвшей цѣлый годъ боевого опыта и даже имѣвшей время отдохнуть, починиться и привестись въ порядокъ?..

Тотчасъ по прибытіи въ Носи-бэ адмиралъ распорядился отправить обратно въ Россію транспортъ „Малайя“, причинявшій намъ въ пути столько задержекъ своими постоянными поломками. При отрядѣ адм. Фелькерзама оказалось еще одно, подобное же сокровище—транспортъ „Князь Горчаковъ“. Отъ его услугъ также рѣшили отказаться.

Кто санкціонировалъ фрахтовку этихъ пароходовъ? Неужели за тѣ, поистинѣ, бѣшеныя деньги, которыя имъ платились, нельзя было найти въ Европѣ что-нибудь не только болѣе сносное, но даже и очень хорошее!..

По вѣрнымъ примѣтамъ дѣла наши вообще обстояли неважно.

Сколько помнится, я уже говорилъ, что на нѣкоторыхъ судахъ находились монтеры, командированные фирмой „Слаби-Арко“ для наблюденія за исправнымъ дѣйствіемъ аппаратовъ безпроволочнаго телеграфа (ея системы), установленныхъ на эскадрѣ. Эти господа, согласно контракту, должны были сопровождать насъ только до Angra-Pequena, но въ началѣ похода многіе изъ нихъ, полные жажды приключеній, неоднократно обращались къ адмиралу съ просьбами разрѣшить имъ остаться на болѣе долгій срокъ, хотя бы даже на сокращен-

*) Приказъ 25 января за № 71.

номъ содержаніи, причемъ указывали, что именно на театрѣ военныхъ дѣйствій ихъ опытъ и знанія принесутъ наибольшую пользу. Нѣкоторымъ это было разрѣшено. Теперь—всѣ они раздумали и заторопились домой.

Равнымъ образомъ потребовали разсчета и не пожелали идти дальше разные вольнонаемные рестораторы и буфетчики, еще въ Кронштадтѣ хорошо знавшіе, что имъ предстоитъ, и даже выражавшіе горячее желаніе побывать въ бою.

На нашемъ кормильцѣ—пароходѣ „Esperance“—начали, что ни день, ломаться рефрешираторныя машины. Ихъ экстренно чинили средствами „Камчатки“, но чѣмъ дальше, тѣмъ поврежденія становились серьезнѣе. Комиссія подъ предсѣдательствомъ флагманскаго механика не имѣла точныхъ данныхъ для того, чтобы установить наличіе злого умысла, однако подозрѣнія были, и весьма основательныя. Послѣ всякаго исправленія, машины пускались въ ходъ въ присутствіи комиссіи, всесторонне ею испытывались, все оказывалось благополучнымъ, затѣмъ—вдругъ (черезъ день-два) необъяснимая поломка. Кромѣ того, пароходъ былъ снятъ прямо съ линіи Аргентина—Лондонъ, прямо съ работы по перевозкѣ замороженнаго мяса, вовсе не былъ какимъ-нибудь старьемъ,—его покупало не главное управленіе торговаго мореплаванія, не морское министерство, а чисто коммерческій человѣкъ для эксплоатаціи въ собственныхъ интересахъ... Какъ бы то ни было, вслѣдствіе частыхъ пріостановокъ дѣйствія рефрешираторныхъ машинъ температура въ трюмахъ „Esperance“ все повышалась. Мясо начало оттаивать и портиться. Наконецъ—дальнѣйшая борьба со зломъ оказалась невозможной. Свыше 700 тоннъ (около 45,000 пудовъ) оттаявшаго и испортившагося мяса пришлось выбросить за бортъ, а „Esperance“ отправить во Францію.

Такъ крысы и тараканы покидаютъ жилище, которому грозятъ гибель и разрушеніе...

Не только въ кругу пріятелей, въ каютъ-компаніяхъ кораблей, гдѣ меня принимали, какъ стараго знакомаго, но и за столомъ адмирала я никогда не упускалъ случая разсказать и подтвердить примѣрами, насколько, на основаніи боевого опыта подъ Артуромъ, миноносцы современнаго типа оказались мало отвѣчающими прямому своему назначенію. Дѣй-

ствительно, нельзя было не признать, что въ качествѣ судовъ активнаго миннаго флота они сдѣлали очень немного. Даже „атаку врасплохъ“ 26 января, и ту можно ли было считать удачной?—При такихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, когда, казалось бы, слѣдовало ожидать безнаказаннаго уничтоженія если не всей, то бо̀льшей части эскадры,—всего три подбитыхъ корабля!..

Зато, когда тѣ же миноносцы, въ силу обстоятельствъ, примѣнялись какъ охранныя, дозорныя и тралящія суда, какъ мелкіе развѣдчики и минные заградителя,—они оказали обѣимъ сторонамъ немалыя услуги. При выполненіи этого рода службы, до войны, по положеніямъ мирнаго времени, вовсе не входившей въ кругъ ихъ дѣятельности, имъ очень часто приходилось вступать въ открытый артиллерійскій и даже минный (пуская мины по поверхности) бой другъ съ другомъ, и многія изъ этихъ лихихъ схватокъ доставили ихъ участникамъ почетное званіе или почетную память героевъ.

Думаю, я былъ правъ, полагая, что именно въ этомъ направленіи слѣдуетъ тренировать миноносцы, состоявшіе при эскадрѣ. Конечно, съ точки зрѣнія кабинетной стратегіи и транзундской тактики, такое ученіе являлось непростительной ересью, а потому дѣйствовать приходилось осторожно. Однако не безъ успѣха.

Въ 10-хъ числахъ января миноносцы, слѣдовавшіе при отрядѣ адм. Фелькерзама и прибывшіе въ Носи-бэ хромыми и увѣчными, починились, а 15 января состоялся двухсторонній маневръ на такое заданіе:

Эскадра, обозначенная однимъ кораблемъ—„Свѣтланой“—въ качествѣ ея головного—выходитъ изъ Носи-бэ для слѣдованія на Востокъ, при чемъ имѣетъ свѣдѣнія, что гдѣ-то, въ группахъ окрестныхъ острововъ, скрываются непріятельскіе миноносцы, намѣревающіеся атаковать ее при первомъ удобномъ случаѣ, а потому въ сторону подозрительныхъ пунктовъ она высылаетъ развѣдочно-охранный отрядъ изъ „Жемчуга“ и 1-го отдѣленія миноносцевъ; 2-ое отдѣленіе миноносцевъ (непріятель), заранѣе ушедшее въ море, прячется въ укромномъ мѣстѣ и караулитъ проходъ эскадры, намѣренія которой и моментъ выхода извѣстны ему тоже только приблизительно (черезъ шпіоновъ); задача первыхъ—предупредить внезапную атаку, а явную отразить открытой силой; задача вторыхъ—уловить благопріятный моментъ для атаки.

Не буду описывать самаго маневра и вдаваться въ оцѣнку его выполненія, скажу только, что онъ возбудилъ интересъ не только непосредственныхъ его участниковъ, но и всей эскадры. Судили, рядили, спорили, вообще нѣсколько очнулись отъ той апатіи, которая мало-по-малу распространялась все шире и шире... Къ сожалѣнію этотъ маневръ оказался первымъ и послѣднимъ. Впереди былъ намѣченъ цѣлый рядъ ему подобныхъ, но они не осуществились ввиду... поврежденій, необходимыхъ работъ и, главное,—изъ опасенія „напраснаго“ изнашиванія на полныхъ ходахъ и безъ того надорванныхъ механизмовъ нашихъ миноносцевъ... Выгрести противъ этого теченія оказалось мнѣ не подъ силу...

Что касается траленія, то послѣ неудачной попытки въ Бельтѣ, вызвавшей много остротъ и снисходительно-ироническихъ замѣчаній, мнѣ все же удалось настоять на своемъ, и еще 2 декабря, въ Angra Paquena, былъ изданъ циркуляръ съ подробнымъ описаніемъ и чертежами трала артурскаго образца и съ инструкціей организаціи тралящаго каравана изъ миноносцевъ. Тралы предписывалось изготовить теперь же, средствами кораблей 1 ранга при содѣйствіи „Камчатки“, чтобы, тотчасъ по соединеніи съ отрядомъ адм. Фелькерзама, можно было начать тренировку миноносцевъ въ незнакомомъ имъ дѣлѣ. Однако и по приходѣ въ Носи-бэ циркуляръ этотъ оставался мертвой буквой; провести его въ жизнь оказывалось не такъ-то просто, пока я не спохватился, что все дѣло въ фирмѣ: не проходитъ подъ моимъ флагомъ—надо пустить подъ чужимъ.

Дѣйствительно, какъ только дѣломъ заинтересовался к.-адм. Фелькерзамъ, какъ только онъ, по приказу начальника эскадры, принялъ на себя руководство всей организаціей и во всей полнотѣ власти началъ безъ стѣсненій командовать флагманскими минерами—исчезли всякія тренія и все начало быстро налаживаться. Не только траленіе, но и постановка минъ заграждения съ миноносцевъ, которую до того считали какимъ-то артурскимъ бредомъ!..

Дѣло пошло успѣшно, насколько то позволяли почти постоянныя поломки и поврежденія въ механизмахъ нашихъ миноносцевъ.

Вѣроятно ввиду такого плачевнаго ихъ состоянія и, можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ моихъ разсказовъ о томъ, какое широкое примѣненіе давали подъ Артуромъ японцы

своимъ миннымъ катерамъ,—адмиралъ приказалъ изъ нашихъ минныхъ катеровъ образовать два отряда: I—изъ шести новѣйшаго типа—и II—изъ восьми болѣе старыхъ и тихоходныхъ. Оба отряда были отданы въ мое распоряженіе.

— Позаймитесь съ ними. Авось, пригодятся! — говорилъ адмиралъ.—Кстати и на эскадрѣ подучатся отражать атаки. Наши миноносцы для этого ворошить нельзя—того гляди, окончательно поломаются и не дойдутъ до мѣста.

24 января я впервые собралъ свою флотилію, никогда до того соединенно не плававшую. Это первое наше выступленіе ознаменовалось происшествіемъ, которое „было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно".

Передъ самой войной, осенью 1903 г., у насъ рѣшено было ввести новый сводъ сигналовъ (солидная комиссія работала надъ его составленіемъ больше 5 лѣтъ). Книги этого новаго свода не успѣли доѣхать до П.-Артура, такъ какъ онъ уже былъ отрѣзанъ, но попали во Владивостокъ, и ими же была снабжена вторая эскадра.

Еще при выходѣ изъ Либавы я обращалъ вниманіе тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, на то обстоятельство, что, встрѣтившись съ артурской эскадрой, мы будемъ говорить на разныхъ языкахъ, но меня успокоили, сказавъ, что на всякій случай захвачены и старыя книги. Впрочемъ, съ паденіемъ П.-Артура, возможность затрудненія была радикально устранена.

Но вотъ что случилось на самой второй эскадрѣ: при спѣшномъ ея снаряженіи корабли получили шлюпочныя сигнальныя книжки (сокращенный и упрощенный сводъ сигналовъ, ничего общаго не имѣющій съ судовыми сигнальными книгами) новаго изданія, а приложенія къ нимъ, содержащія, такъ называемые, эволюціонные сигналы, отпечатать въ новой редакціи не успѣли. Оказалось, что въ новой книжкѣ и въ приложеніи къ старой тѣмъ же сочетаніямъ флаговъ соотвѣтствуютъ значенія, ничего общаго между собой не имѣющія.

Какъ только моя флотилія въ назначенный часъ собралась у „Суворова", я сѣлъ на мой флагманскій катеръ и по эволюціонному своду (приложеніе къ старой книжкѣ) сдѣлалъ сигналъ:—„Быть въ строѣ кильватера". Велико было мое удивленіе, когда со спускомъ сигнала всѣ мои катера вмѣсто того, чтобы чинно вступить въ свое мѣсто, дали полный ходъ и бросились вразсыпную, кто-куда!.. — Они заглянули въ новую книжку, а тамъ этотъ сигналъ значилъ: „Осмотрѣть

берегъ“... Не безъ труда удалось собрать разбѣжавшуюся компанію...

На „Суворовѣ“ сначала изумились, но затѣмъ, сличивъ новую книжку и старое приложеніе, поняли, что вышло недоразумѣніе. Много смѣялись...

Въ результатѣ пришлось отдать приказъ по эскадрѣ: спрятать новое, но неполное, изданіе подъ замокъ и впредь пользоваться старымъ со всѣми его приложеніями.

Мелочь?..—но какая характерная!

А если бы подобный случай имѣлъ мѣсто въ виду непріятеля?..

Въ послѣдующіе дни—опять перерывъ моего дневника, но на этотъ разъ не какъ результатъ угнетеннаго состоянія духа, а просто—за недостаткомъ времени, такъ какъ съ утра до ночи я возился со своей флотиліей. Это былъ хорошій, бодрый періодъ. Во-первыхъ—нашлось свое дѣло, занявшись которымъ можно было встряхнуться, отогнать отъ себя черныя мысли; во-вторыхъ—по чести сказать—мои молодые капитаны были какъ на подборъ, не знали усталости, не признавали слова „невозможно“, и, еслибы Богъ далъ добраться до непріятеля, то они, навѣрно, что-нибудь да сдѣлали бы; въ третьихъ—не только никто на меня не косился, не считалъ, что я вторгаюсь въ предѣлы его компетенціи, но даже наоборотъ—готовы были оказать всякое содѣйствіе—пусть, молъ, забавляется на свободѣ своими игрушками и не мѣшаетъ намъ священнодѣйствовать по рецепту, выработанному подъ „шпицемъ“...

1 февраля всей эскадрой ходили въ море, гдѣ, раздѣлившись на два отряда, маневрировали другъ противъ друга, какъ бы въ бою, но по заранѣе составленному и объявленному приказомъ плану. Вышло „не особенно замѣчательно, но все-таки хоть что-нибудь“, какъ закончилъ я въ моемъ дневникѣ описаніе этого маневра. Къ вечеру, передъ возвращеніемъ въ Носи-бэ, къ намъ присоединились ожидавшіеся со дня на-день „Олегъ“, „Изумрудъ“, „Днѣпръ“ и „Ріонъ“ (бывшіе—„Петербургъ“ и „Смоленскъ“) и миноносцы—„Громкій“ и „Грозный“.

Два слова по поводу безпроволочнаго телеграфа на эскадрѣ. Привожу выдержку изъ приказа отъ 1 февраля за № 83:

„На транспортахъ „Корея“ и „Китай“ установлены Маркониевскія станціи безпроволочнаго телеграфа съ короткимъ рангоутомъ, съ простой проводкой.—На всѣхъ прочихъ судахъ

эскадры, кромѣ миноносцевъ, поставлены станціи Сляби-Арко съ высокимъ рангоутомъ, съ огромной сѣтью. На „Уралѣ“ есть мощная станція, также Сляби-Арко, претендующая дѣйствовать на разстояніе 500 миль и болѣе...—За все время станція „Корея“ принимала прежде всѣхъ прочихъ телеграммы съ разстоянія въ 90 миль, тогда какъ до сего времени ни одинъ изъ нашихъ кораблей не могъ разбирать телеграммъ на разстояніяхъ, превышающихъ 65 миль. И сегодня, 1 февраля, въ $6^1/_2$ ч. утра, станція „Корея“ приняла первой, съ разстоянія 60 миль и стоя за горой, телеграмму „Олега“, которую не могла принять мощная станція „Урала“, хотя именно на послѣднюю было возложено порученіе войти въ переговоры съ „Олегомъ“ еще со вчерашняго дня, и не смотря на то, что между „Ураломъ“ и „Олегомъ“ не могло быть въ это время не только земли, но даже ни одного рангоута“.

Оставалось только благодарить технической комитетъ, пренебрегшій испытанной системой „Маркони“ и снабдившій насъ аппаратами „Сляби-Арко“, которые должны были дѣйствовать еще лучше...

За недѣлю безпрерывныхъ дневныхъ ученій моя маленькая флотилія такъ спѣлась, что можно было приступить къ выполненію дальнихъ ночныхъ экспедицій и маневровъ, среди которыхъ, конечно, главную роль играли внезапныя атаки на эскадру. Оказалось, что этой послѣдней дѣйствительно слѣдовало „подучиться“, какъ выразился адмиралъ, и даже очень. Краснорѣчивѣе всего говорятъ объ этомъ его приказы, въ которыхъ по поводу каждаго такого ученья напоминаются различные правила и пріемы, рекомендуемые при отраженіи ночной минной атаки. Нельзя допустить, чтобы эти правила были неизвѣстны личному составу, но дѣло въ томъ, что знать, какъ надо дѣйствовать—это одно, а умѣть примѣнить свое знаніе на практикѣ—совсѣмъ другое. Никакое самое тщательное изученіе вопроса въ тиши кабинета не можетъ дать того, что дается опытомъ, т. е. знанія ремесла.

Съ теченіемъ времени дѣло понемножку налаживалось; подбираться къ эскадрѣ незамѣченными, отвлекать ее вниманіе фальшивыми атаками—становилось все труднѣе.

5 февраля было для меня днемъ большого огорченія. Несмотря на увѣренія минеровъ, что ихъ часть въ полной исправности, я настоялъ, чтобы съ минныхъ катеровъ произвели учебную стрѣльбу минами. Стрѣльба была произведена, конечно, днемъ,

при штилѣ, съ разстоянія 5 кабельтововъ. Не говорю про второй отрядъ (тамъ все устройство было стараго образца—имъ и Богъ проститъ), но при стрѣльбѣ съ 6 новыхъ, по послѣдней (одобренной техническимъ комитетомъ) модели построенныхъ и вооруженныхъ катеровъ,—результаты оказались нижеслѣдующіе:

Выпущено 7 минъ. Одна—не пошла вовсе. Одна—начала кружиться, временами выскакивая на поверхность и серьезно угрожая катерамъ, которые спасались отъ нея бѣгствомъ. Двѣ—махнули куда-то далеко вправо, а одна—влѣво. Наконецъ, двѣ—пошли удовлетворительно. Это среди бѣла дня, при полномъ спокойствіи и души, и моря!.. Хороши мы были бы, выступивъ съ такимъ оружіемъ противъ непріятеля въ условіяхъ настоящей ночной атаки!

— Непонятный случай... Можетъ быть оттого, что немного покачиваетъ?.. Пріемныя испытанія въ Ревельской гавани прошли отлично...—недоумѣвалъ флагманскій минеръ.

— То-то и есть, что тутъ не гавань! Покачиваетъ!.. Да, можетъ быть, когда атаку придется вести, такъ „валять“ будетъ! Ужъ лучше старая шестовая мина, чѣмъ этакій самообманъ! Ужъ тамъ, коли Богъ пронесъ, коли дорвался и ткнулъ—дѣло сдѣлано! А здѣсь...—таранить что ли? или изъ пистолета стрѣлять въ броненосецъ?.. Маги и волшебники... Транзундъ заѣлъ!

Онъ, кажется, обидѣлся.

Впрочемъ это изреченіе—„Транзундъ заѣлъ“!—было не мое. Имъ, не такъ давно, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, разразился адмиралъ въ отвѣтъ на докладъ, что все „обстоитъ благополучно“ и хотя ничего не выходитъ, но правила, „предписанныя инструкціей“, въ точности соблюдены.

Пять дней, вѣрнѣе—пять сутокъ, вмѣсто обученія маневрированію занимались дѣломъ совсѣмъ необычнымъ. Пренебрегая перунами техническаго комитета, безъ разрѣшенія котораго ни іоты не могло быть измѣнено въ принятыхъ образцахъ,—судовые механики и минеры при ближайшемъ участіи офицеровъ, командовавшихъ катерами (еще бы—вѣдь имъ-то и придется идти въ атаку!) изобрѣтали, спорили, даже ссорились, подпиливали, наращивали, отгибали, пригибали...—но въ результатѣ—мины начали ходить исправно, а это было все, что требовалось.

8 февраля всей эскадрой, со вновь присоединившимися,

вышли въ море для двухсторонняго маневрированія („Иртыша“ все еще не было, и стрѣлять было нечѣмъ). Начали по плану, какъ прошлый разъ, но когда затѣмъ адмиралъ рѣшилъ попытаться въ дальнѣйшемъ развитіи боя предоставить своимъ противникамъ—адм. Фелькерзамъ и адм. Энквистъ—полную свободу дѣйствій, руководствуясь лишь общимъ заданіемъ, то... вскорѣ же ему пришлось собрать (не безъ труда) разсѣявшіеся отряды эскадры и остатокъ дня посвятить выполненію простѣйшихъ эволюцій, изъ которыхъ строй фронта и пеленга, повороты „всѣ вдругъ“ — по прежнему оставались нашимъ „камнемъ преткновенія“.

Почти наканунѣ боя... Какъ все это было горько и обидно....

— Ну, оптимистъ,—подошелъ ко мнѣ лейтенантъ С.— Всегда, для всѣхъ, находите слово ободренія...—Что скажете?

Я только пожалъ плечами...

VI.

Настроеніе на эскадрѣ.—Молчаніе адмирала.—Газеты изъ Россіи.—Впечатлѣніе проповѣди г. Кладо на офицеровъ.—Ея деморализующее вліяніе на команду.—Голосъ изъ Манджуріи о томъ-же.—Телеграмма № 244 и отвѣтъ на нее.—Тягость стоянки.— Одна изъ ночей въ Носи-бэ.

Давая этотъ краткій очеркъ общаго хода ученій и занятій, которыми эскадра пыталась за время стоянки въ Носи-бэ пополнить, исправить свои недочеты, но которыя, увы, только обнаружили во всей наготѣ полную ея неподготовленность къ боевой службѣ, лишній разъ подтвердили всю безнадежность обычая—„на охоту ѣхать—собакъ кормить“—я умышленно ничего не говорилъ о внутренней ея жизни, о настроеніяхъ, владѣвшихъ личнымъ составомъ, хотя записи моего дневника даютъ къ этому богатый матерьялъ. Мнѣ кажется, что, придерживаясь строго хронологическаго порядка въ передачѣ моихъ замѣтокъ, я не могъ бы дать моимъ читателямъ полной картины ни внѣшней, ни внутренней жизни эскадры, хотя для насъ, участниковъ ея плаванія, оба понятія такъ тѣсно сплелись между собою, что я, напримѣръ, безъ всякаго недоумѣнія читаю такую страничку:—„Вчера съ утра и весь день стрѣльба минами съ моихъ катеровъ. Плохое оружіе и т. д. (подробн. запись результатовъ стрѣльбы). Съ 3 час. ночи до

9 ч. утра дождь, какъ изъ ведра. Слава Богу, адмиралъ, кажется, только прихворнулъ: сегодня ему много лучше. За обѣдней, когда священникъ провозглашалъ: „Христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны...“, мнѣ такъ хотѣлось его перебить и сказать: Не о томъ молитесь, о слишкомъ многомъ, надо просить кончины только „непостыдной“, и того довольно.—Сердечно радовался, когда узналъ, что на эскадрѣ фельетонъ Меньшикова „Напутствіе“ Россіи преобразовательному совѣту называли неумѣстнымъ акаѳистомъ, наборомъ жалкихъ словъ и т. п. Если „Россія протягиваетъ израненныя руки“, то надо думать не о пластыряхъ и мазяхъ для этихъ царапинъ, а заботиться о томъ, чтобы ей не нанесли смертельной раны въ самое сердце“.

Думаю однако, что для публики чтеніе подобныхъ замѣтокъ, хотя бы и переданныхъ въ литературной обработкѣ, потребовало бы особаго толковника.

Послѣ того, какъ выяснилось, что намъ приказано чего-то ждать, временный подъемъ духа, вызванный смѣлой идеей немедленнаго похода впередъ, во что бы то ни стало, угасъ неиспользованный; увлеченіе прошло и подъ гнетомъ полной неизвѣстности относительно будущаго смѣнилось почти апатіей.

Повидимому, это опасное настроеніе не прошло для адмирала незамѣченнымъ, и противъ него онъ принялъ единственную, бывшую въ его распоряженіи, мѣру: такъ занять людей дѣломъ, чтобы у нихъ не было времени задумываться. Начиная съ половины января, ученья и занятія вперемежку съ пріемками запасовъ и угля производились съ утра до ночи и даже ночью. Мѣра оказалась цѣлесообразной. Настроеніе окрѣпло. Досадливая мысль—„зря стоимъ“—рѣже приходила въ голову. Однако же злоупотреблять этимъ средствомъ не приходилось: силы человѣческаго организма не безпредѣльны, а въ изнурительномъ климатѣ Мадагаскара онѣ легче расходуются, чѣмъ возстановляются. Реакція, вызванная физическимъ изнеможеніемъ, если къ тому времени не создастся обстановки, способной поднять упавшій духъ,—могла повести къ полной деморализаціи.

Адмиралъ ни съ кѣмъ не дѣлился своими взглядами и предположеніями на будущее. Лейтенантъ С., вѣдавшій секретную переписку адмирала, единственный человѣкъ на эскадрѣ, который зналъ все, былъ нѣмъ, какъ рыба.

— Послушайте,—все-таки обратился я къ нему однажды.—

Я вовсе не хочу выпытывать отъ васъ секретовъ, но объясните мнѣ: почему онъ молчитъ?.. Вы, лично, молчали бы въ такихъ обстоятельствахъ?

Онъ подумалъ и отвѣтилъ тоже вопросомъ:

— Случалось ли вамъ получать отъ начальства приказаніе, которое вы считаете неосуществимымъ, и по поводу этого, насколько допустимо закономъ, вступать въ пререканія, надѣясь повліять на принятое рѣшеніе?

— Бывало...

— А если это затягивалось, если вы долго еще не теряли надежды, то находили ли вы нужнымъ и полезнымъ держать своихъ подчиненныхъ въ курсѣ вашихъ сношеній съ начальствомъ? Вѣдь, говоря съ ними, вы не стали бы лукавить (тогда ужъ лучше молчать), вы бы высказывали ваши взгляды, и, несомнѣнно, если не всѣ, то большая часть вашихъ подчиненныхъ (если вы настоящій начальникъ, а не съ луны свалились) были бы на вашей сторонѣ. Такъ вѣдь?

— Положимъ, что такъ...

— А если, въ результатѣ, начальство все-таки приказало бы сдѣлать такъ, какъ ему кажется наилучшимъ, то какъ слѣдовало бы назвать ваши конфиденціи, безусловно оставившія слѣдъ въ настроеніи ввѣренныхъ вамъ силъ?—преступной агитаціей, попыткой создать движеніе, идущее въ разрѣзъ съ намѣреніями высшаго начальства, даже хуже—попыткой оказать на него давленіе, заставить его отступиться отъ выполненія намѣченныхъ плановъ?..

— Все это такъ, но...

— Потому то онъ и молчитъ. Онъ все еще надѣется, что „тамъ“ его поймутъ. Только напрасно. Напрасно въ смыслѣ надежды, а не въ смыслѣ молчанія. Я не открываю вамъ никакихъ тайнъ, я говорю самъ отъ себя. Мы вышли изъ Россіи при постоянномъ понуканіи со стороны русскаго общества, обвинявшаго адмирала въ нежеланіи идти на выручку Портъ-Артура. Помните? Вы сами передавали свой разговоръ съ Нелидовымъ, проѣздомъ черезъ Парижъ. Вѣдь даже онъ, хорошо освѣдомленный въ дѣлахъ, и то выражался смутно и уклончиво, тѣсно связывая самую идею о возможности посылки эскадры съ именемъ З. П. Рожественскаго. Помните, вы передавали его слова—„не то хвораетъ, не то не рѣшается“... Дѣло сводилось къ вопросу о личной рѣшимости, такъ какъ кромѣ него некому было вести эскадру. Дубасовъ—старъ.

Чухнинъ—имъ однимъ держится Черноморскій флотъ... Мы пошли. Я затыкалъ уши, когда вы говорили, что съ началомъ сухопутныхъ бомбардировокъ—конецъ артурской эскадрѣ. Вѣдь мы были полны геройскими реляціями Стесселя... Если не совсѣмъ вѣрили, то такъ хотѣли вѣрить!.. Словомъ, мы смотрѣли на нашу эскадру, какъ на сильный стратегическій резервъ, который идетъ для поддержки настоящаго активнаго флота, дѣйствующаго на театрѣ военныхъ дѣйствій, опирающагося на укрѣпленныя, богато снабженныя базы... Съ паденіемъ Артура разсѣялись послѣднія иллюзіи. Наша армада, это случайное сборище кораблей частью новыхъ, плохо построенныхъ и еще невполнѣ достроенныхъ, частью старыхъ, наскоро отремонтированныхъ, въ лучшемъ случаѣ заслуживающее названія „резервной“ эскадры,—сдѣлалось активнымъ флотомъ, задачей которому ставится одолѣніе побѣдоноснаго, активнаго, настоящаго, боевого флота противника!.. И это при условіи, что послѣдній опирается на многочисленныя, прекрасно оборудованныя базы, а мы—для того, чтобы достигнуть нашей единственной базы, Владивостока, — должны предварительно побѣдить его... Мы—слабѣйшіе и численно, и по вооруженію, и по снабженію и...—что-жъ лукавить—и по духу,—мы смѣемъ ли на это надѣяться?.. Но „тамъ“ этого не понимаютъ или не хотятъ понять, все ёще вѣрятъ въ чудо... Вотъ почему онъ молчитъ...

Но если молчалъ адмиралъ, если С. говорилъ только намеками и притчами, то вскорѣ же газеты, начавшія прибывать изъ Россіи, достаточно выяснили вопросъ: почему мы стоимъ, и чего намъ приказано ждать?—Ждать подкрѣпленій... и какихъ подкрѣпленій! — „Николай“, „Ушаковъ“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“, „Мономахъ“—вся рухлядь, весь хламъ, числящійся въ спискахъ боевыхъ судовъ Балтійскаго флота!.. тѣ самыя суда, отъ которыхъ, при сформированіи второй эскадры, категорически отказался адм. Рожественскій, рѣшившійся, скрѣпя сердце, за неимѣніемъ лучшаго, взять съ собою „Наваринъ“, „Нахимовъ“ и „Донской“.

— Да это не подкрѣпленіе, а камень на шею!—заявляли наиболѣе горячія головы.

Въ особенности поражало всѣхъ то обстоятельство (созда-

вавшее положеніе почти безвыходное), что эта посылка старыхъ утюговъ и калошъ, по внѣшности, не представлялась измышленіемъ „шпица“ и особъ, подъ сѣнью онаго мирно почивающихъ, но являлась какъ бы уступкой властному требованію общественнаго мнѣнія, вдохновеннымъ пророкомъ котораго выступилъ г. Кладо.

— Съ чьего голоса онъ поетъ!—ворчалъ С.—Тутъ дѣло нечисто!..

— Не можетъ онъ не знать истиннаго положенія вещей!—говорили другіе.—Либо—рехнулся, либо—по заказу... Но кому понадобилось?..

„Не спрашивайте адмирала Рожественскаго!..“—взывалъ г. Кладо, обращаясь къ русскому обществу.—„Сейчасъ, сейчасъ посылайте, что можно, не теряйте ни минуты, иначе можетъ оказаться поздно, поймите—поздно... Поймите только, какое это страшное слово, сколько въ немъ зловѣщаго...“

Въ своемъ изступленіи г. Кладо доходилъ до такого абсурда, какъ предложеніе послать на войну никуда негодные, давно отслужившіе свой вѣкъ,—„Мининъ“, „Пожарскій“, даже... „Петръ Великій“!..

Онъ говорилъ: „...въ восьмидесятыхъ годахъ... на Дальній Востокъ была послана плавучая батарея „Кремль“... Когда являлась необходимость, то энергичные люди дерзали преодолѣть и невозможное... *) О, Господи! да такихъ примѣровъ можно привести тысячи! Вѣдь поймите вы, мечтатели, что встряхнуться надо, надо проснуться,—вѣдь другого выхода все равно нѣтъ; поймите, что иначе надъ нами повиснетъ грозный призракъ возможности проигрыша кампаніи. Дерзайте, и кажущееся невозможнымъ—совершится!“ **).

— Какія красивыя, какъ будто, полныя истиннаго патріотизма, слова! Какъ не вѣрить имъ въ устахъ ученаго моряка?—не могло не говорить русское общество.

— Какая недостойная игра! какой злостный обманъ довѣрчивой сухопутной публики!—не могли не возмущаться мы, шедшіе на второй эскадрѣ.

Надо ли повторять здѣсь, хотя бы вкратцѣ, все то, чѣмъ

---

*) Грубая ошибка (или описка) г. Кладо.—«Кремль» никогда не былъ «посланъ» на Дальній Востокъ. Его только «собирались послать», но во-время одумались.—Невозможное было признано невозможнымъ.

**) Современная морская война. Морскія замѣтки о русско-японской войнѣ Н. Л. Кладо, стр. 447—448.

г. Кладо наполнялъ столбцы „Новаго Времени“? Эти свои вдохновенныя статьи онъ издалъ даже отдѣльной книгой. (Боюсь, не дѣлаю ли я ему рекламы?—ну, да все равно). Во всякомъ случаѣ, если не въ точныхъ выраженіяхъ, то по духу, по смыслу своему онѣ еще живы въ памяти читателей, и странно, право, что скорѣе всѣхъ забылъ ихъ содержаніе самъ авторъ, который два года спустя въ высоко-офиціозномъ изданіи безъ пророческаго паѳоса, но зато глубоко-авторитетно, пишетъ:—„Эскадру надо было вернуть съ Мадагаскара. Очевидно, дальнѣйшее плаваніе эскадры было дѣломъ болѣе чѣмъ рискованнымъ—шансовъ на ея успѣхъ не было собственно никакихъ“ и т. д. *)—золотыя слова, лишній разъ доказывающія, какъ легко пророчествовать заднимъ числомъ и подавать мудрые совѣты post factum...

Но мнѣ кажется, что автору статей „Послѣ ухода второй эскадры“ стыдно было бы писать такія слова безъ всякихъ оговорокъ...

Тогда, въ тотъ годъ кровавой расплаты за грѣхи цѣлаго ряда поколѣній, когда было такъ дорого каждое правдивое, каждое честное слово,—онъ проповѣдывалъ совсѣмъ другое. Опираясь на стройную систему боевыхъ коэфиціентовъ, онъ доказывалъ, что на успѣхъ второй эскадры въ настоящемъ ея составѣ „есть надежда“, но „должна быть—увѣренность“, и доказывалъ, что эта „увѣренность“ можетъ быть создана посылкой подкрѣпленій, состоящихъ изъ разнаго хлама, числящагося въ спискѣ боевыхъ судовъ Балтійскаго флота. Онъ морочилъ публику ссылками на офиціальныя данныя морской справочной книжки и традиціонные рапорты о томъ, что „все обстоитъ благополучно“, и флотъ пребываетъ „въ полной боевой готовности“. Призывая русское общество потребовать отъ морского министерства посылки на театръ военныхъ дѣйствій всей этой рухляди, онъ даже не настаивалъ на приведеніи ея въ полную исправность. (Такая задача была бы неосуществима). Онъ писалъ—„Пусть идутъ съ такими неисправностями, которыя допускаютъ возможность дойти и драться тамъ съ пользой“.—Я думаю, даже не моряку и совсѣмъ неученому очевидна вся чудовищность такого предложенія. Что такое неисправный корабль? Что у него неисправно?—или машина

*) Морская справочная книжка на 1906 г. Изданіе В. К. А. М. Приложеніе стр. 66.

или вооруженіе. Да развѣ, имѣя то или другое неисправнымъ, онъ можетъ драться и еще „съ пользой“?

Г. Кладо хорошо зналъ, какъ знали и всѣ прочіе офицеры, что адм. Рожественскій при сформированіи эскадры категорически отказался отъ включенія въ составъ ея этихъ судовъ, а потому, въ предвидѣніи возможнаго протеста съ его стороны, онъ и кричалъ:—„Не спрашивайте адм. Рожественскаго! Сейчасъ, сейчасъ посылайте, что можно, не теряйте ни минуты“.

Какую цѣль преслѣдовала вся эта газетная кампанія? Кому, чьимъ интересамъ служилъ г. Кладо?—донынѣ еще смутно извѣстно... Оправдываться незнаніемъ, непониманіемъ обстановки онъ врядъ ли рѣшится, а тогда—тяжела его отвѣтственность передъ родиной!

На эскадрѣ, во избѣжаніе хотя бы ненамѣреннаго разглашенія военной тайны, всѣ офицеры, не по приказу (который всегда можно обойти), не подъ угрозой строгой кары (которой всегда легко избѣгнуть), но въ силу честнаго слова, даннаго адмиралу черезъ командировъ, приняли на себя обязательство: не посылать никакихъ корреспонденцій въ газеты безъ личной цензуры начальника эскадры и даже въ письмахъ домой ограничиваться только вопросами личнаго характера, не касаясь ни современнаго положенія дѣлъ, ни плановъ на будущее.

Повидимому, до сихъ поръ никому не приходило въ голову безпокоить адмирала, и безъ того заваленнаго работой, выполненіемъ обязанностей цензора, но теперь статьи посыпались, какъ изъ рога изобилія. Содержаніе всѣхъ ихъ было почти одинаково. Онѣ варьировались только въ смыслѣ формы, т. е. большей или меньшей степени рѣзкости осужденія г. Кладо за его проповѣдь, которую одни считали какимъ-то недоразумѣніемъ, другіе плодомъ невѣжественнаго самомнѣнія, а третьи—преступленіемъ и, даже, измѣной.

Адмиралъ находилъ время прочитывать всѣ эти статьи (для него слово „некогда“ не существовало). Думаю даже, онѣ доставляли ему нѣкоторое удовлетвореніе, какъ доказательство единомыслія съ нимъ его офицеровъ. Резолюціи были сочувственныя, даже благодарственныя, но всегда сопровождались пожеланіемъ, чтобы статья не вышла за предѣлы эскадры: во-первыхъ потому, что подобнаго рода отповѣди, являясь запоздалыми (черезъ 3—4 мѣсяца), не могли повліять на ходъ

поднятой агитаціи и лишь открыли бы окончательно наши карты передъ японцами, и безъ того хорошо освѣдомленными; во-вторыхъ потому, что при настроеніи, господствовавшемъ въ Петербургѣ, врядъ ли нашлась бы газета, согласная ихъ напечатать *).

Если въ каютъ-компаніяхъ статьи г. Кладо вызывали единодушный взрывъ негодованія противъ него и противъ его вдохновителей, что повело только къ большей сплоченности личнаго состава, то въ командѣ впечатлѣніе, ими произведенное, было крайне нежелательнымъ, чтобы не сказать—опаснымъ.

Газеты получались на эскадрѣ во множествѣ. Всякая попытка оградить команду отъ чтенія этихъ статей, отъ проникновенія ихъ на „бакъ“, — только усилила бы интересъ къ нимъ, была бы подливаніемъ масла въ огонь. Со зломъ пытались бороться дружескими, отнюдь не офиціальными, разговорами „по душѣ“, при удобномъ случаѣ. Но самые популярные офицеры наталкивались при этомъ на глухую стѣну, никогда не умирающаго, только дремлющаго, вѣками взращеннаго недовѣрія темнаго люда къ „господамъ, которые всѣ за-одно“... Команда глухо волновалась.

— Это что-жъ будетъ? Насъ, значитъ, выслали, а сами— на печку? Сами-то идти не хотятъ? Экую силу подъ спудомъ держатъ! А мы-то нешто не люди? Псу подъ хвостъ, что-ли? Нѣтъ, братъ! ты самъ присягу помни! Ты покажи себя, какъ передъ Истиннымъ! Тоже крестъ цѣловали! Христопродавцы!..

Такія недобрыя рѣчи, такія замѣчанія не разъ приходилось слышать, конечно, не съ трибуны, а въ непроглядной тьмѣ ночи, когда ими вполголоса обмѣнивались между собой незримые собесѣдники...

Они, эти простые люди, не могли не вѣрить отъ слова до слова капитану 2 ранга, еще такъ недавно бывшему въ составѣ штаба эскадры, а теперь яростно нападавшему на „начальство“, которое можетъ, но не хочетъ, послать намъ „подмогу“. Причисляя его къ эскадренному составу, они считали, что онъ „самимъ“ посланъ, чтобы требовать этой „подмоги“.

Изъ моего многолѣтняго, почти непрерывнаго, тѣснаго со-

---

*) Послѣднее предположеніе получило полное оправданіе въ судьбѣ собственноручной статьи к.-а. Фелькерзама, который написалъ и отправилъ ее, quand même, не слушая дружескихъ совѣтовъ стараго товарища.—Ее нигдѣ не приняли подъ разными благовидными предлогами.

жительства съ плавающимъ составомъ нижнихъ чиновъ, я вынесъ убѣжденіе, что команда какимъ-то необъяснимымъ путемъ, по какимъ-то неуловимымъ признакамъ очень быстро даетъ оцѣнку своему начальнику, и, надо отдать справедливость, рѣдко ошибается.

Такъ было въ Артурѣ, когда про Старка говорили—„Куда старику! обождемъ настоящаго“; Макарова любовно называли „дѣдомъ“, „бородой“, „головой“, „настоящимъ, который сдѣлаетъ“; объ Алексѣевѣ отзывались, что онъ „только для видимости и въ бой не пойдетъ“, а про Витгефта—„Храберъ на японцевъ, да со своими не совладаетъ“... Наиболѣе важный моментъ въ процессѣ развитія этой оцѣнки—тотъ, когда начальника начинаютъ называть просто „нашъ“, или „самъ“, когда слагается убѣжденіе, что „нашъ сдѣлаетъ“. Съ этого момента „нашъ“ считается нераздѣлимымъ съ „нами“, и всякое его рѣшеніе—безапелляціоннымъ и наилучшимъ, преслѣдующимъ „наши“ интересы, противополагаемые интересамъ „начальства“,—какой-то, весьма далекой, таинственной, но всегда недоброжелательной, силы, преслѣдующей какія-то свои особенныя, чуждыя „нашимъ“ интересамъ, цѣли, съ которой „нашему“ все время приходится бороться.

Въ данномъ случаѣ среди команды подъ впечатлѣніемъ статей г. Кладо создалось совершенно несправедливое, но твердое убѣжденіе, что „нашъ“ послалъ его просить подмоги, а „начальство“ препятствуетъ. При этомъ, въ силу той неопредѣленности, той неустойчивости понятій, которыя возникаютъ въ коллективномъ сознаніи народныхъ массъ, мыслящихъ не идеями, но образами, для нихъ невозможно было провести строгой границы между сторонниками „нашего“, за которыми и въ огонь, и въ воду, и сторонниками „начальства“, не заслуживающими довѣрія.

Офицеръ, къ которому только что обращались по самымъ задушевнымъ дѣламъ, вдругъ оказывался въ подозрѣніи, какъ оправдывающій дѣянія таинственнаго „начальства“, дѣйствующій съ нимъ за-одно,—и отъ него начинали сторониться, разговоровъ съ нимъ избѣгали, толкованіямъ его заранѣе не вѣрили. Получалась какая-то невообразимая путаница, неурядица. Команда смутно чувствовала, что гдѣ-то, что-то, неладно, но не умѣла разобраться: гдѣ—друзья, гдѣ—враги... Этотъ періодъ ознаменовался вспышками неудовольствія на разныхъ судахъ, даже на такихъ, какъ напримѣръ „Нахи-

мовъ", на которомъ существовалъ солидный кадръ старослужившихъ нижнихъ чиновъ (да еще гвардейскаго экипажа), остававшихся на немъ со времени послѣдняго заграничнаго плаванія.

Непосредственное вмѣшательство адмирала, его властное слово,—немедленно прекращали безпорядокъ, но тѣмъ не менѣе что-то, какъ будто, было подорвано. Нарушенія дисциплины становились все чаще. Подъемъ на фокъ-мачтѣ гюйса, сопровождаемый пушечнымъ выстрѣломъ *), сдѣлался почти обычнымъ явленіемъ и уже не привлекалъ ничьего вниманія. Преступленія бывали серьезныя; часто такія, за которыя по законамъ военнаго времени, полагалась смертная казнь... Адмиралъ не конфирмовалъ ни одного такого приговора... Однажды докладчикъ позволилъ себѣ высказать мнѣніе, что излишняя мягкость можетъ быть во вредъ, что надо показать прочимъ примѣръ въ цѣляхъ устрашенія...

— Излишняя мягкость? — Ну, нѣтъ! Я не изъ жалостливыхъ! Просто считаю безсмысленнымъ. Можно ли устрашить примѣромъ смертной казни людей, которые идутъ за мной, которыхъ я веду на смерть? Передъ боемъ всѣхъ арестованныхъ выпустятъ изъ карцера **), и, какъ знать, можетъ быть они будутъ героями!..—рѣзко отвѣтилъ ему адмиралъ.

Какимъ-то путемъ этотъ разговоръ, происходившій съ глазуна-глазъ, въ тотъ же день облетѣлъ всю эскадру, и... странно, что преступленія противъ дисциплины не только не умножились, но чувствительно сократились...

Передавались, конечно, не подлинныя слова, а лишь идея, да и та пріукрашенная, пріобрѣвшая характеръ легендарнаго сказанія.

— Вѣрно это, ваше высокоблагородіе,—спросилъ меня конфиденціальнымъ тономъ вѣстовой, прибиравшійся въ каютѣ,—бydто „нашъ" всякіе штрафы до бою отставилъ? Какъ, молъ, ни виноватъ, пущай кровью отслужитъ—не препятствуйте!

— Ты это откуда слышалъ?

— Ребята сказываютъ...

— А самъ ты какъ полагаешь?

---

*) Подъемъ гюйса (крѣпостного флага) на фокъ-мачтѣ, сопровождаемый пушечнымъ выстрѣломъ, означаетъ начало засѣданія «суда особой комиссіи»—высшаго судебнаго учрежденія на эскадрѣ, находящейся въ отдѣльномъ плаваніи.

**) Такъ полагается по уставу.

— Чего-жъ тутъ полагать! Извѣстное дѣло—„нашъ“, онъ-тѣ покажетъ! Скажетъ, что отрубитъ! Одно слово...

Предыдущія строки были уже напечатаны (въ фельетонахъ газеты „Русь“), когда изъ высококомпетентнаго источника мною были получены свѣдѣнія, что вдохновенная проповѣдь г. Кладо заслужила одинаковую оцѣнку, какъ среди офицеровъ второй эскадры (на Мадагаскарѣ), такъ и въ средѣ ихъ сухопутныхъ товарищей (на поляхъ Манджуріи).

Письмо это такъ ярко подчеркиваетъ солидарность взглядовъ „пушечнаго мяса“ (морского и сухопутнаго—одинаково), такъ рѣзко обрисовываетъ „его“ отношеніе къ героямъ, возсѣдавшимъ на мягкихъ креслахъ и никогда не слышавшихъ свиста непріятельскаго снаряда, что я позволю себѣ передать читателямъ нѣкоторыя выдержки дословно, не заботясь о стилѣ.

(Письмо, видимо, было писано наскоро, не для печати).

„...Извѣстныя статьи г. Кладо и въ дѣйствующей арміи встрѣчались съ негодованіемъ, и многія горячія головы называли эти статьи—измѣной Россіи и отечеству.

„СПБ. Телегр. Агентство услужливо передавало эти статьи даже по телеграфу, и на всѣхъ насъ его (Кладо) оптимизмъ, основанный на цифрахъ и коэффиціентахъ, производилъ удручающее впечатлѣніе. Его кликушескія завыванія о немедленной помощи второй эскадрѣ заставляли насъ дивиться—что думаютъ въ Петербургѣ объ этой необычной военной некорректности г. Кладо!“

Начальникъ развѣдочнаго отдѣленія штаба ген. Куропаткина (ген. шт. полковн. Линда) „не разъ говорилъ“ начальнику морской походной канцеляріи того же штаба (капитану 1 ранга Русину) — „о необходимости доложить главнокомандующему и просить его ходатайства о прекращеніи печатанія преступныхъ статей г. Кладо... что статьи эти... описывающія состояніе второй эскадры, цифрами доказывающія превосходство японцевъ — наводятъ на войска уныніе и (главное) раскрываютъ глаза японцамъ. — Въ дѣлѣ развѣдки компетентность источника свѣдѣній имѣетъ огромное значеніе, и какъ-бы ни были хорошо освѣдомлены японцы о нашемъ флотѣ, преступная болтливость г. Кладо должна быть для нихъ откровеніемъ“.

Далѣе тотъ же полк. Линда указывалъ кап. 1 р. Русину, что необходимо „торопить движеніе эскадры“, считая „за-

держку ее въ Носи-бэ и выжиданіе Небогатовскихъ судовъ— преступной".

Въ заключеніе мой уважаемый корреспондентъ говоритъ: „Статьи г. Кладо... я считалъ и считаю государственнымъ преступленіемъ".

Я счелъ своимъ долгомъ привести здѣсь этотъ голосъ изъ Манджуріи, какъ иллюстрацію къ моему дневнику, писанному на Мадагаскарѣ.

4-го февраля адмиралъ вдругъ такъ расхворался, что слегъ въ койку. По эскадрѣ разнесся слухъ, что это явилось результатомъ полученія телеграммы о выходѣ изъ Либавы отряда Небогатова. Будто бы съ адмираломъ приключилось что-то въ родѣ удара. Черезъ два дня онъ снова появился наверху, еще болѣе похудѣвшій, осунувшійся... слегка волочилъ правую ногу... На него поглядывали съ тревогой, но вскорѣ же успокоились, услышавъ знакомый, ничуть неизмѣнившійся, властный голосъ.

— Этотъ не заболѣетъ! Развѣ—послѣ заключенія мира!..— повторялъ старшій докторъ свое любимое изреченіе.

На строгомъ основаніи дѣйствующихъ законоположеній, адм. Небогатовъ, посылавшійся со своимъ отрядомъ на усиленіе эскадры адм. Рожественскаго, „имѣлъ поступить" въ подчиненіе послѣднему лишь „по присоединеніи", а до этого момента, будучи совершенно самостоятельнымъ, сносился только съ главнымъ морскимъ штабомъ и отъ него получалъ необходимыя указанія.

Бывало (если въ Петербургѣ, за множествомъ дѣлъ, замѣшкаются), что адмиралъ узнавалъ о движеніяхъ и намѣреніяхъ своего будущаго младшаго флагмана изъ телеграммъ... агентства Гаваса! Невѣроятно—но фактъ. Зато—какое торжество стройной системы организаціи!..

Послѣ 8 февраля, т. е. по присоединеніи къ намъ „Олега", „Изумруда", „Днѣпра", „Ріона", „Громкаго" и „Грознаго", общее недовольство безцѣльной, а по мнѣнію многихъ и прямо вредной, стоянкой начало проявляться настолько рѣзко, что адмиралъ оказался вынужденнымъ нарушить свое молчаніе и въ собраніи флагмановъ и капитановъ (не всѣхъ, но лишь старшихъ) прочесть телеграмму за № 244, полученную имъ еще въ половинѣ января, и свой отвѣтъ на нее.

Какъ и слѣдовало ожидать, никто изъ присутствовавшихъ не сохранилъ полученныхъ свѣдѣній въ тайнѣ. Всѣ слишкомъ хорошо сознавали, до какой степени истомился личный составъ эскадры подъ бременемъ неизвѣстности. Впрочемъ, нѣтъ. Это было бы неточное выраженіе. Телеграммы Гаваса и Рейтера, газеты русскія и французскія—давали въ общемъ довольно вѣрную картину настоящаго момента, предсказывали почти безошибочно событія ближайшаго будущаго, такъ что неизвѣстности, строго говоря, не было, а была только неувѣренность. Чувствовалось, что происходитъ какая-то борьба, что адмиралъ держится одного взгляда, а въ Петербургѣ смотрятъ на дѣло совсѣмъ иначе. Ознакомленіе съ телеграммой № 244 и съ отвѣтомъ на нее до извѣстной степени выяснило положеніе дѣлъ.

Къ сожалѣнію я не могу привести точнаго текста ни самой телеграммы, ни отвѣта. Могу изложить только ихъ содержаніе.

Телеграмма № 244 указывала, что, послѣ паденія П.-Артура и гибели первой эскадры, на вторую возлагается задача огромной важности: овладѣть моремъ и тѣмъ самымъ отрѣзать армію противника отъ сообщенія съ метрополіей; если эскадра (по мнѣнію ея начальника) въ настоящемъ составѣ не въ силахъ осуществить этой задачи, то ей безъ малѣйшей задержки, какъ только обстоятельства позволятъ, будутъ высланы въ подкрѣпленіе всѣ боевыя суда, оставшіяся въ Балтійскомъ морѣ. Въ заключеніе адмиралъ запрашивался о его планахъ и соображеніяхъ.

З. П. Рожественскій отвѣтилъ: — 1) что съ тѣми силами, которыя находятся въ его распоряженіи, *онъ не имѣетъ надежды овладѣть моремъ*; 2) что отрядъ старыхъ, неисправныхъ и частью, по самой постройкѣ, неудачныхъ судовъ, который намѣреваются послать ему въ видѣ подкрѣпленія, *послужитъ не къ усиленію эскадры, а къ ея обремененію*; 3) что единственный планъ, представляющійся ему возможнымъ—*попытаться съ лучшими силами прорваться во Владивостокъ и оттуда дѣйствовать на пути сообщенія непріятеля.*

Сколько помнится, было добавлено еще нѣсколько словъ о пагубномъ вліяніи продолжительной стоянки на Мадагаскарѣ, какъ въ смыслѣ истощенія физическихъ силъ, такъ и въ отношеніи духа личнаго состава.

Эти телеграммы имѣли рѣшающее значеніе, такъ какъ не

являлись обычнымъ обмѣномъ мнѣній, обычнымъ пререканіемъ между начальникомъ эскадры и центральными учрежденіями. Это было нѣчто гораздо большее—предначертанная программа дѣйствій и прямой, чисто военный, отвѣтъ на нее.

Дальнѣйшихъ, прямыхъ указаній не воспослѣдовало, но косвеннымъ отвѣтомъ на донесеніе адмирала явилось извѣстіе о выходѣ изъ Либавы отряда Небогатова — извѣстіе, едва не свалившее съ ногъ „нашего“ начальника *).

Эта „декларація“ адмирала, по внѣшности, внесла нѣкоторое успокоеніе. Споры въ каютъ-компаніяхъ прекратились. „Проклятые вопросы“, надъ рѣшеніемъ которыхъ ломали головы, отпали сами собою. Догадкамъ, предположеніямъ уже не было мѣста. Все просто и ясно!—Приказано.—Инцидентъ исчерпанъ... Мнѣ это спокойствіе не нравилось. Въ немъ было что-то мертвое. Не спокойствіе, а безразличіе. Не спокойствіе воина наканунѣ боя, полное гордой и смѣлой рѣшимости, а спокойствіе невинно-осужденнаго наканунѣ казни, пожалуй, тоже полное гордой и смѣлой рѣшимости, но совсѣмъ въ другомъ родѣ... Со словъ лейтенанта С., говорившаго какими-то загадочными изреченіями,—адмиралъ все еще надѣялся, что „тамъ“ поймутъ его донесенія, поймутъ, что если онъ самъ, ввиду измѣнившихся обстоятельствъ, не вѣритъ въ успѣхъ предпріятія, если онъ вмѣсто плана кампаніи находитъ возможнымъ представить только планъ прорыва, отчаяннаго набѣга, въ слабой надеждѣ веденія впослѣдствіи партизанской войны,— то надо...—либо согласиться на этотъ планъ, либо... вернуть эскадру.

Въ Петербургѣ этого не понимали или не хотѣли понять...

26 февраля пришелъ „Иртышъ“. Ожидавшихся снарядовъ и зарядовъ на немъ не было. Кромѣ угля, самымъ дорогимъ для насъ грузомъ оказалось на немъ 12,000 паръ сапогъ. Не смѣйтесь! — Это вовсе не шутка. При постоянныхъ погрузкахъ угля, обувь такъ быстро изнашивалась, что къ этому времени большинство команды ходило въ самодѣльныхъ лаптяхъ, плетеныхъ изъ ворсы.

27 февраля телеграммы агентства Гаваса доставили первыя извѣстія о сраженіи подъ Мукденомъ. — 50,000 плѣнныхъ,

*) Впослѣдствіи стало извѣстно, что въ это-же время адм. Рожественскій телеграммой просилъ о своей смѣнѣ, донося о болѣзни, указывая на адм. Чухнина, какъ вполнѣ здороваго и способнаго замѣнить его.—Безрезультатно.

23 знамени, 500 орудій. — Конечно, на эскадрѣ не повѣрили этимъ свѣдѣніямъ дословно. Мы ужъ привыкли къ тому, что въ донесеніяхъ японцевъ, спѣшившихъ повѣдать міру о своихъ успѣхахъ, результаты побѣдъ чрезмѣрно преувеличиваются, но все же, если убавить вдвое, даже втрое, — получалось впечатлѣніе жестокаго пораженія, почти разгрома нашей арміи... Какъ ни странно, это событіе не произвело, по крайней мѣрѣ по внѣшности, особеннаго впечатлѣнія на эскадру. Разговоровъ на эту тему почти не было. Словно бы въ массѣ своей (не говорю по отдѣльности) всѣ такъ устали, что даже работа мысли являлась утомительной. Сказывались результаты двухъ-мѣсячной стоянки, мучительной по неопредѣленности положенія, въ безпрерывномъ непосильномъ трудѣ, въ состояніи неослабнаго напряженія нервовъ, въ этомъ климатѣ, котораго европейцы при всѣхъ мѣрахъ предосторожности, при всѣхъ условіяхъ возможнаго комфорта, примѣняемаго даже въ казармахъ, не выдерживаютъ дольше 2—3 лѣтъ. Результаты дальнѣйшаго пребыванія — острое малокровіе или точнѣе, какъ выражались мѣстные доктора, обѣднѣніе, разжиженіе крови. Единственное лекарство — отъѣздъ въ страны умѣреннаго пояса.

Люди, испытавшіе на себѣ жары Туркестана, Сиріи, Алжира, даже Сахары, — могутъ пренебрежительно пожимать плечами и недоумѣвать: какая-же это температура + 26° R? — велика важность!.. Но эти 26° держатся днемъ и ночью при относительной влажности, доходящей до 98%! Въ этомъ весь ужасъ. Нѣтъ отдыха. Испарина, выдѣляемая кожей, остается на ней, стекаетъ каплями... Вы можете только обтираться, но никогда не можете высохнуть. Главное—это духота. Вы дышите воздухомъ, насыщеннымъ парами почти до предѣла насыщенія. Вы дышите горячимъ туманомъ, какъ на полкѣ въ банѣ...

---

28 февраля я легъ спать въ каютѣ съ открытымъ иллюминаторомъ. Вентиляторъ работалъ полнымъ ходомъ. Около полуночи проснулся подъ впечатлѣніемъ страннаго, но уже хорошо знакомаго, чувства—затрудненности дыханія. Словно не хватаетъ воздуха. Разѣваешь ротъ, какъ рыба, выкинутая на берегъ, набираешь полныя легкія и все-таки мало. Въ вискахъ стучитъ. Общая слабость, предательская лѣнь и предательская мысль—„все равно, только бы не шевелиться, не устать еще больше“... Очевидно, закупорило тучами и не шелохнетъ. Авось,

прочиститъ грозой и ливнемъ, а пока... набрасываю на себя, что попало подъ руку, забираю циновку и надувную резиновую подушку (пуховыя подушки, всегда мокрыя, только распариваютъ голову) и бреду наверхъ, на задній мостикъ, отведенный на ночь въ распоряженіе офицеровъ. Тяжелый путь. Спотыкаешься на трапахъ; руки, ноги—плохо слушаются; въ головѣ—какой-то туманъ... Славу Богу, добрался благополучно.—Какъ будто съ лѣваго борта тянетъ вѣткомъ?...—Туда, конечно, туда!.. Низко нависли густыя, тяжелыя тучи. Тьма непроглядная. Несмотря на привычку къ мѣстности, нѣтъ-нѣтъ и задѣнешь за что-то, отзывающееся сердитымъ ворчаніемъ. Это—господа офицеры. Не отвѣчаешь на ворчанье и даже не обижаешься на нехорошія слова,—кто не выругается, когда на него наступятъ. Добравшись до намѣченнаго пункта—лѣвой передней 47 мм. пушки, бросаю на палубу свою циновку, прислоняю къ тумбѣ орудія подушку и начинаю устраиваться поудобнѣе...

— Легче!.. чортъ...

— Виноватъ, я кажется придавилъ?..

— Нѣтъ... ничего... подвиньтесь немного...

По голосу я узналъ лейтенанта С.

— Тоже вылѣзли?

— Въ каютѣ—силъ нѣтъ! задыхаешься.

— И здѣсь немногимъ легче...

Нѣсколько освоившись съ темнотой, я разглядѣлъ, что онъ лежитъ ничкомъ, приподнявшись на локтяхъ и оперши голову на руки. Глубокое молчаніе царило кругомъ. Здѣсь было все-таки лучше, чѣмъ въ каютѣ. Я нѣсколько отдышался. Глаза смыкались; незамѣтно подкрадывалась не то дремота, не то сладкое забытье.

Неожиданно С. заговорилъ своимъ нервнымъ, слегка срывающимся голосомъ:

— Ну, вотъ... Повидимому, въ Петербургѣ крѣпко рѣшили и ужъ не передумаютъ. Идемъ полной армадой, со всѣми вновь присоединяемыми убогими и увѣчными. Идемъ на гибель, на безславную гибель... Счастье! Удача!.. Это только въ сказкахъ: дуракамъ—счастье!.. Да и то по той причинѣ, что умные оказываются глупѣе ихъ... такъ всегда по смыслу сказки выходитъ... Я знаю, что за время Артура вы, прямо, возненавидѣли лозунгъ „беречь и не рисковать“, но вѣдь есть рискъ — и рискъ. То, что мы собираемся предпринять, — не рискъ, а безуміе! Хуже—преступленіе!

— Но если для насъ, поймите—„для насъ“, — нѣтъ другого выхода... Оставимъ эскадру. Обратимся лично къ вамъ. Если бы сейчасъ было предложено всѣмъ желающимъ вернуться въ Россію, были бы вы въ числѣ ихъ? Пусть вы правы. Пусть эскадра осуждена погибнуть безъ пользы. Пусть гибель ея обнаружитъ передъ свѣтомъ, что у насъ былъ не флотъ, а балетная бутафорія. Пусть этотъ разгромъ будетъ позоромъ для Россіи... Тѣ, что уклонились отъ этой кровавой расплаты, тѣ, что поступили благоразумно и цѣлесообразно, тѣ, что не пошли на вѣрную гибель,—они... впрочемъ, не знаю, что сдѣлаютъ они, а спрошу васъ: вы, еслибы сейчасъ вернулись въ Россію, нашли бы въ себѣ достаточно мужества, чтобы смѣло взглянуть въ глаза тѣмъ, которые вернутся позже, случайно уцѣлѣвъ въ гекатомбѣ, которую предотвратить вы, конечно, не могли, но быть жертвой которой вы не захотѣли?..

— Ахъ! замолчите, замолчите!..

— Нѣтъ, не замолчу! Если въ азартной игрѣ, неразумно начатой, послѣдній золотой поставленъ на карту въ надеждѣ повернуть счастье въ свою сторону, въ надеждѣ отыграться,— смѣетъ ли этотъ золотой исчезнуть, скатиться подъ столъ? Нѣтъ! онъ долженъ честно стоять на картѣ! Его судьбой распоряжается не онъ, а кто играетъ! Отвѣтственность на играющемъ.

— Ха-ха-ха! — нервно засмѣялся С. — Да вѣдь эскадра-то наша—золотой-то фальшивый!.. Вы сильнѣе меня въ сравненіяхъ, въ игрѣ словъ, но, на этотъ разъ, позвольте продолжить! Если, въ такихъ обстоятельствахъ, игрокъ возьметъ ставку, а потомъ счастье къ нему повернется, и онъ начнетъ отыгрываться, тогда — all right! Но если карта будетъ бита, а золотой, стоявшій на ней, окажется фальшивымъ, то не произойдетъ ли скандала?.. Вы говорите: отвѣтственность — на играющихъ! Хорошо кабы такъ!.. Но въ томъ-то и горе, что въ данномъ случаѣ игроки, несомнѣнно, останутся въ сторонѣ! Топтать въ грязь будутъ фальшивую монету, а не тѣхъ, кто ее чеканилъ, не тѣхъ, кто ставилъ ее на карту... И объ этомъ прежде всего позаботятся сами фальшивые монетчики!.. Я ли ихъ не знаю!.. Когда еще въ этомъ дѣлѣ разберется исторія, а пока что, все на насъ же свалятъ...

— Все это очень хорошо и логически правильно,—неожиданно раздался хриповатый басъ лейтенанта Б.,—но говорить объ этомъ громко—не только безполезно, а даже вредно. Ге-

рои, возсѣдающіе на мягкихъ креслахъ, петербургскіе стратеги, предначертывающіе планы дѣйствій эскадры, — нашего голоса не услышатъ. Мы — пушечное мясо. Примиримся со своей долей. Нечего зря бередить душу. И безъ того несладко.

Пауза. Затѣмъ С. опять заговорилъ, но уже тише, безъ увлеченія, какимъ-то почти безстрастнымъ тономъ:

— Помнится, вы разсказывали—Макаровъ васъ напутствовалъ — „...погибнуть нетрудно и нестрашно, но погибать зря,—глупо“... Знаете ли, что 36 лѣтъ тому назадъ извѣстный лейтенантъ Семечкинъ на одной изъ своихъ лекцій сказалъ: „Что умереть нестрашно, то въ этомъ намъ убѣждать другъ друга не нужно. Но умереть пѣшкой—ужасно. Отдать свою жизнь за родину легко и отрадно, но отдать ее не умѣючи, дешево, за недорогую цѣну—невыносимо тяжело и трудно“. Такъ говорилъ онъ 36 лѣтъ тому назадъ, и къ этому мы идемъ въ данную минуту... Въ общемъ разгромѣ безъ пользы, безъ толку пришибетъ какимъ-нибудь шальнымъ снарядомъ... либо часами будешь держаться, изъ послѣднихъ силъ, за какой-нибудь плавающій обломокъ въ ожиданіи, не соблаговолитъ ли подобрать побѣдоносный врагъ... либо—еще хуже — будешь медленно задыхаться подъ днищемъ опрокинувшагося корабля... Какая гадость!.. Даже некрасиво...

Было тяжело его слушать... Я пробовалъ отшутиться.

— Ну, если насчетъ красоты, если вы хотѣли бы погибать верхомъ на конѣ и со штандартомъ въ рукахъ, то слѣдовало поступать не во флотъ, а въ кавалерію...

— Конечно,—отозвался откуда-то справа лейтенантъ В. (артиллеристъ).—У насъ это проще. А что касается непріятныхъ моментовъ, то въ особо гнусномъ положеніи всегда есть средство ускорить и упростить рѣшеніе проблемы—браунингъ въ карманѣ.

— Вы меня не понимаете, или не хотите понять,—продолжалъ С. послѣ нѣкотораго молчанія. — Нечего отыгрываться фразами. Вы просто отмахиваетесь отъ назойливыхъ мыслей. Но не ото всѣхъ можно отмахнуться. 10,000, а можетъ быть будетъ и больше, русскихъ людей въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ посылаются не на бой, а на бойню. Они этого не сознаютъ, а вы это понимаете. Они вамъ вѣрятъ, а вы—будете ли съ ними откровенны? Конечно нѣтъ...—Что бы изъ этого вышло?!. Мы ихъ ведемъ въ слѣпую. Мы—ихъ начальники—не смѣемъ сказать имъ правды, чтобы не вызвать деморализаціи...

Конечно, огромному большинству изъ насъ ни передъ ними, ни передъ родиной отвѣчать не придется—съ того свѣта отвѣта не спрашиваютъ.... но если... тогда... въ часъ расплаты, они спросятъ у насъ отвѣта... что мы скажемъ?..

— Скажемъ, что имъ, какъ и намъ, умирать надо! А кто измѣнники, кто предатели—Богъ разсудитъ!—прозвенѣлъ во тьмѣ чей-то молодой голосъ.

Я сразу узналъ по акценту мичмана князя Ц.

Гдѣ-то, неподалеку, что-то брякнуло, словно прикладъ ружья, переставленнаго съ мѣста на мѣсто... Послышался какой-то вздохъ, что-то въ родѣ—„О, Господи, Господи...“

— Stop, boy!—сердито заговорилъ Б.—Sentinel hears *)...

Опять наступило молчаніе. Съ берега доносился одуряющій запахъ прѣлой зелени дѣвственныхъ порослей. Гроза видимо собиралась, но все медлила, словно ждала чего-то.. Только вдали, надъ самымъ горизонтомъ прорывались, временами, сквозь тяжелыя тучи трепетные огни зарницъ...

— Странныя мысли, глупыя мысли...—снова заговорилъ С., медленно, какъ въ полудремотѣ, роняя слово за словомъ. — Можетъ быть это отъ погоды... Провезли 12,000 миль. Провезутъ еще 6,000 миль. Для чего? — на убой... Видѣли, какъ живыхъ телятъ со связанными ногами, наваливъ грудой на телѣгу, везутъ въ городъ?.. Ну, эти конечно сами съ собой ничего сдѣлать не могутъ,—нѣтъ браунинга въ карманѣ, какъ говоритъ В... Съ другой стороны,—понимаю ту маркизу, которая уже на эшафотѣ просила—„Господинъ палачъ, подождите одну минутку...“ — Очевидно для нея жизнь была такъ прекрасна, что и „минутка“ являлась цѣнной... А мы?.. — не телята и не маркизы—мы то чего ради терпимъ эту каторгу, когда все равно — одинъ конецъ... Право, иной разъ, такъ заманчиво кажется... Ну, стоитъ ли ѣхать такъ далеко...

Яркая молнія словно раскрыла небо, и вслѣдъ за раскатомъ грома хлынулъ наконецъ долгожданный ливень. На палубѣ зашевелились. Слышались сдержанныя восклицанія, какое-то фырканье, топотъ босыхъ ногъ,—это команда спѣшила воспользоваться столь высоко-цѣнимымъ душемъ прѣсной воды. Вспышки молній, пронизывая голубоватымъ свѣтомъ частую сѣтку дождя, на мгновеніе выхватывали изъ тьмы группы лю-

*) Стопъ, мальчикъ—часовой слушаетъ.

дей, толпившихся на открытыхъ мѣстахъ, обнаженныхъ и полуобнаженныхъ, стоящихъ, сидящихъ, то согнутыхъ, то вытянувшихся, съ руками то поднятыми, то широко раскинутыми, въ самыхъ разнообразныхъ и, казалось бы, неестественныхъ позахъ,—словно какіе-то призраки, внезапно захваченные въ изступленной, бѣшеной плескѣ...

— Точно шабашъ на Брокенѣ! Правда? — окликнулъ меня В.

Я повернулся въ сторону говорившаго и при слѣдующей вспышкѣ увидѣлъ его въ костюмѣ Адама, но со всегда присущей ему важностью, возсѣдающаго на борту миннаго катера.

— Похоже. Особенно вы хороши! Смѣю спросить: на какой роли?

— Конечно не Фауста! — прозвучалъ изъ тьмы его насмѣшливый голосъ. — Полагаю, что при современной обстановкѣ Мефистофель не далъ бы за мою душу и ломанаго гроша!

VII.

Вопросы пищевого довольствія командъ. — «Удираемъ отъ Небогатова!» — Подъемъ духа. — Маршрутъ. — Общая характеристика похода черезъ океанъ: ученья и занятія, погрузки угля.

Если „Иртышъ“ порадовалъ насъ доставкой 12,000 паръ сапогъ и, такъ сказать, предотвратилъ опасность сапожнаго голода, то, не говоря уже о боевыхъ припасахъ, и по остальнымъ частямъ снабженія дѣла обстояли не слишкомъ благополучно. Огромный процентъ боченковъ капусты и солонины, принятыхъ изъ Кронштадта и Либавы, при вскрытіи давали взрывы, сопровождавшіеся изверженіемъ зловонныхъ газовъ, и содержимое ихъ приходилось поспѣшно выбрасывать за бортъ. Между тѣмъ, такъ называемая, „морская“ провизія, составлявшая основу питанія командъ въ морѣ, могла понадобиться не только на переходахъ, но даже и во Владивостокѣ, запасы котораго, по имѣемымъ свѣдѣніямъ, не отличались богатствомъ, а на желѣзную дорогу не рекомендовалось уповать чрезмѣрно, ибо она „съ трудомъ обслуживаетъ нужды арміи“. Частью вслѣдствіе этихъ соображеній, а главнымъ образомъ въ интересахъ здоровья и поддержанія силъ команды, адмираломъ принимались всѣ мѣры, чтобы за время стоянки продовольствоваться исключи-

тельно свѣжей провизіей. Это было, однако же, не такъ просто. Конечно, еслибы поставщики могли предвидѣть наше долговременное пребываніе въ Носи-бэ, они не задумались бы устроить здѣсь, какіе угодно, склады, теперь же приходилось не только обирать все, что находилось въ портахъ Мадагаскара и побережья восточной Африки, но даже выписывать изъ Европы съ рискомъ, что заказъ опоздаетъ. Въ свѣжемъ мясѣ недостатка не было, такъ какъ сѣверный Мадагаскаръ именно та часть острова, въ которой имѣются степи пригодныя для скотоводства, и скотопромышленники только радовались, что могутъ продать свой товаръ по хорошей цѣнѣ. Зато насчетъ зелени было плохо. Изъ ананасовъ, банановъ и прочихъ тропическихъ фруктовъ щей не сваришь. Капуста, картофель, даже лукъ, морковь, щавель и шпинатъ въ этомъ климатѣ вовсе не уживаются. Все это привозилось частью въ полу-консервированномъ видѣ (подсушенное, прогрѣтое, запаянное въ жестяные ящики) изъ портовъ южной Африки, на возвышенныхъ плато которой существовала культура европейской „зелени“, частью—прямо изъ Европы, въ видѣ настоящихъ консервовъ. Недурны были цѣны!—Но даже и по этимъ цѣнамъ не всегда можно было достать необходимое. Часто приходилось недостающее количество продукта замѣнять суррогатами. Это слово сдѣлалось моднымъ и получило на эскадрѣ широкое распространеніе. Такъ напримѣръ, если за неисправностью миноносца, вмѣсто него посылали два минныхъ катера—это были суррогаты; если, за болѣзнью лейтенанта, миннымъ катеромъ командовалъ мичманъ—тоже суррогатъ. При этомъ, обыкновенно, суррогаты подлежали къ отпуску въ большемъ количествѣ, нежели продукты ими замѣняемые. Въ дѣлѣ пищевого довольствія пропорція опредѣлялась комиссіей докторовъ при участіи флагманскаго интенданта. Такъ, напримѣръ, капусту замѣняли тройнымъ по вѣсу количествомъ корня маніока. Гречневая крупа замѣнялась рисомъ; тоже въ опредѣленномъ соотношеніи. Съ начала февраля ржаную муку и черные сухари стали беречь, какъ лакомство,—пекли пшеничный хлѣбъ и выдавали галеты. Въ качествѣ „господскаго кушанья“ пользовались среди команды большимъ успѣхомъ макароны—суррогатъ каши. Иные дни приходилось варить зеленыя щи изъ консервовъ шпината, тѣхъ самыхъ консервовъ, которыми охотно пользуются повара на званныхъ обѣдахъ. Бывало, нашъ флагманскій интендантъ, капитанъ 2 ранга В., согласившійся принять на себя эту многотрудную

обязанность по личной просьбѣ адмирала *), выбѣгалъ отъ него съ руками, воздѣтыми къ небу, и бросившись въ кресло, просилъ стаканъ холоднаго квасу или содовой воды.

Это былъ человѣкъ, весь, какъ лейденская банка электричествомъ, заряженный жизненной силой, бодрой шуткой, казалось, совершенно неспособный, когда-либо и въ какихъ-либо обстоятельствахъ, пасть духомъ.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось?—спрашивали его, смѣясь, заранѣе увѣренные, что онъ „балаганитъ“.

— Смѣйтесь!.. Что я съ нимъ сдѣлаю? — Говорю: ваше пр-ство! Вѣрю въ науку, какъ въ евангеліе. Доктора говорятъ, что лукъ необходимъ. Согласенъ. Но если этотъ лукъ дороже, чѣмъ артишоки въ Петербургѣ! Ужъ лучше позвольте имъ ананасы выдавать— они здѣсь дешевле рѣпы!—А онъ мнѣ: „Это идея. Надо запросить комиссію. Но лукъ — лукомъ“. — Цѣна-то какова! — „Здоровье команды — всего дороже“... — Извольте тутъ разговаривать!.. Ему то хорошо!.. онъ, видно, надѣется, что его въ первую голову ухлопаютъ, а если я уцѣлѣю? вѣдь мнѣ передъ начальствомъ придется отвѣтъ держать!..

---

2 марта, только къ 6 ч. утра вернувшись съ минными катерами изъ дальней ночной экспедиціи, я завалился спать и даже приказалъ вѣстовому не будить меня къ завтраку. Однако, уже часовъ около 10 самъ проснулся подъ смутнымъ впечатлѣніемъ, что на броненосцѣ происходитъ что-то особенное. Началъ прислушиваться. Наверху командиръ рѣзкимъ голосомъ, самолично, отдавалъ приказанія; съ проходившаго мимо парового катера что-то кричали въ рупоръ; въ каютъ-компаніи старшій офицеръ „разносилъ“ за что-то вѣстовыхъ; кто-то въ офицерскомъ отдѣленіи окликалъ встрѣчныхъ, спрашивая, не видали-ли трюмнаго механика; привычной для слуха дробью доносился топотъ ногъ людей, бѣгущихъ вверхъ и внизъ по трапамъ... Кажется, все, какъ всегда,—но и въ звукахъ голосовъ и въ топотѣ ногъ чувствовалось какое-то

*) Согласился потому, что уже командовалъ кораблемъ 2 ранга въ дальнемъ плаваніи, а на эскадрѣ, идущей въ бой, не было ни одной командирской вакансіи. Съ другой стороны, усидѣть дома, когда другіе идутъ драться, ему, при его характерѣ, было невозможно. Погибъ на «Бородинѣ».

особое настроеніе, что-то новое, непохожее на вчерашній день. Сна какъ не бывало. Наскоро одѣлся, вышелъ изъ каюты и едва не протаранилъ старшаго механика, мчавшагося куда-то полнымъ ходомъ.

— Лѣво на-бортъ! Полный назадъ! Что случилось?

— Уходимъ!

— Какъ? Что?

— Некогда, некогда!—и, вырвавшись у меня изъ рукъ, убѣжалъ.

Заторопился въ каютъ-компанію. По дорогѣ едва избѣжалъ столкновенія со старшимъ офицеромъ, тоже работавшимъ полнымъ ходомъ, который сначала выругался, потомъ извинился и наконецъ, уже исчезая на трапѣ, крикнулъ—„Запороли горячку!“

Въ каютъ-компаніи засталъ лейтенанта Б., спѣшно докуривавшаго толстѣйшую крученую папиросу. Кинулся къ нему.

— Дорогой мой, объясните, въ чемъ дѣло? Всѣ точно сбѣсились!

— Сбѣсишься!—весело крикнулъ онъ.—Удираемъ отъ Небогатова!

— Разскажите толкомъ! Я—прямо съ койки, ничего не знаю, ничего понять не могу!

— Ночью пришла „Regina“, пароходъ съ полнымъ грузомъ провизіи. Чуть свѣтъ, поѣхала интендантская комиссія составить росписаніе: кому, что, въ какомъ количествѣ, принять, чтобы никому необидно.—Извѣстная канитель.—Вдругъ—телеграмма, сигналъ, циркуляръ, приказъ, 30,000 курьеровъ: —послать немедленно шлюпки, команду, разгрузить въ 24 часа; чего не разберутъ, передать на транспорты; приготовиться къ походу!..—Что за чортъ?—Всѣ обалдѣли, ничего не понимаютъ... Съ берега привозятъ телеграммы Гаваса: „Небогатовъ спѣшно грузится углемъ на Критѣ; не сегодня-завтра ждутъ въ Портъ-Саидѣ“.. Сразу поняли. Вполнѣ одобрили. Подъемъ народнаго духа! Не будь разницы въ чинахъ, расцѣловалъ бы Зиновія!—Навязать хотите?—А вотъ вамъ масонскій знакъ номеръ седьмой!—и онъ правой рукой изобразилъ то, что Гоголь называлъ „обиднымъ перстосложеніемъ“.—Ха-ха-ха! Ну, да еще потолкуемъ, а сейчасъ бѣгу—дѣла по горло!

— Чортъ возьми!—думалъ я.—Становится интересно! Вѣдь еще вчера вечеромъ и рѣчи не было о такомъ спѣшномъ походѣ!

Поднялся наверхъ, въ штабное помѣщеніе. Тамъ—авралъ неистовый. Именно, какъ выразился Б., 30,000 курьеровъ мечутся во всѣ стороны. Ухитрился однако улучить минутку, захватить одного, въ его каютѣ, лейтенанта С. (за послѣднее время мы какъ-то все больше и больше сходились).

— Знаю, что вамъ некогда, а потому—безъ дипломатіи. Не секретничайте, говорите начистоту: удираемъ отъ Небогатова?

Онъ, какъ обычно, уклонился отъ прямого отвѣта, высказалъ только, якобы, личныя соображенія.

— Адмиралъ отнюдь не посвящалъ меня въ свои планы. Я ничего не знаю, да если бы и зналъ, то все равно ничего не сказалъ бы. Обстановка вамъ извѣстна. Адмиралъ противъ присоединенія отряда Небогатова, но не только вернуть, даже задержать его движеніе—не имѣетъ власти. Онъ даже не находится съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Приказываетъ, направляетъ Петербургъ. Съ другой стороны—категорическаго распоряженія оставаться здѣсь въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій нѣтъ. Счастливая или несчастная случайность—не знаю... Событія сегодняшняго дня могу изложить детально. Кромѣ меня были свидѣтели. Значитъ—не тайна. Получивъ агентскія телеграммы, адмиралъ, какъ всегда, ушелъ съ ними въ кабинетъ, но почти тотчасъ же вышелъ оттуда, видимо взволнованный, и отдалъ срочное приказаніе: всѣ погрузки, пріемки закончить въ 24 часа и приготовиться къ походу. Въ первый моментъ у меня мелькнула мысль, что онъ для выигрыша времени хочетъ идти навстрѣчу Небогатову. Я спросилъ: кому будемъ телеграфировать о рандеву или о маршрутѣ? Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, а затѣмъ отвѣтилъ тономъ, недопускающимъ возраженій: „Никому, ничего“.—Теперь я шифрую телеграмму, которой кратко доносится, что эскадра „вышла на востокъ“.

— Безъ указанія—какимъ путемъ, какимъ проливомъ?

— Ни намека!..

— Но тогда какъ же? Куда и какъ направятъ Небогатова?

— Въ томъ-то и суть! Это соломинка, за которую онъ хватается! Мнѣ кажется, онъ все еще надѣется, что ввиду такого шага съ его стороны „они“ откажутся отъ своей затѣи—либо вернутъ Небогатова, либо задержатъ его въ Джибути, можетъ быть... согласятся на первоначальный планъ адмирала—прорывъ съ лучшими судами, а можетъ быть (но

этому я не смѣю вѣрить) поймутъ все безуміе самого нашего похода...

Я ужъ давно не видѣлъ С. такимъ оживленнымъ и бодрымъ. Да не онъ одинъ. Вся эскадра словно проснулась.

— Вотъ это номеръ!—горячилась молодежь.—Къ чорту утюги и старыя калоши! Пронесетъ Богъ—перемахнемъ океанъ, а тамъ—видно будетъ! Можетъ быть, и изъ нашего хлама одного-другого спрятать въ Сайгонѣ, а сами — full speed! Только бы дорваться! безъ этого камня на шеѣ!..

Такъ говорили въ каютъ-компаніи „Суворова“, но я имѣю полное основаніе думать, что то же говорилось и на другихъ судахъ. И вотъ почему: въ 2 ч. дня, какъ было условлено еще наканунѣ, ко мнѣ съѣхались всѣ „капитаны суррогатовъ“ (офицеры, командовавшіе минными катерами), т.-е. 14 человѣкъ съ судовъ 1 ранга, для совмѣстнаго обсужденія и разбора маневра предыдущей ночи; естественно, что они принесли съ собою отголоски настроенія, господствовавшаго на ихъ корабляхъ, и оно оказалось тождественнымъ съ настроеніемъ нашей каютъ-компаніи.

---

3 марта, въ 1 ч. пополудни, начали сниматься съ якоря. При съемкѣ, изъ-за массы транспортовъ, такая же каша, какъ въ Танжерѣ, только въ болѣе широкомъ масштабѣ. Окончательно построились и дали ходъ—въ 2 ч. 40 м. пополудни.

Къ 6 час. вечера, выбравшись изъ острововъ и окружающихъ ихъ рифовъ и банокъ, легли курсомъ въ обходъ сѣверной оконечности Мадагаскара. Вдругъ—у „Орла“ поврежденіе въ лѣвой машинѣ... Начались наши мытарства!—До 8 ч. вечера почти стояли на мѣстѣ. Въ 8 ч. дали ходъ 5 узловъ. Только въ полночь могли прибавить до $8^1/_2$.

Боевая эскадра!.. Нѣтъ, видно, одного духа—мало!

Ночью—занятное зрѣлище—45 кораблей! Цѣлый городъ на водѣ... И какая приманка для доброй минной атаки!

Надо замѣтить, что уже съ самаго прихода на Мадагаскаръ мы получали предупрежденія и отъ собственныхъ агентовъ, и черезъ „добрыхъ друзей и союзниковъ“ о подготовленныхъ по пути слѣдованія эскадры многочисленныхъ „embuscades“ не только въ стилѣ дурбанскаго предпріятія, но и

серьезнѣе. Вполнѣ опредѣленно сообщалось, что навстрѣчу намъ высланы вспомогательные крейсеры „Hong-Kong Maru“ и „Nippon Maru“, имѣющіе на борту подводныя лодки. Въ качествѣ главныхъ опорныхъ пунктовъ для этого рода операцій указывались—Сешельскіе острова, Діэго Гарсія и Зондскій проливъ.

Два слова о маршрутѣ. Какъ я узналъ (только передъ выходомъ изъ Носи-бэ), первоначально путь эскадры намѣчался черезъ Зондскій проливъ, причемъ въ бухтѣ Ламбокъ (на Суматрѣ) предполагалась болѣе или менѣе продолжительная стоянка, отдыхъ, пополненіе запасовъ угля и провизіи и т. п. Предположенія эти, конечно, не могли остаться въ секретѣ. Кромѣ меня и большинства офицеровъ эскадры, пребывавшихъ въ невѣдѣніи, весь свѣтъ (и, конечно, первыми—японцы) знали объ этомъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Въ результатѣ—энергичный протестъ Японіи противъ ожидаемаго нарушенія нейтралитета и даже открытыя угрозы по адресу Голландіи, если она допуститъ эскадру базироваться на ея территоріальныя воды. Ясно, что, при такой постановкѣ вопроса, положеніе Голландіи, выражаясь каютъ-компанейскимъ жаргономъ, было „изъ среднихъ и, даже, ниже средняго“, потому что съ одной стороны—Японія,—сила, а значитъ и право требовать выполненія вновь объявленныхъ правилъ нейтралитета, съ другой—то же сила, считающая себя въ своемъ полномъ правѣ пренебрегать этими правилами. Вѣдь еслибы намъ оказалось необходимымъ зайти въ Ламбокъ, то къ просьбѣ голландскихъ властей о выходѣ мы могли бы отнестись такъ-же добродушно, какъ отнеслись къ протесту неустрашимаго „Лимпопо“ въ Great-fish bay!.. Разница была та, и весьма существенная для насъ, что близъ Great-fish bay не имѣлось японскаго флота, тогда какъ въ Ламбокѣ онъ могъ появиться въ любой моментъ и предпринять противъ насъ активныя дѣйствія, объявивъ всему свѣту, что мы первые попрали священныя основы международнаго права.

Можно сказать, что и наше положеніе было тоже „изъ среднихъ“, такъ какъ Голландія, очевидно, не имѣла фактической возможности оградить свои территоріальныя воды отъ вторженія, какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны японцевъ.

Для всѣхъ европейскихъ газетъ (за исключеніемъ русскихъ, которымъ это было запрещено) вопросъ о томъ, какой путь

изберетъ эскадра для дальнѣйшаго слѣдованія,—являлся самой жгучей, самой благодарной темой обсужденія. Мнѣнія и отзывы извѣстныхъ (а иногда и вовсе неизвѣстныхъ) адмираловъ занимали цѣлые столбцы. Въ общемъ всѣ авторитеты сходились на томъ, что идти Зондскимъ проливомъ значитъ—идти на гибель; о Малаккскомъ—и рѣчи не было; указывали путь кругомъ Явы, или между Новой Гвинеей и Австраліей, въ обходъ Зондскаго архипелага, гдѣ, за отсутствіемъ телеграфа и множествомъ возможныхъ путей между островами, крайне трудно организовать дозорную службу для наблюденія за движеніемъ эскадры... Адмиралъ Фрименталь, довольно извѣстный въ англійскомъ флотѣ, заявилъ даже, что онъ, на мѣстѣ Рожественскаго, пошелъ бы кругомъ Австраліи, огибая ее съ юга: путь длинный, но зато безопасный, а впереди—временная база на Каролинскихъ островахъ, принадлежащихъ Германіи, которая одна, до сихъ поръ, не боится оказывать намъ явное доброжелательство.

По выходѣ въ открытое море всѣ узнали, что адмиралъ избралъ путь черезъ Малаккскій проливъ.

На „Суворовѣ“ это рѣшеніе было встрѣчено восторженно.

— Съ одной стороны—безумная авантюра, а съ другой—именно въ виду своей отчаянности, можетъ удасться. Благоразумнымъ японцамъ и въ голову не придетъ такого трюка! Но если выгоритъ—честь и слава! Вотъ ахнутъ, вотъ рты разинутъ Фрименталь и К°!—толковали между собой офицеры.

Я всецѣло присоединялся къ ихъ мнѣнію.

28-дневный походъ черезъ океанъ эскадры изъ 45 вымпеловъ—событіе безпримѣрное въ исторіи парового флота, а потому я позволю себѣ ниже описать его, хотя вкратцѣ, изо дня въ день, такъ сказать, дать журналъ плаванія, основанный на записяхъ моего дневника, но раньше того мнѣ хотѣлось бы представить читателямъ общую картину эскадренной жизни за это время.

За исключеніемъ дней погрузки угля, ученья и занятія, имѣвшія цѣлью восполнить по возможности недостатки нашей подготовки къ бою, продолжались безпрерывно. Главное вниманіе было конечно обращено на обученіе наводкѣ и опредѣленію разстояній дальномѣромъ и на-глазъ. Каждое утро по боевой тревогѣ крейсера: „Аврора“, „Донской“, „Жемчугъ“, „Изумрудъ“, „Днѣпръ“ и „Ріонъ“ расходились вправо и влѣво отъ эскадры, маневрируя по способности, идя разными кур-

сами и скоростями, то удаляясь, то приближаясь, то выскакивая далеко впередъ, то отставая. Они служили точками прицѣливанія. Въ этомъ же смыслѣ пользовались и маневрами развѣдочнаго отряда, начальникъ котораго, капитанъ I ранга Шеинъ, цѣлыми днями занимался обученіемъ своихъ подчиненныхъ. Одновременно, всѣ эти 10 крейсеровъ, маневрировавшіе въ предѣлахъ видимости эскадры, составляли кругомъ нея довольно надежную дозорную цѣль.

Основой каждаго ученья по боевой тревогѣ, какъ и раньше, служилъ планъ боя, разработанный офицерами корабля подъ руководствомъ старшихъ, планъ, съ которымъ, согласно приказа адмирала, должны были быть ознакомлены всѣ „до санитаровъ включительно“.

Особыми приказами были объявлены правила перестроенія въ боевой порядокъ, по условнымъ сигналамъ, при появленіи непріятеля по курсу, сзади, справа или слѣва, а также инструкціи для дѣйствій транспортовъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; подробно указывалось, кто и кому долженъ оказывать помощь и защиту въ случаѣ поврежденія въ бою или минной пробоины, причемъ такимъ помощникамъ и защитникамъ вмѣнялось въ обязанность: 1) Всѣми средствами безпрерывно оповѣщать флагмана о состояніи бѣдствующаго судна; 2) Принимать всѣ мѣры къ сохраненію корабля для эскадры; 3) Принимать рѣшительныя мѣры къ уничтоженію корабля въ случаѣ, если захватъ его непріятелемъ окажется неотвратимымъ *).

Перестроеніе эскадры изъ походнаго въ боевой порядокъ при (предполагаемомъ) появленіи непріятеля въ какой-нибудь части горизонта, отводъ транспортовъ отъ (предполагаемаго) мѣста боя и (примѣрная) охрана ихъ—были продѣланы нѣсколько разъ, но, къ сожалѣнію, особенно часто заниматься ученьями этого рода не представлялось возможнымъ, такъ какъ за время, посвященное маневрированію, эскадра почти не выполняла главнаго своего назначенія—не двигалась впередъ.

Учебныхъ стрѣльбъ не производилось вовсе, потому что, „во-первыхъ“, нечѣмъ было стрѣлять, а остальныхъ причинъ—приводить не стоитъ.

Къ вечеру каждаго дня первой заботой адмирала было какъ можно тѣснѣе собрать эскадру. Это было не такъ-то про-

*) Приказъ 14 марта 1905 г. за № 159.

сто, особенно изъ-за транспортовъ, никогда не учившихся совмѣстному плаванію. Ночью развѣдочный отрядъ—„Свѣтлана“, „Кубань“, „Терекъ“ и „Уралъ“—шелъ впереди эскадры, въ строѣ двойного фронта, въ шахматномъ порядкѣ, имѣя на флангахъ крейсера „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“. Этотъ полумѣсяцъ какъ бы прикрывалъ голову эскадры отъ внезапнаго, предательскаго нападенія.

Почти каждую ночь, а иногда и по-два, и по-три раза за ночь, въ неопредѣленные часы, по личному распоряженію адмирала, производились тревоги, имѣвшія цѣлью провѣрить бдительность вахтенной службы, исправность прожекторовъ, умѣнье быстро усваивать условные сигналы. Бывало и такъ, что подобнаго рода тревоги вызывались обстоятельствами плаванія, имѣли характеръ настоящихъ. Это—когда дозорные обнаруживали на курсѣ эскадры, или близъ него, попутчика или встрѣчнаго. Судя по поведенію таковыхъ, можно было сказать, что, повидимому, послѣ „гульскаго инцидента“ за эскадрой установилась довольно прочная репутація. Стоило только которому-нибудь изъ крейсеровъ направиться къ „неизвѣстному“ и освѣтить его прожекторомъ, какъ онъ, ни мало не медля, безъ всякихъ сигналовъ и принужденій, круто клалъ руля и полнымъ ходомъ спѣшилъ удалиться отъ непріятнаго сосѣдства.

Моментами наивысшаго напряженія, почти лихорадочной дѣятельности—были конечно дни погрузки угля.

Грузиться бортъ-о-бортъ не удалось ни разу. Въ океанѣ, какой бы штиль ни стоялъ, всегда откуда-то (можетъ быть изъ-за сотенъ и даже тысячъ миль) идетъ зыбь. Погрузку производили, перевозя уголь съ транспортовъ на боевыя суда въ мѣшкахъ, на судовыхъ барказахъ и спеціально для того построенныхъ ботахъ, буксируемыхъ паровыми катерами. Для насыпанія угля въ мѣшки, для погрузки мѣшковъ на шлюпки,—на транспорты посылались значительныя партіи команды при офицерахъ (100 и болѣе человѣкъ съ корабля I ранга); не малое число людей находилось на ботахъ, барказахъ и паровыхъ катерахъ; конечно, при этомъ не было никакой возможности сохранять даже подобія строя, такъ какъ транспорты и боевыя суда стояли вперемежку, сообразно условіямъ наискорѣйшей погрузки; къ тому же, по необходимости, пушки были закрыты чехлами, окутаны брезентами, чтобы не допустить проникновенія угольной пыли въ нѣжныя части ихъ

сложныхъ механизмовъ и установокъ... Словомъ, эскадра не только не была въ боевой готовности, но даже не могла бы привести себя въ это состояніе достаточно быстро, въ случаѣ тревоги. Правда, пять вспомогательныхъ крейсеровъ—„Кубань“, „Терекъ“, „Уралъ“, „Днѣпръ“ и „Ріонъ“—по своимъ колоссальнымъ запасамъ угля не нуждавшіеся въ дополнительныхъ погрузкахъ, несли въ это время дозорную службу, разсыпавшись по окружности круга, центромъ котораго служила нестройная толпа боевыхъ судовъ и транспортовъ, но, къ несчастью, эта дозорная цѣпь не могла быть вынесена достаточно далеко. Имъ приходилось держаться въ предѣлахъ видимости обычныхъ отдаленныхъ сигналовъ, такъ какъ ни одной минуты мы не могли положиться на исправность дѣйствія нашего безпроволочнаго телеграфа (патентъ „Сляби-Арко“—Техническій комитетъ)... Въ атмосферѣ, почти насыщенной парами, видимость отдаленныхъ сигналовъ не превышала 5—7 миль, а видимость приближающихся судовъ 10—12 миль. Итого—смотря по условіямъ погоды, мы могли быть предупреждены о приближающейся опасности съ разстоянія не болѣе 20 миль, т.-е. минутъ за 40—50 до момента перваго, хорошаго прицѣльнаго выстрѣла со стороны непріятеля. Между тѣмъ, какъ показалъ опытъ, даже бросивъ шлюпки на водѣ, только собравъ команду на свои суда, мы никоимъ образомъ не успѣли бы за этотъ промежутокъ времени вполнѣ приготовиться къ бою.

Побѣдителей не судятъ, но нельзя не признать, что японцы упустили много благопріятныхъ случаевъ помѣшать движенію нашей армады. Если бы ихъ вспомогательные крейсеры неотступно слѣдили за нами, то появленіе одного изъ нихъ, только обмѣнявшагося нѣсколькими выстрѣлами съ однимъ изъ нашихъ дозорныхъ и тотчасъ бѣжавшаго, уже вызвало бы прекращеніе погрузки, изготовленіе эскадры къ бою. Я утверждаю, что они смѣло могли бы не позволить намъ грузиться углемъ въ морѣ. Они этимъ обстоятельствомъ не воспользовались. Впрочемъ... можетъ быть они вѣрили, что аппараты „Сляби-Арко“ дѣйствительно лучше „Маркони“?..

VIII.

Дневникъ похода черезъ океанъ. — Малаккскій проливъ. — Шествіе въ виду Сингапура.—Мысли въ безсонную ночь.—Совѣтъ; три мнѣнія...—Англо-японскіе развѣдчики.—День 30 марта.—«Не судьба!»—Прибытіе въ Камранхъ.

Перехожу къ журналу плаванія. Оговорюсь, что въ моемъ дневникѣ отмѣчены лишь серьезныя поврежденія котловъ и механизмовъ, задерживавшія движеніе эскадры на нѣсколько часовъ; мелкія же неисправности, заставлявшія корабли только ненадолго выходить изъ строя, исправлявшіяся „на-ходу“, мною не записывались, такъ какъ ихъ было слишкомъ много. Я говорилъ уже въ моей книгѣ „Бой при Цусимѣ“, что „наше долгое плаваніе—это былъ длинный скорбный листъ нашихъ котловъ и механизмовъ и мартирологъ нашихъ механиковъ, которымъ приходилось и рожь на обухѣ молотить и тришкинъ кафтанъ перешивать наново“...—Въ одинъ изъ дней у меня отмѣчено, что, идя подъ 10 котлами, мы за сутки перемѣнили ихъ—19, т. е. почти полный комплектъ...

---

4 марта. Ночь прошла спокойно (въ смыслѣ японцевъ). Адмиралъ не смыкалъ глазъ. Пытается сигналами поддерживать порядокъ въ толпѣ, которую никакъ нельзя назвать строемъ. Преимущественно—отстаютъ, растягиваютъ линію и безмѣрно увеличиваютъ разстоянія между колоннами; рѣже—налѣзаютъ на переднихъ, выходятъ изъ строя, пугаютъ сосѣдей. Въ 8 ч. утра, выйдя къ сѣверу отъ Мадагаскара, легли курсомъ южнѣе Сешельскихъ острововъ. Въ 2 ч. дня потеряли берега изъ виду. Легкій NO. Частыя поврежденія машинъ (особенно на транспортахъ) сильно тормозятъ движеніе. Правда—все пустяки. Можно надѣяться, что еще не наладились послѣ долгой стоянки, а дня черезъ 2—3 пойдутъ лучше. Передъ закатомъ солнца увидѣли на горизонтѣ (сзади и слѣва) рядъ дымковъ. Къ переднему, видимо насъ догонявшему, послали миноносцы для освидѣтельствованія. Оказался—германскій купецъ.

5 марта. 2 ч. 30 м. ночи. Спалъ наслаждаясь (относительной) прохладой. Былъ разбуженъ соленой ванной,—подало въ открытый иллюминаторъ. Пришлось выселиться изъ

каюты и ждать уничтоженія въ ней слѣдовъ потопа. Печально. Предстоитъ вариться въ собственномъ соку, такъ какъ наверхъ—нельзя. Во-первыхъ,—изъ трубъ сыпется въ массѣ горячій песокъ угольнаго шлака, унесеннаго силою тяги изъ топокъ, а во-вторыхъ—дождь.

Въ 6 ч. утра миноносцамъ приказано стать на буксиръ къ транспортамъ (по особому, заранѣе объявленному росписанію). Для перваго раза операція заняла $1^1/_2$ часа. Стояли на мѣстѣ. Въ началѣ 9-го часа строй такъ растянулся (сказалъ бы—расползся по всѣмъ швамъ), что адмиралъ приказалъ головнымъ застопорить машины и занялся, при посредствѣ сигналовъ, сборомъ заблудшихъ. Къ 9 часамъ утра наладились, дали ходъ. Вдругъ у „Иртыша“ лопнулъ буксиръ. Опять—стопъ. Еще часъ. Въ 11-мъ часу утра только что дали 8 узловъ,—у „Сисоя“ повредилась рулевая машинка. Вышелъ изъ строя. Идетъ „по-способности“, управляясь машинами. Изъ-за него вынуждены держать 5 узловъ хода. Для „Сисоя“ и это много. Съ 1 ч. до 2 ч. пополудни стояли на мѣстѣ, его поджидая. Потомъ снова—5 узловъ. Въ 4 ч. дня „Сисой“ починился. Завернули 8 узловъ... Съ радостью наблюдаю, что (по крайней мѣрѣ на „Суворовѣ“) если чего и боятся, то развѣ того, какъ бы не испугаться. Духъ хорошъ. Пожалуй, на пользу, что мы какъ отрѣзаны, что нѣтъ никакихъ вѣстей. Послѣднее время вѣсти были прескверныя. Лучше безъ нихъ. Будемъ дѣлать свое дѣло, а тамъ—что Богъ дастъ!

7 марта. Удачный день. Только одинъ разъ останавливались изъ-за лопнувшаго буксира „Блестящаго“. И то—ненадолго. Суточное плаваніе 187 миль, т.-е. 7,8 узла.

8 марта. Въ 5 ч. 45 м. утра сигналъ—„Начать погрузку угля“.—Въ 7 ч. 15 м. утра пришелъ къ борту „Суворова“ первый груженый барказъ. Въ 4 ч. дня сигналъ—„Прекратить погрузку угля“.—Поднимали шлюпки, собирались въ строй очень долго. Ходъ дали только въ 7 ч. вечера. Итого простояли на мѣстѣ $13^1/_4$ часовъ, изъ которыхъ собственно погрузочныхъ было $8^3/_4$, а $4^1/_2$ часа ушло на подготовительныя и заключительныя работы. „Суворовъ“ принялъ 206 тоннъ, что даетъ скорость въ рабочій часъ около 24 тоннъ.

Не слишкомъ блестяще, особенно принимая во вниманіе, что погода благопріятствовало—слабый W и небольшая зыбь. Что дѣлать—никогда этому не учились. Все—въ первый разъ. Будемъ надѣяться, что дальше пойдетъ лучше. Около 10 ч.

вечера слѣва и сзади увидѣли какіе-то огни, вскорѣ скрывшіеся. Минеры утверждаютъ, что получаются какія-то телеграммы, но разобрать въ нихъ ничего нельзя. Не разряды ли атмосфернаго электричества?—А впрочемъ—кто знаетъ?

9 марта. Въ общемъ—ничего. Только ужъ очень часто рвутся буксиры.

11 марта. Все благополучно. Вечеромъ, до восхода луны, „Олегъ“ убѣдительно доносилъ, что видитъ какія-то суда безъ огней, догоняющія эскадру, какъ будто даже различаетъ пламя, вырывающееся изъ трубы миноносца. Пока не взошла луна и не посвѣтлѣло, всѣ оставались на мѣстахъ, какъ по тревогѣ. Однако—ничего подозрительнаго не случилось. Надо полагать—померещилось.

12 марта. За ночь повреждалась „Камчатка“, но ненадолго. У „Сисоя“ и у „Нахимова“ сильно сдаютъ холодильники. Средняя скорость за сутки всего $7^1/_2$ узловъ. Зато Никола-Угодникъ (должно быть спеціально для насъ, такъ какъ въ лоціи не указано) устроилъ попутное теченіе—22 мили. Тихо; облачно.

13 марта. Въ полдень были въ 200 миляхъ къ югу отъ Peros Banos (архипелага Chagos). Подъ утро, завтра, будемъ проходить Addu-Atoll всего въ разстояніи 60-ти миль. Едва ли не самое удобное мѣсто для минной засады со стороны японцевъ.—*(Вечеромъ).* Изрядно свѣжо. Не милость ли Божія?—Въ такую погоду противъ судовъ на ходу никакая минная атака успѣха имѣть не можетъ.

14 марта. Стихаетъ. Осталась крупная зыбь. Все утро посвятили маневрированію. Перестроеніе въ боевой порядокъ и нѣкоторыя эволюціи (правда, самыя элементарныя) прошли недурно. Каши не было. Какъ будто кой-чему подучились. Плаваніе всего 165 миль, такъ какъ попутнаго теченія не оказалось. Вечеромъ впереди видѣли какіе-то огни.

15 марта. Совсѣмъ тихо. Даже зыбь незначительная. Съ 6 ч. утра начали грузить уголь. Въ этомъ дѣлѣ замѣтенъ прогрессъ. И приготовленія, и уборка послѣ погрузки идутъ много успѣшнѣе. Что касается скорости самой погрузки, то, благодаря разнымъ приспособленіямъ, а главное—пріобрѣтенной сноровкѣ,—она почти удвоилась. „Суворовъ“ грузилъ по 43 тонны въ часъ! Плаваніе 144 мили. Теченіе, вопреки указаніямъ лоціи, 14 миль на N. Обидно. Совсѣмъ не по дорогѣ.

16 марта. Все спокойно. Штиль; невысокая, очень отлогая зыбь. Грузили уголь. Погибъ паровой катеръ „Сисоя“. По счастью обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Дѣло было такъ. Послѣ нѣсколькихъ рейсовъ съ буксирами, катеръ подошелъ къ броненосцу, чтобы принять прѣсную воду и уголь, и здѣсь, вслѣдствіе неудачнаго маневра, прижавшись къ борту броненосца, попалъ кромкой своего борта подъ башмакъ стрѣлы сѣтевого загражденія. Броненосецъ, качаясь на зыби, какъ разъ склонялся въ это время въ его сторону; катеръ накренило; онъ черпнулъ всѣмъ бортомъ, какъ говорятъ, „захлебнулся“ и пошелъ ко дну. Люди успѣли выскочить.—Къ вечеру засвѣжѣло отъ S.—7 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день великій князь Кириллъ Владиміровичъ собственноручно поднималъ на Золотой Горѣ въ П.-Артурѣ русскій флагъ... Печальный юбилей... Или отошла въ область полузабытыхъ преданій гордая резолюція Николая I: „Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, тамъ онъ уже никогда не спускается“?.. Какъ больно и грустно...

17 марта. Въ 9 час. утра пересѣкли экваторъ. Хорошо, что не упустили сносныхъ условій погоды и грузились углемъ „по-уши“,—послѣ полдня задулъ NW балловъ на 5, и разошлась волна.

23 марта. Въ 6 час. утра увидѣли Большой Никобаръ. Взяли курсъ въ середину между Никобаръ и Пуло Брассъ. Вступаемъ въ Малаккскій проливъ. Любопытно: выслѣдили насъ японцы или нѣтъ?—Случаевъ было много.—Съ полдня вступили въ проливъ и легли курсомъ вдоль берега Суматры. Сказывается близость земли. Температура поднялась немного—градуса на два—но влажность рѣзко повысилась. Душная, тягостная жара.—Если даже выслѣдили, врядъ ли можно ожидать здѣсь встрѣчи съ главными силами и рѣшительнаго боя. Для нихъ же было бы невыгодно уходить такъ далеко отъ своей базы, когда мы сами идемъ туда. Вѣроятнѣе всего внезапныя нападенія, такъ сказать, партизанская война. Сообразно этому для похода проливомъ приняли такой порядокъ: по срединѣ—транспорты въ строѣ двухъ колоннъ; впереди—развѣдчики съ „Жемчугомъ“ и „Изумрудомъ“; по сторонамъ—отряды линейныхъ судовъ; въ замкѣ—крейсера. Миноносцы снялись съ буксировъ, идутъ подъ своими машинами, занявъ мѣста по диспозиціи. Настроеніе бодрое, даже задорное, какъ въ шахматной игрѣ при смѣломъ ходѣ, разсчитанномъ на „зѣ-

вокъ“ противника.—Съ $8^1/_2$ до $10^1/_2$ ч. вечера стояли на мѣстѣ,—у „Орла“ лопнула паровая труба.

24 марта. Ночь прошла спокойно. Съ утра пасмурно. Около 8 ч. утра—ливень съ грозой. До полдня—сѣренькая погода и дождь. Потомъ—разъяснило. Ночью былъ одинъ встрѣчный пароходъ. Быстро свернулъ въ сторону, какъ только „Жемчугъ“ освѣтилъ его прожекторомъ. За день попалось еще нѣсколько. Любопытно: куда идутъ? какъ скоро будутъ въ порту? т.-е. другими словами—какъ скоро телеграфъ разнесетъ по свѣту извѣстіе, что мы идемъ Малаккскимъ проливомъ?.. Если японцы прозѣвали, то успѣютъ ли предпринять что-нибудь?..

25 марта. Ночь прошла тихо. Погода мглистая. Встрѣчные все чаще и чаще. Болѣе нервные корабли только и дѣлаютъ, что „усматриваютъ непріятеля“.

Съ „Алмаза“ сдѣланъ сигналъ, что адмиралъ, командиръ, офицеры, находившіеся на мостикѣ, и сигнальщики—всѣ ясно видѣли 12 миноносцевъ, прятавшихся за пароходомъ British-Indian C° и затѣмъ удравшихъ на NO. Странное донесеніе. Вѣроятно, японцы приходили предупредить насъ, что они здѣсь, и чтобы ночью мы были осторожнѣе. Иначе такого маневра не объяснишь. „Олегъ“ чаще всѣхъ видитъ подозрительныя вещи. Предупреждалъ о подводныхъ лодкахъ.

Около 2 ч. ночи пройдемъ One fathom's bank. На мой взглядъ, изъ всего пути самое удобное мѣсто для ночной аттаки. Почти вплоть до разсвѣта будемъ идти фарватеромъ, который временами суживается до 5 миль. Дорога—только одна. Серьезная ночь.

26 марта. Все—all right! Было много встрѣчныхъ, но ничего подозрительнаго. Пока воздержимся отъ заключеній. Что еще скажетъ слѣдующая ночь... Узкости пройдены. Подходимъ къ Сингапуру. Кругомъ—глубоководные проливы, множество острововъ. Есть мѣсто для маневрированія въ бою. Возможно внезапное появленіе линейныхъ судовъ непріятеля. Въ 11 ч. утра перестроились въ прежній походный порядокъ, болѣе удобный для развертыванія въ боевой (т.-е. транспорты—сзади, самостоятельно). Около 2 час. дня проходили маякъ на островкѣ Raffles. Сингапуръ—какъ на ладони. На рейдѣ—два англійскихъ крейсера. Въ полномъ составѣ, никого не растерявъ въ дорогѣ, торжественно шествуемъ мимо, вступая въ воды Тихаго океана. Эфектная минута!.. На броненосцѣ все какъ-то притихло...

— Черезъ нѣсколько минутъ телеграфъ сообщитъ всему свѣту...—словно про себя, но, какъ мнѣ показалось, слегка дрогнувшимъ голосомъ, проговорилъ адмиралъ, стоявшій на лѣвомъ крылѣ мостика и пытливо вглядывавшійся вдаль по направленію къ городу.

Командиръ „Суворова“ капитанъ I ранга И. неожиданно нарушилъ торжественное настроеніе, весело расхохотавшись.

— Фрименталь-то! Вотъ ахнетъ! Вѣдь онъ насъ считаетъ теперь къ югу отъ Австраліи! Богатѣйшій трюкъ!—воскликалъ онъ.

И всѣмъ, вдругъ, стало тоже удивительно весело. Смѣялись даже сигнальщики, изъ уваженія къ начальству прикрывавшіе лица биноклями...

Изъ Сингапура на пересѣчку курса эскадры выбѣжалъ маленькій пароходикъ подъ флагомъ русскаго консула. Хоть и лестно было бы повидать его лично, узнать всѣ новости, но для этого пришлось бы останавливать эскадру. Ограничились тѣмъ, что командировали одинъ изъ миноносцевъ принять депеши и затѣмъ на ходу (это было организовано) передать ихъ къ намъ. Сдавъ пакеты миноносцу, пароходикъ догналъ эскадру и нѣкоторое время шелъ рядомъ съ „Суворовымъ“. Консулъ кричалъ, что имъ собраны всѣ газеты, какія попались подъ руку въ этой спѣшкѣ; кой-какихъ можетъ быть нѣтъ, а потому главнѣйшія новости онъ передавалъ въ рупоръ.

Между прочимъ оказывается, что всего три дня тому назадъ японскіе крейсера заходили въ Сингапуръ, а теперь, по имѣемымъ свѣдѣніямъ, ихъ эскадра ушла на сѣверъ Борнео. Похоже, что насъ начисто прозѣвали.

Въ 7 ч. вечера прошли маякъ на островѣ Pedro Branco. Впереди—Южно-Китайское море.

27 марта. Ночь прошла спокойно. Въ 6 ч. утра застопорили машины. Миноносцы (ихъ уже не ведутъ на буксирѣ) принимали уголь. Въ 11 ч. утра тронулись дальше.

28 марта. (2 ч. пополуночи). Вчера за день такъ выспался, что теперь сонъ не беретъ. Думаю, если даже японцы собираются напасть, то все же раньше, какъ завтра, мы ихъ не увидимъ,—отъ Лабуана на пересѣчку нашего курса 600 миль. Возможно, что близко бой. Внимательно прислушиваюсь къ собственнымъ мыслямъ, припоминаю разговоры офицеровъ между собою, стараюсь дать себѣ отчетъ въ господствующемъ

настроеніи... Ничего,—настроеніе бодрое, спокойное... Пожалуй, даже слишкомъ много спокойствія,—почти равнодушіе къ собственной судьбѣ; а вѣдь съ этой судьбой тѣсно связана и судьба нашего дѣла... Явный результатъ переутомленія. Устали всѣ мы. Нервы притупились. Отдыхъ невозможенъ. Ну, такъ скорѣе бы конецъ... Нашъ спѣшный выходъ съ Мадагаскара изрядно всѣхъ подбодрилъ. Удачный проходъ Малаккскимъ проливомъ тоже вызвалъ не малый подъемъ духа. Духъ бодръ. Это чрезмѣрное спокойствіе, почти равнодушіе, почти подавленность, которыхъ нельзя не отмѣтить, являются результатомъ причинъ чисто физическихъ. Въ бою всѣ встряхнутся, и духъ вступитъ въ свои права. На бой насъ еще хватитъ. Хотя... нельзя передерживать—силы на исходѣ... Чтобы скоротать время, читалъ переводный романъ „Жертва Авраама“ изъ временъ бурской войны какого-то Іонсона, должно быть участника самой войны. Странное дѣло, нашелъ много мыслей, которыя и мнѣ приходили въ голову въ Портъ-Артурѣ, особенно послѣ первыхъ столкновеній съ непріятелемъ. Такъ, напримѣръ, эти слезливые „ахи“ и „охи“ по поводу участи бѣдныхъ раненыхъ. Я не говорю про офицеровъ, свободно, по доброй волѣ избравшихъ военное дѣло, а значитъ и войну со всѣми ея послѣдствіями, своимъ ремесломъ,—нѣтъ, я говорю только про нижнихъ чиновъ, служащихъ по призыву, обязанныхъ служить, внѣ зависимости отъ ихъ склонностей. Здороваго парня берутъ изъ его семьи, везутъ за 10,000 верстъ, заставляютъ драться съ невѣдомымъ врагомъ, невѣдомо за что, а когда онъ, израненый, окажется на койкѣ госпиталя,—сердобольныя особы поятъ его чаемъ, угощаютъ вареньемъ и „такъ жалѣютъ бѣдненькаго!..“ Я ничего не имѣю противъ чая съ вареньемъ и всякихъ другихъ удобствъ, но эта жалость кажется мнѣ глубочайшимъ лицемѣріемъ. Мало того, она, эта жалость, обидна для раненыхъ.

Ихъ страданія заслуживаютъ болѣе серьезнаго отношенія. Человѣка послали на смерть и увѣчья, а когда это случилось,—его жалѣютъ!.. Да развѣ онъ не въ правѣ сказать: „Не оскорбляйте меня вашимъ запоздалымъ состраданіемъ! Раньше надо было думать объ этомъ! Если бы не мнѣ, а тѣмъ, что теперь проливаютъ слезы, самимъ пришлось идти на войну, если бы не было у нихъ подъ рукой всегда готоваго пушечнаго мяса,—они были бы осторожнѣе!“... Это вѣрно—„были бы осторожнѣе“—но никакая осторожность не

въ состояніи кореннымъ образомъ устранить самую возможность войны, а значитъ—и смерти, и увѣчья сотенъ тысячъ людей.

И вотъ—мы опять лицомъ къ лицу съ вѣчной, неразгаданной тайной, передъ завѣсой, скрывающей отъ пытливаго ума человѣка роковой смыслъ войны... Я не вѣрю мечтателямъ, которые надѣются, что со временемъ войны прекратятся. Война такое же стихійное явленіе въ жизни органической, какъ ураганъ, землетрясеніе—въ жизни неорганической. Авторъ романа тщетно пытается разрѣшить эту загадку и оставляетъ вопросъ открытымъ; но странно, что и другой, попутный, вопросъ онъ считаетъ неразрѣшимымъ: „Можетъ ли истинный христіанинъ идти на войну съ тѣмъ, чтобы убивать себѣ подобныхъ?“ Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ всю книгу, иллюстрирована массой текстовъ изъ Писанія, но отвѣта на нее нѣтъ, а между тѣмъ, мнѣ кажется, онъ существуетъ. На первый взглядъ, какое жестокое противорѣчіе: съ одной стороны—всѣ христіанскія церкви (всѣхъ вѣроисповѣданій) признаютъ присягу на вѣрность воинскому долгу, имѣютъ установленныя каноническими правилами молитвы и даже цѣлыя богослуженія о „побѣдѣ и одолѣніи“ врага, съ другой—не только подходя къ причастію, не только участвуя непосредственно въ пасхальномъ крестномъ ходѣ, но даже входя въ преддверіе алтаря (офиціально міряне лишены права входа въ самый алтарь,—они могутъ быть только въ ризницѣ или въ жертвенникѣ), подходя къ Плащаницѣ для поклоненія, всякій военный обязанъ снять оружіе. Значитъ оружіе не терпится въ „мѣстѣ святѣ“? Но какъ же призываютъ на него благословеніе Божіе?.. Мнѣ думается, противорѣчіе падаетъ, и отвѣтъ на вопросъ является самъ собою, стоитъ лишь поставить его иначе: „Можетъ ли истинный христіанинъ идти на войну съ тѣмъ, чтобы, жертвуя собственной жизнью, защитить себѣ подобныхъ отъ врага, идущаго извнѣ?“ Отвѣтъ ясенъ—не только можетъ, но и выполнитъ этимъ свой священный долгъ, такъ какъ „больше сея любве никто-же иматъ, иже душу свою полагаетъ за други“. Война наступательная, имѣющая цѣлью покореніе народовъ, захватъ ихъ имущества—противна Христову ученію, но защита родины, жертва собственной жизнью за благо ея—святой подвигъ любви и самоотверженія. Однако довольно философіи.

28 марта 2 часа дня. Сегодня утромъ, совершенно не-

ожиданно (и притомъ впервые) былъ приглашенъ къ адмиралу на совѣщаніе. Кромѣ меня присутствовали только флагъ-капитанъ и лейтенантъ С. Думаю, что приглашеніемъ обязанъ послѣднему. Адмиралъ началъ съ заявленія, что присутствующіе въ курсѣ дѣла, и просилъ ихъ высказать свое откровенное мнѣніе. Въ отношеніи ко мнѣ это было не совсѣмъ правильно, такъ какъ я не состоялъ въ числѣ посвященныхъ въ тайны штаба и, если зналъ больше, чѣмъ другіе офицеры „Суворова“, то лишь изъ отрывочныхъ и часто уклончивыхъ сообщеній лейтенанта С., да изъ разговоровъ за адмиральскимъ столомъ.

Флагъ-капитанъ говорилъ довольно пространно и довольно неопредѣленно. Насколько я его понялъ, онъ указывалъ на необходимость закончить стратегическое развертываніе силъ и затѣмъ дѣйствовать, сообразно полученнымъ свѣдѣніямъ о дислокаціи силъ непріятеля. На мой вопросъ, что понимать подъ „стратегическимъ развертываніемъ силъ“ — я получилъ отвѣтъ, что 25 марта адм. Небогатовъ со своимъ отрядомъ вышелъ изъ Джибути. Оказывается, эта новость была доставлена консуломъ при нашемъ проходѣ мимо Сингапура.

— Неужели все-таки послали?..—Безъ рандеву? Такъ? На авось? На Миколу?...—не удержался я.

Адмиралъ ничего не отвѣтилъ, только нахмурился и ниже опустилъ голову, а лейтенантъ С. проворчалъ мнѣ на-ухо:— „Сорвалось!—не удалось удрать! Они сильнѣе... Плетью обуха не перешибешь! Мы ихъ—донесеніемъ, а они насъ — предписаніемъ!..“

Новость сильно меня поразила, и, признаюсь откровенно, въ первый моментъ я растерялся... — Небогатову приказано идти quand même... Намъ посчастливилось обмануть бдительность предпріимчиваго врага... Взяли „на номеръ“ (въ рулеткѣ), но нельзя же надѣяться взять и второй разъ подъ рядъ... Къ тому же, мы—все-таки сила—пять хорошихъ броненосцевъ, одинъ броненосный и три легкихъ крейсера, не считая старцевъ... А у него? у Небогатова?—сплошь рухлядь!.. Что дѣлать?..—Ждать?—Невозможно!..—Идти впередъ, а его бросить на произволъ судьбы — пусть выкручивается, какъ знаетъ? — не по-товарищески... Однако, если мы пойдемъ впередъ, осмѣлятся ли японцы раздѣлить свои силы, оставивъ здѣсь, на югѣ, отрядъ, достаточный для вѣрной побѣды надъ Небогатовымъ?.. Врядъ ли!.. Они любятъ дѣйствовать навѣрняка, а вѣдь нашъ успѣхъ, хотя бы и неполный, въ Японскомъ морѣ будетъ для

нихъ страшнымъ ударомъ... Если же здѣсь оставятъ только кое-что и, допустимъ, при удачѣ для нихъ, подобьютъ Небогатова? — онъ укроется въ нейтральныя воды, въ худшемъ случаѣ, — разоружится... Ну, и Богъ съ нимъ!.. Конечно,— впередъ!..

Всѣ эти мысли съ быстротой молніи проносились въ моей головѣ за время короткой паузы, въ теченіе которой адмиралъ, чертя что-то карандашомъ на листѣ бумаги, изрѣдка вскидывалъ на меня глаза, ожидая, когда я заговорю.

Я высказалъ громко то, что думалъ, подтвердивъ невозможность задержки тѣми соображеніями, которыя ночью заносилъ въ свой дневникъ: надо использовать тотъ подъемъ духа, который вызванъ удачнымъ походомъ черезъ океанъ и счастливымъ проходомъ Сингапурскаго пролива, тотъ подъемъ духа, который побѣдилъ переутомленіе, всѣхъ сдѣлалъ бодрыми, сильными и здоровыми; не надо обманываться—это не можетъ тянуться долго; физическая усталость возьметъ свое; наступитъ реакція тѣмъ болѣе глубокая, чѣмъ выше былъ первый подъемъ; передерживать нельзя... Впередъ! и — будь, что будетъ!..

Послѣ меня говорилъ лейтенантъ С. Онъ высказался крайне категорично.

— По пути во Владивостокъ насъ несомнѣнно ожидаетъ рѣшительное сраженіе съ побѣдоноснымъ японскимъ флотомъ, уже уничтожившимъ первую эскадру, которая была сильнѣе насъ. Съ нашей стороны выступятъ утомленные долгимъ плаваніемъ и тревожными ожиданіями корабли, никогда не бывшіе въ бою, никогда не испытавшіе разрушительнаго дѣйствія мѣткаго артиллерійскаго огня противника. Въ этомъ сраженіи (не надо закрывать глазъ) мы понесемъ жестокія потери, если... не будемъ уничтожены вовсе... Надѣяться проскочить, надѣяться на благопріятную погоду, на промахъ непріятеля, на удачу?.. — возможно ли? — когда за всю войну счастье упорно стоитъ на сторонѣ японцевъ... Допустимъ даже, что остатки эскадры доберутся до Владивостока. Что они будутъ тамъ дѣлать? Ждать очереди ввода въ единственный докъ? А откуда возьмутся боевые и всякіе другіе припасы, когда Сибирская дорога „съ трудомъ удовлетворяетъ нуждамъ арміи?“ Гдѣ будутъ въ то время наши транспорты, и что будетъ дѣлать Небогатовскій отрядъ судовъ археологическаго состава?.. Кто же при такихъ условіяхъ будетъ „владѣть моремъ“—задача.

поставленная телеграммой за № 244?.. — Что же дѣлать? — Отвѣчу рѣзко: воспользоваться эффектомъ, который, несомнѣнно, вызвало наше появленіе въ Южно-Китайскомъ морѣ въ полномъ составѣ и безъ потерь и поспѣшить съ заключеніемъ почетнаго мира.—Надѣяться на успѣхъ дальнѣйшихъ морскихъ операцій—... мечтать о чудѣ... Къ сожалѣнію, принятіе такого рѣшенія отъ насъ не зависитъ. Жаль...

Адмиралъ не только не высказалъ своего личнаго мнѣнія, но даже не подавалъ никакихъ репликъ. Мнѣ показалось однако (можетъ быть я ошибаюсь), что онъ сочувственно отнесся къ моему предложенію, а также съ какимъ-то особымъ выраженіемъ пристально смотрѣлъ на лейтенанта С., когда тотъ произносилъ заключительныя фразы своей рѣчи. Очевидно здѣсь была замѣшана тайна „весьма секретной“ корреспонденціи, извѣстной только имъ двоимъ...

Остатокъ дня прошелъ безъ приключеній.

29 марта. Около 6 час. утра справа, контръ-курсомъ и довольно близко, прошелъ „Cressy“ (англійскій броненосный крейсеръ), салютовалъ флагу адмирала. Отвѣчали тѣмъ же числомъ выстрѣловъ.

Около 8 ч. утра слѣва, тоже контръ-курсомъ, разошлись съ другимъ англійскимъ крейсеромъ. Этотъ былъ въ ближайшемъ разстояніи, миляхъ въ 5.

Больше англичанъ не видѣли, но слышали телеграфные переговоры нѣсколькихъ ихъ судовъ. (Съ ихъ манерой телеграфировать наши минеры хорошо ознакомились по пути изъ Виго въ Танжеръ и Дакаръ). Совершенно ясно — англійскіе крейсера въ роли японскихъ развѣдчиковъ.

Много встрѣчныхъ и попутчиковъ. Неудивительно—мы на большой дорогѣ между Сингапуромъ и Гонгъ-Конгомъ.

Идемъ въ полу-боевомъ порядкѣ, готовые окончательно перестроиться для боя при первомъ извѣстіи о появленіи врага. Развѣдочный отрядъ подъ начальствомъ капитана 1 ранга Шеина („Свѣтлана“, „Кубань“, „Терекъ“, „Уралъ“, „Днѣпръ“ и „Ріонъ“) идетъ впереди эскадры, разсыпавшись дозорной цѣпью.

Около 11 ч. утра госпитальный „Орелъ“ отпустили въ Сайгонъ для пополненія запасовъ. Секретнымъ предписаніемъ командиру назначено рандеву—бухта Камранхъ. Если не найдетъ тамъ,—искать соединенія съ эскадрой, по-способности, руководствуясь свѣдѣніями, какія удастся собрать, или приказаніями изъ Петербурга.

Около 5 ч. вечера „Свѣтлана“ телеграфировала: — „Вижу непріятеля“.—Тревога. Послали къ ней „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“.—Ничего.—Повидимому, ошибка.

Къ ночи вернули развѣдчиковъ, которые, какъ обычно, выстроились впереди эскадры въ строѣ двойного фронта, въ шахматномъ порядкѣ съ „Жемчугомъ“ и „Изумрудомъ“ на флангахъ.

„Терекъ“ донесъ, что подъ вечеръ какой-то благожелательный встрѣчный купецъ сообщилъ ему, будто видѣлъ отрядъ миноносцевъ къ востоку отъ нашего курса.—Не ихъ ли замѣтила „Свѣтлана“?..

Въ началѣ 11 ч. вечера у „Наварина“ повредилась правая машина. Ползли по 4—5 узловъ, и все-таки „Наваринъ“ отставалъ. Черезъ часъ поправился. Дали 8 узловъ. („Наваринъ“ былъ отставши—мили на 2 позади концевого корабля).

30 марта. „Наваринъ“, видимо, поторопился донести о своей исправности, такъ какъ только къ 2 час. ночи вступилъ въ свое мѣсто. Дали эскадренный ходъ—$9^1/_2$ узловъ.

Ночь прошла спокойно. Съ разсвѣтомъ застопорили машины и приступили къ погрузкѣ угля. Меня это удивило. До Камранха—всего 60 миль.—Почему?—Странно...—И адмиралъ сегодня какой-то странный, непосѣдливый, неразговорчивый, раздражительный... Нервной походкой, широко шагая, слегка приволакивая ногу, появляется, то на одномъ мостикѣ, то на другомъ, ненадолго скрывается въ своемъ помѣщеніи, снова бродитъ по юту, справляется съ записной книжкой, что-то отмѣчаетъ, то хмурится, то улыбается (первое чаще), словно самъ съ собой разговариваетъ.

— Что это съ „нашимъ“? Муха укусила, или вожжа подъ хвостъ попала?—обратился ко мнѣ лейтенантъ В. (младшій минеръ).

Я не нашелся, что отвѣтить.

Того же числа (*передъ завтракомъ*). Адмиралъ долго говорилъ съ флагманскимъ штурманомъ. О чемъ — неизвѣстно. Однако штурманъ прибѣгалъ въ рубку за генеральной картой „отъ Гонгъ-Конга до Владивостока“. Затѣмъ (у адмирала) интервью, весьма оживленное, со старшимъ механикомъ. Приказаніе запросить транспорты: у кого сколько угля для эскадры. Запросъ: исправны ли котлы и механизмы для дальняго похода. Въ отвѣтъ почти всѣ просили разрѣшенія кое-что перебрать и пересмотрѣть, но въ срокъ нѣсколькихъ часовъ;

самый долгій срокъ заявилъ „Наваринъ“, но и тотъ обѣщалъ быть готовымъ къ 3 час. пополудни.—Мнѣ кажется, что рѣшается судьба эскадры, наша судьба...

Лейтенантъ С. того же мнѣнія.

— Что вы думаете?—спросилъ я его,—повидимому, „нашъ“ рѣшилъ попытаться махнуть прямо во Владивостокъ. Это — идея. Японцы насъ прозѣвали — фактъ несомнѣнный. Пусть слѣдъ нашелся. Но какой? — Скажемъ: завтра же англичане сообщатъ имъ, что видѣли насъ идущими къ берегамъ Аннама; госпитальный „Орелъ“ придетъ въ Сайгонъ—лишній намекъ на то, что мы поблизости. Пока разберутся — мы ужъ пройдемъ Формозу.

— Вы знаете мой взглядъ на положеніе дѣлъ, — отвѣтилъ С., — но если онъ неосуществимъ, то я конечно присоединяюсь къ вашему. Впередъ! На походъ, даже на бой, въ данный моментъ у публики еще хватитъ пороху. На ожиданіе—нѣтъ. Скиснутъ, сдадутъ... И ужъ если впередъ—то теперь же! И главное — отсюда же, съ моря, не заходя ни въ какую бухту, не вступая въ телеграфныя сношенія!.. Тамъ,— онъ злобно погрозилъ кулакомъ по направленію къ Сайгону,— навѣрно ужъ лежатъ директивы, написанныя высокимъ слогомъ, въ которыхъ главную роль играетъ упованіе на силы небесныя!.. Пока онѣ насъ не достигли — руки развязаны. А станемъ на якорь—все къ чорту! Повиснемъ на телеграфной проволокѣ! *)

За столомъ адмиралъ, противъ обычая, ни съ кѣмъ не заговаривалъ. Тотчасъ послѣ завтрака ушелъ въ свой кабинетъ. Около 1 ч. пополудни неожиданно появился на верхнемъ мостикѣ и приказалъ потребовать, чтобы всѣ суда немедленно, по точному обмѣру угольныхъ ямъ, донесли о наличіи угля. Распоряженіе совсѣмъ необычное, казалось бы, даже излишнее **).

---

*) Какъ оказалось впослѣдствіи, лейтенантъ С. былъ глубоко правъ. 18 апрѣля агентство Гаваса разослало по всему міру слѣдующую телеграмму изъ Петербурга: «Рожественскій будетъ ожидать Небогатова». Очевидно это не могло быть рѣшеніемъ адмирала, но было рѣшеніемъ Петербурга, принятымъ немедленно по полученіи извѣстія о прибытіи эскадры въ Камранхъ. Не говоря про самое рѣшеніе, какая преступная болтливость!

**) Ежедневно утромъ всѣ суда сигналами показывали «утренній рапортъ», заключающій въ себѣ свѣдѣнія о наличіи къ 8 час. утра

„Ну,—подумалъ я,—видимо рѣшился. Въ добрый часъ!“

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ показывали на 100—150 тоннъ больше, чѣмъ при утреннемъ рапортѣ. Только „Александръ“ что-то медлилъ отвѣтомъ. Сдѣлали ему напоминаніе. Наконецъ отвѣтилъ... Смотримъ—ничего не понимаемъ... Заработалъ семафоръ: „Нѣтъ ли ошибки въ сигналѣ? Вы показываете на 300 тоннъ меньше, чѣмъ утромъ!“—Увы!—оказалось, что этотъ сигналъ совершенно вѣренъ, что ошибки въ немъ нѣтъ... Наоборотъ—имъ исправляется цѣлый рядъ ошибокъ, допускавшихся при показываніи утренняго рапорта... Наличіе тамъ опредѣлялось, обыкновенно, не обмѣромъ угольныхъ ямъ, а списываніемъ суточнаго расхода съ запаса, числящагося по журналу и состоящаго изъ угля, принятого въ Носи-бэ и допринятаго въ пути во время погрузокъ въ морѣ, которыхъ, не считая сегодняшней, было пять. Въ результатѣ—просчетъ, т. е. нехватка—400 тоннъ *).

угля, прѣсной воды, числѣ больныхъ и арестованныхъ, о температурѣ въ погребахъ и т. п. Вторичный запросъ о томъ же, въ тотъ же день, являлся только контролемъ.

*) Конечно, возможны были ошибки, какъ при записи расхода, такъ и въ пріемныхъ отмѣткахъ, но не въ равной степени. Расходъ ведется систематически изъ часа въ часъ. На второй эскадрѣ, на которой уголь являлся условіемъ sine qua non ея существованія, особенно строго предписывалось отпускъ его въ кочегарки производить не прямо изъ угольныхъ ямъ, а мѣрными кадками, подъ строгимъ контролемъ, для чего въ помощь механикамъ назначался съ вахты мичманъ или прапорщикъ запаса. Цѣлью этой мѣры было—каждый пудъ угля держать на учетѣ. При этомъ способѣ старшему механику предоставлялась также возможность строго контролировать работу подвѣдомственныхъ ему чиновъ. Если бы расходъ угля въ теченіе одной вахты рѣзко разнился отъ такового же расхода въ теченіе другой, онъ долженъ былъ бы личнымъ присутствіемъ убѣдиться, не вызывается ли такое обстоятельство неумѣлостью или небрежностью кочегаровъ, восполняющихъ недостатки плохого горѣнія, зависящаго отъ ухода за топкой, усиленнымъ подбрасываніемъ топлива. Словомъ, записи расхода, конечно, не были чужды погрѣшностей, но врядъ ли могли бы дать такіе результаты. Другое дѣло—запись прихода, которая велась при «авральной работѣ», при страшной спѣшкѣ, при общемъ желаніи—быть впереди другихъ, отличиться...

Во избѣжаніе недоразумѣній считаю долгомъ оговориться, что о какихъ-либо денежныхъ интересахъ отпускавшихъ и принимавшихъ уголь, въ данномъ случаѣ, и рѣчи быть не можетъ. Уголь былъ нашъ, казенный, давно оплаченный въ Петербургѣ. Лежитъ онъ на транспортѣ или на боевомъ кораблѣ—все равно—никакого процента съ его стоимости никто на эскадрѣ получить не можетъ. Если счетчики «Александра», выводя средній вѣсъ мѣшка съ углемъ, склонны были при-

— 400 тоннъ нехватки! Вотъ онѣ—первыя преміи за скорость погрузки въ морѣ, постоянно обиравшіяся „Александромъ“! По 80 тоннъ на каждую погрузку!.. 400 тоннъ!.. Вѣдь если пополнять ихъ въ морѣ—два, а то и три дня потеряно!.. Да и возможно ли? Гдѣ японцы? Можетъ быть подъ бокомъ? Кто знаетъ?.. Значитъ—идти въ Камранхъ и тамъ — „повиснуть на телеграфной проволокѣ“?..

Мнѣ было тяжело, почти... жаль, смотрѣть на адмирала... Онъ, неразъ, даже по пустякамъ, выходившій изъ себя, грозившій кулакомъ какому-нибудь кораблю, ошибшемуся въ исполненіи маневра, посылавшій по его адресу самые нелестные эпитеты (благо тамъ не слышатъ и не видятъ за дальностью разстоянія) — теперь не проронилъ ни слова... Какъ-то сгорбившись, судорожно ухватившись руками за поручень, онъ стоялъ на крылѣ мостика, изъ-подъ сдвинутыхъ бровей пристально всматриваясь въ сигналъ, трепавшійся на нокѣ форъ-марсареи „Александра“, словно, не вѣря глазамъ...

Поясненія, данныя по семафору, не оставляли мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Мы отвѣтили—„*Ясно вижу*“. „Александръ“ спустилъ сигналъ.

Адмиралъ, точно очнулся, махнулъ рукой и пошелъ внизъ..

— И ты, Брутъ!..—съ горькой улыбкой промолвилъ лейтенантъ С., оглядываясь на „Александра“, который онъ, какъ многіе другіе (и я въ томъ числѣ) всегда считали образцовымъ кораблемъ въ эскадрѣ. — Ну, что скажете? — добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Что-жъ сказать?—не везетъ!..

Очевидно, идея прямого похода во Владивостокъ рушилась...

Мнѣ кажется, нѣсколько знакомый съ характеромъ адмирала, который, при всей его энергіи, не былъ, до извѣстной степени, чуждъ фатализма, — я угадывалъ его рѣшеніе—„Не судьба!..“

Въ началѣ 3-го часа пополудни стали получаться (на пріемномъ аппаратѣ безпроволочнаго телеграфа) какія-то телеграммы. По манерѣ—непохоже на англійскія. Переговаривающіеся при-

---

кинуть, а не откинуть сомнительные фунты, то это вызывалось лишь (правда близорукимъ) стремленіемъ прославить свой корабль, но отнюдь не корыстными побужденіями.

ближаются *). Тотчасъ прекратили погрузку, собрали команду, подняли шлюпки, построились по дневной походной диспозиціи, наиболѣе удобной для перестроенія въ боевой порядокъ. Послѣ 3 ч. пополудни телеграфирующіе начали удаляться. Въ $4^1/_2$ ч. дня взяли курсъ на маякъ Padaran (на подходѣ къ бухтѣ Камранхъ).

31 марта. Ночь прошла спокойно. Около 7 ч. утра были у входа въ бухту. Застопорили машины. Послали миноносцы протралить мѣсто предполагаемой стоянки эскадры (какъ знать, чего не знаешь?), а минные катера—поставить вѣшки согласно диспозиціи, чтобы избѣжать путаницы и позднѣйшихъ перестановокъ, столь возможныхъ, и даже естественныхъ, при слабости организаціи „армады“. Въ ожиданіи выполненія этихъ подготовительныхъ работъ, грузили уголь, чѣмъ въ особенности рекомендовано было заняться „Александру“.

Съ часу дня одинъ за другимъ, по порядку нумеровъ диспозиціи, начали входить въ бухту транспорты. Несмотря на поставленныя вѣшки и самыя подробныя указанія, дѣло затянулось такъ, что боевымъ судамъ не успѣть было войти засвѣтло. Приходится еще ночь провести въ морѣ.

Въ 4 ч. пополудни, прибравшись послѣ угольной погрузки, построились по особой диспозиціи для прикрытія Камранха и подходовъ къ нему отъ покушеній непріятеля, а именно: поотрядно, уступами, лежа курсомъ SO 10°, причемъ самый правый и южный отрядъ составляли крейсера, позади нихъ и лѣвѣе—броненосные отряды, а въ хвостѣ и восточнѣе всѣхъ прочихъ—развѣдочный отрядъ. Разстояніе между ближайшими кораблями смежныхъ отрядовъ—2—3 мили. До 6 ч. вечера шли малымъ ходомъ. Потомъ застопорили машины, повернулись носами въ море. Теченіемъ насъ слегка относитъ на сѣверъ, такъ что къ утру опять будемъ своимъ центромъ противъ входа въ бухту. Непосредственно самый входъ охраняютъ миноносцы.

Ночь наступила тихая и ясная. Видимость вполнѣ удовлетворительная. Всякую попытку минной атаки можно обнаружить своевременно, а свобода для маневрированія—полная.

1 апрѣля. Ночь прошла спокойно. Только во 2-мъ часу появился какой-то небольшой пароходъ, шедшій съ сѣвера на

*) На аппаратѣ легко замѣтить — приближается или удаляется телеграфирующій.

югъ и державшійся между нами и берегомъ. Къ нему немедленно подошли миноносцы, а также „Жемчугъ“; освѣтили, осмотрѣли. Оказался—товаро-пассажирскій, каботажнаго плаванія, подъ китайскимъ флагомъ. Провожали его до предѣловъ видимости, освѣщая лучами прожекторовъ,—наилучшее средство, чтобы съ него ничего не видѣли.

Въ 11 ч. 30 м. утра вошли въ Камранхъ и стали на якорь по диспозиціи.

Всего пройдено отъ Носи-бэ — 4,560 миль, никуда не заходя. Фактъ безпримѣрный. Какъ бы англичане не лопнули отъ зависти! Прибыли благополучно, въ полномъ составѣ, никого не растерявъ въ пути... А, кабы не „Александръ“, могли бы, чего добраго, отхвативъ тѣмъ же махомъ еще „полъ-столька“, быть черезъ двѣ недѣли во Владивостокѣ!.. Досадно!

Настроеніе замѣтно приподнятое. Зашелъ въ каютъ-компанію. Тамъ ораторствуетъ Б. (старшій минеръ).

— Худо ли, хорошо ли, а отъ Кронштадта—16,628 миль! Недурной кусокъ! И въ полномъ составѣ! Зиновію — честь. Кому другому по плечу?—Дубасовъ, да Чухнинъ, а тамъ—хоть шаромъ покати!

Переходъ дѣйствительно недуренъ. Однако, если прикинуть по ариѳметикѣ, выходитъ, что, исключивъ изъ общаго срока время, потраченное на погрузки угля, получается средняя скорость 180 миль за ходовыя сутки (въ этомъ же счетѣ и попутное теченіе), т. е. $7^1/_2$ узловъ. Исключивъ теченіе — 7 узловъ. Это нашъ — sea speed *). Неутѣшительно...

Немедленно по постановкѣ на якорь приступили къ привязыванію сѣтей. (На походъ были отвязаны).

Пришли и, почти одновременно съ нами, вошли въ бухту 4 угольщика (Hamburg-America Linie). Это около 30 тысячъ тоннъ. Эхъ, кабы погрузиться и удрать безъ вступленія въ сношенія съ Петербургомъ!

Днемъ дулъ свѣжій бризъ. Къ вечеру стихъ. Ночью—мертвый штиль. Два крейсера держатся передъ входомъ, обра-

*) Читатели могутъ спросить: — Почему же? Вѣдь самые плохіе изъ транспортовъ и тѣ были законтрактованы, какъ 10-узловые? — Отвѣчу: изъ-за поломокъ, поврежденій и недостатка подготовки къ такому походу, которыя вызывали непредвидѣнныя задержки въ пути.

зуя свѣтовую преграду; 4 миноносца — въ дозорѣ; 6 минныхъ катеровъ—въ сторожевой цѣпи".

На этомъ я прекращаю дословныя выписки изъ моего дневника о походѣ черезъ океанъ и дальше буду передавать его содержаніе своими словами, опуская неинтересныя техническія подробности, пополняя и разъясняя краткія замѣтки, много говорящія мнѣ, но мало понятныя широкому кругу читателей.

IX.

Игра судьбы.—Адмиралъ Жонкьеръ.—Выселеніе въ 24 часа.—Начало скитанія у береговъ Аннама.—Журналъ «скитанія».—Настроеніе на эскадрѣ.—Слово «невозможно» существуетъ.—Агонія армады.—Побѣдителей не судятъ.—Свѣдѣнія объ японцахъ.—«Подъ гору, чѣмъ дальше, тѣмъ круче...»

2, 3 и 4 апрѣля усиленно перегружали уголь съ нѣмцевъ на боевыя суда, а затѣмъ на эскадренные транспорты.

2 апрѣля пришелъ изъ Сайгона госпитальный „Орелъ". Оригинальный случай, если хотите — игра судьбы. При проходѣ Малаккскимъ проливомъ, ночью, на „Нахимовѣ" пропалъ человѣкъ. Полагали, что упалъ за бортъ и утонулъ. Оказалось—иначе. За бортомъ онъ, дѣйствительно, очутился, но нечаянно или умышленно — сказать трудно. Скорѣе — послѣднее. Человѣкъ, внезапно сорвавшійся откуда-нибудь, непремѣнно вскрикнетъ, но если бы даже у него духъ захватило, и крикнуть онъ не успѣлъ,—все же въ этотъ моментъ похода вахтенная и сторожевая служба неслись съ такимъ напряженіемъ всѣхъ силъ, борта были до такой степени усѣяны людьми, во все вглядывавшимися, ко всякому звуку прислушивающимися, что паденіе человѣка за бортъ могло пройти незамѣченнымъ лишь при условіи, что имъ было выбрано для этой цѣли особо укромное мѣсто и особенно благопріятный моментъ. Вѣрнѣе всего, видя огни города Малакка, считая берегъ совсѣмъ близко (ночью разстоянія крайне обманчивы), онъ просто рѣшилъ дезертировать, въ надеждѣ, либо доплыть до берега, либо быть подобраннымъ рыбаками или мимо идущимъ пароходомъ. Къ тому же, когда его подобрали, оказа-

лось, что онъ держался на водѣ при посредствѣ спасательнаго круга, который случайно (по его словамъ) попался ему подъ руку...

Фактъ, въ исторіи войнъ, не единичный. Очень часто человѣкъ явно рискуетъ жизнью, даже покушается на самоубійство въ данный моментъ, чтобы избавиться отъ страха передъ будущей, только ожидаемой, смертельной опасностью. Мнѣ по этому поводу невольно вспомнился случай въ Портъ-Артурѣ, когда одинъ офицеръ былъ отправленъ въ Россію потому, что, побывавъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, впалъ въ нервное разстройство и съ безумными глазами увѣрялъ и докторовъ, и ближайшее начальство, что „дольше ждать не можетъ“ и въ слѣдующемъ дѣлѣ, при первыхъ выстрѣлахъ, лишитъ себя жизни. На этотъ разъ судьба зло посмѣялась надъ злополучнымъ бѣглецомъ. До берега онъ не доплылъ (разстояніе было все же около 6 миль), акулы его не съѣли, но, съ другой стороны, и рыбаки его не подобрали. Попади онъ въ Малакку или на пароходъ, идущій куда угодно, кромѣ Сайгона, — онъ несомнѣнно избѣгъ бы службы на второй эскадрѣ. Надо замѣтить, что Малаккскій проливъ очень бойкое мѣсто, и здѣсь всякихъ пароходовъ немало. Надо же было, чтобы послѣ 11-часового пребыванія въ водѣ его принялъ на бортъ пароходъ компаніи „Messageries Maritimes“, проходящій здѣсь только два раза въ мѣсяцъ и доставившій его въ Сайгонъ, въ распоряженіе нашего консула...

Съ ближайшимъ транспортомъ, привезшимъ намъ провизію, онъ прибылъ на эскадру и былъ водворенъ на „Нахимовъ“. Конечно, никакого суда надъ нимъ не состоялось, такъ какъ онъ утверждалъ, что упалъ за бортъ нечаянно, но все же избѣгнуть своей участи ему не удалось.

Того же числа (2 апрѣля) пришелъ въ Камранхъ на крейсерѣ „Descartes“ младшій флагманъ французской эскадры въ южно-китайскихъ водахъ — к.-адм. Жонкьеръ, съ которымъ я познакомился еще на „Діанѣ“, въ Сайгонѣ, полгода тому назадъ. Средняго роста, сухощавый, съ сильной просѣдью, но необычайно бодрый и живой, какъ ртуть. Года? — сильно за сорокъ, пожалуй, даже пятьдесятъ, но энергія—въ пору молодому лейтенанту. Онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ того взгляда, что выступленіе Японіи противъ Россіи только первый шагъ, если не къ полному изгнанію европейцевъ изъ Азіи, то во всякомъ случаѣ къ замѣнѣ господства бѣлыхъ

гегемоніей паназіатскаго союза, общимъ знаменемъ котораго будетъ знамя—Восходящаго Солнца.

— Я нѣсколько не понимаю японцевъ, — говорилъ онъ,— но нахожу имъ оправданіе въ соображеніяхъ чисто географическихъ, а главнымъ образомъ въ томъ, что ихъ походы въ Корею—это нѣчто въ родѣ вашихъ походовъ на Константинополь, нѣчто, уходящее въ глубь вѣковъ, вполнѣ понятное ихъ, поголовно грамотному, народу. Струна, играя на которой, они могли вызвать взрывъ народнаго одушевленія, какъ у васъ при войнахъ съ Турціей. У васъ — Олегъ, прибившій свой щитъ къ воротамъ Константинополя, у нихъ — Хидейоси... Съ чисто-военной точки зрѣнія имъ правильнѣе было бы дѣйствовать по линіи наименьшаго сопротивленія, а вѣдь мы здѣсь, на востокѣ, неизмѣримо слабѣе васъ! Подъ бокомъ— Сіамъ, гдѣ наслѣдный принцъ женатъ на японской принцессѣ, гдѣ изъ числа министровъ двое (изъ нихъ одинъ — военный) японцы, гдѣ армія вооружена японскимъ ружьемъ, обучена японскими инструкторами, по японскому уставу, гдѣ склады боевыхъ припасовъ одинаково могутъ служить и туземнымъ войскамъ, и войскамъ радостно привѣтствуемаго десанта... Чѣмъ располагаемъ мы здѣсь для защиты колоніи? — смѣшно сказать... Я искренно вѣрилъ, что первый ударъ будетъ направленъ противъ насъ! Впрочемъ, можетъ быть, японцы, держащіеся мудраго правила считаться съ психологіей возможныхъ противниковъ, хорошо зная васъ — неисправимыхъ идеалистовъ—не безъ основанія думали, что вы не поступите подобно нашему правительству, а, видя добраго союзника въ опасности, навалитесь на нихъ всей силой съ сѣвера?.. Возможно! И тогда я ихъ понимаю. Чего я никакъ понять не могу — это уклончивыхъ и нерѣшительныхъ дѣйствій нашего правительства! Неужели они не въ силахъ уяснить себѣ такой очевидности, что вѣдь послѣ васъ—наша очередь? — Что отказываясь, въ угоду Англіи, отъ нашей первоначальной декларація о нейтралитетѣ, полусоглашаясь со вновь объявленными дополнительными правилами, они себѣ же роютъ яму въ будущемъ! Въ случаѣ войны мы окажемся, если эти принципы утвердятся, почти такими же безпріютными, какъ вы!.. Во всякомъ случаѣ вѣрьте, что мы, работающіе здѣсь, на мѣстѣ, понимающіе положеніе вещей, мы, сколько въ нашихъ силахъ, мы — вѣрные ваши союзники, не только по дружбѣ, о которой такъ много говорили передъ заключеніемъ договора

(помните: сначала entente cordiale, потомъ nation amie и лишь наконецъ—nation alliée), но самые вѣрные союзники—по разсчету!

3 апрѣля пришелъ „Eridan“, первый пароходъ изъ Сайгона, доставившій намъ свѣжую провизію и зелень. Зеленыя щи! — Оцѣните-ка это послѣ цѣлаго мѣсяца всякой „консервятины“, какъ выражались въ каютъ-компаніи!.. На томъ же пароходѣ прибыли лейтенанты К. и М. и машинистъ-воздухоплаватель.

Послѣдніе двое сидѣли въ Портъ-Артурѣ до самаго конца. Въ качествѣ больныхъ не были забраны въ плѣнъ, но эвакуированы въ Шанхай на попеченіе русскаго правительства. Оправившись отъ болѣзней, устремились на вторую эскадру. Разсказывали нехорошія вещи, такъ что ихъ „просили“ (запрещеніе — было бы въ нашихъ обстоятельствахъ пустымъ звукомъ) не особенно распространяться, чтобы не подрывать и безъ того некрѣпкаго духа.

По ихъ словамъ, поведеніе Стесселя было весьма далеко отъ геройства. Единства, сплоченности не было. Настроеніе массъ, подмѣченное мною еще въ іюлѣ — недовѣріе къ словамъ и завѣреніямъ „начальства“ — только прогрессировало. Со смертью Кондратенко палъ послѣдній авторитетъ. Убѣжденіе, что „начальство“ только „отыгрывается“ за счетъ пушечного мяса, что „все равно, не стоитъ“ — росло и ширилось... Въ послѣдніе дни дралось не болѣе 5,000 человѣкъ, а сдаваться пришло совсѣмъ здоровыхъ 23,000... Происходили ужасныя сцены—драки, даже убійства— мотивомъ которыхъ было: „гдѣ ты, подлецъ, прятался?..“

Дѣйствительные защитники фортовъ, изнуренные голодомъ, одѣтые въ лохмотья, не могли, придя въ городъ, равнодушно видѣть складовъ обмундированія и продовольствія, приготовленныхъ къ сдачѣ японцамъ „подъ оправдательные документы“... Многое было разбито, разграблено... Мимо! мимо!..

Того же числа Жонкьеръ на „Descartes“ ходилъ въ бухту Натранхъ (около 20 миль къ сѣверу отъ Камранха) и на слѣдующій день вернулся.

День 5 апрѣля прошелъ тихо и спокойно. Погода ровная: днемъ—свѣжій бризъ, ночью—штиль. Ѣздилъ по порученію адмирала къ Жонкьеру предупредить его, что завтра собираемся выйти въ море для испытанія кое-какихъ, частью исправленныхъ, частью перебранныхъ, послѣ долгаго похода механизмовъ.

Одѣлся соотвѣтственно предстоящему визиту. На китель вмѣсто обычнаго „Владиміра“ нацѣпилъ „Legion d'honneur“. Съ первыхъ словъ заявилъ, что самъ напросился на порученіе, — хотѣлось увидѣть его, который такъ сердечно отнесся къ нашему крейсеру, гонимому судьбой (тутъ онъ меня перебилъ—„C'est pas la fatalité—c'est de la diplomatie!“), столько оказалъ дружескихъ услугъ и мнѣ, и другимъ офицерамъ „Діаны“, и, наконецъ, ей самой... Хотя и не удалось осуществить, — но не по его винѣ... (Тутъ онъ опять замахалъ руками—„Pst! pst! si on nous entendrait à Paris...“), наконецъ, когда я почтительнѣйше доложилъ ему о служебной цѣли моего визита, онъ, помощью всего арсенала любезныхъ словъ, просилъ благодарить адмирала за его предупрежденіе, котораго онъ даже не смѣлъ ожидать, такъ какъ въ военное время мотивы выхода въ море — тайна, и если ему ее довѣрили — онъ можетъ только гордиться довѣріемъ и т. д. Къ этому онъ добавилъ, какъ бы между словъ, что черезъ Натранхъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ высшимъ начальствомъ, и „пока“ онъ руководствуется правилами декларацiи о нейтралитетѣ, объявленной при началѣ войны. По его мнѣнію, мы ведемъ себя строго корректно, и цѣль его пребыванія здѣсь — охранять территоріальныя воды Франціи, главнымъ образомъ отъ японцевъ, которые уже показали себя въ Чемульпо и въ Чифу. — „Я сумѣю сдѣлать! Qu'on tire, qu'on vise même, sur mon croiseur! когда я безъ выстрѣла вынесу на границу нашихъ территоріальныхъ водъ французскій флагъ (les couleurs de la France)!“

Почему я такъ полюбилъ этого совсѣмъ мнѣ чужого француза и никогда не забуду знакомства съ нимъ, которое, если подсчитать въ общей сложности, по хронометру, не превышало нѣсколькихъ часовъ бесѣды?.. Можетъ быть оттого, что гонимымъ, отверженнымъ, такъ дорого смѣло и открыто сказанное слово участія?..

— Enchanté de vous voir et au plaisir de vous revoir, — говорилъ онъ, прощаясь со мною. — Но если вамъ удастся, если... я не хочу загадывать! Тогда — наша декларація, отъ которой (Dieu soit benit) мы еще не отказались официально — она воспрянетъ во всей силѣ, и ваша „Діана“ выйдетъ на соединеніе съ эскадрой! Vous y reviendrez, mon commandant? Hein?

— Pour sur, mon Amiral! — отвѣчалъ я, горячо пожимая его руку...

6 апрѣля, въ 8 ч. утра, обоими броненосными отрядами, прихвативъ изъ крейсеровъ „Аврору“, вышли въ море. Опредѣляли девіацію компасовъ, немного маневрировали. Истинной цѣлью выхода было — прикрыть отправку въ Сайгонъ транспортовъ „Кіевъ“, „Китай“, „Юпитеръ“ и „Князь Горчаковъ“, съ которыхъ уже было выбрано все, что возможно, и которые въ дальнѣйшемъ плаваніи были бы намъ только помѣхой. Между тѣмъ, придя въ Сайгонъ и нагрузившись имѣвшимися тамъ запасами кардифа, они могли представить собою плавучія базы для нашихъ крейсеровъ, выходя къ этимъ послѣднимъ на назначенное рандеву по условной телеграммѣ. „Кубань“, „Терекъ“ и „Уралъ“ были посланы конвоировать транспорты до ихъ подхода къ Сайгону, на случай появленія японскихъ вспомогательныхъ крейсеровъ.

7 апрѣля. Грузили уголь. Въ $6^1/_2$ ч. вечера благополучно возвратились „Кубань“, „Терекъ“ и „Уралъ“. Непріятеля не видѣли. Транспорты—въ Сайгонѣ.

8 апрѣля. Около полудня пріѣхалъ Жонкьеръ, крайне смущенный. Объявилъ, что по требованію французскаго правительства (союзники!) мы должны немедленно покинуть территоріальныя воды. Срокъ — 24 часа... Что дѣлать! — битые всегда виноваты... Если-бы подъ Мукденомъ былъ разгромленъ Ояма — мы бы жили здѣсь припѣваючи въ ожиданіи прихода Небогатова...—Охъ, ужъ этотъ Небогатовскій отрядъ!.. Теперь мы знаемъ: п р и к а з а н о ждать его присоединенія.— „Закончить стратегическое развертываніе силъ“ и... — дальше уповать на силы небесныя. — Не будь этого отряда, мы были бы теперь уже на полъ-пути къ Владивостоку съ японцами, потерявшими нашъ слѣдъ... А кто виноватъ? — стратеги, не только никогда не слышавшіе свиста непріятельскаго снаряда, но даже пугливо удиравшіе отъ самой возможности попасть въ такое положеніе! Тотъ же Кладо, который вопіялъ: „Не спрашивайте Рожественскаго!.. Посылайте все, что можно!.. Не теряйте ни минуты, иначе будетъ поздно!.. Тамъ дорогъ каждый корабль, каждая пушка!..“ Такъ вѣдь, въ дѣйствительности, дорогъ то корабль, а не калоша! Дорога пушка, а не „дырка, облитая желѣзомъ“!.. Горько и обидно не только выписывать, но даже и перечитывать эти строки моего дневника...

Передъ отправленіемъ транспортовъ въ Сайгонъ, въ виду вполнѣ опредѣлившейся невѣроятности возвращенія на эска-

дру г. Кладо, его каюта была отперта, вещи и бумаги, въ ней находившіяся, собраны флагъ-капитаномъ, запакованы и сданы для препровожденія по адресу черезъ консульство.

— Ну? что я вамъ говорилъ?—обратился ко мнѣ по этому поводу лейтенантъ С. — Вернется? — Не такъ глупъ! А вотъ— помяните мое слово — сидя на мягкомъ креслѣ, насъ же будетъ критиковать! Онъ-то!.. Ну, да это—неважно. Растлѣніе — вотъ что обидно. Слѣпота общества—за нее стыдно. Я все время въ корреспонденціи, не теряю связи съ Петербургомъ, знаю всю подноготную... Знатее ли вы, что г. Кладо все свое гражданское мужество проявляетъ въ надеждѣ на воздаяніе? Весь его литературный вопль — перепѣвъ бирилевскаго доклада отъ октября (или ноября) мѣсяца 1904 года! доклада, въ которомъ нашъ „боевой“ адмиралъ (гдѣ только онъ воевалъ?) доказываетъ полную возможность и даже необходимость посылки намъ въ подкрѣпленіе всякой рухляди... Это ничего, что Кладо сейчасъ въ оппозиціи. Это оппозиція не по существу дѣла, а личная. Свалятъ Авелана, посадятъ на его мѣсто Бирилева—тутъ-то Кладо и расцвѣтетъ! Наверстаетъ всѣ протори и убытки... А „тамъ-то“ сбѣсились!— „почетный кортикъ“! Ха-ха-ха!...

Я никогда не видѣлъ его въ такомъ возбужденномъ состояніи *).

9 апрѣля. Всю ночь спѣшно разгружали „Тамбовъ“ и „Меркурій“, а также нѣмецкихъ угольщиковъ и пароходы съ провизіей, прибывшіе изъ Сайгона.

Въ 1 ч. пополудни (точно въ 24-часовой срокъ) всѣ боевыя суда вышли въ море. Въ бухтѣ остались только транспорты, да „Алмазъ“, котораго самый придирчивый непріятель не рѣшился бы зачислить ни въ какой рангъ боевыхъ судовъ.

На „Суворовѣ“ состоялось собраніе флагмановъ и капитановъ.

Еще въ Индійскомъ океанѣ (21 и 22 марта, въ приказахъ за №№ 170 и 171) адмиралъ просилъ командировъ ежедневно повторять наставленія офицерамъ и комендорамъ о необходи-

---

*) Маленькая справка: ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по Морск. Вѣд. отъ 2 Мая 1905 г. *исключенный* изъ службы кап. 2 р. Кладо, въ правленіе адм. Бирилева, вновь принятъ на службу, переименованъ «по-адмиралтейству» произведенъ за «отличіе» въ полковники и нынѣ состоитъ лекторомъ «Исторіи военно-морского искусства» въ учреждаемой Академіи Морского Генеральнаго Штаба.

Ну, развѣ-же лейтенантъ С. не оказался пророкомъ?!..

мости крайне осмотрительнаго и толковаго расходованія боевыхъ запасовъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ... разъяснять, что безтолковое бросаніе дождя перелетающихъ и недолетающихъ снарядовъ только веселитъ противника и служитъ ему наглядным поученіемъ, какъ не надо стрѣлять... что заряжать надо быстро, а наводить очень тщательно... Но самая тонкая наводка безсмысленна, если установка прицѣла невѣрна...

Приказъ этотъ предписывалось прочитать въ присутствіи офицеровъ и комендоровъ, но не ограничиться только чтеніемъ, а непремѣнно ежедневно собирать ихъ... для подтвержденія и разъясненія важности неторопливой и осмысленной стрѣльбы... При отраженіи ночью минной атаки... сохранять полное спокойствіе, чтобы не поражать своихъ. Крейсерамъ, охраняющимъ фланги, воздерживаться отъ стрѣльбы внутрь строя, если не представляется случая выстрѣлить подъ большимъ угломъ сниженія и противъ промежутка между кораблями... Пока корабль не взорванъ, воспрещается выходить изъ строя, чтобы не произвести замѣшательства между задними мателотами, помня, что таковое очень выгодно для атакующаго... Только взорванный и неспособный имѣть эскадреннаго хода корабль долженъ выходить внаружу походнаго строя, и въ такомъ случаѣ къ пострадавшему должны подойти корабли, указанные въ приказѣ № 159 (объ этомъ приказѣ я упоминалъ уже въ моемъ предисловіи къ дневнику похода черезъ Индійскій океанъ).

Среди другихъ многочисленныхъ распоряженій нельзя не отмѣтить приказъ отъ 2 апрѣля за № 178—о мѣрахъ къ предупрежденію и отраженію атаки подводными лодками и приказъ отъ 3 апрѣля за № 182, въ которомъ излагался схематически планъ дѣйствій въ случаѣ появленія непріятеля въ виду Камранха въ значительныхъ силахъ: „...я выйду въ море... со мной будутъ главныя силы эскадры, т. е. оба броненосные отряда, крейсера „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“ и 1-е отдѣленіе миноносцевъ, а также крейсерскій отрядъ въ составѣ—„Олегъ“, „Аврора“ и „Донской“. Мѣста „Жемчуга“, „Изумруда“ и миноносцевъ—тѣ же, какъ указано для боевого порядка при встрѣчѣ непріятеля въ морѣ. Назначеніе ихъ—оберегать фланги линіи броненосцевъ отъ минныхъ атакъ. Мѣсто крейсерскаго отряда—за срединой линіи броненосцевъ, въ сторонѣ, противоположной непріятелю и внѣ его перелетовъ. Назначеніе ихъ—дѣйствовать противъ крейсеровъ непріятеля, пытающихся обойти фланги линіи броненосцевъ и поставить ихъ въ два огня, а

также прикрытіе и оказаніе помощи судамъ броненосныхъ отрядовъ, потерпѣвшихъ отъ непріятеля или отъ аваріи. При этомъ „Олегъ“ и „Аврора“ могутъ дѣйствовать и наступательно, если противникъ окажется имъ по силамъ, но „Донской“, не обладающій должной скоростью хода, не долженъ увлекаться наступленіемъ и долженъ держаться отъ броненосцевъ въ такомъ разстояніи, чтобы всегда могъ уйти подъ ихъ защиту и не рисковалъ бы быть отъ нихъ отрѣзаннымъ.

„Для защиты транспортовъ отъ нападенія на нихъ крейсеровъ или миноносцевъ непріятеля... назначаются „Свѣтлана“, „Кубань“, „Терекъ“, „Уралъ“, „Днѣпръ“, „Ріонъ“, 2-е отдѣленіе миноносцевъ, всѣ минные катера и „Алмазъ“. Съ уходомъ главныхъ силъ всѣ суда, кромѣ транспортовъ, снимаются съ якоря (необходимо для Жонкьера, чтобы онъ могъ донести—„Всѣ ушли“). „Алмазъ“, тоже снявшійся съ якоря, остается во внутренней бухтѣ при транспортахъ (Жонкьеръ прямо сказалъ—„Къ этому придраться невозможно!“). Всѣ выше перечисленные вспомогательные крейсера подъ общей командой и руководствомъ начальника развѣдочнаго отряда капитана 1 ранга Шеина („Свѣтлана“) выходятъ на внѣшній рейдъ и, въ одной кильватерной колоннѣ, держатся между мысомъ Камранхъ и о-вомъ De-la-Prise. Между ними и берегомъ—2-е отдѣленіе миноносцевъ. Минные катера располагаются по западную сторону о-ва Танге...

„Въ зависимости отъ обстоятельствъ и силъ непріятеля, начальникъ развѣдочнаго отряда (кап. 1 ранга Шеинъ) или выжидаетъ приближенія непріятеля, или выходитъ въ море для боя съ нимъ передъ входомъ въ бухту, сохраняя однако всегда такое положеніе, чтобы непріятель не могъ, въ обходъ его, проникнуть къ мѣсту стоянки транспортовъ. Отдѣльныя суда, пытающіяся произвести такой прорывъ, атакуются миноносцами 2-го отдѣленія, слѣдующими при крейсерахъ, а при входѣ въ самую бухту ихъ встрѣчаютъ минные катера, которые до послѣдняго момента не должны обнаруживать своего присутствія *).

„Всѣ, оставленные эскадрою на водѣ, паровые катера располагаются передъ входомъ на внутренній рейдъ и слѣдятъ

*) Тутъ говорить о нарушеніи нейтралитета не приходится—онъ будетъ уже нарушенъ со стороны непріятеля фактомъ нападенія на транспорты, стоящіе въ территоріальныхъ водахъ нейтральной державы.

за возможнымъ появленіемъ подводныхъ лодокъ, которыя уничтожаютъ тараненіемъ. Если, несмотря на всѣ принятыя мѣры, непріятель появится передъ входомъ на внутренній рейдъ, его встрѣчаютъ огнемъ „Алмазъ“, „Камчатка, „Анадырь“ и „Иртышъ“. Послѣдніе три стоятъ вполнѣ готовыми выпустить якорные канаты и дать ходъ, дабы, если непріятель проникнетъ на самый внутренній рейдъ, дѣйствовать противъ него таранными ударами.“

Кромѣ того, въ предвидѣніи возможныхъ поврежденій отъ минныхъ атакъ, приказомъ отъ 3 апрѣля за № 183, предписано было флагманскому инженеру П. и его сотоварищамъ—К., З. и Л. — „осмотрѣть отсѣки и бортовые коридоры, а также провѣрить непроницаемость горловинъ и исправность остальныхъ приборовъ, обезпечивающихъ непотопляемость“ на всѣхъ боевыхъ судахъ *).

Всѣ эти приказы, равно какъ и другіе, о которыхъ я говорилъ раньше, указывавшіе, какъ дѣйствовать, что будетъ предприниматься, если непріятель появится сзади, спереди, справа, слѣва,—были на собраніи подтверждены и комментированы. Затѣмъ адмиралъ сообщилъ о суровомъ рѣшеніи французскаго правительства, доставленномъ Жонкьеромъ.

— Судить—въ правѣ или не въ правѣ они предъявлять намъ такія требованія—внѣ нашей компетенціи. Въ этомъ дѣлѣ должны разбираться Петербургъ съ Парижемъ. Будь „Descartes“ англійскимъ крейсеромъ, можно было бы спорить... въ крайнемъ случаѣ—опереться на силу. Пусть собираетъ эскадру достаточную, чтобы принудить меня уйти! Но здѣсь—союзники... И—„просятъ“ о выходѣ... Я рѣшилъ держаться въ морѣ, внѣ территоріальныхъ водъ, близъ Камранха, гдѣ оставлю транспорты и небоевыя суда. Приказано ждать Небогатова. Буду ждать. Черезъ Сайгонъ буду поддерживать телеграфное сообщеніе съ Петербургомъ. Буду ждать, пока не сожжемъ угля столько, что остатка хватитъ только на походъ до Владивостока. Если къ этому времени Небогатовъ не подойдетъ—дѣлать нечего—пойдемъ впередъ безъ него... Впередъ! всегда—впередъ! Это надо помнить...

Адмиралъ говорилъ безъ увлеченія, какимъ-то, вовсе ему

*) Въ то же время флагманскій корабельный инженеръ П. объѣзжалъ всѣ корабли, наблюдая, по порученію адмирала, за наивозможнымъ уменьшеніемъ горючаго матерьяла въ надводной части и подавая въ этомъ отношеніи не только совѣты, но и приказанія именемъ адмирала.

несвойственнымъ, холоднымъ „казеннымъ“ тономъ... Впечатлѣніе осталось смутное...

Началось наше скитаніе у береговъ Аннама—медленная агонія сборища кораблей, офиціально именовавшагося второй эскадрой.

Этимъ тяжелымъ днямъ въ моемъ дневникѣ отведено обширное мѣсто.— Много, слишкомъ много, было томительнаго досуга... Боюсь, что читателямъ тягостно будетъ слѣдить за моими замѣтками изо дня въ день. Постараюсь по мѣрѣ возможности сократить повѣствованіе.

Прежде всего—хронологическое изложеніе фактовъ самого скитанія.

Какъ я говорилъ уже, 9 апрѣля всѣ боевыя суда, на глазахъ Жонкьера, вышли въ море, а въ бухтѣ остались только транспорты, къ которымъ, казалось бы, самыя драконовскія правила нейтралитета непримѣнимы. Кромѣ того съ нашей стороны дано было обѣщаніе, что, пока транспорты пользуются покровительствомъ нейтралитета Франціи, а сама эскадра, хотя и пребываетъ внѣ территоріальныхъ водъ, состоитъ въ [illegible] съ ними,— никакихъ крейсерскихъ операцій, какъ въ смыслѣ захвата судовъ, везущихъ военную контрабанду, такъ даже и въ смыслѣ развѣдокъ, предприниматься не будетъ, чтобы не дать повода предъявить обвиненіе въ пользованіи водами союзника, какъ базой для военныхъ дѣйствій. Кажется, трудно быть корректнѣе?.. Такъ думали мы, такъ думалъ Жонкьеръ и прочія мѣстныя власти. Въ Петербургѣ и Парижѣ думали иначе.

Не имѣя данныхъ, не берусь судить—французы ли подъ угрозой Англіи оказались особенно настойчивыми, или наши оказались чрезмѣрно уступчивыми—во всякомъ случаѣ принято было рѣшеніе, чтобы въ территоріальныхъ водахъ Франціи и духу не оставалось не только военнаго, но даже и торговаго русскаго флага... Извѣстіе о такомъ рѣшеніи мы получили *12 апрѣля*, а рано утромъ *13 апрѣля* вся „армада“ вышла въ море. Свидѣтелемъ нашего удаленія былъ Жонкьеръ на крейсерѣ „Descartes“. Проводивъ насъ за предѣлы территоріальныхъ водъ, прослѣдивъ за нами, пока мы не скрылись изъ виду, онъ пошелъ въ Сайгонъ съ донесеніемъ, что „русская эскадра удалилась отъ береговъ Аннама на востокъ; назначеніе — неизвѣстно“.

Скитаться въ океанѣ, ожидая Небогатова, скитаться всей „армадой“, охраняя транспорты, когда и собственная-то охрана являлась крайне проблематичной,— было фактически невозможно. Адмиралъ принялъ рѣшеніе, единственное, какое оста-

валось въ этомъ безвыходномъ положеніи: какъ только скрылись изъ виду—„Descartes“, уходившій въ Сайгонъ, и скалы Камранха, откуда могли наблюдать за нашими движеніями и давать свѣдѣнія на телеграфъ, — мы повернули къ сѣверу и вечеромъ того же дня вошли въ бухту Van-fong. Вошли въ полномъ составѣ—и транспорты, и боевыя суда—вошли и стали на якорь. Стоянка—отвратительная, но все же стоянка, необходимая если не для отдыха, то хотя бы для передышки измученному личному составу. Все-таки здѣсь атаку можно было ожидать только съ одной стороны... Но объ этомъ скажу послѣ.

Единственное достоинство бухты—отсутствіе телеграфа, отсутствіе всякихъ офиціальныхъ властей. Однако же... и тутъ не повезло!—Разъ въ мѣсяцъ сюда заходитъ небольшой пароходикъ каботажнаго плаванія, забирающій отъ мѣстныхъ рыбаковъ ихъ уловъ и снабжающій ихъ необходимыми продуктами. На бѣду, онъ оказался въ Van-fong'ѣ какъ разъ въ день нашего прибытія, а 14 апрѣля ушелъ въ Сайгонъ (съ заходомъ въ попутныя бухты).

Все же остались: пока дойдетъ, пока соберутся „попросить о выходѣ...“

Дѣйствительно, только 16 апрѣля телеграфъ оповѣстилъ міръ о нашемъ пребываніи въ Van-fong'ѣ. Немедленно administrateur'у, имѣвшему резиденцію въ Натранхѣ (по прямой линіи—20 миль къ югу отъ Van-fong'а) даны были приказанія предъявить намъ требованіе о выходѣ въ срокъ 24 часовъ. Уважаемый administrateur, видимо, былъ того же образа мыслей, что и Жонкьеръ, а по части служебной этики придерживался тѣхъ же взглядовъ, что небезызвѣстный читателямъ „маіоръ“ въ Angra Penquena. Не перенося морскихъ путешествій (по свойству своей натуры), онъ повезъ намъ свой грозный ультиматумъ берегомъ и, ввиду несовершенства путей сообщенія, только 19 апрѣля прибылъ на „Суворовъ“, совершенно измученный, ибо во исполненіе долга ѣхалъ день и ночь.

Дѣлать нечего—*20 апрѣля* всей „армадой“ опять вышли въ море, при свидѣтеляхъ—былъ присланъ изъ Сайгона Жонкьеръ, но уже не на „Descartes“, а на „Guichen“. Снова онъ имѣлъ случай донести, что мы „удалились на востокъ по неизвѣстному назначенію“. Предупредилъ однако, что цѣлыя сутки будетъ крейсировать вдоль берега, наблюдая, чтобы мы не забрались въ какую-нибудь другую „безтелеграфную“ бухту.

21 апрѣля вернулись на старое мѣсто. Такъ скверно (объ

этомъ послѣ), что все равно—пусть хоть въ нарушеніи слова обвиняютъ...

22 апрѣля флагманскій штурманъ полковникъ Ф. и я (приказомъ по морскому вѣдомству, полученнымъ еще на Мадагаскарѣ, я былъ „легализированъ“ на эскадрѣ въ должности флагманскаго штурмана—чистая фикція, такъ какъ въ штабѣ адмирала состояло уже трое флагманскихъ штурмановъ, все старше меня и много меня опытнѣе) отправились на пароходѣ „Русь“ осматривать близъ-лежащія бухты, годныя для стоянки, но внѣ предѣловъ телеграфной досягаемости, и такія, чтобы прохожіе—мимо идущіе пароходы—съ моря не могли бы увидѣть эскадры и своей болтовней не обнаружили бы тайны нашего убѣжища. Намѣтили Vung-Ro и Port Dayotte. Послѣдняя очень хороша. Единственный недостатокъ—плохо промѣрена и описана. Могутъ быть непріятные сюрпризы вродѣ отвѣсно-подымающихся со дна коралловыхъ банокъ. Медлили перебираться, пользуясь полученнымъ изъ Натранха (куда посылали, якобы съ моря, миноносецъ) извѣстіемъ, что идетъ тайфунъ, и есть опасеніе, что пройдетъ близко. Это ужъ—force majeure! Право убѣжища при прохожденіи тайфуна не можетъ быть отмѣнено никакими дополненіями къ декларацiи о нейтралитетѣ. И впрямь—даже въ бухту заходила крупная зыбь, а сторожевымъ крейсерамъ приходилось очень тяжело, хотя тайфунъ прошелъ стороною, много сѣвернѣе.

Все-таки...—мѣсто нашей стоянки было на юру, на виду у всѣхъ прохожихъ. При всей доброжелательности со стороны мѣстныхъ властей, вечеромъ 24 апрѣля мы получили конфиденціальное сообщеніе, что наше возвращеніе въ нейтральныя воды Аннама стало достояніемъ газетъ всего міра. Японія возмущена и протестуетъ. Англія энергично ее поддерживаетъ. Парижъ, совершенно перепуганный, мечетъ громы и молніи по адресу мѣстной администрацiи, а Петербургъ, еще болѣе перепуганный, говоритъ: „Я — не я! лошадь — не моя! моя хата съ краю, — ничего не знаю! Рожественскій — полномоченъ! Его дѣло! Выводите его, какъ хотите,—мы умываемъ руки“...

А въ то же время—„стратегическое развертываніе силъ..“ Никола Угодникъ... Серафимъ Саровскій...

Какъ было тяжело! какъ было скверно на душѣ!..

25 апрѣля, съ разсвѣтомъ, послали спеціальнымъ маршрутомъ двѣ пары крейсеровъ — „Ріонъ“ съ „Жемчугомъ“ и

„Днѣпръ“ съ „Изумрудомъ“—навстрѣчу Небогатову, про котораго стало извѣстно, что 22 апрѣля, въ 4 ч. утра, онъ прошелъ Сингапуръ.

26 апрѣля, съ утра, опять вышли въ море. Жонкьеръ на „Guichen“ наблюдаетъ, какъ мы уходимъ...

Господи! за что такая обида? приткнуться негдѣ! вездѣ гонятъ!.. вѣчные жиды какіе-то!..

Жонкьеръ (искренній нашъ доброжелатель) посмотрѣлъ, понюхалъ и пошелъ крейсировать вдоль берега, чтобы черезъ сутки имѣть право донести: „Ушли на востокъ; назначеніе—неизвѣстно“.

Утромъ вернулись наши развѣдчики, не принеся никакихъ вѣстей о Небогатовѣ.

Около 11 ч. утра—заслышали телеграфъ „Мономаха“, что-то доносившаго „Николаю“. Къ полудню вступили въ правильныя телеграфныя сношенія, а въ 3 ч. пополудни соединились съ отрядомъ „утюговъ и калошъ“, громко именовавшимся „отдѣльнымъ отрядомъ второй эскадры Тихаго океана“...

О впечатлѣніи встрѣчи—скажу ниже. Въ данный моментъ—только хронологія.

Въ 5-мъ ч. дня на „Суворовъ“ прибылъ Небогатовъ. Уговорился съ адмираломъ относительно дальнѣйшаго. Мы—готовы; но Небогатову—надо погрузиться углемъ, осмотрѣться передъ долгимъ походомъ, ознакомиться съ пріемами, выработанными на эскадрѣ на случай встрѣчи съ непріятелемъ. Указали ему, заранѣе намѣченное, укромное мѣсто—Port Dayotte. Туда онъ и отправился. Мы остались въ морѣ.

28 апрѣля, изрядно поизрасходовавшись, пробовали грузиться углемъ. Ничего не вышло—такая зыбь!.. Рѣшили зайти въ Van-fong. Авось, успѣемъ погрузиться, пока не попросятъ о выходѣ... Всю ночь работали, какъ бѣшеные... — съ разсвѣтомъ 29 апрѣля вышли изъ бухты.—За ночь оборудовали!.. Безъ хвастовства сказать—недурно!..

Бродя въ открытомъ морѣ, дождались 1 мая, когда къ намъ на соединеніе вышелъ отрядъ Небогатова, пополнившій запасы и готовый къ походу...

— Наконецъ-то!.. Слава Богу!..

Кажется, это было единодушно.

Покончивъ съ хронологіей, попытаюсь, въ краткихъ чертахъ обрисовать то настроеніе, которое господствовало на

эскадрѣ за время ея вынужденнаго скитанія у береговъ Аннама.

То, чего я больше всего боялся—опасеніе, что слишкомъ туго натянутая струна не выдержитъ и если не лопнетъ, то начнетъ „сдавать“—это опасеніе оправдалось съ перваго-же дня, какъ стало извѣстно, что „приказано ждать“...

Чувствовалось, что съ такимъ невѣроятнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ только что созданная организація рушится, ползетъ по швамъ, и вмѣсто едва достигнутаго подобія эскадры—вновь остается только „армада“...—Передержали!...—Это чувствовалось... Мнѣ могутъ сказать:—Не относите своего личнаго настроенія ко всѣмъ! Дайте факты, что приказаніе ждать Небогатова подорвало послѣднія силы; докажите, что предложеніе уповать, главнымъ образомъ, на силы небесныя не подняло, а уронило духъ эскадры!..

Хорошо. Вотъ факты.

Уже 3 апрѣля адмиралъ былъ вынужденъ измѣнить якорную диспозицію эскадры не въ видахъ наилучшей охраны ея, а въ виду невозможности поддерживать должную охрану при прежней, наиболѣе цѣлесообразной, заранѣе выработанной диспозиціи *)... Оказалось, что крейсера, миноносцы и минные катера не въ силахъ нести службу на двѣ смѣны. Командиры докладывали о переутомленіи командъ, о частыхъ поломкахъ механизмовъ, главной причиной которыхъ являлся недосмотръ, вызванный все тѣмъ-же переутомленіемъ... А вѣдь еще недѣлю тому назадъ они служили безсмѣнно и выражали готовность служить такъ до Владивостока!..

4 апрѣля (приказомъ за № 204) число миноносцевъ, высылаемыхъ въ охрану, было ограничено двумя...

Казалось, самъ З. П. Рожественскій призналъ, что въ лексиконѣ законно существуетъ слово—„невозможно“...

Трудно обыденной рѣчью передать читателю то настроеніе, которое господствовало въ средѣ личнаго состава эскадры. Смѣю-ли высказать?.. Мнѣ казалось—его можно было формулировать такъ:—Сдѣлать, что можемъ сейчасъ—не позволяютъ, а если когда-то позволятъ—будетъ поздно. Слѣпцы или ослѣпленные самомнѣніемъ съ того конца стараго свѣта хотятъ руководить нами, думаютъ, что они видятъ лучше насъ, подступившихъ къ самому порогу страны восходящаго солнца!..

*) Приказъ отъ 3 апрѣля за № 201.

И мы безсильны передъ ихъ рѣшеніемъ... Что-жъ! Долгъ солдата выше всего!.. Когда укажутъ—понесемъ покорно наши головы... Страха нѣтъ, но и надежды тоже. Слѣпая судьба—невѣрное выраженіе. Судьба зорко смотритъ и, сравнивая нашу „армаду“ съ японскими боевыми „эскадрами“, заранѣе ставитъ свой приговоръ.

Всѣ такъ устали. Помимо воли, помимо желанія отдѣльныхъ лицъ все шло къ развалу. Служба падала.

7 апрѣля (въ приказѣ за № 194) адмиралъ говорилъ:

„Упорный восьмимѣсячный трудъ по водворенію на эскадрѣ безпроволочнаго телеграфированія увѣнчался слѣдующими результатами. Вчера, 6 апрѣля, когда броненосцы были въ морѣ, потребовалось передать экстренное приказаніе завѣдующему транспортами. Станція флагманскаго корабля въ продолженіе часа съ четвертью вызывала „Алмазъ“ съ разстоянія 15 миль и вызвать не могла; тогда станція „Суворова“ стала пытаться вызвать „Олега“, но и тамъ все почивало. Очевидно, столь же нерадиво относились къ телеграфной службѣ „Жемчугъ“, „Изумрудъ“, „Днѣпръ“ и „Ріонъ“, которые были обязаны передать сигналомъ кому слѣдуетъ о вызовѣ и отвѣчать за неисправнаго. Сегодня, съ 2 ч. дня, должны были поступить телеграммы съ приближающихся къ эскадрѣ „Кубани“, „Терека“ и „Урала“.

„Станція „Суворова“ напряженно старалась получить эти, заранѣе условленныя, телеграммы, но... ничего не получили...—Такое состояніе „суворовской“ станціи—очень грустный фактъ, но гораздо болѣе грустнымъ представляется то обстоятельство, что ни одна изъ станцій всей эскадры не получила вызововъ „Кубани“ и не сообщила о нихъ на „Суворовъ“.—Сегодня же съ „Суворова“ напрасно старались вызвать находившагося въ дозорѣ „Ріона“. Неужели командиръ „Ріона“ не постигъ, какъ безсмысленна его служба въ дозорѣ, когда его телеграфные аппараты въ безпорядкѣ? Гг. флагманы и капитаны! Пора принять самыя энергичныя мѣры!..“

Конечно адмиралъ былъ не только въ правѣ, но и обязанъ писать такіе приказы, но вѣрилъ ли самъ онъ въ возможность осуществленія предъявленныхъ требованій?.. That is the question... Я думаю, что нѣтъ.

Опять начались недоразумѣнія, вспышки недовольства среди командъ по самымъ вздорнымъ поводамъ; участились (прекратившіеся было) проступки противъ дисциплины; при разгрузкѣ

пароходовъ, доставлявшихъ провизію изъ Сайгона, происходили сцены почти... грабежа; работающіе разбивали бочки и ящики съ виномъ, перепивались, буйствовали, даже оскорбляли офицеровъ, наблюдавшихъ за порядкомъ...

Не смотря на первоначальное утвержденіе, что слова „невозможно“ не существуетъ,—существованіе его съ каждымъ днемъ становилось все ощутительнѣе.

7 апрѣля, въ приказѣ за № 196, адмиралъ писалъ: „Для облегченія службы миноносцамъ и для предоставленія командирамъ ихъ возможности содержать суда въ полномъ порядкѣ и боевой готовности, сокращены вдвое наряды на сторожевые посты, въ увѣренности, что командиры...—Вчера миноносецъ... находясь въ охранѣ, потерялъ якорь,—значитъ либо стоялъ, либо имѣлъ намѣреніе постоять на якорѣ, что несовмѣстимо съ возложенною на миноносецъ службою“.

Съ началомъ „скитанія“ дѣло пошло подъ гору, чѣмъ дальше,—тѣмъ круче...

Днемъ—пребываніе въ морѣ съ застопоренными машинами, въ неустанномъ наблюденіи за горизонтомъ (не появятся ли дымки) и за ближайшей поверхностью воды (не удастся ли обнаружить перископъ приближающейся подводной лодки). Ночью—плаваніе со скоростью 3 узла, едва достаточной, чтобы поддерживать строй и въ случаѣ опасности минной атаки дать должный ходъ, начать маневрировать... Круглыя сутки—напряженіе всѣхъ силъ, требованіе бдительности, увѣренности, спокойствія, рѣшимости... И все это—для людей, совершившихъ 6-мѣсячное плаваніе въ тропикахъ въ условіяхъ военнаго времени...

Ученья продолжались автоматически изо дня въ день. Это я твердо помню... Но въ моемъ дневникѣ—не могу найти ни одной замѣтки о нихъ. Это были „шаблонныя“, неживыя ученія, отбываніе „нумеровъ“ таблицы занятій... Увлеченіе военно-морской игрой, розыгрышъ (на бумагѣ) спорныхъ вопросовъ тактики въ каютъ-компаніи, не прекращавшіеся за все первое время похода,—безслѣдно исчезли. Справочныя книжки, сочиненія по вопросамъ морской тактики и стратегіи, книги по военно-морской исторіи, имѣвшія ранѣе такой огромный спросъ, что ихъ едва можно было добиться, являлись заброшенными... Офицеры въ свободное отъ служебныхъ занятій время читали главнымъ образомъ... знаете что?—дешевые романы наиболѣе фантастическаго содержанія... Особеннымъ успѣхомъ

пользовались произведенія г-жи Крыжановской (Рочестеръ), писанныя, якобы, по спиритическому откровенію... Какъ это было отрадно, хоть ненадолго, забыться, увлечься чудесами „Маговъ“, „Жизненнаго элексира“, „Жизни на Марсѣ“, „Похожденіями венгерскаго графа (фамиліи не помню)—вампира“ и т. п. Смѣйтесь, если хотите и если можете, но фактъ остается фактомъ: оказывается, что путемъ извѣстной подготовки можно людей взрослыхъ и достаточно уравновѣшенныхъ довести до такого состоянія, когда единственнымъ ихъ желаніемъ, единственной мечтой становится—„подальше отъ дѣйствительности!..“

Среди этой глубокой деморализаціи чуть теплилась единственная надежда:—„Адмиралъ—все тотъ же! Онъ—не усталъ! Поведетъ—доведетъ! Онъ—сдѣлаетъ! Онъ—вѣритъ“.

Такъ думали... Но правы ли были? Могли ли сказать, что заглянули „ему“ въ душу и—знаютъ?.. По крайней мѣрѣ—хотѣли вѣрить и всецѣло отдавали свою судьбу въ его руки...

Это былъ какой-то, не то черный, не то красный туманъ, бредъ, агонія эскадры, какъ я выразился раньше...

Порою мнѣ (да и не мнѣ одному) казалось, что и самъ адмиралъ поддается этому роковому тяготѣнію къ открытой безднѣ... Только зажмуриться... невѣрный шагъ... и—конецъ... Какъ хорошо!.. Сразу!..

Иначе, какъ объяснить эти ночныя тревоги — „обученіе отраженію ночной минной атаки“ — которыя производились внезапно, по личному его приказанію, среди темной ночи, когда мы, ходомъ три узла, ползли вдоль берега Аннама?.. Прожекторы эскадры давали зарево, видимое по крайней мѣрѣ миль за 50, и точно указывающее наше мѣсто непріятелю, если бы онъ былъ поблизости.

— Что съ нимъ? Вѣдь это—глумленіе, вызовъ судьбѣ!—говорилъ я лейтенанту С.—Какъ знать, не ищутъ ли насъ въ данную минуту японскіе минные отряды? Сами показываемъ? Зовемъ, что ли?

— А хоть бы звали?—отвѣчалъ онъ, нервно сжимая мою руку.—Конецъ одинъ... Можетъ быть, такъ даже лучше... не всю эскадру перетопятъ! Что-нибудь и на-разводъ останется! Ха-ха-ха!.. А ужъ надежды на побѣду и одолѣніе въ разсчетѣ на помощь силъ небесныхъ придется оставить, волей-неволей!.. Да, нѣтъ! видно—они съ понятіемъ—не хотятъ работать по мелочамъ! Не идутъ что-то!.. Оптомъ надѣются!..

Побѣдителей не судятъ. Однако, смѣю утверждать, что еслибы „оптомъ“ не удалось, если бы продолжительная свѣжая погода (вполнѣ вѣроятная въ этотъ сезонъ) помѣшала дать рѣшительное сраженіе въ Японскомъ морѣ, или туманъ (тоже вполнѣ вѣроятный въ этотъ сезонъ) далъ возможность эскадрѣ, незамѣтно для противника, прорваться во Владивостокъ,—тяжкія обвиненія были бы взведены противъ адмирала Того за то, что онъ не воспользовался временемъ нашего скитанія у береговъ Аннама для минныхъ атакъ, за то, что въ этомъ направленіи имъ даже ни одной попытки не было предпринято.

Въ самомъ дѣлѣ: какія соображенія сдерживали въ данномъ случаѣ столь прославленную предпріимчивость японцевъ? Хотѣлось бы, чтобы наши патентованные стратеги изъ-подъ „шпица“, такъ охотно пророчествующіе заднимъ числомъ, разрѣшили эту загадку.

Стратеги эти часто упрекали адмирала Рожественскаго въ пренебреженіи, которое онъ, якобы, оказывалъ развѣдочной службѣ. Не буду пытаться рѣшить вопросъ, на который безпристрастно можетъ отвѣтить только исторія, когда составителямъ ея откроются всѣ „наисекретнѣйшіе“ архивы:—Были эти господа малоосвѣдомлены, или обманывали общество съ цѣлью перенести всю тяжесть отвѣтственности на адмирала Рожественскаго и обѣлить пославшихъ и распоряжавшихся?—Объ этомъ не могу судить съ достовѣрностью. Напомню только, что, согласно данному обѣщанію, никакихъ крейсерскихъ операцій, за все время пребыванія близъ береговъ Аннама, мы предпринимать не могли. Парижъ пуще всего боялся, какъ бы не явилось хоть призрака, хоть намека на то, что мы пользуемся нейтральными водами Франціи, какъ военной базой... А со стороны Петербурга, въ этомъ отношеніи, мы—получали предписанія, а французы—завѣренія, что ничего подобнаго допущено не будетъ. Развѣдку приходилось организовывать при посредствѣ тайныхъ агентовъ, посылкой туда и сюда спеціально зафрахтованныхъ пароходовъ, имѣвшихъ мифическія назначенія...—Дѣлали, что могли.

И не скажу, чтобы безрезультатно. Мы знали достовѣрно, что въ періодъ за 1—2 недѣли до нашего прихода къ берегамъ Аннама японскіе крейсера, сопровождаемые отрядами миноносцевъ, оказывали большое вниманіе бухтамъ побережья не только Тонкина, Аннама и Камбоджи, но даже и Сіама.

Дикіе, почти необитаемые, острова Сіамскаго залива, среди которыхъ встрѣчаются довольно удобныя мѣста для якорныхъ стоянокъ, и тѣ заботливо осматривались. Потомъ — какъ сквозь землю провалились. Смутный слѣдъ намѣчался близъ Сингапура, въ Rio strait, подъ берегомъ Борнео. Похоже, что караулили насъ въ Зондскомъ проливѣ. Послѣ нашего благополучнаго прохода мимо Сингапура, какъ будто, заметались. Пошли на сѣверъ Борнео. Въ первыхъ числахъ апрѣля сосредоточились на рейдѣ Мопо (Пескадорскіе острова)—единственный ихъ собственный рейдъ въ этихъ водахъ, такъ какъ на Формозѣ нѣтъ ни одной бухты годной для стоянки большой эскадры. Сообщали, что въ Мопо доставлены войска, осадная артиллерія, спѣшно возводятся укрѣпленія, минируются подходы съ моря—вообще устраивается временная база. Потомъ опять (конечно, не безъ дружескаго содѣйствія добраго союзника—Англіи, въ рукахъ которой почти всѣ телеграфные кабели Востока) перерывъ въ извѣстіяхъ. Опять—какъ въ воду канули. Вновь вступили въ предѣлы агентской (развѣдочной) досягаемости лишь послѣ прохода Небогатовымъ, съ его отрядомъ, Сингапура. Къ слову сказать, не перемудрили ли они въ этомъ случаѣ?—По отношенію къ намъ всѣ данныя были, что мы пойдемъ Зондскимъ проливомъ—пререканія дипломатіи съ голландскимъ правительствомъ по вопросу о нейтралитетѣ, фрахтовка угольщиковъ въ Ламбокъ и т. п...—все это, хоть и подъ глубочайшимъ секретомъ, не могло не стать достояніемъ всего міра и тѣмъ паче японцевъ. О своемъ рѣшеніи, идти Малаккскимъ проливомъ—адмиралъ не сообщилъ никому, хотя бы, самымъ тайнымъ изъ своихъ шифровъ. Секретъ былъ сохраненъ. Наоборотъ, Небогатовъ, покидая Джибути, увѣдомилъ главный морской штабъ (конечно шифромъ, весьма секретно), что пойдетъ Малаккскимъ проливомъ. Въ результатѣ—всѣ газеты (англійскихъ колоній) съ увѣренностью писали объ этомъ его маршрутѣ и даже соперничали другъ передъ другомъ въ вычисленіяхъ, какого именно числа апрѣля мѣсяца онъ будетъ проходить Сингапуръ. Чуть ли по этому поводу не былъ открытъ тотализаторъ. Шумиха эта такъ походила (употреблю модное слово) на провокацію, что японцы въ правѣ были ей не повѣрить. Они вполнѣ разумно рѣшили: Рожественскій весьма искусно распустилъ слухи, что пойдетъ Зондскимъ проливомъ, а самъ прошелъ Малаккскимъ. Небогатовъ пытается повторить тотъ же трюкъ (и да-

же съ меньшимъ искусствомъ)—почти афишируетъ свой походъ Малаккскимъ проливомъ, но самъ, конечно, пойдетъ Зондскимъ. Тутъ мы его и накроемъ. Разсчетъ правильный. Но—на всякаго мудреца довольно простоты. Безусловно, что въ данномъ случаѣ Небогатовъ взялъ „простотой“.

Эти двѣ неудачи, двѣ подъ-рядъ, повидимому, сбили японцевъ съ толку. Послѣ прохода Небогатовымъ Сингапура они вскорѣ же вновь объявились на Пескадорскихъ о-вахъ, но не задержались здѣсь, наоборотъ, ликвидировали дѣла и ушли на сѣверъ. Послѣднія полученныя нами извѣстія гласили, что главныя силы, почти весь ихъ флотъ, сосредоточены въ Мазампо (25 миль къ западу отъ Фузана—великолѣпный рейдъ).

Отряды ихъ миноносцевъ, вспомогательные крейсера „Hong-Kong“ и „Nippon“, имѣвшіе на борту подводныя лодки, были въ южныхъ водахъ. Объ этомъ мы имѣли свѣдѣнія, неподлежащія сомнѣнію. И тѣмъ не менѣе они ничего не предприняли противъ насъ, скитавшихся у береговъ Аннама въ роли вѣчныхъ жидовъ... Почему?—Думаю, еще не скоро узнаемъ мы истинные мотивы такого рѣшенія... Но если допустить, что они вѣрили въ нашу силу, что они боялись насъ... Какой это былъ счастливый и единственный моментъ для заключенія почетнаго мира!.. По чьей винѣ онъ пропущенъ? — Отвѣтитъ исторія...

А вѣдь подбить, если не вовсе уничтожитъ эскадру, было такъ легко!..

Какъ я говорилъ уже, „съ началомъ скитанія дѣло пошло подъ гору, чѣмъ дальше, тѣмъ круче“... Въ доказательство приведу выдержки изъ нѣкоторыхъ приказовъ по эскадрѣ:

„Вчера ночью (приказъ отъ 20 апрѣля, за № 219) при движеніи эскадры со скоростью почти вдвое меньшею противъ возможной по числу котловъ крейсеръ „Адм. Нахимовъ“ и броненосцы „Импер. Александръ III“, „Орелъ“ и „Сисой Великій“ все-таки растягивали промежутки до двойныхъ и тройныхъ противъ обязательнаго... Прошу гг. командировъ поименованныхъ судовъ не упускать изъ вида, что оттягивая въ бою, они могутъ поставить въ бѣдственное положеніе весь хвостъ своихъ заднихъ мателотовъ... Вчера же по ночной тревогѣ броненосцы „Сисой Великій“, „Наваринъ“ и крейсеръ „Адм.

Нахимовъ“ испускали изъ своихъ прожекторовъ не свѣтовые лучи, а туманъ, застилавшій все окружающее. Такъ мало обращено вниманія... на установку и регулировку боевыхъ фонарей. Весь крейсерскій отрядъ продолжалъ свѣтить, а значитъ, стрѣлять, когда съ „Суворова“ подъемомъ луча было приказано прекратить освѣщеніе и стрѣльбу. *Такимъ образомъ разстрѣливаютъ обыкновенно своихъ*“.

„22 апрѣля на разсвѣтѣ, находившійся на сторожевомъ посту крейсеръ „Кубань“ (приказъ отъ 23 апрѣля за № 223) увидѣлъ двухъ миноносцевъ, которые со своей стороны, разсмотрѣвъ крейсеръ, подняли французскіе флаги и быстро ушли. Командиръ „Кубани“ не нашелъ нужнымъ удостовѣриться, французскіе ли то были миноносцы. Того же 22 апрѣля, послѣ заката солнца, командиръ сторожевого крейсера „Дмитрій Донской“ телеграфировалъ, что видитъ въ морѣ свѣтъ прожектора; и дѣйствительно, даже изъ бухты, на флагманскомъ броненосцѣ замѣчены были надъ высокимъ берегомъ лучи, поднятые въ небо, причемъ направленіе, по которому были видны эти лучи, совпадало съ неленгомъ на постъ, который долженъ былъ быть занятъ сторожевымъ крейсеромъ „Уралъ“. Изъ этого можно заключить, что если „Уралъ“ не самъ свѣтитъ, то долженъ видѣть свѣтъ лучше „Суворова“ и лучше „Донского“, потому что находится ближе къ источнику свѣта. Но „Донской“ не догадался спросить телеграммой „Урала“, видитъ ли онъ свѣтъ, а „Уралъ“ самъ ничего не телеграфировалъ. Когда же съ „Суворова“ приказано было „Донскому“ спросить „Уралъ“ о свѣтѣ, то „Уралъ“ не принималъ вызова „Донского“. „Донской“ не догадался прибѣгнуть къ прожектору, чтобы переговорить съ товарищемъ, а удалился отъ своего поста для этой цѣли. Удалившись, „Донской“ пересталъ принимать телеграммы „Суворова“ и пересталъ служить связью между „Ураломъ“, минными катерами, миноносцами и эскадрой. Засимъ потребовалось 9 часовъ времени (съ 8 ч. вечера до 5 ч. утра), чтобы получить отвѣтъ „Урала“. Тяжелое впечатлѣніе выносится изъ этого обзора сторожевой службы нашихъ крейсеровъ за сутки 22 апрѣля: проявлено полное отсутствіе иниціативы и совершенное непониманіе обстановки и соотвѣтствующихъ требованій. Но еще тяжелѣе сознавать, что 22 апрѣля не произошло ничего особеннаго, никакого стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ: та же неурядица повторяется изо дня въ день“.

Такъ писалъ, такъ несомнѣнно и долженъ былъ писать

адмиралъ въ своихъ приказахъ. Но въ данномъ случаѣ и я долгомъ моимъ считаю сказать слово въ защиту личнаго состава.

„Отсутствіе иниціативы, пониманія обстановки, знанія“—все вѣрно, все было. Но откуда было взять и то, и другое, и третье, когда никогда этому не учились? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, да и то не на долгое время, недостатокъ подготовки могъ быть восполненъ высокимъ подъемомъ духа, работой при полномъ (часто безцѣльномъ и даже неразумномъ) напряженіи всѣхъ силъ, но вѣдь силы человѣческія не безпредѣльны!

Говорятъ, что comparaison n'est pas raison, однако позволю себѣ одно сравненіе.

Артель опытныхъ дровосѣковъ, безъ всякаго переутомленія, можетъ свалить за день десятки деревьевъ. Поручите ту же работу такому же числу людей, впервые взявшихся за это дѣло. Допустимъ даже, что вы успѣшно внушили имъ идею о насущной необходимости не только для нихъ, но для самого государства, прокладки намѣченной просѣки. Первое время, возможно, что подъемъ духа, вызвавшій необычайное напряженіе всѣхъ силъ, сдѣлаетъ почти чудо,—калѣча другъ друга, затрачивая труда во много кратъ больше, чѣмъ это вызывается дѣйствительной необходимостью, они, можетъ быть, не уступятъ въ результатахъ профессіональнымъ работникамъ. Но только на долго ли ихъ хватитъ?.. Въ старину, когда еще не было огнестрѣльнаго оружія, тетиву лука натягивали только передъ боемъ, а послѣ боя опять спускали ее, давали отдыхъ... А на второй эскадрѣ—отдыха не было...

Тотъ подъемъ духа, который наблюдался въ первые моменты по прибытіи на Мадагаскаръ,—израсходовался за время двухмѣсячной стоянки въ Носи-бэ.

Новая, едва-ли не болѣе могучая волна его, взмывшая послѣ удачнаго прохода Малаккскимъ проливомъ, также не была использована. Выражаясь образно, скажу, что она, можетъ быть, была даже круче и выше первой, но именно въ силу этого еще скорѣе, еще легче рушилась... Рушилась, не встрѣтивъ преграды, въ которую могла бы ударить всей своей силою, рушилась, какъ рушится всякая волна, разсыпавшись пѣнистымъ гребнемъ, превратившись въ отлогую, унылую, „мертвую“ зыбь...

ГЛАВА X.

Впечатлѣніе отъ прибытія «самотоповъ». — Спѣшные сборы въ послѣдній походъ. — Два слова о здоровьѣ. — «Умри, но пересади адмирала!» — Кое-что изъ разговоровъ съ лейтенантомъ С. — По поводу мечтаній о временной базѣ. — Съ кѣмъ—«съ нами» или «съ ними»—былъ «Богъ браней». — Выборъ пути во Владивостокъ. — Соображенія навигаціонныя.—Соображенія тактическія: внезапность, наличіе всѣхъ силъ въ рѣшительный моментъ, нравственный элементъ, вопросы снабженія.

Присоединеніе къ эскадрѣ отряда небогатовскихъ „самотоповъ“ (какъ ихъ называли люди, на нихъ же служившіе) уже не подняло новой волны энтузіазма, не дало новаго импульса къ побѣдѣ духа надъ физической усталостью... Въ моемъ дневникѣ подробно описана эта встрѣча. Торжественно. Почти до слезъ. Всѣ радовались, ликовали. Но въ чемъ была основа радости, ликованія?—„Мы стали сильнѣе; пойдемъ, уничтожимъ дерзкаго врага!“—Такъ, что ли?—Нѣтъ! не это!—Такъ, можетъ быть, думали герои, возсѣдавшіе на мягкихъ креслахъ подъ шпицемъ адмиралтейства и совершавшіе боевые походы между Петербургомъ и Кронштадтомъ...

Не то было на эскадрѣ.—Нѣтъ!..—Въ 3 часа дня 26 апрѣля, когда отрядъ Небогатова присоединился къ намъ, всѣ радовались, всѣ поздравляли другъ друга, но... не съ прибавкой силъ, не съ укрѣпленіемъ надежды одолѣть непріятеля, а съ предвидѣніемъ скораго разрѣшенія томительнаго ожиданія...—„Наконецъ-то!“

Если бы вмѣсто отряда Небогатова появилась въ виду насъ японская эскадра,—возможно, что ее встрѣтили бы съ не меньшей, если не съ большей радостью.

Таково было настроеніе.

Адмиралъ издалъ, собственноручно и единолично написанный, приказъ, долженствовавшій ознаменовать радостное событіе, способствовать подъему духа... Но какимъ дѣланнымъ, какимъ неискреннимъ вышелъ этотъ приказъ (от 26 апрѣля за № 229), какъ мало походилъ онъ на то огненное слово, которое было брошено толпѣ въ Виго передъ угрозой встрѣчи съ 28 англійскими броненосцами, на ту задушевную рѣчь, которая была сказана въ день Рождества, у береговъ Мадагаскара...

Въ теченіе четырехъ сутокъ, которыя Небогатовъ провелъ,

притаившись въ Port Dayotte, а мы бродили въ морѣ, ему надлежало не только погрузиться углемъ, пополнить запасы матерьяловъ, провизіи и проч., но также (и это главное) всесторонне ознакомиться съ приказами и циркулярами, изданными на эскадрѣ и содержавшими въ себѣ различныя схемы перестроенія и подготовки къ бою въ зависимости отъ того, съ какой стороны появится непріятель, руководящія указанія для дѣйствія артиллеріи и т. п. Вся эта литература была дополнена, заранѣе составленными и немедленно изданными, приказами, опредѣляющими роль III броненоснаго отряда (такъ былъ названъ отрядъ адм. Небогатова. „Мономахъ“ отошелъ изъ подъ его команды и былъ зачисленъ въ крейсерскій отрядъ адм. Энквиста). Надо ли упоминать, что, разумѣется, въ тотъ же день, 26 апрѣля, полные экземпляры всѣхъ этихъ приказовъ и циркуляровъ, заранѣе приготовленные, были переданы не только адм. Небогатову и его штабу, но и командирамъ, старшимъ офицерамъ и въ каютъ-компаніи вновь присоединившихся судовъ. Собирать ихъ, пояснять и разсказывать имъ все своими словами—не было возможности, такъ какъ не было времени. Вѣдь прежде всего являлось необходимымъ принять уголь, запасы и матеріалы, такъ какъ ежечасно могъ придти Жонкьеръ и, хотя съ душевнымъ прискорбіемъ, но все же, попросить о выходѣ. Да такъ и случилось: 1 мая „Guichen“ былъ свидѣтелемъ окончательнаго удаленія эскадры отъ береговъ, появившись (намѣренно или случайно) въ виду, какъ разъ, въ тотъ моментъ, когда вся „армада“ уже находилась въ морѣ и строилась въ походный порядокъ. Нашъ искренній доброжелатель былъ такимъ образомъ избавленъ отъ грустной необходимости „просить честью“. Наоборотъ могъ (вѣрю, что отъ души) посылать намъ по безпроволочному телеграфу наилучшія свои пожеланія счастливаго плаванія и успѣха въ предстоящемъ бою.

О какихъ-нибудь учебныхъ маневрированіяхъ, стрѣльбѣ, совмѣстно съ III броненоснымъ отрядомъ—и рѣчи быть не могло. Что касается стрѣльбы, то „во-первыхъ—не было снарядовъ...“ Въ отношеніи маневрированія, что возможно, предполагалось, если представится случай, выполнить на походѣ. Учиться было поздно, когда не сегодня, завтра бой...

Два слова о... здоровьѣ (странная тема?). Благодаря мѣрамъ, принятымъ для поддержанія наилучшаго питанія и

условій жизни, на которыя адмиралъ категорически приказалъ „ничего не жалѣть“, общее санитарное состояніе эскадры было вполнѣ удовлетворительно. 10,000 людей, запертыхъ въ желѣзныхъ коробкахъ, полгода въ тропикахъ—и никакихъ эпидемическихъ заболѣваній. Одно сказывалось—переутомленіе. На этой почвѣ заболѣванія были довольно часты. У меня нѣтъ подъ рукой статистическихъ данныхъ, и я могу привести примѣры только изъ личныхъ наблюденій на „Суворовѣ“, не довѣряя памяти по отношенію свѣдѣній о другихъ судахъ, такъ какъ въ моемъ дневникѣ о нихъ ничего не записано.

Адмиралъ, какъ я уже говорилъ, прихварывалъ еще на Мадагаскарѣ. Послѣ двухъ дней, проведенныхъ въ постели, съ которой онъ всталъ, не столько благодаря помощи докторовъ, какъ силой собственной воли, онъ вообще плохо выглядѣлъ, а въ дни, слѣдовавшіе за періодами особаго возбужденія, напряженія силъ, замѣтно приволакивалъ ногу. По внѣшности отъ него, выражаясь простонароднымъ жаргономъ, оставались „кожа да кости“. У флагъ-капитана на подходѣ къ Аннаму случилось какое-то „легкое“ кровоизліяніе въ мозгу, причинившее „частичный“ параличъ, не мѣшавшій, однако, исполненію служебныхъ обязанностей (боюсь, доктора обвинятъ меня въ неточности терминовъ. Виноватъ—не занесъ въ мой дневникъ латинскихъ словъ, которыя сообщали ихъ коллеги на „Суворовѣ“). Флагманскій штурманъ, полковникъ Ф., послѣднее время питался исключительно жидкой или мягкой, тщательно размельченной пищей. Лично онъ, по своимъ субъективнымъ ощущеніямъ, былъ увѣренъ, что у него ракъ пищевода, доктора же, въ дружеской бесѣдѣ, констатировали аневризмъ, создающій впечатлѣніе набуханія и суженія пищевода *). Второй старшій флагъ-офицеръ, лейтенантъ С. (не надо смѣшивать съ первымъ старш. фл.-офицеромъ, то же С.—моимъ товарищемъ), вообще слабаго здоровья, вынужденъ былъ, по рецепту докторовъ, прибѣгать къ опіуму и морфію. Сколько знаю, въ одномъ съ нимъ положеніи былъ и флагманскій минеръ лейтенантъ Л. Даже, здоровякъ на видъ, флагъ-офицеръ лейтенантъ Н. прибѣгалъ къ медицинской помощи и когда его спрашивали: „Что за дрянь вы глотаете?“—отвѣчалъ:—„Для душевнаго спокойствія и отъ безсонницы мѣстные

---

*) Та же болѣзнь обнаружилась у старшаго минера лейтенанта Б., ветерана предыдущей войны, серьезно раненаго при взятіи Таку.

эскулапы прописали что-то бромистое!..“ Изъ числа судовыхъ офицеровъ добрая треть числилась паціентами и все по болѣзнямъ съ такими мудреными латинскими названіями, что, не занеся ихъ своевременно въ мой дневникъ, сейчасъ рѣшительно не берусь приводить на память.

Изумительную, если можно такъ выразиться, жизнеспособность проявлялъ командиръ „Суворова“, капитанъ I ранга И. Убѣжденный сторонникъ того взгляда, что мы идемъ на вѣрную гибель, онъ, рѣшивъ этотъ вопросъ безповоротно, какъ бы закрылъ глаза на будущее и жилъ исключительно настоящимъ моментомъ, весь отдавшись заботѣ о своемъ кораблѣ, о своей командѣ.

— Какъ погибать?—Перевернувшись, или нѣтъ, отъ снарядовъ, отъ мины, отъ ядовитыхъ газовъ, отъ ранъ, отъ задушенія, отъ потопленія—это отъ Бога и отъ начальства! А мы—свое дѣло сдѣлаемъ! Безусловно:—вся сила огня на „Суворовъ“! Раскатаютъ, какъ пить дать! Но я ужъ распорядился, внушилъ и старшему офицеру, и всѣмъ старшимъ лейтенантамъ, которымъ придется, по-очереди, вступать въ командованіе „за выбытіемъ“ начальства изъ строя, чтобы помнили твердо: подходитъ конецъ „Суворову“—умри, но пересади адмирала на исправный корабль. Безъ „него“—все пропало!.. Одного только боюсь—соваться будетъ, зря, и въ первую же голову его-то и ухлопаютъ!.. Тогда—кранкенъ!

Такъ говорилъ этотъ человѣкъ, котораго я, несмотря на обвиненія въ безпечности, даже въ легкомысліи, которыя многими противъ него взводились,—не могу не признать идеальнымъ типомъ солдата...

Наиболѣе тяжкую утрату несла эскадра въ лицѣ к.-адм. Фелькерзама, высоко-образованнаго, дѣльнаго и дѣятельнаго моряка и, что всего важнѣе, друга и товарища, единомышленника и сотрудника адм. Рожественскаго. Онъ еще былъ живъ въ моментъ присоединенія къ намъ отряда к.-адм. Небогатова, но положеніе его было безнадежно, и дни — сочтены...

Этотъ—не выдержалъ. Къ нему—судьба была милостивѣе, чѣмъ къ его старому товарищу. Онъ не былъ свидѣтелемъ разгрома эскадры, и гробъ его, поставленный передъ судовымъ образомъ „Ослябя“, покоится на днѣ Японскаго моря вмѣстѣ съ броненосцемъ, можетъ быть, и до сихъ поръ еще сохранившимъ его адмиральскій флагъ, оставленный на немъ

и послѣ смерти флагмана, чтобы спускомъ его не произвести тягостнаго впечатлѣнія на личный составъ эскадры...

За время „скитанія“ (кстати сказать, оно обошлось намъ около 20,000 тоннъ угля, не считая расхода смазочныхъ и прочихъ матеріаловъ) въ долгіе часы томительнаго, вынужденнаго досуга, я особенно сошелся съ лейтенантомъ С. Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ протекало наше существованіе, кажется, оба мы радостно ухватились за полузабытую товарищескую связь, за общія воспоминанія о пяти годахъ, проведенныхъ на той же школьной скамьѣ. Среди этихъ бесѣдъ я узналъ многое, что до того все еще составляло для меня тайну, какъ для „чужого“ въ штабѣ. Возможно, что узналъ даже больше, чѣмъ другіе „природные“ штабные чины, такъ какъ среди нихъ безусловно одинъ С. могъ считаться въ „первой степени посвященія“.

Конечно, многое и теперь еще не можетъ стать достояніемъ гласности, такъ какъ могло бы имѣть вліяніе на ходъ современныхъ событій, зато объ иныхъ фактахъ, о которыхъ наши „стратеги“, съ видомъ людей широко-освѣдомленныхъ, успѣли уже написать столько вздору, является совершенно необходимымъ сказать правду, а это возможно лишь при условіи—не считаться съ канцелярской тайной поскольку она касается исключительно прошлаго и по сколько раскрытіе ея не можетъ принести вреда въ настоящемъ.

Я узналъ, что по первоначальному плану адмирала (во время сборовъ и выхода второй эскадры) цѣлью похода ставилась деблокада Портъ-Артура и совмѣстныя дѣйствія съ первой эскадрой. При этомъ, такъ какъ японцы въ дѣлѣ миноносца „Рѣшительный“ самымъ грубымъ образомъ нарушили нейтралитетъ Чифу, а до того не менѣе безцеремонно дѣйствовали въ Чемульпо,—рѣшено было не считаться съ нейтралитетомъ этихъ портовъ и, базируясь на Чифу, войти въ связь съ Портъ-Артуромъ. Разстояніе между этими портами всего 70 миль, а потому транспорты, вспомогательныя суда, исправляющіяся боевыя суда и т. п. были бы прикрыты отъ покушеній непріятеля самой эскадрой, оперирующей въ столь ограниченномъ раіонѣ. Для поддержанія своего господства на морѣ японцамъ, въ составѣ 4 броненосцевъ и 8 броненосныхъ крейсеровъ, пришлось бы вступить въ рѣшительный бой съ первой эскадрой—6 броненосцевъ и 1 броненосный крейсеръ и со второй—7 броненосцевъ („Нахимовъ“ и „Донской“ не

въ счетъ) при вполнѣ возможной поддержкѣ со стороны владивостокскаго крейсерскаго отряда. Отъ исхода этого боя зависѣла бы участь кампаніи.

Еслибы (что, впрочемъ, мало вѣроятно) японцы не рѣшились на такую ставку „ва-банкъ“ и хотя временно скрылись бы въ свои порта, то П.-Артуръ, хотя бы тоже на время, былъ деблокированъ, могъ быть снабженъ всѣмъ необходимымъ, а затѣмъ—флоту предстояло дѣйствовать сообразно ходу операцій на сушѣ, т.-е. либо содѣйствовать освобожденію П.-Артура, при чемъ осаждающіе превратились бы въ осажденныхъ, либо, предоставивъ подкрѣпленный провизіей и боевыми припасами П.-Артуръ собственнымъ его силамъ, перейти во Владивостокъ и, опираясь на эту базу, искать встрѣчи и рѣшительнаго боя съ японскимъ флотомъ, чтобы утвердить свое господство на морѣ и тѣмъ отрѣзать японскую армію отъ метрополіи.

При нашихъ обычаяхъ, планъ этотъ, бывшій секретомъ для офицеровъ второй эскадры, врядъ ли могъ оставаться тайной для нашихъ недоброжелателей за границей. Новыя, дополнительныя правила къ декларацiи о нейтралитетѣ, пресловутый „гулльскій инцидентъ“ и шумъ, поднятый около него—не являлись ли они отчаянными попытками предотвратить возможность осуществленія этого плана?.. Почти навѣрно—да.

Съ паденіемъ Портъ-Артура (и даже раньше)—съ момента гибели первой эскадры Тихаго океана—планъ этотъ рушился самъ собою. Адмираломъ былъ предложенъ другой—единственный, по его мнѣнію, цѣлесообразный—немедленное движеніе впередъ съ отборными судами, чтобы, пользуясь временнымъ изъ-за долгой боевой службы ослабленіемъ японскаго флота, прорваться во Владивостокъ и оттуда, не имѣя силы для нанесенія рѣшительнаго удара, вести партизанскую войну, „дѣйствуя на путяхъ сообщенія непріятеля“. Для такой задачи силы могли бы быть достаточными... Предложеніе это не встрѣтило сочувствія. Рѣшено было послать „второй“ эскадрѣ подкрѣпленія, которыя могли бы возмѣстить утраченное содѣйствіе „первой“, возложивъ на эту „армаду“ задачу—овладѣть (съ Божьей помощью) моремъ, т.-е.—разбить японскій флотъ въ рѣшительномъ бою... Напрасно адмиралъ совершенно открыто, en toutes lettres, доносилъ, что присоединеніе къ его эскадрѣ старыхъ, неисправныхъ судовъ онъ считаетъ „обузой“, что съ тѣми силами, какія есть въ его рас-

поряженіи (и съ „обузой“ имѣющей прибыть) онъ „НЕ ИМѢЕТЪ НАДЕЖДЫ“ овладѣть моремъ... Петербургскіе стратеги, на основаніи точнаго подсчета суммы „боевыхъ коэффиціентовъ“ судовъ эскадры, находили, что она и сейчасъ уже „имѣетъ надежду на успѣхъ“, а если къ этой суммѣ прибавить еще нѣкоторое слагаемое, то получится „увѣренность“ въ успѣхѣ...

Трудно сказать, были ли японцы въ курсѣ этихъ переговоровъ?.. Можетъ быть. Но, можетъ быть, просто, имѣя достовѣрныя свѣдѣнія отъ своихъ агентовъ объ истинной боевой цѣнности той „третьей эскадры“, которую могъ бы выставить балтійскій флотъ, они съ искреннимъ удовольствіемъ читали вдохновенныя статьи г. Кладо, вводившаго въ заблужденіе русское общество, а, чего добраго, и лицъ, стоящихъ у власти... Такъ или иначе—весьма знаменательно, что японцы, ни непосредственно, ни черезъ добрую свою союзницу (Англію) не приложили никакихъ стараній къ сокращенію времени нашей (болѣе 2 мѣсяцевъ) стоянки въ Носи-бэ...

Въ то же самое время адмиралъ получалъ и чисто дѣловыя предостереженія: имѣть въ виду не обременить своимъ прибытіемъ владивостокскій портъ съ его скудными запасами и ремонтными средствами (вѣдь его „не успѣли“ оборудовать должнымъ образомъ къ началу войны), а также не разсчитывать особенно на Сибирскую дорогу, которая „съ трудомъ удовлетворяетъ нуждамъ сухопутной арміи“... Другими словами, предлагалось не только разбить непріятеля и открытою силою пройти во Владивостокъ, но ставилась и другая задача: если на овладѣніе моремъ вы „не имѣете надежды“, то, прорываясь во Владивостокъ, захватите съ собой и средства для веденія партизанской войны.

Я говорилъ уже, что адмиралъ „сдѣлалъ что могъ“—донесъ о тѣхъ планахъ, которые онъ считалъ единственно осуществимыми, и смѣло заявилъ, что „не имѣетъ надежды“ выполнить возложенную на него задачу—овладѣть моремъ. Тѣмъ не менѣе, осуществленіе этой задачи было ему указано съ помощью... Божіей и тѣхъ подкрѣпленій, которыя будутъ высланы... Тутъ ужъ не поспоришь!..

Правда, была сдѣлана одна отчаянная попытка—удрать отъ „обузы“... Увы!—не удалось! Вотъ случай, когда можно было по чистой совѣсти назвать телеграфъ—проклятымъ изобрѣтеніемъ!.

Въ то время, какъ мы негодовали, или, выражаясь мор-

скимъ жаргономъ,—„травились“,—въ Петербургѣ наши бумажные стратеги, въ тиши кабинета, составляли планы. Моряки только по мундиру (случайно имъ присвоенному) беззастѣнчиво морочили людей, вовсе въ морскомъ дѣлѣ несвѣдущихъ, создавали стратагемы, развертывали перспективы, не имѣвшія подъ собой никакой почвы, кромѣ самомнѣнія ихъ изобрѣтателей и простодушнаго довѣрія слушателей.

Вести транспортный флотъ мимо Японіи, возлагать на эскадру задачу не только быть ежеминутно готовой вступить въ рѣшительной бой съ сильнѣйшимъ противникомъ, но еще и конвоировать транспорты, было до такой степени нелѣпо, что даже стратеги Маркизовой лужи—не осмѣливались высказаться за такое рѣшеніе вопроса. Казалось, былъ одинъ выходъ, и за него радостно ухватились, о немъ говорили и тогда, и послѣ войны, заднимъ числомъ. Это — обосноваться, устроить временную базу въ какомъ-нибудь промежуточномъ пунктѣ, оставить тамъ транспорты, все лишнее и, налегкѣ, идти искать рѣшительнаго боя; въ случаѣ удачи,—очищенія дороги хотя бы на короткій срокъ,—воспользоваться этимъ временемъ и всей „армадой“ прослѣдовать во Владивостокъ; въ случаѣ неудачи,—отступить на свою временную базу, пополнить запасы и...—дѣйствовать, сообразно обстоятельствамъ.

Не буду перечислять здѣсь всѣхъ проектовъ прѣсноводныхъ моряковъ, среди которыхъ встрѣчались и столь смѣхотворные, какъ указаніе на Петропавловскъ (Камчатскій), отрѣзанный отъ міра не только въ смыслѣ телеграфа, почты и путей сообщенія, но даже и климатическими условіями (тамъ весна—царство тумановъ) или овладѣніе о-вами Бонинъ-сима, гдѣ нельзя найти удобной якорной стоянки не только для эскадры, но даже и для небольшого отряда боевыхъ судовъ. Эти прожектеры достаточно ясно показали свое грубое незнакомство съ лоціей, съ умѣньемъ разобраться въ морскихъ картахъ, достаточно явно обнаружили, что берясь рѣшать военно-морскіе вопросы, познанія свои черпаютъ изъ учебника географіи Смирнова (для младшихъ классовъ гимназій) и подкрѣпляютъ ихъ лишь бѣглымъ просмотромъ географическаго атласа всего свѣта изданія Ильина.

Какъ я сказалъ уже, планъ, хотя бы самаго кратковременнаго утвержденія на промежуточной базѣ—являлся, до извѣстной степени, выходомъ изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ

находилась эскадра, имѣвшая передъ собой задачу, успѣшное осуществленіе которой зависѣло почти исключительно отъ помощи силъ небесныхъ, а по слабому человѣческому разумѣнію было просто невозможно.

Объ этомъ планѣ немало говорили и конечно еще больше думали на эскадрѣ. Адмиралъ въ предвидѣніи возможности такого оборота дѣла, чувствуя, что, несмотря на всѣ его донесенія, Петербургъ упорно держится правила—„Намъ лучше знать, что и какъ—"давно уже намѣтилъ себѣ опорнымъ пунктомъ Чусанскій архипелагъ, лежащій на подходѣ къ Шанхаю съ юга и находящійся отъ Японіи въ разстояніи около 500 миль. Рейды этого архипелага могли бы свободно вмѣстить флотъ, вдвое больше нашего, а главное, въ тактическомъ отношеніи, были превосходны въ смыслѣ легкости организаціи обороны на случай внезапнаго нападенія *). Были и другія подходящія мѣста на китайскомъ побережьѣ, какъ напримѣръ Nimrod Sund.

Всѣ эти разсчеты на китайскія воды пришлось оставить ввиду полученнаго адмираломъ офиціальнаго увѣдомленія, что, забывая про Чемульпо и Чифу, Англія принимаетъ на себя обязательство охраны нейтралитета территоріальныхъ водъ Китая, и буде онъ окажется нарушеннымъ, готова поддержать его вооруженной силой. Ни много, ни мало—угроза войной, и адмиралъ Рожественскій былъ глубоко правъ, указывая въ заключеніи письма своего, напечатаннаго въ „Новомъ Времени" (21 декабря 1905 г.), что за спиной японской эскадры стояла англійская.

Такимъ образомъ на китайскія воды былъ наложенъ запретъ. Французское правительство, какъ извѣстно, прилагало всѣ усилія къ скорѣйшему и окончательному изгнанію эскадры изъ своихъ территоріальныхъ водъ; объ англійскихъ, американскихъ — и говорить нечего; оставалось поискать, не найдется ли подходящаго мѣстечка въ водахъ, принадлежащихъ самой Японіи, конечно, при условіи, что водвориться въ немъ можно безъ большихъ потерь.

Бонинъ-сима, Ліу-кіу, Міяко-сима, порта Формозы—говорить

---

*) Прошу не смѣшивать Чусанскій архипелагъ съ группой Сѣдельныхъ острововъ, какъ это дѣлаютъ люди, малосвѣдущіе въ морской географіи. Сѣдельные острова были бы для такой цѣли вовсе непригодны.

о нихъ могли только люди, не умѣющіе читать морскихъ картъ, никогда не заглядывавшіе въ лоцію Тихаго Океана *). Единственный подходящій пунктъ былъ рейдъ Мопо на Пескадорскихъ о-вахъ (въ Формозскомъ проливѣ). Но, какъ я упоминалъ уже, японцы не оставили его своимъ вниманіемъ: подходы къ нему были минированы; на прилежащихъ островахъ возведены временныя укрѣпленія, вооруженныя осадной артиллеріей и снабженныя гарнизономъ. Овладѣвать этой базой пришлось бы съ бою. Допустимъ, что силы небесныя, отступившіяся отъ насъ при Цусимѣ, въ данномъ случаѣ оказали бы намъ полное содѣйствіе, и мы утвердились бы въ Мопо, не потерявъ ни одного корабля и понеся самый незначительный уронъ въ рядахъ десанта, высаженнаго для овладѣнія берегомъ.

Во всякомъ случаѣ, нѣкоторая, быть можетъ весьма значительная, часть нашего боевого комплекта снарядовъ была бы израсходована, а пополнить его не представлялось возможности... Между тѣмъ идти въ бой съ сильнѣйшимъ противникомъ, не имѣя полнаго комплекта боевыхъ припасовъ, довольно... рискованно (конечно, бумажные стратеги и вниманія не обращали на такую мелочь). Допустимъ, однако, что и съ этимъ можно было бы помириться. Но дальше? Отъ Мопо до Владивостока безъ малаго полторы тысячи миль, а до Корейскаго пролива безъ малаго тысяча миль. Могла ли эскадра, опираясь на эту базу и отправляясь въ походъ для дѣйствій въ Японскомъ морѣ, оставить ее безъ прикрытія, безъ десанта на береговыхъ укрѣпленіяхъ, которыя пришлось бы вооружить пушками, снятыми съ судовъ, безъ отряда судовъ, охраняющаго подходы съ моря?—Конечно, нѣтъ!—Въ противномъ случаѣ на другой же день по удаленіи эскадры новоявленная база со всѣми запасами была бы въ рукахъ японцевъ, и для этого было бы достаточно батальона солдатъ, перевезеннаго съ Формозы, и небольшого отряда минныхъ судовъ, или даже вспомогательныхъ крейсеровъ. Вернувшись, въ случаѣ неудачи, эскадра встрѣтила бы не друзей, а враговъ, и оказалась бы совершенно безпріютной, лишенной даже своей плавучей базы—транспортовъ... Значитъ, оставлять охрану? Какую именно? Конечно, устарѣлыя суда. Но если командующій эскадрой доносилъ, что даже и въ полномъ составѣ онъ „не

*) Есть такія книги, изданія англійскаго адмиралтейства.

имѣетъ надежды“ овладѣть моремъ, т. е. одержать побѣду въ рѣшительномъ бою, то при раздѣленіи силъ эта задача являлась еще менѣе осуществимой!—Кажется ясно?

Патентованные стратеги, заботившіеся не о чести русскаго имени, а лишь о томъ, какъ бы своими псевдо-научными соображеніями оправдать предвзятыя рѣшенія своихъ покровителей, полагали иначе... Впрочемъ, у нихъ заранѣе была подготовлена лазейка:—„Если вы, дѣйствительно, не имѣли надежды на побѣду въ открытомъ бою, а не пугали только, такъ и оставили бы здѣсь то, что считали обузой, а сами прорывались бы во Владивостокъ!—Обуза сыграла бы роль оттяжки японскихъ силъ!..—Но вѣдь этотъ планъ—прорывъ—предлагался еще четыре мѣсяца назадъ, когда японская эскадра была обезсилена почти годичной тяжелой боевой службой, а наша эскадра рвалась въ бой! Зачѣмъ же тогда эти два мѣсяца томительнаго ожиданія на Мадагаскарѣ и еще болѣе томительный мѣсяцъ скитанія у береговъ Аннама, подорвавшіе силы личнаго состава? Зачѣмъ посылка этихъ „подкрѣпленій“, обреченныхъ сдѣлаться дешевыми призами для японцевъ, безплатной преміей къ первой эскадрѣ, забранной въ П.-Артурѣ?.. Развѣ думали объ этомъ люди, основной мыслью которыхъ было—„угодить“ и „не прогнѣвить“, а главной заботой—въ случаѣ чего, сухимъ изъ воды выйти... Теперь, когда случилось худшее, чѣмъ можно было ожидать, когда всякій другой выходъ, грозившій не столь полнымъ разгромомъ, кажется почти успѣхомъ, они пользуются своей лазейкой, но воображаю, какой вопль поднялся бы съ ихъ стороны, если бы адмиралъ тогда принялъ подобное рѣшеніе! Какъ они кричали бы о преступномъ раздѣленіи силъ, о гнусномъ предательствѣ товарищей, брошенныхъ, обреченныхъ въ жертву и т. д....

Впрочемъ довольно объ этихъ господахъ. Исторія вынесетъ имъ свой безпристрастный приговоръ.

Въ такихъ обстоятельствахъ что оставалось дѣлать?—Одно только—до конца исполнить свой солдатскій долгъ: повинуясь приказанію, „идти овладѣвать моремъ“—идти, хотя бы и „не имѣя надежды“ достигнуть успѣха собственными силами. Единственная надежда, какая была, это на помощь Божію... Можетъ быть, туманъ, свѣжая погода помогутъ проскочить незамѣтно? Можетъ быть, Богъ нашлетъ затменіе на всегда бодраго и дѣятельнаго врага?.. Плохо вѣрилось... Помните, у Пушкина;

Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Блѣднѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ...

Въ этой войнѣ благодать „Бога браней“ запечатлѣвала шаги японцевъ. Помимо ихъ превосходства въ смыслѣ лучшей подготовки, организаціи, снабженія и проч., и самъ „случай“ всегда былъ на ихъ сторонѣ: „Петропавловскъ“ наткнулся на такую же минную банку, какъ и „Побѣда“, но первому ударъ пришелся противъ миннаго погреба, детонировавшаго на взрывъ, а послѣдней—противъ полной угольной ямы; первый погибъ, вторая только получила кренъ 4 градуса и безъ посторонней помощи подъ собственными машинами вошла въ гавань для исправленія... Наконецъ, и съ „Петропавловска“ спаслись многіе офицеры, спасся великій князъ Кириллъ Владиміровичъ и командиръ броненосца, стоявшіе передъ катастрофой рядомъ съ адмираломъ, но Макаровъ погибъ... А 28 іюля? Снарядъ, убившій адм. Витгефта, развѣ не былъ счастливымъ снарядомъ? Вѣдь „Миказа“ тоже потерпѣла, и сильно, немногимъ меньше „Цесаревича“, а Того не получилъ даже царапины!.. А, въ томъ же бою, сбитыя верхушки обѣихъ мачтъ „Пересвѣта“, вслѣдствіе чего адм. князь Ухтомскій не могъ дѣлать сигналовъ, видимыхъ всею эскадрой? Это—не счастье? Или скажутъ, что это были прицѣльные хорошіе выстрѣлы, что такъ и хотѣли сдѣлать?—Нѣтъ!—Въ этой войнѣ не оправдалъ себя старый кличъ земли русской—„съ нами Богъ!“—Богъ былъ „съ ними“...

Надежда на счастливый случай, на благопріятныя условія погоды, способствующія незамѣтному прорыву, на оплошность непріятеля—являлась весьма смутной. Но другой не было.

Смѣю думать, врядъ ли на эскадрѣ находились люди (кромѣ, развѣ, зеленой молодежи), которые разсчитывали бы на успѣхъ въ рѣшительномъ, открытомъ бою. Наоборотъ, были такіе, которые утверждали, что японцы, глубоко увѣренные въ своемъ превосходствѣ, не только не станутъ мѣшать, но даже готовы помочь намъ достигнуть Владивостока, имѣя цѣлью заблокировать насъ тамъ, а по взятіи крѣпости получить вмѣстѣ съ ней, въ видѣ безплатной преміи, вторую эскадру по образцу того, какъ это блестяще удалось имъ исполнить въ П.-Артурѣ. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, командиръ „Олега“ на одномъ изъ совѣщаній предлагалъ адмиралу держать пари на крупную сумму, что если мы пойдемъ во Владивостокъ, то японцы,

обнаруживъ наше намѣреніе, всячески будутъ уклоняться отъ боя, даже въ случаѣ неожиданной встрѣчи. Адмиралъ не принялъ заклада, сказавъ, что съ его стороны это было бы явнымъ грабежомъ. Онъ держался противнаго мнѣнія. Онъ считалъ, что японцы примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить насъ до нашей базы, гдѣ мы можемъ отдохнуть, поправиться, починиться, оставить все лишнее, реорганизовать отряды, послѣ чего борьба съ нами будетъ много серьезнѣе. А такъ какъ въ рукахъ ихъ было и превосходство силъ и организаціи, то рѣшительный бой по пути во Владивостокъ являлся неизбѣжнымъ. Оставалось избрать этотъ путь, руководствуясь соображеніемъ, гдѣ легче будетъ проявиться Божьей помощи, и гдѣ, въ случаѣ отказа съ этой стороны, мы все же будемъ въ наименѣе скверномъ положеніи.

Заранѣе прошу извиненія у моихъ читателей, что вынужденъ остановиться на этомъ вопросѣ и разсмотрѣть его болѣе подробно: ужъ слишкомъ много вздору написано по этому поводу господами, самозванно выступившими въ роли авторитетовъ военно-морского дѣла.

Дорога во Владивостокъ, во всякомъ случаѣ, лежала черезъ Японское море, находившееся въ то время всецѣло въ рукахъ непріятеля, такъ какъ владивостокскій отрядъ не проявлялъ, да и не могъ проявить, никакихъ признаковъ жизни. Это было намъ достовѣрно извѣстно. Въ Японское море вели 4 пути (не считая мелководнаго Татарского пролива), а именно: Корейскій проливъ—между южной оконечностью Кореи и Японскимъ архипелагомъ, раздѣленной о-вомъ Цусима на два рукава — западный и восточный, Сангарскій проливъ — между о-вами Ниппонъ и Іезо и Лаперузовъ проливъ—между о-вами Іезо и Сахалинъ *).

Единственнымъ для насъ шансомъ на успѣхъ было: внезапность появленія и дурная погода, которою мы могли бы воспользоваться для скрытія своего движенія (туманъ) или какъ препятствіемъ для боя (свѣжій вѣтеръ, волна, крупная зыбь).—Который же изъ путей?

О Сангарскомъ проливѣ—говорить нечего. Кажется (буду справедливъ) даже малосмысленные „стратеги“ и тѣ о немъ не заикались. Это—узкость, имѣющая между мысами при входѣ и выходѣ всего 9—11 миль, а если мѣрить по „чистой“ водѣ,

*) См. карту, приложеніе III.

т. е. между прибрежными опасностями, то фарватеръ сужи-вается мѣстами до 7 миль. Сильное теченіе. Словомъ—и въ мирное время, при туманѣ или ненастьѣ, препятствующемъ видѣть берега (днемъ) или маяки (ночью) не только эскадра, но даже и одиночный корабль могъ рѣшиться на проходъ имъ лишь въ случаѣ крайней необходимости. Къ тому же: на сѣверномъ берегу (Іезо) японскій военный портъ „Мурораиъ", а на южномъ (Ниппонъ)—такой же портъ „Аомори". Идти этой дорогой—было-бы шествовать на закланіе.

Корейскій проливъ къ западу отъ Цусимы—если не узкость, то все же что-то въ этомъ родѣ, такъ какъ на протяженіи 40 миль пути материкъ и прилегающіе къ нему отдѣльные о-ва южно-корейскаго архипелага приближаются къ Цусимѣ на разстояніе до 25 миль. Сколько помнится, и на эту дорогу „стратеги" указывать не рѣшались.

Оставалось два пути: Корейскій проливъ къ востоку отъ Цусимы и Лаперузовъ проливъ.

И тотъ и другой имѣютъ общій характеръ (наглядно выражаясь) системы двухъ воронокъ, соединенныхъ узкими концами и круто раскрывающихся въ обѣ стороны. Наикратчайшее разстояніе между мысами Крильонъ (Сахалинъ) и Соя (Іезо)—22 мили, но на SO отъ Крильона въ дистанціи 11 миль лежитъ пренепріятный „Камень Опасности", едва возвышающійся надъ поверхностью воды и поднимающійся круто, сразу съ большой глубины, такъ что лотъ не можетъ предупредить о приближеніи къ нему. Обстоятельство крайне опасное при плаваніи въ туманѣ, фактически уменьшающее ширину пролива почти вдвое. Что касается восточнаго рукава Корейскаго пролива, то въ самой узкой его части—между южной оконечностью Цусимы и островомъ Икисима—разстояніе 25 миль, причемъ никакихъ подводныхъ или надводныхъ опасностей не имѣется; проходъ совершенно чистъ вплотную къ берегамъ.

Кромѣ того раструбъ восточной воронки Лаперузова пролива выходитъ не въ океанъ, а въ Охотское море и, такъ сказать, упирается въ Курильскую гряду, которую, идя съ океана, необходимо пересѣчь, чтобы достигнуть самаго пролива.

Люди, плававшіе въ водахъ Дальняго Востока (просятъ не смѣшивать съ отбывавшими цензъ), по личному опыту хорошо знаютъ, а неплававшіе по даннымъ лоціи могутъ узнать, что такое Курильская гряда, особенно въ весенніе мѣсяцы. Это царство тумана, про который моряки говорятъ: „Какъ молоко"...

Нашей „армадѣ“, которая, даже въ ясную погоду, при наилучшихъ условіяхъ плаванія, съ трудомъ сохраняла нѣкоторое подобіе строя, предстояло, идя въ „молокѣ“, пересѣчь Курильскую гряду, пройти неширокими (въ смыслѣ чистой воды) и плохо обслѣдованными проливами между островами, удачно попасть въ воронку Лаперузова пролива, счастливо миновать Камень Опасности и, выйдя на просторъ Японскаго моря, слѣдовать во Владивостокъ*). Прошу замѣтить, что въ данный моментъ я разбираю вопросъ съ точки зрѣнія чисто навигаціонной, оставляя въ сторонѣ всякія соображенія о возможныхъ дѣйствіяхъ со стороны японцевъ.

На подходѣ къ Корейскому проливу никакихъ опасностей не было. Воронка его, въ сторону Желтаго моря, развертывается свободно во всю ширь послѣдняго, равно какъ и въ восточномъ направленіи съ 25 миль быстро переходитъ на 75 (здѣсь именно и разыгрался бой), а дальше—въ Японское море. Есть гдѣ разгуляться **). Возможное теченіе строго на учетѣ. Безопасность плаванія, въ смыслѣ навигаціонномъ, обезпечена. Чѣмъ гуще туманъ, чѣмъ хуже погода, тѣмъ лучше для насъ. Здѣсь, на этомъ просторѣ, они—наши вѣрные союзники. А тамъ, на сѣверѣ—враги. И, Богъ вѣсть, какой врагъ страшнѣе—они или японцы...

Такъ говорили старые, посѣдѣвшіе на своемъ ремеслѣ, штурмана.

Теперь—вопросы тактики.

Внезапность.—Гдѣ вѣроятнѣе было осуществить этотъ

---

*) Насколько все это просто, наилучшей иллюстраціей можетъ служить судьба нашего приза, парохода «Ольдгамія», который именно этимъ путемъ былъ отправленъ во Владивостокъ. Велъ его опытный морякъ коммерческаго флота Т., имѣвшій помощниковъ по своему выбору. Онъ не попалъ въ проливъ, вылетѣлъ на камни острова Урупа и былъ сожженъ, чтобы не достаться японцамъ.

**) Стыдно сказать, но «изъ пѣсни словъ не выкинешь», почти черезъ два года послѣ боя при Цусимѣ мнѣ пришлось слышать, какъ на засѣданіи одного почтеннаго общества одинъ почтенный лекторъ сравнивалъ этотъ бой съ Саламинскимъ сраженіемъ (!), искренно убѣжденный, что и онъ происходилъ въ «узкости», куда корабли нашей эскадры «втягивались одинъ за другимъ» (!), тогда какъ непріятель пользовался полной свободой маневрированія... О, милые соотечественники! кто васъ до такой степени одурачилъ, что вамъ даже въ голову не приходитъ справиться съ картой и прикинуть разстояніе циркулемъ? Лѣнь, или... разучились, или ужъ такъ привыкли слѣпо вѣрить всему, что напечатано съ одобренія начальства?...

принципъ?—Предпринять походъ кругомъ Японіи черезъ Лаперузовъ проливъ съ тѣмъ, хотя бы черезъ мѣру, усиленнымъ запасомъ угля, который имѣли суда эскадры, представлялось невозможнымъ.—Значитъ, необходима подгрузка въ пути.—Гдѣ же?—Въ морѣ? —Но Тихій океанъ въ широтѣ Японіи—это не тропики, гдѣ погода расписана по календарю на цѣлый годъ; здѣсь можно было недѣлями выжидать и все-таки не выждать благопріятныхъ условій для погрузки въ океанѣ. Такой мелочью, конечно, могли пренебрегать стратеги Маркизовой лужи, но мы, моряки, должны были учитывать это обстоятельство. Если въ морѣ грузиться нельзя, надо идти къ берегу, зайти въ бухту, или хотя бы прикрыться какимъ-нибудь мысомъ...—Гдѣ же? У какого берега?—Конечно, у японскаго, такъ какъ другого нѣтъ...—Но вѣдь тогда какая же внезапность? Карты раскрыты, маршрутъ нашъ въ точности опредѣлился и если даже, преодолѣвъ всѣ навигаціонныя трудности, счастливо „взявъ всѣ барьеры“, ускользнувъ милостью Божіей отъ ловушекъ, поставленныхъ намъ въ проливѣ, мы выйдемъ въ чистое море,—здѣсь, лицомъ къ лицу, насъ встрѣтитъ японскій флотъ въ полномъ составѣ, веселый, бодрый, готовый къ бою.

Между тѣмъ, подгрузившись послѣдній разъ у сѣверной оконечности Формозы (гдѣ погода все еще держится по календарю) и, по возможности заметя слѣды, мы могли черезъ трое сутокъ послѣ того появиться въ Корейскомъ проливѣ. При нѣкоторой удачѣ могъ быть осуществленъ принципъ внезапности и съ бо́льшимъ вѣроятіемъ, нежели при походѣ Лаперузовымъ проливомъ, гдѣ было не одно, а много „если“ *).

---

*) До извѣстной степени это предположеніе осуществилось. Изъ офиціальныхъ японскихъ донесеній явствуетъ, что 12 и 13 мая всякій слѣдъ эскадры былъ потерянъ японцами. Въ ночь на 14 мая адм. Того, стоя съ главными силами гдѣ-то «близъ Фузана» (очевидно въ Мазампо), совершенно не зналъ о мѣстѣ нашего нахожденія и ждалъ извѣстій одинаково какъ съ юга, такъ и съ сѣвера. Только въ 4 ч. 25 м. утра 14 мая японскій вспомогательный крейсеръ «Синано-мару», бродя наудачу, случайно, въ туманѣ, едва не столкнулся съ однимъ изъ нашихъ госпитальныхъ кораблей, шедшихъ позади эскадры. Опознавъ ихъ (что было нетрудно, благодаря ихъ окраскѣ, установленной на Гаагской конференціи—бѣлая труба, бѣлый бортъ съ продольной красной полосой и съ огромнымъ краснымъ крестомъ), онъ, весьма естественно, рѣшилъ, что они слѣдуютъ за эскадрой, и, дѣйствительно, пройдя нѣсколько впередъ по ихъ курсу, открылъ наши главныя силы, о чемъ и донесъ немедленно.

Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Сказать, что это результатъ пра-

Наличіе всѣхъ силъ въ рѣшительный моментъ.—Заметя слѣды (это удалось), подходя прямо съ океана и направляясь въ широкій раструбъ Корейскаго пролива, мы имѣли полное основаніе надѣяться вступить въ него, въ полномъ составѣ, никого не растерявъ, ни на каменьяхъ, ни отъ минъ, набросанныхъ по пути, ни отъ минныхъ атакъ.—При слѣдованіи Лаперузовымъ проливомъ, съ предварительнымъ проходомъ черезъ Курильскую гряду, такая надежда была бы... по меньшей мѣрѣ крайне слабой.

Допустимъ однако-же (это допущеніе особенно облюбовано нашими „стратегами“, охотно пророчествующими заднимъ числомъ), что, избравъ путь черезъ Лаперузовъ проливъ, мы снискали бы особое расположеніе силъ небесныхъ, имѣли бы случай безпрепятственно погрузиться углемъ въ морѣ; при проходѣ между Курильскими островами, невидимая рука, своевременно и на срокъ намъ необходимый, отдернула бы туманную завѣсу, а затѣмъ вновь накрыла бы ею тайну нашего плаванія и т. д. Но въ самомъ горлѣ пролива, между мысами Крильонъ и Соя, насъ же открыли бы наконецъ! Вѣдь не что-нибудь, не иголка въ стогѣ сѣна, а цѣлая эскадра!.. Пусть даже такое счастье, что только открыли, но не сумѣли бы, или не успѣли бы, причинить никакого вреда *).—Отъ Лаперузова пролива до Владивостока дистанція 515 миль—ровно столько же, какъ отъ Владивостока до Мазампо, гдѣ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, находился Того (онъ и дѣйствительно оказался тамъ). Допустимъ, что намъ „повезло“, что стоя здѣсь и поджидая насъ съ юга, онъ получаетъ краткую телеграмму—„Русская эскадра въ полномъ составѣ проходитъ между мысами Крильонъ и Соя“.—Онъ, даже не слишкомъ торопясь, снимается съ якоря и, обладая эскадренной скоростью въ полтора раза превосходящей нашу, выходитъ намъ на пересѣчку... Въ результатѣ—все

вильно поставленной развѣдочной службы?—Полноте!—Туманъ суживалъ горизонтъ до двухъ миль, а на сотни миль Корейскаго пролива у японцевъ было всего 16 развѣдчиковъ. Пройди «Синано-мару» черезъ тотъ же пунктъ на 10 минутъ позже, и онъ ничего бы не увидѣлъ... Нѣтъ! Здѣсь, какъ и во всей этой несчастной войнѣ, нельзя, съ глубокой горечью, не сознаться, что Богъ былъ не съ нами.

*) Какъ выяснилось впослѣдствіи, у японцевъ для наблюденія за сѣверными проливами и охраны ихъ былъ особый отрядъ подъ командой к.-адм. Накао. Врядъ ли удалось бы пройти безнаказанно, т.-е. безъ потерь.

тотъ же рѣшительный бой за обладаніе моремъ, безъ котораго нельзя добраться до Владивостока.

Въ чемъ-же выгода такъ охотно, заднимъ числомъ, проповѣдуемаго похода черезъ Лаперузовъ проливъ?—Въ наилучшемъ случаѣ, при осуществленіи всѣхъ многочисленныхъ „еслибы“,—то же, что и при выборѣ ближайшаго и удобнѣйшаго въ навигаціонномъ отношеніи пути черезъ Корейскій проливъ—рѣшительный бой со всѣмъ японскимъ флотомъ.

Нравственный элементъ.—Кромѣ того, не говоря уже о гибельномъ вліяніи, которое могъ бы оказать на полунадорванныя физическія силы личнаго состава рѣзкій переходъ отъ 6-мѣсячнаго пребыванія въ тропикахъ къ холоднымъ туманамъ Охотскаго моря, гдѣ даже въ концѣ іюня встрѣчаются плавающіе льды,—огромное значеніе въ дѣлѣ выбора пути игралъ учетъ „настроенія“, господствовавшаго на эскадрѣ, того „нравственнаго элемента“, на который тактика рекомендуетъ начальнику обращать особое вниманіе.

Я неоднократно указывалъ на причины, приведшія личный составъ эскадры въ состояніе, близкое къ полной деморализаціи. Не буду повторять ихъ, скажу лишь, что если эскадра еще существовала какъ нѣчто цѣлое, то она держалась исключительно вѣрою въ своего начальника, въ его несокрушимую энергію. Однако же, мнѣ казалось (можетъ быть я ошибаюсь), что и эта спайка начинала сдавать...—Передержали!..—Если даже у офицеровъ порою вырывались безнадежные возгласы въ родѣ:—„Хоть бы пришли японцы и утопили!“—то какъ разгадать, что творилось въ глубинѣ массъ, въ душѣ этихъ 12,000 и физически, и нравственно переутомленныхъ людей?

Этотъ глухой ропотъ, который слышался кругомъ, это недовольство, выражавшееся нелѣпыми, дикими вспышками,—не являлись ли они результатомъ инстинктивнаго, неопредѣляемаго словами, но ясно чувствуемаго сознанія, что „дальше—такъ нельзя“, что „на бой—еще хватитъ, но на ожиданіе—нѣтъ“...

Мнѣ, невольно, приходили на память тяжелыя минуты изъ временъ П.-Артура, когда казалось—вотъ, вотъ изъ нѣдръ темной толпы, мало-освѣдомленной въ тонкостяхъ военнаго дѣла, живущей не разсудкомъ, но сердцемъ, вдругъ крикомъ вырвутся тѣ безумныя слова, тѣ чудовищныя подозрѣнія, о которыхъ пока только шепчутся по угламъ: „Измѣна! Начальство насъ продало!“

Можетъ быть, здѣсь это было бы формулировано иначе. Можетъ быть, здѣсь заговорили бы: „Куда ведутъ? Опять не въ бой? Долго ли еще? Когда же конецъ? Изморомъ взять хотятъ, что-ли?..“

Съ этимъ необходимо было считаться.

Рѣшеніе было принято. Путь избранъ—Корейскій проливъ.

Въ надеждѣ (довольно слабой) отвлечь вниманіе непріятеля отъ этого пункта, вызвать, можетъ быть, раздѣленіе его силъ,— рѣшено было съ дороги послать впередъ, къ восточнымъ берегамъ Японіи „Кубань“ и „Терекъ“ для крейсерскихъ операцій на подходахъ къ Токійскому заливу съ востока (изъ Америки) и съ юга (изъ Гонгъ-Конга). Появленіе ихъ въ этомъ раіонѣ, при успѣшной (въ смыслѣ демонстративномъ) дѣятельности, вполнѣ естественно могло бы вызвать предположеніе, что дерзость такого поведенія объясняется близкимъ присутствіемъ главныхъ силъ эскадры, слѣдующей кругомъ Японіи и направляющейся къ Лаперузову проливу.

Къ сожалѣнію (не берусь судить по какимъ причинамъ) крейсера эти ничѣмъ не проявили своего присутствія у береговъ Японіи. Японцы даже и не подозрѣвали, что они бродятъ гдѣ-то поблизости...

Не малое затрудненіе создавалось также заботливымъ предупрежденіемъ главнаго морского штаба: не обременять собою скудно снабженнаго и оборудованнаго владивостокскаго порта и не разсчитывать на подвозъ по сибирской дорогѣ. Съ одной стороны, элементарныя правила тактики предписывали идти въ бой на-легкѣ и, ужъ конечно, не имѣть при эскадрѣ транспортовъ, стѣсняющихъ ея дѣйствія, съ другой — это любезное предостереженіе. Послать транспорты во Владивостокъ въ качествѣ обыкновенныхъ блокадопрорывателей — значило бы завѣдомо предать ихъ въ руки японцевъ, стерегущихъ всѣ подходы къ нему. Взять всю ораву съ собою, вести подъ своей охраной—недопустимо съ тактической точки зрѣнія... Отправить ихъ въ нейтральный портъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ удачнаго завершенія предпріятія, диверсіями изъ Владивостока прикрыть ихъ прибытіе въ указанные сроки?—Было бы недурно. Но въ случаѣ, скажемъ, не полной неудачи, а хотя-бы значительныхъ потерь и поврежденій, изъ-за которыхъ, на болѣе или менѣе значительный срокъ, эскадра будетъ лишена возможности предпринять подобную диверсію, — какъ быть въ этомъ случаѣ?

какъ обойтись это время, „не обременяя порта и не разсчитывая на желѣзную дорогу?“—Приходилось идти на компромисъ.

Адмиралъ рѣшилъ такъ: боевымъ судамъ принять запасовъ и матеріаловъ, сколько позволяетъ вмѣстимость имѣемыхъ для того помѣщеній *); на транспорты „Анадырь“, „Иртышъ“ и „Корея“ (самые крупные и надежные, съ ходомъ 14 узловъ) перегрузить возможно большее количество запасовъ, необходимыхъ въ первую голову—мины, матеріалы для ремонта боевого вооруженія, запасныя части механизмовъ и т. п. **); съ плавучей мастерской „Ксенія“ передать на „Камчатку“ все, что флагманскіе инженеръ-механики и корабельные инженеры найдутъ полезнымъ, до станковъ включительно, сдавъ въ обмѣнъ, для освобожденія мѣста, все, что не будетъ признано насущно-необходимымъ; лучшимъ мастеровымъ „Ксеніи“, буде окажутся желающіе, предложить перевестись на „Камчатку“, а съ послѣдней убрать худшихъ и такихъ, что неохотно идутъ на театръ военныхъ дѣйствій; 6 транспортовъ отослать въ Сайгонъ; 7 транспортовъ и плавучую мастерскую „Ксенія“ отослать въ Шанхай.

Три вышеназванные, отборные, транспорта и „Камчатка“ должны были слѣдовать при эскадрѣ и раздѣлить судьбу ея въ попыткѣ достигнуть Владивостока. Кромѣ нихъ рѣшено было взять съ собой буксирные и водоотливные пароходы „Русь“ и „Свирь“ для буксировки и оказанія помощи судамъ, потерпѣвшимъ въ бою или отъ минъ, а также госпитальные корабли „Орелъ“ и „Кострома“. Транспорты, отправленные въ Сайгонъ и Шанхай, должны были, тотчасъ по прибытіи, принять полные грузы угля и другихъ припасовъ и матерьяловъ отъ извѣстныхъ агентовъ и быть готовыми, съ полученіемъ условной телеграммы, къ немедленному выходу въ море на указанное рандеву.

Въ то время мы еще не извѣрились окончательно въ международномъ правѣ. Намъ въ голову не приходило, что наши транспорты, обыкновенные пароходы подъ коммерческимъ фла-

---

*) Эти помѣщенія (погреба, кладовыя) устраиваются на военныхъ судахъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было главнѣйшихъ запасовъ и матерьяловъ принять на 4-мѣсячную кампанію, но такъ какъ всегда имѣется нѣкоторый запасъ мѣста, то кое-чего можно принять и на большій срокъ—до 6, даже до 8 мѣсяцевъ.

**) Къ тому же въ своихъ трюмахъ эти три транспорта (огромнаго водоизмѣщенія) имѣли, въ общемъ, болѣе 15,000 тоннъ угля, т.-е. количество, достаточное для одной погрузки полнаго запаса всей эскадрой.

гомъ, могутъ быть, подъ давленіемъ Англіи, „интернированы“ въ нейтральномъ порту, что госпитальныя суда могутъ быть забраны какъ призы, отведены въ непріятельскій портъ и лишены возможности выполнить свое прямое и единственное назначеніе—оказывать помощь раненымъ и утопающимъ...

Вотъ каковы были, насколько мнѣ извѣстно, мотивы принятыхъ рѣшеній.

1 мая тронулись въ путь. Чтобы не утомлять вниманія читателей подробнымъ перечнемъ судовъ, скажу кратко, что походная диспозиція (дневная и ночная) имѣла въ общемъ тотъ же характеръ, какъ и на подходѣ къ берегамъ Аннама.

Транспорты, пришедшіе съ адм. Небогатовымъ, вошли въ отрядъ нашего транспортнаго отряда, замѣнивъ тѣ четыре, что были отправлены въ Сайгонъ. „Мономахъ“ поступилъ въ крейсерскій отрядъ адм. Энквиста, а четыремъ броненосцамъ приказано было идти въ замкѣ эскадры, въ строѣ фронта. Послѣднее не безъ особаго умысла: хожденіе въ строѣ фронта—наилучшій пріемъ практическаго обученія соблюдать свое мѣсто, согласно эскадренной диспозиціи.

Дальше, какъ и обычно на походѣ, мой дневникъ становится немногословнымъ, кратко, но точно, отмѣчающимъ событія въ строгой ихъ послѣдовательности.

Позволю себѣ, для этихъ дней, возможно ближе придержаться къ нему, давая лишь самыя необходимыя поясненія нѣкоторымъ фразамъ, малопонятнымъ по ихъ отрывочности.

ГЛАВА XI.

Дневникъ послѣдняго перехода.—«КЪ РАСПЛАТѢ!»

1 мая.—Сегодня—и воскресенье, и майскій праздникъ. Казалось бы, день для начала похода, по примѣтамъ, чего удачнѣе. Съ 6 ч. утра начали выходить изъ бухты стоявшія тамъ суда. Къ $8^1/_2$—построились въ походный порядокъ, а затѣмъ былъ сигналъ—„Транспортамъ взять на буксиръ миноносцы“.—Демонстративно присутствовалъ Жонкьеръ на „Guichen“.

Теперь уже по чистой совѣсти можетъ донести, что ушли окончательно. Милѣйшій типъ. Можно ли не вѣрить искренности его пожеланій *). Что слѣдовало ему отвѣтить?—„Adieu, mon amiral“,—или—„Au plaisir de vous revoir“?..

*) По безпроволочному телеграфу.

Какъ знать, чего не знаешь?..

Въ 11 утра легли на настоящій курсъ и дали ходъ 9 узловъ. Въ добрый часъ!

Настроеніе... ничего! Пожалуй, на бой еще хватитъ. Даже острятъ, что слѣдующій адмиралъ хоть придетъ на третьей эскадрѣ со „Славой“ *), но славы ему не видать, потому что либо соизволеніемъ Божіимъ она намъ достанется, либо вмѣсто насъ будетъ пустое мѣсто, а тогда ему и соваться нечего. Недурно. Похоже на „Morituri tibi salutant“.—С. (лейтенантъ) мрачнѣе ночи. Каркаетъ. Показываетъ на карту (на предстоящій намъ путь) и говоритъ—„Via dolorosa“... Послѣ обѣдни и молебна о благополучномъ плаваніи, въ своей компаніи, спрыснули выступленіе бокаломъ Мумма. С. (лейтенантъ) опять—„Пиръ во время чумы“.—Встравился, даже изругалъ его (по-пріятельски):—Зачѣмъ бередить? Сами знаемъ! Передѣлать, перерѣшить не въ нашей власти. А больше одного раза не убьютъ...

2 м а я.—Пока что — благополучно. Ночью, бродяжничая, заглянулъ въ каютъ-компанію. Сидятъ В. (старшій механикъ), К. и Г. (прапорщики запаса), пьютъ пиво и ѣдятъ бутерброды съ колбасой.—„Что такое?“—„Не понимаете? А еще штурманъ! Самое время. Вѣдь семь часовъ разницы по долготѣ? Ну, значитъ, какъ разъ теперь всѣ петербургскіе нѣмцы закусываютъ въ Екатерингофѣ!“—Хохочутъ. Молодцы! Къ чорту всякія предчувствія!..

Погода тихая. Жарко. Встрѣтили 3 парохода—пересѣкаемъ торную дорогу (usual track) изъ Сингапура въ Гонгъ-Конгъ.

3 м а я. — Удачно вышли въ отношеніи ночного плаванія. Черезъ два дня полнолуніе. Ночью свѣтло, какъ днемъ; прожекторы ни къ чему. Пока мы не свободны въ своихъ дѣйствіяхъ (конвоируемъ транспорты), для насъ всего опаснѣе ночная минная атака. На корабляхъ нѣтъ-нѣтъ да и поврежденіе. Идемъ третьи сутки, а повреждались уже: два раза „Тамбовъ“, по одному разу—„Орелъ“ (броненосецъ), „Наваринъ“ и „Сисой“. Правда, ненадолго, а все же задержка и, главное, отсутствіе увѣренности въ ихъ исправности. Что-то будетъ въ бою?.. Развѣдочный отрядъ идетъ впереди, разсыпавшись дозорной цѣпью. Пытаемся раскинуть цѣпь пошире, поддерживая связь телеграфомъ. Сдаетъ. Ненадеженъ. Кто виноватъ? Неопытность нашихъ минеровъ, или система Сляби-

*) Броненосецъ «Слава».

Арко, принятая техническимъ комитетомъ?—Чортъ ихъ разберетъ!.. Фактъ на лицо, а „икалъ или не икалъ передъ смертью“—по-моему безразлично...

4 м а я.—Утромъ опять поврежденіе у „Наварина“. Часовъ пять шли малымъ ходомъ. Развѣдчики снова въ дозорной цѣпи. Это теперь принято за правило. Въ $5^1/_2$ ч. вечера „Орелъ“ вышелъ изъ строя—поврежденіе въ рулевой машинѣ. Сегодня особенно жарко и душно. Солнце въ зенитѣ и мертвый штиль.

5 м а я.—Ночь прошла спокойно. Съ разсвѣтомъ остановились и начали грузить уголь. На III отрядѣ, съ непривычки, плохо ладится. Впрочемъ имъ немного и нужно. Въ 3 ч. дня окончили погрузку. Отпустили въ Сайгонь „Тамбовъ“ и „Меркурій“ съ объявленіемъ (сигналомъ) особой благодарности „за блестящую службу при эскадрѣ“. Къ 5 ч. построились. Вдругъ—задержка. Ввиду ухода „Тамбова“, миноносецъ, шедшій у него на буксирѣ, поручили вести „Ливоніи“. Она съ нимъ возилась $1^1/_2$ часа, наконецъ справилась. Тронулись, прошли два часа,—опять лопнулъ буксиръ, и началась та же исторія. Избавили „Ливонію“ отъ непосильной задачи и передали миноносецъ „Свири“. Досадно—все это время ползли по 3 узла. Въ 10-мъ часу вечера увидѣли за кормой пароходъ. Послали „Олегъ“ для осмотра. Оказался англичанинъ; капитанъ говоритъ, что грузъ керосинъ; коносаментовъ нѣтъ; идетъ въ Нагасаки. Задержали при эскадрѣ, отложивъ подробный осмотръ и рѣшеніе до завтра.

6 м а я.—Въ 2 ч. ночи—поврежденіе въ машинѣ на „Апраксинѣ“. Сигналомъ донесъ, что исправленіе займетъ сутки, а пока не можетъ идти больше 6 узловъ. Недурно для начала. Будь они прокляты, наши „стратеги“ и высланныя ими „подкрѣпленія“!..—Пароходъ „Oldhamia“ крайне подозрителенъ. К. (прапорщикъ запаса) опытный морякъ (видалъ виды)—указываетъ: на пароходѣ угольныя ямы почти пусты; угля, въ-обрѣзъ, до Нагасаки; между тѣмъ сидитъ въ водѣ до ллойдовской марки *). Керосинъ въ жестянкахъ и деревянныхъ ящикахъ—грузъ громоздкій, но легкій. Ему (т. е. К.) случалось

*) Особая мѣтка на борту, наносимая по правиламъ Ллойда и показывающая предѣльное углубленіе въ полномъ грузѣ. Если эта мѣрка ушла въ воду, пароходъ перегруженъ, небезопасенъ для плаванія, и ни одно общество не приметъ его на страховку.

ходить съ такимъ грузомъ. Заваливали не только трюмы, но всѣ свободныя помѣщенія, принимали даже на верхнюю палубу; баластныя цистерны заливали водой (для устойчивости); угля брали сверхъ полнаго запаса, и все же ллойдовская марка была на нѣсколько футъ выше воды. На „Oldhamia“ угля мало, а грузъ—весь въ трюмахъ.—Верхняя палуба свободна.—Откуда же такая осадка?—Очевидно, на днѣ, подъ ящиками, лежитъ что-то весьма тяжелое. Капитанъ отказывается предъявить коносаменты. Опросомъ команды выяснилось, что всѣ они, за исключеніемъ двухъ довѣренныхъ лицъ капитана, набраны наканунѣ выхода изъ порта, при погрузкѣ парохода не присутствовали и о содержимомъ въ трюмахъ ничего достовѣрнаго сказать не могутъ. Капитанъ со своими помощниками и механиками, равно какъ и тѣ двое, что были при погрузкѣ, не даютъ, вѣрнѣе, не желаютъ давать никакихъ объясненій. Зато одинъ изъ матросовъ (нѣмецъ) сообщилъ о нечаянно подслушанномъ имъ, за время плаванія, разговорѣ посвященныхъ, изъ котораго онъ понялъ, что въ носовомъ трюмѣ—снаряды, а въ кормовомъ—орудія.—Адмиралъ рѣшилъ забрать и отправить во Владивостокъ, чтобы тамъ доподлинно убѣдиться, каковъ грузъ. Угля на такой походъ не хватитъ. Приказали (пользуясь штилемъ) „Ливоніи“ снайтовиться съ „Oldhamia“ и перегрузить на нее 600 тоннъ. Послали на пароходъ военную команду и офицеровъ.—Все утро простояли на мѣстѣ. Около 10 час. задержали еще пароходъ. Норвежецъ. Пустой. Идетъ на югъ. Отпустили. Пользуясь остановкой разослали по судамъ приказъ (отъ 6 мая за № 240) о порядкѣ ночного плаванія между группами японскихъ о-вовъ и мѣрахъ предосторожности противъ набрасыванія по пути эскадры плавучихъ минъ. (О мѣрахъ предосторожности противъ замаскированныхъ ночныхъ атакъ, о возможности которыхъ доносили наши агенты, уже было объявлено приказомъ отъ 20 апрѣля за № 216). Въ 11 час. 30 м. утра тронулись дальше. „Ливонія“ идетъ, снайтовившись съ „Oldhamia“, на ходу перегружаетъ уголь. Въ то же время особая команда пробуетъ добраться до дна носового и кормового трюмовъ. Работа крайне затрудняется тѣмъ, что ящики (намѣренно, или вслѣдствіе спѣшной погрузки) уложены плохо. Приходится прокладывать настоящія шахты, укрѣплять ихъ стѣны, да и то, безъ навыка въ подобномъ дѣлѣ, постоянно происходятъ обвалы. Лишній поводъ въ смыслѣ подозрительности перегрузки: такъ небрежно уложенный грузъ

является еще болѣе громоздкимъ—откуда же осадка до предѣльной марки?

7 мая. 5 ч. утра.—Чортъ возьми! Что значитъ сила привычки, любовь къ стихіи, съ которой сроднился, на службѣ которой прошли лучшіе годы жизни!.. Вчера съ вечера стало задувать отъ Ost'a. Къ полночи „Ливонія“ и „Oldhamia“ были вынуждены расцѣпиться. За ночь разошлась волна. Иллюминаторы задраены. Поддаетъ даже на срѣзъ. Покачиваетъ. Но какой разсвѣтъ!.. Вылѣзъ наверхъ подышать свѣжимъ воздухомъ и—жаль уходить! Настоящее море! Бѣжитъ волнишка; дуетъ соленый, славный, бодрящій вѣтеръ; дышется полной грудью... Какъ разъ проходимъ Батанъ и Сабтанъ *). Слава Богу! кажется, осталось позади проклятое болото штилевого пояса... Привѣтъ тебѣ, безбрежный океанъ!..

8 мая. Вчера—день безъ приключеній; ночь—тоже. Сегодня утромъ сняли съ „Oldhamia“ лишнюю команду. Докопаться до дна трюмовъ не удалось. Ничего—разберутъ во Владивостокѣ. Пойдетъ самостоятельно Лаперузовымъ проливомъ. Командиромъ приза назначенъ Т. (прапорщикъ запаса) съ „Суворова“. Помощники—по его выбору. Команда съ судовъ эскадры. Капитана, механика и ихъ помощниковъ пришлось убрать. Вели себя вызывающе. Были попытки испортить машину, даже затопить пароходъ.—Куда убрать? На боевыя суда?—Адмиралъ неожиданно проявилъ сантиментальность:—За что подъ разстрѣлъ людей нейтральныхъ, хотя бы и занимающихся военной контрабандой?—Отправилъ ихъ на единственную, по близости, нейтральную территорію—на госпитальный „Орелъ“, подъ покровительство флага Краснаго Креста. Оттуда съ удивленіемъ спросили: „Прибыло 5 здоровыхъ англичанъ. Что съ ними дѣлать?“ Адмиралъ приказалъ отвѣтить что-то въ родѣ „позаботьтесь о ихъ добромъ здоровьѣ до ближайшаго порта“.— Въ 2 ч. дня, сначала „Жемчугъ“, потомъ „Ослябя“ и, наконецъ, „Свѣтлана“, увидѣли воздушный шаръ. „Свѣтлана“ указала даже румбъ и высоту. Послали по этому направленію „Олегъ“ и „Жемчугъ“, но безъ результата. Отъ насъ (съ „Суворова“) тоже видѣли, даже многіе. Я не видѣлъ. Н. (лейтенантъ, флагъ-офицеръ) утверждалъ, что это не шаръ, а оборвавшійся военный развѣдочный змѣй. Летѣлъ высоко и шелъ на S. Если тамъ были аэронавты—не завидую.

---

*) О-ва между Формозой и Филиппинами.

Къ вечеру небо заволокло. Гроза. Дождь.

9 мая.—Ночь ненастная, но прохладная. Замѣтно, что вышли изъ тропиковъ.—Въ 8 ч. утра легли на NW 20 град.—курсомъ между Міако и Ліу-Кіу.

Облачно; мглисто; волна; вѣтеръ NNO.—Предполагали сегодня грузиться углемъ. Не удалось изъ-за погоды.

Еще вчера „Кубань“, а сегодня и „Терекъ“ отдѣлились отъ эскадры для крейсерства у восточныхъ береговъ Японіи. Дай имъ Богъ нашумѣть побольше.—Вѣтеръ отходитъ влѣво, къ NW. Маневрировали, обучая III отрядъ. Полная неподготовленность. Изъ всѣхъ строевъ удается только одинъ—„строй безобразной кучи“...—Грустное зрѣлище...—Къ полдню погода нѣсколько исправилась. Можетъ быть—все къ лучшему. Погрузка не удалась, но изъ-за ненастной погоды мы не видимъ острововъ, между которыми проходимъ, а значитъ—и насъ оттуда, подавно, не видятъ. Наше мѣсто—загадка. Богъ дастъ, погрузимся завтра, когда будемъ уже внѣ возможной видимости съ острововъ и какъ разъ въ мертвомъ пространствѣ, не пересѣкаемомъ никакими торговыми путями.

Къ вечеру совсѣмъ стихло.

10 мая.—Ночь прошла спокойно. Въ 5 ч. 30 мин. утра застопорили машины и начали погрузку угля. Штиль, но пасмурно. Какъ будто къ ненастью. Сигналами, телеграфомъ, указано, что погрузка, вѣроятно, послѣдняя. Приложить всѣ усилія, допринять столько, что бы къ утру 13 мая оставался въ угольныхъ ямахъ полный, нормальный запасъ *).—Плохія вѣсти о Фелькерзамѣ: бредъ, температура 35 градусовъ, пульсъ 160.—Спросилъ старшаго доктора, что это значитъ въ переводѣ на общепонятный языкъ. Свирѣпо буркнулъ—„Агонія“...—махнулъ рукой и ушелъ прочь. Командиру „Ослябя“ дано секретное предписаніе—по смерти Фелькерзама не спускать его флага. Нервы такъ натянуты. Смерть адмирала наканунѣ боя. Какъ это примутъ? Можетъ быть—ничего, а можетъ быть—сочтутъ за примѣту и вдругъ „сдадутъ“, ослабѣютъ...

Пользуясь временемъ погрузки, разослали по судамъ послѣдній приказъ. Начинается словами: „Быть ежечасно готовыми къ бою“... **)

---

*) Какъ дерзко лгутъ тѣ, что утверждаютъ, будто въ бою суда были перегружены углемъ!..

**) Приказъ отъ 10 мая за № 243. Какъ знать, еслибы командиры миноносцевъ «Бѣдовый» и «Быстрый» свято исполнили возложенную

11 мая.—Погода явно портится. Тѣмъ лучше. Ни поломокъ, ни задержекъ. Ни одного встрѣчнаго. Это отлично. Настроеніе—ничего. Подтянулись, выглядятъ бодро.

12 мая.—За ночь окончательно разненастилось. Небо—ровнаго сѣраго цвѣта. Мелкій частый дождь. Свѣжій вѣтерокъ.—Предполагалось, раньше чѣмъ отпустить транспорты, послѣдній разъ погрузить углемъ миноносцы, такъ какъ отсюда и вплоть до Владивостока такой возможности уже не предвидѣлось. Не удалось изъ-за погоды.—Что-жъ дѣлать!—Если безъ особыхъ приключеній, то должно бы хватить и того, что есть. Хотя, конечно, запасъ не тяготитъ и никогда невреденъ...

Въ 90 миляхъ отъ Шанхая (по счисленію) отправили туда транспорты. При нихъ, въ видѣ конвоя,—„Днѣпръ“ и „Ріонъ“. Эти послѣдніе, проводивъ беззащитныхъ до устья, должны заняться своимъ (крейсерскимъ) дѣломъ на подходахъ съ юга къ портамъ западной Японіи и Желтаго моря.

На прощанье—обмѣнъ трогательными сигналами.

Горизонтъ суженъ дождемъ до 2—3 миль. Разлука—безъ свидѣтелей. Вообще—всѣ данныя полагать, что отъ южной оконечности Формозы и до сего мѣста никто насъ не видѣлъ *).—Недурно.—Дай Богъ и впредь также.—С. бродитъ по мостику мрачнѣе ночи. Взялъ его подъ руку.

— Ну, вотъ, видите: дошли-таки и...

— Что „и“?

— И... дальше, пока что, идемъ.

— Идемъ, идемъ... какъ это вы говорили? забылъ... Ахъ да!..—КЪ РАСПЛАТѢ!.. **)

на нихъ этимъ приказомъ обязанность—немедленно по выходѣ «Суворова» изъ строя перевезти адмирала со штабомъ на другой, неповрежденный корабль—можетъ быть, не все еще было бы потеряно?.. Вѣдь послѣдняя, причинявшая наибольшія страданія, сваливпая его съ ногъ, рана была получена адмираломъ приблизительно черезъ 40 минутъ послѣ того какъ «Суворовъ» лишился возможности руководить дѣйствіями эскадры.

*) Это такъ и оказалось въ дѣйствительности.

**) Дни 12, 13 и 14 мая подробно описаны мною въ моей книгѣ «Бой при Цусимѣ».

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОРТЪ-АРТУРЪ.

Стр.

Глава I. — Отъѣздъ изъ Петербурга.—Въ сибирскомъ экспрессѣ.—Первыя вѣсти о войнѣ.—Прибытіе въ Портъ-Артуръ . . . . . 1—18

Глава II. — П.-Артурскія впечатлѣнія.—Слава Богу—на миноносцѣ!—Первый выходъ.—«Беречь и не рисковать!»—Тяжкая обида . . . . . 18—35

Глава III. — «Эскадра» подъ высокой рукой адмирала Алексѣева.—Личныя наблюденія.—Разсказы участниковъ и очевидцевъ про 26 и 27 января.—Жизнь порта и портовые обычаи.—Первая попытка японцевъ «закупорить» П.-Артуръ.—Начало разоруженія судовъ.—Въ ожиданіи пріѣзда С. О. Макарова . . . . . 35—61

Глава IV. — Прибытіе С. О. Макарова.—Подъемъ духа.—Первая бомбардировка съ моря.—Обученіе эскадры выполненію простѣйшихъ перестроеній. — На боевомъ кораблѣ. — Печальные итоги стоянки въ резервѣ.—Макаровскія директивы . . . . . 61—82

Глава V. — Артурская эскадра подъ командой С. О. Макарова.—Роковой день 31 марта.—«Голова пропала!» . . . . . 82—105

Глава VI — Послѣ гибели С. О. Макарова.—Флагъ Намѣстника на «Севастополѣ». — Третья попытка японцевъ запереть эскадру.—Бѣгство адмирала Алексѣева изъ Портъ-Артура.—«Великая Хартія отреченія» . . . . . 105—125

Глава VII. — Сила рѣшеній «великой хартіи».—Неиспользованная удача 2 мая.—Разоруженіе судовъ.—

Стр.

Бой при Кинь-Чжоу.—Дословно изъ дневника.—Водобоязнь!—В. К. Витгефтъ.—Междоусобная брань.—Оживленіе надеждъ на выходъ въ море.—Загадочный случай 2 іюня . . . . . 125—143

Глава VIII. — «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?» и «Хвалилась синица море зажечь!»...—Выходъ эскадры 10 іюня.—«Богъ пронесъ!»—Неожиданное отступленіе. — Начало конца. — Возстановленіе дежурства крейсеровъ на внѣшнемъ рейдѣ.—Поддержка сухопутныхъ войскъ съ моря . . 143—159

Глава IX. — Служба въ охранѣ.—Зловѣщіе признаки деморализаціи.—Іюльскіе бои за Лунвантанъ и Зеленыя горы.—Тяжкая утрата для нашего крейсера.—Начало тѣсной осады.—Сюрпризъ со снарядами. — Флотъ на сухопутномъ фронтѣ . . . . . 160—176

Глава X. — Крутой поворотъ въ настроеніи личнаго состава.—Начало конца крѣпости.—Еще загадочный случай.—Наши послѣдніе дни въ П.-Артурѣ.—Выходъ эскадры 28 іюля.—Бой при Шантунгѣ . . . . . 176—201

Глава XI. — Прорывъ «Діаны».—Сюрпризъ съ углемъ.—«Мои приказанія должны быть въ точности исполнены. Надѣюсь?..»—Походъ на югъ.—Конецъ боевой службы «Діаны» . . . . . 201—218

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОХОДЪ ВТОРОЙ ЭСКАДРЫ.

Глава I. — Отъ Сайгона до Либавы.—Выходъ эскадры изъ аванъ-порта. — Первыя впечатлѣнія.—Бесѣда со старымъ соплавателемъ.—Въ званіи пассажира при штабѣ адмирала Рожественскаго.—«Къ непосредственному боевому опыту надо относиться съ тщательной критикой...» 221—245

Глава II. — Первый переходъ—первая аварія.—Стоянка у Факьеберга.—Попытка плаванія съ траломъ впереди.—Походъ Бельтомъ.—Нашъ безпроволочный телеграфъ.—Стоянка у Скагена.—Эпизодъ съ «Камчаткой».—Примѣта.—«Гульскій инцидентъ».—Плаваніе Каналомъ и Бискайкой.—100 приказовъ и 400 циркуляровъ.—«Эскадра» или «армада»? . . . . . 246—264

Стр.

Глава III. — Прибытіе въ Виго.—Нѣсколько словъ по поводу разрѣшенія Гульскаго инцидента.—Изъ Виго въ Танжеръ.—Англійскій конвой.—Завѣты Пророка.—Моя позиція въ штабѣ.—Дакаръ.—«Либо поворачивай оглобли, либо рискуй опрокидонтомъ». — Черная лихорадка.— Габунъ . . . . . 264—283

Глава IV. — Ученья и занятія на походѣ.—Great-fish bay и сердитый «Лимпопо».—Angra Pequena и милѣйшіе маіоры.—Вѣсти о взятіи японцами Высокой горы и о сюрпризахъ, приготовленныхъ въ Дурбанѣ.—У мыса Доброй Надежды.—Штормъ.—У береговъ Мадагаскара.—Вѣсти о гибели первой эскадры.—Адмиралъ и «шпицъ» . . . . . 208—301

Глава V. — Пошли «выволакивать» отрядъ к.-а. Фелькерзама.—День Рождества на «Суворовѣ».—Настроеніе на отрядѣ к.-а. Фелькерзама.—Измѣна Hamburg-America Linie.—«Приказано ждать...»—Характеристика «армады» въ приказахъ командующаго ею.—Плохія примѣты.—Кое-что мое.—Опять «Сляби-Арко»!—Минные катера, какъ оружіе.—Попытка двухъ-сторонняго маневрированія . . . . . 301—324

Глава VI. — Настроеніе на эскадрѣ.—Молчаніе адмирала.—Газеты изъ Россіи.—Впечатлѣніе проповѣди г. Кладо на офицеровъ.—Ея деморализующее вліяніе на команду.—Голосъ изъ Манджуріи о томъ-же.—Телеграмма № 244 и отвѣтъ на нее.—Тягость стоянки.—Одна изъ ночей въ Носи-бэ . . . . . 324 - 343

Глава VII. — Вопросы пищевого довольствія командъ.—«Удираемъ отъ Небогатова!»—Подъемъ духа.—Маршрутъ.—Общая характеристика похода черезъ океанъ: ученья и занятія, погрузки угля . . . . . 343—353

Глава VIII. — Дневникъ похода черезъ океанъ.—Малаккскій проливъ.—Шествіе въ виду Сингапура.—Мысли въ безсонную ночь.—Совѣтъ; три мнѣнія...—Англо-японскіе развѣдчики.—День 30 марта.—«Не судьба!»—Прибытіе въ Камранхъ . . . . . 354—371

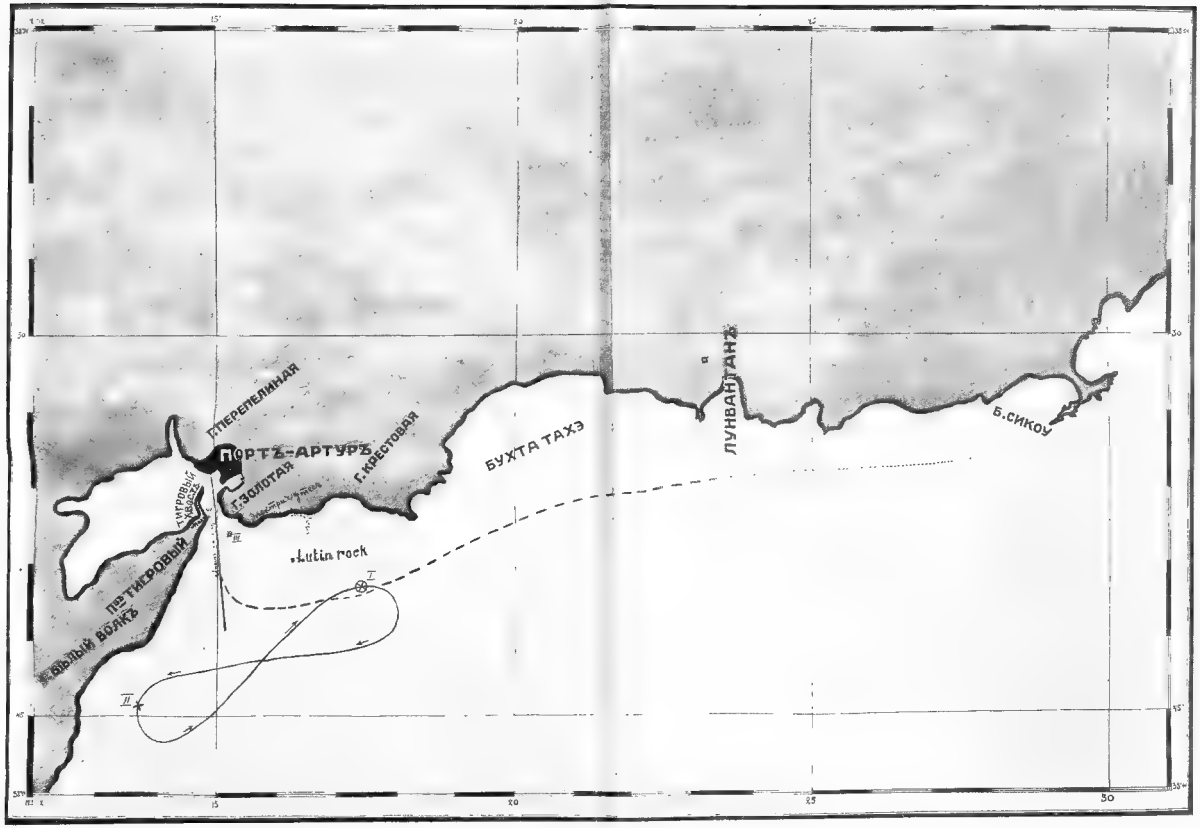
Глава IX. — Игра судьбы.—Адмиралъ Жонкьеръ.—Выселеніе въ 24 часа.—Начало скитанія у береговъ Аннама.—Журналъ «скитанія».—Настроеніе на эскадрѣ.—Слово «невозможно» существуетъ.—Агонія армады.—Побѣдителей не

Стр.

судятъ.—Свѣдѣнія объ японцахъ.—«Подъ гору, чѣмъ дальше, тѣмъ круче» . . . . . 371—393

Глава X. — Впечатлѣніе отъ прибытія «самотоповъ». — Спѣшные сборы въ послѣдній походъ.—Два слова о здоровьѣ.—«Умри, но пересади адмирала!»—Кое-что изъ разговоровъ съ лейтенантомъ С.—По поводу мечтаній о временной базѣ.—Съ кѣмъ—«съ нами» или «съ ними»—былъ «Богъ браней».—Выборъ пути во Владивостокъ.—Соображенія навигаціонныя. - Соображенія тактическія: внезапность, наличіе всѣхъ силъ въ рѣшительный моментъ, нравственный элементъ, вопросы снабженія . . . 394—414

Глава XI. — Дневникъ послѣдняго перехода.—«Къ расплатѣ!» . . . . . 414—420



Г. ПЕРЕПЕЛИНАЯ
ПОРТЪ-АРТУРЪ
Г. ЗОЛОТАЯ
Г. КРЕСТОВАЯ
БУХТА ТАХЭ
ЛУНВАНТАНЪ
Б. СИКОУ
ТИГРОВЫЙ ХВОСТЪ
Пр. ТИГРОВЫЙ
Г. БѢЛЫЙ ВОЛКЪ
Lutin rock
I
II
III
15
20
25
30

ПЛАНЪ БЕРЕГА
ОТЪ БѢЛАГО ВОЛКА ДО СИКОУ

Условные знаки:

——————— — Обычное крейсированіе эскадры на внѣшнемъ рейдѣ при появленіи главныхъ сихъ непріятеля. (Макаровская восьмерка).

– – – – – – – – – – — Обычный путь крейсеровъ, канонерокъ и миноносцевъ при выходахъ для поддержки съ моря нашего праваго фланга.

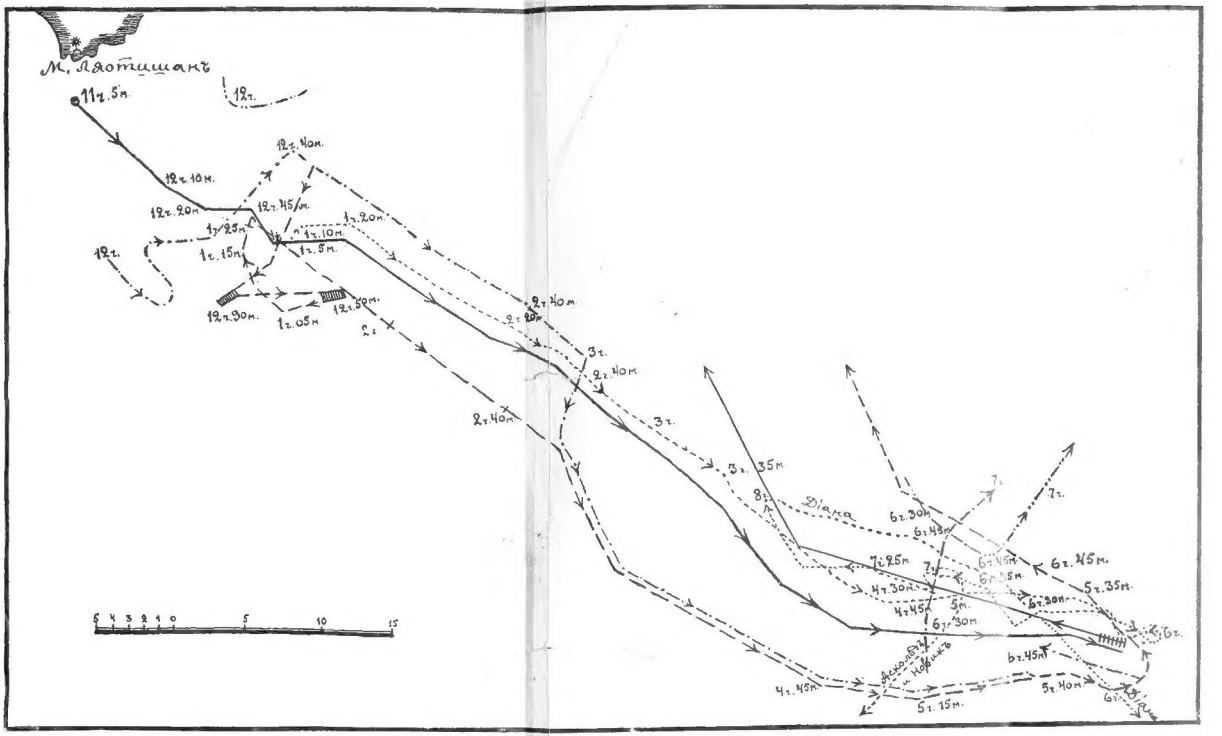
..... — Набѣги миноносцевъ съ той же цѣлью.

I — Мѣсто гибели „Петропавловска“.

II — Мѣста взрыва „Побѣды“.

III — Мѣсто дежурнаго крейсера.

ГПИБ России


М. Ляотишанъ
11ч.5м.
12ч.
12ч.40м.
12ч.10м.
12ч.20м.
12ч.45м.
1ч.25м.
1ч.20м.
1ч.10м.
1ч.15м.
1ч.5м.
12ч.
12ч.30м.
1ч.05м.
12ч.50м.
2ч.40м.
2ч.20м.
3ч.
2ч.40м.
2ч.40м.
3ч.
3ч.35м.
8ч.
Діана
6ч.30м.
6ч.45м.
7ч.
7ч.
7ч.25м.
7ч.
6ч.45м.
6ч.45м.
6ч.45м.
5ч.35м.
4ч.30м.
4ч.45м.
5м.
6ч.30м.
6ч.30м.
6ч.
6ч.45м.
Аскольдъ и Новикъ
4ч.45м.
5ч.15м.
5ч.40м.
6ч.
Діана
5 4 3 2 1 0 5 10 15

Приложеніе II.

ПЛАНЪ

МАНЕВРИРОВАНІЯ РУССКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЭСКАДРЪ

Въ бою 28 іюля 1904 г.

По записямъ и наблюденіямъ съ крейсера „Діана“.

Условные знаки:

———————— — Русская броненосная эскадра.

..... — Русскіе бронепалубные крейсера.

– – – – – – – – – — Японская броненосная эскадра.

–·–·–·–·–·–·– — Японскій развѣдочный отрядъ (легкіе крейсера — „собачки“).

–··–··–··–··– — Чинъ-Іенъ и старые крейсера.